This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

**Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

**About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 3433 07855428 8

Digitized by Google

Digitized by Google

122'
1859

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

# ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

# ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

ТОМЪ CXXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1859.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
555052
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1913

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Ком... ...ненное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 9 января 1859 года.

Цензоры В. Бенитовъ и И. Гончаровъ.

Digitized by Google

# ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

## 1859.

### ЯНВАРЬ.


СТР.

ОБЛОМОВЪ. Романъ. И. А. ГОНЧАРОВА *Часть первая*..... 1
ГОРЬКІЯ СЛЕЗЫ. Стихотв. И. НИКИТИНА..... 143
«ДѢТСТВО ВЕСЕЛОЕ, ДѢТСКІЯ ГРЁЗЫ». Стихотв. И. НИКИТИНА ..... 144
О ФИНАНСОВОМЪ ПРОЕКТѢ, касающемся улучшенія быта крестьянъ. М—ВА ..... 145
О НѢКОТОРЫХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ XVI-го И XVII-го СТОЛѢТІЙ. *Статья первая*. Н. В. ПАВЛОВА ..... 163
ВЕСНА. *Стихотв*. М. Н. РОЗЕНГЕЙМА..... 176
ОБЪ ОТМѢНѢ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ТРУДА, безъ нарушенія интересовъ помѣщиковъ и безъ принятія со стороны правительства общихъ финансовыхъ мѣръ къ выкупу земель. А. ВОРОШИЛОВА..... 179
МЫСЛИ объ устройствѣ сельскихъ обществъ (Дополненіе къ «Обзору статей по крестьянскому вопросу»). Н. Г. СЛАВИНСКАГО ..... 199
ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ и направленіе дѣятельности акціонерныхъ обществъ въ Россіи. Д. М ..... 227
О НОВОМЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКАГО УПРАВЛЕНІЯ (по поводу статьи кн. Черкасскаго въ № 9 «Сельскаго Благоустройства»). О. С..... 243


Digitized by Google

стр.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Тысяча душъ. Романъ. *А. Писемскаго*. Статья с. с. дудышкина. (стр. 1). — Исторія русской словесности. Ч. III. Лекціи *С. Шевырева*. Статья ск. ч. (стр. 21). — Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII-го столѣтія, *В. Лешкова*. Статья ск. ч. (стр. 21). — Черноморскіе Казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту, соч. *И. Попки*. (стр. 37).—Драматическія Сочиненія Шекспира, переводъ *Н. Кетчера*, ч. 5. (стр. 43). Руководство къ качественному химическому анализу К. Р. Фрезеніуса, переводъ *М. Терехова*. (стр. 45).—Руководство къ анализу органическихъ тѣлъ, Ю. Либиха, перев. *М. Терехова* (стр. 50).—Руководство къ анализу органическихъ веществъ, Ю. Либиха, перев. *В. Струбинскаго*. (стр. 51). — Наставленіе о томъ, какъ мыть бѣлье, *Гл. Щигровской*. (стр. 52). — Домашнія птицы, изд. *А. Любимова* и *И. Евдокимова* (стр. 53).

---

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.

Вопросъ о критикѣ. — Poetik. — Die Dichtkunst und ihre Technik, vom Standpunkte der Neuzeit, von *Rudolph Gottschall*. Breslau, 1858. — Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen, von *F. Vischer*.—Geschichte der Aesthetik, als philosophische Wissenschaft, von D-r. *Robert Zimmermann*. Wien, 1858). П. Е. В—ВА..... 1

Статистика. — Ученое суевѣріе иныхъ гг. статистиковъ. — Таблица смертности отъ крупа въ Парижѣ, составленная на основаніи офиціальныхъ данныхъ. — Споръ, возникшій между гг. Бушю, Рожеромъ и Зé, Бартецомъ о причинахъ усиленія смертности отъ крупа. — Произволъ въ истолкованіи данныхъ, представляемыхъ большею частью статистическихъ таблицъ, Ѳ. А. В—НА..... 15

Астрономія.—Появленіе кометы Энке въ 1858 году.—Споръ, возникшій по этому случаю между гг. Леверрье, Энке и Фэ, о существованіи сопротивляющейся среды въ небесномъ про-

Digitized by Google

стр.

странствѣ.—Предположенія г. Фэ о плотности кометныхъ хвостовъ и отталкивательной силѣ солнца. Ѳ. А. В—ИА..... 25

Сельское хозяйство.—Результаты изслѣдованій надъ болѣзнью картофеля, произведенныхъ по порученію прусской экономической коллегіи Германомъ Шахтомъ.—Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдованій надъ сорго..... 41

Ученыя новости. (Новое сочиненіе объ этнографіи Австріи.—«Труды» русской миссіи въ Китаѣ въ переводѣ на нѣмецкій и англійскій языки. — Географико-статистическая энциклопедія Вильгельма Гофмана.—«Парижскія тайны» Ежена Сю въ переводѣ на еврейскій языкъ. — Образованіе въ Петербургѣ отдѣла московскихъ комитетовъ акклиматизаціи животныхъ и растеній.— Что́ должно содержаться въ зоологическомъ саду? —Мнѣніе Исидора Жоффруа С.-Илера.— Кьюсскій ботаническій садъ.—Новый родъ сахара въ незрѣлыхъ бобахъ.—Новая ткань «пита». — Добываніе виннаго спирта изъ кактуса. — Паровыя пожарныя трубы.—Нормальный діапазонъ. — Приготовленіе искусственнымъ образомъ драгоцѣнныхъ камней. — Алмазы на Уралѣ. — Эвкласъ и сапфиръ въ Уральскихъ Горахъ. — Астрономическія открытія въ прошломъ 1858 году. — Изслѣдованія Бюдра надъ нарастаніемъ машинъ. — Вліяніе глубокихъ и ускоренныхъ вдыханій на болѣзни сердца и лёгкихъ.—Новыя философскія сочиненія.—Беръ, членъ-корреспондентъ парижской академіи наукъ..... 54

---

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.—Правительственныя распоряженія (стр. 1). —Очеркъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за 1858 годъ (стр. 3). — Засѣданія ученыхъ и экономическихъ обществъ: географическаго, московскаго сельскаго хозяйства и его комитетовъ, комитета для распространенія грамотности въ Россіи (стр. 17). — Общество морскихъ врачей въ Петербургѣ, цѣль его занятій и ожидаемая польза (стр. 21).—Крестьяне-собственники: первыя мѣры правительства къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» (стр. 23). — Пожертвованія

Digitized by Google

стр.

со стороны городскихъ и дворянскихъ обществъ (стр. 30). — Торговля чаемъ и чайная контрабанда. (стр. 35). — Общество волжско-донской желѣзной дороги: отчетъ учредителей; рѣчь г. Погодина и избраніе директоровъ (стр. 37). — Новости Петербурга: памятникъ В. А. Жуковскому; окончаніе перестройки петропавловскаго шпица; новыя правила о починкѣ петербургскихъ мостовыхъ; развалившійся новый домъ; публичныя чтенія о естественныхъ наукъ и лецкіи о музыкѣ; продолженіе дебютовъ г. Айра Ольдриджа; г. Самойловъ въ роли короля Лира; новости русской и французской сцены (стр. 39).

---

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. *Статья третья и послѣдняя.* **и. д.**..... 1

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОКОЙНОМЪ АКАДЕМИКѢ П. А. ѲЕДОТОВѢ. **и. можайскаго**..... 15.

---

ИЗЪ РЕГИСТРАТУРЫ. Разсказъ *Конрада Эрнста* (въ приложеніи).

---

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) *Парижская картинка дамскихъ модъ;* 2) Объявленіе о пріемѣ пожертвованій для сооруженія на развалинахъ Херсониса храма св. Владиміра и инвалиднаго дома для увѣчныхъ и престарѣлыхъ морскихъ чиновъ; 3) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова; 4) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ г. Дюфура; 5) о новыхъ мудыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. Бернарда; 6) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. Битнера.

Digitized by Google

R. 1.50 (1859, 2, 11)

# ОБЛОМОВЪ.

## РОМАНЪ.

*Часть первая.*

---

### I.

Въ Гороховой Улицѣ, въ одномъ изъ большихъ домовъ, народонаселенія котораго стало бы на цѣлый уѣздный городъ, лежалъ утромъ въ постели, на своей квартирѣ, Илья Ильичъ Обломовъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-двухъ-трехъ отъ-роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала въ глазахъ, садилась на полуотворенныя губы, пряталась въ складкахъ лба, потомъ совсѣмъ пропадала и тогда во всемъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности. Съ лица безпечность переходила въ позы всего тѣла, даже въ складки шлафрока. Иногда взглядъ его помрачался выраженіемъ будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука, не могли ни на минуту согнать съ лица мягкость, которая была господствующимъ и основнымъ выраженіемъ, не лица только, а всей души, которая такъ открыто и ясно сквозилась въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ движеніи головы, рукй. И поверхностно-наблюдательный, холодный человѣкъ, взглянувъ мимоходомъ на Обломова, сказалъ бы: «добрякъ долженъ быть, простота!» Человѣкъ поглубже и посимпатичнѣе, долго вглядываясь въ лицо его, отошелъ бы въ пріятномъ раздумьѣ, съ улыбкой. Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно-блѣдный, а такъ, безраз-



Кушнел. Отдѣл. 1/9/13

Digitized by Google

личный, или казался такимъ, можетъ-быть, потому, что Обломовъ какъ-то обрюзгъ не по лѣтамъ: отъ недостатка ли движенія, или воздуха, а можетъ-быть, того и другаго. Вообще же тѣло его, судя по матовому, черезчуръ-бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ-изнѣженнымъ для мужчины. Движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и нелишенною своего рода граціи лѣнью. Если на лицо набѣгала изъ души туча заботы, взглядъ туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнѣній, печали, испуга; но рѣдко тревога эта застывала въ формѣ опредѣленной идеи, еще рѣже превращалась въ намѣреніе. Вся тревога разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ.

Ка́къ шелъ домашній костюмъ Обломова къ покойнымъ чертамъ лица его и къ изнѣженному тѣлу! На немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, настоящій восточный халатъ, безъ малѣйшаго намека на Европу, безъ кистей, безъ бархата, безъ таліи, весьма-помѣстительный, такъ-что и Обломовъ могъ дважды завернуться въ него и все еще бы осталось матеріи на какой-нибудь парижскій полуфракъ. Рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире-и-шире. Хотя халатъ этотъ и утратилъ свою первоначальную свѣжесть и мѣстами замѣнилъ свой первобытный естественный лоскъ другимъ, благопріобрѣтеннымъ, но все еще сохранялъ яркость восточной краски и прочность ткани.

Халатъ имѣлъ въ глазахъ Обломова тьму неоцѣненныхъ достоинствъ: онъ мягокъ, гибокъ: тѣло не чувствуетъ его на себѣ; онъ, какъ послушный рабъ, покоряется самомалѣйшему движенію тѣла.

Обломовъ всегда ходилъ дома безъ галстуха и безъ жилета, потому-что любилъ просторъ и приволье. Туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ, не глядя, опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ съ-разу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больнаго, или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его нормальнымъ состояніемъ. Когда онъ былъ дома—а онъ былъ почти всегда дома—онъ все лежалъ, и все постоянно въ одной комнатѣ, гдѣ мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетомъ и пріемной. У него было еще три комнаты, но онъ рѣдко туда заглядывалъ, утромъ развѣ, и то не всякій день, когда человѣкъ мелъ кабинетъ его, чего всякій день не дѣ-

Digitized by Google

малось. Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, сторы спущены.

Комната, гдѣ лежалъ Илья Ильичъ, съ перваго взгляда казалась прекрасно-убранною. Тамъ стояло бюро краснаго дерева, два дивана, обитые шелковою матеріею, красивыя ширмы, съ вышитыми, небывалыми въ природѣ птицами и плодами. Были тамъ шелковые занавѣсы, ковры, нѣсколько картинъ, бронза, фарфоръ и множество красивыхъ мелочей. Но опытный глазъ человѣка съ чистымъ вкусомъ, однимъ бѣглымъ взглядомъ на все, что́ тутъ было, прочелъ бы только желаніе кое-какъ соблюсти de corum неизбѣжныхъ приличій, лишь бы отдѣлаться отъ нихъ. Обломовъ хлопоталъ, конечно, только объ этомъ, когда убиралъ свой кабинетъ. Утонченный вкусъ не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграціозными стульями краснаго дерева, шаткими этажерками. Задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало.

Точно тотъ же характеръ носили на себѣ и картины, и вазы, и мелочи.

Самъ хозяинъ, однако, смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ-будто спрашивалъ глазами: «кто сюда натащилъ и наставилъ все это?» Отъ такого холоднаго воззрѣнія Обломова на свою собственность, а, можетъ-быть, и еще отъ болѣе-холоднаго воззрѣнія на тотъ же предметъ слуги его, Захара, видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе поражалъ господствующею въ немъ запущенностью и небрежностью. По стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркала, вмѣсто того, чтобъ отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями, для записыванія на нихъ по пыли какихъ-нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ. На диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки.

Еслибъ не эта тарелка да неприслоненная къ постели, только-что выкуренная трубка, или не самъ хозяинъ, лежащій на ней, то можно было бы подумать, что тутъ никто не живетъ—такъ все запылилось, полиняло и вообще лишено было живыхъ слѣдовъ человѣческаго присутствія. На этажеркахъ, правда, лежали, двѣ-три развернутыя книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница съ перьями; но страницы, на которыхъ развернуты были

Digitized by Google

книги, покрылись пылью и пожелтѣли: видно, что ихъ бросили давно; нумеръ газеты былъ прошлогодній, а изъ чернильницы, если обмакнуть въ нея перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха.

Илья Ильичъ проснулся, противъ обыкновенія, очень-рано, часовъ въ восемь. Онъ чѣмъ-то сильно озабоченъ. На лицѣ у него попеременно выступалъ не то страхъ, не то тоска и досада. Видно было, что его одолѣвала внутренняя борьба, а умъ еще не являлся на помощь.

Дѣло въ томъ, что Обломовъ наканунѣ получилъ изъ деревни отъ своего старосты письмо непріятнаго содержанія. Извѣстно, о какихъ непріятностяхъ можетъ писать староста: неурожай, недоимки, уменьшеніе дохода и т. п. Хотя староста и въ прошломъ и въ третьемъ году писалъ къ своему барину точно такія же письма, но и это послѣднее письмо подѣйствовало такъ же сильно, какъ всякій непріятный сюрпризъ.

Легко ли? предстояло думать о средствахъ къ принятію какихъ-нибудь мѣръ. Впрочемъ, надо отдать справедливость заботливости Ильи Ильича о своихъ дѣлахъ. Онъ, по первому непріятному письму старосты, полученному нѣсколько лѣтъ назадъ, ужь сталъ создавать въ умѣ планъ разныхъ перемѣнъ и улучшеній въ порядкѣ управленія своимъ имѣніемъ. По этому плану предполагалось ввести разныя новыя экономическія, полицейскія и другія мѣры. Но планъ былъ еще далеко не весь обдуманъ, а непріятныя письма старосты ежегодно повторялись, побуждали его къ дѣятельности и, слѣдовательно, нарушали покой. Обломовъ сознавалъ необходимость, до окончанія плана, предпринять что-нибудь рѣшительное.

Онъ, какъ только проснулся, тотчасъ же вознамѣрился встать, умыться и, напившись чаю, подумать хорошенько, кое-что сообразить, записать и вообще заняться этимъ дѣломъ, какъ слѣдуетъ. Съ полчаса онъ все лежалъ, мучась этимъ намѣреніемъ; но потомъ разсудилъ, что успѣетъ еще сдѣлать это и послѣ чая, а чай можно пить, по обыкновенію, въ постели, тѣмъ болѣе, что не мѣшаетъ думать и лежа. Такъ и сдѣлалъ. Послѣ чаю онъ уже приподнялся съ своего ложа и чуть было не всталъ; поглядывая на туфли, онъ даже началъ спускать къ нимъ одну ногу съ постели, но тотчасъ же опять подобралъ ее.

Пробило половина десятаго. Илья Ильичъ встрепенулся.

«Что́ жь это я въ-самомъ-дѣлѣ?» сказалъ онъ вслухъ съ доса-

Digitized by Google

дой, «надо совѣсть знать: пора за дѣло! Дай только волю себѣ, такѣ и...»

— Захаръ! закричалъ онъ.

Въ комнатѣ, которая отдѣлялась только небольшимъ корридоромъ отъ кабинета Ильи Ильича, послышалось, сначала точно ворчанье цѣпной собаки, потомъ стукъ спрыгнувшихъ откуда-то ногъ. Это Захаръ спрыгнулъ съ лежанки, на которой обыкновенно проводилъ время, сидя погруженный въ дремоту.

Въ комнату вошелъ пожилой человѣкъ, въ сѣромъ сюртукѣ, съ прорѣхою подъ мышкой, откуда торчалъ клочокъ рубашки, въ сѣромъ же жилетѣ, съ мѣдными пуговицами, съ голымъ, какъ колѣно, черепомъ, и съ необъятно-широкими и густыми, русыми съ просѣдью бакенбардами, изъ которыхъ каждой стало бы на три бороды.

Захаръ не старался измѣнить не только даннаго ему Богомъ образа, но и своего костюма, въ которомъ ходилъ въ деревнѣ. Платье ему шилось по вывезенному имъ изъ деревни образцу. Сѣрый сюртукъ и жилетъ нравились ему и потому, что въ этой полуформенной одеждѣ онъ видѣлъ слабое воспоминаніе ливреи, которую онъ носилъ нѣкогда, провожая покойныхъ господъ въ церковь, или въ гости; а ливрея въ воспоминаніяхъ его была единственною представительницею достоинства барскаго дома Обломовыхъ. Болѣе ничто не напоминало старику барскаго широкаго и покойнаго быта въ глуши деревни. Старые господа умерли, фамильные портреты остались дома и, чай, валяются гдѣ-нибудь на чердакѣ; преданія о старинномъ бытѣ и важности фамиліи все глохнутъ и живутъ только въ памяти немногихъ, оставшихся въ деревнѣ же стариковъ. Поэтому для Захара дорогъ былъ сѣрый сюртукъ: въ немъ, да еще въ кое-какихъ признакахъ, сохранившихся въ лицѣ и манерахъ барина, напоминавшихъ его родителей, и въ его капризахъ, на которые хот онъ и ворчалъ и про-себя и вслухъ, но которые, между-тѣмъ, уважалъ внутренно, какъ проявленіе барской воли, господскаго права, видѣлъ онъ слабые намеки на отжившее величіе. Безъ этихъ капризовъ онъ какъ-то не чувствовалъ надъ собой барина; безъ нихъ ничто не воскрешало молодости его, деревни, которую они покинули давно, и преданій объ этомъ старинномъ домѣ, единственной хроники, веденной старыми слугами, няньками, мамками и передаваемой изъ рода въ родъ. Домъ Обломовыхъ былъ когда-то богатъ и знаменитъ въ своей сторонѣ, но потомъ, Богъ-

Digitized by Google

знаетъ отчего, все бѣднѣлъ, мельчалъ и, наконецъ, незамѣтно потерялся между нестарыми дворянскими домами. Только посѣдѣвшіе слуги дома хранили и передавали другъ другу вѣрную память о минувшемъ, дорожа ею, какъ святынею — вотъ отчего Захаръ такъ любилъ свой сѣрый сюртукъ. Можетъ-быть, и бакенбардами своими онъ дорожилъ потому, что видѣлъ въ дѣтствѣ своемъ много старыхъ слугъ, съ этимъ стариннымъ, аристократическимъ украшеніемъ.

Илья Ильичъ, погруженный въ задумчивость, долго не замѣчалъ Захара. Захаръ стоялъ передъ нимъ молча. Наконецъ онъ кашлянулъ.

— Чтó ты? спросилъ Илья Ильичъ.

— Вѣдь вы звали?

— Звалъ? Зачѣмъ же это я звалъ—не помню! отвѣчалъ онъ, потягиваясь.—Поди пока къ себѣ, а я вспомню.

Захаръ ушелъ, а Илья Ильичъ продолжалъ лежать и думать о проклятомъ письмѣ.

Прошло съ четверть часа.

«Ну, полно лежать!» сказалъ онъ: «надо же встать... А впрочемъ, дай ка я прочту еще разъ со вниманіемъ письмо старосты, а потомъ ужь и встану. Захаръ!»

Опять тотъ же прыжокъ и ворчанье сильнѣе. Захаръ вошелъ, а Обломовъ опять погрузился въ задумчивость. Захаръ стоялъ минуты двѣ, неблагосклонно, немного стороной посматривая на барина и наконецъ, пошелъ къ дверямъ.

— Куда же ты? вдругъ спросилъ Обломовъ.

— Вы ничего не говорите, такъ что жь тутъ стоять-то даромъ? захрипѣлъ Захаръ, за неимѣніемъ другаго голоса, который, по словамъ его, онъ потерялъ на охотѣ съ собаками, когда ѣздилъ съ старымъ бариномъ и когда ему дунуло будто сильнымъ вѣтромъ въ горло. Онъ стоялъ въ полуоборотъ середи комнаты и глядѣлъ все стороной на Обломова.

— А у тебя развѣ ноги отсохли, что ты не можешь постоять? Ты видишь, я озабоченъ — такъ и подожди! Не належался еще тамъ? Сыщи письмо, чтó я вчера отъ старосты получилъ. Куда ты его дѣлъ?

— Какое письмо? Я никакого письма не видалъ, сказалъ Захаръ.

— Ты же отъ почтальйона принялъ его, грязное такое!

— Куда жь его положили—почему мнѣ знать? говорилъ За-

Digitized by Google

харъ, похлопывая рукой по бумагамъ и по разнымъ вещамъ, лежавшимъ на столѣ.

— Ты никогда ничего не знаешь. Ну, вотъ, тамъ въ корзинѣ посмотри! Или не завалилось ли за диванъ? Вотъ спинка-то у дивана до-сихъ-поръ не починена; что̀ бъ тебѣ призвать столяра да починить? Вѣдь ты же изломалъ. Ни о чемъ не подумаешь!

— Я не ломалъ, отвѣчалъ Захаръ:—она сама изломалась; не вѣкъ же ей быть: надо когда-нибудь и изломаться:

Илья Ильичъ не счелъ за нужное доказывать противное.

— Нашелъ, что ли? спросилъ онъ только.

— Вотъ, какія-то письма.

— Не тѣ.

— Ну, такъ нѣтъ больше, говорилъ Захаръ.

— Ну, хорошо, поди! съ нетерпѣніемъ сказалъ Илья Ильичъ: —я встану, самъ найду.

Захаръ пошелъ къ себѣ, но только онъ уперся было руками о лежанку, чтобъ прыгнуть на нее, какъ опять послышался торопливый крикъ: «Захаръ, Захаръ!»

«Ахъ, ты Господи!» ворчалъ Захаръ, отправляясь опять въ кабинетъ: «что̀ это за мученье? Хоть бы смерть скорѣй пришла!»

— Чего вамъ? сказалъ онъ, придерживаясь одной рукой за дверь кабинета и глядя на Обломова, въ знакъ неблаговоленія, до того стороной, что ему приходилось видѣть барина вполглаза, а барину видна была только одна необъятная бакенбарда, изъ которой, такъ и ждешь, что вылетятъ вдругъ двѣ, три птицы.

— Носовой платокъ, скорѣй! Самъ бы ты могъ догадаться: не видишь! строго замѣтилъ Илья Ильичъ.

Захаръ не обнаружилъ никакого особеннаго неудовольствія, или удивленія, при этомъ приказаніи и упрекѣ барина, находя, вѣроятно, съ своей стороны, и то и другое весьма-естественнымъ.

— А кто его знаетъ, гдѣ платокъ? ворчалъ онъ, обходя вокругъ комнату и ощупывая каждый стулъ, хотя и такъ можно было видѣть, что на стульяхъ ничто не лежитъ.

— Все теряете! замѣтилъ онъ, отворяя дверь въ гостиную, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ.

— Куда? здѣсь ищи: я съ третьягодня тамъ не былъ. Да скорѣй же! говорилъ Илья Ильичъ.

— Гдѣ платокъ? нѣту платка! говорилъ Захаръ, разводя руками и озираясь во всѣ углы. — Да вонъ онъ, вдругъ сердито за-

Digitized by Google

хрипѣлъ онъ:—подъ вами! вонъ конецъ торчитъ. Сами лежите на немъ, а спрашиваете платка!

И, не дожидаясь отвѣта, Захаръ пошелъ-было вонъ. Обломову стало немного-неловко отъ собственнаго промаха. Онъ быстро нашелъ другой поводъ сдѣлать Захара виноватымъ.

— Какая у тебя чистота вездѣ: пыли-то, грязи-то, Боже мой! Боже мой! Вонъ, вонъ, погляди-ка въ углахъ-то—ничего не дѣлаешь!

— Ужь коли я ничего не дѣлаю... заговорилъ Захаръ обиженнымъ голосомъ:—стараюсь, стараюсь, жизни не жалѣю! и пыль-то стираю, и мету-то почти каждый день...

Онъ указалъ на средину пола и на столъ, на которомъ Обломовъ обѣдалъ.

— Вонъ, вонъ, говорилъ онъ:—все подметено, прибрано, словно къ свадьбѣ... Чего еще?

— А это что? прервалъ Илья Ильичъ, указывая на стѣны и на потолокъ:—а это? а это? Онъ указалъ и на брошенное со вчерашняго дня полотенце и на забытую на столѣ тарелку съ ломтемъ хлѣба.

— Ну, это, пожалуй уберу, сказалъ Захаръ снисходительно, взявъ тарелку.

— Только это! А пыль по стѣнамъ, а паутина?.. говорилъ Обломовъ, указывая на стѣны.

— Это я къ святой-недѣлѣ убираю: тогда образа́ чищу и паутину снимаю...

— А книги, картины обмести?...

— Книги и картины передъ Рождествомъ: тогда съ Анисьей всѣ шкапы переберемъ. А теперь когда станешь убирать? Вы все дома сидите.

— Я иногда въ театръ хожу да въ гости: вотъ бы...

— Что́ за уборка ночью!

Обломовъ съ упрекомъ поглядѣлъ на него, покачалъ головой и вздохнулъ, а Захаръ равнодушно поглядѣлъ въ окно и тоже вздохнулъ. Баринъ, кажется, думалъ: «Ну, братъ, ты еще больше Обломовъ, нежели я самъ» а Захаръ: чуть-ли не подумалъ: «Врешь! ты только мастеръ говорить мудреныя да жалкія слова, а до пыли и до паутины тебѣ и дѣла нѣтъ».

— Понимаешь ли ты, сказалъ Илья Ильичъ:—что отъ пыли заводится моль? Я иногда даже вижу клопа на стѣнѣ!

— У меня и блохи есть! равнодушно отозвался Захаръ.

Digitized by Google

— Развѣ это хорошо? вѣдь это гадость! замѣтилъ Обломовъ.

Захаръ усмѣхнулся во все лицо, такъ-что усмѣшка охватила даже брови и бакенбарды, которыя отъ этого раздвинулись въ стороны и по всему лицу до самаго лба расплылось красное пятно.

— Чѣмъ же я виноватъ, что клопы на свѣтѣ есть? сказалъ онъ съ наивнымъ удивленіемъ: — развѣ я ихъ выдумалъ?

— Это отъ нечистоты, перебилъ Обломовъ.—Что ты все врешь!

— И нечистоту не я выдумалъ.

— У тебя, вотъ, тамъ, мыши бѣгаютъ по ночамъ—я слышу.

— И мышей не я выдумалъ. Этой твари, что̀ мышей, что̀ кошекъ, что̀ клоповъ вездѣ много.

— Какъ же у другихъ не бываетъ ни моли, ни клоповъ?

На лицѣ Захара выразилась недовѣрчивость, или, лучше сказать покойная увѣренность, что этого не бываетъ.

— У меня всего много, сказалъ онъ упрямо: — за всякимъ клопомъ не усмотришь, въ щелку къ нему не влѣзешь.

А самъ, кажется, думалъ: «да и что за спанье безъ клопа?»

— Ты мети, выбирай соръ изъ угловъ — и не будетъ ничего, училъ Обломовъ.

— Уберешь, а завтра опять наберется, говорилъ Захаръ.

— Не наберется, перебилъ баринъ: — не должно.

— Наберется—я знаю, твердилъ слуга.

— А наберется, такъ опять вымети.

— Какъ это? всякій день, перебирай всѣ углы? спросилъ Захаръ: — да что̀ жь это за жизнь? лучше Богъ по душу пошли!

— Отчего жь у другихъ чисто? возразилъ Обломовъ. — Посмотри напротивъ, у настройщика: любо взглянуть, а всего одна дѣвка...

— У нихъ, у этихъ нѣмцевъ и сору-то негдѣ взять, вдругъ возразилъ Захаръ.— Вы поглядите-ко, какъ они живутъ-то! Вся семья цѣлую недѣлю кость гложетъ. Сюртукъ съ плечъ отца переходитъ на сына, а съ сына опять на отца. На женѣ и дочеряхъ платьишки коротенькія: все поджимаютъ подъ себя ноги, какъ гусыни... Гдѣ они сору-то возьмутъ? У нихъ нѣтъ этого, вотъ, какъ у насъ, чтобъ въ шкапахъ лежала по годамъ куча стараго изношеннаго платья, или набрался цѣлый уголъ корокъ хлѣба за зиму... У нихъ и корка зря не валяется: надѣлаютъ сухариковъ, да съ пивомъ и выпьютъ!

Захаръ даже сквозь зубы плюнулъ, разсуждая о такомъ скаредномъ житьѣ-бытьѣ.

Digitized by Google

— Нечего разговаривать! возразилъ Илья Ильичъ: — ты только рассуждаешь, а ты лучше убирай!

— Иной разъ и убралъ бы, да вы же сами не даете, сказалъ Захаръ.

— Пошелъ свое! все, видишь, я мѣшаю.

— Конечно вы; все дома сидите: какъ при васъ станешь убирать? Уйдите на цѣлый день, такъ и уберу.

— Вотъ еще выдумалъ что́ — уйти! Поди-ка ты лучше къ себѣ.

— Да право! настаивалъ Захаръ.—Вотъ, хоть бы сегодня ушли, мы бы съ Анисьей и убрали все. И то не управимся вдвоемъ-то: надо еще бабъ нанять, перемыть все.

— Э! какія затѣи:—бабъ! Ступай-себѣ, говорилъ Илья Ильичъ.

Онъ ужь былъ не радъ, что вызвалъ Захара на этотъ разговоръ. Онъ все забывалъ, что чуть тронешь этотъ деликатный предметъ, такъ и не оберешься хлопотъ. Обломову и хотѣлось бы, чтобъ было чисто, да онъ бы желалъ, чтобъ это сдѣлалось какъ-нибудь такъ, незамѣтно, само-собой; а Захаръ всегда заводилъ тяжбу, лишь-только начинали требовать отъ него сметанія пыли, мытья половъ и т. п. Онъ въ такомъ случаѣ станетъ доказывать необходимость громадной возни въ домѣ, зная очень-хорошо, что одна мысль объ этомъ приводила барина его въ ужасъ.

Захаръ ушелъ, а Обломовъ погрузился въ размышленія. Чрезъ нѣсколько минутъ пробило еще полчаса.

«Что́ это?» почти съ ужасомъ сказалъ Илья Ильичъ, «одиннадцать часовъ скоро, а я еще не всталъ, не умылся до-сихъ-поръ?» Захаръ, Захаръ!

«Ахъ, ты Боже мой! ну!» послышалось изъ передней и потомъ извѣстный прыжокъ.

— Умыться готово? спросилъ Обломовъ.

— Готово давно! отвѣчалъ Захаръ: — чего вы не встаете?

— Что жь ты не скажешь, что готово? я бы ужь и всталъ давно. Поди же, я сейчасъ иду вслѣдъ за тобою. Мнѣ надо заниматься, я сяду писать.

Захаръ ушелъ, но чрезъ минуту воротился съ исписанной и замасляной тетрадкой и клочками бумаги.

— Вотъ, коли будете писать, такъ ужь кстати извольте и счеты повѣрить: надо деньги заплатить.

— Какіе счеты? какія деньги? съ неудовольствіемъ спросилъ Илья Ильичъ.

Digitized by Google

— Отъ мясника, отъ зеленьщика, отъ прачки, отъ хлѣбника: всѣ денегъ просятъ.

— Только о деньгахъ и забота! ворчалъ Илья Ильичъ. — А ты, что́ понемногу не подаешь счеты, а всѣ вдругъ?

— Вы же вѣдь все прогоняли меня: завтра, да завтра...

— Ну, такъ и теперь развѣ нельзя до завтра?

— Нѣтъ! ужь очень пристаютъ: больше не даютъ въ долгъ. Нынче первое число.

Ахъ! съ тоской сказалъ Обломовъ:—новая забота! Ну, что́ стоишь? положи на столъ. Я сейчасъ встану, умоюсь и посмотрю, сказалъ Илья Ильичъ.—Такъ умыться-то готово?

— Готово? сказалъ Захаръ.

— Ну, теперь...

Онъ началъ-было, кряхтя, приподниматься на постели, чтобъ встать.

— Я забылъ вамъ сказать, началъ Захаръ:—давича, какъ вы еще почивали, управляющій дворника присылалъ: говоритъ, что непремѣнно надо съѣхать... квартира нужна.

— Ну, что́ жь такое? Если нужна, такъ, разумѣется, съѣдемъ. Что ты пристаешь ко мнѣ? Ужь ты третій разъ говоришь мнѣ объ этомъ.

— Ко мнѣ пристаютъ тоже.

— Скажи, что съѣдемъ.

— Они говорятъ: вы ужь съ мѣсяцъ, говорятъ, обѣщали, а все не съѣзжаете; мы, говорятъ, полиціи дадимъ знать.

— Пусть даютъ знать! сказалъ рѣшительно Обломовъ:—мы и сами переѣдемъ, какъ потеплѣе будетъ, недѣли черезъ три.

— Куда недѣли черезъ три! Управляющій говоритъ, что чрезъ двѣ недѣли рабочіе придутъ: ломать все будутъ... «Съѣзжайте, говоритъ, завтра или послѣ завтра...»

— Э-э-э! слишкомъ-проворно: завтра! Видишь, еще что! не сейчасъ ли прикажете? А ты мнѣ не смѣй и напоминать о квартирѣ. Я ужь тебѣ запретилъ разъ, а ты опять. Смотри!

— Что жь мнѣ дѣлать-то? отозвался Захаръ.

— Что жь дѣлать?—вотъ онъ чѣмъ отдѣлывается отъ меня! отвѣчалъ Илья Ильичъ.—Онъ меня спрашиваетъ! Мнѣ что́ за дѣло? Ты не безпокой меня, а тамъ, какъ хочешь, такъ и распорядись, только чтобъ не переѣзжать. Не можетъ постараться для барина!

— Да какъ же, батюшка, Илья Ильичъ, я распоряжусь? началъ мягкимъ сипѣньемъ Захаръ: — домъ-то не мой: какъ же изъ

Digitized by Google

чужаго дома не переѣзжать, коли гонятъ? Кабы мой домъ былъ, такъ я бы съ великимъ моимъ удовольствіемъ...

— Нельзя ли ихъ уговорить какъ-нибудь. «Мы дескать живемъ давно, платимъ исправно».

— Говорилъ, сказалъ Захаръ.

— Ну, что жь они?

— Что! наладили свое: «переѣзжайте, говорятъ, намъ нужно квартиру передѣлывать»: хотятъ изъ докторской и изъ этой одну большую квартиру сдѣлать, къ свадьбѣ хозяйскаго сына.

— Ахъ, ты Боже мой! съ досадой сказалъ Обломовъ: — вѣдь есть же этакіе ослы, что женятся!

Онъ повернулся на спину.

— Вы бы написали, сударь, къ хозяину, сказалъ Захаръ: — такъ, можетъ-быть, онъ бы васъ не тронулъ, а велѣлъ бы сначала, вонъ ту квартиру ломать.

Захаръ при этомъ показалъ рукой куда-то направо.

— Ну, хорошо, какъ встану, напишу... Ты ступай къ себѣ, а я подумаю. Ничего ты не умѣешь сдѣлать, добавилъ онъ: мнѣ и объ этой дряни надо самому хлопотать!

Захаръ ушелъ, а Обломовъ сталъ думать.

Но онъ былъ въ затрудненіи, о чемъ думать: о письмѣ ли старосты, о переѣздѣ ли на новую квартиру, приняться ли сводить счеты? Онъ терялся въ приливѣ житейскихъ заботъ и все лежалъ, ворочаясь съ боку на бокъ. По-временамъ только слышались отрывистыя восклицанія: «ахъ, Боже мой! какъ мудрено жить на свѣтѣ!» и т. п.

Неизвѣстно, долго ли бы еще пробылъ онъ въ этой нерѣшительности, но въ передней раздался звонокъ.

«Ужь кто-то и пришелъ!» сказалъ Обломовъ, кутаясь въ халатъ, «а я еще не вставалъ—срамъ да и только! Кто бы это, такъ рано?»

И онъ, лежа, съ любопытствомъ глядѣлъ на двери.

## II.

Вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, блещущій здоровьемъ, съ смѣющимися щеками, губами и глазами. Зависть брала смотрѣть на него.

Онъ былъ причесанъ и одѣтъ безукоризненно, ослѣплялъ свѣжестью лица, бѣлья, перчатокъ и фрака. По жилету лежала

Digitized by Google

изящная цѣпочка, съ множествомъ мельчайшихъ брелоковъ. Онъ вынулъ тончайшій батистовый платокъ, вдохнулъ ароматы Востока, потомъ небрежно провелъ имъ по лицу, по глянцовитой шляпѣ и обмахнулъ лакированные сапоги.

— А, Волковъ, здравствуйте! сказалъ Илья Ильичъ.

— Здраствуйте, Обломовъ, говорилъ блистающій господинъ, подходя къ нему.

— Не подходите, не подходите: вы съ холода! сказалъ тотъ.

— О, баловень, сибаритъ! говорилъ Волковъ, глядя куда бы положить шляпу, и видя вездѣ пыль, не положилъ никуда; раздвинулъ обѣ полы фрака, чтобъ сѣсть, но, посмотрѣвъ внимательно на кресло, остался на ногахъ.

— Вы еще не вставали! Чтó это на васъ за шлафрокъ? такіе давно бросили носить, стыдилъ онъ Обломова.

— Это не шлафрокъ, а халатъ, сказалъ Обломовъ, съ любовью кутаясь въ широкія полы халата.

— Здоровы ли вы? спросилъ Волковъ.

— Какое здоровье! зѣвая, сказалъ Обломовъ:—плохо: прихлы замучили. А вы кáкъ поживаете?

— Я? ничего: здорово и весело, очень-весело! съ чувствомъ прибавилъ молодой человѣкъ.

— Откуда вы такъ рано? спросилъ Обломовъ.

— Отъ портнаго. Посмотрите, хорошъ фракъ? говорилъ онъ, ворочаясь передъ Обломовымъ.

— Отличный! съ большимъ вкусомъ сшитъ, сказалъ Илья Ильичъ:—только отчего онъ такой широкій сзади?

— Это рейт-фракъ: для верховой ѣзды.

— А! вотъ чтó! Развѣ вы ѣздите верхомъ?

— Какъ же! къ нынѣшнему дню и фракъ нарочно заказывалъ. Вѣдь сегодня первое мая: съ Горюновымъ ѣдемъ въ Екатерингофъ. Ахъ! вы не знаете? Горюнова Мишу произвели — вотъ мы сегодня и отличаемся, въ восторгѣ добавилъ Волковъ.

— Вотъ кáкъ! сказалъ Обломовъ.

— У него рыжая лошадь, продолжалъ Волковъ:—у нихъ въ полку рыжія, а у меня вороная. Вы кáкъ будете: пѣшкомъ, или въ экипажѣ?

— Да... никакъ, сказалъ Обломовъ.

— Перваго мая въ Екатерингофѣ не быть! чтó вы, Илья Ильичъ! съ изумленіемъ говорилъ Волковъ:—да тамъ всѣ!

— Ну, какъ всѣ! нѣтъ, не всѣ! лѣниво сказалъ Обломовъ.

Digitized by Google

— Поѣзжайте, душенька, Илья Ильичъ! Софья Николавна съ Лидіей будутъ въ экипажѣ только двѣ, напротивъ въ коляскѣ есть скамеечка: вотъ бы вы съ ними...

— Нѣтъ, я не усядусь на скамеечкѣ, сказалъ Обломовъ.—Да и что́ стану я тамъ дѣлать?

— Ну, такъ хотите, Миша другую лошадь вамъ дастъ?

— Богъ знаетъ, что́ выдумаетъ! почти про-себя сказалъ Обломовъ.—Что́ вамъ дались Горюновы?

— Ахъ! вспыхнувъ, произнесъ Волковъ:—сказать?

— Говорите!

— Вы никому не скажете—честное слово? продолжалъ Волковъ, садясь къ нему на диванъ.

— Пожалуй.

— Я... влюбленъ въ Лидію, прошепталъ онъ.

— Браво! Давно ли? Она, кажется, такая миленькая, говорилъ Обломовъ.

— Вотъ ужь три недѣли! съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Волковъ.—А Миша въ Дашеньку влюбленъ.

— Въ какую Дашеньку?

— Откуда вы, Обломовъ? Не знаетъ Дашеньки! весь городъ безъ ума, ка̀къ она танцуетъ! Сегодня мы съ нимъ въ балетѣ; онъ броситъ букетъ. Надо его ввести: онъ робокъ, еще новичокъ... Ахъ! вѣдь нужно ѣхать камелій достать...

— Куда еще? Полно вамъ, пріѣзжайте-ка обѣдать: мы бы поговорили. У меня два несчастья...

— Не могу: я у князя Тюменева обѣдаю; тамъ будутъ всѣ Горюновы и она, она... Лидинька, прибавилъ онъ шопотомъ.— Что это вы оставили князя? Какой веселый домъ! на какую ногу поставленъ! А дача? утонула въ цвѣтахъ! галерею пристроили: gothique. Лѣтомъ, говорятъ, будутъ танцы, живыя картины. Вы *будете бывать?*

— Нѣтъ, я думаю, не буду.

— Ахъ, какой домъ! Нынѣшнюю зиму по средамъ меньше пятидесяти человѣкъ не бывало, а иногда набиралось до ста...

— Боже ты мой! вотъ скука-то должна быть адская!

— Ка̀къ это можно? скука! Да чѣмъ больше, тѣмъ веселѣй. Лидія бывала тамъ, я ее все не замѣчалъ, да вдругъ...

Напрасно я забыть ее стараюсь
И страсть хочу разсудкомъ побѣдить...

Digitized by Google

запѣлъ онъ и сѣлъ, забывшись, на кресло, но вдругъ вскочилъ и сталъ отирать пыль съ платья.

— Какая у васъ пыль везде! сказалъ онъ.

— Все Захаръ! пожаловался Обломовъ.

— Ну, мнѣ пора! сказалъ Волковъ:—за камеліями для букета Мишѣ. Au revoir.

— Пріѣзжайте вечеромъ чай пить, изъ балета, разскажете, какъ тамъ что́ было, приглашалъ Обломовъ.

— Не могу, далъ слово къ Муссинскимъ: ихъ день сегодня. Поѣдемте и вы. Хотите я васъ представлю?

— Нѣтъ, что́ тамъ дѣлать?

— У Муссинскихъ? Помилуйте, да тамъ полгорода бываетъ. Какъ что̀ дѣлать? это такой домъ, гдѣ обо всемъ говорятъ...

— Вотъ это-то и скучно, что обо всемъ, сказалъ Обломовъ.

— Ну, посѣщайте Мездровыхъ, перебилъ Волковъ:—тамъ ужь объ одномъ говорятъ, объ искусствахъ; только и слышишь: венеціянская школа, Бетховенъ да Бахъ, Леонардо да-Винчи...

— Вѣкъ объ одномъ и томъ же—какая скука! Педанты, должно-быть! сказалъ, зѣвая Обломовъ.

— На васъ не угодишь: да мало ли домовъ! Теперь у всѣхъ дни: у Савиновыхъ по четверкамъ обѣдаютъ, у Маклашиныхъ — пятницы, у Вязниковыхъ—воскресенья, у князя Тюменева — середы, у меня всѣ дни заняты! съ сіяющими глазами заключилъ Волковъ.

— И вамъ не лѣнь мыкаться изо-дня въ-день?

— Вотъ, лѣнь! что́ за лѣнь? превесело! безпечно говорилъ онъ.—Утро почитаешь, надо быть au courant всего, знать новости. Слава Богу, у меня служба такая, что ненужно бывать въ должности. Только два раза въ недѣлю посижу да пообѣдаю у генерала, а потомъ поѣдешь съ визитами, гдѣ давно не былъ; ну, а тамъ... новая актриса, то на русскомъ, то на французскомъ театрѣ, Вотъ опера будетъ, я абонируюсь. А теперь влюбленъ... Начинается лѣто: Мишѣ обѣщали отпускъ; поѣдемъ къ нимъ въ деревню на мѣсяцъ, для разнообразія. Тамъ охота. У нихъ отличные сосѣди, даютъ bals champêtres. Съ Лидіей будемъ въ рощѣ гулять, кататься въ лодкѣ, рвать цвѣты... Ахъ!.. И онъ перевернулся отъ радости... Однако, пора... Прощайте, говорилъ онъ, напрасно стараясь оглядѣть себя спереди и сзади въ запылёное зеркало.

Digitized by Google

— Погодите, удерживалъ Обломовъ:—я было хотѣлъ поговорить съ вами о дѣлахъ.

— Pardon, нéкогда, торопится Волковъ въ другой разъ.—А не хотите ли со мной ѣсть устрицъ? тогда и разскажете. Поѣдемте, Миша угощаетъ.

— Нѣтъ, Богъ съ вами! говорилъ Обломовъ.

— Прощайте же.

Онъ пошелъ и вернулся.

— Видѣли это? спросилъ онъ, показывая руку, какъ вылитую въ перчаткѣ.

— Что это такое? спросилъ Обломовъ въ недоумѣніи.

— А новыя lacets? видите, какъ стягиваетъ отлично: не мучишься надъ пуговкой два часа; потянулъ снурочекъ—и готово. Это только-что изъ Парижа. Хотите, привезу вамъ на пробу пару?

— Хорошо, привезите! говорилъ Обломовъ.

— А посмотрите это: не правда ли, очень-мило? говорилъ онъ, отъискавъ въ кучѣ брелоковъ одинъ:—визитная карточка съ загнутымъ угломъ.

— Не разберу, чтó написано.

— Pr. prince M. Michel, говорилъ Волковъ, а фамилія Тюменевъ не уписалась; это онъ мнѣ въ пасху подарилъ, вмѣсто яичка. Но прощайте, au revoir. Мнѣ еще въ десять мѣстъ. —Боже мой, чтò это за веселье на свѣтѣ!

И онъ исчезъ.

«Въ десять мѣстъ въ одинъ день—несчастный!» думалъ Обломовъ. «И это жизнь!» Онъ сильно пожалъ плечами. «Гдѣ же тутъ человѣкъ? На чтó онъ раздробляется и разсыпается? Конечно, недурно заглянуть и въ театръ, и влюбиться въ какую-нибудь Лидію... она миленькая! Въ деревнѣ съ ней цвѣты рвать, кататься—хорошо; да въ десять мѣстъ въ одинъ день—несчастный!» заключилъ онъ, перевертываясь на спину и радуясь, что нѣтъ у него такихъ пустыхъ желаній и мыслей, что онъ не мыкается, а лежитъ вотъ тутъ, сохраняя свое человѣческое достоинство и свой покой.

Новый звонокъ прервалъ его размышленія.

Вошелъ новый гость.

Это былъ господинъ въ темнозеленомъ фракѣ съ гербовыми пуговицами, гладко-выбритый, съ темными, ровно окаймлявшими его лицо бакенбардами, съ утружденнымъ, но покойно-сознательнымъ

Digitized by Google

выраженіемъ въ глазахъ, съ сильно-потертымъ лицомъ, съ задумчивой улыбкой.

— Здравствуй, Судьбинскій! весело поздоровался Обломовъ.— Насилу заглянулъ къ старому сослуживцу! Не подходи, не подходи! ты съ холоду.

— Здравствуй, Илья Ильичъ. Давно собирался къ тебѣ, говорилъ гость:—да вѣдь ты знаешь, какая у насъ дьявольская служба! Вонъ, посмотри: цѣлый чемоданъ везу къ докладу; и теперь, если тамъ спросятъ что-нибудь, велѣлъ курьеру скакать сюда. Ни минуты нельзя располагать собой.

— Ты еще на службу? что́ такъ поздно? спросилъ Обломовъ:— бывало, ты съ десяти часовъ...

— Бывало—да́; а теперь другое дѣло: въ двѣнадцать часовъ *ѣзжу*. Онъ сдѣлалъ на послѣднемъ словѣ удареніе.

— А! догадываюсь! сказалъ Обломовъ:—начальникъ отдѣленія! Давно-ли?

Судьбинскій значительно кивнулъ головой.

— Къ Святой, сказалъ онъ.—Но сколько дѣла—ужасъ! Съ восьми до двѣнадцати часовъ дома, съ двѣнадцати до пяти въ канцеляріи, да вечеромъ занимаюсь. Отъ людей отвыкъ совсѣмъ!

— Гм! Начальникъ отдѣленія—вотъ какъ! сказалъ Обломовъ.— Поздравляю! Каковъ? А вмѣстѣ канцелярскими чиновниками служили. Я думаю, на будущій годъ въ статскіе махнешь.

— Куда! Богъ съ тобой! Еще нынѣшній годъ корону надо получить, думалъ «*за* отличіе» представятъ, а теперь новую должность занялъ: нельзя два года сряду...

— Приходи обѣдать, выпьемъ за повышеніе! сказалъ Обломовъ.

— Нѣтъ, сегодня у вице-директора обѣдаю. Къ четверку надо приготовить докладъ—адская работа! На представленія изъ губерній положиться нельзя. Надо провѣрить самому списки. Ѳома Ѳомичъ такой мнительный: все хочетъ самъ. Вотъ сегодня вмѣстѣ послѣ обѣда и засядемъ.

— Уже-ли и послѣ обѣда? спросилъ Обломовъ недовѣрчиво.

— А какъ ты думалъ? Еще хорошо, если пораньше отдѣлаюсь, да успѣю хотъ въ Екатерингофъ прокатиться... Да́, я заѣхалъ спросить: не поѣдешь ли ты на гулянье? я бы заѣхалъ...

— Нездоровится что-то, не могу! сморщившись сказалъ Обломовъ:—да и дѣла м[illegible]... нѣтъ не могу!

— Жаль! сказалъ Судьбинскій, а день хорошъ. Только сегодня и надѣюсь вздохнуть.



Digitized by Google

— Ну, что новаго у васъ? спросилъ Обломовъ.

— Да много кое-чего: въ письмахъ отмѣнили писать «покорнѣйшій слуга», пишутъ «примите увѣреніе», формулярныхъ списковъ не два экземпляра не велѣно представлять. У насъ прибавляютъ три стола и двухъ чиновниковъ особыхъ порученій. Нашу коммиссію закрыли... Много!

— Ну, а что наши бывшіе товарищи?

— Ничего пока; только Свинкинъ дѣло потерялъ!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Что жь директоръ? спросилъ Обломовъ дрожащимъ голосомъ. Ему по старой памяти страшно стало.

— Велѣлъ задержать награду, пока не отъищется. Дѣло важное: «о взысканіяхъ». Директоръ думаетъ, почти шопотомъ прибавилъ Судьбинскій:—что онъ потерялъ его... нарочно.

— Не можетъ быть! сказалъ Обломовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! это напрасно, съ важностью и покровительствомъ подтвердилъ Судьбинскій: — Свинкинъ вѣтреная голова. Иногда, чортъ знаетъ, какіе тебѣ итоги выведетъ, перепутаетъ всѣ справки. Я измучился съ нимъ; а только нѣтъ, онъ не замѣченъ ни въ чемъ такомъ... онъ не сдѣлаетъ, нѣтъ, нѣтъ! Завалялось дѣло гдѣ-нибудь; послѣ отъищется.

— Такъ вотъ какъ: все въ трудахъ! говорилъ Обломовъ:—работаешь.

— Ужасъ, ужасъ! Ну, конечно, съ такимъ человѣкомъ, какъ Ѳома Ѳомичъ пріятно служить: безъ наградъ не оставляетъ; кто и ничего не дѣлаетъ, и тѣхъ не забудетъ. Какъ вышелъ срокъ—за отличіе, такъ и представляетъ; кому не вышелъ срокъ—къ чину, къ кресту, деньги выхлопочетъ...

— Ты сколько получаешь?

— Да что: 1200 р. жалованья, особо столовыхъ 750, квартирныхъ 600, пособія 900, на разъѣзды 500, да награды рублей до 1000.

— Фу! чортъ возьми! сказалъ, вскочивъ съ постели, Обломовъ:—голосъ, что ли, у тебя хорошъ? точно итальянскій пѣвецъ!

— Что еще это! Вонъ Пересвѣтовъ прибавочныя получаетъ, а дѣла-то меньше моего дѣлаетъ и не смыслитъ ничего. Ну, конечно, онъ не имѣетъ той репутаціи. Меня очень цѣнятъ, скромно прибавилъ онъ, потупя глаза:—[illegible]стръ недавно выразился про меня, что я «украшеніе министерства».

— Молодецъ! сказалъ Обломовъ. — Вотъ только работать съ

Digitized by Google

восьми часовъ до двѣнадцати, съ двѣнадцати до пяти, да дома еще — ой, ой!

Онъ покачалъ головой.

— А что жь бы я сталъ дѣлать, еслибъ не служилъ? спросилъ Судьбинскій.

— Мало ли что! читалъ бы, писалъ... сказалъ Обломовъ.

— Я и теперь только и дѣлаю, что читаю и пишу.

— Да это не то; ты бы печаталъ...

— Не всѣмъ же быть писателями. Вотъ и ты, вѣдь, не пишешь, возразилъ Судьбинскій.

— За-то у меня имѣніе на рукахъ, со вздохомъ сказалъ Обломовъ: — я соображаю новый планъ; разныя улучшенія вожу. Мучаюсь, мучаюсь... А ты вѣдь чужое дѣлаешь, не свое.

— Что жь дѣлать! надо работать, коли деньги берешь. Лѣтомъ отдохну: Ѳома Ѳомичъ обѣщаетъ выдумать командировку нарочно для меня... вотъ тутъ получу прогоны на пять лошадей, суточныхъ рубля по три въ сутки, а потомъ награду...

— Экъ ломятъ! съ завистью говорилъ Обломовъ, потомъ вздохнулъ и задумался.

— Деньги нужны: осенью женюсь, прибавилъ Судьбинскій.

— Что ты! въ-самомъ-дѣлѣ? съ участіемъ сказалъ Обломовъ.

— Не шутя, на Мурашиной. Помнишь, подлѣ меня на дачѣ жили? Ты пилъ чай у меня и, кажется, видѣлъ ее.

— Нѣтъ, не помню; хорошенькая? спросилъ Обломовъ.

— Да, мила. Поѣдемъ, если хочешь, къ нимъ обѣдать...

Обломовъ замялся.

— Да... хорошо, только...

— На той недѣлѣ, сказалъ Судьбинскій.

— Да, да, на той недѣлѣ, обрадовался Обломовъ: — у меня еще платье не готово. Что жь, хорошая партія?

— Да; отецъ дѣйствительный статскій совѣтникъ; десять тысячъ даетъ, квартира казенная. Онъ намъ цѣлую половину отвелъ, двѣнадцать комнатъ; мебель казенная, отопленіе, освѣщеніе тоже: можно жить...

— Да, можно! еще бы! Каковъ Судьбинскій! прибавилъ не безъ зависти Обломовъ.

— На свадьбу, Илья Ильичъ, шаферомъ приглашаю: смотри...

— Какъ же, непремѣнно! сказалъ Обломовъ. — Ну, а что Кузнецовъ, Васильевъ, Маховъ?

— Кузнецовъ женатъ давно, Маховъ на мое мѣсто поступилъ,

Digitized by Google

а Васильева перевели въ Польшу. Ивану Петровичу дали Владиміра, Олешкинъ — его превосходительство.

— Онъ добрый малый! сказалъ Обломовъ.

— Добрый, добрый; онъ стóитъ.

— Очень-добрый, характеръ мягкій, ровный, говорилъ Обломовъ.

— Такой обязательный, прибавилъ Судьбинскій: — и нѣтъ этого, знаешь, чтобъ выслужиться, подгадить, подставить ногу, опередить... все дѣлаетъ, чтó можетъ.

— Прекрасный человѣкъ! Бывало, напутаешь въ бумагѣ, не доглядишь, не то мнѣніе или законы подведешь въ запискѣ, ничего; велитъ только другому передѣлать. Отличный человѣкъ! заключилъ Обломовъ.

— А вотъ нашъ Семенъ Семенычъ такъ неисправимъ, сказалъ Судьбинскій: — только мастеръ пыль въ глаза пускать. Недавно чтó онъ сдѣлалъ: изъ губерній поступило представленіе, о возведеніи при зданіяхъ, принадлежащихъ нашему вѣдомству, собачьихъ конуръ, для сбереженія казеннаго имущества отъ расхищенія; нашъ архитекторъ человѣкъ дѣльный, знающій и честный, составилъ очень-умѣренную смету; вдругъ показалась ему велика, и давай наводить справки, чтó можетъ стоить постройка собачьей конуры? нашелъ гдѣ-то тридцатью копейками меньше — сейчасъ докладную записку...

Раздался еще звонокъ.

— Прощай, сказалъ чиновникъ: — я заболтался, что-нибудь понадобится тамъ...

— Посиди еще, удерживалъ Обломовъ. — Кстати я посовѣтуюсь съ тобой: у меня два несчастья...

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше опять заѣду на-дняхъ, сказалъ онъ, уходя.

«Увязъ, любезный другъ, по уши увязъ» думалъ Обломовъ, провожая его глазами». И слѣпъ, глухъ и нѣмъ для всего остальнаго въ мірѣ. А выйдетъ въ люди, будетъ современемъ ворочать дѣлами и чиновъ нахватаетъ... У насъ это называется тоже карьерой! А кáкъ мало тутъ человѣка-то нужно: ума его, воли, чувства — зачѣмъ это? роскошь! И проживаетъ свой вѣкъ, и не пошевелится въ немъ многое, многое... А между-тѣмъ работаетъ съ двѣнадцати до пяти въ канцеляріи, съ восьми до двѣнадцати дома — несчастный!» Онъ испыталъ чувство мирной радости, что онъ съ девяти до трехъ, съ восьми до девяти можетъ про-

Digitized by Google

быть у себя на диванѣ, и гордился, что не надо идти съ докладомъ, писать бумагъ, что есть просторъ его чувствамъ, воображенію...»

Обломовъ философствовалъ и не замѣтилъ, что у постели его стоялъ очень-худощавый, черненькій господинъ, заросшій весь бакенбардами, усами и эспаньйолкой. Онъ былъ одѣтъ съ умышленной небрежностью.

— Здравствуйте, Илья Ильичъ.

— Здравствуйте, Пенкинъ; не подходите, не подходите: вы съ холода! говорилъ Обломовъ.

— Ахъ, вы чудакъ! сказалъ тотъ: — все такой же неисправимый, беззаботный лѣнивецъ!

— Да́, беззаботный! сказалъ Обломовъ: — вотъ, я вамъ сейчасъ покажу письмо отъ старосты: ломаешь, ломаешь голову, а вы говорите: беззаботный! Откуда вы?

— Изъ книжной лавки: ходилъ узнать, не вышли ли журналы. Читали мою статью?

— Нѣтъ.

— Я вамъ пришлю, прочтите.

— О чемъ? спросилъ, сквозь сильную зѣвоту, Обломовъ.

— О торговлѣ, объ эманципаціи женщинъ, о прекрасныхъ апрѣльскихъ дняхъ, какіе выпали намъ на долю, и о вновь-изобрѣтенномъ составѣ противъ пожаровъ. Какъ это вы не читаете? вѣдь тутъ наша вседневная жизнь. А пуще всего я ратую за реальное направленіе въ литературѣ.

— Много у васъ дѣла? спросилъ Обломовъ.

— Да́, довольно. Двѣ статьи въ газету каждую недѣлю, потомъ разборы беллетристовъ пишу, да вотъ написалъ разсказъ...

— О чемъ?

— О томъ, ка́къ въ одномъ городѣ городничій бьетъ мѣщанъ по зубамъ...

— Да́, это въ самомъ-дѣлѣ реальное направленіе, сказалъ Обломовъ.

— Неправда ли? подтвердилъ обрадованный литераторъ. — Я провожу вотъ какую мысль и знаю, что она новая и смѣлая. Одинъ проѣзжій былъ свидѣтелемъ этихъ побоевъ и, при свиданіи съ губернаторомъ, пожаловался ему. Тотъ приказалъ чиновнику, ѣхавшему туда на слѣдствіе, мимоходомъ удостовѣриться въ этомъ и вообще собрать свѣдѣнія о личности и поведеніи городничаго. Чиновникъ созвалъ мѣщанъ, будто разспросить о тор-

Digitized by Google

говлѣ, а между-тѣмъ давай развѣдывать и объ этомъ. Что жь мѣщане? Кланяются да смѣются и городничаго превозносятъ похвалами. Чиновникъ сталъ узнавать стороной и ему сказали, что мѣщане мошенники страшные, торгуютъ гнилью, обвѣшиваютъ, обмѣриваютъ даже казну, всѣ безнравственны, такъ-что побои эти — праведная кара...

— Стало-быть, побои городничаго выступаютъ въ повѣсти, какъ fatum древнихъ трагиковъ? сказалъ Обломовъ.

— Именно, подхватилъ Пенкинъ: — У васъ много такта, Илья Ильичъ, вамъ бы писать! А между-тѣмъ мнѣ удалось показать и самоуправство городничаго и развращеніе нравовъ въ простонародьѣ: дурную организацію дѣйствій подчиненныхъ чиновниковъ и необходимость строгихъ, но законныхъ мѣръ... Не правда ли, эта мысль... довольно-новая?

— Да́, въ-особенности для меня, сказалъ Обломовъ: — я такъ мало читаю...

— Въ-самомъ-дѣлѣ не видать книгъ у васъ! сказалъ Пенкинъ. — Но, умоляю васъ, прочтите одну вещь; готовится великолѣпная, можно сказать, поэма: «Любовь взяточника къ падшей женщинѣ». Я не могу вамъ сказать, кто авторъ: это еще секретъ.

— Что жь тамъ такое?

— Обнаруженъ весь механизмъ нашего общественнаго движенія, и все въ поэтическихъ краскахъ. Всѣ пружины тронуты; всѣ ступени общественной лѣстницы перебраны. Сюда, какъ на пиръ, созваны авторомъ и слабый, но порочный вельможа, и цѣлый рой обманывающихъ его взяточниковъ, и всѣ разряды падшихъ женщинъ разобраны... француженки, нѣмки, чухонки, и все, все... съ поразительной, животрепещущей вѣрностью... Я слышалъ отрывки— авторъ великъ! въ немъ слышится то Дантъ, то Шекспиръ...

— Вонъ куда хватили! въ изумленіи сказалъ Обломовъ, привставъ.

Пенкинъ вдругъ смолкъ, видя, что дѣйствительно онъ далеко хватилъ.

— Вотъ вы прочтете, увидите сами, добавилъ онъ уже безъ азарта.

— Нѣтъ, Пенкинъ, ужь я не стану читать.

— Отчего жь? Это дѣлаетъ шумъ, объ этомъ говорятъ...

— Да пускай ихъ! Нѣкоторымъ вѣдь больше нечего и дѣлать, какъ только говорить. У многихъ есть такое призваніе.

Digitized by Google

— Да хоть изъ любопытства прочтите.

— Чего я тамъ не видалъ? говорилъ Обломовъ. — Зачѣмъ это они пишутъ: только себя тѣшатъ...

— Какъ себя: вѣрность-то, вѣрность какая! до смѣха похоже. Точно живые портреты. Какъ кого возьмутъ, купца ли, чиновника, офицера, будочника — точно живьемъ и отпечатаютъ.

— Изъ чего же они бьются: изъ потѣхи, что ли, что вотъ кого-де ни возьмемъ, а вѣрно и выйдетъ? А жизни-то и нѣтъ ни въ чемъ: нѣтъ пониманія ея и сочувствія, нѣтъ того, что́ тамъ у васъ называется гуманитетомъ. Одно самолюбіе только. Изображаютъ-то они воровъ, падшихъ женщинъ, точно ловятъ ихъ на улицѣ, да отводятъ въ тюрьму. Въ ихъ разсказѣ слышны не «невидимыя слезы», а одинъ только видимый, грубый смѣхъ, злость...

— Что жь еще нужно? И прекрасно, вы сами высказались: это кипучая злость — желчное гоненіе на порокъ, смѣхъ презрѣнія надъ падшимъ человѣкомъ... тутъ все!

— Нѣтъ не все! вдругъ воспламенившись, сказалъ Обломовъ:— изобрази вора, падшую женщину, надутаго глупца, да и человѣка тутъ же не забудь. Гдѣ же человѣчность-то? Вы одной головой хотите писать? почти шипѣлъ Обломовъ:— вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нѣтъ, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человѣку, чтобъ поднять его, или горько плачьте надъ нимъ, если онъ гибнетъ, а не глумитесь. Любите его, помните въ немъ самого себя и обращайтесь съ нимъ, какъ съ собой, тогда я стану васъ читать и склоню передъ вами голову... сказалъ онъ, улегшись опять покойно на диванѣ. — Изображаютъ они вора, падшую женщину, говорилъ онъ: — а человѣка-то забываютъ или не умѣютъ изобразить. Какое же тутъ искусство, какія поэтическія краски нашли вы? Обличайте развратъ, грязь, только, пожалуйста, безъ претензій на поэзію.

— Что́ же, природу прикажете изображать: розы, соловья, или морозное утро, между-тѣмъ, какъ все кипитъ, движется вокругъ?.. Намъ нужна одна голая физіологія общества, а не до пѣсенъ намъ теперь...

— Человѣка, человѣка давайте мнѣ! говорилъ Обломовъ: — любите его...

— Любить ростовщика, ханжу, ворующаго, или тупоумнаго чиновника — слышите? Что́ вы это? И видно, что вы не зани-

Digitized by Google

маетесь литературой! горячился Пенкинъ. — Нѣтъ, ихъ надо карать, извергнуть изъ гражданской среды, изъ общества...

— Извергнуть изъ гражданской среды! вдругъ заговорилъ вдохновенно Обломовъ, вставъ передъ Пенкинымъ:—это значитъ, забыть, что въ этомъ негодномъ сосудѣ присутствовало высшее начало; что онъ, испорченный человѣкъ, но все человѣкъ же, то-есть вы сами. Извергнуть! А какъ вы извергнете его изъ круга человѣчества, изъ лона природы, изъ милосердія Божія? почти крикнулъ онъ съ пылавшими глазами.

— Вонъ куда хватили! въ свою очередь, съ изумленіемъ сказалъ Пенкинъ.

Обломовъ увидѣлъ, что и онъ далеко хватилъ. Онъ вдругъ смолкъ, постоялъ съ минуту, зѣвнулъ и медленно легъ на диванъ.

Оба погрузились въ молчаніе.

— Что́ жь вы читаете? спросидъ Пенкинъ.

— Я... да все путешествія больше.

Опять молчаніе.

— Такъ прочтете поэму, когда выйдетъ? я бы принесъ... спросилъ Пенкинъ.

Обломовъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головой.

— Ну, я вамъ свой разсказъ пришлю?

Обломовъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Однако мнѣ пора въ типографію! сказалъ Пенкинъ. — Я, знаете, зачѣмъ пришелъ къ вамъ? я хотѣлъ предложить вамъ ѣхать въ Екатерингофъ; у меня коляска. Мнѣ завтра надо статью писать о гуляньѣ: вмѣстѣ бы наблюдать стали, чего бы не замѣтилъ я, вы бы сообщили мнѣ; веселѣе бы было. Поѣдемте...

— Нѣтъ, нездоровится, сказалъ Обломовъ, морщась и прикрываясь одѣяломъ: — сырости боюсь, теперь еще не высохло. А вотъ вы бы сегодня обѣдать пришли: мы бы поговорили... У меня два несчастья...

— Нѣтъ, наша редакція вся у Сен-Жоржа сегодня, оттуда и поѣдемъ на гулянье. А ночью писать и, чѣмъ свѣтъ, въ типографію отсылать. До свиданія.

— До свиданья, Пенкинъ.

«Ночью писать», думалъ Обломовъ, «когда же спать-то? А поди, тысячъ пять въ годъ заработаетъ!—это хлѣбъ! Да писать-то все, тратить мысль, душу свою на мелочи, мѣнять убѣжде-

Digitized by Google

нія, торговать умомъ и воображеніемъ, насиловать свою натуру, волноваться, кипѣть, горѣть, не знать покоя и все куда-то двигаться... И все писать, все писать, какъ колесо, какъ машина: пиши завтра, послѣзавтра; праздникъ придетъ, лѣто настанетъ — а онъ все пиши! Когда же остановиться и отдохнуть? Несчастный!»

Онъ повернулъ голову къ столу, гдѣ все было гладко, и чернила засохли и пера не видать, и радовался, что лежитъ онъ, беззаботенъ, какъ новорожденный младенецъ, что не разбрасывается, не продаетъ ничего... А письмо старосты, а квартира? вдругъ вспомнилъ онъ и задумался.

Но вотъ опять звонятъ.

«Что это сегодня за раутъ у меня?» сказалъ Обломовъ и ждалъ, кто войдетъ.

Вошелъ человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, съ неопредѣленной физіономіей, въ такой порѣ, когда трудно бываетъ угадать лѣта́; некрасивъ и недуренъ, невысокъ и ненизокъ ростомъ, не блондинъ и не брюнетъ. Природа не дала ему никакой рѣзкой, замѣтной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многіе называли Иваномъ Иванычемъ, другіе—Иваномъ Васильичемъ, третьи—Иваномъ Михайлычемъ. Фамилію его называли тоже различно: одни говорили, что онъ Ивановъ, другіе звали Васильевымъ, или Андреевымъ, третьи думали, что онъ Алексѣевъ. Постороннему, который увидитъ его въ первый разъ, скажутъ имя его — тотъ забудетъ сейчасъ, и лицо забудетъ; что́ онъ скажетъ — не замѣтитъ. Присутствіе его ничего не придаетъ обществу, также, какъ отсутствіе ничего не отниметъ отъ него. Остроумія, оригинальности и другихъ особенностей, какъ особыхъ примѣтъ на тѣлѣ, въ его умѣ нѣтъ. Можетъ-быть, онъ умѣлъ бы, по-крайней-мѣрѣ, разсказать все, что̀ видѣлъ и слышалъ, и занять хоть этимъ другихъ, но онъ нигдѣ не былъ: ка́къ родился въ Петербургѣ, та́къ и не выѣзжалъ никуда; слѣдовательно видѣлъ и слышалъ то́, что́ знали и другіе. Симпатиченъ ли такой человѣкъ? любитъ ли, ненавидитъ ли, страдаетъ ли? Долженъ бы, кажется, и любить, и не любить, и страдать, потому-что никто не избавленъ отъ этого. Но онъ какъ-то ухитряется всѣхъ любить. Есть такіе люди, въ которыхъ, ка́къ ни бейся, не возбудишь никакъ духа вражды, мщенія и т. п. Что́ ни дѣлай съ ними, они все ласкаются. Впрочемъ, надо отдать имъ справедливость, что и любовь ихъ, если раздѣлить ее на

Digitized by Google

градусы, до степени жара никогда не доходитъ. Хотя про такихъ людей говорятъ, что они любятъ всѣхъ и потому добры, а въ сущности они никого не любятъ и добры потому только, что не злы. Если при такомъ человѣкѣ подадутъ другіе нищему милостыню — и онъ броситъ ему свой грошъ, а если обругаютъ, или прогонятъ, или посмѣются — такъ и онъ обругаетъ и посмѣется съ другими. Богатымъ его нельзя назвать, потому-что онъ не богатъ, а скорѣе бѣденъ; но рѣшительно-бѣднымъ тоже не назовешь, потому, впрочемъ, только, что много есть бѣднѣе его. Онъ имѣетъ своего какого-то дохода рублей триста въ годъ, сверхъ-того, онъ служитъ въ какой-то неважной должности и получаетъ неважное жалованье: нужды не терпитъ и денегъ ни у кого не занимаетъ, а занять у него и подавно въ годову никому не приходитъ. Въ службѣ у него нѣтъ особеннаго постояннаго занятія, потому-что никакъ не могли замѣтить сослуживцы и начальники, что́ онъ дѣлаетъ хуже, что́ лучше, такъ, чтобъ можно было опредѣлить, къ чему онъ именно способенъ. Если дадутъ сдѣлать и то и другое, онъ такъ сдѣлаетъ, что начальникъ всегда затрудняется, ка́къ отозваться о его трудѣ; посмотритъ, посмотритъ, почитаетъ, почитаетъ, да и скажетъ только: «оставьте, я послѣ посмотрю... да́, оно почти такъ, какъ нужно».

Никогда не поймаешь на лицѣ его слѣда заботы, мечты, что́ бы показывало, что онъ въ эту минуту бесѣдуетъ самъ съ собою, или никогда тоже не увидишь, чтобъ онъ устремилъ пытливый взглядъ на какой-нибудь внѣшній предметъ, который бы хотѣлъ усвоить своему вѣдѣнію. Встрѣтится ему знакомый на улицѣ, «куда?» спроситъ. «Да вотъ иду на службу, или въ магазинъ, или провѣдать кого-нибудь». — «Пойдемъ лучше со мной» скажетъ тотъ: «на почту, или зайдемъ къ портному, или прогуляемся», и онъ идетъ съ нимъ, заходитъ и къ портному, и на почту, и прогуливается въ противоположную сторону отъ той, куда шелъ.

Едва-ли кто-нибудь, кромѣ матери, замѣтилъ появленіе его на свѣтъ; очень-немногіе замѣчаютъ его въ-теченіе жизни, но вѣрно никто не замѣтитъ, ка́къ онъ исчезнетъ со свѣта; никто не спроситъ, не пожалѣетъ о немъ, никто и не порадуется его смерти. У него нѣтъ ни враговъ, ни друзей, но знакомыхъ множество. Можетъ-быть, только похоронная процесія обратитъ на себя вниманіе прохожаго, который почтитъ это неопредѣленное лицо въ первый разъ достающеюся ему почестью — глубокимъ по-

Digitized by Google

клономъ; можетъ-быть, даже другой, любопытный, забѣжитъ впередъ процесіи узнать объ имени покойника и тутъ же забудетъ его.

Весь этотъ Алексѣевъ, Васильевъ, Андреевъ, или, какъ хотите, есть какой-то неполный, безличный намёкъ на людскую массу, глухое отзвучіе, неясный ея отблескъ.

Даже Захаръ, который въ откровенныхъ бесѣдахъ, на сходкахъ у воротъ, или въ лавочкѣ, дѣлалъ рѣзкую характеристику всѣхъ гостей, посѣщавшихъ барина его, всегда затруднялся, когда очередь доходила до этого... положимъ хоть, Алексѣева. Онъ долго думалъ, долго ловилъ какую-нибудь угловатую черту, за которую можно было бы уцѣпиться, въ наружности, въ манерахъ, или въ характерѣ этого лица, наконецъ, махнувъ рукой, выражался такъ: «А у этого, ни кожи, ни рожи, ни вѣдѣнія!»

— А! встрѣтилъ его Обломовъ: — это вы, Алексѣевъ? Здравствуйте. Откуда это? Не подходите, не подходите; я вамъ не дамъ руки: вы съ холода!

— Что́ вы, какой холодъ? Я не думалъ къ вамъ сегодня, сказалъ Алексѣевъ: — да Овчининъ встрѣтился и увезъ къ себѣ. Я за вами, Илья Ильичъ.

— Куда это?

— Да къ Овчинину-то поѣдемте. Тамъ Матвѣй Андреичъ Альяновъ, Казиміръ Альбертычъ Пхайло, Василій Севастьянычъ Колымягинъ.

— Что́ жь они тамъ собрались, и что́ имъ нужно отъ меня?

— Овчининъ зоветъ васъ обѣдать.

— Гм! Обѣдать... повторилъ Обломовъ монотонно.

— А потомъ всѣ въ Екатерингофъ отправляются: они велѣли сказать, чтобъ вы коляску наняли...

— А что́ тамъ дѣлать?

— Какъ же! ныньче тамъ гулянье. Развѣ не знаете: сегодня первое мая?

— Посидите; мы подумаемъ... сказалъ Обломовъ.

— Вставайте же! пора одѣваться.

— Погодите немного: вѣдь рано.

— Что́ за рано! они просили въ двѣнадцать часовъ; отобѣдаемъ пораньше, часа въ два, да и на гулянье. Ѣдемте же скорѣй! Велѣть вамъ одѣваться давать?

— Куда одѣваться? Я еще не умылся.

— Такъ умывайтесь.

Алексѣевъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ

Digitized by Google

остановился передъ картиной, которую видѣлъ тысячу разъ прежде, взглянулъ мелькомъ въ окно, взялъ какую-то вещь съ этажерки, повертѣлъ въ рукахъ, посмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и положилъ опять, а тамъ пошелъ опять ходить, посвистывая—это все, чтобъ не мѣшать Обломову встать и умыться. Такъ прошло минутъ десять.

— Чтó жь вы? вдругъ спросилъ Алексѣевъ Илью Ильича.

— Чтó?

— Да все лежите?

— А развѣ надо вставать?

— Какъ же! насъ дожидаются. Вы хотѣли ѣхать.

— Куда это ѣхать? я не хотѣлъ ѣхать никуда...

— Вотъ, Илья Ильичъ, сейчасъ вѣдь говорили, что ѣдемъ обѣдать къ Овчичину, а потомъ въ Екатерингофъ...

— Это я по сырости поѣду, и чего я тамъ не видалъ? Вонъ дождь сбирается, пасмурно на дворѣ, лѣниво говорилъ Обломовъ.

— На небѣ ни облачка, а вы выдумали дождь! Пасмурно оттого, что у васъ окошки-то съ которыхъ поръ не мыты? Грязи-то, грязи на нихъ! Зги божіей невидно, да и одна штора почти совсѣмъ опущена.

— Дá, вотъ подите-ка, заикнитесь объ этомъ Захару, такъ онъ сейчасъ бабъ предложитъ, да изъ дома погонитъ на цѣлый день!

Обломовъ задумался, а Алексѣевъ барабанилъ пальцами по столу, у котораго сидѣлъ, разсѣянно пробѣгая глазами по стѣнамъ и по потолку.

— Такъ кáкъ же намъ? чтó дѣлать? Будете одѣваться, или останетесь такъ? спросилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Куда?

— А въ Екатерингофъ?

— Дался вамъ этотъ Екатерингофъ, право! съ досадой отозвался Обломовъ. — Не сидится вамъ здѣсь? холодно, что ли, въ комнатѣ, или пахнетъ нехорошо, что вы такъ и смотрите вонъ?

— Нѣтъ, мнѣ у васъ всегда хорошо; я доволенъ, сказалъ Алексѣевъ.

— А коли хорошо тутъ, такъ зачѣмъ и хотѣть въ другое мѣсто? Останьтесь-ка лучше у меня на цѣлый день, отобѣдайте, а тамъ вечеромъ — Богъ съ вами!.. Дá, я и забылъ: куда мнѣ ѣхать! Тарантьевъ обѣдать придетъ: сегодня суббота.

— Ужь если оно такъ... я хорошо... кáкъ вы... говорилъ Алексѣевъ.

Digitized by Google

— А о дѣлахъ своихъ я вамъ не говорилъ? живо спросилъ Обломовъ.

— О какихъ дѣлахъ? не знаю, сказалъ Алексѣевъ, глядя на него во всѣ глаза.

— Отчего я не встаю-то такъ долго? Вѣдь я вотъ тутъ лежалъ все да думалъ, ка́къ мнѣ выпутаться изъ бѣды.

— Что́ такое? спросилъ Алексѣевъ, стараясь сдѣлать испуганное лицо.

— Два несчастья! Не знаю, ка́къ и быть.

— Какія же?

— Съ квартиры гонятъ; вообразите — надо съѣзжать: ломки, возни... подумать страшно! Вѣдь восемь лѣтъ жилъ на квартирѣ. Съигралъ со мной штуку хозяинъ: «съѣзжайте, говоритъ, поскорѣе».

— Еще поскорѣе! торопитъ; стало-быть нужно. Это очень-несносно — переѣзжать: съ переѣздкой всегда хлопотъ много, сказалъ Алексѣевъ: — растеряютъ, перебьютъ—очень-скучно! А у васъ такая славная квартира... вы что́ платите?

— Гдѣ съищешь другую этакую—говорилъ Обломовъ, и еще въ торопяхъ? сроку всего какая-нибудь недѣля.

— Скажите, пожалуйста! говорилъ Алексѣевъ, качая головой.

«Ка́къ бы это устроить, чтобъ... не съѣзжать?» въ раздумьѣ, про-себя разсуждалъ Обломовъ.

— Да у васъ по контракту нанята квартира? спросилъ Алексѣевъ, оглядывая комнату съ потолка до полу.

— Да́; только ужь срокъ контракту вышелъ; я все это время платилъ помѣсячно... не помню только, съ которыхъ поръ.

Оба задумались.

— Какъ же вы полагаете? спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Алексѣевъ: — съѣхать, или оставаться?

— Никакъ не полагаю, сказалъ Обломовъ: — мнѣ и думать-то объ этомъ не хочется. Пусть Захаръ что-нибудь придумаетъ.

— А вотъ нѣкоторые такъ любятъ переѣзжать, сказалъ Алексѣевъ: — въ томъ только и удовольствіе находятъ, ка́къ бы квартиру перемѣнить...

— Ну, пусть эти «нѣкоторые» и переѣзжаютъ, сказалъ Обломовъ. — Это еще что, квартира! заговорилъ Обломовъ: — а то вотъ посмотрите-ка, что́ староста пишетъ ко мнѣ. Я вамъ сейчасъ покажу письмо... гдѣ бишь оно? Захаръ, Захаръ!

Digitized by Google

«Ахъ, ты Владычица небесная!» захрипѣлъ у себя Захаръ, прыгая съ печки: «когда это Богъ приберетъ меня?»

Онъ вошелъ и мутно поглядѣлъ на барина.

— Что́ жь ты письмо не съискалъ?

— А гдѣ я его съищу? развѣ я знаю, какое письмо вамъ нужно? Я не умѣю читать.

— Все-равно, поищи, сказалъ Обломовъ.

— Вы сами какое-то письмо вчера вечеромъ читали, говорилъ Захаръ: — а послѣ я и не видалъ.

— Гдѣ же оно? съ досадой возразилъ Илья Ильичъ. — Я его не проглотилъ. Я очень-хорошо помню, что ты взялъ у меня и куда-то вонъ туда положилъ. А то вотъ гдѣ оно, смотри!

Онъ тряхнулъ одѣяломъ: изъ складокъ его выпало на полъ письмо.

— Вотъ вы этакъ все на меня!.. «Ну, ну, поди, поди!» въ одно и то же время закричали другъ на друга Обломовъ и Захаръ. Захаръ ушелъ, а Обломовъ началъ читать письмо, писанное точно квасомъ, на сѣрой, толстой бумагѣ, съ печатью изъ бураго сургуча. Огромныя, блѣдныя буквы тянулись въ торжественной процесіи, не касаясь другъ друга, по отвѣсной линіи, отъ верхняго угла къ нижнему. Шествіе иногда нарушалось блѣдно-чернильнымъ большимъ пятномъ.

«Милостивый государь» началъ Обломовъ: «ваше благородіе, «отецъ нашъ и кормилецъ, Илья Ильичъ...»

Тутъ Обломовъ пропустилъ нѣсколько привѣтствій и пожеланій здоровья и продолжалъ съ середины:

«Доношу твоей барской милости, что у тебя въ вотчинѣ «кормилецъ нашъ, все благополушно. Пятую недѣлю нѣтъ «дождей: знать, прогнѣвали Господа Бога, что нѣтъ дождей. «Эдакой засухи старики не запомнятъ: яровое такъ и палитъ, «словно полымемъ. Озимь, ино мѣсто червь сгубилъ, ино мѣсто «ранніе морозцы сгубили: перепахали-было на яровое, да не зна«мо, уродится ли что? Авось милосердый Господь помилуетъ твою «барскую милость; а о себѣ не заботимся: пусть издохнемъ. А «подъ Ивановъ-день еще три мужика ушли: Лаптевъ, Балочовъ, «да особо ушелъ Васька, кузнецовъ сынъ. Я бабъ погналъ по му«жей: бабы тѣ не воротились, а проживаютъ, слышно, въ Челкахъ, «а въ Челки поѣхалъ кумъ мой изъ Верхлева: управляющій по«слалъ его туда: соху, слышь, заморскую привезли; а управляю«щій послалъ кума въ Челки оную соху посмотрѣть. Я наказы-

Digitized by Google

«валъ куму о бѣглыхъ мужикахъ; исправнику кланялся, сказалъ «онъ: «подай бумагу, и тогда всякое средствіе будетъ исполнено, «водворить крестьянъ ко дворамъ на мѣсто жительства», и опричь «того, ничего не сказалъ, а я палъ въ ноги ему и слезно умо- «лялъ; а онъ закричалъ благимъ матомъ: «пошелъ, пошелъ! тебѣ «сказано, что будетъ исполнено—подай бумагу!» А бумаги я не «подавалъ. А нанять здѣсь некого: всѣ на Волгу, на работу, на «барки ушли—такой нынче глупый народъ сталъ здѣсь, кормилецъ «нашъ, батюшка Илья Ильичъ! Холста нашего сей годъ на ярмар- «кѣ не будетъ: сушильню и бѣлильню я заперъ на замокъ и Сы- «чуга приставилъ денно и ночно смотрѣть: онъ тверезый мужикъ; «да чтобы не стянулъ чего господскаго, я смотрю за нимъ денно «и ночно. Другіе больно пьютъ и просятся на оброкъ. Въ недоим- «кахъ недоборъ: нынѣшній годъ изъ вотчины пошлемъ доходцу; «будетъ, батюшка ты нашъ благодѣтель, тысящи яко двѣ поменѣ «противъ того года, что прошелъ, только бы засуха не разорила «въ конецъ, а то вышлемъ, о чемъ твоей милости и предлагаемъ».

Затѣмъ слѣдовали изъявленія преданности и подпись: «староста твой, всенижайшій рабъ Прокофій Вытягушкинъ собственной рукой руку приложилъ». За неумѣніемъ грамотѣ поставленъ былъ крестъ. А писалъ со словъ онаго старосты шуринъ его, Дёмка Кривой».

— А? сказалъ Обломовъ: — коково вамъ покажется: «предлагаетъ тысящи яко двѣ поменѣ!» Сколько же это останется? сколько бишь я прошлый годъ получилъ? спросилъ онъ, глядя на Алексѣева. Я не говорилъ вамъ тогда?

Алексѣевъ обратилъ глаза къ потолку и задумался.

— Надо Штольца спросить, какъ пріѣдетъ, продолжалъ Обломовъ: — кажется, тысячъ семь, восемь... худо не записывать! Такъ онъ теперь сажаетъ меня на шестъ! вѣдь я съ голоду умру! Чѣмъ тутъ жить?

— Что жь такъ тревожиться, Илья Ильичъ? сказалъ Алексѣевъ: — никогда не надо предаваться отчаянію: все перемелется — мука будетъ.

— Да вы слышите, что онъ пишетъ? Чѣмъ бы денегъ прислать, утѣшить какъ-нибудь, а онъ, какъ на смѣхъ, только непріятности дѣлаетъ мнѣ! И вѣдь всякій годъ! Вотъ я теперь самъ не свой! «Тысящи яко двѣ поменѣ»!

— Да, большой убытокъ, сказалъ Алексѣевъ: — двѣ тысячи—

Digitized by Google

не шутка! Вотъ Алексѣй Логинычъ, говорятъ, тоже получилъ нынѣшній годъ только двѣнадцать тысячъ вмѣсто семнадцати.

— Такъ двѣнадцать, а не шесть, перебилъ Обломовъ. — Совсѣмъ разстроилъ меня староста! Если оно и въ-самомъ-дѣлѣ такъ: неурожай да засуха, такъ зачѣмъ огорчать заранѣе?

— Да... оно въ-самомъ-дѣлѣ... началъ Алексѣевъ... не слѣдовало бы; но какой же деликатности ждать отъ мужика? Этотъ народъ ничего не понимаетъ.

— Ну, что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? спросилъ Обломовъ, глядя вопросительно на Алексѣева, съ слабой надеждой, авось не выдумаетъ ли, чѣмъ бы успокоить.

— Надо подумать, Илья Ильичъ, нельзя вдругъ рѣшить, сказалъ Алексѣевъ.

— Къ губернатору, что ли, написать? въ раздумьѣ сказалъ Илья Ильичъ.

— А кто у васъ губернаторъ? спросилъ Алексѣевъ.

Илья Ильичъ не отвѣчалъ и задумался. Алексѣевъ замолчалъ и тоже о чемъ-то размышлялъ.

Обломовъ, комкая письмо въ рукахъ, подперъ голову руками, а локти уперъ въ колѣнки и такъ сидѣлъ нѣсколько времени, мучимый приливомъ безпокойныхъ мыслей.

— Хоть бы Штольцъ скорѣй пріѣхалъ! сказалъ онъ:—пишетъ, что скоро будетъ, а самъ, чортъ знаетъ, гдѣ шатается! Онъ бы все уладилъ.

Онъ опять пригорюнился. Долго молчали оба. Наконецъ Обломовъ очнулся первый.

— Вотъ тутъ что́ надо дѣлать! сказалъ онъ рѣшительно и чуть-было не всталъ съ постели:—и дѣлать какъ-можно-скорѣе, мѣшкать не́чего... Вопервыхъ...

Въ это время раздался отчаянный звонокъ въ передней, такъ-что Обломовъ съ Алексѣевымъ вздрогнули, а Захаръ мгновенно спрыгнулъ съ лежанки.

## III.

— Дома? громко и грубо кто-то спросилъ въ передней.

— Куда объ эту пору идти? еще грубѣе отвѣчалъ Захаръ.

Вошелъ человѣкъ лѣтъ сорока, принадлежащій къ крупной породѣ, высокій, объемистый въ плечахъ и во всемъ туловищѣ, съ крупными чертами лица, съ большой головой, съ крѣпкой,

Digitized by Google

коротенькой шеей, съ большими навыкатѣ глазами, толстогубый. Бѣглый взглядъ на этого человѣка рождалъ идею о чемъ-то грубомъ и неопрятномъ. Видно было, что онъ не гонялся за изяществомъ костюма. Не всегда удавалось его видѣть чистообритымъ. Но ему, повидимому, это было все-равно, онъ не смущался отъ своего костюма и носилъ его съ какимъ-то циническимъ достоинствомъ. Это былъ Михей Андреевичъ Тарантьевъ, землякъ Обломова.

Тарантьевъ смотрѣлъ на все угрюмо, съ полупрезрѣніемъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ ко всему окружающему, готовый бранить все и всѣхъ на свѣтѣ, какъ-будто какой-нибудь обиженный несправедливостью, или непризнанный въ какомъ-то достоинствѣ, наконецъ, какъ гонимый судьбою сильный характеръ, который недобровольно, неуныло покоряется ей. Движенія его были смѣлы и размашисты; говорилъ онъ громко, бойко и почти всегда сердито; если слушать въ нѣкоторомъ отдаленіи, точно будто три пустыя телеги ѣдутъ по мосту. Никогда не стѣснялся онъ ни чьимъ присутствіемъ и въ карманъ за словомъ не лѣзъ, и вообще постоянно былъ грубъ въ обращеніи со всѣми, не исключая и пріятелей, какъ-будто давалъ чувствовать, что, заговаривая съ человѣкомъ, даже обѣдая или ужиная у него, онъ дѣлаетъ ему большую честь.

Тарантьевъ былъ человѣкъ ума бойкаго и хитраго; никто лучше его не разсудитъ какого-нибудь общаго житейскаго вопроса, или юридическаго запутаннаго дѣла: онъ сейчасъ построитъ теорію дѣйствій въ томъ или другомъ случаѣ и очень-тонко подведетъ доказательства, а въ заключеніе еще почти всегда нагрубитъ тому, кто съ нимъ о чемъ-нибудь посовѣтуется.

А между-тѣмъ, самъ, какъ, двадцать-пять лѣтъ назадъ, опредѣлился въ какую-то канцелярію писцомъ, такъ въ этой должности и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Ни ему самому, никому другому и въ голову не приходило, чтобъ онъ пошелъ выше. Дѣло въ томъ, что Тарантьевъ мастеръ былъ только говорить; на словахъ онъ рѣшалъ все ясно и легко, особенно, что касалось другихъ; но какъ только нужно было двинуть пальцомъ, тронуться съ мѣста—словомъ, примѣнить имъ же созданную теорію къ дѣлу и дать ему практическій ходъ, оказать распорядительность, быстроту — онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ: тутъ его не хватало — ему вдругъ и тяжело дѣлалось, и нездоровилось, то неловко, то другое дѣло случится, за которое онъ тоже не при-



Digitized by Google

мется, а если и примется, такъ не дай Богъ что́ выйдетъ. Точно ребенокъ: тамъ не доглядитъ, тутъ не знаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, тамъ опоздаетъ и кончитъ тѣмъ, что броситъ дѣло на половинѣ, или примется за него съ конца, и такъ все изгадитъ, что и поправить никакъ нельзя, да еще онъ же потомъ и браниться станетъ.

Отецъ его, провинціальный подъячій стараго времени, назначалъ-было сыну въ наслѣдство искусство и опытность хожденія по чужимъ дѣламъ, и свое, ловко-пройденное поприще служенія въ присутственномъ мѣстѣ; но судьба распорядилась иначе. Отецъ, учившійся самъ когда-то порусски на мѣдныя деньги, не хотѣлъ, чтобъ сынъ его отставалъ отъ времени и пожелалъ поучить его чему-нибудь, кромѣ мудреной науки хожденія по дѣламъ. Онъ года три посылалъ его къ священнику учиться полатини.

Способный отъ природы мальчикъ въ три года прошелъ латинскую грамматику и сиктаксисъ, и началъ-было разбирать Корнелія Непота, но отецъ рѣшилъ, что довольно и того, что́ онъ зналъ, что ужь и эти познанія даютъ ему огромное преимущество надъ старымъ поколѣніемъ, и что, наконецъ, дальнѣйшія занятія могутъ, пожалуй, повредить службѣ въ присутственныхъ мѣстахъ. Шестнадцатилѣтній Михей, не зная, что́ дѣлать съ своей латинью, сталъ въ домѣ родителей забывать ее, но за-то, въ ожиданіи чести присутствовать въ земскомъ или уѣздномъ судѣ, присутствовалъ пока на всѣхъ пирушкахъ отца, и въ этой-то школѣ, среди откровенныхъ бесѣдъ, до тонкости развился умъ молодаго человѣка. Онъ съ юношескою впечатлительностью вслушивался въ разсказы отца и товарищей его о разныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, о любопытныхъ случаяхъ, которые проходили черезъ руки всѣхъ этихъ подъячихъ стараго времени. Но все это ни къ чему не повело. Изъ Михея не выработался дѣлецъ и крючкотворецъ, хотя всѣ старанія отца и клонились къ этому и, конечно, увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ судьба не разрушила замысловъ старика. Михей дѣйствительно усвоилъ себѣ всю теорію отцовскихъ бесѣдъ, оставалось только примѣнить ее къ дѣлу, но, за смертью отца, онъ не успѣлъ поступить въ судъ и былъ увезенъ въ Петербургъ какимъ-то благодѣтелемъ, который нашелъ ему мѣсто писца въ одномъ департаментѣ, да потомъ и забылъ о немъ. Такъ Тарантьевъ и остался только теоретикомъ на всю жизнь. Въ петербургской службѣ

Digitized by Google

ему нéчего было дѣлать съ своею латинью и съ тонкой теоріей вершать по своему произволу правыя и неправыя дѣла; а между-тѣмъ онъ носилъ и сознавалъ въ себѣ дремлющую силу, запертую въ немъ враждебными обстоятельствами навсегда, безъ надежды на проявленіе, какъ бывали запираемы, по сказкамъ, въ тѣсныхъ заколдованныхъ стѣнахъ духи зла, лишенные силы вредить. Можетъ-быть, отъ этого сознанія безполезной силы въ себѣ, Тарантьевъ былъ грубъ въ обращеніи, недоброжелателенъ, постоянно-сердитъ и бранчивъ. Онъ съ горечью и презрѣніемъ смотрѣлъ на свои настоящія занятія: на переписыванье бумагъ, на подшиванье дѣлъ и т. п. Ему въ дали улыбалась только одна послѣдняя надежда: перейти служить по виннымъ откупамъ; на этой дорогѣ онъ видѣлъ единственную выгодную замѣну поприща, завѣщаннаго ему отцомъ и недостигнутаго. А въ ожиданіи этого, готовая и созданная ему отцомъ теорія дѣятельности и жизни, теорія взятокъ и лукавства, миновавъ главное и достойное ея поприще въ провинціи, примѣнилась ко всѣмъ мелочамъ его ничтожнаго и безполезнаго существованія въ Петербургѣ, вкралась во всѣ его пріятельскія отношенія, за недостаткомъ офиціальныхъ. Онъ былъ взяточникъ въ душѣ, по теоріи, ухитрялся брать взятки, за неимѣніемъ дѣлъ и просителей, съ сослуживцевъ, съ пріятелей, Богъ знаетъ кáкъ и за чтó — заставлялъ, гдѣ и кого только могъ, то хитростью, то назойливостью, угощать себя, требовалъ отъ всѣхъ незаслуженнаго уваженія, былъ придирчивъ. Его никогда не смущалъ стыдъ за поношенное платье, но онъ не чуждъ былъ тревоги, если въ перспективѣ дня не было у него громаднаго обѣда, съ приличнымъ количествомъ вина и водки. Отъ этого онъ въ кругу своихъ знакомыхъ игралъ роль большой сторожевой собаки, которая лаетъ на всѣхъ, не даетъ никому пошевелиться, но которая въ то же время непремѣнно схватитъ на лету кусокъ мяса, откуда и куда бы онъ ни летѣлъ.

Таковы были два самые усердные посѣтителя Обломова. Зачѣмъ эти два русскіе пролетарія ходили къ нему? Они очень-хорошо знали зачѣмъ: пить, ѣсть, курить хорошія сигары. Они находили теплый, покойный пріютъ и всегда одинаково, если не радушный, то равнодушный пріемъ. Но зачѣмъ пускалъ ихъ къ себѣ Обломовъ—въ этомъ онъ едва-ли отдавалъ себѣ отчетъ. А, кажется, затѣмъ, зачѣмъ еще о-сю-пору въ нашихъ отдаленныхъ Обломовкахъ, въ каждомъ зажиточномъ домѣ толпится рой подобныхъ лицъ обоего пола, безъ хлѣба, безъ ремесла, безъ рукъ

Digitized by Google

для производительности и только съ желудкомъ для потребленія, но почти всегда съ чиномъ и званіемъ. Есть еще сибариты, которымъ необходимы такія дополненія въ жизни: имъ скучно безъ лишняго на свѣтѣ. Кто подастъ куда-то запропастившуюся табакерку, или подниметъ упавшій на полъ платокъ? Кому можно пожаловаться на головную боль, съ правомъ на участіе, разсказать дурной сонъ и потребовать истолкованія? ето почитаетъ книжку на сонъ грядущій и поможетъ заснуть? А иногда такой пролетарій посылается въ ближайшій городъ, за покупкой, поможетъ по хозяйству — не самимъ же мыкаться!

Тарантьевъ дѣлалъ много шума, выводилъ Обломова изъ неподвижности и скуки. Онъ кричалъ, спорилъ и составлялъ родъ какого-то спектакля, избавляя лѣниваго барина самого отъ необходимости говорить и дѣлать. Въ комнату, гдѣ царствовалъ сонъ и покой, Тарантьевъ приносилъ жизнь, движеніе, а иногда и вѣсти извнѣ. Обломовъ могъ слушать, смотрѣть, не шевеля пальцомъ, на что-то бойкое, движущееся и говорящее передъ нимъ. Кромѣ того, онъ еще имѣлъ простодушіе вѣрить, что Тарантьевъ въ-самомъ-дѣлѣ способенъ посовѣтовать ему что-нибудь путное.

Посѣщенія Алексѣева Обломовъ терпѣлъ по другой, не менѣе важной причинѣ. Если онъ хотѣлъ жить по-своему, т. е. лежать молча, дремать или ходить по комнатѣ, Алексѣева какъ-будто не было тутъ: онъ тоже молчалъ, дремалъ, или смотрѣлъ въ книгу, разглядывалъ, съ лѣнивой зѣвотой до слезъ, картинки и вещицы. Онъ могъ такъ пробыть хоть трои сутки. Если же Обломову наскучивало быть одному, и онъ чувствовалъ потребность выразиться, говорить, читать, разсуждать, проявить волненіе—тутъ былъ всегда покорный и готовый слушатель и участникъ, раздѣлявшій одинаково-согласно и его молчаніе, и его разговоръ, и волненіе, и образъ мыслей, каковъ бы онъ ни былъ. Другіе гости заходили не часто, на минуту, какъ первые три гостя; съ ними со всѣми все болѣе и болѣе порывались живыя связи. Обломовъ иногда интересовался какою-нибудь новостью, пяти-минутнымъ разговоромъ, потомъ, удовлетворенный этимъ, молчалъ. Имъ надо было платить взаимностью, принимать участіе въ томъ, что ихъ интересовало. Они купались въ людской толпѣ; всякій понималъ жизнь по-своему, какъ не хотѣлъ понимать ее Обломовъ, а они путали въ нее и его: все это не нравилось ему, отталкивало его, было ему не по-душѣ. Былъ ему по-сердцу одинъ человѣкъ: тотъ тоже не давалъ ему покоя; онъ любилъ и новости, и свѣтъ, и

Digitized by Google

науку, и всю жизнь, но какъ-то глубже, теплѣе, искреннѣе — и Обломовъ, хотя былъ ласковъ со всѣми, но любилъ искренно его одного, вѣрилъ ему одному, можетъ-быть, потому, что росъ, учился и жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Это Андрей Карловичъ Штольцъ. Онъ былъ въ отлучкѣ, но Обломовъ ждалъ его съ часу на часъ.

## VI.

— Здравствуй, землякъ, отрывисто сказалъ Тарантьевъ, протягивая мохнатую руку къ Обломову. — Что́ ты это лежишь посю-пору, какъ колода?

— Не подходи, не подходи: ты съ холода! говорилъ Обломовъ, прикрываясь одѣяломъ.

— Вотъ еще что́ выдумалъ, съ холода! заголосилъ Тарантьевъ. — Ну, ну, бери руку, коли даютъ! Скоро двѣнадцать часовъ, а онъ валяется!

Онъ хотѣлъ приподнять Обломова съ постели, но тотъ предупредилъ его, опустивъ быстро ноги и съ-разу попавъ ими въ обѣ туфли.

— Я самъ сейчасъ хотѣлъ вставать, сказалъ онъ, зѣвая.

— Знаю я, ка́къ ты встаешь: ты бы тутъ до обѣда провалялся. Эй, Захаръ! гдѣ ты тамъ, старый дуракъ? Давай скорѣй одѣваться барину.

— А вы заведите-ка прежде своего Захара, да и лайтесь тогда! заговорилъ Захаръ, войдя въ комнату и злобно поглядывая на Тарантьева. — Вонъ натоптали ка̀къ, словно разнощикъ! прибавилъ онъ.

— Ну, еще разговариваетъ, образина! говорилъ Тарантьевъ и поднялъ ногу, чтобъ сзади ударить проходившаго мимо Захара, но Захаръ остановился, обернулся къ нему и ощетинился.

— Только вотъ троньте! яростно захрипѣлъ онъ: — что́ это такое? Я уйду... сказалъ онъ, идучи назадъ къ дверямъ.

— Да полно тебѣ, Михей Андреичъ, какой ты неугомонный! Ну, что ты его трогаешь? сказалъ Обломовъ. — Давай, Захаръ, что́ нужно!

Захаръ воротился и, косясь на Тарантьева, проворно шмыгнулъ мимо его. Обломовъ, облокотясь на него, не́хотя, какъ очень утомленный человѣкъ, привсталъ съ постели, и не́хотя же перейдя на большое кресло, опустился въ него и остался неподви-

Digitized by Google

женъ, ка́къ сѣлъ. Захаръ взялъ со столика помаду, гребенку и щетки, напомадилъ ему голову, сдѣлалъ проборъ и потомъ причесалъ его щеткой.

— Умываться теперь, что ли, будете? спросилъ онъ.

— Немного погожу еще, отвѣчалъ Обломовъ: — а ты подисебѣ.

— Ахъ, да и вы тутъ? вдругъ сказалъ Тарантьевъ, обращаясь къ Алексѣеву въ то время, какъ Захаръ причесывалъ Обломова: — я васъ и не видалъ. Зачѣмъ вы здѣсь? Что́ это вашъ родственникъ, какая свинья! Я вамъ все хотѣлъ сказать...

— Какой родственникъ? у меня никакого родственника нѣтъ, робко отвѣчалъ оторопѣвшій Алексѣевъ, выпуча глаза на Тарантьева.

— Ну, вотъ этотъ, что̀ еще служитъ тутъ, ка́къ его?.. Аѳанасьевъ зовутъ. Какъ же не родственникъ? родственникъ.

— Да я не Аѳанасьевъ, я Алексѣевъ, сказалъ Алексѣевъ: — у меня нѣтъ родственника.

— Вотъ еще не родственникъ! такой же, какъ вы, невзрачный, и зовутъ тоже Василіемъ Николаичемъ.

— Ей-Богу, не родня; меня зовутъ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Ну, все-равно, похожъ на васъ. Только онъ свинья: вы ему скажите это, какъ увидите.

— Я его не знаю, не видалъ никогда, говорилъ Алексѣевъ, открывая табакерку.

— Дайте-ка табаку! сказалъ Тарантьевъ: — да у васъ простой, не французскій? Та́къ и есть, сказалъ онъ, понюхавъ: — отчего не французскій? строго прибавилъ потомъ.

— Да, еще этакой свиньи я не видывалъ, какъ вашъ родственникъ, продолжалъ Тарантьевъ. — Взялъ я когда-то у него, ужь года два будетъ, пятьдесятъ рублей взаймы. Ну, велики ли деньги пятьдесятъ рублей? ка́къ, кажется, не забыть? нѣтъ, помнитъ: черезъ мѣсяцъ, гдѣ ни встрѣтитъ, «а что́ жь должокъ?» говоритъ. Надоѣлъ! Мало того, вчера къ намъ въ департаментъ пришелъ: «Вѣрно вы, говоритъ, жалованье получили, теперь можете отдать». Далъ я ему жалованье: пошелъ при всѣхъ срамить, такъ онъ на-силу двери нашелъ. «Бѣдный человѣкъ, самому надо!» Какъ-будто мнѣ не надо! Я что́ за богачъ, чтобъ ему по пятидесяти рублей отваливать! Дай-ка, землякъ, сигару.

— Сигары вонъ тамъ, въ коробочкѣ, отвѣчалъ Обломовъ, указывая на этажерку. Онъ задумчиво сидѣлъ въ креслахъ, въ своей

Digitized by Google

лѣниво-красивой позѣ, не замѣчая, что́ вокругъ него дѣлалось, не слушая, что́ говорилось. Онъ съ любовью разсматривалъ и гладилъ свои маленькія бѣлыя руки.

— Э! да это все тѣ же? строго спросилъ Тарантьевъ, вынувъ сигару и поглядывая на Обломова.

— Да, тѣ же, отвѣчалъ Обломовъ машинально.

— А я говорилъ тебѣ, чтобъ ты купилъ другихъ, заграничныхъ? Вотъ какъ ты помнишь, что́ тебѣ говорятъ! Смотри же, чтобъ къ слѣдующей субботѣ непремѣнно было, а то долго не приду. Вишь, вѣдь, какая дрянь! продолжалъ онъ, закуривъ сигару и пустивъ одно облако дыма на воздухъ, а другое втянувъ въ себя: — курить нельзя.

— Ты рано сегодня пришелъ, Михей Андреичъ, сказалъ Обломовъ, зѣвая.

— Что́ жь, я надоѣлъ тебѣ, что́ ли?

— Нѣтъ, я такъ только замѣтилъ; ты обыкновенно къ обѣду прямо приходишь, а теперь только еще первый часъ.

— Я нарочно заранѣе пришелъ, чтобъ узнать, какой обѣдъ будетъ. Ты все дрянью кормишь меня, такъ я вотъ узна́ю, что́-то ты велѣлъ готовить сегодня.

— Узнай тамъ, на кухнѣ, сказалъ Обломовъ.

Тарантьевъ вышелъ.

— Помилуй! сказалъ онъ, воротясь: — говядина и телятина. Эхъ, братъ Обломовъ, не умѣешь ты жить, а еще помѣщикъ! Какой ты баринъ? по-мѣщански живешь; не умѣешь угостить пріятеля! Ну, мадера-то куплена?

— Не знаю, спроси у Захара, почти не слушая его сказалъ Обломовъ: — тамъ вѣрно есть вино.

— Это прежняя-то, отъ нѣмца? Нѣтъ, изволь въ англійскомъ магазинѣ купить.

— Ну, и этой довольно, сказалъ Обломовъ: — а то еще посылать!

— Да постой, дай деньги, я мимо пойду и принесу; мнѣ еще надо кое-куда сходить.

Обломовъ порылся въ ящикѣ и вынулъ тогдашнюю красненькую десяти-рублевую бумажку.

— Мадера семь рублей стоитъ, сказалъ Обломовъ: — а тутъ десять.

— Такъ дай все: тамъ дадутъ сдачи, не бойся!

Digitized by Google

Онъ выхватилъ изъ рукъ Обломова ассигнацію и проворно спряталъ въ карманъ.

— Ну, я пойду, сказалъ Тарантьевъ, надѣвая шляпу: — а къ пяти часамъ буду; мнѣ надо кое-куда зайти: обѣщали мѣсто въ питейной конторѣ, такъ велѣли понавѣдаться... Да вотъ что́, Илья Ильичъ: не наймешь ли ты коляску сегодня, въ Екатерингофъ ѣхать? И меня бы взялъ.

Обломовъ покачалъ головой, въ знакъ отрицанія.

— Что́, лѣнь, или денегъ жаль? Эхъ, ты, мѣшокъ! сказалъ онъ. — Ну, прощай пока...

— Постой, Михей Андреичъ, прервалъ Обломовъ: — мнѣ надо кое-о-чемъ посовѣтоваться съ тобой.

— Что еще тамъ? говори скорѣй; мнѣ не́когда.

— Да вотъ на меня два несчастья вдругъ обрушились. Съ квартиры гонятъ...

— Видно не платишь: и по-дѣломъ! сказалъ Тарантьевъ и хотѣлъ идти.

— Поди ты! я всегда впередъ отдаю. Нѣтъ, тутъ хотятъ другую квартиру отдѣлывать... Да постой! куда ты? Научи, что́ дѣлать: торопятъ, черезъ недѣлю чтобъ съѣхали...

— Что́ я за совѣтникъ тебѣ достался?.. Напрасно ты воображаешь...

— Я совсѣмъ ничего не воображаю, сказалъ Обломовъ: — не шуми и не кричи, а лучше подумай, что́ дѣлать. Ты человѣкъ практическій...

Тарантьевъ уже не слушалъ его и о чемъ-то размышлялъ.

— Ну, такъ и быть, благодари меня, сказалъ онъ, снимая шляпу и садясь: — и вели къ обѣду подать шампанскаго: дѣло твое сдѣлано.

— Что́ такое? спросилъ Обломовъ.

— Шампанское будетъ?

— Пожалуй, если совѣтъ сто́итъ...

— Нѣтъ, самъ-то ты не стоишь совѣта. Что́ я тебѣ даромъ-то стану совѣтовать? Вонъ, спроси его, прибавилъ онъ, указывая на Алексѣева: — или у родственника его.

— Ну, ну, полно, говори! просилъ Обломовъ.

— Вотъ что́: завтра же изволь переѣзжать на квартиру...

— Э! что́ придумалъ! Это я и самъ зналъ...

— Постой, не перебивай! закричалъ Тарантьевъ.

Digitized by Google

— Завтра переѣзжай на квартиру къ моей кумѣ, на Выборгскую Сторону...

— Это что́ за новости? на Выборгскую Сторону! Да туда, говорятъ, зимой волки забѣгаютъ.

— Случается, забѣга́ютъ съ острововъ, да тебѣ что́ до этого за дѣло?

— Тамъ скука, пустота, никого нѣтъ.

— Врешь! тамъ кума моя живетъ: у ней свой домъ съ большими огородами. Она женщина благородная, вдова, съ двумя дѣтьми; съ ней живетъ холостой братъ: голова, не то́, что́ вотъ эта, что́ тутъ въ углу сидитъ, сказалъ онъ, указывая на Алексѣева: — насъ съ тобой за поясъ заткнетъ!

— Да что́ жь мнѣ до всего до этого за дѣло? сказалъ съ нетерпѣніемъ Обломовъ. — Я туда не переѣду.

— А вотъ я посмотрю, ка́къ ты не переѣдешь. Нѣтъ, ужь коли спросилъ совѣта, такъ слушайся, что́ говорятъ.

— Я не переѣду, рѣшительно сказалъ Обломовъ.

— Ну, такъ чортъ съ тобой! отвѣчалъ Тарантьевъ, нахлобучивъ шляпу, и пошелъ къ дверямъ.

— Чудакъ ты эдакой! воротясь, сказалъ Тарантьевъ: — что́ тебѣ здѣсь сладко кажется?

— Какъ что́? отъ всего близко, говорилъ Обломовъ: — тутъ и магазины, и театръ, и знакомые... центръ города, все...

— Что-о? перебилъ Тарантьевъ.—А давно ли ты ходилъ со двора, скажи-ка? Давно ли ты былъ въ театрѣ? Къ какимъ знакомымъ ходишь ты? На кой чортъ тебѣ этотъ центръ? позволь спросить.

— Ну, ка́къ зачѣмъ? мало ли зачѣмъ!

— Видишь, и самъ не знаешь! А тамъ подумай: ты будешь жить у кумы моей, благородной женщины, въ покоѣ, тихо; никто тебя не тронетъ; ни шуму, ни гаму, чисто, опрятно. Посмотри-ка, вѣдь ты живешь точно на постояломъ дворѣ, а еще баринъ, помѣщикъ! А тамъ чистота, тишина; есть съ кѣмъ и слово перемолвить, какъ соскучишься. Кромѣ меня, къ тебѣ и ходить никто не будетъ. Двое ребятишекъ—играй съ ними, сколько хочешь! Чего тебѣ? А выгода-то, выгода какая? ты что́ здѣсь платишь?

— Пятьсотъ тысячи.

— А тамъ тысячу рублей почти за цѣлый домъ! да какія свѣтленькія, славныя комнаты! Она давно хотѣла тихаго, аккуратнаго жильца имѣть — вотъ я тебя и назначаю...

Digitized by Google

Обломовъ разсѣянно покачалъ головой, въ знакъ отрицанія.

— Врешь, переѣдешь! сказалъ Тарантьевъ. — Ты разсуди, что тебѣ вѣдь это вдвое-меньше станетъ: на одной квартирѣ пятьсотъ рублей выгодаешь. Столъ у тебя будетъ вдвое-лучше и чище; ни кухарка, ни Захаръ воровать не будутъ...

Въ передней послышалось ворчанье.

— И порядка больше, продолжалъ Тарантьевъ: — вѣдь теперь скверно за столъ у тебя сѣсть: хватишься перцу — нѣтъ, уксусу не куплено, ножи не чищены; бѣлье, ты говоришь, пропадаетъ, пыль вездѣ — ну, мерзость! А тамъ жещина будетъ хозяйничать: ни тебѣ, ни твоему дураку, Захару...

Ворчанье въ передней раздалось сильнѣе.

— Этому старому псу, продолжалъ Тарантьевъ: — ни о чемъ и подумать не придется: на всемъ готовомъ будешь жить. Чтó тутъ размышлять? Переѣзжай, да и конецъ...

— Да какъ же это я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, на Выборгскую Сторону...

— Поди съ нимъ! говорилъ Тарантьевъ, отирая потъ съ лица:— теперь лѣто; вѣдь это все-равно что дача. Чтó ты гніешь здѣсь лѣтомъ-то, въ Гороховой?.. Тамъ безбородкинъ садъ, Охта подъ-бокомъ, Нева въ двухъ шагахъ: свой огородъ — ни пыли, ни духоты! Нéчего и думать: я сейчасъ же до обѣда слетаю къ ней— ты мнѣ дай на извощика—и завтра же переѣзжать...

— Чтó это за человѣкъ! сказалъ Обломовъ: — вдругъ выдумаетъ чортъ знаетъ что: на Выборгскую Сторону... Это немудрено выдумать. Нѣтъ, вотъ ты ухитрись выдумать, чтобъ остаться здѣсь. Я восемь лѣтъ живу, такъ мѣнять-то не хочется...

— Это кончено: ты переѣдешь. Я сейчасъ ѣду къ кумѣ, а про мѣсто въ другой разъ навѣдаюсь...

Онъ было-пошелъ.

— Постой, постой! куда ты? остановилъ его Обломовъ: — у меня еще есть дѣло, поважнѣе. Посмотри, какое я письмо отъ старосты получилъ, да рѣши, чтó мнѣ дѣлать.

— Видишь, вѣдь ты какой уродился! возразилъ Тарантьевъ: — ничего не умѣешь самъ сдѣлать. Все я да я! Ну, куда ты годишься? не человѣкъ: просто солома!

— Гдѣ письмо-то? Захаръ, Захаръ! Опять онъ куда-то дѣлъ его! говорилъ Обломовъ.

— Вотъ письмо старосты, сказалъ Алексѣевъ, взявъ скомканное письмо.

Digitized by Google

— Да́, вотъ оно, повторилъ Обломовъ и началъ читать вслухъ.

— Что́ ты скажешь? ка́къ мнѣ быть! спросилъ, прочитавъ, Илья Ильичъ. — За́сухи, недоимки...

— Пропащій, совсѣмъ пропащій человѣкъ! говорилъ Тарантьевъ.

— Да отчего жь пропащій?

— Какъ же не пропащій?

— Ну, если пропащій, такъ скажи, что́ дѣлать?

— А что́ за это?

— Вѣдь сказано, будетъ шампанское: чего же еще тебѣ?

— Шампанское за отъисканіе квартиры: вѣдь я тебя облагодѣтельствовалъ, а ты не чувствуешь этого, споришь еще; ты неблагодаренъ! Поди-ка съищи самъ квартиру! Да что́ квартира? главное, спокойствіе-то какое тебѣ будетъ: все-равно, какъ у родной сестры. Двое ребятишекъ, холостой братъ, я всякій день буду заходить...

— Ну, хорошо, хорошо, перебилъ Обломовъ: — ты вотъ теперь скажи, что́ мнѣ съ старостой дѣлать?

— Нѣтъ, прибавь портеръ къ обѣду, такъ скажу.

— Вотъ теперь портеръ! мало тебѣ...

— Ну, такъ прощай, сказалъ Тарантьевъ, опять надѣвая шляпу.

— Ахъ, ты, Боже мой! тутъ староста пишетъ, что дохода «тысячи двѣ яко поменѣ», а онъ еще портеръ набавилъ! Ну, хорошо, купи портеру.

— Дай еще денегъ! сказалъ Тарантьевъ.

— Вѣдь у тебя останется сдача отъ красненькой.

— А на извощика на Выборгскую Сторону? отвѣчалъ Тарантьевъ.

Обломовъ вынулъ еще цѣлковый и съ досадой сунулъ ему.

— Староста твой мошенникъ—вотъ что́ я тебѣ скажу, началъ Тарантьевъ, пряча цѣлковый въ карманъ: — а ты вѣришь ему, разиня ротъ. Видишь, какую пѣсню поетъ! за́сухи, неурожай, недоимки, да мужики ушли. Вретъ, все вретъ! Я слышалъ, что въ нашихъ мѣстахъ, въ шумиловой вотчинѣ, прошлогоднимъ урожаемъ всѣ долги уплатили, а у тебя вдругъ за́суха да неурожай. Шумиловское-то въ пятидесяти верстахъ отъ тебя только: отчего жь тамъ не сожгло хлѣба? Выдумалъ еще: недоимки. А онъ чего смотрѣлъ? зачѣмъ запускалъ? Откуда это недоимки? Работы, что́ ли, или сбыта въ нашей сторонѣ нѣтъ? Ахъ онъ разбойникъ! Да я бы его выучилъ! А мужики разошлись от-

Digitized by Google

того, что самъ же онъ, чай, содралъ съ нихъ что-нибудь да и распустилъ, а исправнику и не думалъ жаловаться.

— Не можетъ быть, говорилъ Обломовъ: — онъ даже и отвѣтъ исправника передаетъ въ письмѣ — такъ натурально...

— Эхъ, ты! не знаешь ничего. Да всѣ мошенники натурально пишутъ — ужь это ты мнѣ повѣрь! Вотъ, напримѣръ, продолжалъ онъ, указывая на Алексѣева: — сидитъ честная душа, овца-овцой, а напишетъ ли онъ натурально? — никогда. А родственникъ его, даромъ что свинья и бестія, тотъ напишетъ. И ты не напишешь натурально! Стало-быть, староста твой ужь потому бестія, что ловко и натурально написалъ. Видишь, вѣдь, какъ прибралъ, слово къ слову: «водворить на мѣсто жительства».

— Что́ жь дѣлать-то съ нимъ? спросилъ Обломовъ.

— Смѣни его сейчасъ же.

— А кого я назначу? Почемъ я знаю мужиковъ? Другой, можетъ-быть, хуже будетъ. Я двѣнадцать лѣтъ не былъ тамъ.

— Ступай въ деревню самъ: безъ этого нельзя; пробудь тамъ лѣто, а осенью прямо на новую квартиру и пріѣзжай. Я ужь похлопочу тутъ, чтобъ она была готова.

— На новую квартиру, въ деревню, самому! какія ты все отчаянныя мѣры предлагаешь! съ неудовольствіемъ сказалъ Обломовъ. — Нѣтъ, чтобъ избѣгнуть крайностей и придержаться средины...

— Ну, братъ Илья Ильичъ, совсѣмъ пропадешь ты. Да я бы, на твоемъ мѣстѣ, давнымъ-давно заложилъ имѣніе, да купилъ бы другое, или домъ здѣсь на хорошемъ мѣстѣ: это стóитъ твоей деревни. А тамъ заложилъ бы и домъ, да купилъ бы другой... Дай-ка мнѣ твое имѣніе, такъ обо мнѣ услыхали бы въ народѣ то...

— Перестань хвастаться, а выдумай, какъ бы и съ квартиры не съѣзжать, и въ деревню не ѣхать, и чтобъ дѣло сдѣлалось... замѣтилъ Обломовъ.

— Да сдвинешься ли ты когда-нибудь съ мѣста? говорилъ Тарантьевъ: — вѣдь погляди-ка ты на себя: куда ты годишься? какая отъ тебя польза отечеству? Не можетъ въ деревню съѣздить!

— Теперь мнѣ еще рано ѣхать, отвѣчалъ Илья Ильичъ: — прежде дай кончить планъ преобразованій, которыя я намѣренъ ввести въ имѣніе... Да знаешь ли что, Михей Андреичъ, вдругъ

Digitized by Google

сказалъ Обломовъ: — съѣзди-ка ты. Дѣло ты знаешь, мѣста тебѣ тоже извѣстны; а я бы не пожалѣлъ издержекъ.

— Я управитель, что́ ли, твой? надменно возразилъ Тарантьевъ: — да и отвыкъ я съ мужиками-то обращаться...

— Что́ дѣлать, сказалъ задумчиво Обломовъ:—право не знаю.

— Ну, напиши къ исправнику: спроси его, говорилъ ли ему староста о шатающихся мужикахъ, совѣтовалъ Тарантьевъ: — да попроси заѣхать въ деревню; потомъ къ губернатору напиши, чтобъ предписалъ исправнику донести о поведеніи старосты. «Примите, дескать, ваше превосходительство, отеческое участіе и взгляните окомъ милосердія на неминуемое, угрожающее мнѣ ужаснѣйшее несчастіе, происходящее отъ буйственныхъ поступковъ старосты, и крайнее разореніе, коему я неминуемо долженъ подвергнуться, съ женой и малолѣтными, остающимися безъ всякаго призрѣнія и куска хлѣба, двѣнадцатью человѣками дѣтей...»

Обломовъ засмѣялся.

— Откуда я наберу столько ребятишекъ, если попросятъ показать дѣтей? сказалъ онъ.

— Врешь, пиши: съ двѣнадцатью человѣками дѣтей; оно проскользнетъ мимо ушей, справокъ наводить не станутъ, за-то будетъ «натурально»... Губернаторъ письмо передастъ секретарю, а ты напишешь въ то же время и ему, разумѣется, со вложеніемъ— тотъ и сдѣлаетъ распоряженіе. Да попроси сосѣдей: кто у тебя тамъ?

— Добрынинъ тамъ близко, сказалъ Обломовъ: — я здѣсь съ нимъ часто видѣлся; онъ тамъ теперь.

— И ему напиши, попроси хорошенько: «сдѣлаете, дескать, мнѣ этимъ кровное одолженіе и обяжете, какъ христіанинъ, какъ пріятель, и какъ сосѣдъ», да приложи къ письму какой-нибудь петербургскій гостинецъ... сигаръ, что́ ли. Вотъ ты какъ поступи, а то ничего не смыслишь. Пропащій человѣкъ! У меня наплясался бы староста: я бы ему далъ! Когда туда почта?

— Послѣзавтра, сказалъ Обломовъ.

— Такъ вотъ садись, да и пиши сейчасъ.

— Вѣдь послѣзавтра, такъ зачѣмъ же сейчасъ? замѣтилъ Обломовъ: — можно и завтра. Да послушай-ко, Михей Андреичъ, прибавилъ онъ: — ужь доверши свои «благодѣянія»: я, такъ и быть, еще прибавлю къ обѣду рыбу или птицу какую-нибудь.

— Что́ еще? спросилъ Тарантьевъ.

— Присядь, да напиши-ка. Долго ли тебѣ три письма настро-

Digitized by Google

чить? ты такъ «натурально» разсказываешь... прибавилъ онъ, стараясь скрыть улыбку: — а вонъ Иванъ Алексѣичъ переписалъ бы...

— Э! какія выдумки! отвѣчалъ Тарантьевъ: — чтобъ я писать сталъ! я и въ должности третій день не пишу: какъ сяду, такъ слеза изъ лѣваго глаза и начнетъ бить; видно надуло, да и голова затекаетъ, какъ нагнусь... Лѣнтяй, ты лѣнтяй! пропадаешь, братъ, Илья Ильичъ, ни за копейку!

— Ахъ, хоть бы Андрей поскорѣй пріѣхалъ! сказалъ Обломовъ: — онъ бы все уладилъ...

— Вотъ нашелъ благодѣтеля! прервалъ его Тарантьевъ:—нѣмецъ проклятый, шельма продувная!..

Тарантьевъ питалъ какое-то инстинктивное отвращеніе къ иностранцамъ: въ глазахъ его, французъ, нѣмецъ, англичанинъ были синонимы мошенника, обманщика, хитреца или разбойника. Онъ даже не дѣлалъ различія между націями: онѣ были всѣ одинаковы въ его глазахъ.

— Послушай, Михей Андреичъ, строго заговорилъ Обломовъ: — я тебя просилъ быть воздержнѣе на языкъ, особенно о близкомъ мнѣ человѣкѣ...

— О близкомъ человѣкѣ! съ ненавистью возразилъ Тарантьевъ: — что́ онъ тебѣ за родня такая? Нѣмецъ — извѣстно!

— Ближе всякой родни: я вмѣстѣ съ нимъ росъ, учился, и не позволю дерзостей...

Тарантьевъ побагровѣлъ отъ злости.

— А! если ты мѣняешь меня на нѣмца, сказалъ онъ:—такъ я къ тебѣ больше ни ногой.

Онъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери. Обломовъ мгновенно смягчился.

— Тебѣ бы слѣдовало уважать въ немъ моего пріятеля и осторожнѣе отзываться о немъ—вотъ все, чего я требую! кажется, невелика услуга, сказалъ онъ.

— Уважать нѣмца? съ величайшимъ презрѣніемъ сказалъ Тарантьевъ: — за что́ это?

— Я ужь тебѣ сказалъ, хоть бы за то, что онъ вмѣстѣ со мной росъ и учился.

— Велика важность! Мало ли кто съ кѣмъ учился!

— Вотъ еслибъ онъ былъ здѣсь, такъ онъ давно бы избавилъ меня отъ всякихъ хлопотъ, не спросивъ ни портеру, ни шампанскаго... сказалъ Обломовъ.

Digitized by Google

— А! ты попрекаешь мнѣ! Такъ чортъ съ тобой, и съ твоимъ портеромъ и шампанскимъ! На́ вотъ, возьми свои деньги... Куда бишь я ихъ положилъ? вотъ совсѣмъ забылъ, куда сунулъ, проклятыя!

Онъ вынулъ какую-то замасляную, исписанную бумажку.

— Нѣтъ, не онѣ!.. говорилъ онъ. — Куда это я ихъ?..

Онъ шарилъ по карманамъ.

— Не трудись, не доставай! сказалъ Обломовъ: — я тебя не упрекаю, а только прошу отзываться приличнѣе о человѣкѣ, который мнѣ близокъ и который такъ много сдѣлалъ для меня...

— Много! злобно возразилъ Тарантьевъ. — Вотъ постой, онъ еще больше сдѣлаетъ — ты слушай его!

— Къ-чему ты это говоришь мнѣ? спросилъ Обломовъ.

— А вотъ къ тому, какъ ужо нѣмецъ твой облупитъ тебя, такъ ты и будешь знать, ка́къ мѣнять земляка, русскаго человѣка, на бродягу какого-то...

— Послушай, Михей Андреичъ... началъ Обломовъ.

— Не́чего слушать-то, я слушалъ много, натерпѣлся отъ тебя горя-то! Богъ видитъ, сколько обидъ перенесъ... Чай, въ Саксоніи-то отецъ его и хлѣба-то не видалъ, а сюда носъ поднимать пріѣхалъ.

— За что́ ты мертвыхъ тревожишь? Чѣмъ виноватъ отецъ?

— Виноваты оба, и отецъ и сынъ, мрачно сказалъ Тарантьевъ, махнувъ рукой.—Не даромъ мой отецъ совѣтовалъ беречься этихъ нѣмцевъ, а ужь онъ ли не зналъ всякихъ людей на своемъ вѣку!

— Да чѣмъ же не нравится отецъ, напримѣръ? спросилъ Илья Ильичъ.

— А тѣмъ, что пріѣхалъ въ нашу губернію въ одномъ сюртукѣ, да въ башмакахъ, въ сентябрѣ, а тутъ вдругъ сыну наслѣдство оставилъ—что́ это значитъ?

— Оставилъ онъ сыну наслѣдства всего тысячъ сорокъ. Кое-что́ онъ взялъ въ приданое за женой, а остальные пріобрѣлъ тѣмъ, что училъ дѣтей да управлялъ имѣніемъ: хорошее жалованье получалъ... Видишь, что отецъ невиноватъ. Чѣмъ же теперь виноватъ сынъ?

— Хорошъ мальчикъ! Вдругъ изъ отцовскихъ сорока сдѣлалъ тысячъ триста капиталу и въ службѣ за надворнаго перевалился, и ученый... теперь вонъ еще путешествуетъ! Пострѣлъ вездѣ поспѣлъ! Развѣ настоящій-то хорошій русскій человѣкъ станетъ все это дѣлать? Русскій человѣкъ выберетъ что-нибудь одно, да

Digitized by Google

и то еще не спѣша, потихоньку да полегоньку, кое-какъ, а то на-ко, поди! Добро бы въ откупа вступилъ — ну, понятно, отчего разбогатѣлъ; а то ничего, такъ, на фу-фу! Нечисто! Я бы подъ судъ этакихъ! Вотъ теперь шатается, чортъ знаетъ, гдѣ! продолжалъ Тарантьевъ.—Зачѣмъ онъ шатается по чужимъ землямъ?

— Учиться хочетъ, все видѣть, знать.

— Учиться! Мало еще учили его! Чему это? Вретъ онъ, не вѣрь ему: онъ тебя въ глаза обманываетъ, какъ малаго ребенка. Развѣ большіе учатся чему-нибудь? Слышите, что̀ разсказываетъ? Станетъ надворный совѣтникъ учиться! Вотъ ты учился въ школѣ, а развѣ теперь учишься? а онъ развѣ (онъ указалъ на Алексѣева) учится? а родственникъ его учится? Кто изъ добрыхъ людей учится? Что̀ онъ тамъ, въ нѣмецкой школѣ, что̀ ли, сидитъ, да уроки учитъ? Вретъ онъ! Я слышалъ, онъ какую-то машину поѣхалъ смотрѣть да заказывать: видно тиски для русскихъ денегъ! Я бы его въ острогъ... Акціи какія-то... Охъ, эти мнѣ акціи, та̀къ душу и мутятъ!

Обломовъ расхохотался.

— Что̀ зубы-то скалишь? Не правду, что̀ ли, я говорю? сказалъ Тарантьевъ.

— Ну, оставимъ это! прервалъ его Илья Ильичъ.—Ты иди съ Богомъ, куда хотѣлъ, а я вотъ съ Иваномъ Васильичемъ напишу всѣ эти письма, да постараюсь поскорѣй набросать на бумагу планъ-то свой: ужь кстати заодно дѣлать...

Тарантьевъ ушелъ-было въ переднюю, но вдругъ воротился опять.

— Забылъ совсѣмъ! Шелъ къ тебѣ за дѣломъ съ утра, сказалъ онъ, ужь вовсе-негрубо. — Завтра звали меня на свадьбу: Рокотовъ женится. Дай, землякъ, своего фрака надѣть; мой-то, видишь ты, пообтерся немного...

— Какъ же можно! сказалъ Обломовъ, хмурясь при этомъ новомъ требованіи: — мой фракъ тебѣ не впору...

— Впору; вотъ не впору! перебилъ Тарантьевъ.—А помнишь, я примѣривалъ твой сюртукъ: какъ на меня сшитъ! Захаръ, Захаръ! поди-ка сюда, старая скотина! кричалъ Тарантьевъ.

Захаръ зарычалъ, какъ медвѣдь, но не шелъ.

— Позови его, Илья Ильичъ. Что это онъ у тебя какой? сказалъ Тарантьевъ.

— Захаръ! кликнулъ Обломовъ.

Digitized by Google

— О, чтобъ васъ тамъ... раздалось въ передней, вмѣстѣ съ прыжкомъ ногъ съ лежанки.

— Ну, чего вамъ? сказалъ онъ, обращаясь къ Тарантьеву.

— Дай сюда мой черный фракъ, сказалъ Илья Ильичъ:—вотъ Михей Андреичъ примѣритъ, не впору ли ему: завтра ему на свадьбу надо..

— Не дамъ фрака, рѣшительно сказалъ Захаръ.

— Какъ ты смѣешь, когда баринъ приказываетъ? закричалъ Тарантьевъ.— Что ты, Илья Ильичъ, его въ смирительный домъ не отправишь?

— Да́, вотъ этого еще недоставало: старика въ смирительный домъ! сказалъ Обломовъ. — Дай, Захаръ, фракъ, не упрямься!

— Не дамъ! холодно отвѣчалъ Захаръ: — пусть прежде они принесутъ назадъ жилетъ да нашу рубашку: пятый мѣсяцъ гоститъ тамъ. Взяли вотъ этакъ же на именины, да и поминай ка́къ звали; жилетъ-то бархатный, а рубашка тонкая, голландская: двадцать-пять рублевъ сто́итъ. Не дамъ фрака!

— Ну, прощайте! чортъ съ вами пока! сказалъ Тарантьевъ, уходя и грозя Захару кулакомъ. — Смотри же, Илья Ильичъ, я найму тебѣ квартиру — слышишь ты? прибавилъ онъ.

— Ну, хорошо, хорошо! съ нетерпѣніемъ говорилъ Обломовъ, чтобъ только отвязаться отъ него.

— А ты напиши тутъ, что́ нужно, продолжалъ Тарантьевъ:— да не забудь написать губернатору, что у тебя двѣнадцать человѣкъ дѣтей, «малъ мала меньше». А въ пять часовъ, чтобъ супъ былъ на столѣ! Да что ты не велѣлъ пирога сдѣлать?

Но Обломовъ молчалъ; онъ давно ужь не слушалъ его и, закрывъ глаза, думалъ о чемъ-то другомъ.

Съ уходомъ Тарантьева, въ комнатѣ водворилась ненарушимая тишина минутъ на десять. Обломовъ былъ разстроенъ и письмомъ старосты, и предстоящимъ переѣздомъ на квартиру, и отчасти утомленъ трескотней Тарантьева. Наконецъ онъ вздохнулъ.

— Что жь вы не пишете? тихо спросилъ Алексѣевъ:—я бы вамъ перышко очинилъ.

— Очините, да и Богъ съ вами, поцте куда-нибудь! сказалъ Обломовъ.—Я ужь одинъ займусь, а вы послѣ обѣда перепишете.

— Очень-хорошо-съ, отвѣчалъ Алексѣевъ.—Въ-самомъ-дѣлѣ, еще помѣшаю какъ-нибудь... А я пойду пока скажу, чтобъ насъ не ждали въ Екатерингофъ. Прощайте, Илья Ильичъ.



Digitized by Google

Но Илья Ильичъ не слушалъ его: онъ, подобравъ ноги подъ себя, почти улегся въ кресло и, подгорюнившись, погрузился не то въ дремоту, не то въ задумчивость.

## V.

Обломовъ, дворянинъ родомъ, коллежскій секретарь чиномъ, безвыѣздно живетъ двѣнадцатый годъ въ Петербургѣ.

Сначала, при жизни родителей, онъ жилъ потѣснѣе, помѣщался въ двухъ комнатахъ, довольствовался только вывезеннымъ имъ изъ деревни слугой, Захаромъ; но, по смерти отца и матери, онъ сталъ единственнымъ обладателемъ трехсотъ-пятидесяти душъ, доставшихся ему въ наслѣдство въ одной изъ отдаленныхъ губерній, чуть не въ Азіи. Онъ, вмѣсто пяти, получалъ уже отъ семи до десяти тысячъ рублей ассигнаціями дохода; тогда и жизнь его приняла другіе, болѣе-широкіе размѣры. Онъ нанялъ квартиру побольше, прибавилъ къ своему штату еще повара и завелъ-было пару лошадей. Тогда еще онъ былъ молодъ и, если нельзя сказать, чтобъ онъ былъ живъ, то, по-крайней-мѣрѣ, живѣе, чѣмъ теперь; еще онъ былъ полонъ разныхъ стремленій, все чего-то надѣялся, ждалъ многаго и отъ судьбы, и отъ самого себя; все готовился къ поприщу, къ роли — прежде всего, разумѣется, въ службѣ, что́ и было цѣлью его пріѣзда въ Петербургъ. Потомъ онъ думалъ и о роли въ обществѣ; наконецъ, въ отдаленной перспективѣ, на поворотѣ съ юности къ зрѣлымъ лѣтамъ, воображенію его мелькало и улыбалось семейное счастіе. Но дни шли за днями, года смѣнялись годами, пушокъ обратился въ жесткую бороду, лучи глазъ смѣнились двумя тусклыми точками, талія округлилась, волосы стали немилосердо лѣзть, стукнуло тридцать лѣтъ, а онъ ни на шагъ не подвинулся ни на какомъ поприщѣ и все еще стоялъ у порога своей арены, тамъ же, гдѣ былъ десять лѣтъ назадъ. Но онъ все сбирался и готовился начать жизнь, все рисовалъ въ умѣ узоръ своей будущности, но съ каждымъ мелькавшимъ надъ головой его годомъ долженъ былъ что-нибудь измѣнять и отбрасывать въ этомъ узорѣ.

Жизнь въ его глазахъ раздѣлялась на двѣ половины: одна состояла изъ труда и скуки — это у него были синонимы; другая изъ покоя и мирнаго веселья. Отъ этого главное поприще —

Digitized by Google

служба на первыхъ порахъ озадачила его самымъ непріятнымъ образомъ.

Воспитанный въ нѣдрахъ провинціи, среди кроткихъ и теплыхъ нравовъ и обычаевъ родины, переходя въ-теченіе двадцати лѣтъ изъ объятій въ объятія родныхъ, друзей и знакомыхъ, онъ до-того былъ проникнутъ семейнымъ началомъ, что и будущая служба представлялась ему въ видѣ какого-то семейнаго занятія, въ родѣ, напримѣръ, лѣниваго записыванья въ тетрадку прихода и расхода, какъ дѣлывалъ его отецъ. Онъ полагалъ, что чиновники одного мѣста составляютъ между собою дружную, тѣсную семью, неусыпно-пекущуюся о взаимномъ спокойствіи и удовольствіяхъ, что посѣщеніе присутственнаго мѣста отнюдь не есть обязательная привычка, которой надо придерживаться ежедневно, и что слякоть, жара, или, просто, нерасположеніе, всегда будутъ служить достаточными и законными предлогами къ нехожденію въ должность. Но какъ огорчился онъ, когда увидѣлъ, что надобно быть по-крайней-мѣрѣ землетрясенію, чтобъ не придти здоровому чиновнику на службу, а землетрясеній, какъ на грѣхъ, въ Петербургѣ не бываетъ; наводненіе, конечно, могло бы тоже служить преградой, но и то рѣдко бываетъ. Еще болѣе призадумался Обломовъ, когда замелькали у него въ глазахъ пакеты, съ надписью *нужное* и даже *весьма-нужное*, когда его заставляли дѣлать разныя справки, выписки, рыться въ дѣлахъ, писать тетради въ два пальца толщиной, которыя, точно на-смѣхъ, называли *записками*: притомъ все требовали скоро, всѣ куда-то торопились, ни на чемъ не останавливались: не успѣютъ спустить съ рукъ одно дѣло, какъ ужь опять съ яростью хватаются за другое, какъ-будто въ немъ вся сила и есть, а кончивъ, забудутъ его и кидаются на третье — и конца этому никогда нѣтъ! Раза два его поднимали ночью и заставляли писать «записки», нѣсколько разъ добывали, посредствомъ курьера, изъ гостей — все по поводу этихъ же записокъ. Все это навело на него страхъ и скуку великую. «Когда же жить? когда жить?» твердилъ онъ.

О начальникѣ онъ слыхалъ у себя дома, что это отецъ подчиненныхъ, и поэтому составилъ себѣ самое смѣющееся, самое семейное понятіе объ этомъ лицѣ. Онъ его представлялъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ втораго отца, который только и дышетъ тѣмъ, какъ бы за дѣло и не за дѣло, сплошь-да-рядомъ, награждать своихъ подчиненныхъ и заботиться не только о ихъ нуждахъ,

Digitized by Google

но и объ удовольствіяхъ. Илья Ильичъ думалъ, что начальникъ до-того входитъ въ положеніе своего подчиненнаго, что заботливо разспроситъ его: каково онъ почивалъ ночью, отчего у него мутны глаза и не болитъ ли голова? Но онъ жестоко разочаровался въ первый же день своей службы. Съ пріѣздомъ начальника начиналась бѣготня, суета, всѣ смущались, всѣ сбивали другъ друга съ ногъ, иные обдергивались, опасаясь, что они недовольно-хороши ка́къ есть, чтобъ показаться начальнику. Это происходило, какъ замѣтилъ Обломовъ впослѣдствіи, оттого, что есть такіе начальники, которые, въ испуганномъ до одуренія лицѣ подчиненнаго, выскочившаго къ нимъ на встрѣчу, видятъ не только почтеніе къ себѣ, но даже ревность, а иногда и способности къ службѣ. Ильѣ Ильичу не нужно было пугаться такъ своего начальника, добраго и пріятнаго въ обхожденіи человѣка: онъ никогда никому дурнаго не сдѣлалъ. Подчиненные были какъ-нельзя-болѣе довольны и не желали лучшаго. Никто никогда не слыхалъ отъ него непріятнаго слова, ни крика, ни шуму; онъ никогда ничего не требуетъ, а все проситъ. Дѣло сдѣлать — проситъ, въ гости къ себѣ—проситъ, и подъ арестъ сѣсть — проситъ. Онъ никогда никому не сказалъ *ты:* всѣмъ *вы*—и одному чиновнику, и всѣмъ вмѣстѣ. Но всѣ подчиненные чего-то робѣли въ присутствіи начальника; они, на его ласковый вопросъ, отвѣчали не своимъ, а какимъ-то другимъ голосомъ, какимъ съ прочими не говорили. И Илья Ильичъ вдругъ робѣлъ, самъ не зная отчего, когда начальникъ входилъ въ комнату, и у него сталъ пропадать свой голосъ и являлся какой-то другой, тоненькій и гадкій, какъ-скоро заговаривалъ съ нимъ начальникъ.

Изстрадался Илья Ильичъ отъ страха и тоски на службѣ даже и при добромъ, снисходительномъ начальникѣ. Богъ знаетъ что́ сталось бы съ нимъ, еслибъ онъ попался къ строгому и взыскательному! Обломовъ прослужилъ кое-какъ года два; можетъ-быть, онъ дотянулъ бы и третій до полученія чина, но особенный случай заставилъ его ранѣе покинуть службу. Онъ отправилъ однажды какую-то нужную бумагу, вмѣсто Астрахани, въ Архангельскъ. Дѣло объяснилось; стали отъискивать виноватаго. Всѣ другіе съ любопытствомъ ждали, ка́къ начальникъ позоветъ Обломова, ка́къ холодно и покойно спроситъ, «онъ ли это отослалъ бумагу въ Астрахань», и всѣ недоумѣвали, какимъ голосомъ отвѣтитъ ему Илья Ильичъ. Нѣкоторые полагали, что онъ

Digitized by Google

даже вовсе не отвѣтитъ: не сможетъ. Глядя на другихъ, Илья Ильичъ и самъ перепугался, хотя и онъ и всѣ прочіе знали, что начальникъ ограничится замѣчаніемъ; но собственная совѣсть была гораздо-строже выговора. Обломовъ не дождался заслуженой кары, ушелъ домой и прислалъ медицинское свидѣтельство.

Въ этомъ свидѣтельствѣ сказано было: «Я, нижеподписавшійся, свидѣтельствую, съ приложеніемъ своей печати, что коллежскій секретарь Илья Обломовъ одержимъ *отолщеніемъ сердца съ расширеніемъ лѣваго желудочка онаго* (Hypertrophia cordis cum dilatatione ejus ventriculi sinistri), а равно хроническою болью въ печени (hepatitis), угрожающею опаснымъ развитіемъ здоровью и жизни больнаго, каковые припадки происходятъ, какъ надо полагать, отъ ежедневнаго хожденія въ должность. Посему, въ предотвращеніе повторенія и усиленія болѣзненныхъ припадковъ, я считаю за нужное прекратить навремя г. Обломову хожденіе на службу и вообще предписываю воздержаніе отъ умственнаго занятія и всякой дѣятельности».

Но это помогло только на-время: надо же было выздоровѣть— а за этимъ въ перспективѣ было опять ежедневное хожденіе въ должность. Обломовъ не вынесъ и подалъ въ отставку. Такъ кончилась и потомъ уже не возобновлялась его государственная дѣятельность.

Роль въ обществѣ удалась-было ему лучше. Въ первые годы пребыванія его въ Петербургѣ, въ его ранніе молодые годы, покойныя черты лица его оживлялись чаще, глаза подолгу сіяли огнемъ жизни, изъ нихъ лились лучи свѣта, надежды, силы. Онъ волновался, какъ и всѣ, надѣялся, радовался пустякамъ, и отъ пустяковъ же страдалъ. Но это все было давно, еще въ ту нѣжную пору, когда человѣкъ во всякомъ другомъ человѣкѣ предполагаетъ искренняго друга и влюбляется почти во всякую женщину и всякой готовъ предложить руку и сердце, что́ инымъ даже и удается совершить, часто къ великому прискорбію потомъ на всю остальную жизнь. Въ эти блаженные дни, на долю Ильи Ильича тоже выпало не мало мягкихъ, бархатныхъ, даже страстныхъ взглядовъ изъ толпы красавицъ, про́пасть многообѣщающихъ улыбокъ, два, три непривилегированные поцалуя и еще больше дружескихъ рукожатій, съ болью до слезъ.

Впрочемъ, онъ никогда не отдавался въ плѣнъ красавицамъ, никогда не былъ ихъ рабомъ, даже очень-прилежнымъ поклон-

Digitized by Google

никомъ уже и потому, что къ сближенію съ женщинами ведутъ большія хлопоты. Обломовъ больше ограничивался поклоненіемъ имъ издали, на почтительномъ разстояніи. Рѣдко судьба сталкивала его съ женщиною въ обществѣ до такой степени, чтобъ онъ могъ вспыхнуть на нѣсколько дней и почесть себя влюбленнымъ. Отъ этого его любовныя интриги не разъигрывались въ романы: онѣ останавливались въ самомъ началѣ и своею невинностью, простотой и чистотой не уступали повѣстямъ любви какой-нибудь пансіонерки на возрастѣ.

Пуще всего онъ бѣгалъ тѣхъ блѣдныхъ, печальныхъ дѣвъ, большею частью съ черными глазами, въ которыхъ свѣтятся «мучительные дни и неправедныя ночи», дѣвъ, съ невѣдомыми никому скорбями и радостями, у которыхъ всегда есть что-то ввѣрить, сказать, и когда надо сказать, онѣ вздрагиваютъ, заливаются внезапными слезами, потомъ вдругъ обовьютъ шею друга руками, долго смотрятъ въ глаза, потомъ на небо, говорятъ, что жизнь ихъ обречена проклятію, и иногда падаютъ въ обморокъ. Онъ съ боязнью обходилъ такихъ дѣвъ. Душа его была еще чиста и дѣвственна; она, можетъ-быть, ждала своей любви, своей поры, своей патетической страсти, а потомъ, съ годами, кажется, перестала ждать и отчаялась.

Илья Ильичъ еще холоднѣе простился съ толпой друзей. Тотчасъ послѣ перваго письма старосты о недоимкахъ и неурожаѣ, замѣнилъ онъ перваго своего друга, повара, кухаркой; потомъ продалъ лошадей и наконецъ и отпустилъ прочихъ «друзей».

Его почти ничто не влекло изъ дома, и онъ съ каждымъ днемъ все крѣпче и постояннѣе водворялся въ своей квартирѣ.

Сначала ему тяжело стало пробыть цѣлый день одѣтымъ, потомъ онъ лѣнился обѣдать въ гостяхъ, кромѣ коротко-знакомыхъ, больше холостыхъ домовъ, гдѣ можно снять галстухъ, разстегнуть жилетъ и гдѣ можно даже «поваляться», или соснуть часокъ. Вскорѣ и вечера надоѣли ему: надо надѣвать фракъ, каждый день бриться. Вычиталъ онъ гдѣ-то, что только утреннія испаренія полезны, а вечернія вредны, и сталъ бояться сырости. Несмотря на всѣ эти причуды, другу его, Штольцу, удавалось вытаскивать его въ люди; но Штольцъ часто отлучался изъ Петербурга въ Москву, въ Нижній, въ Крымъ, а потомъ и за границу—и безъ него Обломовъ опять ввергался весь по-уши въ свое одиночество и уединеніе, изъ котораго могло его выве-

Digitized by Google

сти что-нибудь необыкновенное, выходящее изъ ряда ежедневныхъ явленій жизни; но подобнаго ничего не было и не предвидѣлось впереди.

Ко всему этому, съ лѣтами, возвратилась какая-то ребяческая робость, ожиданіе опасности и зла отъ всего, что не встрѣчалось въ сферѣ его ежедневнаго быта — слѣдствіе отвычки отъ разнообразныхъ внѣшнихъ явленій.

Его не пугала, напримѣръ, трещина потолка въ его спальнѣ: онъ къ ней привыкъ; не приходило ему тоже въ голову, что вѣчно-спертый воздухъ въ комнатѣ и постоянное сидѣнье взаперти чуть-ли не губительнѣе для здоровья, нежели ночная сырость; что переполнять ежедневно желудокъ есть своего рода постепенное самоубійство; но онъ къ этому привыкъ и не пугался. Онъ не привыкъ къ движенію, къ жизни, къ многолюдству и суетѣ. Въ тѣсной толпѣ ему было душно; въ лодку онъ садился съ невѣрною надеждою добраться благополучно до другаго берега; въ каретѣ ѣхалъ, ожидая, что лошади понесутъ и разобьютъ. Не то, на него нападалъ нервическій страхъ: онъ пугался окружающей его тишины, или, просто, и самъ не зналъ чего—у него побѣгутъ мурашки по тѣлу. Онъ иногда боязливо косится на темный уголъ, ожидая, что воображеніе съиграетъ съ нимъ штуку и покажетъ сверхъестественное явленіе.

Такъ разъигралась роль его въ обществѣ и лѣниво махнулъ онъ рукой на всѣ юношескія обманувшія его, или обманутыя имъ надежды, всѣ нѣжно-грустныя, свѣтлыя воспоминанія, отъ которыхъ у иныхъ и подъ старость бьется сердце.

## VI.

Что жь онъ дѣлалъ дома? читалъ? писалъ? учился? Да́, если попадется подъ-руку книга, газета, онъ ее прочтетъ. Услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи — у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ — и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подлѣ него недочитанная, непонятая. Охлажденіе одолѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченіе: онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ. Между-

Digitized by Google

тѣмъ, онъ учился какъ и другіе, какъ всѣ, то-есть до пятнадцати лѣтъ въ пансіонѣ; потомъ старики Обломовы, послѣ долгой борьбы, рѣшились послать Илюшу въ Москву, гдѣ онъ, волей-неволей, прослѣдилъ курсъ наукъ до конца. Робкій, апатическій характеръ мѣшалъ ему обнаруживать вполнѣ свою лѣнь и капризы въ чужихъ людяхъ, въ школѣ, гдѣ не дѣлали исключеній въ пользу балованныхъ сынковъ. Онъ по необходимости сидѣлъ въ классѣ прямо, слушалъ, что̀ говорили учители, потому-что другаго ничего дѣлать было нельзя, и съ трудомъ, съ по̀томъ, со вздохами, выучивалъ задаваемые ему уроки. Все это вообще считалъ онъ за наказаніе, ниспосланное небомъ за наши грѣхи.

Дальше той строки, подъ которой учитель, задавая урокъ, проводилъ ногтемъ черту, онъ не заглядывалъ, разспросовъ никакихъ ему не дѣлалъ и поясненій не требовалъ. Онъ довольствовался тѣмъ, что̀ написано въ тетрадкѣ, и докучливаго любопытства не обнаруживалъ, даже когда и не все понималъ, что̀ слушалъ и училъ. Если ему кое-какъ удавалось одолѣть книгу, называемую статистикой, исторіей, политической экономіей, онъ совершенно былъ доволенъ. Когда же Штольцъ приносилъ ему книги, какія надо еще прочесть сверхъ выученнаго, Обломовъ долго глядѣлъ молча на него. «И ты, Брутъ, противъ меня!» говорилъ онъ со вздохомъ, принимаясь за книги. Неестественно и тяжело ему казалось такое неумѣренное чтеніе. «Зачѣмъ же всѣ эти тетрадки, на которыя изведешь про̀пасть бумаги, времени и чернилъ, зачѣмъ учебныя книги? зачѣмъ же, наконецъ, шесть, семь лѣтъ затворничества, всѣ строгости, взысканія, сидѣнье и томленье надъ уроками, запретъ бѣгать, шалить, веселиться, когда еще не все кончено? «Когда же жить?» спрашивалъ онъ опять самого себя: «когда же, наконецъ, пускать въ оборотъ этотъ капиталъ знаній, изъ которыхъ большая часть еще ни на что̀ не понадобятся въ жизни? Политическая экономія, напримѣръ, алгебра, геометрія — что̀ я стану съ ними дѣлать въ Обломовкѣ?» И сама исторія только въ тоску повергаетъ: учишь, читаешь, что вотъ-де настала година бѣдствій, несчастливъ человѣкъ; вотъ собирается съ силами, работаетъ, гомозится, страшно терпитъ и трудится, все готовитъ ясные дни. Вотъ, настали они—тутъ бы хоть сама исторія отдохнула: нѣтъ, опять появились тучи, опять зданіе рухнуло, опять работать, гомозиться... Не остановятся ясные дни, бѣгутъ—и все течетъ жизнь, все течетъ, все ломка да ломка!

Digitized by Google

Серьёзное чтеніе утомляло его. Мыслителямъ не удалось расшевелить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ. За-то поэты задѣли его за живое: онъ сталъ юношей какъ всѣ. И для него насталъ счастливый, никому-неизмѣняющій, всѣмъ улыбающійся моментъ жизни, расцвѣтенія силъ, надеждъ на бытіе, желаніе блага, доблести, дѣятельности, эпоха сильнаго біенія сердца, пульса, трепета, восторженныхъ рѣчей и сладкихъ слезъ. Умъ и сердце просвѣтлѣли: онъ стряхнулъ дремоту, душа запросила дѣятельности. Штольцъ помогъ ему продлить этотъ моментъ, сколько возможно было для такой натуры, какова была натура его друга. Онъ поймалъ Обломова на поэтахъ и года полтора держалъ его подъ ферулой мысли и науки. Пользуясь восторженнымъ полетомъ молодой мечты, онъ въ чтеніе поэтовъ вставлялъ другія цѣли, кромѣ наслажденія, строже, указывалъ въ дали пути своей и его жизни и увлекалъ въ будущее. Оба волновались, плакали, давали другъ другу торжественныя обѣщанія идти разумною и свѣтлой дорогой. Юношескій жаръ Штольца заражалъ Обломова, и онъ сгаралъ отъ жажды труда, далекой, но обаятельной цѣли.

Но цвѣтъ жизни распустился и не далъ плодовъ. Обломовъ отрезвился и только изрѣдка, по указанію Штольца, пожалуй, и прочитывалъ ту или другую книгу, но не вдругъ, не торопясь, безъ жадности, а лѣниво пробѣгалъ глазами по строкамъ. Какъ ни интересно было мѣсто, на которомъ онъ останавливался, но если на этомъ мѣстѣ заставалъ его часъ обѣда или сна, онъ клалъ книгу переплетомъ вверхъ и шелъ обѣдать, или гасилъ свѣчу и ложился спать. Если давали ему первый томъ, онъ, по прочтеніи, не просилъ втораго, а приносили—онъ медленно прочитывалъ. Потомъ ужь онъ не осиливалъ и перваго тома, а большую часть свободнаго времени проводилъ, положивъ локоть на столъ, а на локоть голову; иногда вмѣсто локтя употреблялъ ту книгу, которую Штольцъ навязывалъ ему прочесть.

Такъ совершилъ свое ученое поприще Обломовъ. То число, въ которое онъ выслушалъ послѣднюю лекцію и было геркулесовыми столпами его учености. Начальникъ заведенія, подписью своею на аттестатѣ, какъ прежде учитель ногтемъ на книгѣ, провелъ черту, за которую герой нашъ не считалъ уже нужнымъ простирать свои ученыя стремленія. Голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ-несвязанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ

Digitized by Google

или другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п. Это была какъ-будто библіотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ частямъ знаній.

Странно подѣйствовало ученье на Илью Ильича: у него между наукой и жизнью лежала цѣлая бездна, которой онъ не пытался перейти. Жизнь у него была сама-по-себѣ, а наука сама-по-себѣ. Онъ учился всѣмъ существующимъ и давно-несуществующимъ правамъ, прошелъ курсъ и практическаго судопроизводства, а когда, по случаю какой-то покражи въ домѣ, понадобилось написать бумагу въ полицію, онъ взялъ листъ бумаги, перо, думалъ, думалъ, да и послалъ за писаремъ. Счеты въ деревнѣ сводилъ староста. «Что жь тутъ было дѣлать наукѣ?» разсуждалъ онъ въ недоразумѣніи.

И онъ воротился въ свое уединеніе безъ груза знаній, которыя бы могли дать направленіе вольно-гуляющей въ головѣ или праздно-дремлющей мысли. Что жь онъ дѣлалъ? Да все продолжалъ чертить узоръ собственной жизни. Въ ней онъ, не безъ основанія, находилъ столько премудрости и поэзіи, что и не исчерпаешь никогда безъ книгъ и учености. Измѣнивъ службѣ и обществу, онъ началъ иначе рѣшать задачу своего существованія, вдумывался въ свое назначеніе и наконецъ открылъ, что горизонтъ его дѣятельности и житья-бытья кроется въ немъ самомъ. Онъ понялъ, что ему досталось въ удѣлъ семейное счастье и заботы объ имѣніи. До-тѣхъ-поръ онъ не зналъ порядочно своихъ дѣлъ: за него заботился иногда Штольцъ. Не вѣдалъ онъ хорошенько ни дохода, ни расхода своего, не составлялъ никогда бюджета — ничего.

Старикъ Обломовъ, какъ принялъ имѣніе отъ отца, такъ передалъ его и сыну. Онъ хотя и жилъ весь вѣкъ въ деревнѣ, но не мудрилъ, не ломалъ себѣ головы надъ разными затѣями, какъ это дѣлаютъ нынѣшніе: какъ бы тамъ открыть какіе-нибудь новые источники производительности земель, или распространять и усиливать старые, и т. п. Какъ и чѣмъ засѣвались поля при дѣдушкѣ, какіе были пути сбыта полевыхъ продуктовъ тогда, такіе остались и при немъ. Впрочемъ, старикъ бывалъ очень-доволенъ, если хорошій урожай или возвышенная цѣна дастъ дохода больше прошлогодняго: онъ называлъ это благословеніемъ Божіимъ. Онъ только не любилъ выдумокъ и натяжекъ къ пріобрѣтенію денегъ.

Digitized by Google

«Отцы и дѣды не глупѣе насъ были» говорилъ онъ въ отвѣтъ на какіе-нибудь вредные, по его мнѣнію, совѣты, «да прожили же вѣкъ счастливо; проживемъ и мы: дастъ Богъ, сыты будемъ». Получая, безъ всякихъ лукавыхъ ухищреній, съ имѣнія столько дохода, сколько нужно было ему, чтобъ каждый день обѣдать и ужинать безъ мѣры, съ семьей и разными гостями, онъ благодарилъ Бога и считалъ грѣхомъ стараться пріобрѣтать больше. Если прикащикъ приносилъ ему двѣ тысячи, спрятавъ третью въ карманъ, и со слезами ссылался на градъ, засуху, неурожай, старикъ Обломовъ крестился и тоже со слезами приговаривалъ: «воля Божья; съ Богомъ спорить не станешь! Надо благодарить Господа и за то, что есть».

Со времени смерти стариковъ, хозяйственныя дѣла въ деревнѣ не только не улучшились, но, какъ видно изъ письма старосты, становились хуже. Ясно, что Ильѣ Ильичу надо было самому съѣздить туда и на мѣстѣ разъискать причину постепеннаго уменьшенія доходовъ. Онъ и сбирался сдѣлать это, но все откладывалъ, отчасти и потому, что поѣздка была для него подвигомъ, почти новымъ и неизвѣстнымъ. Онъ въ жизни совершилъ только одно путешествіе, на долгихъ, среди перинъ, ларцовъ, чемодановъ, окороковъ, булокъ, всякой жареной и вареной скотины и птицы и въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ. Такъ онъ совершилъ единственную поѣздку изъ своей деревни до Москвы и эту поѣздку взялъ за норму всѣхъ вообще путешествій. А теперь, слышалъ онъ, такъ не ѣздятъ: надо скакать сломя голову!

Потомъ Илья Ильичъ откладывалъ свою поѣздку еще и оттого, что не приготовился, какъ слѣдуетъ, заняться своими дѣлами. Онъ ужь былъ не въ отца и не въ дѣда. Онъ учился, жилъ въ свѣтѣ: все это наводило его на разныя, чуждыя имъ соображенія. Онъ понималъ, что пріобрѣтеніе не только не грѣхъ, но что долгъ всякаго гражданина частными трудами поддерживать общее благосостояніе. Отъ этого большую часть узора жизни, который онъ чертилъ въ своемъ уединеніи, занималъ новый, свѣжій, сообразный съ потребностями времени планъ устройства имѣнія и управленія крестьянами. Основная идея плана, расположеніе, главныя части — все давно готово у него въ головѣ; оставались только подробности, сметы и цифры. Онъ нѣсколько лѣтъ неутомимо работаетъ надъ планомъ, думаетъ, размышляетъ и ходя, и лежа, и дома, и въ людяхъ; то дополняетъ, то измѣняетъ разныя статьи, то возобновляетъ въ памяти придуманное вчера и

Digitized by Google

забытое ночью; а иногда вдругъ, какъ молнія, сверкнетъ новая неожиданная мысль и закипитъ въ головѣ — и пойдетъ работа. Онъ не какой-нибудь мелкій исполнитель чужой, готовой мысли; онъ самъ творецъ и самъ исполнитель своихъ идей. Онъ, какъ встанетъ утромъ съ постели, послѣ чая ляжетъ тотчасъ на диванъ, подопретъ голову рукой и обдумываетъ, не щадя силъ, до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, голова утомится отъ тяжелой работы и когда совѣсть скажетъ: довольно сдѣлано сегодня для общаго и своего блага.

Тогда только рѣшается онъ отдохнуть отъ трудовъ и перемѣнить заботливую позу на другую, менѣе-дѣловую и строгую, а болѣе-удобную для мечтаній и нѣги.

Освободясь отъ дѣловыхъ заботъ, Обломовъ любилъ уходить въ себя и жить въ созданномъ имъ мірѣ. Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безъименныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то въ даль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ... Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его... Случается и то, что онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія!.. Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужь клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно-садящееся за чей-то

Digitized by Google

четырехъэтажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!

На утро опять жизнь, опять волненія, мечты! Онъ любитъ вообразить себя иногда какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруланъ Лазаревичъ ничего не значитъ: выдумаетъ войну и причину ея: у него хлынутъ, напримѣръ, народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы, и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія. Или изберетъ онъ арену мыслителя, великаго художника: всѣ поклоняются ему; онъ пожинаетъ лавры; толпа гоняется за нимъ, восклицая: «посмотрите, посмотрите, вотъ идетъ Обломовъ, нашъ знаменитый Илья Ильичъ!» Въ горькія минуты онъ страдаетъ отъ заботъ, перевертывается съ боку на бокъ, ляжетъ лицомъ внизъ, иногда даже совсѣмъ потеряется, тогда онъ встанетъ съ постели на колѣни, и начнетъ молиться жарко, усердно, умоляя небо отвратить какъ-нибудь угрожающую бурю. Потомъ, сдавъ попеченіе о своей участи небесамъ, дѣлается покоенъ и равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, а буря тамъ какъ себѣ хочетъ. Такъ пускалъ онъ въ ходъ свои нравственныя силы, такъ волновался часто по цѣлымъ днямъ, и только тогда развѣ очнется, съ глубокимъ вздохомъ, отъ обаятельной мечты, или отъ мучительной заботы, когда день склонится къ вечеру и солнце огромнымъ шаромъ станетъ великолѣпно опускаться за четырехъэтажный домъ. Тогда онъ опять проводитъ его задумчивымъ взглядомъ и печальной улыбкой и мирно опочіетъ отъ волненій.

Никто не зналъ и не видалъ этой внутренней жизни Ильи Ильича: всѣ думали, что Обломовъ такъ-себѣ, только лежитъ, да кушаетъ на здоровье, и что больше отъ него нечего ждать; что едва-ли у него вяжутся и мысли въ головѣ. Такъ о немъ и толковали вездѣ, гдѣ его знали. О способностяхъ его, объ этой внутренней волканической работѣ пылкой головы, гуманнаго сердца зналъ подробно и могъ бы свидѣтельствовать Штольцъ, но Штольца почти никогда не было въ Петербургѣ. Одинъ Захаръ, обращающійся всю жизнь около своего барина, зналъ еще подробнѣе весь его внутренній бытъ, но онъ былъ убѣжденъ, что они съ бариномъ дѣло дѣлаютъ и живутъ нормально, какъ должно, и что иначе жить не слѣдуетъ.

Digitized by Google

## VII.

Захару было за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ уже не прямой потомокъ тѣхъ русскихъ Калебовъ, рыцарей лакейской, безъ страха и упрека, исполненныхъ преданности къ господамъ до самозабвенія, которые отличались всѣми добродѣтелями и не имѣли никакихъ пороковъ. Этотъ рыцарь былъ и со страхомъ и съ упрекомъ. Онъ принадлежалъ двумъ эпохамъ, и обѣ положили на него печать свою. Отъ одной перешла къ нему, по наслѣдству, безграничная преданность къ дому Обломовыхъ, а отъ другой, позднѣйшей, утонченность и развращеніе нравовъ. Страстно преданный барину, онъ, однакожь, рѣдкій день въ чемъ-нибудь не солжетъ ему. Слуга стараго времени удерживалъ, бывало, барина отъ расточительности и невоздержанія, а Захаръ самъ любилъ выпить съ пріятелями на барскій счетъ; прежній слуга былъ цѣломудренъ, какъ евнухъ, а этотъ все бѣгалъ къ кумѣ подозрительнаго свойства. Тотъ крѣпче всякаго сундука сбережетъ барскія деньги, а Захаръ норовитъ усчитать у барина, при какой-нибудь издержкѣ, гривенникъ, и непремѣнно присвоитъ себѣ лежащую на столѣ мѣдную гривну или пятакъ. Точно такъ же, если Илья Ильичъ забудетъ потребовать сдачи отъ Захара, она уже къ нему обратно никогда не поступитъ. Важнѣе суммъ онъ не кралъ, можетъ-быть, потому, что потребности свои измѣрялъ гривнами и гривенниками, или боялся быть замѣченнымъ, но, во всякомъ случаѣ, не отъ избытка честности. Старинный Калебъ умретъ скорѣй, какъ отлично-выдрессированная охотничья собака, надъ съѣстнымъ, которое ему поручатъ, нежели тронетъ; а этотъ такъ и выглядываетъ, какъ бы съѣсть и выпить и то, чего не поручаютъ; тотъ заботился только о томъ, чтобъ баринъ кушалъ больше, и тосковалъ, когда онъ не кушаетъ; а этотъ тоскуетъ, когда баринъ съѣдаетъ до тла все, что ни положитъ на тарелку.

Сверхъ-того, Захаръ и сплетникъ. Въ кухнѣ, въ лавочкѣ, на сходкахъ у воротъ онъ каждый день жалуется, что житья нѣтъ, что этакого дурнаго барина еще и не слыхано: и капризенъ-то онъ, и скупъ, и сердитъ, и что не угодишь ему ни въ чемъ, что, словомъ, лучше умереть, чѣмъ жить у него. Это Захаръ дѣлалъ не изъ злости и не изъ желанія повредить барину, а такъ, по

Digitized by Google

привычкѣ, доставшейся ему по наслѣдству отъ дѣда его и отца — обругать барина при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ иногда, отъ скуки, отъ недостатка матеріала для разговора, или чтобъ внушить болѣе интереса слушающей его публикѣ, вдругъ распускалъ про барина какую-нибудь небывальщину. «Мой-то повадился вонъ все къ той вдовѣ ходить» хрипѣлъ онъ тихо по довѣренности: «вчера писалъ записку къ ней». Или объявитъ, что баринъ его такой картежникъ и пьяница, какого свѣтъ не производилъ; что всѣ ночи на-пролётъ до утра бьется въ карты и пьетъ горькую. А ничего не бывало: Илья Ильичъ ко вдовѣ не ходитъ, по ночамъ мирно почиваетъ, картъ въ руки не беретъ.

Захаръ неопрятенъ. Онъ брѣется рѣдко и хотя моетъ руки и лицо, но, кажется, больше дѣлаетъ видъ, что моетъ; да и никакимъ мыломъ не отмоешь. Когда онъ бываетъ въ банѣ, то руки у него изъ черныхъ сдѣлаются только часа на два красными, а потомъ опять черными.

Онъ очень-неловокъ: станетъ ли отворять ворота или двери, отворяетъ одну половинку, другая затворяется, побѣжитъ къ той, эта затворяется. Съ-разу онъ никогда не подниметъ съ пола платка, или другой какой-нибудь вещи, а нагнется всегда раза три, какъ-будто ловитъ ее, и ужь развѣ въ четвертый подниметъ, и то еще иногда уронитъ опять. Если онъ несетъ чрезъ комнату кучу посуды, или другихъ вещей, то съ перваго же шага верхнія вещи начинаютъ дерзертировать на полъ; сначала полетитъ одна, онъ вдругъ сдѣлаетъ позднее и безполезное движеніе, чтобъ помѣшать ей упасть, и уронитъ еще двѣ; онъ глядитъ, разиня ротъ отъ удивленія на падающія вещи, а не на тѣ, которыя остаются на рукахъ, и оттого держитъ подносъ косо, а вещи продолжаютъ падать, и такъ иногда онъ принесетъ на другой конецъ комнаты одну рюмку или тарелку, а иногда, съ бранью и проклятіями, броситъ самъ и послѣднее, что осталось на рукахъ. Проходя по комнатѣ, онъ задѣнетъ то ногой, то бокомъ за столъ, за стулъ, не всегда попадаетъ прямо въ отворенную половину двери, а ударится плечомъ о другую, и обругаетъ при этомъ обѣ половинки, или хозяина дома, или плотника, который ихъ дѣлалъ. У Обломова въ кабинетѣ переломаны и перебиты почти всѣ вещи, особенно мелкія, требующія осторожнаго обращенія съ ними, и все по милости Захара. Онъ свою способность брать въ руки вещь прилагаетъ ко всѣмъ вещамъ одинаково, не дѣлая никакого различія въ способѣ обраще-

Digitized by Google

нія съ той или другой вещью. Велятъ, напримѣръ, снять со свѣчи, или налить въ стаканъ воды: онъ употребитъ на это столько силы, сколько нужно было, чтобъ отворить ворота. Не дай Богъ, когда Захаръ воспламенится усердіемъ угодить барину и вздумаетъ вдругъ все убрать, вычистить, установить живо, разомъ привести въ порядокъ! бѣдамъ и убыткамъ не было конца; едва ли непріятельскій солдатъ, ворвавшись въ домъ, нанесетъ столько вреда—начиналась ломка, паденье разныхъ вещей, битье посуды, опрокидыванье стульевъ; кончалось тѣмъ, что надо было его выгнать изъ комнаты, или онъ самъ уходилъ, съ бранью и съ проклятіями. Къ-счастью, онъ очень-рѣдко воспламенялся такимъ усердіемъ. Все это происходило, конечно, оттого, что онъ получилъ воспитаніе и пріобрѣталъ манеры не въ тѣснотѣ и полумракѣ роскошныхъ, прихотливо-убранныхъ кабинетовъ и будуаровъ, гдѣ чортъ знаетъ чего не наставлено, а въ деревнѣ, на покоѣ, просторѣ и вольномъ воздухѣ. Тамъ онъ привыкъ служить, не стѣсняя своихъ движеній ничѣмъ, около массивныхъ вещей, обращался все больше съ здоровыми и солидными инструментами, какъ-то, съ лопатой, ломомъ, желѣзными дверными скобками и такими стульями, которыхъ съ мѣста не своротишь. Иная вещь, подсвѣчникъ, лампа, транспарантъ, пресс-папье, стоитъ года три, четыре на мѣстѣ—ничего; чуть онъ возьметъ ее, смотришь—сломалась. «Ахъ» скажетъ онъ иногда при этомъ Обломову съ удивленіемъ: «посмотрите-ка, сударь, какая диковина: взялъ только въ руки вотъ эту штучку, а она и развалилась!» Или вовсе ничего не скажетъ, а тайкомъ поставитъ поскорѣй опять на свое мѣсто и послѣ увѣритъ барина, что это онъ самъ разбилъ, а иногда оправдывается, какъ видѣли въ началѣ разсказа, тѣмъ, что и вещь должна же имѣть конецъ, хоть будь она желѣзная, что не вѣкъ ей жить. Въ первыхъ двухъ случаяхъ еще можно было спорить съ нимъ, но когда онъ въ крайности вооружался послѣднимъ аргументомъ, то уже всякое противорѣчіе было безполезно, и онъ оставался правымъ безъ аппеляціи.

Захаръ начерталъ себѣ, однажды навсегда, опредѣленный кругъ дѣятельности, за который добровольно никогда не переступалъ. Онъ утромъ ставилъ самоваръ, чистилъ сапоги и тó платье, которое баринъ спрашивалъ, но отнюдь не тó, которое не спрашивалъ, хоть виси оно десять лѣтъ. Потóмъ онъ мелъ— не всякій день однакожь— середину комнаты, не добираясь до угловъ, и обтиралъ пыль только съ того стола, на которомъ ничего не стоя-

Digitized by Google

ю, чтобъ не снимать вещей. Затѣмъ онъ уже считалъ себя въ правѣ дремать на лежанкѣ, или болтать съ Анисьей въ кухнѣ и съ дворней у воротъ, ни о чемъ не заботясь.

Если ему приказывали сдѣлать что-нибудь сверхъ этого, онъ исполнялъ приказаніе неохотно, послѣ споровъ и убѣжденій въ безполезности приказанія, или невозможности исполнить его. Никакими средствами нельзя было заставить его внести новую постоянную статью въ кругъ начертанныхъ имъ себѣ занятій. Если ему велятъ вычистить, вымыть какую-нибудь вещь, или отнести тó, принести это, онъ, по обыкновенію, съ ворчаньемъ исполнялъ приказаніе; но еслибъ кто захотѣлъ, чтобъ онъ потомъ дѣлалъ то же самое постоянно самъ, то этого уже достигнуть было невозможно. На другой, на третій день и такъ далѣе, нужно было бы приказывать то же самое вновь и вновь входить съ нимъ въ непріятныя объясненія.

Несмотря на все это, то-есть, что Захаръ любилъ выпить, посплетничать, бралъ у Обломова пятаки и гривны, ломалъ и билъ разныя вещи и лѣнился, все-таки выходило, что онъ былъ глубоко-преданный своему барину слуга. Онъ бы не задумался сгорѣть или утонуть за него, не считая этого подвигомъ, достойнымъ удивленія или какихъ-нибудь наградъ. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на естественное, иначе быть немогущее дѣло, или, лучше сказать, никакъ не смотрѣлъ, а поступалъ такъ, безъ всякихъ умозрѣній. Теорій у него на этотъ предметъ не было никакихъ. Ему никогда не приходило въ голову подвергать анализу свои чувства и отношенія къ Ильѣ Ильичу; онъ не самъ выдумалъ ихъ; они перешли отъ отца, дѣда, братьевъ, дворни, среди которой онъ родился и воспитался, и обратились въ плоть и кровь. Захаръ умеръ бы вмѣсто барина, считая это своимъ неизбѣжнымъ и природнымъ долгомъ, и даже не считая ничѣмъ, а просто бросился бы на смерть, точно такъ же, какъ собака, которая, при встрѣчѣ съ звѣремъ въ лѣсу, бросается на него, не разсуждая, отчего должна броситься она, а не ея господинъ. Но за-то, еслибъ понадобилось, напримѣръ, просидѣть всю ночь подлѣ постели барина, не смыкая глазъ, и отъ этого бы зависѣло здоровье, или даже жизнь барина, Захаръ непремѣнно бы заснулъ. Наружно онъ не выказывалъ не только подобострастія къ барину, но даже былъ грубоватъ, фамильяренъ въ обхожденіи съ нимъ, сердился на него, не шутя, за всякую мелочь и даже, какъ сказано, злословилъ его у воротъ; но все-



Digitized by Google

таки этимъ только на-время заслонялось, а отнюдь не умалялось кровное, родственное чувство преданности его, не къ Ильѣ Ильичу собственно, а ко всему, что носитъ имя Обломова, что близко, мило, дорого ему. Можетъ-быть, даже это чувство было въ противорѣчіи съ собственнымъ взглядомъ Захара на личность Обломова, можетъ-быть, изученіе характера барина внушало другія убѣжденія Захару. Вѣроятно, Захаръ, еслибъ ему объяснили о степени привязанности его къ Ильѣ Ильичу, сталъ бы оспоривать это. Захаръ любилъ Обломовку, какъ кошка свой чердакъ, лошадь — стойло, собака — конуру, въ которой родилась и выросла. Въ сферѣ этой привязанности у него выработывались уже свои особенныя, личныя впечатлѣнія. Напримѣръ, обломовскаго кучера онъ любилъ больше нежели повара, скотницу Варвару больше ихъ обоихъ, а Илью Ильича меньше ихъ всѣхъ; но все-таки обломовскій поваръ для него былъ лучше и выше всѣхъ другихъ поваровъ въ мірѣ, а Илья Ильичъ выше всѣхъ помѣщиковъ. Тараску, буфетчика, онъ терпѣть не могъ; но этого Тараску онъ не промѣнялъ бы на самаго хорошаго человѣка въ цѣломъ свѣтѣ, потому только, что Тараска былъ обломовскій. Онъ обращался фамильярно и грубо съ Обломовымъ, точно такъ же, какъ шаманъ грубо и фамильярно обходится съ своимъ идоломъ: онъ и обметаетъ его, и уронитъ, иногда, можетъ-быть, и ударитъ съ досадой, но все-таки въ душѣ его постоянно присутствуетъ сознаніе превосходства натуры этого идола надъ своей. Малѣйшаго повода довольно было, чтобъ вызвать это чувство изъ глубины души Захара и заставить смотрѣть его съ благоговѣніемъ на барина, иногда даже удариться отъ умиленія въ слезы. Боже сохрани, чтобъ онъ поставилъ другаго какого-нибудь барина не только выше, даже наравнѣ съ своимъ! Боже сохрани, еслибъ это вздумалъ сдѣлать и другой!

Захаръ на всѣхъ другихъ господъ и гостей, приходившихъ къ Обломову, смотрѣлъ нѣсколько-свысока и служилъ имъ, подавалъ чай и проч. съ какимъ-то снисхожденіемъ, какъ-будто давалъ имъ чувствовать честь, которою они пользуются, находясь у его барина. Отказывалъ имъ грубовато: «баринъ-де почиваетъ» говорилъ онъ, надменно оглядывая пришедшаго съ ногъ до головы. Иногда, вмѣсто сплетней и злословія, онъ вдругъ принимался неумѣреннно возвышать Илью Ильича по лавочкамъ и на сходкахъ у воротъ, и тогда не было конца восторгамъ. Онъ вдругъ начиналъ вычислять достоинства барина, умъ, ласковость, щедрость, добро-

Digitized by Google

ту; и если у барина его не доставало качествъ для панегирика, онъ занималъ у другихъ и придавалъ ему знатность, богатство, или необычайное могущество. Если нужно было постращать дворника, управляющаго домомъ, даже самого хозяина, онъ стращалъ всегда бариномъ: «вотъ постой, я скажу барину» говорилъ онъ съ угрозой: «будетъ ужо тебѣ!» Сильнѣе авторитета онъ и не подозрѣвалъ на свѣтѣ. Но наружныя сношенія Обломова съ Захаромъ были всегда какъ-то враждебны. Они, живучи вдвоемъ, надоѣли другъ другу. Короткое, ежедневное сближеніе человѣка съ человѣкомъ не обходится ни тому, ни другому даромъ: жизненнаго опыта, логики и сердечной теплоты, чтобъ наслаждаясь только достоинствами, не колоть и не колоться взаимными недостатками. Илья Ильичъ зналъ уже одно необъятное достоинство Захара — преданность къ себѣ, и привыкъ къ ней, считая также, съ своей стороны, что это не можетъ и не должно быть иначе; привыкши же къ достоинству однажды навсегда, онъ уже не наслаждался имъ, а между-тѣмъ не могъ, и при своемъ равнодушіи ко всему, сносить терпѣливо безчисленныхъ мелкихъ недостатковъ Захара. Если Захаръ, питая въ глубинѣ души къ барину преданность, свойственную стариннымъ слугамъ, разнился отъ нихъ современными недостатками, то и Илья Ильичъ, съ своей стороны, цѣня внутренно преданность его, не имѣлъ уже къ нему того дружескаго, почти-родственнаго расположенія, какое питали прежніе господа къ слугамъ своимъ. Онъ позволялъ себѣ иногда крупно браниться съ Захаромъ. Захару онъ тоже надоѣдалъ собой. Захаръ, отслуживъ въ молодости лакейскую службу въ барскомъ домѣ, былъ произведенъ въ дядьки къ Ильѣ Ильичу и съ-тѣхъ-поръ началъ считать себя только предметомъ роскоши, аристократическою принадлежностью дома, назначенною для поддержанія полноты и блеска старинной фамиліи, а не предметомъ необходимости. Отъ этого онъ, одѣвъ барченка утромъ и раздѣвъ его вечеромъ, остальное время ровно ничего не дѣлалъ. Лѣнивый отъ природы, онъ былъ лѣнивъ еще и по своему лакейскому воспитанію. Онъ важничалъ въ дворнѣ, не давалъ себѣ труда ни поставить самовара, ни подмести половъ. Онъ, или дремалъ въ прихожей, или уходилъ болтать въ людскую, въ кухню; не то́, такъ по цѣлымъ часамъ, скрестивъ руки на груди, стоялъ у воротъ и съ сонною задумчивостью посматривалъ на всѣ стороны. И послѣ такой жизни на него вдругъ навалили тяжелую обузу выносить на плечахъ службу цѣлаго дома! Онъ и служи барину, и мети, и чисть

Digitized by Google

онъ и на побѣгушкахъ! Отъ всего этого въ душу его залегла угрюмость, а въ нравѣ проявилась грубость и жесткость, отъ этого онъ ворчалъ всякій разъ, какъ голосъ барина заставлялъ его покидать лежанку. Несмотря, однакожь, на эту наружную угрюмость и дикость, Захаръ былъ довольно-мягкаго и добраго сердца. Онъ любилъ даже проводить время съ ребятишками. На дворѣ, у воротъ, его часто видали съ кучей дѣтей. Онъ ихъ миритъ, дразнитъ, устроиваетъ игры, или просто сидитъ съ ними, взявъ одного на одно колѣно, другаго на другое, а сзади шею его обовьетъ еще какой-нибудь шалунъ руками, или треплетъ его за бакенбарды.

Итакъ Обломовъ мѣшалъ Захару жить тѣмъ, что требовалъ поминутно его услугъ и присутствія около себя, тогда-какъ сердце, сообщительный нравъ, любовь къ бездѣйствію и вѣчная, никогда-неумолкающая потребность жевать влекли Захара то къ кумѣ, то въ кухню, то въ лавочку, то къ воротамъ.

Давно знали они другъ друга и давно жили вдвоемъ. Захаръ няньчилъ маленькаго Обломова на рукахъ, а Обломовъ помнитъ его молодымъ, проворнымъ, прожорливымъ и лукавымъ парнемъ. Старинная связь была неистребима между ними. Какъ Илья Ильичъ не умѣлъ ни встать, ни лечь спать, ни быть причесаннымъ и обутымъ, ни отобѣдать безъ помощи Захара, такъ Захаръ не умѣлъ представить себѣ другаго барина, кромѣ Ильи Ильича, другаго существованія, какъ одѣвать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и въ то же время внутренно благоговѣть передъ нимъ.

## VIII.

Захаръ, заперевъ дверь за Тарантьевымъ и Алексѣевымъ, когда они ушли, не садился на лежанку, ожидая, что баринъ сейчасъ позоветъ его, потому-что слышалъ, ка́къ тотъ сбирался писать. Но въ кабинетѣ Обломова все было тихо, какъ въ могилѣ. Захаръ заглянулъ въ щель — что жь? Илья Ильичъ лежалъ себѣ на диванѣ, опершись головой на ладонь; передъ нимъ лежала книга. Захаръ отворилъ дверь.

— Вы чего лежите-то опять? спросилъ онъ.

— Не мѣшай; видишь читаю! отрывисто сказалъ Обломовъ.

— Пора умываться да писать, говорилъ неотвязчивый Захаръ.

Digitized by Google

— Да́, въ-самомъ-дѣлѣ пора, очнулся Илья Ильичъ. — Сейчасъ: ты поди. Я подумаю.

«И когда это онъ успѣлъ опять лечь-то!» ворчалъ Захаръ, прыгая на печку: «проворенъ!»

Обломовъ успѣлъ, однакожь, прочитать пожелтѣвшую отъ времени страницу, на которой чтеніе прервано было съ мѣсяцъ назадъ. Онъ положилъ книгу на мѣсто и зѣвнулъ, потомъ погрузился въ неотвязчивую думу «о двухъ несчастіяхъ».

— Какая скука! шепталъ онъ, то вытягивая, то поджимая ноги.

Его клонило къ нѣгѣ и мечтамъ; онъ обращалъ глаза къ небу, искалъ своего любимаго свѣтила, но оно было на самомъ зенитѣ, и только обливало ослѣпительнымъ блескомъ известковую стѣну дома, за который закатывалось по вечерамъ въ виду Обломова. «Нѣтъ, прежде дѣло», строго подумалъ онъ, «а потомъ...»

Деревенское утро давно прошло, и петербургское было на исходѣ. До Ильи Ильича долеталъ со двора смѣшанный шумъ человѣческихъ и нечеловѣческихъ голосовъ: то пѣнье кочующихъ артистовъ, сопровождаемое бо́льшею частію лаемъ собакъ. Приходили показывать и звѣря морскаго, приносили и предлагали на разные голоса всевозможные продукты.

Онъ легъ на спину и заложилъ обѣ руки подъ голову. Илья Ильичъ занялся разработкою плана имѣнію. Онъ быстро пробѣжалъ въ умѣ нѣсколько серьёзныхъ, коренныхъ статей объ оброкѣ, о запашкѣ, придумалъ новую мѣру, построже, противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ, и перешелъ къ устройству собственнаго житья-бытья въ деревнѣ. Его занимала постройка деревенскаго дома: онъ съ удовольствіемъ остановился нѣсколько минутъ на расположеніи комнатъ, опредѣлилъ длину и ширину столовой, бильярдной, подумалъ и о томъ, куда будетъ обращенъ окнами его кабинетъ; даже вспомнилъ о мёбели и коврахъ. Послѣ этого расположилъ флигеля дома, сообразивъ число гостей, которое намѣревался принимать, отвелъ мѣсто для конюшень, сараевъ, людскихъ и разныхъ другихъ службъ. Наконецъ обратился къ саду: онъ рѣшилъ оставить всѣ старыя липовыя и дубовыя деревья такъ, какъ они есть, а яблони и груши уничтожить и на мѣсто ихъ посадить акаціи; подумалъ было о паркѣ, но, сдѣлавъ въ умѣ примѣрно смету издержкамъ, нашелъ, что дорого и, отложивъ это до другаго времени, перешелъ къ цвѣтникамъ и оранжереямъ. Тутъ мелькнула у него соблазнительная мысль о

Digitized by Google

будущихъ фруктахъ до-того живо, что онъ вдругъ перенесся за нѣсколько лѣтъ въ деревню, когда ужь имѣніе устроено по его плану и когда онъ живетъ тамъ безвыѣздно.

Ему представилось, ка́къ онъ сидитъ въ лѣтній вечеръ на террасѣ, за чайнымъ столомъ, подъ непроницаемымъ отъ солнца навѣсомъ деревьевъ, съ длинной трубкой, и лѣниво втягиваетъ въ себя дымъ, задумчиво наслаждаясь открывающимся изъ-за деревьевъ видомъ, прохладой, тишиной; а вдали желтѣютъ поля, солнце опускается за знакомый березнякъ и румянитъ гладкій, какъ зеркало, прудъ; съ полей восходитъ паръ; становится прохладно, наступаютъ сумерки; крестьяне толпами идутъ домой. Праздная дворня сидитъ у воротъ; тамъ слышатся веселые голоса, хохотъ, балалайка, дѣвки играютъ въ горѣлки; кругомъ его самого рѣзвятся его малютки, лѣзутъ къ нему на колѣни, вѣшаются ему на шею; за самоваромъ сидитъ... царица всего окружающаго, его божество... женщина! жена! а между-тѣмъ въ столовой, убранной съ изящной простотой, ярко заблистали привѣтные огоньки, накрывался большой круглый столъ; Захаръ, произведенный въ мажордомы, съ совершенно-сѣдыми бакенбардами, накрываетъ столъ, съ пріятнымъ звономъ разставляетъ хрусталь и раскладываетъ серебро, поминутно роняя на полъ то стаканъ, то вилку; садятся за обильный ужинъ; тутъ сидитъ и товарищъ его дѣтства, неизмѣнный другъ его, Штольцъ, и другія, все знакомыя лица; потомъ отходятъ ко сну...

Лицо Обломова вдругъ облилось румянцемъ счастья: мечта была такъ ярка, жива, поэтична, что онъ мгновенно повернулся лицомъ къ подушкѣ. Онъ вдругъ почувствовалъ смутное желаніе любви, тихаго счастья, вдругъ зажаждалъ полей и холмовъ своей родины, своего дома, жены и дѣтей...

Полежавъ ничкомъ минутъ пять, онъ медленно опять повернулся на спину. Лицо его сіяло такимъ кроткимъ, трогательнымъ чувствомъ: онъ былъ счастливъ. Онъ съ наслажденіемъ медленно, вытянулъ ноги, отчего панталоны его засучились немного вверхъ, но онъ и не замѣчалъ этого мальнькаго безпорядка. Услужливая мечта носила его, легко и вольно, далеко въ будущемъ. Теперь его поглотила любимая мысль: онъ думалъ о маленькой колоніи друзей, которые поселятся въ деревенькахъ и фермахъ, въ пятнадцати или двадцати верстахъ вокругъ его деревни, ка́къ поперемѣнно будутъ каждый день съѣзжаться другъ

Digitized by Google

къ другу въ гости, обѣдать, ужинать, танцовать; ему видятся все ясные дни, ясныя лица, безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ апетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь ..

«Боже, Боже!» произнесъ онъ отъ полноты счастья и очнулся. А тутъ раздается со двора въ пять голосовъ: «картофеля! песку, песочку не надо ли? уголья! уголья! Пожертвуйте, милосердые господа, на построеніе храма Господня!» А изъ сосѣдняго, вновь-строющагося дома, раздавался стукъ топоровъ, крикъ рабочихъ.

«Ахъ!» горестно вслухъ вздохнулъ Илья Ильичъ: «что́ за жизнь! какое безобразіе этотъ столичный шумъ! Когда же настанетъ райское, желанное житье? когда въ поля, въ родныя рощи?» думалъ онъ. «Лежать бы теперь на травѣ подъ деревомъ, да глядѣть сквозь вѣтки на солнышко и считать, сколько птичекъ перебываетъ на вѣткахъ. А тутъ тебѣ на траву то обѣдъ, то завтракъ принесетъ какая-нибудь краснощекая прислужница, съ голыми, круглыми и мягкими локтями и съ загорѣлой шеей; потупляетъ, плутовка, взглядъ и улыбается... Когда же настанетъ эта пора?..» А планъ! а староста, а квартира? вдругъ раздалось въ памяти его.

«Да́, да́! торопливо заговорилъ Илья Ильичъ: — сейчасъ, сію минуту!»

Обломовъ быстро приподнялся и сѣлъ на диванѣ, потомъ спустилъ ноги на полъ, попалъ разомъ въ обѣ туфли и посидѣлъ такъ, потомъ всталъ совсѣмъ и постоялъ задумчиво минуты двѣ.

— Захаръ, Захаръ! закричалъ онъ громко, поглядывая на столъ и на чернилицу.

«Что́ еще тамъ?» послышалось вмѣстѣ съ прыжкомъ. «Какъ только ноги-то таскаютъ меня?» хриплымъ шопотомъ прибавилъ Захаръ.

— Захаръ! повторилъ Илья Ильичъ задумчиво, не спуская глазъ со стола.—Вотъ что́, братецъ... началъ онъ, указывая на чернильцу, но, не кончивъ фразы, впалъ опять въ раздумье. Тутъ руки стали у него вытягиваться кверху, колѣни подгибаться, онъ началъ потягиваться, зѣвать... —Тамъ оставался у насъ, заговорилъ онъ, все потягиваясь, съ разстановкой: — сыръ, да... дай мадеры; до обѣда долго, такъ я позавтракаю немного...

Digitized by Google

— Гдѣ это онъ оставался? сказалъ Захаръ: — не оставалось ничего...

— Какъ не оставалось? перебилъ Илья Ильичъ: — я очень хорошо помню: вотъ какой кусокъ былъ...

— Нѣтъ, нѣту, никакого куска не было! упорно твердилъ Захаръ.

— Былъ! сказалъ Илья Ильичъ.

— Не былъ, отвѣчалъ Захаръ.

— Ну, такъ купи.

— Пожалуйте денегъ.

— Вонъ мелочь тамъ возьми.

— Да тутъ только рубль сорокъ, а надо рубль шесть гривенъ.

— Тамъ еще мѣдныя были.

— Я не видалъ! сказалъ Захаръ, переминаясь съ ноги на ногу. — Серебро было, вонъ оно и есть, а мѣдныхъ не было!

— Были: вчера мнѣ разнощикъ самому въ руки далъ.

— Онъ при мнѣ далъ, сказалъ Захаръ: — я видѣлъ, что мелочь давалъ, а мѣди не видалъ...

«Ужь не Тарантьевъ ли взялъ?» подумалъ нерѣшительно Илья Ильичъ: «да нѣтъ, тотъ бы и мелочь взялъ».

— Такъ что́ жь тамъ есть еще? спросилъ онъ.

— А ничего не было. Вонъ вчерашней ветчины нѣтъ ли, надо у Анисьи спросить, сказалъ Захаръ. — Принести, что́ ли?

— Принеси, что́ есть. Да какъ это не было?

— Такъ не было! сказалъ Захаръ и ушелъ, а Илья Ильичъ медленно и задумчиво прохаживался по кабинету.

«Да́, много хлопотъ», говорилъ онъ тихонько. «Вотъ хоть бы въ планѣ про́пасть еще работы!.. А сыръ-то вѣдь оставался» прибавилъ онъ задумчиво: «съѣлъ этотъ Захаръ, да и говоритъ, что не было! И куда это запропастились мѣдныя деньги?» говорилъ онъ, щаря на столѣ рукой.

Черезъ четверть часа Захаръ отворилъ дверь подносомъ, который держалъ въ обѣихъ рукахъ, и, войдя въ комнату, хотѣлъ ногой притворить дверь, но промахнулся и ударилъ попустому мѣсту: рюмка упала, а вмѣстѣ съ ней еще пробка съ графина и булка.

— Ни шагу безъ этого! сказалъ Илья Ильичъ.—Ну, хоть подними же, что́ уронилъ; а онъ еще стоитъ да любуется!

Захаръ, съ подносомъ въ рукахъ, наклонился-было поднять булку, но, присѣвъ, вдругъ увидѣлъ, что обѣ руки заняты и поднять нечѣмъ.

Digitized by Google

— Ну-ка, подними! съ насмѣшкой говорилъ Илья Ильичъ: — что́ жь ты? зачѣмъ дѣло стало?

— О, чтобъ вамъ пусто было, проклятыя! съ яростью говорилъ Захаръ, обращаясь къ уроненнымъ вещамъ:—гдѣ это видно завтракать передъ самымъ обѣдомъ?

И, поставивъ подносъ, онъ поднялъ съ пола что́ уронилъ взявъ булку, онъ дунулъ на нее и положилъ на столъ.

Илья Ильичъ принялся завтракать, а Захаръ остановился въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, поглядывая на него стороной и намѣреваясь, повидимому, что-то сказать. Но Обломовъ завтракалъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія. Захаръ кашлянулъ раза два. Обломовъ все ничего.

— Управляющій опять сейчасъ присылалъ, робко заговорилъ наконецъ Захаръ:—подрядчикъ былъ у него, говоритъ: нельзя ли взглянуть нашу квартиру? насчетъ передѣлки-то все...

Илья Ильичъ кушалъ, не отвѣчая ни слова.

— Илья Ильичъ! помолчавъ, еще тише, сказалъ Захаръ.

Илья Ильичъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— На будущей недѣлѣ велятъ съѣзжать, просипѣлъ Захаръ.

Обломовъ выпилъ рюмку вина и молчалъ.

— Какъ же намъ быть-то, Илья Ильичъ? почти шопотом спросилъ Захаръ.

— А я тебѣ запретилъ говорить мнѣ объ этомъ, строго сказалъ Илья Ильичъ и, привставъ, подошелъ къ Захару.

Тотъ попятился отъ него.

— Какой ты ядовитый человѣкъ, Захаръ! прибавилъ Обломовъ съ чувствомъ.

Захаръ обидѣлся.

— Вотъ, сказалъ онъ:—ядовитый! что́ я за ядовитый? Я никого не убилъ.

— Какъ же не ядовитый! повторилъ Илья Ильичъ:—ты отравляешь мнѣ жизнь!

— Я не ядовитый! твердилъ Захаръ.

— Что́ ты ко мнѣ пристаешь съ квартирой?

— Что жь мнѣ дѣлать-то?

— А мнѣ что́ дѣлать?

— Вы хотѣли вѣдь написать къ домовому хозяину?

— Ну и напишу; погоди; нельзя же вдругъ!

— Вотъ бы теперь и написали.

— Теперь, теперь! еще у меня поважнѣе есть дѣло. Ты д...

Digitized by Google

маешь, что это какъ дрова рубить? тяпъ да ляпъ? Вонъ, говорилъ Обломовъ, поворачивая сухое перо въ чернильницѣ:—и чернилъ-то нѣтъ! какъ я стану писать?

— А я вотъ сейчасъ квасомъ разведу, сказалъ Захаръ и, взявъ чернильницу, проворно пошелъ въ переднюю, а Обломовъ началъ искать бумаги.

«Да никакъ и бумаги-то нѣтъ!» говорилъ онъ самъ съ собой, роясь въ ящикѣ и ощупывая столъ: «да и такъ нѣтъ! Ахъ, этотъ Захаръ: житья нѣтъ отъ него!» Ну, какъ же ты не ядовитый человѣкъ? сказалъ Илья Ильичъ вошедшему Захару:—ни за чѣмъ не посмотришь? какъ же въ домѣ бумаги не имѣть?

— Да что́ это, Илья Ильичъ, за наказаніе! я христіанинъ: что жь вы ядовитымъ-то браните? далось: ядовитый! Мы при старомъ баринѣ родились и выросли, онъ и щенкомъ изволилъ бранить, и за уши дралъ, а этакаго слова не слыхивали, выдумокъ не было! Долго ли до грѣха? Вотъ бумага, извольте.

Онъ взялъ съ этажерки и подалъ ему поллиста сѣрой бумаги.

— На этомъ развѣ можно писать? спросилъ Обломовъ, бросивъ бумагу:—я этимъ на ночь стаканъ закрывалъ, чтобъ туда не попало что-нибудь... ядовитое.

Захаръ отвернулся и смотрѣлъ въ стѣну.

— Ну, да нужды нѣтъ: подай сюда, я начерно напишу, а Алексѣевъ ужо́ перепишетъ.

Илья Ильичъ сѣлъ къ столу и быстро вывелъ: «милостивый государь!»...

— Какія скверныя чернила! сказалъ Обломовъ: — въ другой разъ у меня держи ухо востро, Захаръ, и дѣлай свое дѣло какъ слѣдуетъ!

Онъ подумалъ немного и началъ писать.

«Квартира, которую я занимаю во второмъ этажѣ дома, въ кото-
«ромъ вы предложили произвести нѣкоторыя перестройки, вполнѣ
«соотвѣтствуетъ моему образу жизни и пріобрѣтенной, вслѣдствіе
«долгаго пребыванія въ семъ домѣ, привычкѣ. Извѣстясь черезъ
«крѣпостнаго моего человѣка, Захара Трофимова, что вы приказали
«сообщить мнѣ, что занимаемая мною квартира...»

Обломовъ вдругъ остановился и прочиталъ написанное.

«Нескладно» сказалъ онъ: «тутъ два раза сряду *что*, а тамъ два раза *который*.

Онъ пошепталъ и переставилъ слова: вышло, что *который* относится къ этажу — опять неловко. Кое-какъ переправилъ и на-

Digitized by Google

чалъ думать, какъ бы избѣжать два раза *что*. Онъ, то зачеркнетъ, то опять поставитъ слово. Раза три переставлялъ *что*, но выходила или безсмыслица, или сосѣдство съ другимъ *что*.

«И не отвяжешься отъ этого другаго-то *что!*» сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. «Э! да чортъ съ нимъ совсѣмъ, съ письмомъ-то! Ломать голову изъ такихъ пустяковъ! Я отвыкъ дѣловыя письма писать. А вотъ ужь третій часъ въ исходѣ.»

— Захаръ, нá вотъ тебѣ. Онъ разорвалъ письмо на четыре части и бросилъ на полъ.

— Видѣлъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ, отвѣчалъ Захаръ, подбирая бумажки.

— Такъ не приставай больше съ квартирой. А это чтó у тебя?

— А счеты-то.

— Ахъ, ты, Господи! ты совсѣмъ измучишь меня! Ну, сколько тутъ, говори скорѣй?

— Да вотъ мяснику 86 р. 54 к.

Илья Ильичъ всплеснулъ руками.

— Ты съ ума сошелъ: одному мяснику такую кучу денегъ?

— Не платили мѣсяца три, такъ и будетъ куча! Вонъ оно тутъ записано, не украли!

— Ну, какъ же ты не ядовитый? сказалъ Обломовъ: — на мильйонъ говядины купилъ! во чтó это въ тебя идетъ? добро бы въ прокъ.

— Не я съѣлъ! огрызался Захаръ.

— Нѣтъ! не ѣлъ!

— Что жь вы мнѣ хлѣбомъ-то попрекаете? Вотъ, смотрите!

И онъ совалъ ему счеты.

— Ну, еще кому? говорилъ Илья Ильичъ, отталкивая съ досадой замасляныя тетрадки.

— Еще 121 р. 18 к. хлѣбнику, да зеленьщику.

— Это разореніе! это ни на чтó не похоже! говорилъ Обломовъ, выходя изъ себя.—Чтó ты, корова, что ли, чтобъ столько зелени сжевать...

— Нѣтъ! я ядовитый человѣкъ! съ горечью замѣтилъ Захаръ повернувшись совсѣмъ стороной къ барину. — Кабы не пускали Михея Андреича, такъ бы меньше выходило! прибавилъ онъ.

— Ну, сколько жь это будетъ всего, считай! говорилъ Илья Ильичъ и самъ началъ считать.

Захаръ дѣлалъ ту же выкладку по пальцамъ.

Digitized by Google

— Чортъ-знаетъ что́ за вздоръ выходитъ: всякій разъ разное! сказалъ Обломовъ.—Ну, сколько у тебя? двѣсти, что ли?

— Вотъ, погодите, дайте срокъ! говорилъ Захаръ зажмуриваясь и ворча:—восемь десятковъ, да десять десятковъ—восемнадцать, да два десятка...

— Ну, ты никогда этакъ не кончишь, сказалъ Илья Ильичъ:—поди-ка къ себѣ, а счеты подай мнѣ завтра, да позаботься о бумагѣ и чернилахъ... Этакая куча денегъ! Говорилъ, чтобъ понемножку платить—нѣтъ, норовитъ все вдругъ... народецъ!

— Двѣсти-пять рублей семьдесятъ-двѣ копейки, сказалъ Захаръ, сосчитавъ.—Денегъ пожалуйте.

— Какъ же, сейчасъ! еще погоди: я повѣрю завтра...

— Воля ваша, Илья Ильичъ, они просятъ...

— Ну, ну, отстань! сказалъ завтра, такъ завтра и получишь. Иди къ себѣ, а я займусь: у меня поважнѣе есть забота...

Илья Ильичъ усѣлся на стулѣ, подобралъ подъ себя ноги и не успѣлъ задуматься, какъ раздался звонокъ. Явился низенькій человѣкъ съ умѣреннымъ брюшкомъ, съ бѣлымъ лицомъ, румяными щеками и лысиной, которую съ затылка, какъ бахрома, окружали черные густые волосы. Лысина была кругла, чиста и такъ лоснилась, какъ-будто была выточена изъ слоновой кости. Лицо гостя отличалось заботливо-внимательнымъ ко всему, на что́ онъ ни глядѣлъ, выраженіемъ, сдержанностью во взглядѣ, умѣренностью въ улыбкѣ и скромно-офиціальнымъ приличіемъ. Одѣтъ онъ былъ въ покойный фракъ, отворявшійся широко и удобно, какъ ворота, почти отъ одного прикосновенія. Бѣлье на немъ такъ и блистало бѣлизной, какъ-будто подъ стать лысинѣ. На указательномъ пальцѣ правой руки надѣтъ былъ большой массивный перстень съ какимъ-то темнымъ камнемъ.

— Докторъ! какими судьбами? воскликнулъ Обломовъ, протягивая одну руку гостю, а другою подвигая стулъ.

— Я соскучился, что вы все здоровы, не зовете, самъ зашелъ, отвѣчалъ докторъ шутливо:—нѣтъ, прибавилъ онъ потомъ серьёзно: — я былъ вверху у вашего сосѣда, да и зашелъ провѣдать.

— Благодарю. А что́ сосѣдъ?

— Что́: недѣли три-четыре, а, можетъ-быть, до осени дотянетъ, а потомъ... водяная въ груди: конецъ извѣстный. Ну, вы что́?

Обломовъ печально тряхнулъ головой.

Digitized by Google

— Плохо, докторъ. Я самъ подумывалъ посовѣтоваться съ вами. Не знаю, что́ мнѣ дѣлать. Желудокъ почти не варитъ, подъ ложечкой тяжесть, изжога замучила, дыханье тяжело... говорилъ Обломовъ съ жалкой миной.

— Дайте руку, сказалъ докторъ, взялъ пульсъ, и закрылъ на минуту глаза.—А кашель есть? спросилъ онъ.

— По ночамъ, особенно, когда поужинаю.

— Гм! Біеніе сердца бываетъ? голова болитъ?

И докторъ сдѣлалъ еще нѣсколько подобныхъ вопросовъ, потомъ наклонилъ свою лысину и глубоко задумался. Чрезъ двѣ минуты онъ вдругъ приподнялъ голову и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

— Если вы еще года два-три проживете въ этомъ климатѣ, да будете все лежать, ѣсть жирное и тяжелое — вы умрете ударомъ.

Обломовъ встрепенулся.

— Что жь мнѣ дѣлать? научите, ради Бога! сказалъ испуганный Обломовъ.

— То же, что́ другіе дѣлаютъ: ѣхать за границу.

— За границу! съ изумленіемъ повторилъ Обломовъ.

— Да́; а что́?

— Помилуйте, докторъ, за границу! ка̀къ это можно?

— Отчего же неможно?

Обломовъ молча обвелъ глазами себя, потомъ свой кабинетъ и машинально повторилъ:

— За границу!

— Что жь вамъ мѣшаетъ?

— Какъ что́? Все...

— Что́ жь все? Денегъ, что ли нѣтъ?

— Да́, да̀, вотъ денегъ-то въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ, живо заговорилъ Обломовъ, обрадовавшись этому, самому естественному препятствію, за которое онъ могъ спрятаться совсѣмъ съ головой.—Вы посмотрите-ка, что́ мнѣ староста пишетъ... Гдѣ письмо, куда я его дѣвалъ? Захаръ!

— Хорошо, хорошо, заговорилъ докторъ: — это не мое дѣло; мой долгъ сказать вамъ, что вы должны измѣнить образъ жизни, мѣсто, воздухъ, занятіе—все, все.

— Хорошо, я подумаю, сказалъ Обломовъ.—Куда же мнѣ ѣхать и что́ дѣлать? спросилъ онъ.

— Поѣзжайте въ Киссингенъ или въ Гомбургъ, началъ док-

Digitized by Google

торъ:—тамъ проживете іюнь и іюль; пейте воды, потомъ отправляйтесь въ Швейцарію или въ Тироль: лечиться виноградомъ. Тамъ проживите сентябрь и октябрь...

«Чортъ-знаетъ что́, въ Тироль!» едва-слышно прошепталъ Илья Ильичъ.

— Потомъ куда-нибудь въ сухое мѣсто, хоть въ Египетъ...

«Вона!» подумалъ Обломовъ.

— Устраняйте заботы и огорченія...

— Хорошо вамъ говорить, замѣтилъ Обломовъ:—вы не получаете отъ старосты такихъ писемъ...

— Надо тоже избѣгать мыслей, продолжалъ докторъ.

— Мыслей?

— Да̀, умственнаго напряженія.

— А планъ устройства имѣнія? Помилуйте, развѣ я осиновый чурбанъ?..

— Ну, тамъ какъ хотите. Мое дѣло только остеречь васъ. Страстей тоже надо беречься: онѣ вредятъ леченью. Надо стараться развлекать себя верховой ѣздой, танцами, умѣреннымъ движеньемъ на чистомъ воздухѣ, пріятными разговорами, особенно съ дамами, чтобъ сердце билось слегка и только отъ пріятныхъ ощущеній.

Обломовъ слушалъ его, повѣся голову.

— Потомъ? спросилъ онъ.

— Потомъ отъ чтенія, писанья—Боже васъ сохрани! Наймите виллу окнами на югъ, побольше цвѣтовъ, чтобъ около были музыка да женщины...

— А пищу какую?

— Пищи мясной и вообще животной избѣгайте, мучнистой и студенистой тоже. Можете кушать легкій бульйонъ, зелень; только берегитесь: теперь холера почти вездѣ бродитъ, такъ надо осторожнѣе... Ходить можете часовъ восемь въ сутки. Заведите ружье...

— Господи!.. простоналъ Обломовъ.

— Наконецъ, заключилъ докторъ:—къ зимѣ поѣзжайте въ Парижъ и тамъ, въ вихрѣ жизни, развлекайтесь, не задумывайтесь: изъ театра на балъ, въ маскарадъ, за городъ, съ визитами, чтобъ около васъ друзья, шумъ, смѣхъ...

— Не нужно ли еще чего-нибудь? спросилъ Обломовъ, съ худо-скрытой досадой.

Докторъ задумался.

Digitized by Google

— Развѣ попользоваться морскимъ воздухомъ: сядьте въ Англіи на пароходъ да прокатитесь до Америки...

Онъ всталъ и сталъ прощаться.

— Если вы все это исполните въ точности... говорилъ онъ...

— Хорошо, хорошо, непремѣнно исполню, ѣдко отвѣчалъ Обломовъ, провожая его.

Докторъ ушелъ, оставивъ Обломова въ самомъ жалкомъ положеніи. Онъ закрылъ глаза, положилъ обѣ руки на голову, сжался на стулѣ въ комокъ и такъ сидѣлъ никуда не глядя, ничего не чувствуя.

Сзади его послышался робкій зовъ.

— Илья Ильичъ!

— Ну? откликнулся онъ.

— А что жь управляющему-то сказать?

— О чемъ?

— А насчетъ того, чтобъ переѣхать?

— Ты опять объ этомъ? съ изумленіемъ спросилъ Обломовъ.

— Да какъ же, батюшка, Илья Ильичъ, быть-то мнѣ? сами разсудите: и такъ жизнь-то моя горька, я въ гробъ гляжу...

— Нѣтъ, ты, видно, въ гробъ меня хочешь вогнать своимъ переѣздомъ, сказалъ Обломовъ. — Послушай-ка, что̀ говоритъ докторъ!

Захаръ не нашелъ, что̀ сказать, только вздохнулъ такъ, что концы шейнаго платка затрепетали у него на груди.

— Ты рѣшился уморить, что ли, меня? спросилъ опять Обломовъ: — я надоѣлъ тебѣ—а? ну, говори же!

— Христосъ съ вами! живите на здоровье! кто вамъ зла желаетъ? ворчалъ Захаръ въ совершенномъ смущеніи отъ трагическаго оборота, который начинала принимать рѣчь.

— Ты! сказалъ Илья Ильичъ:—я запретилъ тебѣ заикаться о переѣздѣ, а ты, не проходитъ дня, чтобъ пять разъ не напомнилъ мнѣ: вѣдь это разстроиваетъ меня—пойми ты. И такъ здоровье мое никуда не годится...

— Я думалъ, сударь, что... отчего, молъ, думалъ, не переѣхать? дрожащимъ отъ душевной тревоги голосомъ говорилъ Захаръ.

— Отчего не переѣхать! Ты такъ легко судишь объ этомъ! говорилъ Обломовъ, оборачиваясь съ креслами къ Захару. — Да ты вникнулъ ли хорошенько, что̀ значитъ переѣхать—а? вѣрно, не вникнулъ?

Digitized by Google

— И такъ не вникнулъ! смиренно отвѣчалъ Захаръ, готовый во всемъ согласиться съ бариномъ, лишь бы не доводить дѣла до патетическихъ сценъ, которыя были для него хуже горькой рѣдьки.

— Не вникнулъ, такъ слушай, да и разбери, можно переѣзжать, или нѣтъ. Что̀ значитъ переѣхать? Это значитъ: баринъ уйди на цѣлый день, да такъ одѣтый съ утра и ходи...

— Что жь, хоть бы и уйти? замѣтилъ Захаръ:—отчего жь и не отлучиться на цѣлый день? Вѣдь нездорово сидѣть дома. Вонъ вы какіе нехорошіе стали! Прежде вы были какъ огурчикъ, а теперь, какъ сидите, Богъ-знаетъ, на что̀ похожи. Походили бы по улицамъ, посмотрѣли бы на народъ, или на другое что̀...

— Полно вздоръ молоть, а слушай! сказалъ Обломовъ. — Ходить по улицамъ!

— Да̀, право, продолжалъ Захаръ съ бо̀льшимъ жаромъ. — Вонъ, говорятъ, какое-то неслыханное чудовище привезли: его бы поглядѣли. Въ тіатръ, или маскарадъ бы пошли, а тутъ бы безъ васъ и переѣхали.

— Не болтай пустяковъ! Славно ты заботишься о барскомъ покоѣ! По-твоему, шатайся цѣлый день—тебѣ нужды нѣтъ, что я пообѣдаю ни вѣсть-гдѣ и ка̀къ, и не прилягу послѣ обѣда?.. Безъ меня они тутъ перевезутъ! не догляди, такъ и перевезутъ— черепки. Знаю я, съ возрастающей убѣдительностью говорилъ Обломовъ: — что значитъ перевозка! Это значитъ ломка, шумъ; всѣ вещи свалятъ въ кучу на полу: тутъ и чемоданъ, и спинка дивана, и картины, и чубуки, и книги, и стклянки какія-то, которыхъ въ другое время и не видать, а тутъ, чортъ-знаетъ, откуда возьмутся! Смотри за всѣмъ, чтобъ не растеряли да не переломали... половина тутъ, другая на возу, или на новой квартирѣ: захочется покурить, возьмешь трубку, а табакъ ужъ уѣхалъ... хочешь сѣсть, да нѐ на что̀; до чего ни дотронулся— выпачкался; все въ пыли; вымыться нѐчѣмъ, и ходи, вонъ, съ этакими руками, какъ у тебя...

— У меня руки чисты, сказалъ Захаръ, показывая какія-то двѣ подошвы вмѣсто рукъ.

— Ну, ужь не показывай только! сказалъ Илья Ильичъ отворачиваясь. — А захочется пить, продолжалъ Обломовъ: — взялъ графинъ, да стакана нѣтъ...

— Можно и изъ графина напиться! добродушно прибавилъ Захаръ, полагая, что, можетъ-быть, этотъ способъ неупотребителенъ потому, что не всѣмъ извѣстенъ.

Digitized by Google

— Вотъ у васъ все такъ: можно и не мести, и пыли не стирать, и ковровъ не выколачивать. А на новой квартирѣ, продолжалъ Илья Ильичъ, увлекаясь самъ живо-представившейся ему картиной переѣзда: — дня въ три не разберутся, все не на своемъ мѣстѣ: картины у стѣнъ, на полу, галоши на постели, сапоги въ одномъ узлѣ съ чаемъ да съ помадой. То, глядишь, ножка у кресла сломана, то стекло на картинѣ разбито, или диванъ въ пятнахъ. Чего ни спросишь — нѣтъ, никто не знаетъ гдѣ, или потеряно, или забыто на старой квартирѣ: бѣги туда...

— Въ ину пору разъ десять взадъ и впередъ сбѣгаешь, перебилъ Захаръ.

— Вотъ видишь ли! продолжалъ Обломовъ. — А встанешь на новой квартирѣ утромъ, что́ за скука! ни воды, ни угольевъ нѣтъ, а зимой такъ холодомъ насидишься, настудятъ комнаты, а дровъ нѣтъ; поди бѣгай, занимай...

— Еще какихъ сосѣдей Богъ дастъ, замѣтилъ опять Захаръ:— отъ иныхъ не то, что вязанки дровъ — ковша воды не допросишься.

— То-то же! сказалъ Илья Ильичъ: — переѣхалъ къ вечеру, кажется бы, и конецъ хлопотамъ—нѣтъ, еще провозишься недѣли двѣ. Кажется, все разставлено... смотришь, что-нибудь да осталось: сторы привѣсить, картинки приколотить — душу всю вытянетъ, жить не захочется... А издержекъ, издержекъ...

— Прошлый разъ, восемь лѣтъ назадъ, рублевъ двѣсти стало— какъ теперь помню, сказалъ Захаръ.

— Ну, вотъ, шутка! говорилъ Илья Ильичъ. — А ка́къ дико жить сначала на новой квартирѣ! скоро ли привыкнешь? Да я ночей пять не усну на новомъ мѣстѣ; меня тоска загрызетъ, какъ встану да увижу, вонъ, вмѣсто этой вывѣски токаря, другое что-нибудь, напротивъ, или вонъ ежели изъ окна не выглянетъ эта стриженая старуха передъ обѣдомъ, такъ мнѣ и скучно... Видишь ли ты самъ теперь, до чего доводилъ барина— а? спросилъ съ упрекомъ Илья Ильичъ.

— Вижу, прошепталъ смиренно Захаръ.

— Зачѣмъ же ты предлагалъ мнѣ переѣхать? станетъ ли человѣческихъ силъ вынести все это?

— Я думалъ, что другіе, молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно... сказалъ Захаръ.

— Что́? что́? вдругъ съ изумленіемъ спросилъ Илья Ильичъ, приподнимаясь съ креселъ:—что́ ты сказалъ?



Digitized by Google

Захаръ вдругъ смутился, не зная, чѣмъ онъ могъ подать барину поводъ къ патетическому восклицанію и жесту. Онъ молчалъ.

— Другіе не хуже! съ ужасомъ повторилъ Илья Ильичъ:— вотъ ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все-равно, что «другой»!

Обломовъ поклонился иронически Захару и сдѣлалъ въ высшей степени оскорбленное лицо.

— Помилуйте, Илья Ильичъ, развѣ я ровняю васъ съ кѣмъ-нибудь?...

— Съ глазъ долой! повелительно сказалъ Обломовъ, указывая рукой на дверь:—я тебя видѣть не могу. А! «другіе»! хорошо!

Захаръ съ глубокимъ вздохомъ удалился къ себѣ.

«Эка жизнь, подумаешь!» ворчалъ онъ, садясь на лежанку.

«Боже мой!» стоналъ тоже Обломовъ: «вотъ хотѣлъ посвятить утро дѣльному труду, а тутъ разстроили на цѣлый день! И кто же? свой собственный слуга! преданный, испытанный, а что́ сказалъ! и ка́къ это онъ могъ?

Обломовъ долго не могъ успокоится; онъ ложился, вставалъ, ходилъ по комнатѣ и опять ложился. Онъ, въ низведеніи себя Захаромъ до степени *другихъ*, видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому. Онъ вникалъ въ глубину этого сравненія и разбиралъ, что́ такое *другіе* и что́ онъ самъ, въ какой степени возможна и справедлива эта параллель и ка́къ тяжела обида, нанесенная ему Захаромъ; наконецъ сознательно ли оскорбилъ его Захаръ, то-есть, убѣжденъ ли онъ былъ, что Илья Ильичъ все-равно что́ «другой», или та́къ это сорвалось у него съ языка, безъ участія головы. Все это задѣло самолюбіе Обломова и онъ рѣшился показать Захару разницу между нимъ и тѣми, которыхъ разумѣлъ Захаръ подъ именемъ «другихъ», и дать почувствовать ему всю гнусность его поступка.

— Захаръ! протяжно и торжественно кликнулъ онъ.

Захаръ, услышавъ этотъ зовъ, не прыгнулъ, по обыкновенію, съ лежанки, стуча ногами, не заворчалъ; онъ медленно сползъ съ печки и пошелъ, задѣвая за все и руками и боками, тихо, не́хотя, какъ собака, которая, по голосу господина, чувствуетъ, что проказа ея открыта и что ее зовутъ на расправу. Захаръ отворилъ вполовину дверь, но войти не рѣшался.

— Войди! сказалъ Илья Ильичъ.

Digitized by Google

Хотя дверь отворялась свободно, но Захаръ отворялъ такъ, какъ-будто нельзя было пролѣзть, и оттого только завязъ въ двери, но не вошелъ.

Обломовъ сидѣлъ на краю постели.

— Поди сюда! настойчиво сказалъ онъ.

Захаръ съ трудомъ высвободился изъ двери, но тотчасъ притворилъ ее за собой и прислонился къ ней плотно спиной.

— Сюда! говорилъ Илья Ильичъ, указывая пальцомъ мѣсто подлѣ себя. Захаръ сдѣлалъ полшага и остановился за двѣ сажени отъ указаннаго мѣста.

— Еще! говорилъ Обломовъ.

Захаръ сдѣлалъ видъ, что будто шагнулъ, а самъ только качнулся, стукнулъ ногой и остался на мѣстѣ. Илья Ильичъ, видя, что ему никакъ не удастся на этотъ разъ подманить Захара ближе, оставилъ его тамъ, гдѣ онъ стоялъ, и смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча, съ укоризной. Захаръ, чувствуя неловкость отъ этого безмолвнаго созерцанія его особы, дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ барина, и болѣе, нежели когда-нибудь, стороной стоялъ къ нему, и даже не кидалъ въ эту минуту своего односторонняго взгляда на Илью Ильича. Онъ упорно сталъ смотрѣть налѣво, въ другую сторону: тамъ увидалъ онъ давно-знакомый ему предметъ — бахрому изъ паутины около картинъ, и въ паукѣ—живой упрекъ своему нерадѣнію.

— Захаръ! тихо, съ достоинствомъ произнесъ Илья Ильичъ.

Захаръ не отвѣчалъ; онъ, кажется, думалъ: «ну, чего тебѣ? другаго, что ли, Захара? вѣдь я тутъ стою» и перенесъ взглядъ свой, мимо барина, слѣва направо; тамъ тоже напомнило ему о немъ самомъ зеркало, подернутое, какъ кисеей, густою пылью: сквозь нея дико, исподлобья смотрѣлъ на него, какъ изъ тумана, собственный его же, угрюмый и некрасивый ликъ. Онъ съ неудовольствіемъ отвратилъ взглядъ отъ этого грустнаго, слишкомъ-знакомаго ему предмета, и рѣшился на минуту остановить его на Ильѣ Ильичѣ. Взгляды ихъ встрѣтились. Захаръ не вынесъ укора, написаннаго въ глазахъ барина, и потупилъ свои внизъ, подъ ноги: тутъ опять, въ коврѣ, пропитанномъ пылью и пятнами, онъ прочелъ печальный аттестатъ своего усердія къ господской службѣ.

— Захаръ! съ чувствомъ повторилъ Илья Ильичъ.

— Чего изволите? едва-слышно прошепталъ Захаръ и чуть-чуть вздрогнулъ, предчувствуя патетическую рѣчь.

Digitized by Google

— Дай мнѣ квасу! сказалъ Илья Ильичъ.

У Захара отлегло отъ сердца; онъ, съ радости, какъ мальчишка, проворно бросился въ буфетъ и принесъ квасу.

— Что́, каково тебѣ? кротко спросилъ Илья Ильичъ, отпивъ изъ стакана и держа его въ рукахъ: — вѣдь нехорошо?

Видъ дикости на лицѣ Захара мгновенно смягчился блеснувшимъ въ чертахъ его лучомъ раскаянія. Захаръ почувствовалъ первые признаки проснувшагося въ груди и подступавшаго къ сердцу благоговѣйнаго чувства къ барину, и онъ вдругъ сталъ смотрѣть прямо ему въ глаза.

— Чувствуешь ли ты свой проступокъ? спросилъ Илья Ильичъ.

«Что́ это за «проступокъ» за такой?» думалъ Захаръ съ горестью; «что́-нибудь жалкое; вѣдь не́хотя заплачешь, какъ онъ станетъ этакъ-то пропекать».

— Что́ жь, Илья Ильичъ, началъ Захаръ съ самой низкой ноты своего діапазона: — я ничего не сказалъ, окромѣ того, что молъ...

— Нѣтъ, ты погоди! перебилъ Обломовъ: — ты понимаешь ли, что́ ты сдѣлалъ? На, вотъ, поставь стаканъ на столъ и отвѣчай!

Захаръ ничего не отвѣчалъ и рѣшительно не понималъ, что́ онъ сдѣлалъ, но это не помѣшало ему съ благоговѣніемъ посмотрѣть на барина; онъ даже понурилъ немного голову, сознавая свою вину.

— Ка́къ же ты не ядовитый человѣкъ? говорилъ Обломовъ.

Захаръ все молчалъ, только крупно мигнулъ раза три.

— Ты огорчилъ барина! съ разстановкой произнесъ Илья Ильичъ и пристально смотрѣлъ на Захара, наслаждаясь его смущеніемъ.

Захаръ не зналъ куда дѣваться отъ тоски.

— Вѣдь огорчилъ? спросилъ Илья Ильичъ.

«Огорчилъ!» шепталъ, растерявшись совсѣмъ, Захаръ отъ этого новаго *жалкаго* слова. Онъ металъ взгляды на-право, налѣво и прямо, ища въ чемъ-нибудь спасенія, и опять замелькали передъ нимъ, и паутина, и пыль, и собственное отраженіе, и лицо барина. «Хоть бы сквозь землю провалиться! Эхъ, смерть нейдетъ!» подумалъ онъ, видя, что не избѣжать ему патетической сцены, ка́къ ни вертись. И такъ онъ чувствовалъ, что ми-

Digitized by Google

гаетъ чаще-и-чаще, и вотъ, того и гляди, брызнутъ слезы. Наконецъ онъ отвѣчалъ барину извѣстной пѣсней, только въ прозѣ.

— Чѣмъ же я огорчилъ васъ, Илья Ильичъ? почти плача сказалъ онъ.

— Чѣмъ? повторилъ Обломовъ. — Да ты подумалъ ли, что́ такое *другой?*

Онъ остановился, продолжая глядѣть на Захара.

— Сказать ли тебѣ, что́ это такое?

Захаръ повернулся, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и вздохнулъ на всю комнату.

— *Другой* — кого ты разумѣешь — есть голь окаянная, грубый, необразованный человѣкъ, живетъ грязно, бѣдно, на чердакѣ; онъ и выспится-себѣ на войлокѣ гдѣ-нибудь на дворѣ. Что́ этакому сдѣлается? ничего. Трескаетъ-то онъ картофель, да селедку. Нужда мечетъ его изъ угла въ уголъ, онъ и бѣгаетъ день-деньской. Онъ, пожалуй, и переѣдетъ на новую квартиру. Вонъ, Лягаевъ, возьметъ линейку подъ мышку, да двѣ рубашки въ носовой платокъ, и идетъ... «Куда, молъ, ты?»—«Переѣзжаю» говоритъ. Вотъ это такъ «другой»! А я, по-твоему «другой» — а?

Захаръ взглянулъ на барина, переступилъ съ ноги на ногу и молчалъ.

— Что̀ такое *другой?* продолжалъ Обломовъ: — другой есть такой человѣкъ, который самъ себѣ сапоги чиститъ, одѣвается самъ, хоть иногда и бариномъ смотритъ, да вретъ, онъ и не знаетъ, что́ такое прислуга; послать не́кого—самъ сбѣгаетъ, зачѣмъ нужно; и дрова въ печкѣ самъ помѣшаетъ, иногда и пыль оботретъ ..

— Изъ нѣмцевъ много этакихъ, угрюмо сказалъ Захаръ.

— То-то же! А я? ка̀къ ты думаешь, я «другой»?

— Вы совсѣмъ-другой! жалобно сказалъ Захаръ, все непонимавшій, что́ хочетъ сказать баринъ. — Богъ знаетъ, что́ это напустило такое на васъ...

— Я совсѣмъ другой—а? Погоди, ты посмотри, что́ ты такое сказалъ. Ты разбери-ка, ка̀къ «другой»-то живетъ? «Другой» работаетъ безъ устали, бѣгаетъ, суетится, продолжалъ Обломовъ:— не поработаетъ, такъ и не поѣстъ. «Другой» кланяется, «другой» проситъ, унижается... А я? Ну-ка, рѣши: ка́къ ты думаешь, «другой» я—а?

Digitized by Google

— Да полно вамъ, батюшка, томить-то меня жалкими словами! умолялъ Захаръ! — ахъ, ты Господи!

— Я «другой»! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? мало ѣмъ, что ли? худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не достаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать — есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мной? ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не заработывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался. Такъ какъ же это у тебя достало духу равнять меня съ другими? Развѣ у меня такое здоровье, какъ у этихъ «другихъ»? развѣ я могу все это дѣлать и перенести?

Захаръ потерялъ рѣшительно всякую способность понять рѣчь Обломова; но губы у него вздулись отъ внутренняго волненія; патетическая сцена гремѣла, какъ туча, надъ головой его. Онъ молчалъ.

— Захаръ! повторилъ Илья Ильичъ.

— Чего изволите? чуть-слышно прошипѣлъ онъ.

— Дай еще квасу.

Захаръ принесъ квасу, и когда Илья Ильичъ, напившись, отдалъ ему стаканъ, онъ было-проворно пощелъ къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты постой! заговорилъ Обломовъ: — я спрашиваю тебя: какъ ты могъ такъ горько оскорбить барина, котораго ты ребенкомъ носилъ на рукахъ, которому вѣкъ служишь и который благодѣтельствуетъ тебѣ?

Захаръ не выдержалъ: слово *благодѣтельствуетъ* доканало его! Онъ началъ мигать чаще-и-чаще. Чѣмъ меньше понималъ онъ, что говорилъ ему въ патетической рѣчи Илья Ильичъ, тѣмъ грустнѣе становилось ему.

— Виноватъ, Илья Ильичъ, началъ онъ сипѣть съ раскаяніемъ: — это я по-глупости, право по-глупости...

И Захаръ, не понимая, что онъ сдѣлалъ, не зналъ, какой глаголъ употребить въ концѣ своей рѣчи.

— А я, продолжалъ Обломовъ голосомъ оскорбленнаго и неоцѣненнаго по достоинству человѣка: — еще заботусь день и ночь, тружусь, иногда голова горитъ, сердце замираетъ, по ночамъ не спишь, ворочаешься, все думаешь, какъ бы лучше... а о комъ? для кого? все для васъ, для крестьянъ; стало-быть, и

Digitized by Google

для тебя. Ты, можетъ-быть, думаешь, глядя, какъ я иногда покроюсь совсѣмъ одѣяломъ съ головой, что я лежу какъ пень, да сплю; нѣтъ, не сплю я, а думаю все крѣпкую думу, чтобъ крестьяне не потерпѣли ни въ чемъ нужды, чтобъ не позавидовали чужимъ, чтобъ не плакались на меня Господу Богу на страшномъ судѣ, а молились бы, да поминали меня добромъ. Неблагодарные! съ горькимъ упрекомъ заключилъ Обломовъ.

Захаръ тронулся окончательно послѣдними *жалкими* словами. Онъ началъ понемногу всхлипывать; сипѣнье и хрипѣнье слились на этотъ разъ въ одну, невозможную ни для какого инструмента ноту, развѣ только для какого-нибудь китайскаго гонга, или индійскаго там-тама.

— Батюшка, Илья Ильичъ! умолялъ онъ: — полно вамъ! Что вы, Господь съ вами, такое несете! Ахъ ты, Мать Пресвятая Богородица! какая бѣда вдругъ стряслась нежданно-негаданно...

— А ты, продолжалъ, не слушая его Обломовъ: — ты бы постыдился выговорить-то! Вотъ какую змѣю отогрѣлъ на груди!

— Змѣя! произнесъ Захаръ, всплеснувъ руками, и такъ прiударилъ плачемъ, какъ-будто десятка два жуковъ влетѣли и зажужжали въ комнатѣ. — Когда же я змѣю поминалъ? говорилъ онъ среди рыданiй: — да я и во снѣ-то не вижу ее, поганую!

Оба они перестали понимать другъ друга, а наконецъ каждый и себя.

— Да какъ это языкъ поворотился у тебя? продолжалъ Илья Ильичъ: — а я еще въ планѣ моемъ опредѣлилъ ему особый домъ, огородъ, отсыпной хлѣбъ, назначилъ жалованье! Ты у меня, и управляющiй, и мажордомъ, и повѣренный по дѣламъ! Мужики тебѣ въ-поясъ; всѣ тебя: Захаръ Трофимычъ, да Захаръ Трофимычъ! а онъ все еще не доволенъ, въ «другiе» пожаловалъ! вотъ и награда! славно барина честитъ!

Захаръ продолжалъ всхлипывать и Илья Ильичъ былъ самъ растроганъ. Увѣщевая Захара, онъ глубоко проникся въ эту минуту сознанiемъ благодѣянiй, оказанныхъ имъ крестьянамъ, и послѣднiе упреки досказалъ дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ.

— Ну, теперь иди съ Богомъ! сказалъ онъ примирительнымъ тономъ Захару. — Да постой, дай еще квасу! Въ горлѣ совсѣмъ пересохло: самъ бы догадался—слышишь, баринъ хрипитъ? До чего довелъ! Надѣюсь, что ты понялъ свой проступокъ, говорилъ

Digitized by Google

Илья Ильичъ, когда Захаръ принесъ квасу: — и впередъ не станешь сравнивать барина съ другими. Чтобъ загладить свою вину, ты какъ-нибудь уладь съ хозяиномъ, чтобъ мнѣ не переѣзжать. Вотъ какъ ты бережешь покой барина: разстроилъ совсѣмъ и лишилъ меня какой-нибудь новой, полезной мысли. А у кого отнялъ? у себя же; для васъ я посвятилъ всего себя, для васъ вышелъ въ отставку, сижу взаперти... Ну, да Богъ съ тобой! Вонъ, три часа бьетъ! два часа только до обѣда; что́ успѣешь сдѣлать въ два часа—ничего. А дѣла куча. Такъ и быть, письмо отложу до слѣдующей почты, а планъ набросаю завтра. Ну, я теперь прилягу немного: измучился совсѣмъ; ты опусти сторы да затвори меня поплотнѣе, чтобъ не мѣшали; можетъ-быть, я съ часикъ и усну; а въ половинѣ пятаго разбуди...

Захаръ началъ закупоривать барина въ кабинетѣ; онъ сначала покрылъ его самого и подоткнулъ одѣяло подъ него, потомъ опустилъ сторы, плотно заперъ всѣ двери и ушелъ къ себѣ.

«Чтобъ тебѣ издохнуть, лѣшій этакой!» ворчалъ онъ, отирая слѣды слезъ и влѣзая на лежанку, «право, лѣшій! «Особый домъ, огородъ, жалованье!» говорилъ Захаръ, понявшій только послѣднія слова. Мастеръ жалкія-то слова говорить: та́къ посердцу точно ножомъ и рѣжетъ! Вотъ тутъ мой и домъ и огородъ, тутъ и ноги протяну!» говорилъ онъ съ яростью, ударяя по лежанкѣ: «жалованье! какъ не приберешь гривенъ да пятаковъ къ рукамъ, такъ и табаку не́ на что́ купить, и куму нечѣмъ поподчивать! Чтобъ тебѣ пусто было!.. Подумаешь, смерть-то нейдетъ!»

Илья Ильичъ легъ на спину, но не вдругъ заснулъ. Онъ думалъ, думалъ, волновался, волновался...

— Два несчастья вдругъ! говорилъ онъ, завертываясь въ одѣяло совсѣмъ съ головой. — Прошу устоять!

Но въ самомъ-то дѣлѣ, эти два *несчастья*, то-есть, зловѣщее письмо старосты и переѣздъ на новую квартиру, переставали тревожить Обломова и поступали уже только въ рядъ безпокойныхъ воспоминаній. «До бѣдъ, которыми грозитъ староста еще далеко» думалъ онъ: «до-тѣхъ-поръ многое можетъ перемѣниться: авось дожди поправятъ хлѣбъ; можетъ-быть, недоимки староста пополнитъ; бѣжавшихъ мужиковъ «водворятъ на мѣсто жительства», какъ онъ пишетъ. И куда это они ушли, эти мужики?» думалъ онъ и углубился болѣе въ художественное разсмотрѣніе этого обстоятельства. «Поди, чай, ночью ушли, по сырости, безъ

Digitized by Google

хлѣба. Гдѣ же они уснутъ? не-уже-ли въ лѣсу? Вѣдь не сидится же! Въ избѣ хоть и скверно пахнетъ, да тепло по-крайней-мѣрѣ... И что тревожиться?» думалъ онъ. «Скоро и планъ подоспѣетъ—чего жь пугаться заранѣе? Эхъ, я!..» Мысль о переѣздкѣ тревожила его нѣсколько-болѣе. Это было свѣжее, позднѣйшее *несчастье;* но въ успокоительномъ духѣ Обломова и для этого факта наступала уже исторія. Хотя онъ смутно и предвидѣлъ неизбѣжность переѣзда, тѣмъ болѣе, что тутъ вмѣшался Тарантьевъ, но онъ мысленно отдалялъ это тревожное событіе своей жизни хоть на недѣлю, и вотъ уже выиграна цѣлая недѣля спокойствія! «А, *можетъ-быть*, еще Захаръ постарается такъ уладить, что и вовсе-ненужно будетъ переѣзжать; *авось* обойдутся: отложатъ до будущаго лѣта, или совсѣмъ отмѣнятъ перестройку: ну, *какъ-нибудь* да сдѣлаютъ! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ... переѣзжать!..» Та́къ онъ попеременно волновался и успокоивался, и наконецъ въ этихъ примирительныхъ и успокоительныхъ словахъ *авось, можетъ-быть, и какъ-нибудь* Обломовъ нашелъ и на этотъ разъ, какъ находилъ всегда, цѣлый ковчегъ надеждъ и утѣшеній, какъ въ ковчегѣ завѣта отцо́въ нашихъ, и въ настоящую минуту онъ успѣлъ оградить себя ими отъ двухъ несчастій. Уже легкое, пріятное онѣменіе пробѣжало по членамъ его и начало чуть-чуть туманить сномъ его чувства, какъ первые робкіе морозцы туманятъ поверхность водъ; еще минута—и сознаніе улетѣло бы Богъ-вѣсть куда, но вдругъ Илья Ильичъ очнулся и открылъ глаза.

«А вѣдь я не умылся! какъ же это? да и ничего не сдѣлалъ» прошепталъ онъ: «хотѣлъ изложить планъ на бумагу и не изложилъ, къ исправнику не написалъ, къ губернатору тоже, къ домо́вому хозяину началъ письмо и не кончилъ, счетовъ не повѣрилъ и денегъ не выдалъ — утро такъ и пропало!»

Онъ задумался...

«Что́ жь это такое? А *другой бы* все это сдѣлалъ!» мелькнуло у него въ головѣ: «другой, другой... Что же это такое *другой?*»

Онъ углубился въ сравненіе себя съ «другимъ». Онъ началъ думать, думать: и теперь у него формировалась идея, совсѣмъ-противоположная той, которую онъ далъ Захару о *другомъ*. Онъ долженъ былъ признать, что другой успѣлъ бы написать всѣ письма, такъ-что *который* и *что̀* ни разу не столкнулись бы между собою; другой и переѣхалъ бы на новую квартиру, и планъ исполнилъ бы, и въ деревню съѣздилъ бы...

«Вѣдь и я бы могъ все это...» думалось ему: «вѣдь я умѣю,

Digitized by Google

кажется, и писать; писывалъ, сывало, не то, что письма, а помудренѣе этого! Куда же все это дѣлось? и переѣхать что за штука? стоитъ захотѣть! «Другой» и халата никогда не надѣваетъ, прибавилось еще къ характеристикѣ другаго, «другой...» тутъ онъ зѣвнулъ... «почти не спитъ... другой тѣшится жизнью, вездѣ бываетъ, все видитъ, до всего ему дѣло... А я! я... не «другой»! уже съ грустью сказалъ онъ и впалъ въ глубокую думу. Онъ даже высвободилъ голову изъ-подъ одѣяла.

Настала одна изъ ясныхъ, сознательныхъ минутъ въ жизни Обломова. Какъ страшно стало ему, когда вдругъ въ душѣ его возникло живое и ясное представленіе о человѣческой судьбѣ и назначеніи, и когда мелькнула параллель между этимъ назначеніемъ и собственной его жизнью, когда въ головѣ просыпались, одинъ за другимъ, и безпорядочно, пугливо носились, какъ птицы, пробужденныя внезапнымъ лучомъ солнца въ дремлющей развалинѣ, разные жизненные вопросы. Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему; и зависть грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а у него, какъ-будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жалкой тропѣ его существованія. Въ робкой душѣ его вырабатывалось мучительное сознаніе, что многія стороны его натуры не пробуждались совсѣмъ, другія были чуть-чуть тронуты и ни одна не разработана до конца. А между-тѣмъ, онъ болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ-быть, теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото, въ нѣдрахъ горы, и давно бы пора этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища. Что-то помѣшало ему ринуться на поприще жизни и летѣть по немъ на всѣхъ парусахъ ума и воли. Какой-то тайный врагъ наложилъ на него тяжелую руку въ началѣ пути и далеко отбросилъ отъ прямаго, человѣческаго назначенія... И ужь не выбраться ему, кажется, изъ глуши и дичи на прямую тропинку. Лѣсъ кругомъ его и въ душѣ все чаще и темнѣе; тропинка заростаетъ болѣе-и-болѣе; свѣтлое сознаніе просыпается все рѣже, и только на мгновеніе будитъ спящія силы. Умъ и воля давно парализированы и, кажется, безвозвратно. Событія его жизни умельчились до микроскопическихъ размѣровъ, но и съ тѣми событіями не спра-

Digitized by Google

вится онъ; онъ не переходитъ отъ одного къ другому, а перебрасывается ими, какъ съ волны на волну; онъ не въ силахъ одному противопоставить упругость воли, или увлечься разумно вслѣдъ за другимъ. Горько становилось ему отъ этой тайной исповѣди передъ самимъ собою. Безплодныя сожалѣнія о минувшемъ, жгучіе упреки совѣсти язвили его, какъ иглы, и онъ всѣми силами старался свергнуть съ себя бремя этихъ упрековъ, найти виноватаго внѣ себя и на него обратить жало ихъ. Но на кого?..

«Это все... Захаръ!» прошепталъ онъ... Вспомнилъ онъ подробности сцены съ Захаромъ и лицо его вспыхнуло цѣлымъ пожаромъ стыда. «Что́ еслибъ кто-нибудь слышалъ это?..» думалъ онъ, цѣпенѣя отъ этой мысли. «Слава Богу, что Захаръ не съумѣетъ пересказать никому; да и не повѣрятъ; слава Богу!»

Онъ вздыхалъ, проклиналъ себя, ворочался съ боку на бокъ, искалъ виноватаго и не находилъ. Охи и вздохи его достигли даже до ушей Захара.

«Экъ его тамъ съ квасу-то раздуваетъ!» съ сердцемъ ворчалъ Захаръ.

«Отчего же это я такой?» почти со слезами спросилъ себя Обломовъ и спряталъ опять голову подъ одѣяло: «право?» Поискавъ безполезно враждебнаго начала, мѣшающаго ему жить, ка́къ слѣдуетъ, ка́къ живутъ «другіе», онъ вздохнулъ, закрылъ глаза, и чрезъ нѣсколько минутъ дремота опять начала понемногу оковывать его чувства. «И я бы тоже...: хотѣлъ...» говорилъ онъ, мигая съ трудомъ, «что-нибудь такое... Развѣ природа ужь такъ обидѣла меня...: Да нѣтъ, слава Богу... жаловаться нельзя...» За этимъ послышался примирительный вздохъ. Онъ переходилъ отъ волненія къ нормальному своему состоянію, спокойствію и апатіи. «Видно ужь такъ судьба... Что́ жь мнѣ тутъ дѣлать?..» едва шепталъ онъ, одолѣваемый сномъ. «Яко двѣ тысячи поменѣе доходу...» сказалъ онъ вдругъ громко въ бреду. «Сейчасъ, сейчасъ, погоди...» и очнулся вполовину. «Однако... любопытно бы знать... отчего я... такой?..» сказалъ онъ опять шопотомъ. Вѣки у него закрылись совсѣмъ. Да́, отчего?.. Должно быть... это... оттого...» силился было выговорить онъ и не выговорилъ.

Та́къ онъ и не додумался до причины; языкъ и губы мгновенно замерли на полусловѣ и остались, какъ были, полуоткрыты. Вмѣсто слова, послышался еще вздохъ, и вслѣдъ затѣмъ начало раздаваться ровное храпѣнье безмятежно-спящаго человѣка.

Сонъ остановилъ медленный и лѣнивый потокъ его мыслей и

Digitized by Google

мгновенно перенесъ его въ другую эпоху, къ другимъ людямъ, въ другое мѣсто, куда перенесемся за нимъ и мы съ читателемъ въ слѣдующей главѣ.

## IX.

## СОНЪ ОБЛОМОВА.

Гдѣ мы? Въ какой благословенный уголокъ земли перенесъ насъ сонъ Обломова? Что́ за чудный край!

Нѣтъ, правда, тамъ моря, нѣтъ высокихъ горъ, скалъ и пропастей, ни дремучихъ лѣсовъ—нѣтъ ничего грандіознаго, дикаго и угрюмаго. Да и зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное? Море, напримѣръ? Богъ съ нимъ! Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой пеленой водъ, и нѐ на чемъ отдохнуть взгляду, измученному однообразіемъ безконечной картины. Ревъ и бѣшеные раскаты валовъ не нѣжатъ слабаго слуха: они все твердятъ свою, отъ начала міра одну и ту же пѣснь, мрачнаго и неразгаданнаго содержанія; и все слышится въ ней одинъ и тотъ же стонъ, однѣ и тѣ же жалобы будто обреченнаго на му́ку чудовища, да чьи-то пронзительные, зловѣщіе голоса. Птицы не щебечутъ вокругъ; только безмолвныя чайки, какъ осужденныя, уныло носятся у прибрежья и кружатся надъ водой.

Безсиленъ ревъ звѣря предъ этими воплями природы, ничтоженъ и голосъ человѣка, и самъ человѣкъ та̀къ малъ, слабъ, та́къ незамѣтно исчезаетъ въ мелкихъ подробностяхъ широкой картины! Отъ этого, можетъ-быть, такъ и тяжело ему смотрѣть на море. Нѣтъ, Богъ съ нимъ, съ моремъ! Самая тишина и неподвижность его не раждаютъ отраднаго чувства въ душѣ: въ едва-замѣтномъ колебаніи водяной массы человѣкъ все видитъ ту же необъятную, хотя и спящую силу, которая подъ-часъ та́къ ядовито издѣвается надъ его гордой волей и та́къ глубоко хоронитъ его отважные замыслы, всѣ его хлопоты и труды.

Горы и пропасти созданы тоже не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны, какъ выпущенные и устремленные на него когти и зубы дикаго звѣря; онѣ слишкомъ-живо напоминаютъ намъ бренный составъ нашъ и держатъ въ страхѣ и тоскѣ за жизнь. И небо тамъ, надъ скалами и пропастями, кажется такимъ далекимъ и недосягаемымъ, какъ-будто оно отступилось отъ людей.

Digitized by Google

Не таковъ мирный уголокъ, гдѣ вдругъ очутился нашъ герой. Небо тамъ, кажется, напротивъ, ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобъ метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобъ обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобъ уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ.

Солнце тамъ ярко и жарко свѣтитъ около полугода и потомъ удаляется оттуда не вдругъ, точно нехотя, какъ-будто оборачивается назадъ взглянуть еще разъ или два на любимое мѣсто и подарить ему осенью, среди ненастья, ясный, теплый день.

Горы тамъ какъ-будто только модели тѣхъ страшныхъ, гдѣ-то воздвигнутыхъ горъ, которыя ужасаютъ воображеніе. Это рядъ отлогихъ холмовъ, съ которыхъ пріятно кататься, рѣзвясь, на спинѣ, или, сидя на нихъ, смотрѣть въ раздумьи на заходящее солнце.

Рѣка бѣжитъ весело, шаля и играя; она, то разольется въ широкій прудъ, то стремится быстрой нитью, или присмирѣетъ, будто задумавшись, и чуть-чуть ползетъ по камешкамъ, выпуская изъ себя по сторонамъ рѣзвые ручьи, подъ журчанье которыхъ сладко дремлется.

Весь уголокъ верстъ на пятнадцать или на двадцать вокругъ представлялъ рядъ живописныхъ этюдовъ, веселыхъ, улыбающихся пейзажей. Песчаные и отлогіе берега свѣтлой рѣчки, подбирающійся съ холма къ водѣ мелкій кустарникъ, искривленный оврагъ съ ручьемъ на днѣ и березовая роща—все какъ-будто было нарочно прибрано одно къ одному и мастерски нарисовано.

Измученное волненіями или вовсе незнакомое съ ними сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ забытый всѣми уголокъ и жить никому-невѣдомымъ счастьемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до желтизны волосъ, и незамѣтную, сну подобную смерть.

Правильно и невозмутимо совершается тамъ годовой кругъ. По указанію календаря, наступитъ въ мартѣ весна, побѣгутъ грязные ручьи съ холмовъ, оттаетъ земля и задымится теплымъ паромъ; скинетъ крестьянинъ полушубокъ, выйдетъ въ одной рубашкѣ на воздухъ и, прикрывъ глаза рукой, долго любуется солнцемъ, съ удовольствіемъ пожимая плечами; потомъ онъ потянетъ опрокинутую вверхъ дномъ телегу, то за одну, то за другую оглоблю, или осмотритъ и ударитъ ногой праздно-лежащую подъ навѣсомъ соху, готовясь къ знакомымъ упражненіямъ. Не возвра-

Digitized by Google

щаются внезапныя вьюги весной, не засыпаютъ полей и не ломаютъ снѣгомъ деревьевъ. Зима, какъ неприступная, холодная красавица, выдерживаетъ свой характеръ вплоть до узаконенной поры тепла; не дразнитъ неожиданными оттепелями и не гнетъ въ три дуги неслыханными морозами; все идетъ обычнымъ, предписаннымъ природой общимъ порядкомъ. Въ ноябрѣ начинается снѣгъ и морозъ, который къ Крещенью усиливается до того, что крестьянинъ, выйдя на минуту изъ избы, воротится непремѣнно съ инеемъ на бородѣ; а въ февралѣ чуткій носъ ужь чувствуетъ въ воздухѣ мягкое вѣянье близкой весны.

Но лѣто, лѣто особенно-упоительно въ томъ краю. Тамъ надо искать свѣжаго, сухаго воздуха, напоеннаго — не лимономъ и не лавромъ, а просто запахомъ полыни, сосны и черемухи; тамъ искать ясныхъ дней, слегка-жгучихъ, но не палящихъ лучей солнца и почти въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ безоблачнаго неба. Какъ пойдутъ ясные дни, то и длятся недѣли три-четыре; и вечеръ тепелъ тамъ, и ночь душна. Звѣзды такъ привѣтливо, такъ дружески мигаютъ съ небесъ. Дождь ли пойдетъ — какой благотворный лѣтній дождь! хлынетъ бойко, обильно, весело запрыгаетъ, точно крупныя и жаркія слезы внезапно-обрадованнаго человѣка; а только перестанетъ — солнце уже опять съ ясной улыбкой любви осматриваетъ и сушитъ поля и пригорки; и вся страна опять улыбается счастьемъ въ отвѣтъ солнцу. Радостно привѣтствуетъ дождь крестьянинъ: «Дождичекъ вымочитъ, солнышко высушитъ!» говоритъ онъ, подставляя съ наслажденіемъ подъ теплый ливень лицо, плечи и спину. Грозы не страшны, а только благотворны тамъ: бываютъ постоянно въ одно и то же установленное время, не забывая почти никогда ильинадня, какъ-будто длятого, чтобъ поддержать извѣстное преданіе въ народѣ. И число и сила ударовъ, кажется, всякій годъ одни и тѣ же, точно какъ-будто изъ казны отпускалась на годъ на весь край извѣстная мѣра электричества. Ни страшныхъ бурь, ни разрушеній не слыхать въ томъ краю. Въ газетахъ ни разу никому не случалось прочесть чего-нибудь подобнаго объ этомъ благословенномъ Богомъ уголкѣ. И никогда бы ничего и не было напечатано, и не слыхали бы про этотъ край, еслибъ только крестьянская вдова Марина Кулькова, 28-ми лѣтъ, не родила заразъ четырехъ младенцевъ, о чемъ уже умолчать никакъ нельзя было.

Не наказывалъ Господь той стороны ни египетскими, ни простыми язвами. Никто изъ жителей не видалъ и не помнитъ ни-

Digitized by Google

какихъ страшныхъ небесныхъ знаменій, ни шаровъ огненныхъ, ни внезапной темноты; не водится тамъ ядовитыхъ гадовъ; саранча не залетаетъ туда; нѣтъ ни львовъ рыкающихъ, ни тигровъ ревущихъ, ни даже медвѣдей и волковъ, потому-что нѣтъ лѣсовъ. По полямъ и по деревнѣ бродятъ только въ обиліи коровы жующія, овцы блѣющія и куры кудахтающія.

Богъ-знаетъ, удовольствовался ли бы поэтъ или мечтатель природой мирнаго уголка. Эти господа, какъ извѣстно, любятъ засматриваться на луну, да слушать щелканье соловьевъ. Любятъ они луну-кокетку, которая бы наряжалась въ палевыя облака да сквозила таинственно черезъ вѣтви деревъ, или сыпала снопы серебряныхъ лучей въ глаза своимъ поклонникамъ. А въ этомъ краю никто и не зналъ, что́ за луна такая — всѣ называли ее мѣсяцомъ. Она какъ-то добродушно, во всѣ глаза смотрѣла на деревни и поле и очень походила на мѣдный, вычищенный тазъ. Напрасно поэтъ сталъ бы глядѣть восторженными глазами на нее: она такъ же бы простодушно глядѣла и на поэта, какъ круглолицая деревенская красавица глядитъ въ отвѣтъ на страстные и краснорѣчивые взгляды городскаго волокиты.

Соловьевъ тоже не слыхать въ томъ краю, можетъ-быть, оттого, что не водилось тамъ тѣнистыхъ пріютовъ и розъ; но за-то, Боже мой, какое обиліе перепеловъ! Лѣтомъ, при уборкѣ хлѣба, мальчишки ловятъ ихъ просто руками. Да не подумаютъ, однакожь, чтобъ перепела составляли тамъ предметъ гастрономической роскоши — нѣтъ, такое развращеніе не проникло въ нравы жителей того края: перепелъ — птица, уставомъ въ пищу непоказанная. Она тамъ услаждаетъ людской слухъ пѣніемъ: оттого почти въ каждомъ дому подъ кровлей въ нитяной клѣткѣ виситъ перепелъ.

Поэтъ и мечтатель не остались бы довольны даже общимъ видомъ этой скромной и незатѣйливой мѣстности. Не удалось бы имъ тамъ видѣть какого-нибудь вечера въ швейцарскомъ или шотландскомъ вкусѣ, когда вся природа — и лѣсъ, и вода, и стѣны хижинъ, и песчаные холмы—все горитъ точно багровымъ заревомъ: когда по этому багровому фону рѣзко оттѣняется ѣдущая по песчаной, извилистой дорогѣ кавалькада мужчинъ, сопутствовавшихъ какой-нибудь леди въ прогулкахъ къ угрюмой развалинѣ и поспѣшающихъ въ крѣпкій за́мокъ, гдѣ ихъ ожидаетъ эпизодъ о войнѣ двухъ розъ, разсказанный дѣдомъ, дикая коза на ужинъ, да пропѣтая молодой миссъ подъ звуки лютни баллада—картины,

Digitized by Google

которыми такъ богато населило наше воображеніе перо Вальтера Скотта. Нѣтъ, этого ничего не было въ нашемъ краю.

Ка̀къ все тихо, все сонно въ трехъ-четырехъ деревенькахъ, составляющихъ этотъ уголокъ! Онѣ лежали недалеко другъ отъ друга и были какъ-будто случайно брошены гигантской рукой и разсыпались въ разныя стороны, да такъ съ-тѣхъ-поръ и остались. Ка́къ одна изба попала на обрывъ оврага, та̀къ и виситъ тамъ съ незапамятныхъ временъ, стоя одной половиной на воздухѣ и подпираясь тремя жердями. Три-четыре поколѣнія тихо и счастливо прожили въ ней. Кажется, курицѣ страшно бы войти въ нее, а тамъ живетъ съ женой Онисимъ Сусловъ, мужчина солидный, который не уставится во весь ростъ въ своемъ жилищѣ. Не всякій съумѣетъ и войти въ избу къ Онисиму; развѣ только-что посѣтитель упроситъ ее *стать къ лѣсу задо̀мъ, а къ нему передо̀мъ*. Крыльцо его висѣло надъ оврагомъ, и чтобъ попасть на крыльцо ногой, надо было одной рукой ухватиться за траву, другой за кровлю избы и потомъ шагнуть прямо на крыльцо. Другая изба прилѣпилась къ пригорку, какъ ласточкино гнѣздо; тамъ три очутились случайно рядомъ, а двѣ стоятъ на самомъ днѣ оврага.

Тихо и сонно все въ деревнѣ: безмолвныя избы отворены настежь; не видно ни души; однѣ мухи тучами летаютъ и жужжатъ въ духотѣ. Войдя въ избу, напрасно станешь кликать громко: мертвое молчаніе будетъ отвѣтомъ; въ рѣдкой избѣ отзовется болѣзненнымъ стономъ, или глухимъ кашлемъ старуха, доживающая свой вѣкъ на печи, или появится изъ-за перегородки босой, длинноволосый, трехлѣтній ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, молча пристально поглядитъ на вошедшаго и робко спрячется опять. Та же глубокая тишина и миръ лежатъ и на поляхъ; только кое-гдѣ, какъ муравей, гомозится на черной нивѣ, палимый зноемъ пахарь, налегая на соху и обливаясь по́томъ.

Тишина и невозмутимое спокойствіе царствуютъ и въ нравахъ людей въ томъ краю. Ни грабежей, ни убійствъ, никакихъ страшныхъ случайностей не бывало тамъ; ни сильныя страсти, ни отважныя предпріятія не волновали ихъ. И какія бы страсти и предпріятія могли волновать ихъ? Всякій зналъ тамъ самого себя. Обитатели этого края довольно-далеко жили отъ другихъ людей. Ближайшія деревни и уѣздный городъ были верстахъ въ двадцати-пяти и тридцати. Крестьяне въ извѣстное время возили хлѣбъ на ближайшую пристань къ Волгѣ, которая была ихъ Кол-

Digitized by Google

хидой и Геркулесовыми Столпами, да разъ въ годъ ѣздили нѣкоторые на ярмарку, и болѣе никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣли. Интересы ихъ были сосредоточены на нихъ самихъ, не перекрещивались и не соприкасались ни съ чьими. Они знали, что, въ восьмидесяти верстахъ отъ нихъ была «губернія», то-есть губернскій городъ, но рѣдкіе ѣзжали туда; потомъ знали, что подальше, тамъ, Саратовъ или Нижній; слыхали, что есть Москва и Питеръ, что за Питеромъ живутъ французы или нѣмцы, а далѣе уже начинался для нихъ, какъ для древнихъ, темный міръ, неизвѣстныя страны, населенныя чудовищами, людьми о двухъ головахъ, великанами; тамъ слѣдовалъ мракъ—и наконецъ все оканчивалось той рыбой, которая держитъ на себѣ землю. И какъ уголокъ ихъ былъ почти-непроѣзжій, то и нé откуда было почерпать новѣйшихъ извѣстій о томъ, чтó дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: обозники съ деревянной посудой жили только въ двадцати верстахъ и знали не больше ихъ. Нé съ чѣмъ даже было сличить имъ своего житья-бытья: хорошо ли они живутъ, нѣтъ ли; богаты ли они, бѣдны ли; можно ли было чего еще пожелать, чтó есть у другихъ и т. п. Счастливые люди жили, думая, что иначе и не должно и не можетъ быть, увѣренные, что и всѣ другіе живутъ точно такъ же, и что жить иначе—грѣхъ. Они бы и не повѣрили, еслибъ сказали имъ, что другіе какъ-нибудь иначе пашутъ, сѣютъ, жнутъ, продаютъ. Какія же страсти и волненія могли быть у нихъ? У нихъ, какъ и у всѣхъ людей, были и заботы и слабости, взносъ подати или оброка, лѣнь и сонъ; но все это обходилось имъ дешево, безъ волненій и крови. Въ послѣднія пять лѣтъ, изъ нѣсколькихъ сотъ душъ не умеръ никто, не-то-что насильственною, даже естественной смертью. А если кто отъ старости или отъ какой-нибудь застарѣлой болѣзни и почилъ вѣчнымъ сномъ, то тамъ долго послѣ того не могли надивиться такому необыкновенному случаю. Между-тѣмъ, имъ нисколько не показалось удивительно, кàкъ это, напримѣръ, кузнецъ Тарасъ чуть-было собственноручно не запарился до-смерти въ землянкѣ до-того, что надо было отливать его водой.

Изъ преступленій одно, именно: кража гороху, моркови и рѣпы по огородамъ, было въ большомъ ходу, да однажды вдругъ исчезли два поросенка и курица—происшествіе, возмутившее весь околотокъ и приписанное единогласно проходившему наканунѣ обозу съ деревянной посудой на ярмарку. А-то вообще случайности всякаго рода были весьма-рѣдки. Однажды, впрочемъ, еще



Digitized by Google

найденъ былъ лежащій, за околицей, въ канавѣ, у моста, видно, отставшій отъ проходившей въ городъ артели человѣкъ. Мальчишки первые замѣтили его и съ ужасомъ прибѣжали въ деревню съ вѣстью о какомъ-то страшномъ змѣѣ, или оборотнѣ, который лежитъ въ канавѣ, прибавивъ, что онъ погнался за ними и чуть не съѣлъ Кузьку. Мужики, поудалѣе, вооружились вилами и топорами и гурьбой пошли къ канавѣ.

— Куда васъ несетъ? унимали старики:—аль шея-то крѣпка? Чего вамъ надо? Не замайте: васъ не гонятъ.

Но мужики пошли и саженъ за пятьдесятъ до мѣста стали окликать чудовище разными голосами: отвѣта не было; они остановились; потомъ опять двинулись. Въ канавѣ лежалъ мужикъ, опершись головой въ пригорокъ; около него валялись мѣшокъ и палка, на которой навѣшаны были двѣ пары лаптей. Мужики не рѣшались ни подходить близко, ни трогать.

— Эй! ты, братъ! кричали они поочереди, почесывая, кто затылокъ, кто спину:—ка́къ тамъ тебя? Кто ты? Эй, ты! что́ тебѣ тутъ?

Прохожій сдѣлалъ движеніе, чтобъ приподнять голову, но не могъ: онъ, повидимому, былъ нездоровъ, или очень утомленъ.

Одинъ рѣшился-было тронуть его вилой.

— Не замай! не замай! закричали многіе: — почемъ знать, какой онъ: ишь, не баетъ ничего; можетъ-быть, какой-нибудь такой... Не замайте его, ребята! Пойдемъ, говорили нѣкоторые:— право-слово, пойдемъ: что̀ онъ намъ, дядя что́ ли? только бѣды съ нимъ!

И всѣ ушли назадъ, въ деревню, разсказавъ старикамъ, что тамъ лежитъ нездѣшній, ничего не баетъ и, Богъ его вѣдаетъ, что́ онъ тамъ...

— Нездѣшній, такъ и не замайте! говорили старики, сидя на завалинкѣ и положивъ локти на колѣнки: — пусть его-себѣ! и ходить не́-по-что́ было вамъ!

Таковъ былъ уголокъ, куда вдругъ перенесся во снѣ Обломовъ. Изъ трехъ или четырехъ разбросанныхъ тамъ деревень, была одна Сосновка, другая Вавиловка, въ одной верстѣ другъ отъ друга. Сосновка и Вавиловка были наслѣдственной отчиной рода Обломовыхъ и оттого извѣстны были подъ общимъ именемъ Обломовки. Въ Сосновкѣ была господская усадьба и резиденція. Верстахъ въ пяти отъ Сосновки лежало сельцо Верхлёво, тоже принадлежавшее нѣкогда фамиліи Обломовыхъ и давно перешедшее

Digitized by Google

въ другія руки, и еще нѣсколько причисленныхъ къ этому же селу, кое-гдѣ разбросанныхъ избъ. Село принадлежало богатому помѣщику, который никогда не показывался въ свое имѣніе: имъ завѣдывалъ управляющій изъ нѣмцевъ. Вотъ и вся географія этого уголка.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій, полный! Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ. Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не даётся, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ къ матери. Обломовъ, увидѣвъ давно-умершую мать, и во снѣ затрепеталъ отъ радости, отъ жаркой любви къ ней: у него, у соннаго, медленно выплыли изъ-подъ рѣсницъ и стали неподвижно двѣ теплыя слезы. Мать осыпала его страстными поцалуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки, спросила, не болитъ ли что-нибудь, разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару; потомъ взяла его за руку и подвела къ образу. Тамъ, ставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой, подсказывала она ему слова молитвы. Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени.

— Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.

— Пойдемъ, душенька, торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова.

Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу. Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю.

Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ живущую у нихъ престарѣлую тётку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно-ворчавшую на свою дѣвчонку, которая, тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного-помѣшанный деверь его матери, и помѣщикъ семи душъ, Чекменевъ, гостившій у нихъ, и еще какіе-то старушки и старички. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломовыхъ подхватили на руки Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣ-

555052

Digitized by Google

валъ утирать слѣды непрошенныхъ поцалуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками. Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не подпускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное, не пускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околоткѣ, пользовавшееся дурною репутаціей. Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною, потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами, и исчезла гдѣ-то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ ужь давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ-будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣжный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и настройками и съ запущеннымъ садомъ. Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галерею, чтобъ посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галерея ветха, чуть-чуть держится, и по ней дозволяется ходить только «людямъ», а господа не ходятъ. Онъ не внималъ запрещеніямъ матери и уже направился-было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое-какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣвала дойти до сѣновала, какъ ужь надо было спѣшить разрушать его замыслы влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани! въ оврагъ.

— Ахъ ты, Господи, чтó это за ребенокъ, за юла за такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность: этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддерживалась кое-какъ ими сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ-быть, угасла бы давнымъ-давно.

Digitized by Google

Не все рѣзовъ, однакожь, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмирѣетъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія; они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще невысоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни, и отъ галереи — отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только въ дали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а ужо будетъ и тамъ свѣтло? спрашивалъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ на встрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо, какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, и по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрыла собой весь лугъ; тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антипъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать. Ребенокъ тоже шагнулъ раза два, еще шагъ—и онъ уйдетъ за гору. Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня! не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко! уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку — будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ-у тебя въ оврагъ уйдетъ.

«У! баловень!» тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро. Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта; напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни по жизни, его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ,

Digitized by Google

долетадъ даже до деревни. Изъ людской слышалось шипѣнье веретена, да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она, или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ. На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы, кучера. А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ, смотритъ въ окно, ласкаво виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за всѣмъ, что́ дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! что́ несешь, дуракъ? спросилъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи!

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба! баба! куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, говорила она, останавливаясь и, прикрывъ глаза рукой, глядѣла на окно:—молока къ столу достать.

— Ну, иди, иди! отвѣчалъ баринъ: — да смотри, не пролей молоко-то.—А ты, Захарка, пострѣлёнокъ, куда опять бѣжишь? кричалъ потомъ:—вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужь, я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь. Пошелъ назадъ, въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую. Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что́ дворняшка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядковъ.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, ка́къ изъ мужниной фуфайки перешить Илюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ; потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практитеской цѣлью: посмотрѣть, ка́къ наливается яблоко, не упало ли вчерашнее, которое ужь созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т п. Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались

Digitized by Google

цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тётка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу. Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки. На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна, напомнить о томъ, прибавить это, или отмѣнить тó, отнести сахару, меду, вина для кушанья, и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, чтó отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какіе телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько знанія и заботъ въ ухаживаньи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемые къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляя висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиною, такою замѣтною жизнью. Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе; баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитія. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа [illegible] еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ-что одинъ совсѣмъ-черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего-непропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, кáкъ, послѣ полезно и хлопотливо-проведеннаго утра, наставалъ полдень и обѣдъ. Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ

Digitized by Google

головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина—все какъ-будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, кàкъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ-будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна. Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тётка, и свита—всѣ разбрелись по своимъ угламъ; а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпáлъ тамъ, гдѣ сморила его жарá и повалилъ громоздкій обѣдъ. И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пешни, и кучеръ спалъ на конюшнѣ. Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли въ-повалку, по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять. Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, еслибъ только водились воры въ томъ краю. Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво; только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады. Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или не открывая глазъ, плюнетъ съ-просонья и, почавкавъ губами или поворчавъ что-то подъ-носъ себѣ, опять заснетъ. А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ-будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до-тѣхъ-поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенокъ все наблюдалъ да наблюдалъ. Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня, несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла

Digitized by Google

противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью. Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближавшейся заразы, начинала упрашивать не ходить за ворота, не затрогивать козла, не лазить на голубятню или галерею. Сама она усаживалась гдѣ-нибудь въ холодкѣ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба, или просто на травкѣ, повидимому съ тѣмъ, чтобъ взять чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой. «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галерею» думала она почти сквозь сонъ: «или еще... какъ бы въ оврагъ...» Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ выпадалъ изъ рукъ; она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье. А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь. Онъ былъ какъ-будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ; остановится и смотритъ пристально, ка́къ кто очнется, плюнетъ или промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галерею, обѣга́лъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, ка́къ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, ка́къ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины; поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что́ изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нея соломенку и слѣдитъ ка́къ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, ка́къ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, ка̀къ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя. Потомъ онъ заберется въ канаву, роется, отъискиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣстъ въ сласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которыя даетъ маменька. Онъ выбѣжитъ и за ворота: ему бы хотѣлось въ березнякъ; онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не кругомъ по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ, и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри. Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужь прибѣгалъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ волкана... но вдругъ передъ нимъ возстали

Digitized by Google

всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его объялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросился къ нянькѣ и разбудилъ старуху. Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцомъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что-будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на барскія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между-тѣмъ жара́ начала понемногу спадать; въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-по-малу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи-то шаги; на сѣновалѣ кто-то чихнулъ. Вскорѣ изъ кухни торопливо пронесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято и глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ, третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, бхаетъ, зѣваетъ, почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя. Обѣдъ и сонъ раждали неутолимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стенанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ. Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ аравійской степи, ненаходящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки: онъ вглядывается въ странныя, окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ. Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво. Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго. Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы, любуясь мягкостью ихъ и заставляя любоваться и Настасью Ива-

Digitized by Google

новну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой-нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ. Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки. А солнце ужь опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли, одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго; онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ. Предметы теряли свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже-и-рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ, встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула. Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла; немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна. Запахло сыростью. Становилось все темнѣе-и-темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ-то чудовищъ; въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучокъ, кажется, хрустить подъ его ногой. На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Настали минуты всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ, жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой душѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли, и когда... въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и покойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, говоритъ Илюша.

— Что́ ты, Богъ съ тобой! теперь гулять, отвѣчаетъ она: — сыро, ножки простудишь; и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

Digitized by Google

— Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? гдѣ живетъ? спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи. Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ: — прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ! Слава тебѣ Господи! слава тебѣ Господи!

Потомъ Обломову приснилась другая пора: онъ въ безконечный зимній вечеръ робко жмется къ нянѣ, а она нашептываетъ ему о какой-то невѣдомой сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни ночей, ни холода, гдѣ все совершаются чудеса, гдѣ текутъ рѣки меду и молока, гдѣ никто ничего круглый годъ не дѣлаетъ, а день-деньской только и знаютъ, что гуляютъ все добрые молодцы, такіе, какъ Илья Ильичъ, да красавицы, что́ ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Тамъ есть и добрая волшебница, являющаяся у насъ иногда въ видѣ щуки, которая изберетъ себѣ какого-нибудь любимца, тихаго, безобиднаго, другими словами, какого-нибудь лѣнтяя, котораго всѣ обижаютъ, да и осыпаетъ его, ни съ того, ни съ сего, разнымъ добромъ, а онъ знай кушаетъ-себѣ да наряжается въ готовое платье, а потомъ женится на какой-нибудь неслыханной красавицѣ, Милитрисѣ Кирбитьевнѣ. Ребенокъ, навостривъ уши и глаза, страстно впивался въ разсказъ. Нянька, или преданіе такъ искусно избѣгали въ разсказѣ всего, что̀ существуетъ на самомъ дѣлѣ, что воображеніе и умъ, проникшись вымысломъ, оставались уже у него въ рабствѣ до старости. Нянька съ добродушіемъ повѣствовала сказку о Емелѣ-дурачкѣ, эту злую и коварную сатиру на нашихъ прадѣдовъ, а, можетъ-быть, еще и на насъ самихъ. Взрослый Илья Ильичъ хотя послѣ и узнаетъ, что нѣтъ медовыхъ и молочныхъ рѣкъ, нѣтъ добрыхъ волшебницъ, хотя и шутитъ онъ съ улыбкой надъ сказаніями няни, но улыбка эта не искренняя, она сопровождается тайнымъ вздохомъ: сказка у него смѣшалась съ жизнью, и онъ безсознательно груститъ подъ-часъ, зачѣмъ сказка не жизнь, а жизнь не сказка. Онъ невольно мечтаетъ о Милитрисѣ Кирбитьевнѣ; его все тянетъ въ ту сторону, гдѣ только и знаютъ, что гуляютъ, гдѣ нѣтъ заботъ и печалей; у него навсегда остается

Digitized by Google

расположеніе полежать на печи, походить въ готовомъ, незаработанномъ платьѣ и поѣсть на счетъ доброй волшебницы. И старикъ Обломовъ и дѣдъ выслушивали въ дѣтствѣ тѣ же сказки, прошедшія въ стереотипномъ изданіи старины, въ устахъ нянекъ и дядекъ, сквозь вѣка и поколѣнія.

Няня между-тѣмъ ужь рисуетъ другую картину воображенію ребенка.

Она повѣствуетъ ему о подвигахъ нашихъ Ахилловъ и Улиссовъ, объ удали *Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, о Полканѣ-богатырѣ, о Колечищѣ прохожемъ*, о томъ, ка́къ они странствовали по Руси, побивали несметныя полчища басурманъ, ка́къ состязались въ томъ, кто однимъ духомъ выпьетъ чару зелена̀-вина и не крякнетъ; потомъ говорила о злыхъ разбойникахъ, о спящихъ царевнахъ, о̀каменѣлыхъ городахъ и людяхъ; наконецъ переходила къ нашей демонологіи, къ мертвецамъ, къ чудовищамъ и къ о́боротнямъ.

Она съ простотою и добродушіемъ Гомера, съ тою же животрепещущею вѣрностью подробностей и рельефностью картинъ влагала въ дѣтскую память и воображеніе Илліаду русской жизни, созданную нашими гомеридами тѣхъ туманныхъ временъ, когда человѣкъ еще не ладилъ съ опасностями и тайнами природы и жизни, когда онъ трепеталъ и передъ о̀боротнемъ и передъ лѣшимъ, и у Алеши Поповича искалъ защиты отъ окружавшихъ его бѣдъ, когда и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ лѣсу, и въ полѣ царствовали чудеса. Страшна и невѣрна была жизнь тогдашняго человѣка; опасно было ему выйти за порогъ дома; его, того-гляди, запоретъ звѣрь, зарѣжетъ разбойникъ, отниметъ у него все злой татаринъ, или пропадетъ человѣкъ безъ вѣсти, безъ всякихъ слѣдовъ.

А то вдругъ явятся знаменія небесныя, огненные столпы да шары; а тамъ, надъ свѣжей могилой, вспыхнетъ огонёкъ, или въ лѣсу кто-то прогуливается, будто съ фонаремъ, да страшно хохочетъ и сверкаетъ глазами въ темнотѣ. И съ самимъ человѣкомъ творилось столько непонятнаго: живетъ-живетъ человѣкъ долго и хорошо — ничего, да вдругъ заговоритъ такое непутное, или учнетъ кричать не своимъ голосомъ, или бродить сонный по ночамъ; другаго, ни съ того, ни съ сего, начнетъ коробить и бить о́ земь. А передъ тѣмъ, какъ сдѣлаться этому, только-что курица прокричала пѣтухомъ, да во́ронъ прокаркалъ надъ крышей. Терялся слабый человѣкъ, съ ужасомъ озираясь въ жизни,

Digitized by Google

и искалъ въ воображеніи ключа къ таинствамъ окружающей его и своей собственной природы.

А, можетъ-быть, сонъ, вѣчная тишина вялой жизни и отсутствіе движенія и всякихъ дѣйствительныхъ страховъ, приключеній и опасностей заставляли человѣка творить, среди естественнаго міра, другой, несбыточный, и въ немъ искать разгула и потѣхи праздному воображенію или разгадки обыкновенныхъ сцѣпленій обстоятельствъ и причинъ явленія внѣ самого явленія. Ощупью жили бѣдные предки наши; не окрыляли и не сдерживали они своей воли, а потомъ наивно дивились или ужасались неудобству, злу и допрашивались причинъ у нѣмымъ и неясныхъ іероглифовъ природы. Смерть у нихъ приключалась отъ вынесеннаго передъ тѣмъ изъ дома покойника головой, а не ногами изъ воротъ; пожаръ — отъ того, что собака выла три ночи подъ окномъ; и они хлопотали, чтобъ покойника выносили ногами изъ воротъ, а ѣли все то же, по стольку же, и спали попрежнему на голой травѣ; воющую собаку били или сгоняли съ двора, а искры отъ лучины все-таки сбрасывали въ трещину гнилаго пола. И понынѣ русскій человѣкъ, среди окружающей его строгой, лишенной вымысла дѣйствительности, любитъ вѣрить соблазнительнымъ сказаніямъ старины, и долго, можетъ-быть, еще не отрѣшиться ему отъ этой вѣры.

Слушая отъ няни сказки о нашемъ *золотомъ рунѣ* — *Жаръ-птицѣ*, о преградахъ и тайникахъ волшебнаго за́мка, мальчикъ то бодрился, воображая себя героемъ подвига—и мурашки бѣгали у него по спинѣ, то страдалъ за неудачи храбреца. Разсказъ лился за разсказомъ. Няня повѣствовала съ пыломъ, живописно, съ увлеченіемъ, мѣстами вдохновенно, потому-что сама вполовину вѣрила разсказамъ. Глаза старухи искрились огнемъ; голова дрожала отъ волненія; голосъ возвышался до непривычныхъ нотъ. Ребенокъ, объятый невѣдомымъ ужасомъ, жался къ ней со слезами на глазахъ. Заходила ли рѣчь о мертвецахъ, подымающихся въ полночь изъ могилъ, или о жертвахъ, томящихся въ неволѣ у чудовища, или о медвѣдѣ съ деревянной ногой, который идетъ по селамъ и деревнямъ отъискивать отрубленную у него натуральную ногу—волосы ребенка трещали на головѣ отъ ужаса; дѣтское воображеніе то застывало, то клокотало какъ кипятокъ; онъ испытывалъ мучительный, сладко-болѣзненный процесъ; нервы напрягались какъ струны. Когда нянька мрачно повторяла слова медвѣдя: «скрипи, скрипи, нога липовая; я по

Digitized by Google

селамъ шелъ, по деревнѣ шелъ, всѣ бабы спятъ, одна баба не спитъ, на моей шкурѣ сидитъ, мое мясо варитъ, мою шерстку прядетъ», и т. д.; когда медвѣдь входилъ, наконецъ, въ избу и готовился схватить похитителя своей ноги, ребенокъ не выдерживалъ: онъ съ трепетомъ и визгомъ бросался на руки къ нянѣ; у него брызжутъ слезы испуга, и вмѣстѣ хохочетъ онъ отъ радости, что онъ не въ когтяхъ у звѣря, а на лежанкѣ, подлѣ няни. Населилось воображеніе мальчика странными призраками; боязнь и тоска засѣли надолго, можетъ быть, навсегда въ душу. Онъ печально озирается вокругъ и все видитъ въ жизни вредъ, бѣду, все мечтаетъ о той волшебной сторонѣ, гдѣ нѣтъ зла, хлопотъ, печалей, гдѣ живетъ Милитриса Кирбитьевна, гдѣ такъ хорошо кормятъ и одѣваютъ даромъ...

Сказка не надъ одними дѣтьми въ Обломовкѣ, но и надъ взрослыми до конца жизни сохраняетъ свою власть. Всѣ въ домѣ и въ деревнѣ, начиная отъ барина, жены его и до дюжаго кузнеца Тараса—всѣ трепещутъ чего-то въ темный вечеръ: всякое дерево превращается тогда въ великана, всякій кустъ—въ вертепъ разбойниковъ. Стукъ ставни и завыванье вѣтра въ трубѣ заставляли блѣднѣть и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей. Никто въ Крещенье не выйдетъ послѣ десяти часовъ вечера одинъ за ворота; всякій въ ночь на Пасху побоится идти въ конюшню, опасаясь застать тамъ домоваго. Въ Обломовкѣ вѣрили всему: и оборотнямъ, и мертвецамъ. Разскажутъ ли имъ, что копна сѣна разгуливала по полю — они не задумаются и повѣрятъ; пропуститъ ли кто-нибудь слухъ, что вотъ это не баранъ, а что-то другое, или, что такая-то Мареа или Степанида — вѣдьма, они будутъ бояться и барана и Мареы; имъ и въ голову не придетъ спросить, отчего баранъ сталъ не бараномъ, а Мареа сдѣлалась вѣдьмой, да еще накинутся и на того, кто бы вздумалъ усомниться въ этомъ— такъ сильна вѣра въ чудесное въ Обломовкѣ!

Илья Ильичъ и увидитъ послѣ, что просто устроенъ міръ, что не встаютъ мертвецы изъ могилъ, что великановъ, какъ только они заведутся, тотчасъ сажаютъ въ балаганъ, а разбойниковъ—въ тюрьму; но если пропадаетъ самая вѣра въ призраки, то остается какой-то осадокъ страха и безотчетной тоски. Узналъ Илья Ильичъ, что нѣтъ бѣдъ отъ чудовищъ, а какія есть— едва знаетъ, и на каждомъ шагу все ждетъ чего-то страшнаго и боится. И теперь еще, оставшись въ темной комнатѣ, или увидя покойника, онъ трепещетъ отъ зловѣщей, въ дѣтствѣ зароненной

Digitized by Google

въ душу тоски; смѣясь надъ страхами своими поутру, онъ опять блѣднѣетъ вечеромъ.

Далѣе Илья Ильичъ вдругъ увидѣлъ себя мальчикомъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати. Онъ ужь учится въ селѣ Верхлёвѣ, верстахъ въ пяти отъ Обломовки, у тамошняго управляющаго, нѣмца Штольца, который завелъ небольшой пансіонъ для дѣтей окрестныхъ дворянъ. У него былъ свой сынъ, Андрей, почти однихъ лѣтъ съ Обломовымъ, да еще отдали ему одного мальчика, который почти никогда не учился, а больше страдалъ золотухой, все дѣтство проходилъ постоянно съ завязанными глазами или ушами, да плакалъ все втихомолку о томъ, что живетъ не у бабушки, а въ чужомъ домѣ, среди злодѣевъ, что, вотъ, его и приласкать-то нéкому, и никто любимаго пирожка не испечетъ ему. Кромѣ этихъ дѣтей, другихъ еще въ пансіонѣ пока не было.

Нéчего дѣлать, отецъ и мать посадили баловника Илюшу за книгу. Это стоило слезъ, воплей, капризовъ. Наконецъ отвезли. Нѣмецъ былъ человѣкъ дѣльный и строгій, какъ почти всѣ нѣмцы. Можетъ-быть, у него Илюша и успѣлъ бы выучиться чему-нибудь хорошенько, еслибъ Обломовка была верстахъ въ пятистахъ отъ Верхлёва. А то кáкъ выучиться? Обаяніе обломовской атмосферы, óбраза жизни и привычекъ простиралось и на Верхлёво: вѣдь оно тоже было нѣкогда Обломовкой; тамъ, кромѣ дома Штольца, все дышало тою же первобытною лѣнью, простотою нравовъ, тишиной и неподвижностью. Умъ и сердце ребенка исполнились всѣхъ картинъ, сценъ и нравовъ этого быта прежде, нежели онъ увидѣлъ первую книгу. А кто знаетъ, кàкъ рано начинается развитіе умственнаго зерна въ дѣтскомъ мозгу? кáкъ услѣдить за рожденіемъ въ младенческой душѣ первыхъ понятій и впечатлѣній? Можетъ-быть, когда дитя еще едва выговаривало слова, а, можетъ-быть, еще вовсе не выговаривало, даже не ходило, а только смотрѣло на все тѣмъ пристальнымъ, нѣмымъ дѣтскимъ взглядомъ, который взрослые называютъ тупымъ, и ужь видѣло и угадывало значеніе и связь явленій окружающей его сферы, да только не признавалось въ этомъ ни себѣ, ни другимъ. Можетъ-быть, Илюша ужь давно замѣчаетъ и понимаетъ, чтó говорятъ и дѣлаютъ при немъ: какъ батюшка-то его, въ плисовыхъ панталонахъ, въ коричневой суконной ваточной курткѣ, день-деньской только и знаетъ, что ходитъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки назадъ, нюхаетъ табакъ и смор-

Digitized by Google

кается, а матушка переходитъ отъ кофе къ чаю, отъ чая къ обѣду; что родитель и не вздумаетъ никогда повѣрить, сколько копенъ скошено или сжато, и взыскать за упущеніе, а подай-ка ему нескоро носовой платокъ, онъ накричитъ о безпорядкахъ и поставитъ вверхъ дномъ весь домъ. Можетъ-быть, дѣтскій умъ его давно рѣшилъ, что такъ, а не иначе слѣдуетъ жить, какъ живутъ около него взрослые. Да и ка́къ иначе прикажете рѣшить ему? А ка́къ жили взрослые въ Обломовкѣ?

Дѣлали ли они себѣ вопросъ: зачѣмъ дана жизнь? Богъ-вѣсть. И ка́къ отвѣчали на него? Вѣроятно, никакъ: это казалось имъ очень-просто и ясно. Не слыхивали они о такъ-называемой многотрудной жизни, о людяхъ, носящихъ томительныя заботы въ груди, снующихъ зачѣмъ-то изъ угла въ уголъ по лицу земли, или отдающихъ жизнь вѣчному, нескончаемому труду. Плохо вѣрили обломовцы и душевнымъ тревогамъ; не принимали за жизнь круговорота вѣчныхъ стремленій куда-то, къ чему-то; боялись, какъ огня, увлеченія страстей; и какъ въ другомъ мѣстѣ тѣло у людей быстро сгорало отъ волканической работы внутренняго, душевнаго огня, такъ душа обломовцевъ мирно, безъ помѣхи утопала въ мягкомъ тѣлѣ. Не клеймила ихъ жизнь, какъ другихъ, ни преждевременными морщинами, ни нравственными разрушительными ударами и недугами. Добрые люди понимали ее не иначе, какъ идеаломъ покоя и бездѣйствія, нарушаемаго повременамъ разными непріятными случайностями, какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между-прочимъ, трудомъ. Они сносили трудъ какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ. Они никогда не смущали себя никакими туманными умственными или нравственными вопросами: оттого всегда и цвѣли здоровьемъ и весельемъ, оттого тамъ жили долго; мужчины въ сорокъ лѣтъ походили на юношей; старики не боролись съ трудной, мучительной смертью, а доживъ до невозможности, умирали какъ-будто украдкой, тихо застывая и незамѣтно испуская послѣдній вздохъ. Оттого и говорятъ, что прежде былъ крѣпче народъ. Да́, въ-самомъ-дѣлѣ, крѣпче: прежде не торопились объяснять ребенку значенія жизни и приготовлять его къ ней, какъ къ чему-то мудреному и нешуточному; не томили его надъ книгами, которыя раждаютъ въ головѣ тьму вопросовъ, а вопросы гложутъ умъ и сердце и сокращаютъ жизнь. Норма



Digitized by Google

жизни была готова и преподана имъ родителями, а тѣ приняли ее, тоже готовую, отъ дѣдушки, а дѣдушка отъ прадѣдушки, съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь Весты. Ка́къ что́ дѣлалось при дѣдахъ и отцахъ, такъ дѣлалось при отцѣ Ильи Ильича, такъ, можетъ-быть, дѣлается еще и теперь въ Обломовкѣ.

О чемъ же имъ было задумываться и чѣмъ волноваться, что́ узнавать, какихъ цѣлей добиваться? Ничего не нужно: жизнь какъ покойная рѣка текла мимо ихъ; имъ оставалось только сидѣть на берегу этой рѣки и наблюдать неизбѣжныя явленія, которыя поочереди, безъ зову, представали предъ каждаго изъ нихъ.

И вотъ воображенію спящаго Ильи Ильича начали, такъ же поочереди, какъ живыя картины, открываться сначала три главные акта жизни, разъигрывавшіеся, какъ въ его семействѣ, такъ у родственниковъ и знакомыхъ: роди́ны, свадьба, похороны. Потомъ потянулась пестрая процесія веселыхъ и печальныхъ подраздѣленій ея: крестинъ, именинъ, семейныхъ праздниковъ, заговѣнья, розговѣнья, шумныхъ обѣдовъ, родственныхъ съѣздовъ, привѣтствій, поздравленій, офиціальныхъ слезъ и улыбокъ. Все отправлялось съ такою точностью, та́къ важно и торжественно. Ему представлялись даже знакомыя лица, и мины ихъ при разныхъ обрядахъ, ихъ заботливость и суета. Дайте имъ какое хотите щекотливое сватовство, какую хотите торжественную свадьбу, или именины—справятъ по всѣмъ правиламъ, безъ малѣйшаго упущенія. Кого гдѣ посадить, что́ и ка́къ подать, кому съ кѣмъ ѣхать въ церемоніи, примѣту ли соблюсти — во всемъ этомъ никто никогда не дѣлалъ ни малѣйшей ошибки въ Обломовкѣ. Ребенка ли выходить не съумѣютъ тамъ? Сто́итъ только взглянуть, какихъ розовыхъ и увѣсистыхъ купидоновъ носятъ и водятъ за собой тамошнія матери. Онѣ на томъ стоятъ, чтобъ дѣти были толстенькія, бѣленькія и здоровенькія. Они отступятся отъ весны, знать ее не захотятъ, если не испекутъ въ началѣ ея жаворонка. Какъ имъ не знать и не исполнять этого? Тутъ вся ихъ жизнь и наука, тутъ всѣ ихъ скорби и радости; оттого они и гонятъ отъ себя всякую другую заботу и печаль и не знаютъ другихъ радостей, что жизнь ихъ кишила этими коренными и неизбѣжными событіями, которыя задавали безконечную пищу ихъ уму и сердцу. Они, съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, ожидали обряда, пира, церемоніи, а потомъ, окрестивъ, же-

Digitized by Google

нивъ или похоронивъ человѣка, забывали самого человѣка и его судьбу и погружались въ обычную апатію, изъ которой выводилъ ихъ новый такой же случай—именины, свадьба и. т. п. Какъ только рождался ребенокъ, первою заботою родителей было какъ-можно-точнѣе, безъ малѣйшихъ упущеній, справить надъ нимъ всѣ требуемые приличіемъ обряды, то-есть, задать послѣ крестинъ пиръ; затѣмъ начиналось заботливое ухаживанье за нимъ. Мать задавала себѣ и нянькѣ задачу: выходить здоровенькаго ребенка, беречь его отъ простуды, отъ глаза и другихъ враждебныхъ обстоятельствъ. Усердно хлопотали, чтобъ дитя было всегда весело и кушало много. Только лишь поставятъ на ноги молодца, то-есть, когда нянька станетъ ему ненужна, какъ въ сердце матери закрадывается уже тайное желаніе пріискать ему подругу — тоже поздоровѣе, порумянѣе. Опять настаетъ эпоха обрядовъ, пировъ, наконецъ свадьба: на этомъ и сосредоточивался весь паѳосъ жизни. Потомъ уже начинались повторенія: рожденіе дѣтей, обряды, пиры, пока похороны не измѣнятъ декораціи; но не надолго: одни лица уступаютъ мѣсто другимъ, дѣти становятся юношами и вмѣстѣ съ тѣмъ женихами, женятся, производятъ подобныхъ себѣ — и такъ жизнь по этой программѣ тянется безпрерывной, однообразною тканью, незамѣтно обрываясь у самой могилы.

Навязывались имъ, правда, порой и другія заботы, но обломовцы встрѣчали ихъ по-большой-части съ стоическою неподвижностью, и заботы, покружившись надъ головами ихъ, мчались мимо, какъ птицы, которыя, прилетя къ гладкой стѣнѣ и не найдя мѣстечка пріютиться, потрепещутъ напрасно крыльями около твердаго камня и летятъ далѣе. Такъ, напримѣръ, однажды часть галереи съ одной стороны дома вдругъ обрушилась и погребла подъ развалинами своими насѣдку съ цыплятами: досталось бы и Аксиньѣ, женѣ Антипа, которая усѣлась-было подъ галереей съ донцомъ, да на ту пору, къ счастью своему, пошла за мочками. Въ домѣ сдѣлался гвалтъ: всѣ прибѣжали, отъ мала до велика, и ужаснулись, представивъ себѣ, что, вмѣсто насѣдки съ цыплятами, тутъ могла прохаживаться сама барыня, съ Ильей Ильичемъ. Всѣ ахнули и начали упрекать другъ друга въ томъ, какъ это давно въ голову не пришло: одному напомнить, другому—велѣть поправить, третьему—поправить. Всѣ дались диву, что галерея обрушилась, а нака-

Digitized by Google

нунѣ дивились, ка́къ это она такъ долго держится! Начались заботы и толки, ка́къ поправить дѣло; пожалѣли о насѣдкѣ съ цыплятами и медленно разошлись по своимъ мѣстамъ, настрого запретивъ подводить къ галереѣ Илью Ильича. Потомъ, недѣли черезъ три, велѣно было Андрюшкѣ, Петрушкѣ, Васькѣ обрушившіяся доски и перила оттащить къ сараямъ, чтобъ онѣ не лежали на дорогѣ. Тамъ валялись онѣ до весны. Старикъ Обломовъ всякій разъ, какъ увидитъ ихъ изъ окошка, такъ и озаботится мыслью о поправкѣ: призоветъ плотника, начнетъ совѣщаться, ка́къ лучше сдѣлать, новую ли галерею выстроить, или сломать и остатки; потомъ отпуститъ его домой, сказавъ: «поди-себѣ, а я подумаю». Это продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока Васька, или Мотька, донесъ барину, что, вотъ-де, когда онъ, Мотька, сего утра лазилъ на остатки галереи, такъ углы совсѣмъ отстали отъ стѣнъ и, того-гляди, рухнутъ опять. Тогда призванъ былъ плотникъ на окончательное совѣщаніе, вслѣдствіе котораго рѣшено было подпереть пока старыми обломками остальную часть уцѣлѣвшей галереи, что́ и было сдѣлано къ концу того же мѣсяца.

— Э! да галерея-то пойдетъ опять за-ново! сказалъ старикъ женѣ. — Смотри-ка, какъ Ѳедотъ красиво разставилъ бревна, точно колонны у предводителя въ дому! Вотъ теперь и хорошо: опять надолго!

Кто-то напомнилъ ему, что вотъ кстати бы ужь и ворота исправить и крыльцо починить, а то, дескать, сквозь ступеньки не только кошки, и свиньи пролѣзаютъ въ подвалъ.

— Да̀, да́, надо, заботливо отвѣчалъ Илья Ивановичъ и шелъ тотчасъ осмотрѣть крыльцо.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, видишь, вѣдь, какъ, совсѣмъ расшаталось, говорилъ онъ, качая ногами крыльцо какъ колыбель.

— Да оно и тогда шаталось, какъ его сдѣлали, замѣтилъ кто-то — Такъ что жь, что шаталось? отвѣчалъ Обломовъ: — да вотъ не развалилось же, даромъ-что шестнадцать лѣтъ безъ поправки стоитъ. Славно тогда сдѣлалъ Лука!.. Вотъ былъ плотникъ такъ плотникъ... умеръ — царство ему небесное! Ныньче избаловались: не сдѣлаютъ такъ.

И онъ обращалъ глаза въ другую сторону, а крыльцо, говорятъ, шатается и до-сихъ-поръ и все еще не развалилось.

Видно, въ-самомъ-дѣлѣ, славный былъ плотникъ этотъ Лука.

Надо, впрочемъ, отдать хозяевамъ справедливость: иной разъ

Digitized by Google

въ бѣдѣ, или при неудобствѣ, они очень обезпокоятся, даже погорячатся и разсердятся. Ка́къ, дескать, можно запускать или оставлять то и другое? надо сейчасъ принять мѣры. И говорятъ только о томъ, ка́къ бы починить мостикъ, что-ли, черезъ канаву, или огородить въ одномъ мѣстѣ садъ, чтобъ скотина не портила деревьевъ, потому-что часть плетня въ одномъ мѣстѣ совсѣмъ лежала на землѣ. Илья Ивановичъ простеръ свою заботливость даже до того, что, однажды, гуляя по саду, собственноручно приподнялъ, кряхтя и бхая, плетень и велѣлъ садовнику поставить поскорѣй двѣ жерди: плетень, благодаря этой распорядительности Обломова, простоялъ такъ все лѣто и только зимой снѣгомъ повалило его опять. Наконецъ даже дошло до того, что на мостикъ настлали три новыя доски, тотчасъ же, какъ только Антипъ свалился съ него, съ лошадью и съ бочкой, въ канаву. Онъ еще не успѣлъ выздоровѣть отъ ушиба, а ужь мостикъ отдѣланъ былъ за́-ново. Коровы и козы тоже немного взяли послѣ новаго паденія плетня въ саду: онѣ съѣли только смородинные кусты, да принялись обдирать всего десятую липу, а до яблонь и не дошли, какъ послѣдовало распоряженіе, врыть плетень, какъ надо, и даже окопать канавкой. Досталось же и двумъ коровамъ и козѣ, пойманнымъ надѣлѣ: славно вздули бока!

Снится еще Ильѣ Ильичу большая темная гостиная въ родительскомъ домѣ, съ ясеневыми старинными креслами, вѣчно-покрытыми чехлами, съ огромнымъ, неуклюжимъ и жосткимъ диваномъ, обитымъ полинялымъ голубымъ бараканомъ въ пятнахъ, и однимъ большимъ кожанымъ кресломъ.

Наступаетъ длинный зимній вечеръ. Мать сидитъ на диванѣ, поджавъ ноги подъ себя, и лѣниво вяжетъ дѣтскій чулокъ, зѣвая и почесывая повременамъ спицей голову. Подлѣ нея сидятъ Настасья Ивановна да Пелагея Игнатьевна и, уткнувъ носы въ работу, прилежно шьютъ что-нибудь къ празднику для Илюши, или для отца его, или для самихъ-себя. Отецъ, заложивъ руки назадъ, ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ, въ совершенномъ удовольствіи, или присядетъ въ кресло и, посидѣвъ немного, начнетъ опять ходить, внимательно прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ. Потомъ понюхаетъ табаку, высморкается и опять понюхаетъ. Въ комнатѣ тускло горитъ одна сальная свѣчка, и то это допускалось только въ зимніе и осенніе вечера. Въ лѣтніе мѣсяцы всѣ старались ложиться и вставать безъ свѣчей, при дневномъ свѣтѣ. Это частью

Digitized by Google

дѣлалось по привычкѣ, частью изъ экономіи. На всякій предметъ, который производился не дома, а пріобрѣтался покупкою, обломовцы были до крайности скупы. Они съ радушіемъ заколятъ отличную индѣйку или дюжину цыплятъ къ пріѣзду гостя, но лишней изюменки въ кушанье не положатъ, и поблѣднѣютъ, когда тотъ же гость самовольно вздумаетъ самъ наливать себѣ въ рюмку вина. Впрочемъ, такого разврата тамъ почти не случалось: это сдѣлаетъ развѣ сорванецъ какой-нибудь, погибшій въ общемъ мнѣніи человѣкъ; такого гостя и во дворъ не пустятъ. Нѣтъ, не такіе нравы были тамъ: гость тамъ послѣ троекратнаго потчиванья и не дотронется ни до чего. Онъ очень-хорошо знаетъ, что однократное потчиванье чаще заключаетъ въ себѣ просьбу отказаться отъ предлагаемаго блюда или вина, нежели отвѣдать его. Не для всякаго зажгутъ и двѣ свѣчи: свѣчка покупалась въ городѣ на деньги и береглась, какъ и всѣ покупныя вещи, подъ ключомъ самой хозяйки. Огарки бережно считались и прятались. Вообще тамъ денегъ тратить не любили, и какъ ни необходима была вещь, но деньги за нея выдавались всегда съ великимъ соболѣзнованіемъ, и то если издержка была незначительна. Значительная же трата сопровождалась стонами, воплями и бранью. Обломовцы соглашались лучше терпѣть всякаго рода неудобства, даже привыкали не считать ихъ неудобствами, чѣмъ тратить деньги. Отъ этого и диванъ въ гостиной давнымъ-давно весь въ пятнахъ, отъ этого и кожаное кресло Ильи Иваныча только называется кожанымъ, а въ-самомъ-то дѣлѣ оно—не то мочальное, не то веревочное: кожи-то остался только на спинкѣ одинъ клочокъ, а остальная ужь пять лѣтъ какъ развалилась въ куски и слѣзла; оттого же, можетъ-быть, и ворота все кривы и крыльцо шатается. Но заплатить за что-нибудь, хоть самонужнѣйшее, вдругъ двѣсти, триста, пятьсотъ рублей казалось имъ чуть не самоубійствомъ. Услыхавъ, что одинъ изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ ѣздилъ въ Москву и заплатилъ тамъ за дюжину рубашекъ триста рублей, двадцать-пять рублей за сапоги и сорокъ рублей за жилетъ къ свадьбѣ, старикъ Обломовъ перекрестился и сказалъ съ выраженіемъ ужаса, скороговоркой, что «этакого молодца надо посадить въ острогъ». Вообще они глухи были къ политико-экономическимъ истинамъ о необходимости быстраго и живаго обращенія капиталовъ, объ усиленной производительности и мѣнѣ продуктовъ и т. п. Они, въ простотѣ души, понимали и приводили въ исполненіе единственное употребленіе капиталовъ — держать ихъ въ сундукѣ.

Digitized by Google

На креслахъ въ гостиной, въ разныхъ положеніяхъ, сидятъ и сопятъ обитатели, или обычные посѣтители дома. Между собесѣдниками по-большей-части царствуетъ глубокое молчаніе: всѣ видятся ежедневно другъ съ другомъ; умственныя сокровища взаимно исчерпаны и извѣданы, а новостей извнѣ получается мало. Тихо; только раздаются шаги тяжелыхъ домашней работы сапогъ Ильи Ивановича, еще стѣнные часы въ футлярѣ глухо постукиваетъ маятникомъ, да порванная время-отъ-времени рукой, или зубами, нитка у Пелагеи Игнатьевны или Настасьи Ивановны нарушаетъ глубокую тишину. Такъ иногда пройдетъ полчаса, развѣ кто-нибудь зѣвнетъ вслухъ и перекреститъ ротъ, примолвивъ: «Господи помилуй!» За нимъ зѣвнетъ сосѣдъ, потомъ слѣдующій, медленно, какъ-будто по командѣ, отворяетъ ротъ, и такъ далѣе заразительная игра воздуха въ лёгкихъ обойдетъ всѣхъ, при чемъ иного прошибетъ слеза. Или Илья Ивановичъ подойдетъ къ окну, взглянетъ туда и скажетъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «еще пять часовъ только, а ужь ка́къ темно на дворѣ!»

— Да́, отвѣтитъ кто-нибудь: — объ эту пору всегда темно; длинные вечера наступаютъ.

А весной удивятся и обрадуются, что длинные дни наступаютъ. А спросите-ка, зачѣмъ имъ эти длинные дни, такъ они и сами не знаютъ.

И опять замолчатъ. А тамъ кто-нибудь станетъ снимать со свѣчи и вдругъ погаситъ—всѣ встрепенутся: «нечаянный гость!» скажетъ непремѣнно кто-нибудь. Иногда на этомъ завяжется разговоръ.

— Кто жь бы это гость? скажетъ хозяйка:—ужь не Настасья ли Ѳаддѣевна? Ахъ, дай-то Господи! Да, нѣтъ: она ближе праздника не будетъ. То-то бы радости! то-то бы обнялись да наплакались съ ней вдвоемъ! И къ заутренѣ и къ обѣднѣ бы вмѣстѣ... Да куда мнѣ за ней! я даромъ-что моложе, а не выстоять мнѣ столько!

— А когда, бишь, она уѣхала отъ насъ? спросилъ Илья Ивановичъ: — кажется, послѣ Ильина-дня.

— Что́ ты, Илья Иванычъ! всегда перепутаешь! Она и семика не дождалась, поправила жена.

— Она, кажется, въ петровки здѣсь была, возражаетъ Илья Ивановичъ.

— Ты всегда такъ! съ упрекомъ скажетъ жена: — споришь, только срамишься...

Digitized by Google

— Ну, какъ же не была въ петровки? еще тогда все пироги съ грибами пекли: она любитъ...

— Такъ это Марья Онисимовна: она любитъ пироги съ грибами—какъ это не помнишь! да и Марья Онисимовна не до Ильина-дня, а до Прохора и Никанора гостила.

Они вели счетъ времени по праздникамъ, по временамъ года, по разнымъ семейнымъ и домашнимъ случаямъ, не ссылаясь никогда ни на мѣсяцы, ни на числа. Можетъ-быть, это происходило частью и оттого, что, кромѣ самого Обломова, прочіе все путали и названія мѣсяцовъ, и порядокъ чиселъ.

Замолчитъ побѣжденный Илья Ивановичъ, и опять все общество погрузится въ дремоту. Илюша, завалившись за спину матери, тоже дремлетъ, а иногда и совсѣмъ спитъ.

— Да́, скажетъ потомъ какой-нибудь изъ гостей съ глубокимъ вздохомъ: — вотъ мужъ-то Марьи Онисимовны, покойникъ Василій Ѳомичъ, какой былъ, Богъ съ нимъ, здоровый, а умеръ! и шестидесяти лѣтъ не прожилъ: жить бы этакому сто лѣтъ!

— Всѣ умремъ, кому когда—воля Божья! возражаетъ Пелагея Игнатьевна со вздохомъ. — Кто умираетъ, а вотъ у Хлоповыхъ такъ не поспѣваютъ крестить: говорятъ, Анна Андревна опять родила — ужь это шестой.

— Одна ли Анна Андревна! сказала хозяйка: — вотъ какъ брата-то ея женятъ и пойдутъ дѣти—столько ли еще будетъ хлопотъ! И меньшіе подрастаютъ, тоже въ женихи смотрятъ; тамъ дочерей выдавай замужъ, а гдѣ женихи здѣсь? Ныньче, вишь, вѣдь всѣ хотятъ приданаго, да все деньгами...

— Что́ вы такое говорите? спросилъ Илья Ивановичъ, подойдя къ бесѣдовавшимъ.

— Да вотъ говоримъ, что...

И ему повторяютъ разсказъ.

— Вотъ жизнь-то человѣческая! поучительно произнесъ Илья Ивановичъ:—одинъ умираетъ, другой родится, третій женится, а мы вотъ все старѣемся: не то, что годъ на годъ, день на день не приходится! Зачѣмъ это такъ? То́ ли бы дѣло, еслибъ каждый день, какъ вчера, вчера какъ завтра!.. Грустно, какъ подумаешь...

— Старый старится, а молодой растетъ! соннымъ голосомъ кто-то сказалъ изъ угла.

— Надо Богу больше молиться, да не думать ни о чемъ! строго замѣтила хозяйка.

Digitized by Google

— Правда, правда, трусливо, скороговоркой отозвался Илья Ивановичъ, вздумавшій-было пофилософствовать, и пошелъ опять ходить взадъ и впередъ.

Долго опять молчатъ; шипятъ только продѣваемыя взадъ и впередъ иглой нитки. Иногда хозяйка нарушитъ молчаніе.

— Да́, темно на дворѣ, скажетъ она.—Вотъ, Богъ дастъ, какъ дождемся святокъ, пріѣдутъ погостить свои, ужо будетъ повеселѣе, и не видно, какъ будутъ проходить вечера. Вотъ еслибъ Маланья Петровна пріѣхала, ужъ тутъ было бы проказъ-то! Чего она не затѣетъ! и олово лить, и воскъ топить, и за ворота бѣгать; дѣвокъ у меня всѣхъ съ пути собьетъ. Затѣетъ игры разныя... такая, право!

— Да́, свѣтская дама! замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ: — въ третьемъ году она и съ горъ выдумала кататься, вотъ какъ еще Лука Савичъ бровь расшибъ...

Вдругъ всѣ встрепенулись, посмотрѣли на Луку Савича и разразились хохотомъ.

— Какъ это ты, Лука Савичъ? ну-ка, ну, разскажи! говоритъ Илья Ивановичъ и помираетъ со смѣху.

И всѣ продолжаютъ хохотать, и Илюша проснулся, и онъ хохочетъ.

— Ну, чего разсказывать! говоритъ смущенный Лука Савичъ: — это все вонъ Алексѣй Наумычъ выдумалъ: ничего и не было совсѣмъ...

— Э! хоромъ подхватили всѣ: — да какъ же ничего не было? мы-то умерли развѣ?.. А лобъ-то, лобъ-то, вонъ и до-сихъ-поръ рубецъ видѣнъ...

И захохотали.

— Да что́ вы смѣетесь? старается выговорить въ промежуткахъ смѣха Лука Савичъ: — я бы... и не того... да все Васька, разбойникъ... салазки старыя подсунулъ... онѣ и разъѣхались подо мной... я и того...

Общій хохотъ покрылъ его голосъ. Напрасно онъ силился досказать исторію своего паденія: хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, обнялъ весь домъ, всѣ вспомнили забавный случай, всѣ хохочутъ долго, дружно, *несказанно*, какъ олимпійскіе боги. Только начнутъ умолкать, кто-нибудь подхватитъ опять—и пошло писать. Наконецъ кое-какъ съ трудомъ успокоились.

Digitized by Google

— А что, нынче о святкахъ будешь кататься, Лука Савичъ? спросилъ, помолчавъ, Илья Ивановичъ.

Опять общій взрывъ хохота, продолжавшійся минутъ десять.

— Не велѣть ли Антипкѣ постомъ сдѣлать гору? вдругъ опять скажетъ Обломовъ: — Лука Савичъ, молъ, охотникъ большой, не терпится ему...

Хохотъ всей компаніи не далъ договорить ему.

— Да цѣлы ли тѣ... салазки-то? едва отъ смѣха выговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Опять смѣхъ.

Долго смѣялись всѣ, наконецъ стали мало-по-малу затихать; иной утиралъ слезы, другой сморкался, третій кашлялъ неистово и плевалъ, съ трудомъ выговаривая:

— Ахъ, ты, Господи! задушила мокрота совсѣмъ... насмѣшилъ тогда, ей-Богу! такой грѣхъ! Какъ онъ спиной-то кверху, а полы кафтана врозь...

Тутъ слѣдовалъ окончательно послѣдній, самый продолжительный раскатъ хохота, и затѣмъ все смолкло. Одинъ вздохнулъ, другой зѣвнулъ вслухъ, съ приговоркой, и все погрузилось въ молчаніе.

Попрежнему слышалось только качанье маятника, стукъ сапогъ Обломова да легкій трескъ откушенной нитки. Вдругъ Илья Ивановичъ остановился посреди комнаты съ встревоженнымъ видомъ, держась за кончикъ носа.

— Что это за бѣда? смотрите-ка! сказалъ онъ: — быть покойнику: у меня кончикъ носа все чешется...

— Ахъ, ты, Господи! всплеснувъ руками, сказала жена: — какой же это покойникъ, коли кончикъ чешется? Покойникъ — когда переносье чешется. Ну, Илья Иванычъ, какой ты, Богъ съ тобой, безпамятный! Вотъ, этакъ, скажешь въ людяхъ когда-нибудь или при гостяхъ и — стыдно будетъ.

— А что жь это значитъ, кончикъ-то чешется? спросилъ сконфуженный Илья Ивановичъ.

— Въ рюмку смотрѣть. А то, какъ это можно: покойникъ!

— Все путаю! сказалъ Илья Ивановичъ: — гдѣ тутъ упомнить: то съ боку носъ чешется, то съ конца, то брови...

— Съ боку, подхватила Пелагея Ивановна: — означаетъ вѣсти; брови чешутся — слезы; лобъ — кланяться: съ правой стороны чешется — мужчинѣ, съ лѣвой — женщинѣ; уши зачешутся

Digitized by Google

значитъ къ дождю, губы — цаловаться, усы — гостинцы ѣсть, локоть — на новомъ мѣстѣ спать, подошвы — дорога...

— Ну, Пелагея Ивановна, молодецъ! сказалъ Илья Ивановичъ: — а то еще когда масло дешево будетъ, такъ затылокъ, что́ ли, чешется...

Дамы начали смѣяться и перешептываться; нѣкоторые изъ мужчинъ улыбались; готовился опять взрывъ хохота, но въ эту минуту въ комнатѣ раздалось въ одно время, какъ-будто ворчанье собаки и шипѣнье кошки, когда онѣ собираются броситься другъ на друга. Это загудѣли часы.

— Э! да ужь девять часовъ! съ радостнымъ изумленіемъ произнесъ Илья Ивановичъ. — Смотри-ка, пожалуй, и не видать, ка́къ время прошло. Эй Васька! Ванька, Мотька!

Явились три заспанныя физіономіи.

— Что́ жь вы не накрываете на столъ? съ удивленіемъ и досадой спросилъ Обломовъ: — нѣтъ, чтобъ подумать о господахъ! Ну, чего стоите? скорѣй, водки!

— Вотъ отчего кончикъ носа чесался! живо сказала Пелагея Ивановна: — будете пить водку и посмо́трите въ рюмку.

Послѣ ужина, почмокавшись и перекрестивъ другъ друга, всѣ расходятся по своимъ постелямъ, и сонъ воцаряется надъ безпечными головами.

Видитъ Илья Ильичъ во снѣ не одинъ, не два такіе вечера, но цѣлыя недѣли, мѣсяцы и годы такъ проводимыхъ дней и вечеровъ. Ничто не нарушало однообразія этой жизни и сами обломовцы не тяготились ею, потому-что и не представляли себѣ другаго житья-бытья; а еслибъ и смогли представить, то съ ужасомъ отвернулись бы отъ него. Другой жизни и не хотѣли и не любили бы они. Имъ бы жаль было, еслибъ обстоятельства внесли перемѣны въ ихъ бытъ, какія бы то ни были. Ихъ загрызетъ тоска, если завтра не будетъ похоже на сегодня, а послѣзавтра на завтра. Зачѣмъ имъ разнообразіе, перемѣны, случайности, на которыя напрашиваются другіе? Пусть же другіе и расхлебываютъ эту чашу, а имъ, обломовцамъ, ни до чего и дѣла нѣтъ. Пусть другіе и живутъ, какъ хотятъ. Вѣдь случайности, хоть бы и выгоды какія-нибудь, безпокойны: онѣ требуютъ хлопотъ, заботъ, бѣготни, не посиди на мѣстѣ, торгуй, или пиши, словомъ, поворачивайся, шутка ли! Они продолжали цѣлые десятки лѣтъ сопѣть, дремать и зѣвать, или заливаться добродушнымъ смѣхомъ отъ деревенскаго юмора, или,

Digitized by Google

собираясь въ кружокъ, разсказывали, что́ кто видѣлъ ночью во снѣ. Если сонъ былъ страшный — всѣ задумывались, боялись не шутя; если пророческій — всѣ непритворно радовались или печалились, смотря по тому, горестное, или утѣшительное снилось во снѣ. Требовалъ ли сонъ соблюденія какой-нибудь примѣты, тотчасъ для этого принимались дѣятельныя мѣры. Не это, такъ играютъ въ дураки, въ свои козыри, а по праздникамъ съ гостями въ бостонъ, или раскладываютъ гран-пасьянсъ, гадаютъ на червоннаго короля, да на трефовую даму, предсказывая марьяжъ. Иногда пріѣдетъ какая-нибудь Наталья Ѳаддѣевна гостить на недѣлю, на двѣ. Сначала старухи переберутъ весь околотокъ, кто ка́къ живетъ, кто что́ дѣлаетъ; онѣ проникнутъ не только въ семейный бытъ, въ закулисную жизнь, но въ сокровенные помыслы и намѣренія каждаго, влѣзутъ въ душу, побранятъ, обсудятъ недостойныхъ, всего болѣе невѣрныхъ мужей, потомъ пересчитаютъ разные случаи: именины, крестины, родины, кто чѣмъ угощалъ, кого звалъ, кого нѣтъ. Уставши отъ этого, начнутъ показывать обновки, платья, салопы, даже кофты и чулки. Хозяйка похвастается какими-нибудь полотнами, нитками, кружевами домашняго издѣлія. Но истощится и это. Тогда пробавляются кофеями, чаями, вареньями. Потомъ уже переходятъ къ молчанію. Сидятъ подолгу, глядя другъ на друга, по временамъ тяжко о чемъ-то вздыхаютъ. Иногда которая-нибудь и заплачетъ. «Что ты, мать моя?» спроситъ въ тревогѣ другая. «Охъ, грустно, голубушка!» отвѣчаетъ съ тяжкимъ вздохомъ гостья: «прогнѣвали мы Господа Бога, окаянные. Не бывать добру».—«Ахъ, не пугай, не стращай, родная!» прерываетъ хозяйка.—«Да́, да́», продолжаетъ та: «пришли послѣдніе дни; возстанетъ языкъ на языкъ, царство на царство... наступитъ свѣтопреставленіе!» выговариваетъ, наконецъ, Наталья Ѳаддѣевна и обѣ плачутъ горько. Основанія никакого къ такому заключенію со стороны Натальи Ѳаддѣевны не было, никто ни на кого не возставалъ, даже кометы въ тотъ годъ не было, но у старухъ бываютъ иногда темныя предчувствія.

Изрѣдка развѣ это провожденіе времени нарушится какимъ-нибудь нечаяннымъ случаемъ, когда, напримѣръ, всѣ угорятъ цѣлымъ домомъ отъ мала до велика. Другихъ болѣзней почти и не слыхать было въ дому и деревнѣ; развѣ кто-нибудь напорется на какой-нибудь колъ въ темнотѣ, или свернется съ сѣновала, или съ крыши свалится доска да ударитъ по головѣ. Но

Digitized by Google

все это случалось рѣдко, и противъ такихъ нечаянностей употреблялись домашнія испытанныя средства: ушибенное мѣсто потрутъ бодягой, или зарей, дадутъ выпить святой водицы, или пошепчутъ — и все пройдетъ. Но угаръ случался частенько. Тогда всѣ валяются въ-повалку по постелямъ; слышится ѓханье, стоны; одинъ обложитъ голову огурцами и повяжется полотенцемъ, другой положитъ клюквы въ уши и нюхаетъ хрѣнъ, третій въ одной рубашкѣ уйдетъ на морозъ, четвертый просто валяется безъ чувствъ по полу. Это случалось періодически одинъ или два раза въ мѣсяцъ, потому-что тепла даромъ въ трубу пускать не любили и закрывали печи, когда въ нихъ бѣгали еще такіе огоньки, какъ въ Робертѣ-дьяволѣ. Ни къ одной лежанкѣ, ни къ одной печкѣ нелья было приложить руки: того-и-гляди, вскочитъ пузырь.

Однажды только однообразіе ихъ быта нарушилось ужь подлинно нечаяннымъ случаемъ. Когда, отдохнувъ послѣ труднаго обѣда, всѣ собрались къ чаю, вдругъ пришелъ воротившійся изъ города обломовскій мужикъ, и ужь онъ доставалъ, доставалъ изъ-за пазухи, наконецъ насилу досталъ скомканное письмо на имя Ильи Иваныча Обломова. Всѣ обомлѣли; хозяйка даже измѣнилась немного въ лицѣ; глаза у всѣхъ устремились и носы вытянулись по направленію къ письму.

— Чтó за диковина! отъ кого это? произнесла наконецъ барыня, опомнившись.

Обломовъ взялъ письмо и съ недоумѣніемъ ворочалъ его въ рукахъ, не зная, чтó съ нимъ дѣлать.

— Да ты гдѣ взялъ? спросилъ онъ мужика: — кто тебѣ далъ?

— А на дворѣ, гдѣ я приставалъ въ городѣ-то, слышь ты, отвѣчалъ мужикъ: — съ пошты приходили два раза спрашивать, нѣтъ ли обломовскихъ мужиковъ: письмо, слышь, къ барину есть.

— Ну?...

— Ну, я перва-нá-перво притаился: солдатъ и ушелъ съ письмомъ-то. Да верхлёвскій дьячокъ видалъ меня, онъ и сказалъ. Пришли въ-другорядь. Какъ пришли въ-другорядь-то, ругаться стали и отдали письмо, еще пятакъ взяли. Я спросилъ, чтó, молъ, дѣлать мнѣ съ нимъ, куда его дѣть? Такъ вотъ велѣли вашей милости отдать.

— А ты бы не бралъ, сердито замѣтила барыня.

— Я и то не бралъ. На чтó, молъ, намъ письмо-те — намъ

Digitized by Google

не надо. Намъ, молъ, не наказывали писемъ брать—я не смѣю: подите вы, съ письмомъ-то! Да пошелъ больно ругаться солдатъ-то: хотѣлъ начальству жаловаться; я и взялъ.

— Дуракъ! сказала барыня.

— Отъ кого жь бы это? задумчиво говорилъ Обломовъ, разсматривая адресъ: — рука какъ-будто знакомая, право!

И письмо пошло ходить изъ рукъ въ руки. Начались толки и догадки: отъ кого и о чемъ оно могло быть. Всѣ наконецъ стали въ-тупикъ. Илья Ивановичъ велѣлъ съискать очки: ихъ отъискивали часа полтора. Онъ надѣлъ ихъ и уже подумывалъ-было вскрыть письмо.

— Полно, не распечатывай, Илья Иванычъ, съ боязнью остановила его жена: — кто его знаетъ, какое оно тамъ, письмо-то? можетъ-быть, еще страшное, бѣда какая-нибудь. Вишь, вѣдь, народъ-то ныньче какой сталъ! Завтра или послѣзавтра успѣешь— не уйдетъ оно отъ тебя.

И письмо съ очками было спрятано подъ замокъ. Всѣ занялись чаемъ. Оно бы пролежало тамъ годы, еслибъ не было слишкомъ-необыкновеннымъ явленіемъ и не взволновало умы обломовцевъ. За чаемъ и на другой день у всѣхъ только и разговора было, что о письмѣ. Наконецъ не вытерпѣли и на четвертый день, собравшись толпой, съ смущеніемъ распечатали. Обломовъ взглянулъ на подпись.

— «Радищевъ», прочиталъ онъ.—Э! да это отъ Филиппа Матвѣича!

— А! э! вотъ отъ кого! поднялось со всѣхъ сторонъ. — Да какъ это онъ еще живъ по сю пору? поди ты, еще не умеръ! Ну, слава Богу! Что онъ пишетъ?

Обломовъ сталъ читать вслухъ. Оказалось, что Филиппъ Матвѣевичъ проситъ прислать ему рецептъ пива, которое особенно хорошо варили въ Обломовкѣ.

— Послать, послать ему! заговорили всѣ: — надо написать письмецо.

Такъ прошло недѣли двѣ.

— Надо, надо написать! твердилъ Илья Ивановичъ женѣ: — Гдѣ рецептъ-то?

— А гдѣ онъ? отвѣчала жена: — еще надо съискать. Да погоди, что торопиться? Вотъ, Богъ дастъ, дождемся праздника, разговѣемся, тогда и напишешь; еще не уйдетъ...

Digitized by Google

— Въ-самомъ-дѣлѣ; о праздникѣ лучше напишу, сказалъ Илья Ивановичъ.

На праздникѣ опять зашла рѣчь о письмѣ. Илья Ивановичъ собрался совсѣмъ писать. Онъ удалился въ кабинетъ, надѣлъ очки и сѣлъ къ столу. Въ домѣ воцарилась глубокая тишина; людямъ не велѣно было топать и шумѣть. «Баринъ пишетъ!» говорили всѣ такимъ робко-почтительнымъ голосомъ, какимъ говорятъ, когда въ домѣ есть покойникъ. Онъ только было вывелъ «Милостивый государь» медленно, криво, дрожащей рукой и съ такою осторожностью, какъ-будто дѣлаетъ какое-нибудь опасное дѣло, какъ къ нему явилась жена.

— Искала, искала—нѣту рецепта, сказала она. — Надо еще въ спальнѣ въ шкапу поискать. Да какъ посылать письмо-то?

— Съ почтой надо, отвѣчалъ Илья Ивановичъ.

— А что туда стоитъ?

Обломовъ досталъ старый календарь.

— Сорокъ копеекъ, сказалъ онъ.

— Вотъ, сорокъ копеекъ на пустяки бросать! замѣтила она: — лучше подождемъ, не будетъ ли изъ города оказіи туда. Ты вели узнавать мужикамъ.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, по оказіи-то лучше, отвѣчалъ Илья Ивановичъ и, пощелкавъ перо объ столъ, всунулъ въ чернильницу и снялъ очки.

— Право, лучше, заключилъ онъ:—еще не уйдетъ: успѣемъ послать.

Неизвѣстно, дождался ли Филиппъ Матвѣевичъ рецепта.

Илья Ивановичъ иногда возьметъ и книгу въ руки—ему все равно, какую-нибудь. Онъ и не подозрѣвалъ въ чтеніи существенной потребности, а считалъ его роскошью, такимъ дѣломъ, безъ котораго легко и обойтиеъ можно, такъ точно, какъ можно имѣть картину на стѣнѣ, можно и не имѣть, можно пойти прогуляться, можно и не пойти, отъ этого ему все-равно, какая бы ни была книга; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на вещь, назначенную для развлеченія, отъ скуки и отъ-нечего-дѣлать. «Давно не читалъ книги» скажетъ онъ, или иногда измѣнитъ фразу: «дай-ка почитаю книгу» скажетъ, или просто, мимоходомъ, случайно увидитъ доставшуюся ему послѣ брата небольшую кучку книгъ и вынетъ, не выбирая, что попадется. Голиковъ ли попадется ему, *Новѣйшій* ли *Сонникъ*, Хераскова *Россіяда*, или трагедіи Сумарокова, или, наконецъ, трехъягодичныя

Digitized by Google

вѣдомости — онъ все читаетъ съ равнымъ удовольствіемъ, приговаривая повременамъ: «Видишь, что́ вѣдь выдумалъ! экой разбойникъ! ахъ, чтобъ тебѣ пусто было!» Эти восклицанія относились къ авторамъ — званіе, которое въ глазахъ его не пользовалось никакимъ уваженіемъ; онъ даже усвоилъ себѣ и то полупрезрѣніе къ писателямъ, которое питали къ нимъ люди стараго времени. Онъ, какъ и многіе тогда, почиталъ сочинителя не иначе, какъ весельчакомъ, гулякой, пьяницей и потѣшникомъ, въ родѣ плясуна.

Иногда онъ изъ третьягодничнихъ газетъ почитаетъ и вслухъ, для всѣхъ, или такъ сообщаетъ имъ извѣстія. «Вотъ изъ Гаги пишутъ», скажетъ онъ, «что е. в. король изволилъ благополучно возвратиться изъ кратковременнаго путешествія во дворецъ». и при этомъ поглядитъ черезъ очки на всѣхъ слушателей. Или: «въ Вѣнѣ такой-то посланникъ вручилъ свои кредитивныя грамматы». — «А вотъ тутъ пишутъ, читалъ онъ еще, что сочиненіе г-жи Жанлисъ перевели на россійскій языкъ».

— Это все, чай, для того переводятъ, замѣчаетъ одинъ изъ слушателей, мелкопомѣстный помѣщикъ:—чтобъ у нашего брата, дворянина, деньги выманивать.

А бѣдный Илюша ѣздитъ да ѣздитъ учиться къ Штольцу. Какъ только онъ проснется въ понедѣльникъ, на него ужь нападаетъ тоска. Онъ слышитъ рѣзкій голосъ Васьки, который кричитъ съ крыльца:

— Антипка! закладывай пѣгую: барченка къ нѣмцу везти!

Сердце дрогнетъ у него. Онъ печальный приходитъ къ матери. Та знаетъ, отчего, и начинаетъ золотить пилюлю, втайнѣ вздыхая сама о разлукѣ съ нимъ на цѣлую недѣлю. Не знаютъ чѣмъ и накормить его въ то утро, напекутъ ему булочекъ и крендельковъ, отпустятъ съ нимъ соленья, печенья, варенья, пастилъ разныхъ и другихъ всякихъ сухихъ и мокрыхъ лакомствъ, и даже съѣстныхъ припасовъ. Все это отпускалось въ тѣхъ видахъ, что у нѣмца нежирно кормятъ.

«Тамъ не разъѣшься, говорили обломовцы: обѣдать-то дадутъ супу, да жаркаго, да картофелю, къ чаю масла, а ужинать-то *моргенъ фри* — носъ утри.»

Впрочемъ, Ильѣ Ильичу снятся больше такіе понедѣльники, когда онъ не слышитъ голоса Васьки, приказывающаго закладывать пѣгашку, и когда мать встрѣчаетъ его за чаемъ съ улыбкой и съ пріятною новостью:

Digitized by Google

— Сегодня не поѣдешь; въ четверкъ большой праздникъ: стóитъ ли ѣздить взадъ и впередъ на три дня?

Или иногда вдругъ объявитъ ему, что сегодня родительская недѣля: «не до ученья: блины будемъ печь».

А не то, такъ мать посмотритъ утромъ въ понедѣльникъ пристально на него, да и скажетъ:

— Что-то у тебя глаза несвѣжи сегодня. Здоровъ ли ты? и покачаетъ головой.

Лукавый мальчишка здоровёхонекъ, но молчитъ.

— Посидика-ка ты эту недѣльку дома, скажетъ она:—а тамъ— чтò Богъ дастъ.

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ, что ученье и родительская суббота никакъ не должны совпадать вмѣстѣ, или что праздникъ въ четверкъ — неодолимая преграда къ ученью во всю недѣлю. Развѣ только иногда слуга, или дѣвка, которымъ достанется за барченка, проворчатъ:

«У, баловень! скоро ли провалишься къ своему нѣмцу?

Въ другой разъ вдругъ къ нѣмцу Антипка явится на знакомой пѣгашкѣ, среди или въ началѣ недѣли, за Ильей Ильичемъ.

— Пріѣхала, дескать, Марья Савишна или Наталья Ѳаддѣевна гостить, или Кузовковы со всѣми дѣтьми, такъ пожалуйте домой!

И недѣли три Илюша гоститъ дома, а тамъ, смотришь, до страстной-недѣли ужь недалеко, а тамъ и праздникъ, а тамъ кто-нибудь въ семействѣ почему-то рѣшитъ, что на ѳоминой-недѣлѣ не учатся; до лѣта остается недѣли двѣ—не стóитъ ѣздить, а лѣтомъ и самъ нѣмецъ отдыхаетъ, такъ ужь лучше до осени отложить. Посмотришь, Илья Ильичъ и отгуляется въ полгода, и кáкъ выростетъ онъ въ это время! кáкъ потолстѣетъ! кáкъ спитъ славно! Не налюбуются на него въ домѣ, замѣчая, напротивъ, что, возвратясь въ субботу отъ нѣмца, ребенокъ худъ и блѣденъ.

— Долго ли до грѣха? говорили отецъ и мать: — ученье-то не уйдетъ, а здоровья не купишь; здоровье дороже всего въ жизни. Вишь, онъ изъ ученья какъ изъ больницы воротится: жирокъ весь пропадаетъ, жиденькій такой.... да и шалунъ: все бы ему бѣгать!

— Дá, замѣтитъ отецъ:—ученье-то не свой братъ: хоть кого въ бараній рогъ свернетъ!

И нѣжные родители продолжали пріискивать предлоги удерживать сына дома; за предлогами, и кромѣ праздниковъ, дѣло не ставало. Зимой казалось имъ холодно, лѣтомъ по жарѣ тоже не



Digitized by Google

годится ѣхать, а иногда и дождь пойдетъ, осенью слякоть мѣшаетъ. Иногда такъ Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ, не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было, завязнетъ или оборвется гдѣ-нибудь.

Обломовы старались, впрочемъ, придать какъ-можно-болѣе законности этимъ предлогамъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, и особенно въ глазахъ Штольца, который не щадилъ, и въ глаза и за глаза, *доннерветтеровъ* за такое баловство. Времена Простаковыхъ и Скотининыхъ миновались давно. Пословица: *ученье свѣтъ, а неученье тьма*, бродила уже по селамъ и деревнямъ вмѣстѣ съ книгами, развозимыми букинистами. Старики понимали выгоду просвѣщенія, но только внѣшнюю его выгоду. Они видѣли, что ужь всѣ начали выходить въ люди, то-есть пріобрѣтать чины, кресты и деньги не иначе, какъ только путемъ ученья; что старымъ подъячимъ, заторѣлымъ на службѣ дѣльцамъ, состарѣвшимся въ давнишнихъ привычкахъ, кавычкахъ и крючкахъ, приходилось плохо. Стали носиться зловѣщіе слухи о необходимости не только знанія грамотѣ, но и другихъ, до-тѣхъ-поръ неслыханныхъ въ томъ быту наукъ. Между титулярнымъ совѣтникомъ и коллежскимъ ассессоромъ разверзалась бездна, мостомъ черезъ которую служилъ какой-то дипломъ. Старые служаки, чада привычки и питомцы взятокъ, стали исчезать. Многихъ, которые не успѣли умереть, выгнали за неблагонадежность, другихъ отдали подъ-судъ; самые счастливые были тѣ, которые, махнувъ рукой на новый порядокъ вещей, убрались, по-добру да по-здорову, въ благопріобрѣтенные углы.

Обломовы смекали это и понимали выгоду образованія, но только эту очевидную выгоду. О внутренней потребности ученья они имѣли еще смутное и отдаленное понятіе, и оттого имъ хотѣлось уловить для своего Илюши пока нѣкоторыя блестящія преимущества. Они мечтали и о шитомъ мундирѣ для него, воображали его совѣтникомъ въ палатѣ, а мать даже и губернаторомъ; но всего этого хотѣлось бы имъ достигнуть какъ-нибудь подешевле, съ разными хитростями, обойти тайкомъ разбросанные по пути просвѣщенія и честей камни и преграды, не трудясь перескакивать черезъ нихъ, то-есть, напримѣръ, учиться слегка, не до изнуренія души и тѣла, не до утраты благословенной, въ дѣтствѣ пріобрѣтенной полноты, а такъ, чтобъ только соблюсти предписанную форму и добыть какъ-нибудь аттестатъ, въ которомъ бы сказано было, что Илюша *прошелъ всѣ науки и искусства*.

Digitized by Google

Вся эта обломовская система воспитанія встрѣтила сильную оппозицію въ системѣ Штольца. Борьба была съ обѣихъ сторонъ упорная. Штольцъ прямо, открыто и настойчиво поражалъ соперниковъ, а они уклонялись отъ ударовъ вышесказанными и другими хитростями. Побѣда не рѣшилась никакъ; можетъ-быть, нѣмецкая настойчивость и преодолѣла бы упрямство и закоснѣлость обломовцевъ, но нѣмецъ встрѣтилъ затрудненія на своей собственной сторонѣ, и побѣдѣ не суждено было рѣшиться ни на ту, ни на другую сторону. Дѣло въ томъ, что сынъ Штольца баловалъ Обломова, то подсказывая ему уроки, то дѣлая за него переводы.

Ильѣ Ильичу ясно видится и домашній бытъ его и житье у Штольца. Онъ только-что проснется у себя дома, какъ у постели его уже стоитъ Захарка, впослѣдствіи знаменитый камердинеръ его Захаръ Трофимычъ.

Захаръ, ка́къ, бывало, нянька, натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть-что покажется ему не такъ, то онъ поддастъ Захаркѣ ногой въ носъ. Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать тó, другое: вставши поутру, умыться и т. п.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стóитъ только мигнуть—ужь трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли чтó, сбѣгать ли зачѣмъ, ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тётки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на чтó? Эй! Васька! Ванька! Захарка! чего вы смотрите, розини? вотъ я васъ!..

И не удастся никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: «Эй, Васька! Ванька! подай тó, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!»

Подъ-часъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему

Digitized by Google

раздастся въ десять отчаянныхъ голосовъ: «ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется... Стой, стой!» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни, или отворить, форточку—опять крики: «Ай, куда? какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ: въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсёнокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его, то влѣзть на крышу, то сѣсть на савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ; или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле, по буеракамъ, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсёнокъ такъ и подмываетъ его: онъ крѣпится, крѣпится, наконецъ не вытерпитъ и вдругъ, безъ картуза, зимой, прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, а грудь охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки: онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ; только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣгу: онъ упалъ; и больно ему съ непривычки, и весело, и хохочетъ онъ, и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, съ воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ, набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали его въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но при видѣ его живаго и невредимаго, радость родителей была

Digitized by Google

неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели, а ему бы одно могло быть полезно: опять играть въ снѣжки...

## X.

Только-что храпѣнье Ильи Ильича достигло слуха Захара, какъ онъ прыгнулъ осторожно, безъ шума, съ лежанки, вышелъ на цыпочкахъ въ сѣни, заперъ барина на замокъ и отправился къ воротамъ.

— А, Захаръ Трофимычъ: добро пожаловать! Давно васъ не видно! заговорили на разные голоса кучера, лакеи, бабы и мальчишки у воротъ.

— Что̀ вашъ-то? со двора, что̀ ли, ушелъ? спросилъ дворникъ.

— Дрыхнетъ, мрачно сказалъ Захаръ.

— Что̀ такъ? спросилъ кучеръ: — рано бы, кажись, объ эту пору... не здоровъ, видно?

— Э, какое нездоровъ! нарѣзался! сказалъ Захаръ такимъ голосомъ, какъ-будто и самъ убѣжденъ былъ въ этомъ. — Повѣрите ли? одинъ выпилъ полторы бутылки мадеры, два штофа квасу, да вонъ теперь и завалился.

— Экъ! съ завистью сказалъ кучеръ.

— Что̀ жь это онъ ныньче такъ подгулялъ? спросила одна изъ женщинъ.

— Нѣтъ, Татьяна Ивановна, отвѣчалъ Захаръ, бросивъ на нее свой односторонній взглядъ: — не то, что ноньче: совсѣмъ никуда негоденъ сталъ — и говорить-то тошно!

— Видно, какъ моя! со вздохомъ замѣтила она.

— А что̀, Татьяна Ивановна, поѣдетъ она сегодня куда-нибудь? спросилъ кучеръ: — мнѣ бы вонъ тутъ недалечко сходить?

— Куда ее унесетъ! отвѣчала Татьяна: — сидитъ съ своимъ ненаглядным, да не налюбуются другъ на друга.

— Онъ къ вамъ частенько, сказалъ дворникъ: — надоѣлъ по ночамъ, проклятый: ужь всѣ выйдутъ, и всѣ придутъ: онъ всегда послѣдній, да еще ругается, зачѣмъ парадное крыльцо заперто... Стану я для него тутъ караулить крыльцо-то!

— Какой дуракъ, братцы, сказала Татьяна: — такъ этакого поискать! чего, чего не надаритъ ей? Она разрядится, точно пава, и ходитъ та̀къ важно; а кабы кто посмотрѣлъ, какія юбки,

Digitized by Google

да какія чулки носитъ, такъ срамъ посмотрѣть! Шеи по двѣ недѣли не моетъ, а лицо мажетъ... иной разъ согрѣшишь, право, подумаешь: «Ахъ, ты убогая! надѣла бы ты платокъ на голову, да шла бы въ монастырь, на богомолье...»

Всѣ, кромѣ Захара, засмѣялись.

— Ай-да Татьяна Ивановна, мимо не попадетъ! говорили одобрительно голоса.

— Да право! продолжала Татьяна: какъ это господа пускаютъ съ собой этакую?..

— Куда это вы собрались? спросилъ ее кто-то: — что́ это за узелъ у васъ?

— Платье несу къ портнихѣ: послала щеголиха-то моя: вишь, широко! А какъ станемъ съ Дуняшей тушу-то стягивать, такъ руками послѣ дня три дѣлать ничего нельзя: всѣ обломаешь! Ну, мнѣ пора. Прощайте, пока.

— Прощайте, прощайте! сказали нѣкоторые.

— Прощайте, Татьяна Ивановна, сказалъ кучеръ. — Приходите-ка вечеркомъ.

— Да не знаю ка́къ; можетъ, приду, а то такъ... ужь прощайте!

— Ну, прощайте, сказали всѣ.

— Прощайте... счастливо вамъ! отвѣчала она, уходя.

— Прощайте, Татьяна Ивановна! крикнулъ еще вслѣдъ кучеръ.

— Прощайте! звонко откликнулась она издали.

Когда она ушла, Захаръ какъ-будто ожидалъ своей очереди говорить. Онъ сѣлъ на чугунный столбикъ у воротъ и началъ болтать ногами, угрюмо и разсѣянно поглядывая на проходящихъ и проѣзжающихъ.

— Ну, ка́къ вашъ-то сегодня, Захаръ Трофимычъ? спросилъ дворникъ.

— Да какъ всегда: бѣсится съ жиру, сказалъ Захаръ: — а все за тебя, по твоей милости, перенесъ я горя-то не мало: все на счетъ квартиры-то! Бѣсится: больно не хочется съѣзжать...

— Что̀ я-то виноватъ? сказалъ дворникъ: — по-мнѣ живи-себѣ хоть вѣкъ; не́што я тутъ хозяинъ? Мнѣ велятъ... Кабы я былъ хозяинъ, а то я не хозяинъ...

— Что́ жь онъ, ругается, что́ ли? спросилъ чей-то кучеръ.

— Ужь такъ ругается, что какъ только Богъ дастъ силу переносить!

Digitized by Google

— Ну, что́ жь? Это добрый баринъ, коли все ругается! сказалъ одинъ лакей, медленно, со скрипомъ открывая круглую табакерку, и руки всей компаніи, кромѣ захаровыхъ, потянулись за табакомъ. Началось всеобщее нюханье, чиханье и плеванье.

— Коли ругается, такъ лучше, продолжалъ тотъ: — чѣмъ пуще ругается, тѣмъ лучше: по крайности не прибьетъ, коли ругается. А вотъ, какъ я жилъ у одного: ты еще не знаешь за что̀, а ужь онъ, смотришь, за волосы держитъ тебя.

Захаръ презрительно ожидалъ, пока этотъ кончилъ свою тираду и, обратившись къ кучеру, продолжалъ:

— Та́къ вотъ опозоритъ тебѣ человѣка ни за́ что̀, ни про́ что́, говорилъ онъ: — это ему ни по-чемъ!

— Неугодливъ видно? спросилъ дворникъ.

— И! прохрипѣлъ Захаръ значительно, зажмуривъ глаза: — та́къ неугодливъ, что бѣда! И то́ не такъ, и это не такъ, и ходить не умѣешь, и подать-то не смыслишь, и ломаешь-то все, и не чистишь, и крадешь, и съѣдаешь... Тьфу, чтобъ тебѣ!.. Сегодня напустилъ — срамъ слушать! а за что́? кусочекъ сыру еще отъ той недѣли остался—собакѣ стыдно бросить—такъ нѣтъ, человѣкъ и не думай съѣсть! Спросилъ—«нѣтъ-молъ», и пошелъ: «тебя, говоритъ, повѣсить надо, тебя, говоритъ, сварить въ горячей смолѣ надо, да щипцами калеными рвать; колъ осиновый, говоритъ, въ тебя вколотить надо!» А самъ та́къ и лѣзетъ, та́къ и лѣзетъ... Ка́къ вы думаете, братцы? намедни обварилъ я ему— кто̀ его знаетъ ка́къ — ногу кипяткомъ, такъ вѣдь ка́къ заоралъ! Не отскочи я, такъ онъ бы толкнулъ меня въ грудь кулакомъ... та́къ и норовитъ! чисто толкнулъ бы...

Кучеръ покачалъ головой, а дворникъ сказалъ: «вишь ты, бойкій баринъ: не даетъ повадки!»

— Ну, коли еще ругаетъ, такъ это славный баринъ! флегматически говорилъ все тотъ же лакей:—другой хуже, какъ не ругается: глядитъ, глядитъ, да вдругъ тебя за волосы поймаетъ, а ты еще не смекнулъ, за что́!

— Да даромъ, сказалъ Захаръ, не обративъ опять никакого вниманія на слова перебившаго его лакея: — нога еще и доселѣва не зажила: все мажетъ мазью; пусть-ка его!

— Характе́рный баринъ! сказалъ дворникъ.

— И не дай Богъ! продолжалъ Захаръ: — убьетъ когда-нибудь человѣка; ей-Богу, до смерти убьетъ! И вѣдь за всяку бездѣлицу норовитъ выругать лысымъ... ужь не хочется догова-

Digitized by Google

ривать. А вотъ сегодня такъ новое выдумалъ: «ядовитый» говоритъ! Поворачивается же языкъ-то!..

— Ну, это что́? говорилъ все тотъ же лакей: — коли ругается, такъ это слава Богу, дай Богъ такому здоровья... А какъ все молчитъ; ты идешь мимо, а онъ глядитъ, глядитъ да и вцѣпится, вонъ какъ тотъ, у котораго я жилъ. А ругается, такъ ничего...

— И подѣломъ тебѣ, замѣтилъ ему Захаръ съ злостью за непрошенныя возраженія: — я бы еще не такъ тебя!

— Какъ же онъ ругаетъ «лысымъ», Захаръ Трофимычъ, спросилъ казачокъ лѣтъ пятнадцати: — чортомъ, что́ ли?

Захаръ медленно поворотилъ къ нему голову и остановилъ на немъ мутный взглядъ.

— Смотри ты у меня! сказалъ онъ потомъ ѣдко: — молодъ, братъ, востеръ очень! Я не посмотрю, что ты генеральскій: я-те за вихоръ! Пошелъ-ка къ своему мѣсту!

Казачокъ отошелъ шага на два, остановился и глядѣлъ съ улыбкой на Захара.

— Что́ скалишь зубы-то? съ яростью захрипѣлъ Захаръ: — погоди, попадешься, я-те уши-то направлю, какъ-разъ: будешь у меня скалить зубы!

Въ это время изъ подъѣзда выбѣжалъ огромный лакей, въ ливрейномъ фракѣ, на-распашку, съ аксельбантами и въ штиблетахъ. Онъ подошелъ къ казачку, далъ ему сначала оплеуху, потомъ назвалъ дуракомъ.

— Что̀ вы, Матвѣй Мосеичъ, за что́ это? сказалъ озадаченный и сконфуженный казачокъ, придерживаясь за щеку и судорожно мигая.

— А! ты еще разговаривать? отвѣчалъ лакей: — я за тобой по всему дому бѣгаю, а ты здѣсь!

Онъ взялъ его одной рукой за волосы, нагнулъ ему голову и три раза методически, ровно и медленно, ударилъ его по шеѣ кулакомъ.

— Баринъ пять разъ звонилъ, прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія: — а меня ругаютъ за тебя, щенка этакаго! Пошелъ!

И онъ повелительно указывалъ ему рукой на лѣстницу. Мальчикъ постоялъ съ минуту въ какомъ-то недоумѣніи, мигнулъ раза два, взглянулъ на лакея, и видя, что отъ него больше ждать не́чего, кромѣ повторенія того же самаго, встряхнулъ волосами и пошелъ на лѣстницу, какъ встрепанный.

Какое торжество для Захара!

Digitized by Google

— Хорошенько его, хорошенько, Матвѣй Мосеичъ! еще, еще! приговаривалъ онъ, злобно радуясь.—Эхъ, мало! Ай-да Матвѣй Мосеичъ! спасибо! А то востеръ больно... Вотъ тебѣ «лысый чортъ!» будешь впередъ зубоскалить?

Дворня хохотала, дружно сочувствуя и лакею, прибившему казачка, и Захару, злобно-радовавшемуся этому. Только казачку никто не сочувствовалъ.

— Вотъ, вотъ этакъ же, ни дать, ни взять, бывало, мой прежній баринъ, началъ опять тотъ же лакей, что́ все перебивалъ Захара: — ты, бывало, думаешь какъ-бы повеселиться, а онъ вдругъ, словно угадаетъ, что́ ты думалъ, идетъ мимо, да и ухватитъ, вотъ, этакъ, вотъ, вотъ какъ Матвѣй Моисѣичъ Андрюшку. А это что́, коли только ругается! Велика важность: «лысымъ чортомъ» выругаетъ!

— Тебя бы, можетъ, ухватилъ и его баринъ, отвѣчалъ ему кучеръ, указывая на Захара: — вишь у-те войлокъ какой на головѣ! а за что́ онъ онъ ухватитъ Захара-то Трофимыча? голова-то словно тыква... Развѣ вотъ за эти двѣ бороды-то, что́ на скулахъ-то, поймаетъ: ну, тамъ есть за что́!..

Всѣ захохотали, а Захаръ былъ какъ ударомъ пораженъ этой выходкой кучера, съ которымъ однимъ онъ и велъ до-тѣхъ-поръ дружескую бесѣду.

— А вотъ какъ я скажу барину-то, началъ онъ съ яростью хрипѣть на кучера: — такъ онъ найдетъ за что́ и тебя ухватить: онъ тебѣ бороду-то выгладитъ: вишь она у тебя въ сосулькахъ вся!

— Гораздъ же твой баринъ, коли будетъ чужимъ кучерамъ бороды гладить! Нѣтъ, вы заведите-ка своихъ, да въ тѣ поры и гладьте, а то больно тороватъ!

— Но тебя ли взять въ кучера́, мазурика этакаго? захрипѣлъ Захаръ: — такъ ты не сто́ишь, чтобъ тебя самого запречь моему барину-то!

— Ну, ужь баринъ! замѣтилъ язвительно кучеръ: — гдѣ ты этакаго выкопалъ?

Онъ самъ, и дворникъ, и цирюльникъ, и лакей, защитникъ системы ругательства, всѣ захохотали.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, а я вотъ скажу барину-то! хрипѣлъ Захаръ.

— А тебѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ дворнику: — надо бы унять этихъ разбойниковъ, а не смѣяться. Ты зачѣмъ пристав-

Digitized by Google

ленъ здѣсь?—порядокъ всякой исправлять. А ты что? Я, вотъ, скажу барину-то; постой, будетъ тебѣ!

— Ну, полно, полно, Захаръ Трофимычъ! говорилъ дворникъ, стараясь успокоить его: — что онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Какъ онъ смѣетъ такъ говорить про моего барина? возразилъ горячо Захаръ, указывая на кучера. — Да знаетъ ли онъ, кто мой баринъ-то? съ благоговѣніемъ спросилъ онъ: — да тебѣ, говорилъ онъ, обращаясь къ кучеру: — и во снѣ не увидать такого барина: добрый, умница, красавецъ! А твой-то точно некормленная кляча! срамъ посмотрѣть, какъ выѣзжаете со двора на бурой кобылѣ: точно нищіе! Ѣдите-то рѣдьку съ квасомъ. Вонъ на тебѣ армячишка: дыръ-то не сосчитаешь!..

Надо замѣтить, что армякъ на кучерѣ былъ вовсе безъ дыръ.

— Да ужь такого не съищешь, перебилъ кучеръ и выдернулъ проворно совсѣмъ наружу торчавшій изъ-подъ мышки Захара клочокъ рубашки.

— Полно, полно вамъ! твердилъ дворникъ, протягивая между нихъ руки.

— А! ты платье мое драть! закричалъ Захаръ, вытаскивая еще больше рубашки наружу: — постой, я покажу барину! Вотъ братцы, посмотрите, что онъ сдѣлалъ: платье мнѣ разорвалъ!..

— Да, я! говорилъ кучеръ, нѣсколько струсивъ: — видно баринъ оттрепалъ...

— Оттреплетъ этакій баринъ! говорилъ Захаръ:—такая добрая душа; да это золото—а не баринъ, дай Богъ ему здоровья! Я у него, какъ въ царствіи небесномъ: ни нужды никакой не знаю, отъ-роду дуракомъ не назвалъ; живу въ добрѣ, въ покоѣ, ѣмъ съ его стола, уйду куда хочу—вотъ что!.. А въ деревнѣ у меня особый домъ, особый огородъ, отсыпной хлѣбъ; мужики всѣ въ поясъ мнѣ! я и управляющій, и можедомъ! А вы-то съ своимъ...

У него отъ злости недоставало голоса, чтобъ окончательно уничтожить своего противника. Онъ остановился на минуту, чтобъ собраться съ силами и придумать ядовитое слово, но не придумалъ; отъ избытка скопившейся желчи.

— Да, вотъ постой, какъ еще ты за платье-то раздѣлаешься: дадутъ тебѣ рвать!.. проговорилъ онъ наконецъ.

Задѣвши его барина, задѣли за-живое и Захара. Расшевелили и честолюбіе и самолюбіе: преданность проснулась и высказалась со всей силой. Онъ готовъ былъ облить ядомъ желчи не только противника своего, но и его барина, и родню барина, который

Digitized by Google

даже не зналъ, есть ли она, и знакомыхъ. Тутъ онъ съ удивительною точностью повторилъ всѣ клеветы и злословія о господахъ, почерпнутыя имъ изъ прежнихъ бесѣдъ съ кучеромъ.

— А вы-то съ бариномъ голь проклятая, жиды, хуже нѣмца! говорилъ онъ: — дѣдушка-то, я знаю, кто у васъ былъ: прикащикъ съ толкучаго. Вчера гости-то вышли отъ васъ вечеромъ, такъ я подумалъ, не мошенники ли какіе забрались въ домъ: жалость смотрѣть! Мать тоже на толкучемъ торговала крадеными да изношенными платьями.

— Полно, полно вамъ!.. унималъ дворникъ.

— Да́! говорилъ Захаръ:—у меня-то, славу Богу! баринъ столбовой; пріятели-то генералы, графы да князья. Еще не всякаго графа посадитъ съ собой: иной придетъ да и настоится въ прихожей... Ходятъ все сочинители...

— Какіе это такіе, братецъ ты мой, сочинители? спросилъ дворникъ, желая прекратить раздоръ.

— Это, такіе господа, которые выдумываютъ мысли, объяснилъ Захаръ.

— Что́ жь они у васъ дѣлаютъ? спросилъ дворникъ.

— Что́? Одинъ трубку проситъ, другой хересу... сказалъ Захаръ и остановился, замѣтивъ, что почти всѣ насмѣшливо улыбаются.

— А вы тутъ всѣ мерзавцы, сколько васъ ни наесть! скороговоркой сказалъ онъ, окинувъ всѣхъ одностороннимъ взглядомъ.—Дадутъ тебѣ чужое платье драть! Я пойду барину скажу! прибавилъ онъ и быстро пошелъ домой.

— Полно тебѣ! постой, постой! кричалъ дворникъ! — Захаръ Трофимычъ! пойдемъ въ полпивную, пожалуйста пойдемъ...

Захаръ остановился на дорогѣ, быстро обернулся и, не глядя на дворню, еще быстрѣе ринулся на улицу. Онъ дошелъ, не оборачиваясь ни на кого, до двери полпивной, которая была напротивъ; тутъ онъ обернулся, мрачно окинулъ взглядомъ все общество и еще мрачнѣе махнулъ всѣмъ рукой, чтобъ шли за нимъ, и скрылся въ дверяхъ.

Всѣ прочіе тоже разбрелись: кто въ полпивную, кто домой; остался только одинъ лакей.

«Ну, что́ за бѣда, коли и скажетъ барину?» самъ-съ-собой въ раздумьѣ, флегматически, говорилъ онъ, открывая медленно табакерну»: баринъ добрый, видно по всему: только обругаетъ!

Digitized by Google

Это еще чтó, коли обругаетъ? А то, иной, глядитъ, глядитъ, да и за волосы...»

## XI.

Въ началѣ пятаго часа Захаръ осторожно, безъ шума, отперъ переднюю и на цыпочкахъ пробрался въ свою комнату; тамъ онъ подошелъ къ двери барскаго кабинета и сначала приложилъ къ ней ухо, потомъ присѣлъ и приставилъ къ замочной скважинѣ глазъ.

Въ кабинетѣ раздавалось мѣрное храпѣнье.

«Спитъ» прошепталъ онъ; «надо будить: скоро половина пятаго».

Онъ кашлянулъ и вошелъ въ кабинетъ.

— Илья Ильичъ! а, Илья Ильичъ! началъ онъ тихо, стóя у изголовья Обломова.

Храпѣнье продолжалось.

«Экъ спитъ-то!» сказалъ Захаръ: «словно каменьщикъ».

— Илья Ильичъ!

Захаръ слегка тронулъ Обломова за рукавъ.

— Вставайте. Пятаго половина.

Илья Ильичъ только промычалъ въ отвѣтъ на это, но не проснулся.

— Вставайте же, Илья Ильичъ! Что это за срамъ! говорилъ Захаръ, возвышая голосъ.

Отвѣта не было.

— Илья Ильичъ! твердилъ Захаръ, потрогивая барина за рукавъ.

Обломовъ повернулъ немного голову и съ трудомъ открылъ на Захара одинъ глазъ, изъ котораго такъ и выглядывалъ параличъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Да я. Вставайте!

— Поди прочь! проворчалъ Илья Ильичъ и погрузился опять въ тяжелый сонъ. Вмѣсто храпѣнья, сталъ раздаваться свистъ носомъ. Захаръ потянулъ его за полу.

— Чего тебѣ? грозно спросилъ Обломовъ, вдругъ открывъ оба глаза.

— Вы велѣли разбудить себя.

— Ну, знаю. Ты исполнилъ свою обязанность и пошелъ прочь! Остальное касается до меня...

— Не пойду, говорилъ Захаръ, потрогивая его опять за рукавъ.

Digitized by Google

— Ну же, не трогай! кротко заговорилъ Илья Ильичъ и, уткнувъ голову въ подушку, началъ-было храпѣть.

— Нельзя, Илья Ильичъ, говорилъ Захаръ:—я бы радъ-радёхонекъ, да никакъ нельзя!

И самъ трогалъ барина.

— Ну, сдѣлай же такую милость, не мѣшай, убѣдительно говорилъ Обломовъ, открывая глаза.

— Да́, сдѣлай вамъ милость, а послѣ сами же будете гнѣваться, что не разбудилъ...

— Ахъ, ты, Боже мой! что́ это за человѣкъ! говорилъ Обломовъ.—Ну, дай хоть минутку соснуть; ну, что это такое, одна минута? Я самъ знаю...

Илья Ильичъ вдругъ смолкъ, внезапно пораженный сномъ.

«Знаешь ты дрыхнуть» говорилъ Захаръ, увѣренный, что баринъ не слышитъ: «вишь, дрыхнетъ, словно чурбанъ осиновый! Зачѣмъ ты на свѣтъ-то Божій родился?»

«Да вставай же ты! говорятъ тебѣ...» заревѣлъ было Захаръ.

— Что́? что? грозно заговорилъ Обломовъ, приподнимая голову.

— Что́, молъ, сударь, не встаете? мягко отозвался Захаръ.

— Нѣтъ, ты какъ сказалъ-то—а? Ка́къ ты смѣешь такъ—а?

— Ка́къ?

— Грубо говорить?

— Это вамъ во снѣ померещилось... ей-Богу, во снѣ.

— Ты думаешь, я сплю? Я не сплю, я все слышу...

А самъ ужь опять спалъ.

«Ну» говорилъ Захаръ въ отчаяніи: «ахъ, ты, головушка! Что́ лежишь, какъ колода? вѣдь, на тебя смотрѣть тошно. Поглядите добрые люди!... Тьфу!»

— Вставайте, вставайте! вдругъ испуганнымъ голосомъ заговорилъ.—Илья Ильичъ! посмотрите-ка, что́ вокругъ васъ дѣлается...

Обломовъ быстро поднялъ голову, поглядѣлъ кругомъ, и опять легъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Оставь меня въ покоѣ! сказалъ онъ важно:—я велѣлъ тебѣ будить меня, а теперь отмѣняю приказаніе—слышишь ли? Я самъ проснусь, когда мнѣ вздумается.

Иногда Захаръ такъ и отстанетъ, сказавъ: «ну, дрыхни, чортъ съ тобой!» а въ другой разъ, такъ настоитъ на своемъ, и теперь настоялъ.

— Вставайте, вставайте! во все горло заголосилъ онъ и схва-

Digitized by Google

тилъ Обломова обѣими руками за полу и за рукавъ. Обломовъ, вдругъ, неожиданно вскочилъ на ноги и ринулся на Захара.

— Постой же, вотъ я тебя выучу, какъ тревожить барина, когда онъ почивать хочетъ! говорилъ онъ.

Захаръ со всѣхъ ногъ бросился отъ него, но на третьемъ шагу Обломовъ отрезвился совсѣмъ отъ сна и началъ потягиваться, зѣвая.

— Дай... квасу... говорилъ онъ въ промежуткахъ зѣвоты.

Тутъ же изъ-за спины Захара, кто-то разразился звонкимъ хохотомъ. Оба оглянулись.

— Штольцъ! Штольцъ! въ восторгѣ кричалъ Обломовъ, бросаясь къ гостю.

— Андрей Иванычъ! осклабясь, говорилъ Захаръ.

Штольцъ продолжалъ покатываться со смѣха: онъ видѣлъ всю происходившую сцену.

ИВ. ГОНЧАРОВЪ.

1849 года.

Digitized by Google

# ГОРЬКІЯ СЛЕЗЫ.

In meiner Brust, da sitzt ein Weh,
Das will die Brust zersprengen.
Heine.

Чужихъ страданій жалкій зритель,
Я жизнь растратилъ безъ плода,
И вотъ проснулась совѣсть-мститель
И жжетъ лицо огнемъ стыда.

Чужой бѣдой я волновался,
Отъ слезъ чужихъ не спалъ я ночь —
И все молчалъ, и все боялся,
И никому не могъ помочь.

Убитъ нуждой, убитъ трудами,
Мой братъ и чахъ и погибалъ:
Я закрывалъ лицо руками
И плакалъ, плакалъ — и молчалъ.

Я слышалъ злу рукоплесканья,
И все терпѣлъ, едва дыша;
Подъ пыткою негодованья
Молчала рабская душа!

Мой духъ сроднился съ духомъ вѣка,
Тропой пробитою я шелъ,
Святую личность человѣка
До пошлой мелочи низвелъ.

Ты ль это, жизнь къ добру съ любовью,
Плодъ мысли, горя и борьбы?
Увы! отмѣчена ты кровью
Насмѣшка страшная судьбы!

И. Никитинъ.

---

Digitized by Google

* * *

Дѣтство веселое, дѣтскія грёзы!
Только васъ вспомнишь — улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки клубокъ уронила:
Прыгаетъ котъ, шевелитъ его лапкой,
Свѣчка ужь меркнетъ подъ огненной шапкой;
Движется сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга гудитъ и шумитъ.

Прогнали сонъ мой разсказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки.
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая;
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая;
Замеръ лѣсъ темный: ни свиста, ни шума;
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо.
Сердце мое замираетъ — дрожитъ...
Зимняя вьюга гудитъ и шумитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
На ночь постелю мою оправляетъ.
«Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою;
«Божія сила да будетъ съ тобою...»
Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла.
Вотъ ужь въ глазахъ у меня запестрѣло,
Сплю и не сплю я; лампадка горитъ...
Зимняя вьюга гудитъ и шумитъ.

Вѣчная память, веселое время!
Грудь мою давитъ тяжелое бремя;
Жизнь пропадаетъ въ заботахъ о хлѣбѣ;
Дѣтство сіяетъ, какъ радуга въ небѣ...
Гдѣ вы, веселье, и сонъ, и здоровье?
Взмокло отъ слезъ у меня изголовье,
Темная даль мнѣ бѣдою грозитъ..:
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

И. НИКИТИНЪ.

Digitized by Google

# О ФИНАНСОВОМЪ ПРОЕКТѢ,

## КАСАЮЩЕМСЯ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА КРЕСТЬЯНЪ.

---

Въ великомъ дѣлѣ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ финансовый вопросъ долженъ играть чрезвычайно-важную роль. Денежныя средства необходимы для окончательнаго приведенія въ дѣйствіе мѣры, замышленной и преслѣдуемой правительствомъ. Между-тѣмъ, какъ извѣстно, крестьянинъ нашъ бѣденъ и, въ бо́льшей части случаевъ, не только не обладаетъ достаточными средствами, чтобъ употребить лишнюю копейку на выкупъ своей свободы и своего труда, но часто принужденъ лишать себя самаго необходимаго, даже при настоящемъ порядкѣ вещей. Съ другой стороны, какъ мы постараемся показать ниже, при введеніи новой системы хозяйства, какъ слѣдствія измѣненія сельскихъ отношеній, помѣщики будутъ особенно нуждаться въ денежныхъ средствахъ, такъ-что дѣло эманципаціи, по этимъ двумъ причинамъ, едва-ли можетъ обойтись и достигнуть конечныхъ результатовъ безъ содѣйствія кредита — этой великой экономической силы, творящей чудеса въ настоящее время. Такимъ-образомъ, прямо открывается вся необходимость и весь интересъ изслѣдованія вопроса со стороны финансовой. Но, тогда-какъ статьи о крестьянскомъ вопросѣ, разсматривающія его со стороны чисто-хозяйственной, появляются въ такомъ множествѣ, статей, обозрѣвающихъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія финансовой совсѣмъ нѣтъ. Это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что у насъ ощущается крайній недостатокъ въ финансовыхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать свои сужденія и выводы и придать имъ характеръ не фантастическихъ умствованій, а заключеній, основанныхъ на дѣйствительныхъ фактахъ,



Digitized by Google

имѣющихъ твердое основаніе положительности. При такомъ отсутствіи въ литературѣ финансовыхъ статей, какъ намъ кажется, всякая, даже краткая замѣтка и указаніе на финансовые способы, которыми можно содѣйствовать ускоренію окончанія великаго дѣла, задуманнаго Россіею, не можетъ не обратить на себя вниманія интересующихся вопросомъ, и потому мы рѣшились представить читателямъ обозрѣніе замѣчательнаго финансоваго проекта, составленнаго двумя извѣстными банкирами: Гомбергомъ (Homberg) и Френкелемъ (Fraenkel) и снабдить проектъ этотъ нѣкоторыми замѣчаніями, поясняющими сущность его основныхъ положеній. Проектъ этотъ уже тѣмъ замѣчателенъ, что составленъ людьми, спеціально-посвященными въ финансовые вопросы, практически-знакомыми со всею сложностью финансовыхъ операцій и механизмомъ кредита. Но, независимо отъ личнаго авторитета, которымъ пользуются составители проекта, финансовый планъ Гомберга и Френкеля, какъ читатель сейчасъ увидитъ, задуманъ въ высшей степени раціонально и имѣетъ въ основаніи своемъ глубокую и плодотворную мысль.

Въ настоящемъ случаѣ мы считаемъ излишнимъ распространяться о тѣхъ несомнѣнно-благихъ послѣдствіяхъ, которыми будетъ сопровождаться окончательное приведеніе въ дѣйствіе мѣры объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Опытъ представляетъ въ этомъ отношеніи неопровержимыя доказательства. Во всѣхъ странахъ, гдѣ трудъ былъ освобожденъ, общественное богатство значительно увеличилось. Сами собственники, полагавшіе, что ихъ богатство и положеніе въ государствѣ зависятъ отъ тѣхъ привилегій, которыми они пользовались, окончили тѣмъ, что разубѣдились въ этомъ заблужденіи и вполнѣ поняли и скоро сроднились съ новымъ своимъ положеніемъ. Приведемъ одинъ примѣръ. Начиная съ 1830 года, поземельная собственность въ небольшомъ государствѣ, Бельгіи, возрасла на 50 проц., оставляя въ сторонѣ все возвышеніе доходовъ, происшедшее отъ хозяйственныхъ улучшеній. Можно ли найти подобный примѣръ увеличенія цѣнности земли въ странахъ, гдѣ производство стѣснено узами рабства? Слѣдовательно, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ конечныхъ результатахъ мѣры освобожденія крестьянъ въ Россіи. Мѣра эта, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривали ее — съ точки ли зрѣнія пользы, со стороны ли справедливости—должна быть признана благодѣтельною столько же для собственниковъ, сколько для поселянъ. Но не должно скрывать, что она имѣетъ свойства всякой перемѣны, даже перемѣны къ лучшему, причинять нѣкоторое замѣшательство болѣе или менѣе значительное, нѣкоторыя *временныя* невыгоды. Если

Digitized by Google

всякое улучшеніе, всякій успѣхъ порождаютъ всеобщее и постоянное благо, то, съ другой стороны, введеніе ихъ неизбѣжно сопровождается *временнымъ* зломъ, поражающимъ извѣстные классы гражданъ. Возьмемъ, напримѣръ, введеніе новыхъ машинъ. Извѣстно, въ какой значительной степени онѣ содѣйствуютъ увеличенію общественнаго богатства: онѣ сопровождаются всеобщимъ и постояннымъ благомъ; но успѣхи, которые онѣ влекутъ за собою, покупаются часто цѣною *временныхъ* жертвъ, цѣною страданія интересовъ значительнаго класса населенія. Развѣ введеніе новыхъ машинъ въ промышлености не лишаетъ лицъ, приводившихъ въ дѣйствіе старыя, извѣстной части доходовъ? Безъ-сомнѣнія, впослѣдствіи эти лица воспользуются всѣми новыми успѣхами, порожденными улучшеніями, но до времени это нововведеніе произведетъ несовсѣмъ-благопріятное вліяніе на судьбу ихъ. Освобожденіе труда въ Россіи можно также уподобить введенію новой машины, съ значительно-бо́льшею силою, машины, которая несомнѣнно увеличитъ размѣръ всеобщаго благосостоянія, но введеніе которой должно причинить мгновенный и временной вредъ интересамъ извѣстнаго класса, пользующагося въ настоящее время обязательнымъ трудомъ — этою старою машиною сельско-хозяйственнаго производства. Положеніе это очень-хорошо понимаютъ въ нашемъ отечествѣ. Какая же забота должна въ настоящее время занимать болѣе всего всѣ мыслящіе умы Россіи? Забота эта должна состоять въ томъ, чтобъ найти самыя удобныя средства сдѣлать переходъ отъ старой системы къ новой такимъ, чтобъ великое нововведеніе, которымъ воспользоваться призваны всѣ, не обратилось въ ущербъ никому, чтобъ всеобщее благо не было куплено цѣною частнаго разоренія. Задача эта можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: найти средство, которое обезпечивало бы собственниковъ противъ всякаго вреда для ихъ интересовъ, которое гарантировало бы имъ извѣстную часть въ общемъ благѣ реформы, позволяя въ то же время немедленно осуществить эту реформу, откладывать которую нельзя долѣе.

Задача эта вызвала много рѣшеній и проектовъ. Между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ: «Финансовый проектъ, касающійся улучшенія быта сельскаго населенія Россіи». Проектъ этотъ помѣщенъ въ газетѣ «Le Nord» (№ 267). Кромѣ-того, въ этомъ же журналѣ находится статья, весьма-дѣльно и серьёзно-разбирающая планъ Гомберга и Френкеля (№ 268 и 269). Этимъ-то проектомъ и статьею мы и воспользуемся, чтобъ познакомить русскихъ читателей съ упомянутымъ финансовымъ планомъ, присоединивъ наши собственныя замѣчанія.

Digitized by Google

Авторы проекта приняли въ основаніе своего плана главныя положенія высочайшихъ рескриптовъ, относительно улучшенія быта крестьянъ. Положенія эти извѣстны; но, для бо́льшей ясности, мы позволяемъ себѣ напомнить ихъ. Какъ извѣстно, учрежденные по губерніямъ комитеты имѣютъ обязанностью своею заняться: а) опредѣленіемъ цѣны усадьбы и всѣхъ ея принадлежностей, которыми пользуются крестьяне; в) опредѣленіемъ количества земли, которое предоставлено будетъ крестьянамъ за извѣстное вознагражденіе, для обезпеченія ихъ быта и исполненія обязанностей относительно помѣщика и государства.

Предположимъ теперь, что эти пріуготовительныя дѣйствія комитетовъ окончены; что вопросъ о выкупѣ усадебъ и о назначеніи полевой земли въ пользованіе рѣшенъ. Самая задача освобожденія будетъ ли чрезъ это рѣшена? будетъ ли вполнѣ обезпеченъ собственникъ? изъ какихъ источниковъ онъ будетъ почерпать свои доходы? Вопервыхъ, онъ долженъ получить цѣнность усадьбы, уступленной имъ крестьянину. Цѣнность эта будетъ ему уплачена тотчасъ же богатымъ крестьяниномъ; но, въ-замѣнъ этого, помѣщикъ долженъ будетъ сдѣлать большинству поселянъ болѣе или менѣе значительную отсрочку въ платежѣ, по ихъ недостаточному состоянію. Вовторыхъ, собственникъ будетъ получать ежегодное вознагражденіе за пользованіе крестьяниномъ полевою землею; наконецъ, втретьихъ, онъ будетъ получать доходы съ земель, оставленныхъ имъ для собственнаго воздѣлыванія, отдавая ихъ въ наемъ или обработывая на собственный счетъ свободными работниками.

Если собственникъ въ-состояніи извлекать выгоды изъ земель, оставленныхъ имъ для себя, то положеніе его не будетъ страдать отъ принятія новой системы, напротивъ, онъ неминуемо пріобрѣтетъ выгоды, о которыхъ излишне распространяться. Но въ этой-то возможности извлеченія выгодъ и представляется самое важное затрудненіе въ дѣлѣ эманципаціи. Изъ двухъ случаевъ одинъ: или помѣщикъ отдастъ въ наемъ свои земли, раздѣливъ ихъ на болѣе или менѣе значительныя фермы, или онъ будетъ обработывать ихъ на собственный счетъ. Если онъ захочетъ отдать ихъ въ наемъ, найдетъ ли онъ наемщиковъ? Замѣтимъ, что собственникъ, имѣя обязанность надѣлить землею освобожденныхъ крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и обязанностей къ государству, едва-ли найдетъ много мелкихъ фермеровъ, слѣдовательно, система небольшой обработки (de la petite culture) не можетъ преимущественно господствовать въ Россіи. Но и при большой обработкѣ (grande exploitation) развѣ болѣе вѣрныхъ шансовъ найти наемщиковъ? Класса, называемаго въ Англіи «gentlemen farmers», который занимается земледѣліемъ, какъ заводчикъ мануфактурами, при обладаніи зна-

Digitized by Google

чительнымъ капиталомъ, не существуетъ въ Россіи, потому-что настоящее состояніе поземельной собственности и условія, въ которыхъ находится сельско-хозяйственное производство, подчиненные системѣ рабства удалили отъ себя капиталы; слѣдовательно, недостаточно уничтожить только личную зависимость, чтобъ капиталы тотчасъ прилили къ земледѣлію. Капиталы только тогда направляются къ какой-либо отрасли промышлености, когда будутъ вполнѣ увѣрены въ совершенной обезпеченности и не будутъ опасаться ничего *неизвѣстнаго*, которое сопровождаетъ всякую перемѣну и преобразованіе, и это-то недовѣріе, проистекающее отъ необезпеченности въ полученіи доходовъ собственникамъ, будетъ препятствовать имъ пользоваться значительнымъ кредитомъ, который могъ бы позволить вводить улучшенія въ хозяйство. А улучшенія эти и, слѣдовательно, привлеченіе нужнаго капитала, могутъ одни предохранить поземельную собственность отъ замѣшательствъ въ настоящее время и по многимъ причинамъ совершенно необходимы и составляютъ важнѣйшее условіе существованія русскаго сельскаго хозяйства. Причины необходимости капитала для сельской промышлености Россіи слѣдующія: 1) преобразованіе въ сельскомъ сословіи Россіи будетъ имѣть первымъ результатомъ возвышеніе платы за трудъ, необходимый для земледѣлія, потому-что, подъ вліяніемъ свободной конкурренціи, плата эта опредѣляется закономъ предложенія и требованія; а всякій знаетъ, что въ Россіи руки очень-рѣдки относительно огромныхъ естественныхъ средствъ, способныхъ къ обработкѣ. Тогда-какъ пропорція производительной земли (въ числѣ которой должно считать земли пахотныя, луга, сады, виноградники) въ Австріи 0,69 десятинъ на человѣка, во Франціи 0,82, въ Пруссіи 0,87, въ Россіи приходится 2,42 десятины на жителя, или, говоря другими словами, въ Россіи существуетъ для каждаго жителя въ три раза болѣе производительной земли, чѣмъ въ Пруссіи и во Франціи и въ три съ половиною болѣе, чѣмъ въ Австріи. Въ этомъ отношеніи Россія болѣе приближается къ Сѣвероамериканскому Союзу, чѣмъ ко всякой другой странѣ Европы, и неизбѣжное слѣдствіе такого порядка вещей то, что трудъ, будучи рѣдокъ въ Россіи, долженъ непремѣнно сдѣлаться дороже, какъ-скоро законъ предложенія и требованія начнетъ свободно дѣйствовать для опредѣленія его цѣны. Конечно, цѣна эта не достигнетъ американской, она не возвысится до доллара въ день, но легко предполагать, что она поднимется до степени слишкомъ-высокой, чтобъ сдѣлать возможной значительную обработку, требующую содѣйствія огромнаго количества ручной работы.

Принимая это въ соображеніе, можно видѣть, что уничтоженіе крѣ-

Digitized by Google

постнаго состоянія сдѣлаетъ необходимымъ глубокое измѣненіе въ земледѣльческой системѣ Россіи. Въ настоящее время трудъ есть главный агентъ производства, потому-что собственники могутъ пріобрѣтать его по низкой цѣнѣ, или пользоваться имъ даромъ, помощію барщины. Капиталъ, и въ-особенности оборотный, воплощенный въ форму орудій производства, существуетъ въ весьма-незначительномъ количествѣ. Отнынѣ трудъ, вздорожавъ и сдѣлавшись трудно-пріобрѣтаемымъ въ достаточномъ количествѣ, долженъ уступить мѣсто механической силѣ, замѣнить людей машинами и, слѣдовательно, существующее отношеніе между трудомъ и капиталомъ должно измѣниться, и капиталъ, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ Сѣверозмериканскихъ Штатахъ и въ Англіи, получитъ преимущество; 2) независимо отъ затрудненій, которыя могутъ встрѣтиться при наймѣ рабочихъ, земледѣліе наше требуетъ значительныхъ улучшеній, а слѣдовательно, и капиталовъ, еще по слѣдующимъ причинамъ. Извѣстно, что главный предметъ вывоза изъ Россіи—зерновой хлѣбъ, въ снабженіи которымъ Западной Европы наше отечество не встрѣчало прежде соперницъ въ другихъ странахъ; на Россію недавно еще смотрѣли какъ на главный рынокъ, продовольствующій западно-европейскія государства. Въ настоящее время соперница явилась и вывозомъ своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній превзошла уже Россію, и скоро настанетъ время, когда произведенія русской сельской промышлености, если она не перемѣнитъ свою систему, что́ единственно можетъ ей дать силу соперничать съ Сѣверной Америкой, могутъ быть совершенно изгнаны съ европейскихъ рынковъ. Слѣдующая таблица лучше всего подтверждаетъ мнѣніе, какъ значительно вывозъ американскаго хлѣба превзошелъ отпускъ русскаго:

| Вывозъ изъ Россіи. | | Вывозъ изъ Америки. | |
|---|---|---|---|
| 1850 | на 19,207,000 р. с. | 1850—1851 | на 18,575,000 р. с. |
| 1851 | — 22,462,750 — | 1851—1852 | — 21,600,000 — |
| 1852 | — 34,244,500 — | 1852—1853 | — 28,383,750 — |
| 1853 | — 55,033,750 — | 1853—1854 | — 64,711,000 — |
| 1854 | — 15,953,250 — | 1854—1855 | — 28,750,000 — |
| 1855 | — 4,327,500 — | 1855—1856 | — 80,190,000 — |
| 1856 | — 56,602,000 — | | |

Въ 1850 году вывозъ изъ Россіи и Америки былъ почти одинаковъ, въ 1856 же году отпускъ сѣвероамериканскаго хлѣба превышалъ вывозъ русскаго на 23,588,000 руб. сер. Фактъ этотъ имѣетъ жизненное, существенное значеніе для нашего отечества. Если мы будемъ сравнивать условія сельско-хозяйственнаго производства Россіи съ условіями обработки въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, то, съ перваго

Digitized by Google

взгляда, вся выгода, кажется, будетъ принадлежать намъ: почва большей части Россіи какъ-нельзя-болѣе способна къ произрастанію зерновыхъ хлѣбовъ и огромныя пространства чернозема, свыше 80 мильйоновъ десятинъ, нисколько не уступаютъ въ плодородіи лучшей земли Far West Америки. Что касается цѣны, по которой можно пріобрѣтать землю, то она нисколько не выше въ Россіи, сравнительно съ Америкой. Въ послѣдней земля продается по 4 и $4^1/_2$ руб. с. десятина; въ Россіи есть губерніи, пространство которыхъ превосходитъ Францію, гдѣ земля продается также отъ 4 — 5 р. с. за десятину. Относительно капиталовъ должно замѣтить, что наемъ ихъ въ Америкѣ чрезвычайно-дорогъ — отъ 10 до 15 процентовъ; въ Россіи, несмотря на отсутствіе правильной гипотекарной системы, капиталы нисколько не дороже. Остается трудъ; здѣсь выгоды прямо на сторонѣ нашего отечества. Слѣдовательно, принимая въ соображеніе три главные элемента производства: землю, капиталъ и трудъ, мы видимъ, что, относительно двухъ первыхъ, Россія находится въ одинаковыхъ отношеніяхъ съ Сѣверными Штатами Америки, что жь касается послѣдняго, то она значительно превосходитъ Америку. Какимъ же образомъ послѣдняя могла взять верхъ на европейскихъ рынкахъ и такъ сильно соперничать съ Россіею? какимъ образомъ страна, платящая работникамъ 1 р. 30 к. въ день за трудъ, могла имѣть преимущество предъ страной, неплатящей почти ничего за трудъ и производить гораздо-дешевле первой? Главная причина такого многозначительнаго обстоятельства та, что въ Америкѣ механическій трудъ замѣняетъ собою рабочія руки, господствуютъ улучшенные механическіе способы, въ нѣсколько разъ болѣе производительные, чѣмъ грубый человѣческій трудъ. Слѣдовательно, имѣя крайнюю, существенную нужду въ замѣнѣ животнаго труда улучшенными машинами, Россія должна всѣми средствами стараться достигнуть этого условія sine qua non будущаго процвѣтанія ея земледѣлія. А такъ-какъ механическій трудъ, введеніе улучшенныхъ способовъ обработки и того, что въ Англіи называютъ «hihg farming», требуетъ значительныхъ капиталовъ, то всѣ стремленія, всѣ заботы землевладѣльцевъ должны ограничиться въ конечномъ результатѣ предоставленіемъ въ пользу земледѣльческой промышлености денежныхъ средствъ, капиталовъ, которые одни могутъ поднять эту промышленость и предохранить отъ опаснаго соперничества. Американскій народъ неутомимъ въ улучшеніяхъ; онъ идетъ къ нимъ самыми быстрыми шагами; и если Россія будетъ упорствовать въ сохраненіи старой системы, то можетъ исполниться смѣлое предположеніе пессимистовъ, что современемъ Америка будетъ привозить хлѣбъ въ наше отечество, какъ англичане вы-

Digitized by Google

возятъ въ настоящее время бумажныя ткани въ Индію, древнюю страну хлопчатобумажной промышлености.

Такимъ-образомъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ прямая необходимость для земледѣлія въ капиталахъ, которые позволили бы замѣнить старую систему, сдѣлавшуюся невозможною, системою новою, въ которой механическая сила займетъ мѣсто силы физической и въ которой, слѣдовательно, капиталъ и наука займутъ первое мѣсто, принадлежавшее прежде грубому труду.

Проблема эта, по справедливости, обращающая на себя вниманіе экономистовъ и людей, занимающихся финансовыми вопросами, рѣшена авторами упомянутаго проекта слѣдующимъ образомъ:

Планъ ихъ состоитъ изъ двухъ частей: первая заключается въ приложеніи механизма поземельнаго кредита къ выкупу повинностей, которыя должны будутъ платиться крестьянами собственнику; вторая — въ учрежденіи сохранной кассы, или кассы погашенія, которая, доставивъ значительные капиталы сельскому производству, помощью погашенія возстановитъ цѣнность имѣній въ-теченіе извѣстнаго періода времени.

Административныя распоряженія правительства опредѣлятъ вознагражденіе, которое должны будутъ получить собственники за уступку ихъ правъ и части собственности. Предположимъ, что вознагражденіе это будетъ равняться 10,000 руб., для жителей извѣстной общины. Община эта выдастъ собственнику закладной листъ (lettre de gage) въ эту сумму, который будетъ приносить: 1) проценты, напримѣръ, по пяти въ годъ, или на капиталъ 10,000 р. — 500 р.; 2) ежегодные платежи (anuité) для погашенія капитала, высчитанные такимъ образомъ, чтобъ не только собрать весь капиталъ, но даже увеличить, удвоить его по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, напримѣръ, пятидесяти. Предполагая, что количество этихъ платежей будетъ одинъ процентъ, или на 10,000 р.—100 р., эта сумма присоединится къ общей суммѣ 500 р., и община такимъ образомъ обязана будетъ платить ежегодно 600 р. с. на проценты и погашеніе. Вслѣдствіе такого распоряженія, жители общины, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, будутъ вполнѣ освобождены отъ долга собственнику. Что жь касается распредѣленія суммы между отдѣльными членами общины, то это должно быть предоставлено вполнѣ ея усмотрѣнію. Всякій житель или всякое тягло должны будутъ вносить свою часть процентовъ и погашенія. Тѣ, которые пожелаютъ освободиться до истеченія пятидесятилѣтняго срока, могутъ заключить по этому предмету особое условіе съ общиной, обязанной уплатою долга. Съ другой стороны, община можетъ предоставить льготное время крестьянамъ, которые не въ-состояніи будутъ произвести уплату слѣдую-

Digitized by Google

щихъ съ нихъ денегъ вполнѣ или части ихъ. Никто не долженъ вмѣшиваться въ эти распоряженія и община обязана устроить дѣло такъ, чтобъ быть въ состояніи уплачивать сумму, съ нея слѣдующую, вполнѣ.

Собственникъ, получивъ отъ общины эти закладные листы (lettre de gage), можетъ оставлять ихъ у себя или пускать въ оборотъ, какъ пускаютъ другія гипотекарныя обязательства. Но едва-ли большинство собственниковъ согласится пользоваться только доходами съ этихъ закладныхъ листовъ; и если владѣльцы захотятъ спекулировать ими, то могутъ подвергаться разнымъ стѣснительнымъ условіямъ. Для предотвращенія этихъ невыгодъ, должно быть учреждено особое спеціальное учрежденіе, подъ именемъ «центральнаго управленія гипотекарными общинными облигаціями», имѣющее цѣлью, съ одной стороны, содѣйствовать реализаціи бо́льшей части капитала, представляемаго закладными листами, съ другой, возстановить этотъ капиталъ и даже увеличить его помощью погашенія.

Это центральное управленіе, состоящее изъ главныхъ владѣльцевъ, назначенныхъ правительствомъ, будетъ получать отъ собственниковъ на сохраненіе общинные закладные листы, и выдавать въ замѣнъ ихъ собственные «центральные закладные листы», по которымъ оно будетъ уплачивать и проценты. Эти-то центральные листы легко уже могутъ быть пускаемы въ обращеніе, потому-что выдавать ихъ будетъ уже не община, но правительственное управленіе, гарантирующее ихъ всѣми общинными обязательствами; этому, кромѣ-того, будетъ содѣйствовать еще и то обстоятельство, что, какъ сейчасъ увидимъ, центральное управленіе будетъ выдавать своими листами цѣнность, равняющуюся только $^3/_4$ цѣнности общинныхъ листовъ, внесенныхъ въ ея кассы. Такимъ-образомъ, первой заботой управленія будутъ облегченія въ реализаціи большей части капитала, представляемаго общинными закладными листами, помощью выдачи своихъ собственныхъ только на $^3/_4$ капитала общинныхъ листовъ. Вторая забота будетъ состоять въ возстановленіи самаго капитала послѣ извѣстнаго срока и предоставленіи излишка своихъ средствъ на общую пользу.

Но какимъ-образомъ центральное управленіе будетъ въ-состояніи исполнить эту послѣднюю обязанность? какими капиталами будетъ оно располагать для достиженія предположенной цѣли? Центральное управленіе будетъ собирать съ общинъ проценты и части погашенія на всѣ листы, ему переданные. На письмо въ 10,000 р. оно будетъ получать 600 р. (500 р. проц. и 100 погашенія). Въ замѣнъ этихъ листовъ, какъ мы сказали, оно будетъ выдавать свои, центральные листы въ $^3/_4$ суммы, представляемой общинными обязательствами, то-есть въ 7,500 р., по которымъ

Digitized by Google

оно будетъ уплачивать только проценты, оставляя себѣ сумму погашенія; слѣдовательно, будетъ платить ежегодно съ 7,500 (считая 5 проц.) 375 р., между-тѣмъ, какъ само будетъ получать 600 р. с. Такимъ-образомъ оно сохранитъ въ свою пользу $^1/_4$ проц. на общинные листы и всю сумму платимаго погашенія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ эти проценты и суммы погашенія образуютъ огромный капиталъ, который можетъ быть ссужаемъ земледѣлію, подъ вѣрныя обезпеченія. Половина ежегоднаго дохода, проистекающаго изъ этого источника, будетъ раздаваться владѣльцамъ листовъ, подъ видомъ дивиденда, другая часть составитъ резервъ для образованія капитала погашенія. Составители проекта полагаютъ, что, откладывая въ резервъ одни только ежегодные платежи погашенія, въ 50 лѣтъ можно болѣе чѣмъ удвоить первоначальный капиталъ. Капиталъ этотъ съ каждой общины полагается въ 10,000 р. с. Ежегодный платежъ погашенія 100 р. с., 50 такихъ погашеній, считая по 5 сложныхъ процентовъ, составятъ въ 50 лѣтъ 20,934 р. слѣдовательно, болѣе чѣмъ вдвое первоначальнаго капитала. Таковъ общій механизмъ операціи. Легко понять и оцѣнить всѣ ея выгоды.

1) Собственники, чрезъ осуществленіе этого проекта, воспользуются двойною выгодою: пріобрѣтя возможность легко и непосредственно реализировать большую часть суммы слѣдующихъ имъ платежей, они на остальную часть получатъ дивидендъ и чрезъ нѣсколько времени увидятъ свой капиталъ не только погашеннымъ, но и увеличеннымъ.

2) Крестьяне, съ своей стороны, воспользуются немедленнымъ освобожденіемъ, вмѣсто-того, чтобъ ожидать долгое время перемѣны своего положенія.

3) Этотъ способъ освобожденія крестьянъ, кромѣ-того, не наложитъ на государство никакихъ тягостей и не причинитъ ему никакихъ издержекъ. Эманципація совершится безъ денежнаго участія правительства и отстранитъ тѣмъ необходимость заключать новый заемъ, или обязать новыми тягостями податныя сословія.

Но планъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ содѣйствующій обновленію и возвышенію русскаго сельскаго хозяйства. Мы видѣли, что уничтоженіе крѣпостнаго состоянія сдѣлаетъ успѣхи земледѣлія необходимыми въ Россіи, обязавъ землевладѣльцевъ замѣнить трудъ крестьянъ трудомъ механическимъ, и расширить, слѣдовательно, приложеніе капитала къ производству. Этой настоятельной нужды въ капиталахъ и будетъ содѣйствовать касса погашенія, при центральномъ управленіи. Получая доходы свои изъ процентовъ съ $^1/_4$ части общинныхъ закладныхъ листовъ и изъ ежегодныхъ взно-

Digitized by Google

совъ погашенія, она будетъ располагать огромными капиталами, которымъ она должна будетъ давать производительное помѣщеніе для удовлетворенія своимъ обязательствамъ относительно владѣльцевъ, обязательствомъ уплачивать имъ дивидендъ и погасить капиталъ къ опредѣленному времени. Что она можетъ лучше сдѣлать для достиженія этой цѣли, какъ не ссужать свои капиталы для земледѣлія? Такимъ-образомъ какъ-скоро образуются капиталы, преобразованія и улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ совершатся мгновенно. Если сами собственники не захотятъ заняться раціональнымъ хозяйствомъ, явятся предприниматели, которые замѣнятъ ихъ мѣсто. Чтобы въ предпринимателяхъ оказался недостатокъ — это трудно предполагать: когда капиталы обратились къ промышлености, явилось, какъ мы видимъ, огромное число желающихъ заняться различными промыслами; такъ же точно, когда капиталы направятся къ земледѣлію — не будетъ недостатка въ земледѣльцахъ.

Это образованіе нужныхъ для сельской промышлености капиталовъ есть самая оригинальная и самая полезная часть проекта объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Что касается возможности осуществленія этого проекта, онъ представляетъ серьёзную гарантію въ этомъ отношеніи. Если даже не всѣ общины исполнятъ строго свои обязанности, то центральное управленіе всегда будетъ въ состояніи выполнить свои. Полагая, напр., что недоимки будутъ равняться $^1/_4$ суммы, которую надо будетъ получить, что на мѣсто 600 р. администрація получитъ только $^3/_4$, то-есть 450, то, такъ-какъ она, съ своей стороны, обязана уплатить только 375, она не только можетъ вполнѣ выполнить свое обязательство, но можетъ и отвѣчать требованіямъ погашенія правильнымъ образомъ. Кромѣ того, этого замедленія въ платежахъ трудно ожидать, если, какъ предполагаютъ составители проекта, взиманіе процентовъ и капитала погашенія будетъ совершаемо вмѣстѣ съ другими податями.

Наконецъ, послѣднія достоинства финансоваго плана Гомберга и Френкеля заключаются въ томъ, что принятіе мѣръ, въ немъ изложенныхъ, не должно быть обязательно ни для кого; что заинтересованныя стороны собственника и общины будутъ располагать полной свободой взаимнаго соглашенія и будутъ прибѣгать къ указаннымъ мѣрамъ только въ томъ случаѣ, когда сочтутъ ихъ выгодными для себя.

Прибавимъ кромѣ этихъ общихъ разсужденій о достоинствѣ проекта, нѣсколько частныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ статьяхъ его, а также изложимъ и нѣкоторыя возраженія противъ основныхъ положеній его.

Digitized by Google

Возраженіи эти сдѣланы были корреспондентомъ газеты «Le Nord», помѣстившимъ письмо свое въ № 300.

Что касается капитализаціи $^1/_4$ части процентовъ въ пользу собственниковъ для выгодъ земледѣлія, то ее должно счесть чрезвычайно-счастливою мыслью. Дѣйствительно, это сбереженіе, обязательное и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-исполнимое, можетъ имѣть самыя благодѣтельныя слѣдствія. Неоспоримо, что собственникъ, продавая самъ закладные общинные листы, съ которыхъ проценты не могутъ быть для него вполнѣ гарантированы, неизбѣжно можетъ потерять отъ 10-ти до 20% изъ номинальной цѣнности. Эта потеря будетъ для него окончательною и невозвратимою. При указанной же финансовой комбинаціи, онъ получитъ центральный закладной листъ, который онъ можетъ продать, можетъ-быть, даже al pari. Правда, что обязательство это дастъ ему только $^3/_4$ капитала и процентовъ, но $^1/_4$ будетъ капитализирована такимъ образомъ, что, по прошествіи 50 лѣтъ онъ, или его потомство, получитъ уплату не только 25% остающагося капитала, но еще новый значительный капиталъ, образовавшійся посредствомъ капитализаціи процентовъ, капитализаціи, отъ которой, кромѣ того, будутъ получаться доходы съ самаго начала. Такимъ-образмъ вмѣсто того, чтобъ воспользоваться простыми процентами съ капитала (послѣдней четверти) собственникъ воспользуется сложными процентами.

Такимъ-образомъ первое основаніе проекта должно быть признано вполнѣ-удовлетворительнымъ.

Что жь касается втораго основанія, полагающаго, что погашеніе должно произойти по истеченіи 50 лѣтъ, то это положеніи, очевидно, имѣетъ цѣлью оставить капиталъ въ распоряженіе центральной кассы на большій срокъ, какъ для болѣе-значительной гарантіи процентовъ, такъ и для легчайшей возможности ссужать капиталы на пользу земледѣлія. Съ этой стороны положеніе тоже безукоризненно; со стороны же практическаго приложенія этой мѣры, какъ полагаетъ корреспондентъ газеты «Le Nord», можно сдѣлать на него слѣдующее замѣчаніе. Какимъ образомъ нашъ денежный рынокъ, даже поддерживаемый рынками парижскимъ, лондонскимъ и другими большими центрами денежнаго обращенія, можетъ вынесть мгновенный выпускъ облигацій на сумму болѣе чѣмъ въ милльярдъ рублей безъ того, чтобъ этотъ выпускъ не подѣйствовалъ на всѣ другія цѣнности, понизивъ курсъ ихъ и, слѣдовательно, уронивъ и собственный?

Число крестьянъ превышаетъ у насъ 10 мил.; принявъ для каждаго среднее число выкупной суммы въ 150 р., составится общій итогъ 1,500,000,000 р. Предположимъ, что только $^2/_3$ прибѣгнутъ къ кре-

Digitized by Google

диту, все-таки сумма составитъ милльярдъ рублей, пущенный на рынки въ формѣ центральныхъ закладныхъ листовъ. Это обстоятельство (прибавляетъ тотъ же корреспондентъ) составляетъ самое значительное затрудненіе. Удерживая, кромѣ-того, неизмѣнно эту массу цѣнностей впродолженіе 50 лѣтъ, не увеличиваемъ ли затруднительность положенія и такъ довольно-труднаго? Могутъ возражать на это, что, для обязательствъ, приносящихъ 5 проц. гарантированныхъ, всегда легко найти помѣщеніе, что наши государственныя облигаціи, приносящія тѣ же 5 проц, продаются съ преміею 15 проц., что капиталы въ Европѣ изобилуютъ и что для хорошихъ цѣнностей всегда можно найти пріобрѣтателей. Конечно, на это можно надѣяться, но все-таки должно дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Можно предполагать, далѣе, что не всѣ прибѣгнутъ къ закладнымъ листамъ въ первый годъ; многіе собственники принуждены будутъ заключать съ крестьянами предварительныя условія о болѣе-правильной барщинѣ и потомъ уже перейдутъ къ денежному оброку и полному выкупу. То же самое произойдетъ, вѣроятно, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ городовъ, гдѣ собственники не въ-состояніи будутъ мгновенно замѣнить обязательный трудъ трудомъ наемнымъ и гдѣ крестьяне, съ другой стороны, не найдутъ вдругъ средствъ произвести уплату деньгами; такимъ образомъ только часть общинъ воспользуется поземельнымъ кредитомъ въ первый годъ, другая часть во второй и т. д. Несмотря на всѣ эти смягчающія и отстраняющія затрудненія значительнаго выпуска облигацій обстоятельства, которыя корреспондентъ признаетъ вполнѣ, онъ все-таки совѣтуетъ, для избѣжанія невыгодъ, ежегодно прибѣгать къ погашенію извѣстной части центральныхъ закладныхъ листовъ, что̀ можетъ сдѣлать положеніе гораздо-легче.

Несмотря на то, что примѣръ нашихъ государственныхъ облигацій достаточно позволяетъ надѣяться на постоянство курса центральныхъ закладныхъ листовъ, что современное положеніе различныхъ цѣнностей нашихъ промышленныхъ компаній неопровержимо доказываетъ, какъ публика цѣнитъ предпріятія, проценты съ кредитныхъ бумагъ которыхъ гарантированы правительствомъ, мы, для правильныхъ соображеній о возможности основать надежды будущаго поземельнаго кредита Россіи на выпускѣ бумажныхъ цѣнностей, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на положеніе этихъ цѣнностей въ другихъ государствахъ. Вопросъ этотъ чрезвычайно-важенъ въ настоящее время, потому-что большинство опасается выпуска кредитныхъ бумагъ для содѣйствія дѣлу эманципаціи и думаетъ, что за этимъ выпускомъ будетъ слѣдовать немедленное паденіе этихъ цѣнностей, въ чемъ и видятъ главную опасность.

Digitized by Google

Извѣстно, что биржевая цѣнность какихъ бы то ни было кредитныхъ бумагъ — лучшій измѣритель ихъ относительнаго достоинства; также точно всякій знаетъ, что прусскія учрежденія поземельнаго кредита занимаютъ первое мѣсто между всѣми подобными учрежденіями Германіи; поэтому мы и намѣрены остановиться нѣсколько-подробнѣе на вопросѣ о цѣнности закладныхъ листовъ, выдаваемыхъ этими учрежденіями, пользуясь при этомъ свѣдѣніями, заимствованными изъ извѣстныхъ финансовыхъ авторитетовъ и приведенными княземъ Черкасскимъ въ прекрасной статьѣ его («Сельское Благоустройство» № 8). Эти свѣдѣнія заключаютъ въ себѣ подробныя таблицы курса закладныхъ листовъ прусскихъ учрежденій поземельнаго кредита съ 1806—1850 г. на берлинской биржѣ, и притомъ съ означеніемъ высшаго и низшаго курса въ-теченіе каждаго года. Упомянемъ прежде о замѣчательномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ, что положеніе прусскихъ учрежденій поземельнаго кредита находилось постоянно въ самомъ завидномъ состояніи: земскія общества постоянно старались понижать процентъ, платимый ими по закладнымъ листамъ; первоначально процентъ этотъ доходилъ до 5 и даже до 6, въ 1776 году онъ убавленъ до $4^2/_3$, въ 1778 до 4, наконецъ въ 1836—1837 годахъ окончательно пониженъ до $3^1/_2$ проц., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до $3^1/_3$. Уже одна возможность такого безпрепятственнаго пониженія банками процента, платимаго имъ по закладнымъ листамъ, можетъ служить лучшимъ ручательствомъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что банки, а, слѣдовательно, и выпускаемыя ими бумаги пользовались всеобщимъ довѣріемъ. Но въ этомъ еще болѣе убѣдитъ насъ разсмотрѣніе самаго курса закладныхъ листовъ. Цифры, которыя представимъ, обозначаютъ каждый годъ наивысшую и наинизшую офиціальную цѣнность на берлинской биржѣ закладныхъ листовъ трехъ земскихъ обществъ Пруссіи: шлезвигскаго, померанскаго и Восточной Пруссіи. Цѣнность эта выражена въ талерахъ и приняты въ разсчетъ закладные листы въ 100 талеровъ.

| | Годы. | Шлезвигское. | Померанское. | Вост. Пруссіи. |
|---|---|---|---|---|
| I. Періодъ. | 1807 | $85^1/_2$— 80 | $94^1/_2$— $87^1/_2$ | 91 — 82 |
| | 1812 | $70^1/_2$— 58 | 82 — $64^1/_2$ | $46^1/_2$— $33^1/_2$ |
| | 1815 | $98^1/_2$— $81^1/_2$ | 102 — $93^1/_2$ | 91 — $69^1/_4$ |
| II. Періодъ. | 1816 | $104^1/_2$— 99 | $105^3/_4$—$101^1/_2$ | $87^1/_2$— $84^1/_2$ |
| | 1825 | $105^1/_2$—$102^1/_2$ | $101^3/_4$—$100^3/_4$ | $92^3/_4$— $86^1/_4$ |
| | 1830 | 107 —$100^1/_2$ | $106^1/_4$—$102^3/_4$ | $102^1/_8$— $92^1/_2$ |
| | 1838 | 107 —$102^1/_4$ | $101^1/_4$— $99^7/_8$ | $102^1/_3$—$100^1/_4$ |
| III. Періодъ. | 1839 | $103^1/_4$—$101^5/_4$ | $103^1/_2$—$101^1/_4$ | $103^1/_8$—$160^1/_2$ |
| | 1844 | 101 — $98^1/_4$ | $101^1/_4$— $99^1/_2$ | 104 — $99^5/_8$ |
| | 1848 | $96^1/_4$— 83 | 93 — $82^1/_4$ | 96 — $81^5/_4$ |

Digitized by Google

Замѣтимъ при этомъ, что, начиная съ 1807—1815, въ первый періодъ нѣкоторый упадокъ курса объясняется памятною для Пруссіи эпохою военныхъ бѣдствій. Что жь касается другихъ періодовъ, то ни голодные сороковые годы, ни даже страшный для Западной Европы кризисъ 1848 года не въ силахъ были значительно поколебать цѣнность закладныхъ листовъ, и въ 1850 году курсъ ихъ былъ слѣдующій: шлезвигскаго общества—$95^1/_4$, померанскаго — $95^3/_4$, Восточной Пруссіи—$93^1/_4$.

Изъ этихъ таблицъ видно, что впродолженіе почти $^1/_2$ столѣтія курсъ закладныхъ листовъ постоянно находился въ благопріятномъ положеніи и въ послѣдніе два періода онъ никогда не упадалъ ниже 84.

Впрочемъ, курсъ закладныхъ листовъ, отдѣльно взятый, какъ бы онъ ни былъ высокъ, не составляетъ еще полнаго, положительнаго доказательства ихъ состоятельности и довѣрія къ нимъ. Чтобъ имѣть совершенное понятіе о ихъ цѣнности и о томъ довѣріи, которое они возбуждали къ себѣ въ обществѣ, должно сравнить курсъ ихъ съ курсомъ той изъ кредитныхъ бумагъ, которая, по огромности обращенной на нее въ каждомъ государствѣ капитала и по особому свойству чувствительности ко всѣмъ политическимъ впечатлѣніямъ, принята вообще за лучшее и употребительнѣйшее мѣрило цѣнности капиталовъ въ каждомъ обществѣ. Мы разумѣемъ государственныя долговыя обязательства. Имѣя свѣдѣнія о прусскихъ 4% и $3^1/_2$ процентныхъ облигаціяхъ съ 1836—1853, сравнимъ курсъ ихъ съ курсомъ, напримѣръ, шлезвигскихъ листовъ, по годамъ:

| | закл. листы. | | облигаціи. |
|---|---|---|---|
| 1838 | — 107 | 4% | — $102^1/_3$ |
| 1839 | — $103^1/_3$ | — | $102^1/_3$ |
| 1844 | — 101 | $3^1/_2$% | — $102^5/_{12}$ |
| 1848 | — $96^1/_4$ | — | 92 |
| 1850 | — $95^1/_4$ | — | 88 |

Изъ этихъ данныхъ видно, что закладные листы никогда почти не падали ниже курса государственныхъ облигацій и почти всегда держались на биржѣ выше ихъ. Для большаго еще убѣжденія сравнимъ курсъ закладныхъ листовъ, напримѣръ, съ биржевыми курсами французскихъ трехпроцентныхъ рентъ. Возьмемъ тѣ же годы и померанское общество.

| | закл. листы. | трехпроц. ренты. |
|---|---|---|
| 1838 | — $101^1/_4$ | 80 ф. 61 сант. |
| 1844 | — $103^1/_2$ | 82 — 70 — |
| 1858 | — $96^1/_4$ | 49 — 80 — |
| 1850 | — $95^3/_4$ | 56 — 67 — |

Digitized by Google

Таковы данныя, которыя краснорѣчивѣе всѣхъ разсужденій доказываютъ твердость поземельнаго кредита и закладныхъ листовъ Пруссіи.

Такимъ же точно общественнымъ довѣріемъ пользуются и другія поземельныя кредитныя учрежденія; но, къ-сожалѣнію, мы имѣемъ крайне-скудныя указанія на курсы закладныхъ листовъ. Напримѣръ, курсъ $4^1/_2$ проц. закладныхъ листовъ галиційскаго земскаго общества былъ

въ 1843 — $97^1/_{82}$
— 1848 — 102
— 1849 — $102^1/_2$

послѣ того они, вслѣдствіе венгерской войны, понизились и были

въ 1850 — $94^1/_2$
— 1852 — 82
— 1853 — 91
— 1854 — $89^4/_{16}$;

для правильности оцѣнки, сравнявъ и эти листы съ австрійскими 5% облигаціями, увидимъ, что закладные листы держались выше облигацій. Послѣднія имѣли слѣдующій курсъ съ 1849 г.

въ 1850 — 84
— 1852 — 76
— 1853 — $83^1/_4$

Наконецъ должно привести въ примѣръ земское кредитное общество Царства Польскаго, курсъ закладныхъ листовъ котораго, послѣ первоначальнаго ихъ выпуска, около трехъ лѣтъ колебался между 90 и 75, пока, въ 1830 году, не достигъ почти нарицательной цѣнности; съ-тѣхъ-поръ только смуты 1830 и 1831 годовъ могли поколебать курсъ ихъ, но въ скоромъ времени онъ снова поднялся и въ 1855 году стоялъ выше пари.

Въ заключеніе, присоединимъ мнѣнія извѣстныхъ писателей о земскихъ кредитныхъ обществахъ Жоссо и Ройе, которые единодушно признаютъ за закладными листами нѣкоторое особое свойство устойчивости среди самыхъ тяжкихъ испытаній общества.

Послѣ всего сказаннаго, кажется, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что если во многихъ европейскихъ государствахъ поземельный кредитъ лежитъ на такихъ прочныхъ основахъ и выраженіе его твердости—курсъ закладныхъ листовъ такъ высокъ, то можно также, по всей справедливости, ожидать и въ Россіи, при учрежденіи земскихъ банковъ и выпускѣ закладныхъ листовъ, что курсъ ихъ не можетъ упасть значительно. Конечно, трудно впередъ предсказать что-либо положительное, относительно финансовыхъ дѣлъ, столь чувствительныхъ къ малѣйшимъ вліяніямъ, по-крайней-мѣрѣ, если позволено, для назиданія приводить

Digitized by Google

примѣры чуждыхъ государствъ и, по сравненіи съ ними заключать приблизительно о будущемъ положеніи русскихъ земскихъ обществъ (если таковыя возникнутъ) то, по нашему мнѣнію, нельзя сомнѣваться въ ихъ блестящей будущности.

Упомянемъ, въ заключеніе нашего обзора финансоваго проекта, о другомъ возраженіи, направленномъ на второе основное его положеніе. Намѣреніе авторовъ проекта состоитъ не только въ томъ, чтобъ возстановить первоначальный капиталъ, но и удвоить его. 10 тысячъ руб. сер., по 5 проц. и 1 проц. погашенія, какъ видно изъ разсчета, приложенаго къ проекту, составятъ чрезъ 50 лѣтъ 20,934 р. Такъ-какъ этотъ капиталъ не можетъ возстановиться самъ-собою, какія бы ни были употребляемы для этого финансовыя комбинаціи, то необходимо, чтобъ кто-нибудь уплатилъ этотъ второй капиталъ; очевидно, что плательщиками его будутъ крестьяне, которые посредствомъ продолженія взноса увеличатъ капиталъ до показанныхъ размѣровъ. Но извѣстно, что, для полнаго погашенія капитала, считая по 5 проц. интереса и 1 проц. погашенія, достаточно 35 лѣтъ, и, слѣдовательно, чрезъ эти 35 лѣтъ крестьяне могутъ совершенно освободиться отъ обязательствъ своихъ относительно собственника. Зачѣмъ же, или, лучше сказать, по какому праву, заставлять ихъ продолжать уплату еще 15 лѣтъ, по 600 р. с. на капиталъ въ 10 тысячъ р. с. Могутъ возразить на это, что условія будутъ совершенно-свободныя, слѣдовательно общины, которыя не захотятъ подчиниться этимъ условіямъ, могутъ не принять ихъ. Но съ какою цѣлью предписывать имъ столь-тягостныя условія? Нельзя сомнѣваться, что необходимость заставитъ ихъ принять эти условія, ибо они не будутъ имѣть другаго исхода; но развѣ въ то же время не будетъ несправедливо злоупотреблять ихъ стѣснительнымъ положеніемъ? Можно сказать, кромѣ-того, что, такъ-какъ необходимо будетъ покрывать чѣмъ-нибудь частныя недоимки, то для этого надо имѣть средства; совершенно-справедливо, но въ такомъ случаѣ 3 года, или 5 лѣтъ достаточны для ихъ покрытія. При всемъ томъ, принявъ идею составленія капитала для пособія земледѣлію за вполнѣ-здравую и полезную, мы должны согласиться, что образованіе капиталовъ (для чего въ столь-значительной степени увеличенъ срокъ платежей) будетъ весьма-важно. Какимъ же образомъ, сохраняя интересы общинъ, помочь дѣлу? Нѣсколько разъ упоминаемый нами корреспондентъ предлагаетъ слѣдующее простое средство: «1 проц. погашенія на 10 тысячъ капитала» говоритъ онъ, «даетъ чрезъ 50 лѣтъ—20,934 р. за 50 лѣтъ проценты на четверть капитала, то-есть 125 р., дадутъ въ этотъ срокъ 6250 р., итого, слѣдовательно, 27,184 р. Когда на-



Digitized by Google

станетъ время ликвидаціи, 10 тысячъ будутъ уплачены и останется 17,184 р. Изъ этого капитала другія 10 тысячъ могутъ быть уплачены такимъ образомъ: 5 тысячъ, какъ чистый доходъ, собственникамъ, и другія 5 тысячъ, какъ чистый доходъ, общинамъ; остатокъ 7184 останется въ поземельномъ банкѣ, для ссудъ на пользу земледѣлія. 7,184 руб. съ 10 тысячъ дадутъ съ мильярда 718,000,000—сумма эта, конечно, достаточна для пособія земледѣлію».

Таковъ проектъ Гомберга и Френкеля. Мы старались повозможности изложить его въ главныхъ положеніяхъ, съ необходимыми примѣчаніями и объясненіями. Не произнося окончательнаго приговора надъ его достоинствомъ, мы позволяемъ себѣ, въ заключеніе, повторить, что основныя идеи его показались намъ чрезвычайно-счастливыми и заслуживающими полнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что въ означенномъ проектѣ впервые разсмотрѣны способы улучшенія быта крѣпостнаго состоянія въ весьма-важномъ финансовомъ отношеніи. Повторимъ, что, по нашему мнѣнію, дѣло эманципаціи едва-ли можетъ совершиться безъ пособія кредита, и по этой причинѣ всякій дѣльный и серьёзный планъ правильной и выгодной его организаціи имѣетъ полное право на всеобщее вниманіе.

Д. М.

Digitized by Google

# О НѢКОТОРЫХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРАХЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЙ.

*Статья первая.*

---

Изложенію совѣщаній нѣкоторыхъ земскихъ соборовъ, созванныхъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ, естественно предпослать указаніе на другія собранія сословій русскаго гражданскаго общества, древнѣйшія по происхожденію и связанныя съ ними если не внѣшнимъ образомъ, то по понятію.

Задолго до пришествія варяго-руссовъ, въ періодъ племенно-родоваго быта, многія колѣна восточныхъ словенъ, подобно ихъ южнымъ и западнымъ собратьямъ, имѣли обычай созывать на вѣчахъ родовыхъ старшинъ, въ качествѣ представителей отъ общинъ, отъ городовъ и пригородовъ. «Новгородцы изначала (гласитъ лѣтопись) и смольняне, и кіевляне, и полочане и всѣ власти, какъ на думу на вѣча сходятся и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ» (1). Родоначальники нашихъ государей, первые русскіе князья, надо полагать, обязаны своимъ призваніемъ такого рода племенному вѣчу, на которомъ могли рѣшить «сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бо володѣлъ нами и судилъ по праву» (2).

Со времени утвержденія на Руси князей Рюриковичей и принятія христіанства по греческому закону, являются разнообразныя сословныя собранія.

На однихъ изъ нихъ то или другое сословіе сходилось особо, независимо отъ другихъ. Бывали княжескіе съѣзды. Такъ въ 1097 году:

---

(1) Хотя это лѣтописное свидѣтельство изъ позднѣйшаго времени, но слово «изначала» указываетъ на первобытный общинный обычай.

(2) «Полн. Собр. р. л.», т. I, стр. 8.

Digitized by Google

«придоша Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ Святославичъ и братъ его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира и глаголаша къ себѣ, рекуще: «Почто губимъ руськую землю, сами на ся котору дѣюще? а половци землю нашю несутъ розно, и ради суть оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ имемъ ся въ едино серце и блюдемъ рускыѣ земли кождо да держить отчину свою... И на томъ цѣловаша крестъ, да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будимъ вси и крестъ честный и вся земля руськая, и цѣловавшеся поидоша всвояси...» (3) Въ другой разъ, въ 1111 году: «посланіи... пріидоша къ Володимеру и повѣдаша всю рѣчь Святополчю; и пріиде Володимеръ, и срѣтостася на Долобьскѣ, и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. И бывшу молчанью, и рѣче Володимеръ: «брате! ты еси старѣй; почни глаголати, како быхомъ промыслили о руськой земли». И рѣче Святополкъ: «брате! ты почни». И рече Володимеръ: «како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердомъ? но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коній, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и пріѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его и дѣти его, и гумно его зажжеть; то о семъ чему не мыслите?» И рекоша вся дружина: «право воистину тако есть». И рече Святополкъ: «се язъ, брате, готовъ есмь съ тобою», и посласта къ Давыдови Святославичю, велячи ему съ собою. И въставъ Володимеръ и Святополкъ, и цѣловастася, и поидоста на Половцѣ...» (4)

Хотя древніе русскіе князья и возвышались надъ людьми служилыми, были первыми между неравными, однакожь, постоянно совѣщались съ своею дружиною, своими боярами. Такъ въ 944 году: «Игорь, дошедъ Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина игорева: «да аще сице глаголеть царь, то что хочемъ болѣ того, не бывшеся имати злато и сребро, и паволоки? егда кто вѣсть, кто одолѣсть, мы ли, онѣ ли? ли съ моремъ кто свѣтенъ? се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ. Послуша ихъ Игорь...» (5) Сынъ Игоря, знаменитый храбростью Святославъ, дорожилъ мнѣніемъ дружины. «Яко же бо Ольга часто глаголашеть: азъ, сыну мой, Бога познахъ и радуюся; аще ты познаеши и радоватися почнешь». Онъ же не внимаше того, глаголя: «како азъ

(3) Тамъ же, стр. 109.
(4) «Полн. Собр. р. л.» т. II, стр. 1.
(5) Тамъ же, т. I, стр. 19.

Digitized by Google

хочю инъ законъ пріяти единъ? а дружина сему смѣятися начнуть...» (6) Владиміръ-Святой думалъ съ дружиною о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ. Въ періодъ княжескихъ усобицъ и войнъ съ половцами, люди служилые постоянно выступаютъ думцами княжескими. Такъ въ 1093 году, по извѣстію лѣтописи... «ступиша половци воюючи, Святополкъ же нача сбирати воѣ хотя на нѣ. И реша ему мужи смысленіи: «не кушайся противу имъ, яко мало имаши вои». Онъ же рече: «имѣю отрокъ своихъ 800, иже могуть противу имъ стати». Начаша же друзіи несмысленіи глаголати: «поиде, княже»; смысленіи же глаголаху: «аще бы пристроилъ и 8 тысячь, не лихо то есть, наша земля оскудѣла есть отъ рати и отъ продажь; но послися къ брату своему Володимеру, дабы ти помоглъ. Святополкъ же послушавъ ихъ, посла къ Володимеру...» (7) Вскорѣ послѣ того «половцемъ, воюющимъ по земли и рѣша има (Владиміру и Святополку) мужи смысленіи: «почто вы распря имата межи собою? а поганіи губять землю русьскую; послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганымъ любо съ миромъ, любо ратью». Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю. Придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на съвѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. Глаголаше Володимеръ: «яко сдѣ стояче черезъ рѣку въ грозѣ сей створимъ миръ съ ними»; и пристояху совѣту сему смысленіи мужи, Янъ и прочіи. Кіяне же не всхотѣша, но рекоша: «хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки». Възлюбиша съвѣтъ ось и преидоша Стугну рѣку...» (8) Одному изъ князей XII вѣка (Владиміру Мстиславичу, преступившему крестное цалованіе) дружина его говоритъ: «о собѣ еси княже замыслилъ, а не ѣдемъ по тебѣ, мы того не вѣдали!» (9) Подобныя явленія повторялись непрерывно въ пору раздѣленія Руси на волости между князьями по родовому праву старѣйшинства. Въ періодъ монгольскаго ига и возвышенія Москвы князья постарому думали думу съ боярами. Напримѣръ о Димитріи Шемякѣ лѣтопись, между-прочимъ, повѣствуетъ: «Князже Дмитреи обдумавъ з бояры своими рече: братіе, что томити мне... госпожу свою великую княгиню, а самъ бегаю, а люди надобе себе а уже истомлены, еще бы и сее стеречи, лутче отпустимъ ея; и тако здумавше отпустиша ея

(6) Тамъ же, стр. 27.
(7) «Полн. Собр. р. л.», т. I, стр. 93.
(8) Тамъ же, стр. 94.
(9) Тамъ же, т. II, стр. 97.

Digitized by Google

изъ Карiополя...» ([10]) Со временъ Ивана III, государи московскiе стремились отстранить совѣтъ боярскiй, влiянiе думы, на что горько жаловались современники. Бояринъ Берсень говоритъ про Ивана III: «а нынѣ деи государь нашъ запершыся самъ третей у постели (указывая на супругу Ивана, Софью Палеологъ), всякiя дѣла дѣлаетъ!» ([11]) Подобныя же жалобы знаменитаго выходца, князя Курбскаго, очень хорошо извѣстны. Въ смутныя времена самозванщины и междуцарствiя дума боярская должна была часто совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ. Сверхъ-того, не надо забывать, что Шуйскiй былъ посаженъ на царство съ записью. При первыхъ Романовыхъ, боярская дума имѣла важное совѣщательное значенiе. Русскiй выходецъ второй половины XVII вѣка, нашедшiй прiютъ въ Швецiи, нѣкогда подъячiй посольскаго приказа, Котошихинъ, оставилъ намъ описанiе засѣданiй боярской думы въ его время. «И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людми въ думѣ о иноземскихъ и о своихъ государственныхъ дѣлѣхъ, и въ то время бояре и околничiе и думные дворяне садятся по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и преже въ чину, околничiе подъ боярами противъ того же, подъ околничими думные дворяне потомужъ, по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ времянемъ царь велитъ имъ сидѣть; и о чемъ лучится мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди помысля къ тому дѣлу дали способъ: и кто изъ тѣхъ бояръ поболши и разумнѣе, или кто и изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре брады свои уставя ничего не отвѣщаютъ, потому-что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и иноте изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ болшихъ и изъ меншихъ статей бояръ. А на чемъ которое дѣло быти приговорятъ приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить, и тотъ приговоръ записать. А лучится писати о чемъ грамоты во окрестные государства, и тѣ грамоты прикажутъ готовить посолскому думному дьяку, а думной дьякъ приказываетъ подьячему, а самъ не готовитъ, толко чернитъ и прибавливаетъ что надобно и не надобно. А какъ изготовятъ и тѣхъ грамотъ слушаютъ напередъ бояре, и потомъ они жъ бояре слушаютъ въ дру-

([10]) Ник. Л., т. V, стр. 214.
([11]) «Акты Арх. Эксп.», I, № 172.

Digitized by Google

горядь съ царемъ всѣ вмѣстѣ, также и иные дѣла написавъ взнесутъ слушать всѣмъ же боярамъ, и слушавъ бояре учнутъ слушать въ другорядь съ царемъ же. А на всякихъ дѣлахъ закрѣпляютъ и помѣчаютъ думные дьяки, а царь и бояре ни къ какимъ дѣламъ, кромѣ того, что послы прикладываютъ руки къ договорнымъ записямъ, руки своей не прикладываютъ, для того устроены они думные дьяки, а къ меншимъ ко всякимъ дѣламъ прикладываютъ руки простые дьяки, и приписываютъ подьячіе свои имена» (12).

Петръ I, окончательно утвердившій въ Россіи самодержавіе, переобразовалъ боярскую думу въ сенатъ. По смерти Петра I, государственныя права сената временно перешли на верховный совѣтъ, пока ему опять не были возвращены императрицею Анною Ивановною, сначала—было избранною, подобно Шуйскому, съ боярскою записью. Только при Александрѣ I значеніе сената перешло на государственный совѣтъ. Какъ прежнія думы, такъ и вѣдомства, ихъ замѣнившія въ XVIII и XIX вѣкахъ, были не аристократическими, но служилыми, бюрократическими учрежденіями, имѣвшими въ древней Руси (отъ 852—1462) значительную самостоятельность.

Рядомъ съ княжескими съѣздами и думами дружинныхъ, служилыхъ людей, бояръ, существовали въ древнемъ русскомъ гражданскомъ обществѣ собранія общиннаго сословія, такъ-называемыя вѣча. Они были двоякаго рода: вопервыхъ, вѣча самостоятельныя, созываемыя самими людинами для рѣшенія общественныхъ дѣлъ или для противодѣйствія, по мнѣнію большинства, беззаконію; вовторыхъ, существовали вѣча совѣщательныя, созываемыя государями. Вѣча самостоятельныя развились въ полномъ блескѣ въ Новгородѣ; вѣча совѣщательныя по преимуществу встрѣчаются въ другихъ русскихъ княжествахъ.

Мы выше сказали, что, до прихода варяго-руссовъ, общинники городовъ и пригородовъ и разныхъ колѣнъ словенскихъ собирались на народную думу, на вѣча, на которыхъ рѣшеніе старѣйшихъ принималось и пригородами: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ». На вѣчахъ древнѣйшаго времени сходились старѣйшины родовъ: такъ продолжалось до раздѣленія русской земли на волости между князьями-Рюриковичами по праву родоваго старѣйшинства.

Древнее новгородское вѣче, на которомъ было рѣшено призвать князей варяго-русскихъ—живой примѣръ вѣча самостоятельнаго. Вѣче новгородское 1015 года было созвано княземъ. «Се слышавъ печаленъ бысть о отци и о дружинѣ; заутра же собравъ избытокъ новгородецъ,

(12) «Кош. о Россіи» стр. 19.

Digitized by Google

Ярославъ рече: «о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ». И утре слезъ, и рече имъ на вѣчи: «Отець мой умерлъ, а Святополкъ сѣдить Кыевѣ, избивая братью свою». И рѣша новгородци: «аще, княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти. «И събра Ярославъ Варягъ тысячю, а прочихъ вой 40, и поиде на Святополка...» (13).

Въ ту же пору основанія коренныхъ стихій русскаго гражданскаго общества встрѣчаемъ самостоятельное вѣче въ Бѣлгородѣ по случаю трудной печенѣжской осады... «И бѣ гладъ великъ (въ Бѣлгородѣ), и створиша вѣче въ городѣ, и рѣша: «Се уже хочемъ померети отъ глада, а отъ князя помочи нѣту; да луче ли ны померети? вдаимыся печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираемъ отъ глада, «и тако свѣтъ створиша» (14). По смерти Владиміра св. «Святополкъ сѣде Кыевѣ по отци своемъ и съзва кыяны, и нача даяти имъ имѣнье; они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ» (15).

Въ періодъ разновластія въ русскомъ гражданскомъ обществѣ, когда, вслѣдствіе княжескихъ которъ, общественныя силы были возбуждены, звонъ вѣчевыхъ колоколовъ раздается не въ одной новгородской землѣ. На этихъ вѣчахъ собираются не одни старцы, градскіе и людскіе, но граждане, иногда всѣ отъ мала до велика.

Въ Новгородѣ на вѣчахъ самостоятельныхъ избираютъ сановниковъ, князей. Такъ въ 1180 году, по опредѣленію вѣча «приведоша Володимира въ Новъгородъ, и посадиша и на столѣ въ 17 августа» (16). Въ томъ же году «отяша посадницьство у Завида, и въдаша Михалеви Степаницю» (17). Вѣча на князей повторяются въ Новгородѣ непрестанно. Въ 1136 году «Новгородьци призваша Пльсковичѣ и Ладожаны (изъ пригородовъ), и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода» (18). Въ 1154 году «изгнаша новгородьци князя Ярослава въ 26 марта, и въведоша Ростислава, сына Мьстиславля, априля въ 17» (19). Въ 1175 году «выведоша изъ Новагорода князя Гюргя Андреевиця (20). Въ 1187 году «выгнаша новгородьци князя Мьстислава Давыдовиця, и послаша къ Всеволоду Володимерю по Ярослава по Володимириця; и вниде въ

(13) «Полн. Собр. р. л.» т. I, стр. 61.
(14) Тамъ же, стр. 55.
(15) Тамъ же, стр. 57.
(16) «Полн. собр. р. л.», т. III, стр. 17.
(17) Тамъ же.
(18) «Полн. собр. р. л.» т. III, стр. 7.
(19) Тамъ же, стр. 11.
(20) Тамъ же, стр. 16.

Digitized by Google

Новъгородъ и сѣде на столѣ мѣсяця ноября въ 20» ([21]). По прежнему князья созываютъ вѣча въ Новгородѣ. Такъ, напримѣръ, великій князь Изяславъ Мстиславичъ въ 1148 году созывалъ вѣче, на которомъ, кромѣ новгородцевъ, были и псковичи.

Не въ одномъ Новгородѣ, но и въ другихъ княжествахъ видимъ вѣча. Въ 1067 году, повѣствуетъ лѣтопись: «придоша иноплеменници на русьску землю, половьци мнози, Изяславъ же и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя, и побѣгоша русьскыи князи, и побѣдиша половци... Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша пославшеся ко князю: «се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними». Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Косьнячька; идоша на гору, съ вѣча, и придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его сташа у двора Брячиславля и рѣша: «поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба». И раздѣлишася надвое: половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояше долѣ, князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ Изяславу: «видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдуть». И се ему глаголющю, другая половина людій приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рѣкоша дружина князю: «се зло есть; посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день сентября, и поставиша и средѣ двора княжа; дворъ же княжь разграбиша» безчисленое множество злата и серебра, кунами и бѣлью ([22]). Въ 1068 году опять въ Кіевѣ вѣче среди другихъ обстоятельствъ. «Поиде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ бѣжа изъ Бѣлагорода Полотьску. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Кыеву и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: «мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны лядьскую землю; а пойдета въ градъ отца

([21]) Тамъ же, стр. 19.
([22]) Тамъ же, т. I, стр. 73 и 74.

Digitized by Google

своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ гречьску землю» ([23]). Подъ годомъ 1147 въ лѣтописи есть указаніе на вѣче, созванное кіевскимъ княземъ: «И сгадавше князи черниговьскіи, послаша къ Изяславу, веляче ему пойти, рекуче: «земля наша погибаеть, а ты не хощеши пойти». Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, кіяне, и рече имъ: «Се есмь съ братьею своею сгадалъ, съ Володимеромъ и съ Изяславомъ Давыдовичемъ и съ Всеволодичемъ Святославомъ, хочемъ пойти на Гюрги, на стрыя своего и на Святослава, къ Суждалю, зане же пріялъ ворога моего Святослава Олговича; а братъ Ростиславъ тамо ся съ нами сошеть, ать идеть ко мнѣ съ смолняны и съ новгородци». Кіяне же слышавше рекоша: «Княже! не ходи съ Ростиславомъ на стрыя своего (дядю Юрія суздальскаго), Лѣплѣ ся съ нами улади, Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Изяславъ же рече имъ: «цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу есми съ ними думалъ, а всяко сего пути не хочю отложити; а вы доспѣвайте...» Кіяне же рекоша: «Княже! ты ся насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимере племя рукы възняти; олия о же Олговичь хотя и съ дѣтми». Изяславъ же рече имъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдеть»; и то рекъ, съвъкупи множество вои и пойде» ([24]). Граждане сходятся на вѣча́ и въ другихъ городахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1175 году: «Увѣдѣвше... смерть княжю (Андрея Боголюбскаго), ростовци и суждалци и переяславци... отъ мала до велика съѣхашася къ Володимерю, и рѣша: «се ся уже таке створило, князь нашь убьенъ, а дѣтей у него нѣту, сынокъ его въ Новѣгородѣ, а братья его въ Руси, по кого хочемъ послати въ своихъ князехъ? намъ суть князи муромьскыѣ и рязаньскыи близь въ сусѣдехъ, боимся льсти ихъ, еда поидуть изъневада ратью на насъ, князю не сущю у насъ; пошлемъ къ Глѣбу, рекуще: князя нашего Богъ поялъ, а хочемъ Ростиславичю Мстислава и Ярополка» ([25]).

Какъ единство княжескихъ отношеній выражалось въ съѣздахъ князей, значеніе служилаго сословія — въ дружественныхъ думахъ, самостоятельность общинъ—въ вѣчахъ (отголоски которыхъ слышны еще въ московскомъ періодѣ), такъ самостоятельность интересовъ духовенства выражывалась въ церковныхъ соборахъ. Церковные соборы созываются либо по случаю каноническихъ, либо догматическихъ вопросовъ чрезъ всѣ эпохи русской исторіи до новаго времени.

---

([23]) Тамъ же, стр. 74.
([24]) Тамъ же, т, II, стр. 31.
([25]) Тамъ же, т. I, стр. 158.

Digitized by Google

Всѣ общественныя собранія, о которыхъ мы упомянули, происходили по сословіямъ; но были еще и такія, на которыхъ сходились представители всѣхъ сословій. Первый соборъ такого рода былъ созванъ просвѣтителемъ Россіи, Владиміромъ, для рѣшенія вопроса о принятіи вѣры. «Созва Володимеръ (повѣствуетъ Несторъ) боляры своя и старци градьскіѣ и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: пріими законъ нашь; посемъ же приходиша нѣмци и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша жидови, се же послѣ же придоша грьци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша сказающе отъ начала міру, о бытьи всего міра; суть же хитро сказающе, и чюдно слышати ихъ, любо комуждо слушати ихъ и другій свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, въ нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, станетъ и не умрети ему въ вѣки; аще ли въ инъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ въ огнѣ горѣти. Да что ума придасте? Что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хочеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу и како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ» ([26]). Что такіе обычаи были въ древней Руси въ обыкновеніи, доказывается изъ лѣтописи. Подъ годомъ 1096 читаемъ: «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сица: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй земли, предъ епископы и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ». Олегъ же въспріимъ смыслъ буй и словеса величава, рече сице: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ»; и не въсхотѣ ити къ братома своима, послушавъ злыхъ съвѣтникъ. Святополкъ же и Володимеръ рекоста къ нему: «да се ты ни на поганыя идеши, ни на совѣтъ къ нама, то ты мыслиши на наю и поганымъ помогати хочеши; а Богъ промежи нами будеть» ([27]). Древнія русскія собранія выборныхъ всѣхъ сословій по своему понятію совершенно—соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ земскимъ соборамъ.

Со времени раздѣленія Руси, подъ игомъ монгольскимъ, на двѣ половины, возникло на западѣ Литовско-русское Княжество. Его свѣтскія сословія подъ польскимъ вліяніемъ постепенно переобразовались: бояре сдѣлались панами, младшіе служилые люди—шляхтой хоругвенной; города получили магдебургское право; основалась отдѣльная церковная митрополія; родилась мысль объ уніи. Представители сословій поста-

([26]) Тамъ же, стр. 45 и 46.
([27]) Тамъ же, стр. 98.

Digitized by Google

рому сходились въ особенныхъ собраніяхъ, радахъ, сеймахъ, получившихъ, съ ослабленіемъ власти королевской, аристократическій характеръ. На сеймовыхъ съѣздахъ (Parlamenta), до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, палата сенаторовъ (izba senatorska) была первенствующею, палата же шляхетныхъ депутатовъ (izba poselska) имѣла только голосъ совѣщательный. Со времени же соединенія обѣихъ державъ литовская шляхта уравнялась въ своихъ государственныхъ правахъ съ шляхетствомъ польскимъ и получила вліяніе на политическія дѣла. Въ литовско-русскомъ княжествѣ государственнымъ сеймамъ обыкновенно предшествовали провинціальные сеймы или сеймики (przedsejmowy sejmiki) ([28]).

Стремленіе римско-католическаго духовенства и аристократическаго польскаго правительства ввести унію въ Западной Руси вызвало противодѣйствіе всѣхъ сословій въ южной ея части, Малороссіи, особенно ея войска, казаковъ, сѣчевыхъ и реестровыхъ. Отсюда рядъ войнъ съ польскимъ шляхетствомъ, долженствовавшій повести Малороссію къ кратковременной политической самостоятельности (при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ), за которой слѣдовало свободное присоединеніе къ Русскому Государству. Въ Малороссіи, силившейся завоевать себѣ право политической самобытности казацкимъ оружіемъ, общественныя собранія созывались часто, какъ въ Запорожьѣ, такъ и въ самой странѣ. Въ лѣтописяхъ малороссійскихъ описываются многія рады, особенно по случаю избранія гетмановъ. Вотъ какимъ образомъ былъ поставленъ на Запорожьѣ въ гетманы знаменитый Богданъ Хмельницкій. «Егда же разсвѣнуло, и слонце огнезрачніи и яснoблистательніи свои по всей поднебесной разліяло лучи, тогда заразъ войска казацкаго коннаго до сѣчи значная собралася квота, поневажъ всего того конного и пѣшого войска Низового Запорожскаго на тридцить тисячъ зъ лишкомъ на тотъ часъ исчи-

([28]) Za jego to (Kazimiérza Jagiellończyka), panowania weszly w Litwie w użycie tak zwane Parlamenta (wyraz już uzyty na ziezdzie w Horodle) czyli ziazdy prowincjonalne, wtedy zwolywane przez wojewodów... Na takie to ziazdy wzywano niekiedy i szlachtę. Tym więc sposobem zaczęly się tworzyć isby dwie wzorem polskim: Senatorska i Poselska, choć do zupełnéj ich formy, wiele jeszcze brakowalo. Poselska bowiem w niedostatku stałych praw o wyborse Reprezentatów, wten czas się tylko sbierała i to pod wplyvem panów, kiedy ją do obrad wezwano... W takim starci przetrwaly preczy aż do Zygmunta Augusta... Po długiéj i upornéj walce z panami, otrzymala wreszcie szlachta litewska swych Representantów w Poslach ziemskich i zaczęla mieć wspolnie z Senatem udział w pravodawczei władzy. Jaroszewicz. Obraz Litwy. Wilno, 1844, стр. 58, 59, 60. Narbutt, VIII, p. 255, 256, IX, 378. 379; Czacki I, p, 279, 281.

Digitized by Google

слялося. А кгди вдарено въ котли на раду и усмотрѣно же для такъ великой лѣчби войска тѣсненъ былъ майданъ сѣчовій, того дѣла мусѣлъ атаманъ Кошовій зъ Хмелницкимъ и зо всѣмъ войскомъ війти зъ фортеци сѣчовой на майданъ пространнѣйшій; где кгди всему войску обявлено и виразне сказано начинаемое военное противъ поляковъ дѣло, за обиди и тяжести казацкіи и всея Малія Россіи, отъ поляковъ твориміи, и кгди при томъ ознаймлено, же ханъ кримскій къ войску запорожскому есть прихиленъ и любовенъ и не тилько отпустилъ зъ Хмелницкимъ Тугай-бея знатного мурзу зъ чтирма тисячами Орди Кримскій, але и самъ со всѣми ордами (если того укажетъ потреба) готовъ будетъ прибути къ войскамъ казацкимъ въ помочь на поляковъ, давши въ себе мѣстце прилежному Хмелницкаго о тое прошенію, повѣривши тежъ присязѣ Хмелницкаго, и прянявши себѣ въ закладѣ Тимоша старшого сына его; тогди заразъ единими усти и единимъ сердцемъ всё войско Хмелницкаго гетманомъ своимъ назвало и постановило, априля 19; а въ замислахъ его военныхъ противъ поляковъ стояти при немъ всегда до остатной утрати живота своего обѣщалося. По якой елекціи, заразъ отъ кошового посланъ до скарбницѣ войсковой писарь Сѣгевій, зъ нѣсколкома атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взяти тамъ и принести въ раду клейноти войсковіи; тіи прето посланніи въ скарбницѣ бывши, и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до ради и вручили ихъ заразъ Хмелницкому.... По учиненю зась Хмелницкого гетманомъ, и по врученю ему предъ помененихъ клейнотовъ войсковихъ, заразъ войско поздоровивши Хмелницкого на новомъ гетманствѣ, зъ такою къ нему одозвалося охотою, ижъ всё колко его на радѣ было, готово зъ нимъ ити на войну предлежащую; лечь тое взято на далшое разсмотрѣніе, и зъ тимъ отвѣтомъ войско едно розійшлося по куреняхъ, а другое при Хмелницкомъ и кошовимъ пошло въ церковь на службу Божію, до которой тогда власне задзвонено, когда вишъ писанное войсковое дѣло въ радѣ бывшой докончилося». ([29]).

Послѣ упорной борьбы съ Польшею, видя невозможность сохранить политическую самостоятельность среди враждебныхъ сосѣдей, Богданъ Хмельницкій въ 1654 г. (повѣствуетъ лѣтопись), «удался заразъ чрезъ пословъ своихъ до пресвѣтлѣйшого Алексѣя Михайловича, великаго государя и самодержца всероссійскаго, желаючи со всею Украиною Малороссійскою, по обохъ сторонахъ рѣки Днѣпра будучою, и зо всѣмъ войскомъ запорожскимъ подъ его силною заставати протекціею, при своихъ древнихъ правахъ и волностехъ. Якое посельство отъ Хмелницкого

([29]) «Лѣт. Сам. Велички», т. I, стр. 50, 51, 52.

Digitized by Google

онъ пресвѣтлѣйшій монархъ всероссійскій вдячне и миле принявши радостенъ былъ тому, же такъ значная часть землѣ малороссійской, въ православіи грекорусскомъ зостававшой, къ нему православному монарху безъ жадной войни и кровопролитія добровольне приклоняется, а отъ своихъ прежнихъ пановъ полскихъ, въ вѣрѣ римской обрѣтающихся, отдаляется и чуждается. И для утвержденія его Хмелницкого зо всею Украйною и войскомъ запорожскимъ, подъ свою высокую руку, онъ монархъ всероссійскій прислалъ въ Переяславль до Хмелницкого своихъ знаменитихъ и полномощнихъ комисаровъ — великаго боярина Василія Васильевича Бутурлина съ товарищи значними жъ, которіе на праздникъ Крищенія Господня прибыли въ Переяславль. Яко жъ и Хмелницкій сподѣваючися ихъ прибытя, ку тому жъ Богоявленія Господня празднику прибылъ съ Чигрина въ Переяславль, такъ зъ старшиною енералною, зъ полковниками и зъ инимъ зъ обоихъ сторонъ Днѣпра бывшихъ значнѣйшимъ войсковимъ товариствомъ; где на соборъ святаго Іоана Крестителя Господня іануарія семого предъ службою Божіею зуполной и валной всего войска запорожского радѣ, мѣлъ самъ Хмелницкій такъ до пословъ его царского пресвѣтлого величества, яко и до всего войска своего казацкого долгую мову, виражающи въ ней причини войни зъ поляками бывшой, и несклонность поляковъ на многократніе его Хмелницкого прошенія зъ нимъ до згоди, съ утвержденіемъ предковѣчнихъ войска запорожского и всея Малія Росіи правъ и волностей; также виражаючи для якихъ причинъ татарское отринулъ братерство и пріязнь, и для якихъ мѣръ хощетъ, и всей Малой Росіи зъ войскомъ запорожскимъ желаетъ быти въ союзѣ и протекціи силного по Бозѣ православного монархи, пресвѣтлѣйшого государя Алексѣя Михайловича, всея Росіи самодержца. По якой Хмелницкого вимовѣ, читани тамъ же въ радѣ прежде зпораженіе и наготовленіе того союзу пакта; а по вичитаню онихъ, виконана отъ Хмелницкого зо всею старшиною и товариствомъ на вѣрность новому государевѣ своему присяга; а по виконаню оной, дана Хмелницкому отъ поменено полномочного посла боярина Бутурлина царская хороговъ и булава, и иніе значніе отъ лица монаршого такъ самому ему Хмелницкому, яко и всей старшинѣ и чернѣ тамъ бывшой дани подарунки; зъ такимъ монаршимъ подъ клятвою словомъ и упевненемъ, же держати онъ пресвѣтлѣйшій монархъ россійскій Малую Росію зо всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ своей протекціи при ненарушимомъ захованю старовѣчнихъ ея правъ и волностей мѣетъ ей отъ всякихъ непріятелей и наступствъ ихъ своими войсками и скарбами вспомогати и боронити. А по той присязѣ переяславской, отъ того жъ полномочного посла боярина Бутурлина разослана во всѣ городи мало-

Digitized by Google

россійскіе значніе персони великороссійскіе для вислуханя отъ войсковихъ и посполитихъ малоросіяновъ на вѣрность великому государевѣ присяги «якая тогда жъ отъ всѣхъ и виполнилася. При виконаню пречоной присяги наименовалъ Хмелницкій быти зъ собою сполне подъ державою и протекціею пресвѣтлѣйшого монарха всероссійского городамъ Кіеву, Брацлаву, Чернѣгову зо всею Украиною и ея повѣтами по самую линѣю, то есть по рѣки Горинь, Рось и Тетеревъ.» (30).

Изъ обозрѣнія, нами сдѣланнаго, открывается, что у всѣхъ сословій словено-русскаго племени, какъ въ отдѣльности, такъ и вмѣстѣ, были искони свои собранія, княжескіе съѣзды, служилыя думы, общинныя вѣча, церковные соборы, а въ домонгольскій періодъ собранія выборныхъ всѣхъ сословій, также рады, сеймы въ Литовско-русскомъ Княжествѣ, позже въ Малороссіи—рады казацкія и вальныя, иначе черныя, всего народа. Сверхъ того, всякому извѣстно, что въ Польшѣ съ отдаленныхъ временъ были сеймы, а въ независимой Ливоніи средневѣковое представительное феодальное и городское управленіе.

П. ПАВЛОВЪ.

Кіевъ.

---

(30) Тамъ же, стр. 171, 172, 173.

Digitized by Google

## ВЕСНА.

Други, таетъ! въ поле, въ поле!
Душитъ камень городовъ;
Жадно сердце проситъ воли,
Умъ стремится изъ оковъ.
Пусть смѣется надо мною
Современный человѣкъ,
Что я тѣшуся весною
Въ положительный нашъ вѣкъ,
Что машины, пароходы
Забываю часто я
Предъ картиною природы,
Въ обновленьи бытія.
Не мечтательность, повѣрьте,
Управляетъ въ этомъ мной;
Мнѣ противенъ образъ смерти
И холодный и тупой,
Мнѣ противно запустѣнье,
Въ чемъ бы ни было оно:
Государства ль омертвѣнье,
Иль природы — все равно.
Дубъ ли, бурей пораженный,
Человѣкъ ли отжилой,
Иль убитый, удушенный
Трупъ идеи огневой,
Видъ ли тягостный безсилья —
Въ льдину сжатая волна...
Други, смерть — всегда насилье:
Оттого она страшна.
То ли дѣло обновленье,
Бытія отрадный видъ!
Всюду жизнь, вездѣ движенье,
Все проснулось, все кипитъ.

Digitized by Google

Послѣ стужъ зимы суровой,
Благодатно и свѣтло,
Призывая къ жизни новой,
Солнце вешнее взошло.
Благотворной теплотою
Обогрѣтая страна
Встрепенулась отъ застоя,
Пробудилася отъ сна.
Почвы дремлющей оковы
Льдовъ и снѣгу верхній слой,
Свой снимая гнетъ суровый,
Плещетъ влагою живой.
Сбросивъ зимнюю дремоту,
Въ стрѣчу солнышку, народъ
Выступаетъ на работу...
Все за дѣломъ, все живетъ.
Въ этой жизни всенародной
Какъ-то мыслишь широко,
Какъ-то дышется свободно,
Какъ-то на́-сердцѣ легко...
Жаль, что въ самомъ обновленьи
Благодатною весной
Безобразныя явленья
Поражаютъ насъ порой.
Ну, не грустно ль? поглядите:
Вотъ онъ рухнулъ, снѣжный гнётъ,
Хлещутъ воды; но слѣдите
За стремленьемъ этихъ водъ:
Часть ихъ, въ почву проникая,
Благодатно съ ней слилась;
Но враждебно часть другая
Въ испареньяхъ унеслась,
И въ выси, густою мглою,
И тлетворна и темна,
Между солнцемъ и землею
Стала тучею она.
И, полна къ землѣ угрозы,
Хочетъ солнышко закрыть,
Хочетъ старые морозы
Снова вызвать, воротить.
Больно видѣть, въ день весенній,
Въ свѣтломъ небѣ голубомъ
Эти пятна, эти тѣни —
Словно трауръ по быломъ!



Digitized by Google

Хорошо, что лучъ могучій
Этой мглѣ не задержать:
Онъ промчитъ и черезъ тучи
Возрожденья благодать.
Что жь, враждебныя успѣху
Общей матери земли,
Чтó вы стали ей въ помѣху?
Что вы солнце обошли?
Тучи, тучи, вашей тьмою
Полно солнышку мѣшать,
Лучше влагой дождевою
Каньте нà землю опять!
Иль добро не ваше дѣло?...
Вамъ виднѣй вѣдь съ высоты,
Гдѣ сильнѣе захирѣло,
Гдѣ нужнѣе теплоты.
Не темните намъ лазури,
Мрака будетъ съ насъ, увы!
Не зовите, тучи, бури:
Съ бурей сгинете и вы...

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

---

Digitized by Google

# ОБЪ ОТМѢНѢ ОБЯЗАТЕЛЬНАГО ТРУДА,

## БЕЗЪ НАРУШЕНІЯ ИНТЕРЕСОВЪ ПОМѢЩИКОВЪ И БЕЗЪ ПРИНЯТІЯ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБЩИХЪ ФИНАНСОВЫХЪ МѢРЪ КЪ ВЫКУПУ ЗЕМЕЛЬ.

---

Вопросъ собственно объ уничтоженіи крѣпостнаго права въ Россіи рѣшенъ уже утвердительно; общественное мнѣніе теперь колеблется только въ предположеніяхъ насчетъ способа совершенія этого великаго преобразованія, и притомъ, смотря на этотъ вопросъ чисто съ экономической точки зрѣнія.

Высочайшій рескриптъ указываетъ намъ на необходимость выкупа крестьянами въ собственность всей усадебной ихъ осѣдлости и предоставленія имъ въ пользованіе, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, надлежащаго количества земли, за которое крестьяне или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику. Но чѣмъ и какъ будетъ обезпечена исправность взноса этого оброка или выполненія господскихъ работъ — вотъ что тревожитъ теперь помѣщика и затрудняетъ рѣшеніе всей задачи.

Мы сказали бы очень короткій отвѣтъ въ разрѣшеніе этого недоумѣнія: что, по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, было бы ни съ чѣмъ несообразно настаивать объ оставленіи прежней системы выполненія ими повинностей къ помѣщику, основанной исключительно на крѣпостномъ правѣ, то есть системы вынужденія, и что, напротивъ, трудъ свободный, или взаимное соглашеніе крестьянина съ помѣщикомъ объ отправленіи первымъ извѣстныхъ повинностей за пользованіе или выкупъ у послѣдняго усадьбы и земли, само-собою обезпечиваетъ и исправность выполненія этихъ повинностей, безъ всякихъ мѣръ понужденія или наказанія, несовмѣстныхъ съ понятіемъ свободнаго труда или добровольнаго соглашенія».

Digitized by Google

Но мы видимъ бездну возраженій противъ такого положенія, и потому постараемся разъяснить его и, повозможности, примирить главныя и болѣе заслуживающія вниманія возраженія съ убѣжденіями.

Съ чего, скажутъ намъ, вздумали вы теперь говорить о замѣнѣ обязательнаго труда свободнымъ, когда въ высочайшихъ рескриптахъ ни слова объ этомъ не сказано, а, напротивъ, крестьяне еще обязываются *платить оброкъ или отбывать работу помѣщику за отводимую въ ихъ пользованіе землю*, сверхъ выкупа усадебной осѣдлости? Новое устройство крестьянскаго сословія должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ, *а постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній*: значитъ, обязательныя повинности крестьянъ, по смыслу самаго рескрипта, должны остаться, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, до окончанія срока переходнаго состоянія.

Дѣйствительно, въ высочайшихъ рескриптахъ о свободномъ трудѣ буквально не упомянуто, не говорится также и о дарованіи крестьянамъ личной свободы. Поэтому нѣкоторые приходили къ сомнѣнію и насчетъ послѣдняго положенія, а быть-можетъ, и доселѣ остаются при этомъ сомнѣніи; но уже общественное мнѣніе достаточно выяснилось и заставляетъ молчать подобыхъ скептиковъ. Стоитъ только поглубже вникнуть въ смыслъ и значеніе словъ рескрипта, и нетрудно будетъ убѣдиться, что и понятіе свободнаго труда, неразрывно-связанное съ понятіемъ личной свободы, не только не противорѣчитъ рескрипту, но прямо обусловливается имъ. Что́ значатъ слова: *устройство и улучшеніе быта крестьянъ*, которыя должны составлять всю цѣль новыхъ постановленій?

Настоящій бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, безспорно, признанъ неудовлетворительнымъ, тяжелымъ не только для нихъ самихъ, но и для цѣлаго государства. Существенная причина этого зла, также сознанная уже если не всѣми, то большинствомъ здравомыслящихъ людей, заключается въ крѣпостной ихъ зависимости отъ власти помѣщиковъ, злоупотребленія которой не было возможности искоренить, несмотря на всѣ ограниченія и правила, въ которыхъ выражается давнишняя забота правительства объ облегченіи участи этого сословія и которыя въ общей совокупности своей представляютъ длинный рядъ возможныхъ предварительныхъ мѣръ.

Теперь настала пора для радикальнаго леченія этого недуга отмѣною крѣпостнаго права, а слѣдовательно и обязательнаго труда; послѣдній могъ существовать только при первомъ.

Въ истинѣ этого положенія должно убѣждать каждаго собственное со-

Digitized by Google

знаніе неестественности соединенія обязательныхъ барщинныхъ работъ (*) съ личною свободою крестьянъ и вытекающее отсюда само-собою опасеніе за послѣдствія, которыхъ нельзя не предвидѣть. Не будемъ вдаваться въ отвлеченныя сужденія объ этомъ предметѣ, а лучше обратимся къ опыту и исторіи.

При какихъ условіяхъ и мѣрахъ крестьянинъ выполняетъ у насъ барщину? сколько надзора и строгости нужно за нимъ и теперь, когда онъ еще сознаетъ надъ собою полновластное господство помѣщика? къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ не приходится обращаться владѣльцу, чтобъ работы по его хозяйству не останавливались или исполнялись хоть сколько-нибудь сносно, и какихъ непріятныхъ послѣдствій не случается испытывать ему или его исполнителю? Что жь будетъ теперь, еслибъ даже возможно было удержать за помѣщикомъ, хотя временно, право безотчетной распорядительности надъ крестьяниномъ? Нѣтъ, собственный разсудокъ и совѣсть каждаго должны сказать, что ему лучше отказаться отъ этихъ правъ.

Неизлишнимъ считаемъ упомянуть здѣсь, что вездѣ, гдѣ только съ отмѣною крѣпостнаго права соединялось стремленіе уничтожить и обязательный трудъ, эта реформа сопровождалась самыми утѣшительными результатами, и наоборотъ.

Прусское правительство, эдиктомъ 1807 года, предоставило крестьянамъ личную свободу, сохранивъ притомъ и права пользованія землею, изстари носившею названіе крестьянской. Личныя повинности, истекавшія изъ крѣпостной зависимости, были упразднены; но какъ всѣ повинности поземельныя, которыми дворяне пользовались въ качествѣ вотчинниковъ (какъ-то: барщина обыкновенная и чрезвычайная, денежный оброкъ, десятина и т. п.) оставались въ полной силѣ и ни въ чемъ измѣнены не были, то этотъ порядокъ вещей никого не удовлетворялъ. Правительству трудно было убѣдить крестьянъ, что, несмотря на упраздненіе ихъ личной зависимости отъ помѣщиковъ, послѣдніе въ-правѣ попрежнему располагать ихъ рабочими силами; народный смыслъ не понималъ отвлеченной свободы безъ ощутительнаго улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, а землевладѣльцы, стѣсненные въ своемъ произволѣ, не находили достаточныхъ средствъ къ понужденію крестьянъ; нарядъ въ обязательныя работы и взысканіе повинностей встрѣчали съ

(*) Само-собою разумѣется, что и денежный оброкъ, равно разные поборы продуктами, произвольно-налагаемые помѣщикомъ, также несовмѣстны съ понятіемъ личной свободы и составляютъ особый видъ обязательнаго труда.

Digitized by Google

каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе затрудненій, раздражали поселянъ и подавали поводъ къ безконечнымъ процесамъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого порядка вещей была совершенная отмѣна барщины и вообще регулированіе хозяйственныхъ отношеній крестьянъ, владѣвшихъ землею, къ помѣщикамъ, которымъ она принадлежала на правѣ собственности. Въ первыхъ же строкахъ эдикта, 1811 года, правительство постановило: сдѣлать крестьянъ собственниками земли и отмѣнить барщину, вознаградивъ вотчинниковъ за ихъ потери. Только такой рѣшительный и благоразумной мѣрѣ Пруссія обязана столь успѣшнымъ исполненіемъ дѣла объ освобожденіи крестьянъ, къ общему благу государства и быстрому преуспѣянію народнаго совершествованія (*).

Вообще, германскія правительства, въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ, принимали въ основаніе реформы предоставленіе крестьянамъ участковъ, бывшихъ въ ихъ владѣніи, въ полную собственность, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за тѣ повинности, которыя они получали въ свою пользу отъ крестьянъ и которыхъ съ введеніемъ новаго порядка лишались. Опытъ показалъ, что всякій другой путь былъ бы недостаточенъ или имѣлъ бы вредныя послѣдствіи. Это мы видимъ въ Австріи, Шведской Помераніи и Мекленбургѣ. Въ Австріи крестьяне первоначально получили только личную свободу и обязаны были притомъ нести для помѣщика всѣ сопряженныя съ оставшимися у нихъ въ пользованіи земляными участками тягости. Вслѣдствіе чего, подъ покровительствомъ мѣстныхъ узаконеній и обычаевъ, возникли большія злоупотребленія, обремененіе крестьянъ и вопіющія несправедливости. При такомъ положеніи неудивительно, что окончальное устройство крестьянскаго сословія, то есть освобожденіе крестьянъ отъ барщины, съ предоставленіемъ имъ земельныхъ участковъ въ полную собственность, совершилось путемъ революціи въ 1848 году (*).

Но обратимся къ ближайшимъ для насъ примѣрамъ. Въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ положеніе 1804 года, объ установленіи болѣе-правильныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами не долго оставалось въ дѣйствіи; тамошнее дворянство само пришло къ сознанію, что перехода крестьянъ изъ полной зависимости къ неограниченной свободѣ опасаться нечего, и что, напротивъ, было бы удобнѣе замѣнить законную

(*) Смотри статью г. Самарина «О крѣпостномъ правѣ въ Пруссіи», помѣщенную въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» 1858 года, № 4.

(**) Смотри статью г. Довмонтовича «О вліяніи свободнаго труда на сельское хозяйство», помѣщенную особымъ отдѣломъ при «Земледѣльческой Газетѣ» 1858 года.

Digitized by Google

норму повинностей добровольнымъ договоромъ, и представило проекты, въ которыхъ, отрекаясь вовсе отъ крѣпостнаго права, опредѣляло повинности крестьянъ исключительно на основаніи поземельнаго пользованія, за которое они обязывались доставлять владѣльцу вознагражденіе работою, произведеніями земли или деньгами. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ для насъ примѣръ Курляндіи, гдѣ барщина, тотчасъ же по утвержденіи положенія (1817 года) *почти повсемѣстно была уничтожена*, и гдѣ, вслѣдствіе этого крестьяне находятся въ весьма-удовлетворительномъ состояніи (*). Со времени перехода нѣкоторыхъ польскихъ провинцій къ Австріи и Пруссіи (1795 года), австрійское правительство уничтожило подданство и всякую неволю крестьянъ, но правъ поземельной собственности за ними не укрѣпило и повинности ихъ оставило въ прежнемъ положеніи, а къ исполненію ихъ установило мѣры личнаго понужденія и тѣлесное наказаніе; изъ этого возникали безпрерывныя жалобы и слѣдствія, разорявшія и помѣщика и крестьянина, и вкорѣнявшія взаимную между ними вражду. Правительство прусское хотя и сохранило подданство, но съ такими условіями, послѣдствіемъ которыхъ было быстрое распространеніе *очиншеванія* (обороченія) крестьянъ въ губерніяхъ Польши, подъ прусскимъ правительствомъ находившихся.

Въ 1807 году императоръ французовъ Наполеонъ I-й даровалъ польскимъ крестьянамъ свободу политическую и гражданскую, но не утвердилъ за ними права сохраненія своего поземельнаго участка, и отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ остались прежнія. Со времени присоединенія Польши къ Россіи, то-есть съ 1815 до 1846 года, кромѣ подтвержденія правъ, прежде-дарованныхъ, другихъ мѣръ къ устройству крестьянъ принимаемо не было; но въ 1846 году отмѣнены всѣ незаконныя доремщины (произвольные повинности и поборы) и поручено было административнымъ властямъ оказывать нужную помощь и покровительство владѣльцамъ, желающимъ заключать съ поселянами сдѣлки объ *очиншеваніи* этихъ послѣднихъ (**). Вслѣдствіе таковыхъ мѣръ число очиншеванныхъ имѣній годъ отъ году увеличивалось, такъ-что къ 1857 году ихъ было 146,869, а барщинныхъ оставалось 209,607 (***).

---

(*) «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1857 года, кн. 10.

(**) Особенно-замѣчательные примѣры добровольнаго заключенія контрактовъ на очиншеваніе, съ очевидною для крестьянъ выгодою, и даже съ уничтоженіемъ арендаторами доремщинъ, несмотря на право пользованія ими до истеченія срока контрактовъ, приняты были правительствомъ съ особою признательностью.

(***) Извлеченіе изъ особой записки, составленной въ статс-секретаріа-

Digitized by Google

Если въ высочайшихъ рескриптахъ и не упомянуто прямо объ отмѣнѣ обязательнаго труда, а указана въ нихъ только цѣль предстоящаго преобразованія отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, *въ улучшеніи и устройствѣ быта первыхъ*, но тѣмъ не менѣе, предоставляя развитіе этой мысли самому дворянству, положительно опредѣлено сохраненіе за нимъ только *права собственности* на землю и *правъ вотчинной полиціи* въ отношеніи крестьянъ, при общинномъ ихъ устройствѣ и управленіи. Какія же послѣ этого правила, или мѣры, къ улучшенію быта крестьянъ могутъ согласоваться съ цѣлями правительства, какъ не тѣ, которыя были бы вполнѣ—сообразны съ понятіемъ о личной ихъ свободѣ и неразлучномъ съ нею правѣ добровольнаго или свободнаго труда? Опредѣленіе повинностей, которыя крестьяне должны и будутъ нести въ отношеніи къ помѣщику, за уступленную имъ усадьбу съ землею, не даетъ права думать, чтобъ этимъ положеніемъ обрекались они опять на то же рабство, на тотъ же обязательный, невольный и, подъ-часъ, даже непосильный трудъ. Эти повинности суть также обязанности, но только не въ томъ смыслѣ, какъ понималось это слово въ приложеніи къ крѣпостному состоянію, а обязанности, вытекающія изъ самаго существа свободно—разумной природы человѣка, обязанности сознательно и добровольно принимаемыя вслѣдствіе взаимнаго обмѣна услугъ между членами благоустроеннаго общества и обоюднаго ихъ соглашенія. Такія обязанности крестьянъ, въ отношеніи къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, нынѣ могутъ быть установлены только на основаніи поземельнаго владѣнія, или пользованія.

Право собственности на всю землю сохраняется за помѣщикомъ, но и крестьяне, прикрѣпленные къ этой землѣ не лишаются своего права. Вступая нынѣ въ сословіе дѣйствительныхъ членовъ общества и государства, и принимая съ тѣмъ вмѣстѣ на личную свою отвѣтственность всѣ обязанности въ отношеніи къ тому и другому, крестьянинъ тѣмъ болѣе нуждается теперь въ охраненіи и утвержденіи за нимъ безспорно-принадлежащихъ ему правъ на землю, съ которою онъ связанъ по своему рожденію и вѣковой осѣдлости. Ему нельзя не предоставить права выкупа усадьбы и полученія отъ прежняго его владѣльца, если не въ собственность, то въ постоянный надѣлъ поземельнаго участка, достаточнаго для обезпеченія его быта и выполненія его обязанностей. Но, по праву собственности помѣщика на всю землю, отсюда вытекаетъ еще новый родъ обязанностей для крестьянина—въ отношеніи къ земле-

---

тѣ Царства Польскаго, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ по крестьянскому дѣлу.

Digitized by Google

владѣльцу, обязанностей вознагражденія помѣщика за уступаемыя имъ крестьянину права на свою собственность. Съ другой стороны, и землевладѣлецъ, имѣющій право требовать отъ крестьянина за отведенную ему землю отправленія извѣстныхъ обязанностей, не долженъ забывать, что и онъ, въ свою очередь, несвободенъ отъ обязанности надѣлить крестьянина землею. При такомъ обоюдномъ сознаніи правъ и обязанностей, и помѣщикъ и крестьянинъ непремѣнно должны идти къ взаимному соглашенію насчетъ самаго размѣра крестьянскихъ повинностей и способа ихъ отправленія. Это былъ бы самый вѣрный и ближайшій путь къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса; но, съ одной стороны, невѣжество, а быть-можетъ, и ожесточеніе крестьянина противъ своего прежняго владѣльца, съ другой, своекорыстіе помѣщика и неправильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи къ крестьянину, положатъ много затрудненій и препятствій на этомъ пути; а потому правительство предоставляетъ теперь самому дворянству глубже вникнуть въ настоящій вопросъ и развить идею освобожденія крестьянъ и новаго устройства ихъ быта сообразно съ мѣстными обстоятельствами и условіями. Очевидно, что этотъ трудъ долженъ быть направленъ къ одной цѣли: заранѣе объяснить всѣ случаи, въ которыхъ можетъ встрѣтиться столкновеніе интересовъ двухъ сословій, опредѣлить мѣры къ предупрежденію споровъ, и такимъ-образомъ устранить повозможности всѣ могущія встрѣтиться препятствія и затрудненія къ взаимному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами насчетъ выкупа послѣдними усадебъ, надѣла ихъ землею и опредѣленія за то соотвѣтствующихъ обязанностей и повинностей. На случай же, еслибъ гдѣ-либо не послѣдовало такого соглашенія, опредѣлить, въ видѣ мѣры временной, общую норму для поземельнаго надѣла и повинностей, какъ на время переходнаго или срочно-обязаннаго состоянія крестьянъ, такъ и по окончаніи этого періода.

Для бо́льшаго успѣха въ полюбовномъ соглашеніи помѣщиковъ съ крестьянами, правительство, безъ всякаго сомнѣнія, не откажетъ въ возможномъ и зависящемъ отъ него содѣйствіи: приглашеніемъ всѣхъ сословій къ оказанію крестьянамъ пособій и ссудъ для выкупа усадебъ и поземельныхъ участковъ, учрежденіемъ поземельнаго кредита, а когда представятся средства, то и образованіемъ особыхъ банковъ. Крестьянскія общества, по естественному стремленію къ независимости не только личной, но и по имуществу, и по свойственному имъ влеченію помогать другъ другу при всякой нуждѣ, еще тѣснѣе и дружнѣе соединятся для изысканія необходимыхъ на то средствъ общими силами. Многіе помѣщики, съ своей стороны, сами будутъ содѣйствовать скорѣй-

Digitized by Google

шей развязкѣ дѣла всевозможными льготами и уступками. Такимъ-образомъ значительная часть крестьянъ помѣщичьихъ имѣній могла бы скоро устроиться сама-собою, и, не выжидая окончанія срока переходнаго состоянія, выкупить не только усадьбы, но и необходимые для упроченія ихъ быта поземельные участки. Стоитъ только положить начало такому мирному и обоюдно-полезному совершенію дѣла — и ужасающая насъ теперь своею громадностью цифра повсемѣстнаго выкупа крестьянъ съ землею много и очень-много уменьшится, а съ тѣмъ вмѣстѣ, быть-можетъ, не представится большихъ затрудненій въ изысканіи средствъ для выкупа и остальныхъ имѣній.

Это должно быть, конечно, цѣлію настоящихъ дѣйствій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, и мы нисколько не думали отвергать необходимости временнаго переходнаго состоянія для тѣхъ крестьянъ, которые не войдутъ тотчасъ же въ добровольное соглашеніе съ помѣщиками; для нихъ необходимо будетъ назначить норму какъ самаго надѣла землею, такъ и выкупной суммы денежныхъ оброковъ и натуральныхъ повинностей, опредѣливъ способъ выполненія и мѣру обезпеченія ихъ; но только и здѣсь нужно имѣть въ виду одну общую цѣль— приводить все мало-по-малу къ взаимному соглашенію. Для достиженія этой цѣли необходимо: во 1-хъ, чтобъ назначаемые нормальные участки, какъ усадебные, такъ и поземельные, были дѣйствительно-достаточны, и по количеству и по качеству своему, для обезпеченія существованія крестьянъ и исправнаго выполненія всѣхъ лично теперь на нихъ падающихъ повинностей; во 2-хъ, чтобъ размѣръ повинностей къ помѣщику не только не превышалъ дѣйствительной цѣнности земли и угодій, отведенныхъ для крестьянъ, но чтобъ онъ опредѣленъ былъ и сообразно основной цѣли настоящаго преобразованія отношенія крестьянъ, то есть давалъ имъ средства, кромѣ исправнаго выполненія всѣхъ повинностей, и къ улучшенію собственнаго быта и состоянія, и, наконецъ, въ 3-хъ, чтобъ обязательная барщина тотчасъ же и повсемѣстно замѣнена была денежнымъ оброкомъ. Только при этихъ условіяхъ крестьяне, если не тотчасъ, то впродолженіе временнаго переходнаго періода не лишены будутъ возможности приготовить или изыскать средства къ вознагражденію помѣщиковъ за выкупъ усадебныхъ и поземельныхъ участковъ, по добровольному ли соглашенію, или по опредѣленной отъ правительства нормѣ.

Но, скажутъ намъ, какъ же могутъ быть соблюдены въ такомъ случаѣ интересы землевладѣльца, вытекающіе изъ неотъемлемаго у него права собственности на землю? Не много ли потеряетъ при этомъ помѣщикъ и не упадетъ ли его хозяйство, поддержаніе котораго необходимо

Digitized by Google

для блага цѣлаго государства и вмѣнено въ непремѣнную обязанность тѣми же высочайшими рескриптами объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ?

Противъ этого возраженія достаточно указать на тѣ почти общепринятыя убѣжденія, что съ отмѣною обязательнаго труда масса рабочихъ силъ еще увеличится и что при бо́льшей производительности свободнаго труда наемная плата съ избыткомъ можетъ окупиться (*); объ этомъ много уже было говорено и въ печатныхъ и въ письменныхъ проектахъ; а притомъ каждый можетъ видѣть самъ очень-много тому фактическихъ доказательствъ въ постоянныхъ и повсемѣстныхъ опытахъ обработки земли по найму (**); но къ этому было бы полезно, еслибъ сами помѣщики добросовѣстно показали цифру дѣйствительныхъ выгодъ или интересовъ, которые они въ-правѣ отстаивать.

Возьмемъ, напримѣръ, продажныя цѣны населенныхъ имѣній. Средняя цифра составляетъ 125—250 руб. за ревизскую душу(***); разсчитывая на земли, по нормальному надѣлу $4^1/_2$ десятины на душу, выходитъ за каждую десятину отъ 27 р. 75 к. до 55 р. 50 к. Въ этотъ разсчетъ входитъ уже и усадебная осѣдлость; почему, полагая на тягло 9 десятинъ, цѣнность всего тягловаго надѣла съ усадьбою будетъ составлять 250—500 р., а съ выкупомъ усадьбы, еще уменьшится на ту цифру, какая опредѣлена будетъ собственно за нея. Положимъ, примѣрно, 100 р. за усадьбу и мы получимъ цифру стоимости поземельныхъ участковъ 150—400 р., за которую пришлось бы крестьянину уплачивать помѣщику каждогодно по 3% отъ 4 р. 50 к. до 12 р., а увеличивъ процентъ хотя вдвое, отъ 9 до 24 р. съ тягла, да за усадьбу процентовъ въ первый годъ 6 р., или отправлять на эту сумму повинности натурою по оцѣнкѣ рабочаго дня коннаго, напримѣръ въ 30 к., а пѣшаго мужскаго и женскаго, среднимъ числомъ, въ 15 копеекъ.

Приведемъ другой разсчетъ. Въ барщинныхъ имѣніяхъ хотя цифра стоимости повинностей, закономъ опредѣленныхъ, по числу рабочихъ дней въ году и по вышеозначенной оцѣнкѣ ихъ, будетъ простираться

---

(*) Графъ Бернсдорфъ, великій датскій министръ, желая показать датскимъ помѣщикамъ невыгоды обязательнаго труда, приводилъ имъ въ примѣръ свои собственныя помѣстья, съ которыхъ доходы увеличились по уничтоженіи обязательнаго труда, въ девять разъ: вмѣсто 3000 талеровъ чрезъ 24 года онъ сталъ получать 27000 талеровъ. («Совр.», февраль 1858 года. Статья «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта»).

(**) Смотри помянутую книжку Псковской Губерніи за 1858 годъ, стр. 123—125.

(***) Показаніе это основано на крѣпостныхъ документахъ.

Digitized by Google

до 63 р. съ тягла; но исключите изъ этой цифры прогульные дни, или дни, пропавшіе по случаю болѣзни работника, положимъ, хоть 3 р., цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ, отпускаемыхъ на отопленіе и освѣщеніе избы, на сушку хлѣба и поправку усадебныхъ строеній, примѣрно, до 10 р., хлѣбныя ссуды на посѣвы и прокормленіе и другія пособія, которыя хотя бы выдавались и съ возвратомъ, но неизбѣжно обращаются въ чистый ущербъ помѣщику по-крайней-мѣрѣ на половину — до 5 р., и вотъ уже сумма чистаго дохода съ барщиннаго тягла уменьшается до 45 р., не говоря еще о разныхъ неизбѣжныхъ издержкахъ изъ того же дохода по управленію имѣніемъ, по отправленію рекрутской повинности и по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ, каковы, напримѣръ, общіе неурожаи, падежи скота, повальныя болѣзни, пожары и т. п., иногда въ конецъ разоряющіе владѣльца. Съ освобожденіемъ помѣщика отъ отвѣтственности за крестьянина и обязанности оказанія ему въ нужныхъ случаяхъ упомянутыхъ льготъ и пособій, размѣръ повинностей слѣдуетъ, по всей справедливости, уменьшить по-крайней-мѣрѣ на $^1/_2$, то-есть на сумму не болѣе 31 р. 50 к. съ тягла, за всю отведенную крестьянамъ въ надѣлъ землю, вмѣстѣ съ усадьбою, а съ выкупомъ послѣдней убавить еще соразмѣрно суммѣ этого выкупа. Отъ земли крестьянской, считая $4^1/_2$ десятины на душу, или 9 дней на тягло, это будетъ составлять ежегоднаго дохода 3 р. 50 к. съ десятины, а цѣнность ея будетъ равняться около 57 р. 50 к.

Сдѣлаемъ еще третій разсчетъ. Сумма чистаго дохода съ барщиннаго имѣнія, напримѣръ: въ 100 душъ, при достаточной господской запашкѣ и другихъ разныхъ земляныхъ угодьяхъ, простирается, среднимъ числомъ, 1000 — 1500 р. сер. (*) то-есть 10 — 15 р. на душу, или 20 — 30 р. на тягло. Положимъ, надѣлъ крестьянскій не менѣе законной пропорціи, то-есть $4^1/_2$ десятины на душу вмѣстѣ съ усадьбой; означенная сумма дохода, по переложеніи на землю, будетъ составлять отъ 2 р. 25 к. до 3 р. 33 к. на десятину. Принимая этотъ доходъ за 6% и капитализируя его, мы получимъ цѣнность десятины отъ 37 р. 50 к. до 55 р. 50 к., а всего тягловаго надѣла, вмѣстѣ съ усадьбою—отъ 337 р. 50 к. до 499 р. 50 к. За вычетомъ цѣнности усадьбы, напримѣръ, 100 р., ежегодный оброкъ за пользованіе землею

(*) Если иные помѣщики, лично управляя имѣніемъ, получаютъ и больше дохода, то это, вопервыхъ, составляетъ исключеніе; вовторыхъ, здѣсь нужно принимать въ разсчетъ цѣнность собственнаго труда владѣльца и разныя случайныя причины, имѣющія вліянія на увеличеніе общей суммы дохода.

Digitized by Google

съ 237 р. 50 к. будетъ составлять не съ большимъ 14 р. съ тягла, а съ 399 р. 50 к.—около 30 руб.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ справедливость требуетъ, чтобъ размѣръ поземельной ренты и выкупнаго капитала былъ уменьшенъ на сумму цѣнности господской запашки и прочихъ угодій; но предоставимъ это въ чистую пользу помѣщиковъ, съ тѣмъ, чтобъ они охотнѣе рѣшились отказаться отъ барщины и вступить съ крестьянами въ добровольныя соглашенія насчетъ уступки имъ усадебъ и поземельныхъ участковъ, и тогда ежегодный платежъ крестьяниномъ выкупной суммы за усадьбу и поземельныхъ повинностей едва-ли будетъ превышать обыкновенную теперь цифру денежныхъ крестьянскихъ оброковъ 15—30 р. съ тягла, и, кажется, не обременитъ крестьянина, если онъ, получивъ право свободнаго расположенія своимъ трудомъ и достаточное количество земли, тѣмъ и другимъ будетъ пользоваться благоразумно, а въ этомъ вообще нѣтъ основанія сомнѣваться, когда будетъ такъ ясно указана крестьянину цѣль будущихъ трудовъ его въ улучшеніи и упроченіи собственнаго его благосостоянія. Въ видахъ же еще большаго поощренія крестьянъ къ исправному взносу не только процентовъ или оброка, но и части выкупнаго капитала, или заработки ихъ помѣщику натурою, по обоюдному согласію, постановить за правило: по мѣрѣ взноса капитала, уменьшать каждогодно оброкъ убавкою процентовъ на уплаченный капиталъ, а за просрочку считать проценты на проценты. При такомъ порядкѣ и за круговою порукою цѣлаго общества едва-ли будутъ допускаться недоимки въ слѣдующихъ платежахъ и самый разсчетъ помѣщика съ цѣлымъ обществомъ не представитъ большихъ затрудненій.

Принимая за норму поземельнаго надѣла $4^1/_2$ десятины на душу и оставляя по-возможности въ пользованіи крестьянъ теперешніе ихъ участки, въ случаѣ недостатка или излишества земли противъ этой нормы дѣлать разсчетъ оброка по дѣйствительному количеству крестьянской земли, принимая въ основаніе опредѣленную посредствомъ вышеизложенныхъ способовъ цѣнность десятины. Такъ, наприм., если въ какомъ-либо имѣніи земли у крестьянъ въ пользованіи состоитъ только по 3 десят. на душу, или 6 десят. на тягло, а цѣнность десятины приходится въ 45 руб., то весь тягловый надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбою оцѣнивая въ 270 руб. и исключая за усадьбу 100 р., мы получимъ цѣнность собственно-поземельнаго надѣла 170 р. на которую ежегоднаго платежа по 6% придется 10 руб. 20 коп. Такой оброкъ крестьянину нетрудно будетъ внести деньгами или отработать у помѣщика, и онъ, по всей вѣроятности, скорѣе найдетъ тогда средства расплатиться за усадьбу; а при недостаткѣ поземельнаго надѣла будетъ стараться при-

Digitized by Google

купить къ нему нужный клочекъ земли въ личную собственность, или же арендовать ее у того же и у другихъ помѣщиковъ изъ платежа деньгами, продуктами или трудомъ, или же съ условіемъ выдачи ему третьяго, четвертаго или пятаго снопа за обработку пахотной земли, а за покосъ—половины сѣна. Живой примѣръ этому представляютъ у насъ государственные крестьяне въ уѣздахъ Псковскомъ, Островскомъ и Опочецкомъ, которые, нуждаясь въ землѣ, наперерывъ берутъ у частныхъ лицъ земли въ кортому на разныхъ условіяхъ, а болѣе—зажиточные покупаютъ даже въ собственность за огромныя деньги. Другой, конечно, имѣютъ характеръ глухія малонаселенныя мѣстности Торопецкаго и Холмскаго Уѣздовъ, гдѣ, какъ говорятъ тамошніе помѣщики, земля сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности безъ рабочихъ рукъ; но тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи достаточное количество земли, не менѣе $4^1/_2$ десят. на душу, и, слѣдовательно, получатъ вознагражденіе за большее, сравнительно съ другими уѣздами, число десятинъ. Притомъ же здѣсь помѣщики найдутъ и другія для себя выгодныя оброчныя статьи: здѣсь крестьянинъ, не разсчитывая исключительно на выгоды земледѣльческаго труда, привыкъ обращаться къ лѣснымъ заработкамъ; ему помѣщикъ дозволяетъ изъ своихъ дачъ построить иногда барку, иногда вырубить и продать на себя нѣсколько саженъ дровъ; поэтому онъ вошелъ въ сношеніе съ лѣсопромышленниками, имѣлъ съ ними постоянныя сдѣлки, для поддержанія которыхъ онъ въ необходимости будетъ теперь войти въ особыя сношенія съ помѣщикомъ, владѣльцемъ лѣсныхъ дачъ. Такимъ-образомъ помѣщики, терявшіе прежде свои лѣса совершенно даромъ, теперь могутъ употребить ихъ съ пользою и съ избыткомъ вознаградить себя за непроизводительность или малоцѣнность пашни, не говоря уже о томъ, что тогда они скорѣе рѣшатся и сами войти въ конкурренцію съ купцами, которыхъ монополія не безъ основанія такъ тревожитъ помѣщиковъ, подчиняя своей зависимости сбытъ собственнаго же ихъ продукта.

Впрочемъ, мы слишкомъ уже уклонились на одну сторону интересовъ помѣщичьихъ; намъ не слѣдуетъ забывать, что интересы эти тѣсно связаны и зависятъ совершенно отъ соблюденія интересовъ крестьянъ. Отъ крестьянина тогда только можно требовать и ожидать исправнаго взноса положеннаго съ него оброка или отправленія, въ замѣнъ его, надлежащихъ натуральныхъ повинностей, когда ему самому будутъ даны соразмѣрныя съ тѣмъ матеріальныя средства, которыя бы могли вносить въ сферу его быта не только достатокъ, но и нѣкоторое даже излишество. Это необходимо на тотъ конецъ, чтобъ ему можно было

Digitized by Google

обезпечить сколько-нибудь себя не только въ насущномъ дневномъ пропитаніи, но и приберечь какую-либо копейку на черный день. Хотя и говоритъ тотъ же крестьянинъ, что «нужда деньгу родитъ»; но чего можетъ стоить эта деньга, столь неизбѣжная въ нуждѣ, если она не заготовлена была заблаговременно, или по-крайней-мѣрѣ, если нуждающійся въ ней достаточнымъ обезпеченіемъ своего быта не успѣлъ снискать общее къ себѣ довѣріе!

Но, оставляя будущее на волю Провидѣнія, обратимся къ настоящему, къ насущнымъ потребностямъ и нуждамъ крестьянина. Прежде всего возьмемъ въ разсчетъ казенные денежные сборы, которые составляютъ въ годъ:

| | |
|---|---|
| Подушной подати . . . . . | 95 к. |
| На земскія повинности . . . . . | 54 к. (*) |
| И въ продовольственный капиталъ . . | 3 к. |
| И того съ души . | 1 р. 52 к. |

Сверхъ-того, поземельнаго сбора на земскія повинности до 2 коп. съ десятины. Издержки на содержаніе 8 душнаго крестьянскаго семейства, считая въ немъ двухъ работниковъ и столько же работницъ, или два тягла, составляютъ: (**)

| | |
|---|---|
| а) на пищу около . . . . . | 78 р. 97 к. |
| б) одежду . . . . . | 49 — 71 — |
| в) на строенія . . . . . | 5 — 71 — |
| г) на отопленіе и освѣщеніе . . . . . | 8 — 21 — |
| д) на посуду и прочее домашнее заведеніе . | 5 — 90 — |
| е) на церковныя требы . . . . . | 1 — 50 — |
| И того . . | 150 р. » |

Годовая пропорція на содержаніе рабочаго скота:

| | |
|---|---|
| На покупку одной лошади, сбруи для ней, повозокъ и земледѣльческихъ орудій . . | 6 р. 19 к. |
| На содержаніе одной лошади . . . . . | 15 — 51 — |
| На помѣщеніе съ присоединеніемъ расходовъ на ковку и деготь . . . . . | 1 — 74 — |
| И того . . | 23 р. 44 к. |

(*) По смѣтѣ на трехлѣтіе съ 1857 года.

(**) «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской Губерніи», г. Соловьева, изд. 1855 года, стр. 239.

Digitized by Google

Полагая на каждое тягло хотя по одной коровѣ и по двѣ штуки мелкаго скота (*) и принимая въ разсчетъ, что для корма одной лошади нужно вполтора раза противъ коровы, а для мелкаго скота въ 10 разъ менѣе коровы (**), мы получимъ слѣдующую цифру:

| | |
|---|---|
| На прокормленіе одной коровы . . . . | 10 р. 34 к. |
| Двухъ штукъ мелкаго скота до . . . . | 2 — 6 — |
| | 12 р. 40 к. |

А вообще издержки на содержаніе скота для одного крестьянскаго тягла будутъ простираться до 35 р. 84 коп., а на два тягла, или для одного 8-ми душнаго семейства — 71 р. 68 к. Итакъ весь годовый расходъ на одно крестьянское двухтягольное семейство доходитъ до 228 р. или 114 р. на тягло, не включая сюда оброка помѣщику.

Доходы же его, получаемые отъ земли и усадьбы, считая аа норму надѣла 9 десятинъ на тягло, едва только окупаютъ означенную сумму расходовъ. Положимъ, что изъ этой пропорціи земли крестьянинъ имѣетъ, пашни въ каждомъ полѣ по 2 десятины (***), на которыхъ онъ высѣваетъ 20 четвериковъ ржи и 6 четвертей овса. Средній урожай примемъ въ разсчетъ самый лучшій по настоящему состоянію крестьянскихъ хозяйствъ: озимаго самъ-4, яроваго самъ-3: значитъ, за отдѣленіемъ сѣменъ, крестьянинъ получитъ чистой прибыли: ржи 60 четвериковъ или $7\frac{1}{2}$ четвертей, овса 12 четвертей, по цѣнѣ (также самой высокой), рожь 5 р., а овесъ 3 р. за четверть, всего на сумму 73 р. 50 к. Соломы, мякины и т. п., примѣрно, на 15 р., и того 88 р. 50 к.—это доходъ съ 4 десятинъ; затѣмъ двѣ десятины оставляя подъ паромъ, съ остальныхъ $2\frac{3}{4}$ дес., положить сѣна 120 пудовъ, на 10 руб., и съ огорода и конопляника, полагая подъ ними $\frac{1}{4}$ десятины и разсчитывая доходъ вдвое противъ пашенной земли, тоже до 10 р., а всего отъ 9 десят. тягловаго участка земли годовой доходъ крестьянина, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, едва можетъ доходить до 108 р. 50 к.—сумма, сама-по-себѣ недостаточная даже на удовлетвореніе насущныхъ потребностей и нуждъ четырехдушнаго крестьянскаго семейства. Не удивительно, что многія крестьянскія семейства, особенно

(*) Смотри «Памятную книжку Псковской Губерніи» за 1858 годъ, стр. 129.

(**) Смотри «Сельско-хозяйственную статистику Смоленской Губерніи», стр. 267—268.

(***) Изъ тягловаго участка до трехъ десятинъ мы отдѣляемъ подъ покосы, усадьбу, дороги и разныя неудобныя подъ пашню мѣста, какъ-то: болотины, кустарники, каменистые пригорки и т. п.

Digitized by Google

малорабочія, живутъ въ поразительной нищетѣ, едва перебиваясь день за день, и то при помощи какихъ-либо постороннихъ выгодъ или, просто, милостыни. Но сравнительно съ ними представляются болѣе обезпеченными семейства многорабочія. Возьмемъ, для примѣра, двухтягольное семейство изъ 8-ми душъ обоего пола и всякаго возраста. Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь высшая степень благосостоянія семейства зависитъ отъ большаго количества рабочихъ силъ, обусловливающаго производительность самой земли и доступность постороннихъ заработковъ; пропорція же поземельнаго надѣла остается та же, то есть по 9 десят. на каждое тягло. Но положимъ, что изъ 18 десятинъ можно увеличить количество пашни, составляющей основаніе продовольствія и всего быта крестьянскаго, что, наприм., такое семейство имѣетъ въ каждомъ полѣ по $4^1/_2$ десятины, въ такомъ случаѣ количество получаемаго хлѣба будетъ составлять: ржи 135 четвериковъ, или $16^7/_8$ четвертей, и овса 27 четвертей, т. е. на сумму 165 руб. $37^1/_2$ коп., соломы, мякины и проч., примѣрно, на 38 р. 50 к., сѣна съ 4 десят. до 225 пудовъ на на 18 р. 50 к. и съ огорода 10 р., а всего до 227 р. $37^1/_2$ коп.

Если этотъ отвлеченный разсчетъ недостаточно обрисовываетъ намъ картину быта крестьянскаго семейства и нѣкоторымъ можетъ показаться сомнительнымъ, хотя онъ, впрочемъ, составленъ на основаніи данныхъ, собранныхъ человѣкомъ, подробно-изучавшимъ бытъ поселянина («Сельско-Хозяйст. Статистика Смоленской губерніи» Соловьева); то мы представляемъ другой. Сравнимъ съ потребностями натуральныя средства крестьянина и объяснимъ по-возможности дѣйствительный процесъ обыденной жизни крестьянина и удовлетвореніе его нуждъ. Возьмемъ опять въ примѣръ двухтягольное семейство, состоящее изъ 8-ми душъ обоего пола и всякаго возраста. Такое семейство получаетъ поземельный участокъ въ 18 десятинъ и изъ нихъ обработываетъ подъ пашню по $4^1/_2$ десят. въ полѣ: значитъ, оно получитъ зерномъ, при хорошемъ урожаѣ, ржи 135 четвериковъ ($16^7/_8$ четвертей) и овса 27 четвертей. Полагая на прокормленіе одного работника въ годъ 24 четверика ржи, работницы (нѣсколько-менѣе, именно около $^4/_5$ противъ работника) 20 четвериковъ, стариковъ и несовершеннолѣтнихъ (въ половину противъ работника) по 12 четвериковъ на каждаго (*), для 8-ми душнаго семейства потребовалось бы на годовое прокормленіе одной ржи 136 четвериковъ (**): значитъ, при урожаѣ самъ-4 ржанаго

(*) «Сельско-хозяйств. статистика Смоленской Губерніи», стр. 229—230.

(**) Журавскій считаетъ на продовольствіе одного человѣка круглымъ числомъ полтора четверика, что составитъ въ годъ 18 четвериковъ, а на



Digitized by Google

хлѣба, получилось бы, какъ-разъ потребное, для прокормленія всего семейства количество. Но положимъ, что изъ двухтягольнаго семейства одинъ работникъ съ работницею уходятъ на сторону для заработковъ, хотя на одно лѣто: значитъ, хлѣбная пропорція ихъ можетъ остаться въ экономіи, примѣрно, одного работника за круглый годъ, т. е. 24 четверика или 3 четверти ржи. Изъ яроваго хлѣба необходимо также нѣкоторую часть отдѣлить на прокормленіе семейства, для приварка, на квасъ, блины, пироги и др. потребности обыденной жизни крестьянина. По исчисленію г. Соловьева расходы на приварокъ равняются $^2/_3$ или $^1/_2$ издержекъ на хлѣбъ. Но возьмемъ пропорцію гораздо-умѣреннѣе пропорціи, которая въ видахъ обезпеченія общественнаго продовольствія признана правительствомъ за нормальную, т. е. $^1/_2$ четверти яроваго на каждую душу, и мы получимъ цифру $3^1/_2$ четверти на 7 душъ, предполагая одного работника въ отсутствіи. При достаточномъ количествѣ ржанаго хлѣба, этой пропорціи яроваго для приварка и пр. довольно будетъ, если принять притомъ въ разсчетъ разные мѣстные овощи и продукты, собираемые съ огорода и извнѣ, какъ-то: грибы, ягоды, рыбу, равно продукты отъ домашняго скота и птицъ; слѣдовательно яроваго хлѣба должно быть въ чистомъ остаткѣ до $23^1/_2$ четвертей.

Значитъ, за исключеніемъ необходимой на прокормленіе семейства пропорціи хлѣба, по вышеизложенному разсчету могло бы оставаться у крестьянина въ чистой экономіи ржи 3 четверти; но какъ по потребностямъ самаго продовольствія, такъ еще болѣе для одѣянія часть пахотной земли необходимо отдѣлить для посѣва льна и другихъ продуктовъ, наприм. ячменя, пшеницы, гороху, гречихи, картофеля, рѣпы, конопли, по-крайней-мѣрѣ одну десятину въ яровомъ полѣ, почему посѣвъ и урожай овса, равно какъ и остатокъ соразмѣрно тому должны уменьшиться, и, слѣдовательно, вмѣсто $23^1/_2$ четвертей, получимъ въ остаткѣ $17^1/_2$. Кромѣ-того, еще необходимо также отдѣлить сколько-нибудь для корма домашнихъ птицъ, мелкаго скота, а иногда и крупнаго. (Если не вездѣ даютъ лошадямъ овесъ, а только повременамъ, при тяжелыхъ работахъ, или дальныхъ переѣздахъ, то почти вездѣ въ употребленіи посыпать для скота соломенную рубку овсяною, а иногда и ржаною мукою) Для этого и разныхъ другихъ потребностей, наприм. на пиво для праздниковъ и свадебъ, на сборы зерномъ церковному причту, въ общественные магазины и т. п. (*), отдѣлите хоть $2^1/_2$

8 душъ 134, почти то же, что́ и по разсчету Соловьева (см. «Стат. Об. Кіевской Губерніи» изд. 1852 г: часть II, стр. 329.

(*) Сборъ въ магазины составляетъ 6 гарнцевъ въ годъ озимаго и 3 гарнца яроваго съ каждой души мужскаго пола.

Digitized by Google

четверти, и тогда въ чистой экономіи яроваго хлѣба, за продовольствіемъ семейства и прокормленіемъ скота, останется у двутягольнаго крестьянина не болѣе 15 четвертей. Эти 15 четвертей овса и 3 четверти ржи, по самой высокой оцѣнѣ равняющіяся 60 р. сереб., составляютъ основной хозяйственный капиталъ крестьянина, обезпечивающій всѣ прочія его нужды домашнія и повинности казенныя и общественныя.

Положимъ, что корму и подстилки для скота отъ $4^1/_4$ десятинъ, оставленныхъ нами подъ покосы, съ прибавкой ржаной и яровой соломы, совершенно достаточно, равно и для одежды собственные хозяйственные продукты и издѣлія (ленъ, шерсть, кожа) сократятъ издержки на $^3/_4$; за всѣмъ тѣмъ еще останутся слѣдующія потребности:

| | | | |
|---|---|---|---|
| На одежду ($^1/_4$ изъ общей суммы 49 р. 71 к.) . . | 12 р. | $42^3/_4$ к. | |
| — поддержаніе строеній . . . . . | 5 — | 71 | — |
| — отопленіе и освѣщеніе . . . . . | 8 — | 21 | — |
| — посуду и прочія принадлежности домашняго обзаведенія . . . . . | 5 — | 90 | — |
| — церковныя требы . . . . . | 1 — | 50 | — |
| — ремонтъ двухъ рабочихъ лошадей, сбруи для нихъ, повозокъ и земледѣльческихъ орудій . . . . | 12 — | 38 | — |
| — поддержаніе помѣщенія для нихъ съ присоединеніемъ расходовъ на ковку и деготь . . . . . | 3 — | 48 | — |
| — уплату казенныхъ податей и повинностей . . . | 6 — | 32 | — |
| И того . . | 55 р. | $92^3/_4$ к. | |

Значитъ, по этому разсчету можетъ быть въ остаткѣ около 4 р. $7^1/_4$ к.; но эта разность противъ перваго разсчета объясняется уже и тѣмъ, что здѣсь исключена изъ общаго расхода на продовольствіе семейства полная годовая пропорція хлѣба на одного отсутствующаго работника; слѣдовательно, оба разсчета приводятъ къ одному результату.

Итакъ, поземельные участки въ означенномъ размѣрѣ имѣютъ для крестьянина несомнѣнную важность и цѣнность въ томъ лишь отношеніи, что они могутъ обезпечивать только его насущныя потребности и уплату казенныхъ податей и повинностей; оброкъ же помѣщику онъ долженъ добывать отъ постороннихъ заработковъ или отработывать на господскихъ поляхъ.

Впрочемъ, мы нисколько не хотимъ этимъ опровергать права помѣщика на вознагражденіе за ту землю, которую онъ уступитъ крестьянину. Конечно, было бы несправедливо считать за чистый доходъ или прибыль работника ту цѣнность, которая обращается на его же насущное содержаніе, но тѣмъ неменѣе нельзя прибавлять къ цифрѣ послѣдняго издержекъ постороннихъ. Поэтому, содержаніе нерабочихъ членовъ

Digitized by Google

крестьянскаго семейства, смотря съ экономической точки зрѣнія, не должно относить на счетъ поземельнаго дохода, и его, пожалуй, можно принять въ разсчетъ при опредѣленіи чистой прибыли крестьянина отъ пользованія землею. По вышеизложенному исчисленію, годовое содержаніе восьмидушнаго семейства обходится около 221 р. 68 к. Считая въ этомъ семействѣ четырехъ человѣкъ нерабочихъ и принимая въ соображеніе, что содержаніе ихъ стоитъ вдвое менѣе противъ работниковъ, изъ означенной суммы приходится на долю нерабочихъ около 74 р.: значитъ, эту сумму и можно считать за чистый доходъ двухтягольнаго крестьянина отъ владѣемаго имъ поземельнаго участка въ 18 десятинъ; но въ этой же суммѣ заключается и вознагражденіе собственнаго труда работника, который также не можетъ оставаться безъ оцѣнки.

Обращаясь, наконецъ, къ опредѣленію чистаго дохода крестьянской земли по количеству продуктовъ, за исключеніемъ цѣнности труда на обработку, получимъ среднюю цифру 1 р. 50 к.—3 р. съ десятины, и, слѣдовательно, поземельный оброкъ съ тягла, при девятидесятинномъ надѣлѣ, не долженъ также превышать 13 р. 50 к.—27 руб.

Итакъ, поставивъ конечною цѣлью новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ совершенное освобожденіе ихъ изъ крѣпостной зависимости вмѣстѣ съ владѣемою ими землею и угодьями, и преобразованіе сельскаго хозяйства на началахъ свободнаго труда, для соблюденія, впрочемъ, необходимой постепенности было бы полезно:

1) Предоставивъ дѣло полнаго выкупа всей находящейся въ пользованіи крестьянъ земли взаимному ихъ соглашенію съ помѣщиками, теперь же повсюду признать неизмѣнными настоящіе крестьянскіе участки и повозможности приводить ихъ въ положительную извѣстность по ихъ пространству и качеству (*).

2) Признать также за крестьянами право собственности на усадьбы и постояннаго потомственнаго пользованія на пахотную и покосную землю и другія угодья, гдѣ таковыми владѣютъ крестьяне.

3) Опредѣлить, приблизительно, тѣ обоюдныя выгоды крестьянъ и помѣщиковъ, которыя получатъ при этомъ первые и лишатся послѣдніе, чтобъ соразмѣрно съ тѣмъ могла быть опредѣлена самая мѣра вознагражденія помѣщиковъ (какъ maximum и minimum).

4) Отсюда опредѣлить и норму повинностей крестьянскихъ, сообра-

---

(*) Если гдѣ либо встрѣтится надобность въ измѣненіи теперешнихъ крестьянскихъ участковъ, то это тотчасъ же должно быть заявлено губернскому комитету, съ объясненіемъ причинъ.

Digitized by Google

жаясь, притомъ, съ потребностями и нуждами новаго устройства крестьянскаго быта и соразмѣрно съ дѣйствительнымъ надѣломъ земли.

5) Всѣ таковыя повинности подвести подъ извѣстную оцѣнку на деньги, и такимъ образомъ опредѣлить постоянный денежный оброкъ крестьянскаго тягла помѣщику и, соразмѣрно съ нимъ, составить урочное положеніе для натуральныхъ повинностей, на случай отправленія ихъ въ-замѣнъ оброка, по личному ли желанію крестьянъ, или по распоряженію общества.

6) Затѣмъ обязательную барщину вовсе отмѣнить.

7) Оцѣнку усадьбы произвести первоначально общую, вмѣстѣ съ прочими поземельными угодьями, или капитализировать нормальный оброкъ, и потомъ, для первоначальнаго выкупа усадебъ, оцѣнить ихъ особо, сообразно съ мѣстными условіями; но сумму этой оцѣнки исключить изъ общей цѣнности крестьянскаго надѣла и, соразмѣрно съ нею, уменьшить и норму оброка или повинностей крестьянъ къ помѣщику за пользованіе пахотною и сѣнокосною землею.

8) Предоставивъ крестьянамъ сполна, или по частямъ, выкупить сперва усадьбы, а потомъ, если найдутся средства, и всѣ прочія угодья, окончательно утвердить за ними полныя права собственности на выкупленные участки, съ прекращеніемъ на нихъ всякаго вліянія помѣщика, проистекавшаго не только изъ крѣпостнаго, но и изъ вотчиннаго права.

9) Въ-отношеніи общественнаго устройства и управленія крестьянъ, признать непремѣннымъ началомъ возстановленіе ихъ самобытности и самоуправленія (*), подъ извѣстнымъ опредѣленнымъ вліяніемъ и руководствомъ особо-избранныхъ лицъ изъ среды помѣщиковъ, которыя такимъ образомъ войдутъ въ составъ мѣстной администраціи. Вліяніе же каждаго землевладѣльца должно быть ограничено только: вопервыхъ, правомъ требованія исправнаго взноса опредѣленнаго оброка, или отправленія натуральныхъ повинностей и, вовторыхъ, ограниченнымъ правомъ собственности на тѣ усадебные или поземельные участки, которые еще не выкуплены крестьянами, то-есть правомъ продажи или залога ихъ въ полномъ составѣ имѣнія; въ случаѣ же добровольныхъ условій и сдѣ-

(*) Мы видимъ уже прямое выраженіе подобной цѣли правительственныхъ распоряженій въ предположенномъ преобразованіи управленія государственными крестьянами. Въ высочайше утвержденныхъ на этотъ предметъ правилахъ, относительно назначенія вмѣсто окружныхъ начальниковъ особыхъ чиновниковъ для надзора за мѣстнымъ управленіемъ, сказано, что назначеніе этихъ чиновниковъ допускается въ видѣ временной мѣры впредь до окончательнаго устройства вообще управленія сельскими обывателями.

Digitized by Google

локъ объ уступкѣ отъ помѣщика крестьянамъ извѣстнаго количества земли, вліяніе перваго на послѣднихъ можетъ обусловливаться самымъ договоромъ.

10) Но всѣ добровольныя условія и сдѣлки между крестьянами и помѣщиками не должны нарушать общей цѣли новаго устройства крестьянскаго сословія и могутъ считаться обязательными и законными только по утвержденіи ихъ губернскимъ комитетомъ. Когда же опредѣлена будетъ этимъ комитетомъ и утверждена верховнымъ правительствомъ общая норма повинностей крестьянскихъ, то добровольныя о нихъ условія и сдѣлки ни въ какомъ случаѣ не должны превышать высшаго размѣра нормальныхъ повинностей.

11) Вносъ ежегоднаго оброка, какъ процентъ на капиталъ, считать обязательнымъ для крестьянина, а въ уплатѣ капитала не стѣснять никакими условіями, кромѣ уплаты опредѣленнаго процента.

12) Отвѣтственность за исправность возложить на все общество, за круговою порукою всѣхъ домохозяевъ.

13) Мѣры понужденія въ отношеніи неисправныхъ предоставить тому же обществу, а въ случаѣ неисправности самого общества — мѣстной административной власти.

14) Но заложеннымъ въ кредитныхъ установленіяхъ имѣніямъ, крестьянамъ дозволить принимать на себя, въ счетъ оброка или выкупнаго капитала, уплату (капитала) долговъ помѣщика соразмѣрно количеству и качеству поступившей къ нимъ въ надѣлъ земли.

15) Крестьянскіе поземельные участки, не ожидая окончательнаго ихъ выкупа, разрѣшить представлять въ полномъ составѣ имѣнія залогомъ въ кредитныхъ установленіяхъ, разныхъ акціонерныхъ обществахъ и даже у частныхъ лицъ, но только съ тѣмъ, чтобъ ссудные капиталы обращаемы были на выкупъ этихъ земель отъ помѣщиковъ.

**А. Ворошиловъ.**

Г. Псковъ.

22 ноября 1858 г.

Digitized by Google

# МЫСЛИ

## ОБЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

(ДОПОЛНЕНІЕ КЪ «ОБЗОРУ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ»).

---

Пересмотрѣвъ различныя предположенія объ устройствѣ крестьянскихъ обществъ и собравшись дать отчетъ въ нашемъ обзорѣ, мы задали себѣ вопросъ: можетъ ли для читателей быть особенно-занимательнымъ изложеніе нашего отчета?.. Нѣкоторыя обстоятельства побудили насъ отвѣтить себѣ отрицательно. Множество подробностей въ означенныхъ предположеніяхъ высказано, такъ-сказать, голословно. Такъ ли, иначе ли будетъ рѣшено, помѣщики не имѣютъ въ этомъ прямой выгоды. Воззрѣнія и мнѣнія ихъ о бытѣ крестьянъ кажутся слишкомъ-своеобычными. Способъ устройства крестьянскихъ обществъ, принятый въ настоящее время, впослѣдствіи, по обстоятельствамъ, можетъ быть измѣненъ безъ особаго затрудненія. Вопросъ объ этомъ устройствѣ нельзя назвать вполнѣ-безотлагательнымъ, животрепещущимъ. Нѣкоторыя частности этого устройства должны соотвѣтствовать, такъ-сказать, кореннымъ условіямъ новаго быта крестьянъ, а эти условія еще недостаточно выказались. Когда опредѣлятся отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, тогда можно будетъ и лучше обсудить положенія объ устройствѣ крестьянскихъ обществъ. Бо́льшею частью сочинители предположеній приноровливаются къ существующей обстановкѣ народнаго быта, не имѣя въ виду, что уничтоженіе крѣпостнаго состоянія повлечетъ за собою общія перемѣны въ народномъ бытѣ; поэтому часто эти господа видятъ сильныя препятствія и затрудненія тамъ, гдѣ они легко устранимы. Многіе дѣлаютъ соображенія объ устройствѣ сельскихъ об-

Digitized by Google

ществъ, основываясь на непремѣнномъ условіи—общинномъ владѣніи крестьянами всякою поземельною собственностью. Но есть ли это условіе непремѣнное? Нѣкоторые предполагаютъ самую полную отвѣтственность крестьянскихъ обществъ касательно выполненія обязанностей каждаго члена общества предъ правительствомъ, помѣщикомъ и прочими членами общества; иные подъ улучшеніемъ крестьянскаго быта понимаютъ не уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, а такъ-называемое улучшеніе этого самаго состоянія. Эти послѣдніе господа сочиняютъ новыя права и обязанности для помѣщиковъ, далеко не для всѣхъ желательныя и неимѣющія для своего установленія надлежащаго основанія нетолько въ нашемъ общественномъ быту, но и гдѣ бы то ни было. Поэтому наше ратованіе противъ подобныхъ предположеній походило бы на борьбу дон-Кихота съ вѣтряными мельницами (а мы не желаемъ подражать этому герою, хотя и считаемъ выходки его благонамѣренными).

Итакъ мы рѣшились ограничиться изложеніемъ мыслей, возбужденныхъ въ насъ чтеніемъ всякихъ предположеній объ устройствѣ сельскихъ обществъ. Для рѣшенія спорнаго вопроса, полагаемъ, не зачѣмъ брать въ примѣръ разныя государства, которыхъ положеніе неодинаково съ нашимъ и гдѣ преобразованіе сельскаго быта производилось еще въ то время, когда въ обществѣ были въ недостаточной степени развиты здравыя политико-экономическія понятія и существовали предразсудки о необходимости разныхъ взаимно-охранныхъ мѣръ, опеканій и исключительныхъ сословныхъ преимуществъ. Не считаемъ разумнымъ находить удобное разрѣшеніе вопроса въ развитіи *общиннаго* быта, сомнительно-любимаго людьми, до которыхъ онъ близко касается, и безъ согласія которыхъ удача невозможна. Помѣщичьи крестьяне, какъ извѣстно, должны пользоваться «лично и по имуществу всѣми правами, присвоенными другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ». («Пол. объ ул. быта кр.» гл. I). Устройство быта государственныхъ крестьянъ не можетъ въ настоящемъ случаѣ служить образцомъ. Если правительство и признаетъ возможнымъ выкупить крестьянскія земли у нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, то нечего и сомнѣваться, что оно не оставитъ эти земли за собою, а предоставитъ ихъ для пріобрѣтенія въ собственность крестьянамъ. При дороговизнѣ и неудобствѣ казеннаго управленія поземельными владѣніями, удержаніе земель въ полной государственной собственности бы-

Digitized by Google

ло бы явнымъ ущербомъ для казны, лишившейся извѣстной части денежныхъ средствъ для пріобрѣтенія собственности. Нынѣшніе помѣщичьи крестьяне должны быть или полными собственниками какъ усадебъ, такъ и угодій, или же наемщиками собственности помѣщичьей (а не государственной). Въ томъ и другомъ случаѣ установленіе общиннаго владѣнія землею не можетъ обойтись безъ добровольнаго согласія всѣхъ членовъ общества. Только страстные защитники общиннаго начала могли вообразить себѣ, что со стороны правительства возможно вмѣшательство въ устройство земледѣльческаго быта, относительно ограниченія существеннаго права собственности на землю. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при установленіи сословія свободныхъ хлѣбопашцевъ, названныхъ впослѣдствіи «государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ», правительство, такъ-сказать, отступилось отъ общиннаго начала. Право собственности на землю сельскихъ обществъ, принадлежащихъ къ сословію свободныхъ хлѣбопашцевъ, ограничивается только до времени окончательнаго раздѣла земли между владѣльцами; но и въ это время участки земли собственниковъ остаются неизмѣнными (право на нихъ переходитъ по обыкновенному порядку наслѣдства). Что касается государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, то, при существованіи многочисленнаго сословія помѣщичьихъ крестьянъ, невозможно было приступать къ перемѣнѣ условій владѣнія землей. Неодинаковыя условія производства и сбыта предметовъ сельскаго хозяйства въ помѣщичьихъ и государственныхъ имѣніяхъ причиняли невыгодность какъ для крестьянъ—пріобрѣтать землю въ собственность, такъ и для правительства — продавать государственныя земли крестьянамъ.

Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, или прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, можетъ имѣть только одно существенное значеніе для крестьянъ—полученіе свободы оставлять земли, для перехода въ другое мѣсто поселенія, или для перемѣны занятій. Нѣкоторое ограниченіе этой свободы во время срочно-обязаннаго положенія обусловливаетъ неотъемлемость пользованія крестьянъ землею, а эта неотъемлемость, въ свою очередь, обусловливаетъ право помѣщиковъ на обезпеченіе вознагражденія за землю «круговою отвѣтственностью сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ»; но означенная отвѣтственность не можетъ быть полною и безусловною, иначе крѣпостное состояніе продолжало бы

Digitized by Google

свое существованіе. При полной отвѣтственности цѣлое крестьянское общество понеобходимости должно было бы имѣть для каждаго отдѣльнаго члена его то же значеніе, что и помѣщикъ при существованіи крѣпостнаго состоянія. По уничтоженіи такого состоянія, круговое ручательство крестьянъ должно предполагать добровольную сдѣлку ихъ между собою. Взысканія съ неисправныхъ въ отправленіи повинностей могутъ быть только такъ-называемыя гражданскія. Отъ неисправнаго плательщика земля можетъ быть отобрана, а недоплата взыскана съ имущества; но нѣтъ никакого основанія къ установленію права распоряжаться личностью крестьянъ, заставлять ихъ отбывать повинность работою, какъ за прежнее время, такъ и за *послѣдующее*, при которомъ земля могла бы быть предоставляема въ пользованіе крестьянина, даже и *противъ его воли*. Помѣщикъ, какъ и всякій собственникъ, не имѣетъ *безусловнаго* права на *обезпеченіе* вознагражденія за пользованіе предметомъ его собственности; онъ можетъ, пожалуй, требовать уплаты впредь на извѣстный срокъ, или возвышать размѣръ вознагражденія ради страха потерь; но установленіе круговаго ручательства должно вполнѣ зависѣть отъ добровольнаго согласія всѣхъ членовъ общества, и побужденіемъ къ добровольной сдѣлкѣ ихъ между собою можетъ служить ихъ общая выгода: желаніе отстранить стѣснительныя для каждаго изъ нихъ требованія собственника, или сбавить плату за пользованіе.

Круговая отвѣтственность сельскаго общества въ исправномъ выполненіи *казенныхъ повинностей* точно также должна имѣть основаніемъ личныя выгоды въ томъ для крестьянъ. Непосредственное взиманіе повинностей правительствомъ потребовало бы лишнихъ расходовъ, слѣдовательно и увеличенія размѣра повинностей. Въ свободномъ быту болѣе или менѣе полное ручательство членовъ общества другъ за друга можетъ относиться, разумѣется, только до *налоговъ на недвижимую собственность*. Отвѣтственность въ выполненіи *личныхъ повинностей* могла имѣть значеніе только при существованіи крѣпостнаго состоянія, при которомъ даже и налогъ, взимаемый съ недвижимой собственности, имѣлъ видъ налога съ лицъ (потому именно, что они были крѣпки землѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне государственные, по переложеніи налоговъ съ душъ на земли, сдѣлались болѣе свободными, чѣмъ прежде. Чѣмъ болѣе круговая порука въ выполненіи повинностей основывается на дѣйствительномъ обезпеченіи (недвижимою собственностью, которой количество и цѣнность отли-

Digitized by Google

чаются постоянствомъ), тѣмъ болѣе пользуются личною свободою люди, состоящіе между собою въ круговомъ ручательствѣ. Мы уже говорили, что налогъ съ поземельной собственности, въ сравненіи съ налогомъ личнымъ, не только болѣе удобенъ ко взиманію и менѣе стѣснителенъ, но и болѣе справедливъ (такъ-какъ только недвижимая собственность въ руках одних лицъ можетъ быть помѣхою въ развитіи производительныхъ занятій другихъ лицъ и, въ сравненіи съ движимыми имуществами, наиболѣе зависитъ, относительно цѣнности, отъ развитія народной жизни). По словамъ г. Г. Мясоѣдова (помѣщика Новосильскаго Уѣзда Тул. Губ.), крестьяне за деньги при нуждѣ на подушныя и т. п. платятъ по 30, 40 и даже 60 проц., да, сверхъ того, не имѣя какихъ-нибудь 3 р. с., чтобъ отдать заимодавцу, еще, за обожданіе, даютъ не въ счетъ процентовъ пудикъ мучицы или поросенка. «Вотъ гдѣ (восклицаетъ авторъ) не послѣдній ключъ къ разоренію нашихъ крестьянъ!» («Эк. Ук.» № 88). Производительныя средства жителей разныхъ мѣстностей не были бы равны, еслибъ общественныя тягости были распредѣлены не соотвѣтственно съ цѣнностью поземельныхъ владѣній. Государственный крестьянинъ, неполучившій земли въ надѣлъ, или отказавшійся отъ нея, и потому неотягощенный значительнымъ личнымъ налогомъ, безъ-сомнѣнія, сталъ бы получать болѣе выгоды отъ свободнаго занятія промыслами или ремеслами, чѣмъ крестьянинъ помѣщичій, еслибъ этотъ послѣдній несъ личныя повинности попрежнему. Въ мѣстностяхъ, гдѣ поземельная собственность малоцѣнна или малоплодородна, помѣщики наиболѣе были обременены государственными тягостями и подвергались страху потерь вслѣдствіе отвѣтственности своей предъ правительствомъ въ налогахъ, взимаемыхъ съ селеній; ради этого страха они имѣли право взимать поборы съ крестьянъ въ увеличенномъ размѣрѣ (съ ихъ личнаго труда). При настоящемъ преобразованіи помѣщики означенныхъ мѣстностей лишаются своихъ исключительныхъ, особенныхъ прибылей больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и распредѣленіе поземельнаго налога сообразно съ однимъ пространствомъ земли, а не съ цѣнностью ея, было бы для нихъ обременительно, тогда-какъ въ мѣстностяхъ плодородныхъ, гдѣ земля имѣетъ значительную цѣнность и гдѣ помѣщики надѣются на увеличеніе ихъ доходовъ вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права, не было бы отяготительно нѣкоторое увеличеніе налога на землю, въ сравненіи съ прежнею раскладкою его по душамъ.

Digitized by Google

Г-нъ Г. Мясоѣдовъ (помѣщикъ Тульской Губерніи), выеказавъ недоумѣніе касательно того, со стороны ли помѣщиковъ или же крестьянъ должно существовать обезпеченіе въ уплатѣ государственныхъ повинностей (по 3 пункту высочайшихъ рескриптовъ), говоритъ, что «ежели бы поземельный налогъ возвысился со всѣхъ безъ исключенія землевладѣльцевъ, вмѣсто 1 к., до 5 к. съ десятины, то это несравненно имъ было бы легче, чѣмъ имѣть счетность, разсчетность и отвѣтственный надзоръ за крестьянами» («Эк. Ук.» № 88). Такое возвышеніе налога (до 5 к.), однако, не можетъ быть достаточнымъ въ мѣстностяхъ хлѣбородныхъ для покрытія даже прежней подати, взимаемой по числу душъ. Подушная (государственная) подать составляетъ 95 к. с.; если же присоединить къ ней и земскія повинности, то выйдетъ всего 1 р. 80 к. на душу, по Тульской Губерніи («Жур. Землевлад.» № 5, IV, 7). На ревизскую душу въ имѣніи можно положить, по *высшей* мѣрѣ 10 десятинъ; стало-быть, подушныхъ приходится на каждую десятину *не менѣе* $9^1/_2$ к, земскихъ повинностей $8^1/_2$ к., а всего 18 к. с. (*).

---

(*) Въ означенной губерніи цѣна земли ср. чис. 40 р.; цѣну найма (постояннаго) можно положить въ 1 р. 60 к., значитъ, 18 коп. составляютъ не болѣе *девятой доли наемной платы. Во Франціи* поземельный налогъ составляетъ около $^1/_9$ *наемной платы* за землю. Леонсъ де-Лавернь опредѣляетъ названный налогъ въ 5 фр. съ гектара (1 р. 15 к. съ десятины). Средняя цѣна удобной и неудобной земли во всѣхъ полосахъ 230 р., а найма—7 р. за дес., или 3% (См. переводъ сочиненія де-Лаверня въ прилож. къ «Эк. Ук.» 1858 г.) *Въ Пруссіи* съ казенныхъ земель, выкупленныхъ крестьянами, назначена опредѣленная доля *чистаго дохода* казны съ каждаго имѣнія, которая оставалась на немъ, какъ неизмѣнный поземельный налогъ: по закону 1808 г. $^1/_4$, по закону 1820 г. $^1/_6$, а на Рейнѣ $^1/_5$ («О крѣп. правѣ въ Пр.» г. Самарина, въ № 11 «Сел. Бл.», стр. 203). Чистый доходъ можетъ быть опредѣленъ, когда подъ нимъ разумѣютъ лишь наемную плату; но для самого производителя, какъ мы уже объясняли («Отеч. Зап.» № 11), онъ можетъ быть болѣе или менѣе высокъ. Въ Пруссіи неправильно вычислены были повинности помѣщичьихъ крестьянъ и цѣна выкупа, по предполагаемому доходу производителя; послѣ народнаго волненія 1848 г., вынуждены были сбавить $^1/_3$, тоже безъ должнаго основанія. *Въ Англіи*, по разсчисленію де-Лаверня, налоги составляютъ $^1/_3$ *наемной платы;* кромѣ того, значительная часть ихъ выкуплена (прямой государственный налогъ — land-tax и десятина, на церковь). Одна денежная повинность въ пользу бѣдныхъ ср. чис. превы-

Digitized by Google

Въ уплатѣ налога съ поземельной собственности долженъ отвѣтствовать, разумѣется, владѣлецъ этой недвижимости. Даже и относительно земли, надѣленной крестьянамъ въ пользованіе, отвѣтственность должна лежать на собственникѣ, а не на ея нанимателяхъ по той же причинѣ, по которой, напримѣръ, въ уплатѣ налога съ дома отвѣтствуетъ хозяинъ, а не жильцы. При неисправности нанимателя чужой собственности, правительство не могло бы быть обезпечено во взысканіи его, такъ-какъ оно не можетъ отобрать имущество отъ того, кому оно не принадлежитъ. Для собственниковъ, отвѣтственность ихъ въ сущности не причиняетъ ущерба, если только налогъ распредѣленъ правильно на всѣ собственности извѣстнаго рода: собственникъ можетъ включать налогъ въ наемную плату, которая значительно превосходитъ налогъ и потому имѣетъ для собственника гораздо-большее значеніе. Если установится круговое ручательство сельскаго общества относительно исправнаго отбыванія повинностей помѣщику, то объ установленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, ручательства въ уплатѣ *ему же* государственнаго налога и сомнѣваться не зачѣмъ. Помѣщику, получающему отъ нанимателей въ извѣстные сроки плату, удѣлять часть ея на уплату налога незатруднительно, и притомъ ему, какъ владѣльцу независимой собственности, пользоваться кредитомъ легко. Наниматели могутъ часто смѣняться одни другими; отказъ отъ найма можетъ воспослѣдовать раньше срока уплаты налога; собственность можетъ находиться праздною отъ пользованія; но тѣмъ не менѣе собственникъ обязанъ бываетъ уплачивать налогъ. Какъ-скоро собственникъ самъ прилагаетъ свой трудъ къ обработкѣ своей собственности, онъ и получаетъ постоянный доходъ, дающій возможность платить налогъ; если же онъ самъ ее не обработываетъ и если, вслѣдствіе чрезмѣрнаго запрашиванья имъ наемной платы, никто не пользуется его собственностью, то въ этомъ онъ самъ виноватъ. Круговое ручательство сельскаго общества въ уплатѣ налога можетъ отно-

---

шаетъ $1/5$ цѣны найма (въ дѣйствительности она «распредѣляется весьма-неравно и взимается по соображенію съ числомъ бѣдныхъ, пребывающихъ въ странѣ»). Выкупъ налоговъ (не говоря уже о невыгодности его для правительства въ случаѣ вздорожанія земель, или пріобрѣтенія ими цѣнности) *весьма-вреденъ*, потому-что, *включаясь* въ продажную цѣну земли, затрудняетъ пріобрѣтеніе ихъ мелкими производителями. Если, напримѣръ, выкупленный налогъ составляетъ $1/5$ наемной платы, то и продажная цѣна увеличивается на $1/5$, то-есть на 20 проц.

Digitized by Google

ситься прямо къ правительству только касательно земель, которыя состоятъ не въ пользованіи, а въ собственности крестьянъ (земель усадебныхъ или угодій, которыхъ они пріобрѣтутъ). Въ этомъ случаѣ круговая порука можетъ считаться неизбѣжною. Въ мѣстностяхъ промысловыхъ (гдѣ пахотныя и сѣнокосныя земли гораздо-менѣе цѣнны, чѣмъ мѣста подъ усадьбами) значительная часть налога, соотвѣтственно относительной цѣнности, должна, разумѣется, пасть на крестьянскую собственность, пріобрѣтаемую по выкупу (*).

Въ сумму поземельнаго налога должны быть включены и такъ-называемые *земскіе сборы*, которыхъ количество и употребленіе зависитъ, какъ извѣстно, отъ мѣстныхъ условій. *Натуральныя* повинности (исправленіе дорогъ, гатей, мостовъ и пр.), для большей исправности въ точномъ выполненіи ихъ и для болѣе правильнаго распредѣленія общественной тягости, не только на помѣщиковъ и крестьянъ, но и на людей всякаго сословія, владѣющихъ поземельною собственностью, слѣдуетъ, какъ говоритъ г. Н. И. (въ «Сел. Бл.« № 11), «обратить въ *денежную* и исправлять ихъ, отдавая съ торговъ». Это тѣмъ болѣе удобоисполнимо, что, при изданіи послѣдняго устава о земскихъ повинностяхъ, уже допущенъ переходъ отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ и нѣкоторые изъ денежныхъ сборовъ распространены на все государство (**).

---

(*) Наемная (безпрерывная) плата, обыкновенно, составляетъ извѣстную часть цѣны всякой собственности въ одномъ и томъ же и даже въ разныхъ мѣстахъ; поэтому, наоборотъ, по извѣстной цѣнѣ какого-либо имущества, купленнаго или выкупленнаго, можно опредѣлить предполагаемую наемную плату, съ которой слѣдуетъ взимать извѣстную долю въ видѣ налога. Чтобъ опредѣлить эту долю, нужно предварительно вычислить сумму данныхъ поземельныхъ цѣнностей и раздѣлить на нее сумму налоговъ, перелагаемыхъ на землю. Сумма такихъ налоговъ, разумѣется, не можетъ быть меньше той, которая теперь взимается, и можетъ впослѣдствіи увеличиваться, или уменьшаться по мѣрѣ надобности. Съ цѣнности строеній, конечно, точно также можетъ удобно взиматься налогъ, но доля его должна быть гораздо-меньшею поземельнаго и назначаться преимущественно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Основательность того и другаго положенія, кажется, такъ очевидна, что не требуетъ объясненій.

(**) Теперь, когда читатели уже достаточно ознакомились съ крестьянскимъ вопросомъ, было бы нелишнимъ для нихъ еще разъ прочесть за-

Digitized by Google

Что касается *личныхъ повинностей государству*, то круговая отвѣтственность членовъ общества совершенно не ладитъ съ свободнымъ бытомъ людей. Въ этомъ случаѣ круговая отвѣтственность обусловливала бы нѣкоторую личную зависимость каждаго члена отъ цѣлаго общества — извѣстный видъ крѣпостнаго состоянія. Г. Бунге справедливо замѣчаетъ, что отъ легкаго ограниченія часто бываетъ недалеко до фактическаго уничтоженія свободы. Еслибъ еще незначительны были личныя повинности, то зависимость, пожалуй, не была бы особенно-стѣснительна; но нельзя сказать, чтобъ личныя повинности (въ тѣсномъ смыслѣ) были незначительны: стòитъ только вспомнить, что къ числу ихъ относится рекрутская повинность. «Можно и должно надѣяться (говоритъ г. Кошелевъ), что, по уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, подвергнется пересмотру и рекрутскій уставъ. Эта повинность, какъ *самая тяжкая* въ государствѣ, должна лежать *на всѣхъ гражданахъ*, и не будетъ ни надобности, ни возможности осуждать нѣкоторыхъ людей на долговременную службу, на разлуку съ семействами, на бездомство и проч., тогда-какъ другіе останутся освобожденными отъ этой повинности» («С. Б.» № 11, стр. 153). Эти слова сказаны г. издателемъ «Сел. Благоустройства» по поводу высказаннаго въ статьѣ г. Н. И. мнѣнія о томъ, что, для болѣе-равномѣрнаго распредѣленія рекрутской повинности, слѣдовало бы: 1) назначить, одинъ разъ навсегда, цѣну рекрута, принявъ за основаніе плату, производимую правительствомъ за квитанцію мелкопомѣстному помѣщику, ненесущему повинности натурою, 300 р.; 2) при объявленіи набора, по числу объявленныхъ съ 1000 душъ рекрутъ, слѣдующихъ съ селенія, разложить причитающуюся сумму по душамъ, и 3) собравъ эти деньги, отдать въ тѣ семейства, изъ которыхъ будетъ поставленъ рекрутъ, вычтя всѣ расходы при сдачѣ, и четвертую часть вручать самому рекруту. Это, по мнѣнію автора, было бы вознагражденіемъ семейству; да и рекрутъ, отдаляясь отъ семьи, получалъ какъ-бы свою часть изъ имѣнія; рекрутскія же деньги почти совсѣмъ не увеличатъ нынѣшнихъ крестьянскихъ повинностей, если даже крестьяне будутъ платить попрежнему подушные и земскіе сборы, но только съ своихъ земляныхъ участковъ (стр.

---

мѣчательную статью г. Бунге: «Объ измѣненіи юридическихъ отношеній въ Россіи, вслѣдствіе преобразованія крѣпостнаго права» («Отеч. Зап.» 1858 г. № 8).

Digitized by Google

55). Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что было бы весьма-желательно распредѣлить общественную тягость равномѣрно между *всѣми* гражданами; но этого недовольно: нужно стараться, чтобъ эта тягость измѣнила, хотя отчасти, видъ натуральной повинности на видъ общественнаго налога, или подати. Натуральную повинность невозможно даже теоретически распредѣлить сколько-нибудь равномѣрно. Особый видъ тѣлеснаго труда, свойственной военной службѣ, не для всякаго можетъ быть одинаково-тягостенъ; поэтому, если сдѣлать ее обязательною для всѣхъ гражданъ, то равномѣрность тягости не будетъ достигнута; надъ общеетвомъ только будетъ тяготѣть эта повинность въ большемъ размѣрѣ. Не для всякаго, кто избралъ себѣ извѣстный родъ занятій—военную службу, или употребилъ на изученіе военнаго искусства лучшіе годы жизни, можетъ быть, особенно-желательна перемѣна занятій, сокращеніе срока службы. Если большинство и тяготится своей обязательной службой, то нужно здѣсь прежде всего позаботиться объ уменьшеніи этой тягости. Многіе вовсе-неспособны къ перенесенію извѣстнаго рода службы, другіе же сами могутъ искать ее, особенно, если представляются для нихъ выгодныя условія. Предложеніе г. Н. И. отдавать деньги семейству, а не рекруту, напоминаетъ такъ-называемый *вотчинный* взглядъ на вещи, при которомъ на человѣка смотрѣли только какъ на предметъ болѣе или менѣе способный къ несенію общественныхъ тягостей; отдача денегъ семейству могла имѣть смыслъ только тогда, когда существовало обязанное положеніе людей, отвѣтственность за нихъ, принудительность браковъ, и проч. Добровольная служба по найму могла бы удовлетворить повозможности условіямъ облегченія общественной тягости. Не было бы тогда той кутерьмы, которая подымается при объявленіяхъ о наборѣ. Средства удовлетворенія общественной потребности (деньги на наемъ) могутъ быть добываемы въ видѣ общаго денежнаго налога, который, для бо́льшаго удобства уплаты и взиманія, долженъ быть опредѣленнымъ (ежегоднымъ), или же въ видѣ косвенныхъ сборовъ, взимаемыхъ по мѣрѣ потребленія нѣкоторыхъ предметовъ. При постоянствѣ и опредѣленности налога была бы возможность обойтись безъ причисленія лицъ, подвергаемыхъ повинности, къ какимъ-либо извѣстнымъ мѣстамъ (къ тому или другому сельскому или городскому обществу). Налогъ можетъ взиматься въ видѣ гербоваго сбора (на паспорты), который наименѣе причиняетъ расходовъ по взиманію, и уплата его могла бы производиться въ

Digitized by Google

сроки, на какіе каждый гражданинъ заблагоразсудитъ взять видъ на жительство. Всякій паспортъ тогда нельзя уже было бы назвать «актомъ, удостовѣряющимъ прикрѣпленіе лица къ извѣстной мѣстности», а между-тѣмъ такое назначеніе его въ настоящее время далеко невполнѣ осуществляется: онъ вовсе не служитъ легкимъ средствомъ для отъисканія какого-либо лица, въ случаѣ надобности. Паспортъ, по меткому выраженію г. Бунге, паутина, которая не останавливаетъ полета шмелей. По нашему мнѣнію, можно обойтись безъ попытки прикрѣплять лица къ мѣстамъ или обществамъ (ради исправнаго отбыванія рекрутской повинности) даже тогда, когда очередной порядокъ отбыванія повинности замѣнится жеребьевымъ.

Если окажется возможность болѣе или менѣе устранить строгую отвѣтственность сельскихъ обществъ въ отправленіи личной повинности рекрутской, то отбываніе прочихъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ лицамъ, а не къ имуществу ихъ, уже не представитъ какой-либо надобности къ прикрѣпленію отдѣльныхъ лицъ къ обществамъ, къ замкнутымъ корпораціямъ, съ строго опредѣленными обязанностями и исключительными правами. Нельзя не пожелать, чтобъ причисленіе людей низшихъ сословій къ какому-либо обществу въ въ той или другой мѣстности, такъ же, какъ и отчисленіе, было бы столь же свободно и просто, какъ обыкновенная перемѣна мѣста жительства, или явка паспорта лицами высшихъ сословій, пользующимися полною свободою. Мелкіе сборы на удовлетвореніе мѣстныхъ общественныхъ нуждъ (на содерженіе больницъ, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, управленія и проч.) могутъ удобно быть распредѣлены на недвижимости (строенія), соотвѣтственно ихъ цѣнности, или взиматься при случаѣ, при совершеніи извѣстныхъ дѣйствій. Всякій легко пойметъ, что цѣнность жилыхъ строеній гораздо-болѣе соотвѣтствуетъ количеству мѣстныхъ потребностей и средствамъ ихъ удовлетворенія, чѣмъ цѣнности земель, движимостей (товаровъ), и даже количество населенія. Если ощущается дѣйствительная надобность, или видятъ непосредственную, личную пользу въ чемъ-либо, то въ этомъ случаѣ не требуется никакихъ особыхъ понужденій къ должнымъ взносамъ. Основаніе школъ, больницъ, введеніе въ обыкновеніе взаимнаго застрахованія строеній отъ пожара (и, пожалуй, земледѣльческаго производства отъ неурожая) лучше всего предоставить добровольному соглашенію членовъ общества, произвольнымъ складчинамъ, не-



Digitized by Google

обязательнымъ для каждаго лица. Отвѣтственность общества въ осуществленіи извѣстныхъ общеполезныхъ мѣръ и обязательность участія каждаго лица въ этомъ осуществленіи ни къ чему путному не ведутъ. Несмотря на такую обязательность, каждый старается всячески, даже съ нѣкоторыми пожертвованіями, имѣющими особое назначеніе, уклоняться отъ полнаго участія въ общемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ надобности, онъ и безъ того, какъ членъ общества, имѣетъ право пользоваться общественными средствами. Съ другой стороны, отвѣтственность общества предполагаетъ правительственный надзоръ надъ нимъ. Безъ этого надзора она не имѣетъ значенія; а свойства надзора, кажется, всѣмъ извѣстны... Со стороны членовъ общества теряется всякое сознаніе о соразмѣрности тягостей съ выгодами (однимъ кажется, что они даромъ даютъ, а другимъ, что даромъ пользуются); со стороны же распорядителей общественными средствами является какая-то увѣренность въ томъ, что они оказываютъ благодѣянія лицамъ, прибѣгающимъ къ нимъ. При такомъ положеніи невозможно предположить довѣрія одной стороны къ другой. Какъ бы ни были нравственно-добры побужденія начальства къ устройству общеполезныхъ заведеній, крестьянамъ кажутся эти заведенія какими-то насосами, предназначенными для высасыванія возможно-бо́льшаго количества денежныхъ средствъ. Заводится ли школа, крестьянинъ вноситъ опредѣленныя деньги, но дѣтей не посылаетъ въ школу, а нанимаетъ втридорога какого-либо пономаря. Недовѣріе простирается иногда до того, что крестьяне, въ случаѣ какими-либо выгоднаго предложенія имъ, имѣющаго видъ предостереженія (со стороны лицъ, отвѣтствующихъ въ ихъ благосостояніи), дѣлаютъ именно то, отчего ихъ предостерегали. Извѣстно, напримѣръ, какъ медленно исполнялись совѣты о разведеніи картофеля; но одному помѣщику, знающему духъ крестьянъ, стоило только пригрозить имъ наказаніемъ за воровство у него картофеля и — у всѣхъ крестьянъ вскорѣ былъ свой картофель въ огородахъ.

Существуетъ значительная разница между отвѣтственностью по обязательству, принятому вполнѣ-добровольно, и между отвѣтственностью, возлагаемою свыше на лица или управленія извѣстными частями государства или обществами. Добровольной обязанности вполнѣ соотвѣтствуетъ вознагражденіе, которое даетъ возможность въ-точности выполнить обязанность. Лица, обязанныя давать вознагражденіе, имѣютъ, съ своей стороны, воз-

Digitized by Google

можность, такъ-сказать, повѣрить на себѣ соотвѣтственность этому вознагражденію услугъ, на которыя они имѣютъ право. Даже въ такомъ случаѣ, если между вознагражденіемъ и услугами трудно опредѣлить полную соотвѣтственность, можетъ существовать между обѣими сторонами согласіе, какъ-скоро установленіе обязательства было вполнѣ-добровольно, и полной соотвѣтственности ожидать невозможно, а существованіе обязательства, между-тѣмъ, для обѣихъ сторонъ желательно. Пока добровольное обязательство выполняется, существуетъ конечно и извѣстная отвѣтственность; но эта отвѣтственность разнится отъ той, которая налагается свыше. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствія отвѣтственныхъ лицъ повѣряются, такъ-сказать, непрямо тѣми самыми лицами, въ пользу которыхъ обязанность выполняется. Вполнѣ-добровольнаго условія не существуетъ. Требуется исполненія обязанности по мѣрѣ возможности, сообразуясь преимущественно не съ изобиліемъ въ средствахъ удовлетворенія, а съ количествомъ нуждъ общественныхъ. Чтобъ дать возможность выполнять по обстоятельствамъ такія нужды, дается понеобходимости отвѣтственнымъ лицамъ нѣкоторое полномочіе, право требовать, а не испрашивать нужныя средства отъ лицъ, имъ подвѣдомыхъ; а чтобъ отвѣтственность не была свыше силъ, опредѣляются границы обязанностей. Но, разумѣется, намѣреніе, ради котораго устанавливается отвѣтственность, далеко не всегда бываетъ осуществимо. Помѣщики, напримѣръ, были отвѣтственными лицами относительно благосостоянія ихъ крестьянъ, однако это не мѣшало нѣкоторымъ крестьянамъ нищенствовать. Ограниченіе отвѣтственности извѣстными предѣлами нисколько не облегчаетъ общей тягости. Для всего государства ни чуть не легче, если въ каждомъ мѣстечкѣ собственники отвѣчаютъ въ пособіяхъ всѣмъ пришедшимъ въ крайнюю бѣдность (но только постояннымъ жителямъ). Въ Англіи законъ о водвореніи, изданный по случаю подобной отвѣтственности поземельныхъ собственниковъ, поставилъ, какъ извѣстно, въ худшія условія быта все вообще рабочее сословіе, стѣсняя свободу выбора занятій. Для лучшаго выполненія отвѣтственности, слѣдуетъ облегчать ее, устранять причины, порождающія надобность въ ней; а такое устраненіе предполагаетъ уничтоженіе всякаго стѣсненія въ свободѣ выбора занятій. Существенное условіе успѣха въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобъ отвѣтственность или обязанность возлагалась на кого слѣдуетъ. Если нѣтъ достаточнаго основанія для

Digitized by Google

установленія отвѣтственности (если нѣтъ соотвѣтственности между правомъ и обязанностью), то трудно надѣяться на исправность выполненія *возложенной* на кого-либо обязанности. При назначеніи извѣстной государственной подати на недвижимое или движимое имущество, будутъ, пожалуй, жаловаться на тягость налога, но этимъ все и ограничится, тѣмъ болѣе, что, говоря словами г. Гордѣенко, «если всѣ теряютъ, то это не потеря» (по-крайней-мѣрѣ, не полная). Если нѣтъ дѣйствительной надобности въ немъ, то даже и неучаствующіе прямо въ уплатѣ налога станутъ добиваться уничтоженія, такъ-какъ тягость его косвенно (но и явственно) разложится на всѣхъ, какъ собственниковъ, такъ нанимателей собственности. Дѣло выходитъ иное, какъ-скоро отвѣтственность налагается по болѣе или менѣе произвольнымъ выбору и условіямъ выполненія. Землевладѣльцы, на которыхъ возлагается отвѣтственность въ пособіяхъ крайне-бѣднымъ людямъ, живущимъ въ ихъ владѣніяхъ, имѣютъ основаніе сдѣлать запросъ: почему именно они должны оказывать пособіе, а не всѣ вообще? Положимъ, что отвѣтственныя лица имѣютъ состояніе, средства оказывать помощь, но и другіе могутъ имѣть еще бо́льшее состояніе. Достояніе первыхъ заключается въ землѣ; но владѣльцы ли земли виноваты въ появленіи бѣдныхъ людей? Если предположить, что они виноваты (объяснивъ тѣмъ, что увеличеніе народонаселенія даетъ возможность землевладѣльцамъ, ни за что́, ни про что́, получать бо́льшій доходъ), то все-таки нельзя себѣ объяснить, почему одному и тому же лицу, которое вчера, можетъ-быть, не обязано было оказывать помощи никому, сегодня приходится помогать многимъ, завтра меньше, послѣ завтра бо́льше, тогда-какъ сосѣду, получающему одинаковые доходы, въ то и другое время приходится меньше тратиться на пособіе (можетъ-быть, потому, что въ его имѣніи медленнѣе возрастаетъ населеніе, или не случалось пожаровъ, наводненій). Послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что общественная повинность, которая все болѣе-и-болѣе будетъ тяготѣть надъ землевладѣльцами по мѣрѣ общаго вздорожанія земель, должна быть опредѣленною и независимою отъ мѣстныхъ, случайныхъ обстоятельствъ (то-есть не должна находиться въ распоряженіи самихъ отвѣтственныхъ лицъ). Общественныя потребности не ограничиваются одними пособіями людямъ недостаточнымъ. Частные случаи бѣдствій совершенно-независимы отъ состоянія землевладѣльцевъ. Налогъ въ пользу бѣдныхъ долженъ, понастоящему, падать на лица, а не на поземельную

Digitized by Google

собственность. Прямо или косвенно (въ видѣ акциза и пр.)—это другой вопросъ; но въ наложеніи такой повинности на все общество нѣтъ ничего страннаго: съ каждымъ можетъ случиться несчастіе, когда нужда заставитъ прибѣгнуть къ общественной помощи, и взносъ по мелочамъ извѣстныхъ денегъ для составленія общественнаго капитала имѣлъ бы видъ добровольной страховой преміи (какъ при взаимномъ застрахованіи отъ случайной потери имущества). При обыкновенномъ страхованіи (наприм., отъ огня) не принимается со стороны общества въ разсчетъ, въ случаѣ вознагражденія потери, давно ли застраховано имущество; съ другой стороны, нелѣпо было бы кому-либо разсчитывать на скорую утрату своего имущества, для полученія вознагражденія (это вознагражденіе не можетъ быть бо́льшимъ по цѣнѣ его имущества) и всякій, конечно, почтетъ себя счастливымъ, если его имущество никогда не подвергнется уничтоженію; онъ платитъ страховую премію, ради собственнаго спокойствія, и для него все-равно, продолжать ли взносъ преміи въ прежнемъ страховомъ обществѣ или въ другомъ, смотря по обстоятельствамъ. Разумѣется, отъ такого перехода ни прежнее, ни другое общество не будетъ въ убыткѣ. Подобное должно сказать и относительно личныхъ взносовъ денегъ для составленія мірскаго капитала. Платившему такія деньги въ какомъ-либо обществѣ не было бы никакого разсчета переходить въ другое именно тогда, когда онъ увѣренъ, что затѣмъ въ-скорости онъ очутится въ крайней бѣдности, лишится способности добывать себѣ хлѣбъ (и такимъ-образомъ обременитъ собою другое общество). Если онъ переходитъ, то, конечно, длятого, чтобъ имѣть возможность въ другомъ мѣстѣ заработывать себѣ всѣ необходимыя средства содержанія, чего, можетъ-быть, онъ не въ состояніи былъ продолжать въ прежнемъ мѣстѣ жительства. Отъ этого, само-собою разумѣется, выиграютъ въ государствѣ всѣ общества въ цѣлости, слѣдовательно, и каждое порознь. Если и будутъ случаи, когда обществамъ придется оказывать пособіе, какъ кореннымъ жителямъ, такъ и приходимцамъ, въ бо́льшемъ размѣрѣ, въ сравненіи съ суммою взносовъ этихъ бѣдняковъ, то все-таки оно будетъ незначительно въ сравненіи съ обыкновенными случаями пособій. Не слѣдуетъ забывать, что и при отвѣтственности землевладѣльцевъ въ пособіяхъ бѣднымъ, живущимъ на ихъ земляхъ, количество пособій не можетъ соразмѣряться съ выгодами, которыя приносилъ владѣльцу каждый изъ бѣдняковъ.

Digitized by Google

Уничтожилось бы, по-крайней-мѣрѣ, неестественное явленіе оказыванія пособій только своимъ коренным жителямъ, съ устраненіемъ постороннихъ, въ отказѣ которымъ заключается такъ же мало смысла, какъ и въ безчувственности одного крестьянина къ трогательнымъ словамъ пастора (потому только, что тотъ былъ *другаго прихода*).

Соотвѣтственность обязанности выполненія извѣстной тягости съ выгодами, обусловливающими наложеніе этой тягости, имѣетъ весьма-важное значеніе въ устройствѣ общественнаго быта. На шаткомъ основаніи бываетъ и устройство шаткое. Какъ-скоро обязанности налагаются не на тѣхъ, на кого слѣдуетъ, то нѣтъ возможности и даровать соотвѣтственныя права; а при несоразмѣрности правъ съ обязанностями можетъ существовать несправедливость къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ возлагается обязанность, и даже стѣсненіе для тѣхъ самыхъ лицъ, для облегченія которыхъ налагается обязанность на другихъ. Отвѣтственность, или обязанность, *возлагаемая свыше* на поземельныхъ собственниковъ, выражается такъ-называемыми ихъ *услугами* обществу, въ видѣ денежныхъ взносовъ. За подобныя услуги, слѣдовало бы и вознаграждать соотвѣтственнымъ образомъ, то-есть дарованіемъ извѣстныхъ цѣнностей, въ-замѣнъ полученныхъ. Но было бы нелѣпо вознаграждать тѣмъ, въ чемъ имѣютъ нужду; если есть возможность давать, въ замѣнъ услугъ, цѣнность имъ одинаковую, то не было бы надобности и возлагать обязанность болѣе или менѣе принудительнымъ образомъ. Итакъ необходимо давать въ-замѣнъ что-либо другое. Вездѣ, обыкновенно, даютъ отвѣтственнымъ лицамъ общественныя преимущества, или такъ-называемыя права выбора (по общественному управленію). Что жь изъ этого выходитъ? Лица, поставленныя во главѣ управленія по выборамъ, или тяготятся своими правами, или считаютъ свои должностныя мѣста, не безъ нѣкотораго, повидимому, основанія, *доходными* мѣстами (въ вознагражденіе за свою отвѣтственность). А. Печерскій (г. Мельниковъ) разсказываетъ одинъ очень-характеристичный случай, показывающій, какъ смотрятъ наши крестьяне на извѣстныя права. Одного вора, Прошку, присудили, въ-замѣнъ отдачи въ арестантскія роты, къ тѣлесному наказанію и лишенію извѣстныхъ правъ... Не бывать тебѣ (сказалъ судья) сиротскимъ опекуномъ; не будутъ тебя въ свидѣтели брать; не станутъ на мірской сходъ пускать; не будутъ выбирать во всю твою жизнь ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ

Digitized by Google

сотскіе, или въ десятскіе какіе-нибудь». Повалился тутъ Прошка судьямъ въ ноги, слезами заливается: «Отцы» говоритъ «вы мои родные, благодѣтели вы мои, коли такія есть до меня ваши *милости*, такъ нельзя ли ужь еще приписать, чтобъ и подводъ-то съ меня не брали?» («Дѣдушка Поликарпъ» въ № 10 «Рус. Вѣст.» 1857 г.). Вознагражденіе самого себя, по-мѣрѣ-возможности, произвольными поборами за *тягость*, выражаемую извѣстными *правами*, слишкомъ-знакомо всѣмъ, потому и не станемъ здѣсь распространяться о немъ. Однако, существуетъ ли достаточное основаніе для установленія извѣстныхъ правъ? Положимъ, что эти права вполнѣ-сообразны съ отвѣтственностью (то есть, что тягость отвѣтственности вознаграждается пожалованіемъ правъ, желаемыхъ для всякаго), но самая-то тягость общественная не должна, понастоящему, служить основаніемъ полученія права (вознагражденія), потому-что она налагается на тѣхъ, которые пользуются выгодностью общественной жизни преимущественно предъ другими (такъ-сказать, благодаря другимъ), и налагается именно ради того, что они ею пользуются. Общественная тягость, возлагаемая на нихъ, есть собственно не жертва ихъ въ пользу общества, а уплата за особенныя выгоды ихъ въ общественномъ быту. Такимъ-образомъ, при дарованіи особенныхъ правъ извѣстнымъ лицамъ, получается вознагражденіе *за одно и то же*, такъ-сказать, *вдвойнѣ*. Если тягость и выглядитъ жертвой, то это только потому, что ей придано неопредѣленное значеніе. Еслибъ общественная тягость, налагаемая на поземельную собственность, служила не для удовлетворенія случайныхъ, неопредѣленныхъ *нуждъ* общества, а предназначалась для опредѣленныхъ *потребностей* народа, то объ установленіи пустозвонныхъ правъ не было бы и помину. Нужды бываютъ болѣе или менѣе значительны или ничтожны, отъ неурожаевъ, усиленія смертности, пожаровъ и т. п., тогда-какъ потребности (на общеполезныя учрежденія, сооруженія) бываютъ болѣе или менѣе постоянны; въ удовлетвореніи ихъ не представляется крайней спѣшности, жгучей необходимости, хотя они и могутъ развиваться до безконечности. Мѣстныя нужды должны удовлетворяться общими личными взносами (прямыми и, если удобно, косвенными), а не одними сборами съ поземельной собственности; поэтому, разумѣется, мірскіе капиталы и не должны находиться въ распоряженіи однихъ землевладѣльцевъ. Нѣкоторыя мѣстныя потребности, конечно, могутъ быть удовлетворяемы, какъ личными сборами, такъ отчасти и налогомъ съ

Digitized by Google

поземельной собственности, но, во всякомъ случаѣ, часть поземельнаго налога, отдѣляемая общегосударственнымъ управленіемъ въ распоряженіе мѣстныхъ управленій, не должна находиться въ исключительномъ распоряженіи однихъ землевладѣльцевъ. Еслибъ даже всѣ вообще сборы, въ томъ числѣ и поземельные (но только опредѣленные, несоотвѣтствующіе вполнѣ однѣмъ общественнымъ нуждамъ), находились въ распоряженіи мѣстныхъ обществъ, то и тогда, при нахожденіи этихъ сборовъ въ распоряженіи представителей всѣхъ согражданъ, не было бы опасности въ томъ, что эти сборы станутъ употребляться согласно съ побужденіями узкаго эгоизма, или мелкихъ сословныхъ интересовъ. Какъ-скоро общіе сборы, предназначаемые на удовлетвореніе общественныхъ потребностей, употребляются болѣе или менѣе производительнымъ образомъ (на общеполезныя учрежденія или предпріятія, приносящія доходъ, идущій на осуществленіе другихъ общеполезныхъ дѣлъ), то не будетъ ни побужденія, ни возможности для тѣхъ или другихъ лицъ, или собственниковъ извѣстнаго рода, хлопотать объ употребленіи или сокращеніи общественныхъ сборовъ (доходовъ) въ свою исключительтую пользу.

Само-собою разумѣется, что, при правильномъ распредѣленіи общественныхъ тягостей, не представляется никакой надобности въ изобрѣтеніи для поземельныхъ собственниковъ особыхъ правъ (или обязанностей—трудно сказать опредѣлительно) по выборамъ, касающимся мѣстнаго управленія. При правильномъ распредѣленіи тягостей, круговая порука собственниковъ въ уплатѣ поземельнаго налога не можетъ служить основаніемъ особыхъ правъ, потому-что отвѣтственность ихъ легка, будучи обезпечена поземельною собственностью каждаго изъ нихъ, и имѣетъ значеніе только какъ условіе сокращенія административныхъ расходовъ, которое выгодно для самихъ собственниковъ. Круговая же отвѣтственность касательно личныхъ повинностей, понастоящему, не должна существовать, или, по-крайней-мѣрѣ, должна быть ничтожна (предполагая косвенное взиманіе ихъ и уменьшеніе нынѣшняго ихъ, по распредѣленіи должной доли на поземельную собственность). Во всякомъ случаѣ, собственники въ этомъ отношеніи находятся въ одинаковомъ положеніи, и даже лучшемъ, чѣмъ прочіе (стало-быть, и не зачѣмъ изъявлять имъ извѣстныя притязанія). Достатокъ въ имуществѣ не можетъ служить надлежащимъ обезпеченіемъ въ исправномъ отправленіи обязанности по управленію, потому-что суммы общественныя могутъ значи-

Digitized by Google

тельно превышать состояніе служилыхъ лицъ. Радѣя о пользѣ всѣхъ собственниковъ, избранное лицо пріобрѣтетъ на свою долю слишкомъ-ничтожную *прямую* выгоду (оно можетъ гораздо-больше выгодать, не хлопоча объ *общей* пользѣ. Къ чему же ему особенно хлопотать, если служба не приноситъ достаточнаго вознагражденія? Ограниченіе выбора одними людьми достаточнаго состояні; порождаетъ только небрежность въ отправленіи ея. Избранное лицо знаетъ, что съ трудомъ найдутъ другаго въ-замѣнъ его, а если и найдутъ, то этотъ другой будетъ не лучше его. Между немногими людьми съ достаточнымъ состояніемъ гораздо-труднѣе найти способныхъ къ занятію общественной должности, чѣмъ между всѣми безъ ограниченія, и такіе (достаточные) люди, считаютъ свои занятія дороже-стоющими, чѣмъ другіе. Если въ-самомъ-дѣлѣ находятся въ обществѣ лица, отличающіеся не только знаніемъ дѣла, рачительностью, свободою отъ домашнихъ хлопотъ, но и значительнымъ достаткомъ, обусловливающимъ особое довѣріе къ лицу, то такіе люди и безъ всякихъ ограниченій, исключительныхъ преимуществъ, будутъ избраны обществомъ. Такія преимущества ихъ все-таки выходятъ пустозвонными. А между-тѣмъ, при сводномъ доступѣ людей всякаго рода къ выборамъ и при достаточномъ вознагражденіи за службу (которое обусловливается *добровольнымъ* вступленіемъ въ нее), тѣ же самые люди, которые, пользуясь своими исключительными преимуществами, не дорожили службой, стали бы дорожить ею. Избранные люди *служили* бы обществу, а не были бы *начальствомъ* (въ томъ смыслѣ, какой придаетъ этому слову г. Громека, въ замѣчательной статьѣ «О полиціи внѣ полиціи», въ «Р. В.» № 21).

Князь В. Черкасскій (въ 9 № «Сел. Бл.») полагаетъ, что лицами, избираемыми въ извѣстную должность, могутъ быть и неприсутствующіе, даже и изъ самыхъ молодыхъ людей; но онъ опредѣляетъ срокъ службы по выбору (три года) и полагаетъ, что право избирать должно быть предоставлено однимъ старикамъ. Назначеніе срока службы, въ теченіе котораго выборное лицо не можетъ быть отрѣшено отъ должности, предполагаетъ бо́льшую или ме́ньшую безотвѣтность (какъ справедливо замѣчаетъ «Times» по поводу одной рѣчи Брайта, объ измѣненіи порядка выборовъ въ англійскій парламентъ); исправляетъ ли выборное лицо свою службу согласно съ желаніемъ избирателей, или же исправляетъ неудовлетворительно, избиратели могутъ выказать свое неодобреніе только по окончаніи срока (избравъ другое лицо). Англійская

Digitized by Google

газета объясняетъ необходимость срочной безсмѣнности выборныхъ лицъ (президента, предводителя) въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ тѣмъ, что тамъ иначе конца не было бы выборамъ: при множествѣ лицъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, нельзя предположить общую извѣстность одного какого-либо лица, и невозможно угождать на службѣ всѣмъ (президентъ пользуется популярностью только при вступленіи въ должность, пока не раздастъ всѣ мѣста по управленію). Кн. Черкасскій, относительно выбора, сельскихъ должностныхъ лицъ сходами государственныхъ крестьянъ, говоритъ, что «законъ, вѣроятно, въ предупрежденіе слишкомъ уже частаго повторенія выборовъ, дозволилъ начальству единожды выбранное, должностное лицо, волостнаго голову, успѣшно-прослужившаго трехлѣтіе, оставлять въ должности на неопредѣленное время, не подвергая его новому избранію общества». Авторъ находитъ полезнымъ дать право на избраніе приходскаго старшины, его помощника и деревенскаго старосты, однимъ старикамъ, и ими же замѣнять, по очереди, другихъ должностныхъ лицъ (засѣдателей); вслѣдствіе чего не будетъ надобности въ «часто-повторяющихся, подъ часъ шумныхъ, всегда съ прогуломъ сопряженныхъ выборовъ». Не оспоривая мнѣніе англійской газеты, принимая его за вѣрное, находимъ, однако, что опасность легкаго возрожденія неудовольствія на выборное лицо со стороны значительнаго числа избирателей зависитъ отъ разрозненности общественныхъ интересовъ, между разными частями государства и сословіями. Немудрено понять горячность выборовъ и неудовольствіе людей нѣкоторыхъ партій, при назначеніи въ общественныя должности лицъ, имѣющихъ чуждыя выгоды, если вспомнимъ, что правительственныя лица имѣютъ понеобходимости сильное вліяніе на рѣшеніе государственныхъ вопросовъ (о невольничествѣ, свободѣ торговли) въ пользу той или другой стороны. Еслибъ не существовало неестественныхъ отношеній однихъ лицъ къ другимъ, то не было и означенной неурядицы. Въ устраненіи этихъ ложныхъ отношеній, разумѣется, нѣтъ ничего невозможнаго. Мы вѣримъ въ усовершенствованіе человѣчества; твердо убѣждены, что сложное, стѣснительное устройство общественнаго быта замѣнится естественнымъ, первобытнымъ, только въ болѣе совершенномъ видѣ (*).

(*) Съ удовольствіемъ указываемъ на статью г. Чернышевскаго, въ которой хорошо объяснено движеніе усовершенствованія общественнаго быта (въ «Соврем.» 1858 г., № 12).

Digitized by Google

Сѣверная Америка легче, чѣмъ другія западно-европейскія государства, достигнетъ цѣли совершенства. Она не обременена, какъ Англія, огромнымъ долгомъ, который отнимаетъ почти всю возможность къ расплатѣ и побуждаетъ, для уплаты процентовъ, опредѣлять налоги на все, съ чего только есть возможность взимать; она и теперь уже обходится безъ постояннаго войска и военный флотъ ея незначителенъ. Только невольничество сидитъ у ней, какъ бѣльмо на глазу. Если у насъ, въ сельскомъ быту, установятся правильныя отношенія крестьянъ къ цѣлому обществу, то не будетъ и основанія для чрезмѣрнаго развитія отвѣтственности и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, полновластія мѣстныхъ управленій, а не будетъ полновластія, не будетъ и обстоятельствъ, обусловливающихъ неурядицу въ выборахъ. При *сельскихъ* выборахъ, конечно, многочисленность избирателей не можетъ, сама-по-себѣ, причинять особенную затруднительность въ выборахъ (и эта незначительность затрудненія можетъ служить обстоятельствомъ, благопріятствующимъ дѣлу), но все-таки, при извѣстномъ распредѣленіи общественныхъ повинностей, выборныя власти могутъ имѣть очень-сильное вліяніе на отягощеніе такихъ или другихъ собственниковъ, бо́льшими или ме́ньшими повинностями; поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если каждый членъ сельскаго общества считаетъ нужнымъ принять сильное участіе въ выборахъ, пристаетъ къ той или другой партіи и настойчиво поддерживаетъ при выборѣ тѣхъ людей, на снисхожденіе которыхъ разсчитываетъ. При иномъ положеніи дѣлъ, такая выборная горячка можетъ исчезнуть. Выборныя лица будутъ имѣть значеніе какъ знатоки дѣла, а не какъ представители той или другой, взаимно-враждебной стороны общества. Нѣкоторыя лица, незнающія кого выбрать, могутъ и не участвовать въ выборахъ. Такъ-называемое право выбора, такъ же естественно, какъ, напримѣръ, право, утоленія голода. Самое колебаніе въ опредѣленіи правъ выбора (для однихъ стариковъ, для домокозяевъ, тяглецовъ, и пр.) какъ-нельзя-лучше показываетъ, что дѣйствительнаго основанія въ назначеніи такихъ исключительныхъ правъ не существуетъ. Въ добровольномъ устраненіи себя отъ участія въ выборахъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Не всякій домокозяинъ, или старикъ, непремѣнно знаетъ, кого выбрать, а между-тѣмъ такое знаніе можетъ существовать у простаго работника.

Говоря объ ограниченіи полновластія выборныхъ лицъ, вовсе не подразумѣваемъ развитія, въ замѣнъ того правительственна-

Digitized by Google

го вмѣшательства въ дѣла мѣстныхъ обществъ: напротивъ, полновластіе-то этихъ лицъ и обусловливаетъ близкій надзоръ за дѣйствіями ихъ со стороны правительства. При существованіи крѣпостнаго права невозможны были коренныя преобразованія быта крестьянъ государственныхъ, и крестьяне, особенно до переложенія податей съ душъ на земли, подчинялись полновластію со стороны, какъ выборныхъ, такъ и правительственныхъ лицъ. Выборы не могли быть спокойны; выборныя же лица находились въ полной подчиненности у правительственныхъ лицъ, стало-быть, понятно, что продолжительность службы первыхъ стала зависѣть отъ послѣднихъ.

Г. Вызинскій, въ статьѣ «Защитники парламентаризма во Франціи и его противники» («Р. В.» № 21), развиваетъ, между прочимъ, мысль, что безъизвѣстныхъ сословныхъ преимуществъ, неудобно осуществленіе управленія по выборамъ. По мнѣнію автора, неустойчивость представительнаго правленія зависѣла отъ существованія довольно-сильной централизаціи; усилія противниковъ этихъ преимуществъ клонятся только къ уничтоженію представительнаго правленія и усиленію централизаціи. Взглядъ такой считаемъ слишкомъ-поверхностнымъ. Для успѣха дѣйствій противниковъ извѣстныхъ преимуществъ, недостаточно было одержать верхъ и уничтожить эти преимущества: необходимо было и умѣнье не перейти въ другую крайность; а такого-то умѣнья и не доставало. Увлекаемые пристрастіемъ къ мелочнымъ исключительнымъ выгодамъ своей партіи, они создали для нея тоже преимущества, вполнѣ-нелѣпыя (droit au travail въ пользу ремесленниковъ и въ ущербъ землевладѣльцевъ). Дѣла не могли остаться въ такомъ положеніи. Что касается сильной централизаціи, сложной администраціи, существовавшей при представительномъ правленіи, то она зависѣла отъ неправильнаго распредѣленія общественныхъ тягостей (которыя и не распредѣлятся правильно, пока будутъ существовать запрещенія, ограниченія и поощренія касательно народной промышлености). Англичане, при своемъ самоуправленіи, съумѣли обойтись безъ сильной централизаціи; но они не могутъ похвастаться правильнымъ распредѣленіемъ общественныхъ тягостей и—можно ли сказать, что у нихъ низшіе классы народа пользуются благосостояніемъ? Развѣ народное волненіе, которое продолжается уже достаточное время и проявляется въ особенности теперь, не имѣетъ смысла?... Предоставляемъ «Р. Вѣстнику» восторгаться самоуправленіемъ, которое существуетъ въ

Digitized by Google

Англіи; мы же, съ своей стороны, прямо объявляемъ, что не желаемъ развитія такого самоуправленія, которое было бы основано на тѣхъ положеніяхъ, шаткость которыхъ мы объяснили (*).

По нашему разумѣнію, истинное self-government (автономія, самоуправленіе) осуществляется не тогда, когда человѣкъ находится подъ управленіемъ лицъ, избранныхъ изъ круга общества, въ которомъ онъ живетъ, а тогда, когда онъ обходится по возможности безъ всякаго управленія, или какой-либо опеки надъ нимъ. Возьмите въ примѣръ какого-нибудь городскаго жителя, свободно-занимающагося какими-либо дѣлами: не-уже-ли онъ не пользуется свободою, или не самоуправляется тогда, когда занимается чѣмъ хочетъ, перемѣняетъ мѣсто жительства, продаетъ свое имущество по произволу, не тревожится сборщиками податей и налоговъ, не принуждается къ какимъ-либо занятіямъ, а станетъ пользоваться самоуправленіемъ и свободою только тогда, когда на всѣ свои дѣйствія долженъ будетъ испрашивать согласія и подчиняться требованіямъ общества такихъ же людей, какъ онъ?

Если есть возможность обойтись безъ общественнаго опеканія, замѣтно-тревожнаго, ради исправнаго выполненія общественныхъ тягостей, то безъ такого же опеканія, ради сохраненія благочинія, и подавно можно обойтись. Какой-нибудь Карпъ, будучи на́-веселѣ, можетъ слишкомъ-громко прогорланить кабацкую пѣсню, можетъ

---

(*) Нѣкто г. А. Г. («Сынъ Отеч.» № 40), по поводу одного нашего мнѣнія, высказаннаго во 2 ст. «Обзора» («О. З.» № 8, стр. 84), замѣчаетъ, что мы (будто бы) подсказываемъ землевладѣльцамъ, что «важно для государства, если богатые люди покупаютъ большіе домы въ столицахъ; такіе люди должны быть въ большомъ почетѣ: это не то, что́ имѣть маленькій домъ». Изъ нашихъ же словъ можно только вывести заключеніе, что въ крупныхъ поземельныхъ собственникахъ не представляется особенной надобности, тогда-какъ въ капиталистахъ-домовладѣльцахъ, при извѣстной обстановкѣ общественнаго хозяйства (нераздѣльности владѣнія зданіями) надобность ощущается. Мы вовсе не говорили: «*должны быть*» и пр.; но обыкновенно, чѣмъ больше въ комъ ощущается надобность, тѣмъ и бо́льшія даруются преимущества (напримѣръ, купцамъ сообразно съ ихъ капиталами). Дѣйствительно ли велика надобность и можно ли устранить ее—это другой вопросъ. Впрочемъ, такія преимущества, какъ дозволеніе носить великолѣпный костюмъ, и пр., о которыхъ говоритъ «Русскій Помѣщикъ» (см. «Отеч. Зап.» № 10, въ «Обзорѣ» стр. 42), не считаемъ стѣснительными для народнаго хозяйства.

Digitized by Google

свалиться въ грязь, можетъ даже оттрепать Сидора за волосы, ни за что, ни про что, а Сидоръ, въ свою очередь, можетъ поставить фонарь подъ глазъ Карпу. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что, для прекращенія такого «безчинства» слѣдуетъ возложить на деревенскаго старосту обязанность надзора, съ правомъ наказывать самовластно розгами, хотя и «не свыше 18 ударовъ» и «не иначе, какъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей, преимущественно изъ стариковъ». Развѣ существованіе полицейскаго надзора уничтожаетъ безчинство? Развѣ страхъ полицейскаго наказанія уменьшаетъ число проступковъ? Развѣ всѣ случаи безчинства доходятъ до свѣдѣнія полиціи? Если обиженный самъ приноситъ жалобу мѣстному начальству—дѣло другое; да и то справедливое начальство должно повозможности примирять, а не наказывать. Наказанія, къ которымъ присуждается нарушитель благочинія, далеко не достигаютъ цѣли; нѣтъ такого наказанія, которое соотвѣтствовало бы проступку; карательныя мѣры только раздражаютъ, а не исправляютъ. Если Карпъ своимъ безчинствомъ возбудитъ общее нерасположеніе—онъ уже наказанъ. Если полицейскія власти занимаются только разбирательствомъ жалобъ, а не надзоромъ за благочиніемъ, то мелкія ссоры, драки, могутъ быть усмирены скорѣе и, главное, своевременно. Self-government будетъ тогда, когда присутствующіе стараются разнять ссорящихся, а не тогда, когда они, опасаясь сами быть замѣшанными въ дѣло, восклицаютъ только: «десятскому дать знать! гдѣ десятскій?» Выраженіе: «не мѣшайтесь *не въ свое* дѣло» имѣетъ такой же смыслъ, какъ и фраза: «наблюдать—дѣло полиціи», сказанная г. городовымъ (въ каррикатурѣ Степанова) одному зѣвакѣ, который—на запросъ: что̀ тутъ дѣлаешь?» отвѣтилъ: «наблюдаю». Самый бдительный надзоръ не остановитъ случайныхъ безчинствъ; онъ будетъ проявляться только въ видѣ извѣстныхъ понуканій: «ну, что̀ толкаешься? стой на мѣстѣ! ну, что̀ сталъ? проходи!» Никакъ нельзя сказать, что подобные *порядки* производятъ смягченіе нравовъ.

Въ разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ между крестьянами, конечно, представляется надобность; но выборъ того или другаго способа разбирательства слѣдуетъ предоставить совершенно на волю самихъ крестьянъ: въ этомъ ихъ прямая выгода. Для сельскихъ обществъ, представляющихъ столько разнообразія, относительно бо̀льшей или меньшей потребности въ разбирательствѣ и въ бо̀льшей или меньшей легкости въ удовлетвореніи такой

Digitized by Google

потребности (при разныхъ устройствахъ хозяйства, занятіяхъ, средствахъ содержанія, и пр.), совершенно напрасно придумывать общіе обязательные способы разбирательства, распредѣлять его между старостами, старшинами, мирными судьями (maires, juges de paix), приходскими судами, сходами стариковъ, выборныхъ, общими собраніями, и пр.

Г. Полтавскій Помѣщикъ («От. Зап.» № 10), занимавшій должность окружнаго начальника, говоритъ, что «наши государственные крестьяне, по настоящей дѣйствительной степени своего *умственнаго и нравственнаго развитія*, далеко еще не достигли до возможности составить изъ себя такія общества, какія желаетъ въ нихъ видѣть правительство». Авторъ, какъ мы находимъ, вѣрно замѣчаетъ, что «общества крестьянъ состоятъ изъ безпорядочной толпы людей, совершенно-равнодушныхъ ко всякому дѣлу общественному» и пр. Только къ подобному замѣчанію слѣдовало бы автору прибавить другое, которое могло бы объяснить причину кажущейся неразвитости крестьянъ. Одинъ господинъ, занимавшійся по той же части, какъ и авторъ, говоритъ: «мужики еще мало развиты; имъ дали сходы, дали свой судъ; это почти уже self-government, а онъ все-таки лѣзетъ ко мнѣ, потому-что — *благодаря моимъ административнымъ усиліямъ, моему неусыпному попечительству* — хоть инстинктивно, но понимаетъ, что *и онъ ничего*, что *и сходъ его — ничего*» («Озорники» въ «Губернскихъ Очеркахъ» Щедрина).

Есть люди, которые обладаютъ замѣчательнымъ даромъ наблюдательности, но имѣютъ чрезвычайно-мало проницательности. Они легко подмѣчаютъ всякіе недостатки человѣческой природы, живо представляютъ себѣ болѣзненное состояніе души чуждыхъ имъ людей, но рѣшительно неспособны понять причины такого состоянія; часто, для поправленія дѣла, они домогаются укрѣпленія той обстановки быта, которая именно и портитъ все дѣло. Замѣчая, что большинство грамотныхъ людей, составляющихъ незначительную часть всего крестьянскаго общества, отличается дурною нравственностью, означенные господа готовы, какъ г. Даль, желать исчезновенія грамотности даже между этими немногими людьми, совершенно не догадываясь, что самая незначительность числа такихъ людей, въ сравненіи съ остальными, способствуетъ порчѣ нравственности, даетъ возможность слишкомъ-легко пріобрѣтать деньги, на *теплыхъ* мѣстахъ (волостныхъ писарей и т. п.). Обвиняютъ крестьянъ въ невѣжествѣ, побуж-

Digitized by Google

дающемъ ихъ всячески противиться отдачѣ дѣтей въ школу, а не понимаютъ того, что крестьяне опасаются собственно поступленія ихъ дѣтей въ дворовые. Охуждая родительскій деспотизмъ въ людяхъ высшихъ сословій, нѣкоторые господа возстаютъ противъ свободы раздѣла крестьянскихъ семействъ и одобряютъ полновластіе родителей, касательно брачныхъ союзовъ дѣтей ихъ. Они совѣтуютъ по этому случаю дать высшую власть сходу деревенскихъ патріарховъ-деспотовъ, или помѣщику; они обвиняютъ въ недружелюбіи членовъ крестьянскихъ семействъ, не вникая въ то, что невозможность для каждаго сохранять при себѣ свою личную прибыль отъ производства, тѣснота житья при увеличеніи семьи, ограниченность тягловыхъ участковъ, общинная отвѣтственность, способы отправленія повинностей, и проч., причиняютъ и недовольство родительскою опекою и нелюбовь младшихъ сыновей къ женамъ старшихъ — *лишнимъ* членамъ семьи, увеличивающимъ общія нужды. Нѣкоторые господа (какъ, напримѣръ, авторъ этнографическаго очерка Калязинскаго Уѣзда: «Крестьянинъ-торговецъ») очень-метко обозначаютъ особенности крестьянъ-промышленниковъ, ихъ бойкость, сметливость и наклонность «сшибаться» при житьѣ вдали отъ жены, отъ семьи; тяжело читать описанія послѣдствій такого безсемейнаго житья семейныхъ людей; но еще тяжеле становится на сердцѣ, когда изъявляются желанія объ ограниченіи свободы выбора занятій вмѣсто того, чтобъ изъявить желаніе объ облегченіи деревенскихъ разсчетовъ, дающемъ средства и способы жить съ своей семьей въ болѣе-выгодныхъ мѣстахъ. Всѣ господа съ поверхностнымъ взглядомъ на общественную жизнь опасаются послѣдствій немедленнаго дарованія полной свободы крестьянамъ, выражаютъ опасеніе о неспособности людей стараго поколѣнія къ самобытному житью, толкуютъ о какомъ-то предварительномъ подготовленіи, опеканіи, пріученіи къ нравственной жизни и т. п. А какъ часто опыты показываютъ, что достаточно бываетъ одного легкаго дуновенія свободы, чтобъ сдернуть съ крестьянъ покровъ невѣжества и грубости, повидимому плотно-приставшихъ къ нимъ!

«Только шестой годъ, и то непостоянно (говоритъ, въ 3 № «Ж. З.») г. Е. Протасьевъ, помѣщикъ Сапож. Уѣзда Рязан. Губ. живу я въ деревнѣ, многаго еще не знаю и весьма-недавно обнаружилась передо мною лицевая сторона крестьянской природы». При первомъ знакомствѣ, крестьяне оказались бѣдными. «Нравственная нищета ихъ была еще порази-

Digitized by Google

тельнѣе. Часто собиралъ я ихъ съ намѣреніемъ потолковать о ихъ положеніи, о средствахъ поправить ихъ бытъ, съ цѣлью позаимствоваться отъ нихъ совѣтами касательно нашихъ общихъ дѣлъ, но всякій разъ разочаровывался въ своихъ ожиданіяхъ. Кромѣ раболѣпныхъ словъ: «какъ прикажетъ ваша милость», «воля ваша» и т. п., ничего не могъ добиться. Во всѣхъ мѣрахъ, какія принималъ я для ихъ же пользы, они видимо подозрѣвали, что за этими мѣрами скрывается какая-нибудь себялюбивая цѣль съ моей стороны. Они не довѣряли мнѣ, а я обвинялъ ихъ въ грубости чувствъ, въ неблагодарности и вообще имѣлъ самое дурное мнѣніе о русскомъ *мужикѣ*. Такъ продолжалось три года...» Авторъ до пріѣзда своего въ купленное имѣніе не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о деревнѣ, Непривычка смотрѣть съизмала на крѣпостныхъ, какъ на какія-то низшія существа, послужила, какъ мы полагаемъ, обстоятельствомъ, благопріятствующимъ тому, что авторъ самъ не огрубѣлъ въ чувствахъ и не сталъ отплачивать крестьянамъ за ихъ «неблагодарность», беззаботливостью о ихъ выгодахъ. «Особенныхъ, необыкновенныхъ мѣръ къ поправленію крестьянъ (продолжаетъ авторъ), въ этотъ (трехлѣтній) періодъ времени, я не принималъ. Ограничился тѣмъ, что установилъ правильный трехдневный трудъ, назначилъ опредѣленные въ недѣлѣ дни на барщину и на себя, и не упускалъ случая доставлять крестьянамъ заработки дома или на сторонѣ. Но и отъ этихъ нехитрыхъ мѣръ крестьяне видимо поправились въ вещественномъ и въ нравственномъ отношеніи... Мужички и духомъ повеселѣли; на сходкахъ не стоятъ уже, какъ прежде, съ поникшими головами, съ опущенными глазами, съ видомъ рабскаго подобострастія, а смотрятъ смѣло, разговариваютъ свободно, безъ страха и безъ дерзости; обсуживаютъ вмѣстѣ со мной касающіеся до нихъ вопросы: одобряютъ одни, доказываютъ неудобопримѣнимость другихъ.. Вотъ ужь третій годъ, что крестьяне не приходятъ ни за хлѣбомъ, ни за деньгами, хотя очень-хорошо знаютъ, что я имъ ни въ томъ, ни въ другомъ не откажу, и что у нихъ есть собственно имъ принадлежащій запасъ хлѣба и денежный капиталъ: имъ «*совѣстно* утруждать барина», какъ они выражаются. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ народомъ, тѣмъ лучше онъ мнѣ кажется въ нравственномъ отношеніи, тѣмъ достойнѣе любви и уваженія. Я утвердился въ мысли, что нелегко пріобрѣсть любовь крестьянъ; долго всматриваются они въ *барина*,



Digitized by Google

долго не довѣряютъ ему; въ это время не совѣстятся ни досаждать ему, ни хитрить съ нимъ, не считаютъ грѣхомъ и обобрать его; но разъ увѣрившись, что онъ на-самомъ-дѣлѣ желаетъ имъ добра, они дѣлаются довѣрчивыми и стараются даже перещеголять его въ великодушіи... Урожай ржи въ 1857 г. у меня въ имѣніи былъ плохъ... Я ожидалъ наплыва просителей мѣсячины—не тутъ-то было. Крестьяне дѣйствительно пришли, но не просить хлѣба, а покупать его по базарной цѣнѣ, и нужно было видѣть, съ какимъ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ какою важностью, съ какимъ невыразимымъ удовольствіемъ, проникнутые правотою своего дѣйствія, эти новые *покупщики* развязывали кошель, вынимали деньги и разсчитывались со мной»... Авторъ разсказываетъ еще другой поступокъ крестьянъ въ минувшемъ году весною: въ барщинскіе дни, за ненастьемъ, они не успѣли перепахать господское поле, но, несмотря на то, въ свои дни добровольно докончили работу.

Если при чтеніи разсказа г. Протасьева вы не были глубоко тронуты, любезный читатель, намъ остается только пожалѣть о васъ.

П. Славинскій.

Digitized by Google

# ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ И НАПРАВЛЕНІЕ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

## АКЦІОНЕРНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ.

---

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и интересныхъ явленій, которыми Россія отмѣтила и ознаменовала вступленіе свое въ новый періодъ жизни, есть необыкновенное развитіе акціонерной и компанейской дѣятельности, направленной къ разработкѣ естественныхъ богатствъ, которыми такъ щедро надѣлена она. На первыхъ порахъ вступленія своего въ новую жизнь, отечество наше раціонально сознало и прониклось тою идеею, уже давно—выработанною наукой и подтвержденною опытомъ, что матеріальное развитіе государства составляетъ важнѣйшее условіе и духовныхъ, нравственныхъ успѣховъ его. Утвердившись въ этой идеѣ, оно обратило все свое вниманіе и направило всю непочатую еще свою дѣятельность на отстраненіе физическихъ препятствій, которыя преграждали ему движеніе на пути прогреса и замедляли ходъ его въ такой сильной степени, что оно до послѣднихъ годовъ было чуждо усовершенствованій какъ въ государственной, такъ и въ частной жизни, выработанныхъ западною наукою, и въ—отношеніи матеріальнаго, а, слѣдовательно, и духовнаго развитія, занимало незавидное мѣсто между государствами Европы. Новое, столь—благотворное и обильное благими послѣдствіями въ будущемъ направленіе выразилось въ необыкновенномъ, рѣдко—замѣчаемомъ въ другихъ государствахъ развитіи промышленной дѣятельности, коснувшейся различныхъ сторонъ хозяйственной жизни, которая затронула источники народнаго богатства, остававшіеся неразработанными. Такое промышленное развитіе, замѣчаемое въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ, независимо отъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыя проявятся современемъ въ увеличеніи народнаго богатства, какъ прямомъ результатѣ его, будетъ, по всей вѣроятности, сопровождаться другимъ, можетъ—быть, болѣе—значительнымъ слѣдствіемъ: успѣхами народнаго образованія... Кромѣ-того, современное промышленное направленіе, принятое Россіею, имѣетъ еще одно немаловажное послѣд-

Digitized by Google

ствіе по отношенію къ развитію и поддержанію народнаго труда, который, выйдя изъ патріархальныхъ и младенческихъ формъ своихъ, расширитъ свою дѣятельность, займетъ тысячи рукъ и доставитъ имъ благородное, прибыльное занятіе. Поддержаніе народнаго труда составляетъ важнѣйшее дѣло правительства, и исторія неопровержимо доказываетъ, съ какими усиліями просвѣщенные государственные люди старались достигнуть этого, часто даже прибѣгая къ искусственнымъ, незаконнымъ средствамъ, которыя, можетъ-быть, много вредили промышленному классу. Вспомнимъ, напримѣръ, строго-запретительные тарифы, издаваемые правительствомъ съ цѣлью поддержанія народнаго труда и національной промышлености. Но гораздо-совершеннѣе и, слѣдовательно, гораздо-раціональнѣе предоставлять промышленость ея естественному теченію и отстранять всѣ стѣснительныя и запретительныя мѣры, чего можно достигнуть единственно соблюденіемъ великаго правила свободы промышлености. Естественныя условія страны, потребности хозяйственнаго положенія вѣрнѣе и правильнѣе укажутъ на тотъ родъ дѣятельности, которымъ странѣ должно заняться и на который слѣдуетъ направить свои силы и знанія. Наконецъ, послѣднее важное значеніе современнаго промышленнаго направленія, принятаго нашимъ отечествомъ, можетъ быть разсматриваемо по отношенію къ государственнымъ доходамъ. Финансы тѣсно связаны съ народнымъ богатствомъ, успѣхъ ихъ непосредственно зависитъ отъ него, и самая раціональная и дѣйствительная мѣра къ улучшенію государственнаго бюджета состоитъ въ развитіи и усиленіи способовъ народа, въ увеличеніи его богатства. Прямымъ указаніемъ на это служитъ Австрія, бюджетъ доходовъ которой, несмотря на многія, въ высшей степени неблагопріятныя обстоятельства, значительно усилился въ послѣднее время, благодаря просвѣщенной дѣятельности министра ея, Брука.

Россія, вступивъ въ настоящее время въ сферу промышлености, облекла свою дѣятельность, какъ и слѣдовало ожидать, въ современную форму товарищества, выразила ее въ развитіи акціонерныхъ обществъ. Разработка самыхъ разнообразныхъ отраслей народной промышлености товариществами и соединеніе небольшихъ плодовъ народной бережливости въ могущественные капиталы для какого-нибудь производства или предпріятія, составляютъ одну изъ самыхъ отличительныхъ и рѣзкихъ чертъ экономическаго быта XIX столѣтія. «Какъ бы ни были слабы» говоритъ профессоръ Бабстъ, приводя слова одного экономиста, «силы отдѣльныхъ экономическихъ субъектовъ, въ соединеніи люди всегда производятъ громадныя дѣла». Духъ ассоціаціи, повѣявшій на Европу въ настоящее время, проявляясь въ тысячѣ самыхъ разнообразныхъ формъ, оживляетъ

Digitized by Google

и пробуждаетъ ея хозяйственную дѣятельность, а успѣхи въ наукахъ и техникѣ были причиною того, что всѣ почти ассоціаціи обновились и приняли форму почти исключительно производительную. Благодаря этой ассоціаціи капиталовъ, самые бѣдные люди могутъ принять участіе въ общемъ движеніи промышлености, скудные запасы ихъ бережливости не будутъ храниться подъ спудомъ и лежать непроизводительно; но, кромѣ участія въ общепромышленныхъ предпріятіяхъ, они будутъ приносить еще барыши своимъ вкладчикамъ, а главное, извлекутъ народъ изъ промышленнаго усыпленія, вызовутъ въ немъ новыя понятія, новые взгляды и пріучатъ его къ здравымъ экономическимъ воззрѣніямъ. Если только извѣстіе (говоритъ упомянутый уже нами авторъ), что между подписчиками на акціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ было много крестьянъ, справедливо, то это фактъ въ высшей степени знаменательный и утѣшительный. Но, не говоря уже о той пользѣ, которую долженъ принести подобный порядокъ вещей, обращая союзные капиталы на разработку того или другаго источника нашего богатства, мы тѣмъ самымъ способствуемъ къ освобожденію маленькаго капитала труда и таланта изъ-подъ гнета большаго капитала. Если недавно мы слышали восклицанія, что большія предпріятія въ борьбѣ съ малыми имѣли преимущество дешевизны и разоряли послѣднія, что могущество большихъ капиталовъ уничтожало самостоятельные промыслы и дѣлало человѣка, занимавшагося мастерствомъ, поденьщикомъ и пролетаріемъ, то теперь видимъ, что будущность для мелкаго предпринимателя, даже для работника пролетарія становится отраднѣе и свѣтлѣе. Если товарищества настоящаго времени заставили работника отказаться отъ уединеннаго существованія, то они дали ему, какъ участнику, какъ акціонеру, права капиталиста и собственника. Обширныя предпріятія исторгаютъ человѣка изъ патріархальнаго экономическаго быта. Вмѣсто строгой власти и семейныхъ отношеній между хозяиномъ и его подмастерьями, мы видимъ нынѣ, что каждый долженъ заботиться о себѣ, что личная отвѣтственность вполнѣ вступила въ права свои и возъимѣла полное дѣйствіе.

Мы нарочно коснулись въ настоящемъ случаѣ нравственной стороны вновь-возникающихъ товариществъ и старались показать ея значеніе, въ томъ предположеніи, что матеріальныя выгоды, проистекающія отъ соединенія отдѣльныхъ силъ и капиталовъ, всѣмъ извѣстны, всѣми сознаются въ настоящее время; нравственныя же преимущества того или другаго учрежденія, какъ болѣе-отвлеченныя слѣдствія, часто представляются неясно. Между-тѣмъ мы твердо вѣримъ и глубоко сочувствуемъ той весьма-здравой и вполнѣ-нравственной идеѣ, что въ дѣлахъ матеріальнаго благосостоянія, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, долженъ играть

Digitized by Google

существенную роль нравственный элементъ, забытъ который невозможно. Политическая экономія, проповѣдуя законы и условія наиуспѣшнѣйшаго производства, не должна забывать, что производство существуетъ не для себя самого, что оно есть только средство для благосостоянія людей, которые живутъ не длятого, чтобъ производить, а производятъ длятого, чтобъ жить.

Наконецъ, въ-отношеніи выгодъ и успѣховъ, которыхъ можно ожидать отъ развитія акціонерной дѣятельности въ Россіи, должно замѣтить, что успѣхи и выгоды эти обезпечиваются еще тѣмъ, что правительство наше сознаетъ невозможность собственными средствами сдѣлать все, сознаетъ, что частной промышлености надо заботиться самой о себѣ. У правительства, какъ охранителя народнаго благоденствія, спокойствія и славы, есть много обязанностей и безъ промышленныхъ предпріятій, много дѣлъ и заботъ, которымъ оно должно посвятить свою заботливую дѣятельность. Когда правительство занимается промышленными предпріятіями, оно парализируетъ духъ предпріимчивости частныхъ лицъ.

Указавъ на значеніе развитія промышленной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ и той формы, въ которую облеклась она, приступимъ къ главному предмету нашему—обозрѣнію общаго характера и направленія возникшимъ въ минувшемъ году промышленныхъ обществъ. Въ свое время, въ «Отечественныхъ Запискахъ», постоянно было упоминаемо объ учреждаемыхъ акціонерныхъ компаніяхъ и показывалась ихъ цѣль и устройство. Въ настоящее время, по прошествіи двухъ лѣтъ, ознаменовавшихъ себя такимъ громаднымъ развитіемъ компанейской дѣятельности, считаемъ небезполезнымъ бросить бѣглый взглядъ на общее ея значеніе и показать, на сколько направленіе обществъ, выразившееся въ предметахъ ихъ дѣятельности, соотвѣтствуетъ хозяйственнымъ требованіямъ современной Россіи.

Возникновеніе промысловъ въ государствѣ обусловливается всегда настоятельною въ нихъ потребностью, вытекающею изъ экономическихъ условій, въ которыхъ находится страна въ данный моментъ ея жизни; слѣдовательно, степень пользы и необходимости того или другаго общества, той или другой компаніи, опредѣляется большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ обществъ съ хозяйственными требованіями, болѣе или менѣе успѣшнымъ выполненіемъ обязанностей, налагаемыхъ на образующіяся промышленныя предпріятія экономическимъ положеніемъ страны. Съ этой-то точки зрѣнія мы и намѣрены разсмотрѣть акціонерныя общества и компаніи, возникшія преимущественно въ минувшемъ году; упоминая, при случаѣ, и объ образовавшихся въ 1857 году, какъ весьма-важныхъ и обширныхъ предпріятіяхъ.

Digitized by Google

Въ 1857 году основано 16 компаній, съ капиталомъ въ 303,090,000 руб., въ 1858 же году, до декабря — 31 компанія, съ капиталомъ въ 55,025,000 р.; всего въ два года 47 компаній, съ огромнымъ капиталомъ въ 358,115,000 мил. Всѣ эти компаніи, по роду ихъ дѣятельности, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы:

| Названія обществъ. | Число ихъ. | Капиталъ. | Процентъ общей суммы капиталовъ всѣхъ обществъ. |
|---|---|---|---|
| I. *Общества для улучшенія путей сообщеній* . . . . . | 16 | 316,900,000 | 88 |
| A. Желѣз. дорогъ 5—308,600,000 | | | |
| B. Пароходовъ 11— 8,300,000 | | | |
| II. *Сельскаго хозяйства и извлеченія продуктовъ изъ торфа* . . . . . | 2 | 3,500,000 | 1 |
| III. *Общества мануфактуръ и заводовъ* . . . . . | 15 | 13,175,000 | 3,5 |
| A. Хлопчато-бумажныхъ. . . . . 5—8,725,000 | | | |
| B. Писчебумажныхъ 4—1,900,000 | | | |
| C. Сальныхъ и стеариновыхъ. . . . 2— 600,000 | | | |
| D. Металлическихъ заводовъ . . . . 1—1,000,000 | | | |
| E. Фарфоровыхъ и фаянсовыхъ. . . 1— 250,000 | | | |
| F. Шелковыхъ фабр. 1— 500,000 | | | |
| G. Обойныхъ фабр. 1— 200,000 | | | |
| IV. *Общества торговыя* . . . . . | 5 | 10,800,000 | 3,3 |
| V. *Общества для благоустройства городовъ* . . . . . | 5 | 10,100,000 | 3 |
| A. Строевыхъ . . . 2—4,400,000 | | | |
| B. Водопроводовъ. . 1—1,500,000 | | | |
| C. Освѣщенія . . . 1—4,000,000 | | | |
| D. Улучш. помѣщеній рабоч. класса 1— 200,000 | | | |
| VI. *Амурская компанія*. . . . . | 1 | 3,000,000 | 1 |
| VII. *Гидростатъ, мукомольныхъ мельницъ и шитья мужскаго платья* | 3 | 640,000 | 0,2 |
| | 47 | 358,115,000 | 100 |

Digitized by Google

Изъ этой таблицы видно, что акціонерная дѣятельность нынѣ приняла слѣдующій характеръ:

Общее ея направленіе выразилось преимущественно въ томъ обстоятельствѣ, что она обратила всю свою дѣятельность, всѣ свои усилія главнѣйшимъ образомъ на предпріятія, имѣющія многостороннее и обширное государственное значеніе, напр. на средства сообщенія, которыя, независимо отъ своего чисто-спеціальнаго, торговаго характера, имѣютъ значеніе учрежденій административныхъ, государственныхъ. Кромѣ-того, компанейская дѣятельность, обративъ свои капиталы на улучшеніе путей сообщеній, ограничила свои заботы только большими дорогами, соединяющими главные центры потребленія, производства и администраціи, не коснувшись путей мѣстныхъ, относящихся къ отдѣльнымъ частямъ страны. По отношенію къ капиталамъ, какъ мы видѣли, на пути сообщенія, причитается 88% всей суммы, опредѣленной уставами компаній; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ они проявили характеръ громадности и обширности своихъ дѣйствій; наконецъ, что касается пространства дѣйствій компаніи желѣзныхъ дорогъ, то оно простирается на всю Россію, и такимъ-образомъ общества дѣлаются общеполезными для всего нашего отечества. Все, что мы сказали о желѣзныхъ дорогахъ, въ равной степени можетъ быть примѣнено къ пароходству, хотя суммы, поглощенныя компаніями, учрежденными для улучшенія морскихъ сообщеній, не столь значительны. Дѣятельность ихъ обратилась преимущественно къ оживленію движенія по морямъ и главнѣйшимъ рѣкамъ Россіи, которыя, по естественному положенію своему, представляютъ обильныя и удобныя средства водянаго сообщенія, весьма-важныя для торговли и промышлености Россіи, въ томъ отношеніи, что рѣки, по своему географическому распредѣленію, обнимаютъ огромныя пространства и распространяютъ свое теченіе по разнообразнымъ мѣстностямъ Россіи. Слѣдовательно, и въ-отношеніи пространства дѣйствія вновь-возникшихъ пароходныхъ компаній, онѣ имѣютъ значеніе одинаковое съ компаніями желѣзныхъ дорогъ и пріобрѣтаютъ тотъ же характеръ громадныхъ, имѣющихъ многостороннее значеніе учрежденій. Такимъ-образомъ, что касается обществъ для развитія путей сообщеній, то общая и отличительная черта ихъ есть обширность въ-отношеніи капиталовъ, многостороннее значеніе по отношенію къ цѣли, и значительное пространство, служащее областью ихъ дѣйствій.

Общества, обратившія свою дѣятельность на мануфактурную и заводскую промышленость, по числу и капиталамъ своимъ стоятъ, какъ видно изъ таблицы, на второмъ мѣстѣ. Большая часть изъ нихъ основана для устройства фабрикъ хлопчатобумажныхъ и писчебумажныхъ;

Digitized by Google

между ними находимъ только одинъ металлическій заводъ, одну фарфоровую и фаянсовую фабрику и одну шелковую. Изъ этого открывается, что заботы учредителей этихъ обществъ обращены преимущественно на развитіе и поддержаніе въ Россіи хлопчатобумажной и писчебумажной промышлености; металлическое же производство обратило на себя слабое вниманіе, стеариновые и сальные заводы также; а фабрики льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій вовсе не привлекли къ себѣ капиталовъ.

Что касается торговыхъ обществъ, дѣятельность ихъ ограничивается главнѣйшимъ образомъ распространеніемъ торговли по морямъ Бѣлому и Каспійскому, лежащимъ въ сѣверномъ и южномъ предѣлахъ Россіи и прилегающимъ къ странамъ малонаселеннымъ, но обладающимъ несметными неразработанными сокровищами, составляющими обильное богатство Россіи и условіе будущаго благосостоянія жителей, которые въ настоящее время, будучи лишены содѣйствія труда и катитала для извлеченія этихъ сокровищъ, лишены возможности пользоваться ими.

На долю сельско-хозяйственной, по нашему мнѣнію, главнѣйшей отрасли русской промышлености, пришлось одно только общество, съ капиталомъ въ три мильйона руб. сер., да и то, какъ извѣстно, будучи переименовано изъ общества продовольственныхъ и животныхъ продуктовъ и торговли ими, оно въ настоящемъ году преимущественно занимается торговлею мясомъ, такъ-что собственно дѣятельность его нельзя назвать сельско-хозяйственною въ строгомъ смыслѣ слова. Такимъ-образомъ, сельская промышлености осталась до-сихъ-поръ въ сторонѣ отъ общаго промышленнаго движенія, которое прямо не коснулось его.

Общества, устроенныя для водворенія благоустройства и заботящіяся о страхованіи зданій отъ пожаровъ, объ освѣщеніи городовъ, снабженіи ихъ водою и устройствѣ помѣщеній для рабочаго и нуждающагося класса, ограничили кругъ своей дѣятельности только столицами, некоснувшись остальныхъ мѣстностей Россіи. Число ихъ, по отношенію къ области ихъ будущихъ дѣйствій, можно признать достаточнымъ, также точно, какъ и количество капиталовъ, которыми будутъ они дѣйствовать.

Амурская компанія, какъ видно изъ самаго ея названія, направила свои усилія и капиталъ на развитіе промышлености и торговли въ приамурскомъ краѣ.

Наконецъ, три послѣднія, небольшія общества: Гидростатъ, мукомольныхъ мельницъ и шитья мужскаго платья, по незначительности капитала и неважному своему значенію, стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ въ общей системѣ вновь-возникшихъ обществъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ общество распространенія мукомольнаго промысла,

Digitized by Google

но, по незначительному капиталу, которымъ будетъ оно дѣйствовать, не обѣщаетъ имѣть большаго значенія въ будущемъ.

Представивъ таблицу образовавшихся въ Россіи въ послѣдніе два года обществъ и компаній и указавъ въ самыхъ общихъ чертахъ характеръ ихъ будущей дѣятельности, попытаемся теперь указать, на сколько дѣятельность эта соотвѣтствуетъ современнымъ хозяйственнымъ требованіямъ Россіи. Возникновеніе и существованіе каждаго промышленнаго предпріятія обусловливается непремѣнно потребностью въ томъ родѣ дѣятельности, которую оно поставило главною цѣлью своего существованія. Слѣдовательно, такая потребность, такое требованіе, которыя не вытекаютъ, какъ извѣстно, изъ одного произвола, а являются какъ слѣдствія положенія страны въ данный моментъ ея жизни, опредѣляютъ, съ своей стороны, годность и самую необходимость учрежденія. Въ то же время это разборъ экономическихъ потребностей современной Россіи и указаніе на тѣ, которымъ удовлетворила компаніейская дѣятельность, возникшая въ настоящее время, раскроетъ и тѣ потребности, которыя остались безъ вниманія и не привлекли къ себѣ ни промышлености, ни капиталовъ русскихъ. По нашему мнѣнію, только такой взглядъ на компаніи и общества можетъ вполнѣ опредѣлить ихъ значеніе въ нашей хозяйственной жизни и показать въ короткихъ словахъ, чего можно ожидать отъ нихъ въ будущемъ относительно государственной пользы.

Не считаемъ нужнымъ въ настоящемъ случаѣ распространяться о выгодахъ и пользѣ желѣзныхъ дорогъ: всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ обратились въ общія мѣста, всѣми повторяемыя. Замѣтимъ только, что Россія, начавъ разработку своего матеріальнаго богатства и вступивъ на путь промышленной дѣятельности, весьма раціонально сознала, что первое условіе успѣховъ этой разработки и благихъ результатовъ этой дѣятельности — существованіе удобныхъ средствъ сообщенія между отдаленными мѣстностями и способовъ передвиженія произведенныхъ цѣнностей. Неудобства и дороговизна провоза составляютъ въ Россіи первую и важную причину слабаго развитія хозяйства — желѣзныя дороги немедленно уничтожатъ эту причину: сѣверные и южные берега Россіи съ лежащими между ними обширными и разнообразными областями будутъ соединены между собою дешевыми и быстрыми путями сообщенія. Желѣзныя дороги представятъ непрерывную картину дѣятельности: народонаселеніе сѣверныхъ областей не будетъ уже умирать съ голоду въ то время, когда хлѣбъ гніетъ на отдаленныхъ поляхъ юга; производства всякаго рода увеличатся, находя себѣ сбытъ въ нуждающихся областяхъ, а огромные

Digitized by Google

излишки будутъ идти на рынки Европы. Москва соединится съ южнымъ и приволжскимъ краемъ, Петербургъ будетъ приближенъ на 20 часовъ ѣзды къ сѣти германскихъ желѣзныхъ дорогъ, отъ которой онъ отдѣленъ теперь на пять или на семь дней сухаго пути и на три моремъ; привольность, богатство и непрерывность сообщеній и оборотовъ будутъ обезпечены—слѣдовательно, будутъ отстранены всѣ препятствія, замедляющія движеніе торговли, и выполнены всѣ условія правильной коммерціи. Предоставляемъ читателямъ выводить слѣдствія изъ такого новаго порядка: слѣдствія эти очевидны и всѣмъ извѣстны. Но, спрашивается, вполнѣ ли требованія въ путяхъ сообщеній удовлетворены возникшими до настоящаго времени компаніями? линіи, которыя предположено провести отъ извѣстнаго центра до другаго, вполнѣ ли исчерпываютъ потребность въ соединеніи извѣстныхъ частей государства? Позволяемъ себѣ усомниться въ этомъ. Мы выше представили главный характеръ, который придали возникшія общества устроиваемымъ ими путямъ сообщеній. Пути эти ограничились главнѣйшимъ образомъ соединеніемъ большихъ главныхъ центровъ промышленнаго и торговаго движенія Россіи; дороги устроиваются только между столицами и главными портами и городами. Но ни столицы, ни главные города сами ничего не производятъ; все, чѣмъ они обладаютъ, что передвигаютъ между собою, есть произведеніе другихъ мѣстностей, результатъ труда и природы отдаленныхъ внутреннихъ областей Россіи; а между тѣмъ сообщеніе ихъ съ главными пунктами осталось въ прежнемъ положеніи, въ прежнемъ жалкомъ состояніи, нисколько—необезпеченномъ относительно удобства сообщенія; на устройство дорогъ, соединяющихъ главные центры потребленія съ центрами производства, не обращено пока должнаго вниманія; компанейская дѣятельность не распространила на нихъ своего благотворнаго вліянія, не посвятила устройству ихъ ни одной тысячи изъ громадныхъ своихъ капиталовъ. Это обстоятельство всѣ опытные и просвѣщенные люди считаютъ въ высшей степени важнымъ и признаютъ за величайшій недостатокъ современнаго направленія возникающихъ въ Россіи обществъ для улучшенія путей сообщенія. Безспорно, важно соединить главные торговые и промышленные пункты; возродившаяся промышленость, конечно, на нихъ первыхъ должна была обратить вниманіе, но въ то же самое время ей необходимо позаботиться и объ указанныхъ нами неглавныхъ путяхъ, безъ устройства которыхъ и первые, при всемъ совершенствѣ своемъ, не могутъ принести такой пользы, какую бы можно было отъ нихъ ожидать при исправномъ существованіи губернскихъ и сельскихъ дорогъ въ Россіи, находящихся въ настоящее время болѣе чѣмъ въ плохомъ положеніи.

Digitized by Google

Мы указали на это обстоятельство не въ видѣ упрека, а какъ на такое, которое слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду. Вполнѣ-увѣренные, что всего вдругъ предпринять и исполнить нѣтъ никакой возможности, надѣемся, что въ будущемъ и эти пути найдутъ для себя капиталы и предпріимчивыхъ людей, хотя въ настоящее время о нихъ нѣтъ и помину, и въ то время, какъ почти ежедневно проектируются, или проводятся главныя линіи сообщеній, дороги мѣстныя и губернскія не привлекаютъ на устройство капиталы и предпріимчивость, оставаясь въ прежнемъ положеніи.

Что́ касается водяныхъ сообщеній, на которые направлена дѣятельность компаній пароходныхъ, пути эти пріобрѣтутъ огромное значеніе при будущемъ развитіи на нихъ пароходства. Россія обладаетъ весьма-многочисленными и замѣчательными по своей величинѣ рѣками. Волга протекаетъ 3000 верстъ, Днѣпръ—1700, Донъ—около 1300. Всѣ эти рѣки расположены чрезвычайно-выгодно. Вытекая изъ центра государства, онѣ стремятся къ его предѣламъ и сѣтью побочныхъ рѣкъ охватываютъ самыя отдаленныя части имперіи, такъ-что сообщеніе по нимъ можетъ приносить пользу многимъ мѣстностямъ, служащимъ площадью ихъ теченія. Волга, напримѣръ, протекаетъ девять губерній, можно сказать, самыхъ плодородныхъ, и, принимая много побочныхъ рѣкъ — Суру и Оку съ правой стороны, Мологу, Шексну и Каму съ лѣвой — всею системою своею орошаетъ пространство въ 30,000 квадратныхъ миль; слѣдовательно, два вновь-возникшія по ней пароходства Нептунъ и Дружина, поддерживаемыя обществами, имѣющими въ своемъ распоряженіи довольно-значительный капиталъ (1,750,000 рублей), присоединившись къ прежде-учрежденному, могутъ принести немало пользы внутренней торговлѣ Россіи. Значеніе этого пути тѣмъ болѣе увеличивается, что волжская система соединяетъ самыя разнообразныя, по произведеніямъ, губерніи: сѣверныя—лѣсныя, среднія — хлѣбородныя, и южныя, гдѣ зрѣетъ виноградъ и другіе нѣжные плоды и развивается шелководство и скотоводство. Соединеніе Востока, богатаго горными произведеніями, съ центромъ Россіи, происходитъ также посредствомъ этого пути. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, волжское пароходство должно считаться важнѣйшимъ для Россіи, и, для полнаго развитія его, мы увѣрены, потребуется въ будущемъ не двѣ, а еще нѣсколько компаній, и всѣ онѣ принесутъ несомнѣнную пользу и будутъ процвѣтать одинако.

Днѣпръ и Донъ, орошающіе такія огромныя пространства и имѣющіе въ настоящее время неслишкомъ-обширные торговые обороты, съ развитіемъ пароходныхъ обществъ, будутъ такъ же значительно содѣйство-

Digitized by Google

вать оживленію промышлености и торговаго движенія въ странахъ, прилегающихъ къ пространнымъ бассейнамъ ихъ. Особенно-важнымъ и великимъ дѣломъ будетъ соединеніе Дона съ Волгою, посредствомъ котораго уединенныя воды Каспійскаго Моря соединятся съ Азовскимъ, Чернымъ, Средиземнымъ Морями, Средней Азіей и цѣлой Европой.

Слѣдовательно, значеніе возникшихъ обществъ по главнѣйшимъ рѣкамъ Россіи относится не только къ внутренней русской торговлѣ, но они распространяютъ свою дѣятельность и на внѣшнюю; особенно это можно сказать объ обществѣ южнорусскаго пароходства, коммиссіонерства и торговли, цѣль учрежденія котораго двоякая: облегченіе способовъ сообщенія по рѣкамъ Днѣпру и Бугу, ведущимъ къ главнымъ черноморскимъ портамъ, и содѣйствіе выгодному сбыту произведеній Южной Россіи, для чего предполагается имѣть прямыя и непосредственныя сношенія съ иностранными негоціантами. Общество это, обязующееся отстранять, на сколько возможно, неблагопріятныя обстоятельства, которыя, какъ извѣстно, стѣсняютъ торговлю сырыми продуктами Южной Россіи, обѣщаетъ доставить мѣстнымъ производителямъ возможность выручать за произведенія наибольшую цѣну и обезпечить промышленикамъ вѣрность сбыта продуктовъ за границу. Такимъ-образомъ суда, ходящія по Днѣстру, Днѣпру и Бугу, содѣйствуя желѣзной дорогѣ отъ Харькова въ Ѳеодосію и отъ Одессы въ Кіевъ, оживятъ дѣятельность Волыніи и Подоліи, Бессарабіи и Малороссіи, гдѣ, несмотря на обиліе всякаго рода произведеній, господствуетъ бѣдность; черноморскіе же порты, при содѣйствіи общества, забравъ всѣ эти произведенія, привезенныя изъ разныхъ мѣстностей, доставятъ ихъ въ чужія страны и вымѣняютъ на иностранные продукты.

Акціонерная дѣятельность по устройству пароходныхъ сообщеній не забыла своимъ содѣйствіемъ и малонаселенный, бѣдный сѣверъ.

Возникшія общества: сѣверо-двинское, сѣвернаго пароходства и другія, безъ сомнѣнія, оживятъ эти страны, до которыхъ не коснулись еще плоды цивилизаціи; богатства же, скрывающіяся въ нѣдрахъ ихъ, будутъ вызваны наружу на пользу общей промышлености и благосостоянія жителей.

Послѣ всего сказаннаго о пароходныхъ обществахъ, которыхъ особенно-много возникло въ послѣднее время, кажется, нельзя сдѣлать никакого упрека и указанія на несообразность цѣли ихъ съ насущными требованіями хозяйственнаго положенія Россіи. Они удовлетворяютъ вполнѣ какъ внутренней, такъ и внѣшней торговлѣ юга и сѣвера Россіи и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Большинство образованныхъ изслѣдователей экономическаго быта Рос-

Digitized by Google

сіи признаетъ, что отечество наше есть государство преимуществу земледѣльческое. По самому роду жизни, по количеству производимыхъ цѣнностей и по общему направленію промышлености, Россія предназначена, если не исключительно, то по-крайней-мѣрѣ преимущественно на разработку сельско-хозяйственной промышлености, которая составляетъ главнѣйшее условіе благосостоянія русскаго народа и, слѣдовательно, должна постоянно обращать на себя вниманіе. Между-тѣмъ, при пробудившемся въ Россіи духѣ промышлености, возникшія общества весьма слабо коснулись этой отрасли народнаго производства. Общество сельскаго хозяйства для обработки сельскихъ произведеній и торговли ими, переименованное, какъ мы замѣтили, въ минувшемъ году изъ общества для приготовленія продовольственныхъ и разныхъ животныхъ веществъ въ «Сельскій Хозяинъ», по названію своему, можетъ ввести въ заблужденіе и заставить предполагать, что предметъ его дѣятельности вообще сельское хозяйство въ различныхъ его видахъ. Ничего этого нѣтъ. Повторяемъ: компанейская дѣятельность наша не коснулась вовсе сельской промышлености, и въ этомъ мы видимъ важный недостатокъ современнаго ея направленія, чувствительный пробѣлъ между образовавшимися въ Россіи компаніями. Но, при всемъ томъ, нельзя не упомянуть съ признательностью, что названное нами общество, хотя отчасти, удовлетворило требованіямъ русскаго сельскаго хозяйства, принявъ подъ свое покровительство одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго промысла — скотоводство и близко-соприкасающіяся съ нимъ вѣтви промышлености.

Извѣстно, что южныя губерніи Россіи—самыя богатыя скотомъ. Всего въ Россіи, по отчету департамента сельскаго хозяйства, считается около 22 милліоновъ головъ скота. Изъ этого числа на однѣ южныя и юго-восточныя губерніи приходится 7,500,000 головъ, что составляетъ болѣе трети. Но, при всемъ томъ, скотоводство этого края далеко не соотвѣтствуетъ его средствамъ. Малый сбытъ скота, почти-единственно на убой, въ обѣ столицы, препятствуетъ хозяевамъ обращать вниманіе на улучшеніе скотоводства. Отпускъ за границу ничтоженъ. Вывозъ говядины всякаго рода еще незначительнѣе. Въ 1848 году отправлено всего на 54,000 рублей, тогда-какъ въ Пруссіи, гдѣ все количество рогатаго скота не превышаетъ 5,000,000 головъ и гдѣ потребленіе мяса значительнѣе, чѣмъ у насъ, въ это же время отправлено на 90,000 руб. сер.; слѣдовательно, положеніе скотоводства въ южномъ краѣ оставляетъ еще многаго желать. Торговля мясомъ, независимо отъ прочихъ предметовъ скотоводства, могла бы получить гораздо-бо́льшее развитіе, и поэтому возникшее общество—«Сельскій Хозяинъ», заслуживаетъ

Digitized by Google

этотъ существенный недостатокъ. Оно предположило устроить большія заведенія для приготовленія мяса въ прокъ и солонины, салотопенные заводы, кожевенные заводы, заведенія для приготовленія костянаго порошка. Современемъ они могутъ еще распространиться и на другія производства, напримѣръ, на соленіе рыбы. Заготовленные такимъ образомъ продукты будутъ продаваемы какъ внутри Россіи, такъ и вывозимы за границу. Такимъ-образомъ, общество будетъ содѣйствовать какъ производству, такъ и выгодному сбыту произведеній скотоводства.

Не говоря уже о болѣе-значительномъ вывозѣ мяса въ чужіе краи, особенно-важно содѣйствіе общества въ вывозѣ изъ Россіи сала, которое встрѣчаетъ въ Великобританіи, главномъ рынкѣ своемъ въ прежнее время, большое соперничество со стороны Америки и Мыса Доброй Надежды, а во Франціи конкурренцію со стороны Соединенныхъ Штатовъ, значительно-уменьшающую отпускъ русскаго сала. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи дѣйствія общества будутъ чрезвычайно-полезны: русское сало обыкновенно предпочитается, по качествамъ, всѣмъ остальнымъ, и только дороговизна его заставила искать другихъ источниковъ его полученія.

Въ обработкѣ и вывозѣ кожъ общество также можетъ принести несомнѣнную выгоду. Долго Россія занимала первое мѣсто въ кожевенномъ производствѣ, и русскіе были единственными торговцами на заграничномъ рынкѣ; но въ послѣднее время она встрѣтила соперничество въ Америкѣ, Остиндіи и Африкѣ. Главною причиною этого уменьшенія вывоза была небрежность выдѣлки кожъ. Слѣдовательно, если общество улучшитъ производство кожевенное, то тѣмъ самымъ отстранитъ и главнѣйшую причину уменьшенія вывоза, и снова кожи сдѣлаются однимъ главнымъ предметомъ вывоза изъ Россіи.

Такихъ благодѣтельныхъ послѣдствій должно ожидать отъ будущихъ дѣйствій общества «Сельскій Хозяинъ», которое приняло на себя трудъ разработывать одну изъ самыхъ важныхъ для Россіи отраслей промышлености, и въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что выборъ предмета его дѣйствій какъ-нельзя-болѣе соотвѣтствовалъ самымъ настоятельнымъ требованіямъ Россіи, а потому оно должно считаться однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ и важнѣйшихъ.

Къ-сожалѣнію, не можемъ того же сказать объ обществахъ, направившихъ свою дѣятельность и капиталы на разработку нашей мануфактурной промышлености. Изъ таблицы видно, что большое число ихъ, именно пять, основано для развитія хлопчатобумажной промышлености, вовсе-несвойственной Россіи. Назвавъ выше Россію государствомъ земледѣльческимъ, мы вовсе не хотѣли выразить этимъ

Digitized by Google

ту мысль, что Россія *исключительно* должна заниматься сельскимъ промысломъ: въ обширныхъ державахъ, для прогрессивнаго и естественнаго развитія производительныхъ силъ ихъ, необходимо, чтобъ мануфактурная промышленость шла наравнѣ съ успѣхами земледѣлія, и это особенно необходимо для тѣхъ странъ, которыя имѣютъ, по своему географическому положенію, характеръ земледѣльческій. Успѣхи промышлености производятъ благопріятное вліяніе на земледѣліе; но при этомъ весьма-важенъ выборъ промысловъ, которыми должно заняться. Мы должны преимущественно стараться о распространеніи тѣхъ отраслей мануфактурной промышлености, которыя, наиболѣе соотвѣтствуя положенію нашей страны, наилучше могутъ быть соединены съ нашею сельскою промышленостью, и вообще должно поощрять ту промышленость, для которой наша почва производитъ въ изобиліи сырой матеріалъ.

Между-тѣмъ мы видимъ въ Россіи хлопчатобумажную промышленость, для которой сырой матеріалъ получается извнѣ, и промышленость эта преобладаетъ надъ льняною, вполнѣ намъ природною и свойственною, и, сверхъ-того, хлопчатобумажную промышленость хотятъ еще возвысить, развить посредствомъ учрежденія для того общества, между-тѣмъ, какъ послѣднюю забываютъ и оставляютъ совершенно упадать. Естественно ли это положеніе? Несмотря на многія возраженія, которыя намъ могутъ быть сдѣланы, мы, ссылаясь на авторитетъ Тенгоборскаго и многихъ другихъ экономистовъ, не перестанемъ утверждать, что такое неестественное направленіе нашей мануфактурной дѣятельности, привлекающее капиталы къ несроднымъ намъ промысламъ, и отвлекающее въ то же время денежныя средства и трудъ отъ производствъ вполнѣ-сродныхъ намъ и приличныхъ, есть явленіе неестественное. Не мѣсто въ настоящемъ случаѣ распространяться о томъ, что всѣ коренные промыслы наши, нѣкогда славные и приносившіе значительныя выгоды, какъ-то льняной, пеньковый. сальный, кожевенный и другіе, находятся въ упадкѣ и произведенія ихъ не могутъ выдерживать даже слабаго соперничества съ иностранными произведеніями подобнаго рода на европейскихъ рынкахъ. Мы только указываемъ на это обстоятельство и жалѣемъ, что компанейская дѣятельность обошла ихъ и приняла ложное направленіе, устремившись къ развитію производства такихъ предметовъ, которые Россія легко можетъ получить изъ-за-границы, не вредя своимъ кореннымъ промысламъ.

Что касается писчебумажныхъ фабрикъ, которыхъ учредилось также значительное число, то о нихъ можно сказать то же самое: именно, что онѣ вовсе ненеобходимы Россіи. Бумага наша, какъ извѣ-

Digitized by Google

стно, при всѣхъ усиліяхъ водворить этотъ промыселъ въ нашемъ отечествѣ, и нехороша и непомѣрно-дорога сравнительно съ иностранною, которую можно удобно получать изъ чужихъ краевъ, не употребляя на нее дома громадныхъ капиталовъ, которые приличнѣе было бы обратить на другія общеполезныя начинанія.

Не можемъ въ краткихъ замѣткахъ нашихъ развивать всю пользу, которую можно ожидать отъ учрежденія въ Россіи пароходства по морямъ, омывающимъ Россію; также точно не можемъ распространяться и о важности учрежденія амурской компаніи, призванной развить промышленость и торговлю, пробудить жизнь въ новомъ, подвластномъ Россіи краѣ. Всякій, обращающій самый поверхностный взглядъ на экономическія явленія, долженъ сознать несомнѣнную пользу отъ учрежденія компаніи для Сибири и береговъ Амура, которые обѣщаютъ современемъ сдѣлаться странами промышленными. Учрежденіе этой компаніи не только дѣло коммерческое, но и государственное.

Обратимъ, въ заключеніе, вниманіе наше на значеніе обществъ и компаній, учрежденныхъ для содѣйствія благоустройству и благосостоянію городовъ. Компаніи эти, какъ извѣстно, суть: двѣ страховыя, освѣщенія, водопроводовъ и улучшенія помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія.

Каждый, сколько-нибудь знакомый съ экономическимъ и хозяйственнымъ бытомъ Западной Европы, знаетъ, на сколько, въ-отношеніи благоустройства, города русскіе отстали отъ европейскихъ. Не говоря уже о губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, даже самыя столицы наши не могутъ идти въ сравненіе съ ними въ этомъ отношеніи. Поэтому потребность въ лучшемъ устройствѣ городовъ должно считать одною изъ самыхъ настоятельныхъ, самыхъ важныхъ, и появленіе для этой цѣли обществъ и компаній было какъ-нельзя-болѣе полезно и благотворно. Но опять-таки въ настоящемъ случаѣ мы позволяемъ себѣ замѣтить то же, что имѣли уже высказали при разсужденіи о желѣзныхъ дорогахъ. Отчего вся эта дѣятельность, которую мы замѣчаемъ, ограничивается только однѣми столицами, оставляя безъ вниманія другія части обширной Россіи, до которыхъ вовсе еще не коснулись плоды благаго современнаго направленія? Отчего губерніи остаются глухи къ общему голосу, который призываетъ всѣхъ къ полезной дѣятельности? Онѣ въ гораздо-значительнѣйшей степени нуждаются во всѣхъ улучшеніяхъ, чѣмъ Петербургъ и Москва, а между-тѣмъ улучшенія не зародились тамъ даже въ мысли. Мы затрудняемся достаточно объяснить такое обстоятельство; но явленіе это все-таки остается несомнѣннымъ. Будемъ надѣяться, что современемъ промышленная дѣятельность для благо-



Digitized by Google

устройства городовъ, развившаяся въ столицахъ, распространится и по остальнымъ мѣстностямъ Россіи, и города русскіе примутъ болѣе-благовидную и современную форму.

Изъ всего сказаннаго можно замѣтить, что, вообще говоря, большая часть акціонерныхъ обществъ, возникшихъ въ Россіи, приняла весьма-раціональное направленіе; особенно же общества желѣзныхъ дорогъ, пароходства, торговли и благоустройства городовъ. Замѣчаніе можно было сдѣлать только касательно отсутствія обществъ для развитія земледѣлія и касательно несовсѣмъ-раціональнаго направленія компаній для развитія мануфактурной промышлености. Что касается, наконецъ, риска, котораго можно опасаться въ будущемъ отъ спекуляцій, то, ссылаясь на авторитетъ профессора Бунге, скажемъ, что такія опасенія излишни и напрасны: конечно, нельзя утверждать, что всѣ фабричныя, ремесленныя и промышленныя товарищества, основанныя въ-теченіе послѣдняго времени, будутъ значительно процвѣтать; но можно сказать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что еще ничто не указываетъ на увлеченіе неразсчетливыми затѣями; напротивъ, остается еще, какъ мы указали, много нетронутыхъ сторонъ хозяйственной жизни, которыя ждутъ поддержки и развитія отъ содѣйствія соединеннаго капитала; надо желать, чтобъ это содѣйствіе скорѣе явилось и чтобъ послѣдующіе годы были такъ же плодотворны промышленною дѣятельностью, какъ и годъ минувшій.

Д. М.

Digitized by Google

# О НОВОМЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

## (ПО ПОВОДУ СТАТЬИ КН. ЧЕРКАССКАГО, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ № 9 «СЕЛЬСКАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА»).

---

Вопросъ о сельскомъ управленіи долго оставался нетронутымъ въ нашей литературѣ, несмотря на важность этого предмета для будущаго благосостоянія поселянъ. Занятая разработкою другихъ сторонъ вопроса, литература не представила до-сихъ-поръ ничего полнаго объ этомъ; кое-гдѣ появлялись поверхностныя замѣтки объ этомъ предметѣ, не-заключающія въ себѣ ничего опредѣленнаго. Наконецъ, «Сельское Благоустройство» рѣшилось пополнить этотъ значительный пробѣлъ статьею князя Черкасскаго, котораго имя пользовалось доселѣ полнымъ уваженіемъ. Привыкнувъ къ добросовѣстному обсужденію всѣхъ сторонъ предлежащаго вопроса со стороны редакціи «С. Б.» мы ожидали встрѣтить и въ этой статьѣ тотъ же голосъ *правды*, направленный въ защиту низшей братіи. Къ сожалѣнію нашему, ожиданія наши весьма-мало оправдались на этотъ разъ. Многіе изъ журналовъ поспѣшили заявить свое возраженіе на нѣкоторыя изъ мыслей князя Черкасскаго; но статья эта требуетъ болѣе-серьёзнаго опроверженія.

Прежде подробнаго разсмотрѣнія отдѣльныхъ статей новаго устройства необходимо вникнуть въ то начало, которое князь Черкасскій ставитъ въ основу будущаго управленія крестьянъ. Онъ полагаетъ необходимымъ устроить будущее управленіе на началѣ «самоуправленія». Что́ же можетъ быть живительнѣе этого? И кто не желалъ бы видѣть осуществленія этихъ благихъ началъ въ дѣйствительности? Послѣдовательное примѣненіе этой основы къ будущему управленію могло бы загладить другіе промахи автора. Но, къ сожалѣнію, это начало берется только одною мертвою буквою, подъ которой замаскированы стремленія, могущущія дѣйствовать гораздо-вреднѣе всякой централизаціи. Князь Черкасскій предлагаетъ

Digitized by Google

съ этою цѣлью устроить изъ всего дворянскаго сословія нѣкую магистратуру для управленія сельскимъ сословіемъ посредствомъ выбранныхъ ими же мирныхъ судей. Спрашиваемъ: кто же будетъ управлять дѣлами? Сами крестьяне *самобытно*, или они также будутъ подъ опекою выбранныхъ дворянскихъ чиновниковъ, призванныхъ замѣнить коронныхъ чиновниковъ? Мы отвѣчаемъ на это безъ обиняковъ, что такое управленіе въ-сущности весьма-мало будетъ заключать основаній *самоуправленія*, какъ и устройство крестьянъ государственныхъ имуществъ, потому-что вмѣшательство этой вновь-образованной, во мысли князя Черкасскаго, магистратуры будетъ также вредить независимому дѣйствію крестьянскаго сословія. Если даже признать незрѣлость крестьянскаго общества для самобытнаго распоряженія своими дѣлами, то мы полагаемъ лучшимъ оставить это мѣсто органамъ правительства—чиновникамъ, чѣмъ давать цѣлому сословію дворянъ новыя права, которыя будутъ скорѣе поддерживать антагонизмъ, наросшій вѣками. При будущемъ устройствѣ крестьянъ необходимы самыя дѣятельныя мѣры для сліянія враждебныхъ сословій и водворенія гармоніи, составляющей условіе прочности каждаго государства. Для самихъ крестьянъ эта опека чиновниковъ не будетъ такъ обременительна, какъ замѣна этихъ лицъ выбранными изъ дворянскаго сословія; потому-что противъ злоупотребленія коронныхъ чиновниковъ крестьяне могутъ найти добрую помощь у благомыслящихъ помѣщиковъ. Тогда же, когда ихъ братья дворяне-чиновники позволятъ себѣ какія-нибудь несправедливости, сословныя обязанности удержатъ тѣхъ же лицъ отъ необходимаго возраженія въ защиту утѣсненныхъ крестьянъ. Слѣдовательно, предполагаемое княземъ Черкасскимъ сельское устройство послужитъ во вредъ крестьянамъ и увеличитъ еще пропасть, раздѣляющую оба сословія, которая можетъ привести къ весьма-грустному исходу... Не это вліяніе необходимо, по нашему мнѣнію, дворянству, а нравственное значеніе среди сельскаго сословія, съ которымъ оно будетъ находиться въ близкихъ сношеніяхъ. Намъ кажется даже, что въ предположеніи князя Черкасскаго скрыта совершенно другая мысль о какой-то сдѣлкѣ съ дворянствомъ. Въ словахъ его скрытъ внутренній смыслъ: «уступите гг. настоящія свои права и дѣлайтесь всѣмъ сословіемъ *законными* распорядителями низшаго сословія, удержавъ при себѣ всѣ главныя права, даже право сѣчь.... Въ-самомъ-дѣлѣ какой же другой смыслъ могутъ имѣть слѣдующія слова автора: «Утрата помѣщиковъ непосредственныхъ властныхъ отношеній къ созрѣвшему крестьянскому обществу вполнѣ замѣнится для него живымъ участіемъ въ *учрежденіи мирныхъ судей*» и т. д. Не понимаешь, къ чему всѣ эти оговорки въ статьѣ, гдѣ го-

Digitized by Google

лосъ истины долженъ быть на первомъ планѣ. Всѣ подобныя отступленія набрасываютъ скорѣе тѣнь подозрѣнія на высказанныя авторомъ истины.

Князь Черкасскій, какъ видно, мало знаетъ самыя желанія дворянства, потому-что иначе онъ не позволилъ бы подобныя оговорки, которыхъ, мы твердо увѣрены, дворянство никогда не приметъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію тѣхъ главныхъ чертъ, на которыхъ предполагаетъ князь Черкасскій новое устройство сельскаго сословія:

1) Дворянству должно быть предоставлено преимущественно наблюденіе за интересами крестьянъ, съ перенесеніемъ на все дворянское сословіе, какъ-бы въ видѣ мѣстной магистратуры тѣхъ изъ прежнихъ дворянскихъ правъ, которыя принадлежали лицу отдѣльнаго помѣщика.

Если признать необходимость удержать за классомъ землевладѣльцевъ нѣкоторыя изъ правъ помѣщиковъ, то почему же не предоставить это право всѣмъ землевладѣльцамъ, безъ ограниченія извѣстнымъ дворянскимъ сословіемъ. Съ освобожденіемъ крестьянъ, пріобрѣтеніе имѣній дворянскихъ, вѣроятно, будетъ разрѣшено всѣмъ сословіямъ. На какомъ же основаніи удержать за дворянами это право исключительнаго управленія крестьянскимъ сословіемъ?

2) Крестьяне должны быть ограждены отъ сословія профессіональнаго чиновничества, къ которому они не питаютъ *ни любви, ни довѣрія*.

Вполнѣ сочувствуя мысли автора оградить произволъ чиновниковъ, который долженъ быть изгнанъ изъ всѣхъ сферъ гражданской жизни, мы отнюдь не раздѣляемъ мысли автора о *недовѣріи* нашихъ крестьянъ къ чиновникамъ. Если оно и замѣчается въ ихъ отношеніяхъ, то корень этого чувства лежитъ гораздо-глубже. Питая непріязненное чувство къ своему господину, онъ переноситъ то же чувство и къ чиновникамъ, въ которыхъ видитъ тѣхъ же баръ, одѣтыхъ въ форменное платье. Слѣдовательно это недовѣріе ведетъ начало изъ того же антагонизма сословій, грустнаго наслѣдія крѣпостныхъ отношеній.

3) Управленіе крестьянскими дѣлами подчинить контролю какъ правительства, такъ и самого крестьянства въ опредѣленныхъ размѣрахъ.

Къ чему поведутъ всѣ эти законоположенія, которыхъ цѣль будетъ оставаться однимъ блестящимъ звукомъ безъ всякаго плода. Гораздо-проще всѣхъ этихъ хитросплетеній было бы обозначить отношенія крестьянскаго общества къ высшему правительству, предоставивъ ему вѣдать свои дѣла такъ, какъ оно признаетъ для себя лучшимъ. Тогда приведется въ исполненіе начало *самоуправленія*, а не будетъ однимъ пустымъ звукомъ, какъ оно является въ разбираемой нами статьѣ.

Digitized by Google

4) Всѣ эти учреждаемые органы должны быть такъ составлены, чтобъ послужили къ сближенію между собою сословій.

Мысль весьма-вѣрная; но и тутъ въ развитіи этого начала авторъ опять уклоняется отъ нея.

5) Мѣстное устройство должно быть основано на началѣ мѣстнаго самоуправленія, въ ущербъ всякой мертвящей централизаціи.

Какъ же согласить съ этимъ желаніе автора образовать изъ дворянства нѣкоторую магистратуру? Прежде этого слѣдовало бы поразмыслить князю Черкасскому о степени развитія нашихъ крестьянъ. Если онъ признаетъ ихъ зрѣлость, что доказываетъ и самое уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, то не проще ли предоставить самимъ крестьянамъ устройство своихъ дѣлъ. Это излишнее вмѣшательство во внутреннія дѣла общества, подъ какимъ бы видомъ оно ни являлось, рѣшительно помѣшаетъ мѣстному самоуправленію общества. Всѣ туманныя для понятія крестьянъ опредѣленія правъ послужатъ только къ уничтоженію собственнаго участія въ своихъ дѣлахъ. Въ противномъ случаѣ, стройте всѣ теоріи управленія, прикрывая блестящими звуками пустоту внутреннюю, а результатъ будетъ тотъ же: полное безучастіе всего общества къ своимъ дѣламъ и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ чиновниковъ коронныхъ или выбранныхъ. Вся разница будетъ только въ названіи.

6) Первообразною единицею сельской жизни должна быть единица живая, носящая историческій характеръ и соотвѣтствующая дѣйствительнымъ отправленіямъ жизни.

Мы коснемся этого предмета подробнѣе при разборѣ его положенія.

7) Вся общинная автономія должна быть сосредоточена въ этой избранной единицѣ безъ всякаго нагроможденія административныхъ единицъ совершенно-излишнихъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ вся эта масса инстанцій, служащихъ для надзора одна за другою, большею частью служитъ къ одному разоренію общества, не принося никакой существенной пользы. Отъ души привѣтствуемъ эту мысль съ желаніемъ, чтобъ она была примѣнена при введеніи новаго устройства.

8) Сельское управленіе должно быть сподручно лицамъ управляемымъ. *Быстрота, гласность и дешевизна* должны составлять главное достоинство новаго учрежденія.

Дорого пришлись бы, по мысли князя Черкасскаго, нашему поселянину эти необходимыя условія управленія, развитіе которыхъ представляетъ одну изъ оригинальныхъ сторонъ разбираемой статьи.

9) Сельское управленіе должно быть снабжено всевозможными ручательствами; но система народнаго представительства должна быть не

Digitized by Google

возможности упрощена и согласована съ дѣйствительными потребностями и обычаемъ народнымъ.

Не понимаемъ, къ чему послужатъ всѣ эти ручательства, когда общество будетъ равнодушно къ нимъ? Но можетъ ли оно пользоваться навязанными ей свыше положеніями, которыхъ источникъ въ однихъ кабинетныхъ теоріяхъ? Не проще ли предоставить самому обществу право устроить свое управленіе по собственному разумѣнію, и оно будетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ общества. Надо было сперва рѣшить эти вопросы; а теперь князь Черкасскій сталъ въ комическое противорѣчіе съ прежними положеніями, вполнѣ напоминающее положеніе гоголевскаго почтмейстера. Въ одно ухо шепчутъ ему западные публицисты: «вводить въ сельское устройство начало самоуправленія, какъ единственное спасеніе отъ произвола»; а въ другое ухо нашѣваетъ ему барская партія: «всѣ эти теоріи непримѣнимы для русскаго мужичка, который еще такъ мало развитъ, что безъ розги шагу сдѣлать не можетъ, потому и не снимайте съ него спасающей отъ всѣхъ бѣдъ узды». Вотъ и началъ князь Черкасскій помышлять о соглашеніи этихъ противоположныхъ началъ, вслѣдствіе чего и дошелъ до самыхъ непослѣдовательныхъ выводовъ. Впрочемъ, первое вліяніе почти заглушено тѣми послѣдующими убѣжденіями, которыя привила ему окружающая среда.

10) Наконецъ, новое учрежденіе должно быть приспособлено какъ къ сельскимъ отношеніямъ, имѣющимъ возникнуть въ періодъ окончательнаго устройства быта крестьянъ, такъ и къ переходному состоянію, ему предположенному Высочайшею волею.

Какая новая мысль! Не-уже-ли еще кто-нибудь сомнѣвался до появленія статьи, что новыя учрежденія должны быть приспособлены къ сельскимъ отношеніямъ, а не городскимъ? Есть ли возможность включать подобныя наивности въ число основныхъ чертъ будущаго сельскаго управленія?

Предварительно изложенія собственныхъ мыслей о будущемъ управленіи, кн. Черкасскій останавливается на существующемъ устройствѣ крестьянъ, состоящихъ въ управленіи министерства государственныхъ имуществъ и на положеніи эстлянскихъ крестьянъ.

Считаемъ необходимымъ остановиться на мысли автора о томъ, что эти оба учрежденія покоятся на другихъ условіяхъ и соотвѣтствуютъ другимъ требованіямъ, чѣмъ тѣ, которыя должны быть положены въ основу будущаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ. Какія же эти особенныя условія, которыя положены въ основу этихъ положеній? это рѣшительно не объяснено у автора. А потому мы и полагаемъ, что эти условія роз-

Digitized by Google

нятся только въ формѣ, то-есть въ одномъ случаѣ владѣльцемъ земли является правительство, а въ другомъ — частныя лица; но въ-сущности условія совершенно-одинаковы. Еще болѣе однородны требованія, которыя мы имѣемъ относительно устройства крестьянъ. Они состоятъ въ развитіи благосостоянія крестьянъ и огражденіи требованія владѣльцевъ. Не то ли же требованіе существуетъ и для положенія крестьянъ государственныхъ? Съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній исчезнетъ огромная разница въ устройствѣ, которая отдѣляла нынѣ селенія помѣщичьихъ крестьянъ отъ свободныхъ. Мы понимали бы, если бы авторъ разсматривалъ настоящія условія управленія помѣщичьихъ крестьянъ; а примѣнять тоже къ будущему устройству крестьянъ, увольняемыхъ изъ помѣщичьей власти, совершенно-неосновательно.

При разборѣ учрежденій министерства государственныхъ имуществъ кн. Черкасскій находитъ причину дурнаго устройства этихъ учрежденій въ отсутствіи мѣстнаго сословія богатыхъ землевладѣльцевъ и этимъ объясняетъ излишнее расположеніе мѣстныхъ инстанцій для обоюднаго надзора за дѣйствіями этихъ присутственныхъ мѣстъ. Нельзя не сознаться, что главная причина бѣдствій сельскаго народонаселенія заключается именно въ отсутствіи образованныхъ представителей сельскаго сословія, которые могли бы быть достойными защитниками интересовъ сельскихъ обществъ. Но это условіе можетъ быть достигнуто только тогда, когда это сословіе личныхъ землевладѣльцевъ будетъ пользоваться равными съ крестьянами правами. А придавъ имъ исключительныя права, можно достигнуть еще худшаго, что сословіе помѣщиковъ забудетъ требованія своего положенія и обратитъ свои привилегіи во вредъ самому сельскому сословію. Этимъ мы нисколько не хотимъ сказать что-нибудь въ укору нашему дворянству, мы, напротивъ, имѣемъ твердое убѣжденіе, что оно само не захочетъ пользоваться какими-нибудь особыми правами, которыя бы продолжали его разъединеніе съ крестьянскимъ сословіемъ.

Переходя къ положенію объ этляндскихъ крестьянахъ, мы вполнѣ сочувствуемъ всему сказанному объ этомъ предметѣ въ статьѣ кн. Черкасскаго. Этотъ отдѣлъ проникнутъ глубокимъ пониманіемъ интересовъ крестьянскаго сословія.

Обращаемся къ новому устройству управленія, предлагаемому кн. Черкасскимъ. Единицею вновь-образуемаго сельскаго общества долженъ быть, по мнѣнію автора, *приходъ*. Это дѣйствительно будетъ удобнѣе существующаго нынѣ раздѣленія на волости; но почему не упомянуто о тѣхъ имѣніяхъ, которыя далеко отстоятъ отъ главнаго села? Въ такомъ случаѣ установленіе одного центра будетъ равно обремени-

Digitized by Google

тельно для крестьянъ, и гораздо-лучше допустить исключеніе для этихъ селеній, которыя должны отстоять отъ приходскаго села, и учредить въ нихъ особенное управленіе. Вообще подобное подведеніе селеній подъ однообразную норму представитъ чрезвычайно-много затрудненій, не принося никакой пользы. Гораздо-лучше, по нашему мнѣнію, постановить общимъ правиломъ, чтобъ селенія, расположенныя на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, были соединены въ одно общество. Въ сельскомъ управленіи, по мнѣнію кн. Черкасскаго, должно принимать участіе духовенство и замѣнить въ присутственныхъ мѣстахъ писарей. Безспорно, самымъ лучшимъ органомъ для сельскаго управленія было бы духовенство, еслибъ оно заключало въ себѣ болѣе нравственнаго развитія. Настоящее же духовное сословіе способно скорѣе повредить своимъ участіемъ новымъ учрежденіямъ по тѣмъ порокамъ, которые оно привило въ историческомъ развитіи. Самое неуваженіе крестьянъ къ духовенству и полное раздвоеніе интересовъ обоихъ сословій уничтожаютъ всякую мысль о вмѣшательствѣ этого сословія въ управленіе крестьянскимъ обществомъ. Не понимаемъ, какъ могла придти подобная мысль кн. Черкасскому, которому эти факты, вѣроятно, извѣстны? Сверхъ-того, при устройствѣ новаго управленія должно избѣгать всякимъ образомъ вмѣшательства бюрократическихъ началъ; даже самое лицо писаря офиціальнаго вредитъ теперешнему устройству сельскаго общества. При новой организація сельскаго управленія это лицо должно быть замѣнено назначеніемъ лица, выбраннаго крестьянскимъ обществомъ изъ среды ихъ же самихъ, или изъ постороннихъ, по приглашенію членовъ общества. Тѣмъ болѣе гибельно предоставлять участіе въ будущемъ управленіи классу людей, которые имѣютъ совершенно-противоположные интересы съ крестьянскимъ сословіемъ.

Теперь переходимъ къ самому важному вопросу при будущемъ устройствѣ крестьянъ: о выборахъ въ разныя должности и правахъ должностныхъ лицъ.

Участковый старшина долженъ быть назначенъ помѣщикомъ, покуда крестьяне на барщинѣ. По выходѣ на оброкъ избраніе производится крестьянами съ утвержденія мирнаго судьи; когда же крестьяне сдѣлаются собственниками земли, то старосты деревенскіе избираются крестьянами съ утвержденія волостнаго мирнаго судьи. Вѣдѣнію мирнаго судьи должно подлежать наблюденіе за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ судахъ.

Зачѣмъ же давать такой обширный объемъ власти мирнаго судьи? Почему не предоставить крестьянамъ право независимаго выбора, безъ всякаго посторонняго контроля, во всѣ сельскія должности? Только



Digitized by Google

тогда выборы пріобрѣтутъ должное значеніе и перестанутъ быть одною формою. А если принять мнѣніе кн. Черкасскаго, то они будутъ въ полной зависимости отъ мирнаго судьи — представителя покровительству помѣщичьихъ интересовъ.

При этомъ устройствѣ весьма-легко можетъ вкрасться злоупотребленіе, что мирный судья будетъ утверждать старшинами только тѣхъ, которые будутъ содѣйствовать интересамъ той среды, къ которой онъ самъ принадлежитъ. Поэтому не лучше ли при новомъ устройствѣ отстранить возможность этого злоупотребленія?

Выбранному старшинѣ предоставляетъ кн. Черкасскій наказаніе за проступки, требующіе немедленнаго взысканія, 18 ударами розогъ, независимо отъ наказанія, которое имѣетъ быть присуждено приходскимъ судомъ. Тутъ ужь, вѣроятно, какая-нибудь обмолвка. Нельзя предположить, чтобъ за одинъ проступокъ назначалось наказаніе вдвойнѣ.

Грустно видѣть, что самая мысль о наказаніи розгами могла придти въ голову автора, который отличался доселѣ своими гуманными понятіями. Не лучше ли было бы пріискать какое-нибудь равносильное средство къ замѣнѣ варварскаго наказанія розгами. Хорошо же будетъ законодательство объ освобожденіи, въ которомъ на первомъ планѣ будетъ тоже сѣченіе!

Для управленія сельскимъ приходскимъ обществомъ долженъ избираться сельскій старшина и его помощникъ, утверждаемый мирнымъ судьею изъ числа трехъ представленныхъ обществомъ кандидатовъ. Пока крестьяне остаются на барщинѣ, это право должно быть оставлено за помѣщикомъ. Тутъ опять мы встрѣчаемся съ тою же мыслью о подчиненіи выборовъ мирнымъ судьи, на гибельное вліяніе которыхъ мы выше указали.

Далѣе, приходскій судъ завѣдуетъ всѣми дѣлами общества вмѣстѣ съ старшиною. Власти этого суда, по нашему мнѣнію, предоставлено въ статьѣ кн. Черкасскаго слишкомъ-широкое значеніе. Ему даже предоставлено право наказанія розгами до 50 ударовъ. Вотъ такъ отрадная перспектива для крестьянина! Послѣ предварительнаго наказанія старшиною, приходскій судъ отсчитаетъ ему еще 50 розогъ. Теперь мы понимаемъ, что значитъ быстрота суда и во что обойдется это удобство нашему крестьянину!.. Невольно ему придетъ въ голову, что это положеніе еще хуже крѣпостнаго состоянія, гдѣ помѣщику воспрещена было закономъ такая жестокая расправа. Мы готовы вѣрить, что авторъ считалъ нужнымъ постановить это законоположеніе только для угрозы крестьянъ. Но къ чему эти ненужныя угрозы, которыми могутъ случайно воспользоваться

Digitized by Google

люди злонамѣренные? Итакъ вмѣсто уничтоженія авторъ рѣшился увеличить мѣру наказанія, постановленную въ настоящее время закономъ.

Теперь переходимъ къ главнымъ чертамъ, которыя кн. Черкасскій ставитъ въ основаніе мысли своей объ учрежденіи приходскихъ судовъ.

1) Прямое подчиненіе суда мирному судьѣ безъ всякаго посредствующаго звена.

Вѣрная мысль; но только мы бы желали въ примѣненіи предоставить приходскому суду нѣкоторыя права, ограничивъ предѣлы власти мирнаго судьи.

2) Соединеніе въ иномъ судѣ всѣхъ мѣстныхъ судныхъ дѣлъ, не только полицейскихъ и уголовно-полицейскихъ, но и судебно-гражданскихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ встрѣчающееся нынѣ разграниченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ государственныхъ крестьянъ представляетъ странное явленіе, рѣшительно-неприносящее никакой пользы.

3) Сосредоточеніе хозяйственно-административной власти въ рукахъ одного лица, подверженнаго полной отвѣтственности за всѣ свои дѣйствія, а не коллегіальнаго присутственнаго мѣста.

Злоупотребленія, существующія въ настоящее время при отдачѣ отчетовъ сборщиками податей, служатъ яснымъ доказательствомъ противнаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, можно ли ожидать отъ этого измѣненія хорошаго результата при безграмотности нашихъ поселянъ и полномъ безучастіи крестьянъ къ дѣламъ общественнымъ, когда и при настоящемъ коллегіальномъ устройствѣ мы видимъ въ казенныхъ селеніяхъ постоянное превышеніе должностными лицами своей власти? Потому мы полагаемъ гораздо-лучше предоставить болѣе правъ коллегіальному присутствію, ограничивъ всякимъ образомъ произволъ старшины.

4) Необходимость ограничить права мірскихъ сходокъ. Поэтому кн. Черкасскій предлагаетъ замѣнить нѣкоторыхъ изъ выборныхъ лицъ очередными стариками.

Но отъ кого же будетъ зависѣть это назначеніе очередныхъ стариковъ? По всей вѣроятности, отъ старшины, который легко можетъ употребить во зло это право. Зачѣмъ же давать новый поводъ къ несправедливостямъ? И не лучше ли вникнуть въ причину дурныхъ выборовъ должностныхъ лицъ? Это обстоятельство объясняется малымъ значеніемъ, которое крестьяне полагаютъ въ выбранныхъ ими лицахъ, такъ-какъ эти послѣдніе находятся въ полномъ подчиненіи отъ коронныхъ чиновниковъ. Необходимо поставить ихъ дѣйствіе внѣ постоянной опеки коронныхъ чиновниковъ и тогда выборы сами-собою получатъ совершенно другое значеніе. А при настоящемъ устройствѣ и старики сдѣлали бы столько же, сколько общія мірскія сходки. Въ этомъ случаѣ всякія

Digitized by Google

палліативныя средства принесутъ мало помощи, гдѣ необходимо исторгнуть зло въ самомъ корнѣ.

5) Все, что сказано въ этомъ отдѣлѣ о правахъ общаго схода стариковъ, вполнѣ-вѣрно; только предлагаемое разграниченіе между сходомъ стариковъ и общимъ мірскимъ сходомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ принести никакой существенной пользы по причинамъ, которыя мы выше изложили.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе правъ помѣщика. Они состоятъ: во вліяніи на выборъ участковаго старшины, а чрезъ это лицо и на самыхъ крестьянъ. Тутъ опять розга является на первомъ планѣ, такъ что кн. Черкасскій даже не соглашается изъять отъ тѣлеснаго наказанія участковаго и приходскаго старшины. Это наказаніе рѣдко употребляется помѣщиками и въ настоящее время для должностныхъ лицъ; почему же кн. Черкасскій, по-крайней-мѣрѣ, для этихъ лицъ не дѣлаетъ исключенія?

Еще страннѣе мысль автора, предоставить владѣльцу-дворянину право наказанія розгами восьмнадцатью ударами, а для женщинъ и малолѣтныхъ какими-то *дѣтскими* розгами, не болѣе пятнадцати ударовъ всѣхъ тѣхъ, которые наймутся въ господскую работу безъ условія освобожденія отъ домашняго наказанія. По-крайней-мѣрѣ, кн. Черкасскому слѣдовало бы освободить женщину отъ наказанія, которое можетъ имѣть въ извѣстныхъ случаяхъ гибельное вліяніе на ея здоровье. Не-уже-ли каждому наказанію будетъ предшествовать медицинскій осмотръ, безъ котораго могутъ быть весьма-частыя несчастія? Мы рѣшительно не понимаемъ, почему это право предлагаетъ князь Черкасскій оставить за одними дворянами-владѣльцами? Было бы гораздо-послѣдовательнѣе предоставить это право всѣмъ поземельнымъ владѣльцамъ, безъ различія сословій, на томъ основаніи, что русскій человѣкъ безъ розогъ не можетъ работать. Но у тѣхъ хозяйство идетъ на наемную ногу безъ всякихъ варварскихъ средствъ. Почему же нельзя вести такъ же свое хозяйство дворянамъ-владѣльцамъ, изъ которыхъ многіе и теперь изгнали изъ своихъ хозяйствъ это побудительное средство. Не совѣстно ли переносить на русскую почву искаженныя понятія эстляндскихъ плантаторовъ?

Съ переходомъ крестьянъ на оброкъ право избранія въ сельскія должности предоставлено сельскому сходу; *но помѣщики сохранятъ немаловажное вліяніе чрезъ близкую связь свою съ мірскими судьями*.

Слова эти сказаны, какъ видно, въ утѣшеніе помѣщиковъ, чтобъ они не слишкомъ горевали о потерѣ своей власти и что они при но-

Digitized by Google

вомъ устройствѣ удержать почти ту же власть чрезъ мирваго судью, который будетъ ихъ же братъ, дворянинъ. Напрасно хлопочетъ князь Черкасскій объ этомъ вліяніи, стремясь перенести на нашу почву отживающія идеи англійской аристократіи. Мы твердо убѣждены, что большинство благомыслящихъ помѣщиковъ не желаетъ никакихъ привилегій, которыя, рано или поздно, должны возбудить ненависть другихъ классовъ. Дворянство наше надѣется пріобрѣсти нравственное вліяніе въ сельскомъ сословіи, среди котораго оно призвано дѣйствовать, а не матеріальныя права, которыя могутъ привести къ дурному исходу для самихъ помѣщиковъ. Невозможно перенести на русскую почву чуждыя идеи англійской аристократіи, которая завоевала свое положеніе цѣлымъ процесомъ жестокой борьбы за права народныя, тогда-какъ дворянство наше было только служивымъ сословіемъ, исполняющимъ вѣрно предначертанія высшаго правительства. Какая же можетъ быть аналогія между нашимъ дворянствомъ и англійскою аристократіею? Весьма-естественно, что и учрежденіе мирныхъ судей, связанное съ значеніемъ аристократіи, не можетъ быть такъ плодотворно на нашей почвѣ.

Далѣе, авторъ разсматриваетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ сельскаго устройства: должны ли сельскія крестьянскія общества быть подчинены дальнѣйшей административной единицѣ, или нѣтъ?

Большая часть изъ писателей рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно. Кн. Черкасскій, приписывая эту мысль вліянію рутины, опровергаетъ это положеніе, но впадаетъ, по нашему мнѣнію, также въ большую ошибку, предлагая замѣнить это устройство образованіемъ изъ дворянскаго сословія сельской магистратуры. Расходясь въ основной мысли о замѣнѣ волостной инстанціи образованіемъ отдѣльной магистратуры изъ дворянъ, мы вполнѣ согласны съ приводимыми княземъ Черкасскимъ доводами противъ введенія высшей волостной инстанціи. Они состоятъ: вопервыхъ въ томъ, что эта инстанція не даетъ никакой гарантіи, потому-что лица, засѣдающія въ присутственномъ мѣстѣ этой инстанціи, не отличаются никакими нравственными качествами или спеціальными свѣдѣніями, которыя подавали бы надежду на лучшее рѣшеніе дѣлъ; вовторыхъ, волостное управленіе можетъ служить только къ образованію крестьянъ-чиновниковъ, представляющихъ въ себѣ самый безобразный элементъ; втретьихъ, оно служитъ только къ безполезному увеличенію расходовъ по управленію; вчетвертыхъ, оно нисколько не содѣйствуетъ къ лучшему устройству дѣлъ крестьянскаго общества, которое весьма часто бываетъ растянуто на нѣсколько десятковъ верстъ и, слѣдова-



Digitized by Google

тельно представляетъ значительное затрудненіе для постояннаго наблюденія за дѣлами крестьянскаго общества.

Всѣ эти доводы вполнѣ—вѣрны; но жаль, что авторъ повредилъ развитію этой мысли предложеніемъ замѣнить это учрежденіе образованіемъ изъ дворянскаго сословія сельской магистратуры. Мы выше уже подробно разсмотрѣли эту мысль автора, а потому и не считаемъ нужнымъ останавливаться болѣе. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія слѣдующей статьи князя Черкасскаго, посвященной исключительно учрежденію мирныхъ судей, о которомъ мы и надѣемся представить подробное изложеніе въ слѣдующей статьѣ.

Ѳ. С.

Digitized by Google

# РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

---

**ТЫСЯЧА ДУШЪ.** *Романъ въ четырехъ частяхъ*, А. Ѳ. Писемскаго. *Санктпетербургъ. 1858 г.*

Романъ г. Писемскаго тѣсно связанъ съ движеніемъ нашей литературы послѣднихъ трехъ лѣтъ, и потому мы находимъ невозможнымъ говорить о немъ, не сказавъ ни слова объ этомъ движеніи. Необходимо это тѣмъ болѣе, что на литературу послѣднихъ трехъ лѣтъ смотрятъ одни враждебно, другіе — съ восторгомъ, вообще же, съ какимъ-то одностороннимъ увлеченіемъ. Мы полагаемъ, что нѣсколько словъ по поводу литературы этого времени не покажутся лишними.

## I.

Бываютъ времена, находятъ такія минуты на общество, когда оно глухо къ поэзіи, не понимаетъ ея, или дотого занято общественными интересами, что не имѣетъ времени нѣсколькихъ минутъ посвятить тому чувству, которымъ въ иное время готово было жить цѣлыя столѣтія. Въ головѣ общества точно затемнится всякій другой смыслъ, кромѣ житейскаго, и ему, кажется, ни до чего нѣтъ дѣла. Попробуйте работнику, утомленному долгимъ трудомъ, говорить о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ насущнаго хлѣба; попробуйте заставить крестьянина пѣть пѣсни, когда онъ идетъ за сохой — и вы подумаете, что въ нихъ не западала никогда искра Божія, что для нихъ не существуетъ другой радости, кромѣ физическаго отдыха отъ утомленія. Попробуйте толковать въ пробудившемся отъ дремоты обществѣ, готовомъ приняться за работу, объ искусствѣ и поэзіи — и вашъ голосъ всегда останется одинокимъ голосомъ; но замѣчательнѣй всего, что тутъ никто не будетъ виноватъ, кромѣ исторіи; будетъ правъ тотъ, кто будетъ постоянно говорить о поэзіи и ея законахъ; будетъ право и общество, которое не станетъ слушать этихъ толковъ.



Digitized by Google

И еще говорятъ, что на искусство и поэзію общество не смѣетъ наложить свою тяжелую руку! И какъ еще смѣетъ! Поэзія и искусство, два самыя тонкія произведенія человѣческаго духа, въ которыхъ живетъ все, что̀ есть лучшаго въ человѣческой природѣ, непремѣнно и прежде всего должны страдать отъ положенія общества, благопріятнаго имъ, или неблагопріятнаго. Поэзія и искусство одарены самою нѣжною организиціею, самою сильною впечатлительностью: какъ же могутъ они уберечься и не всосать въ себя всего, что̀ бродитъ въ обществѣ, какъ неустановившееся, вполнѣ—несознанное и, слѣдовательно, неодѣтое формами жизни? Вотъ этотъ наплывъ житейскихъ интересовъ, наплывъ, еще неотстоявшійся, но, какъ есть, мутный, внесенный въ поэзію, и заступаетъ въ такія эпохи мѣсто искусства. То̀, что̀ въ другое время должно было живить поэзію, еслибъ оно выработалось до ясности простыхъ истинъ, то̀ самое, въ грубомъ видѣ, если не убиваетъ ея, то заслоняетъ ее по-крайней-мѣрѣ. Общество, неодаренное вообще тонкимъ инстинктомъ въ пониманіи поэзіи, принимаетъ мутную воду за чистую, что̀ невозможно было бы, еслибъ оно прежде всего не увлекалось своими интересами. Такимъ-образомъ писатели, заразившіеся отъ общества его ближайшими интересами, писатели, которые не могутъ устоять противъ интересовъ дня, переходятъ отъ служенія искусству къ служенію обществу, и изъ поэтовъ, художниковъ дѣлаются публицистами. Не только тотъ, кто пишетъ о политикѣ, дѣлается публицистомъ, но и стихотворецъ, сочинитель повѣсти, водевиля, фёльетона. Какъ во время народной войны всякій бросаетъ свое занятіе, чтобъ стать въ ряды войска, такъ въ такія эпохи всѣ писатели становятся публицистами и оставляютъ стихи, повѣсти и драмы, чтобъ замѣнить ихъ сатирой, памфлетомъ, разсужденіемъ.

Такъ въ наше время, никому не покажется удивительнымъ, если явится, напр., драма, съ цѣлью доказать необходимость свободной торговли; поэма, въ которой будутъ воспѣвать свободный трудъ и личную собственность въ пику общинѣ и защитникамъ ея; повѣсть, въ которой будутъ осмѣивать откупа, наконецъ ода на уничтоженіе городскихъ будокъ и учрежденіе хожалыхъ вмѣсто крѣпкихъ, будкѣ десятскихъ. Отчего жь, спрашиваемъ, и не писать этого нашимъ авторамъ, когда романъ Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», обошелъ всю Европу, гдѣ нѣтъ ни негровъ, ни крѣпостныхъ, и вездѣ имѣлъ успѣхъ, вездѣ проливали надъ нимъ слезы, въ силу общечеловѣческаго чувства, оскорбленнаго и униженнаго въ видѣ африканскихъ негровъ? Отчего жь не написать поэмы въ защиту частной собственности, когда г. К. Аксаковъ написалъ драму «Князья Луповицкіе», въ защиту мира, мирской сходки и общины? Отчего не придти въ восторгъ отъ благоустройства полицейскаго, когда г. Салтыковъ уже привелъ всѣхъ въ негодованіе описаніемъ продѣлокъ мелкихъ взяточниковъ? Отчего? Г. Львовъ, несогласный съ мнѣніемъ гр. Соллогуба, будто богатые и образованные молодые чиновники не

Digitized by Google

будутъ брать взятокъ, если ими замѣнить старыхъ и опытныхъ подъячихъ — отвѣчалъ гр. Соллогубу не разсужденіемъ, не критическою статьею, а комедіею, въ которой доказывалъ, что молодые и богатые еще хуже старыхъ, потому-что ничего не дѣлаютъ, тогда-какъ тѣ, по-крайней-мѣрѣ за деньги что-нибудь дѣлали. Гораздо-лучше, молъ, молодые, образованные, но бѣдные. Видите ли, тутъ есть логика, и комедія отвѣчаетъ на комедію, какъ антикритика на критику. Ходъ дѣлъ и разсужденій ведетъ за собой необходимость именно такой, а не другой комедіи, такой, а не другой повѣсти, какъ политическая газета непремѣнно должна говорить о дѣлахъ дня, чтобъ быть газетою. Въ литературѣ чувствуется самый подробный ходъ событій, и общественныя и государственныя соображенія замѣняютъ для дидактиковъ всѣ другія побужденія и требованія.

Но за-то, говорятъ намъ, такъ только можетъ дѣлаться у насъ, въ нашей младенческой литературѣ, которая, какъ извѣстно, живетъ порывами и постоянно-судорожною жизнью. Посмотрите на тѣ общества, которыя уже стары и опытны: тамъ нѣтъ этихъ колебаній и судорогъ, имѣющихъ причины чисто-внѣшнія, и столько же относящіяся къ искусству, какъ всякій предметъ полезный относится къ предмету прекрасному. Тамъ каждая отрасль труда и дѣятельности идетъ своей дорогой, не путаясь въ другую; тамъ всему данъ просторъ, и публицистъ пишетъ исторію, политическія статьи или даже газетные памфлеты, но никогда не рискнетъ мнѣній своихъ выражать въ формѣ романа и комедіи. Какая ему до этого надобность? Развѣ онъ не можетъ то же сказать въ видѣ спича за обѣдомъ, въ видѣ ораторской рѣчи въ парламентѣ? наконецъ, развѣ онъ не можетъ принять видъ народнаго трибуна, остановиться посреди площади и окружающимъ изложить свой образъ мыслей объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, или о прибавкѣ заработной платы рабочимъ, о дороговизнѣ судопроизводства и нечистотѣ англійскихъ тюремъ?

Совершенно-справедливо. Но посмотримъ, что было тамъ, откуда мы такъ охотно черпаемъ примѣры, когда ссылаемся на поэзію и искусство Шекспира. Будемъ смотрѣть, всѣ ли идутъ по слѣдамъ Шекспира, тамъ, гдѣ, конечно, Шекспира понимаютъ такъ же, какъ и мы.

Тамъ Диккенсъ посвящаетъ цѣлые романы то разбору тюремъ («Крошка Доррить»), то судопроизводству («Холодный Домъ»), то вопросу о заработной платѣ («Трудныя времена»). Говоримъ это не въ поученіе нашимъ писателямъ и не въ оправданіе нашихъ дидактиковъ, а только такъ приводимъ на память, для безпристрастной оцѣнки занимающаго насъ вопроса. Бульверъ и Тэккерей небезгрѣшны въ пристрастіи къ современнымъ идеямъ; нѣмецкіе поэты и романисты еще больше... Эти даже необъяснимы со временъ 1815 года безъ знанія тѣхъ оттѣнковъ, которые принимала у нихъ философія и общественныя науки. Во Франціи, въ то время, когда была тамъ литература, Жоржъ Зандъ служила

Digitized by Google

только обществу... нѣтъ не обществу, а интересамъ своей партіи. О теперешней французской литературѣ, изъ приличія, не говоримъ.

Выводъ изъ этого наблюденія кажется простъ: и въ иностранной литературѣ, гдѣ, повидимому, не должно бы замѣчать судорожныхъ движеній, свойственныхъ нашей юной литературѣ, мы замѣчаемъ, что всѣ поэты и художники... дѣлаются публицистами, подъ вліяніемъ какихъ-то невольныхъ побужденій. А между-тѣмъ условія развитія нашей и иностранной литературы совершенно-иныя. Казалось бы и жизнь тамъ прочнѣе и яснѣе уложилась въ общественныя формы, и каждый талантъ выбираетъ себѣ поприще свободно... а все есть какая-то гнетущая сила, которая постоянно отвлекаетъ лучшія силы общества отъ служенія искусству, и заставляетъ ихъ служить современной политикѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова.

На Западѣ своя политика, у насъ — своя. Если ту литературу безпокоитъ множество лишнихъ рабочихъ рукъ, насъ безпокоитъ недостатокъ ихъ; если тамъ рабочіе классы бѣдствуютъ отъ ничтожной заработной платы—мы страдаемъ отъ скуднаго жалованья мелкихъ чиновниковъ. Если наши общественные вопросы кажутся мелки, а заграничные — крупны, то это еще не мѣшаетъ имъ подходитъ подъ одну категорію житейскихъ вопросовъ. Все это, вездѣ, и у насъ и на Западѣ, одно и то же направленіе; разницы нѣтъ; и намъ болѣе досадно не на то, что существуетъ эта литература, а что не хотятъ признать этого факта, глядѣть на него прямыми глазами. Вмѣсто того, чтобъ отвергать всю эту литературу, не лучше ли поискать корня этого явленія? Не такъ же оно поверхностно, какъ кажется многимъ, и переплетено оно съ такими вопросами, которые напрасно мы стали бы обѣгать. У насъ, въ отношеніи къ этой литературѣ, существуютъ издавна два отношенія: одно, которое не признаетъ всей этой литературы, то-есть, не видитъ въ ней на волосъ искусства; другое, которое видитъ въ ней весь нашъ прогресъ, такъ-что тѣ времена, когда въ русской литературѣ является много повѣстей съ общественнымъ содержаніемъ, называются цвѣтущею порою, и наоборотъ: тѣ времена, когда наша литература служитъ исключительно искусству, называются временемъ паденія. По-несчастію, обстоятельства нашей исторіи много помогаютъ этому сближенію, или этому сравненію, но сравненіе еще не доказательство. Случайное совпаденіе обстоятельствъ въ этомъ вопросѣ еще ничего не доказываетъ.

Такъ поставленъ былъ вопросъ еще въ тридцатыхъ годахъ нашей литературы и на этомъ основаніи были осуждены послѣднія произведенія Пушкина. Къ рѣшенію его мы до-сихъ-поръ мало подвинулись. Были времена, когда одно направленіе брало перевѣсъ, наступали другія времена, когда иная теорія выступала на первый планъ. Такъ дѣло продолжается и до-сихъ-поръ. Этотъ прибой и отбой мнѣній главнымъ образомъ зависѣлъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

Digitized by Google

Прежняя, чисто-романтическая критика (которая, по своимъ идеямъ, была несравненно и глубже и шире романтической поэзіи Жуковскаго, а у насъ публика судила о романтизмѣ по этому писателю) ополчилась на Пушкина за отсутствіе въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ тѣхъ идеаловъ, къ которымъ она привыкла въ балладахъ западныхъ романтиковъ. Вывести въ привлекательномъ видѣ Пимена, отшельника, незнающаго міра; вывести цѣлую боярскую думу и въ ней ни одного лица, которое въ засѣданіи этой думы сказало бы политическую рѣчь въ родѣ рѣчей Гизо и Тьера; наконецъ, вывести Бориса Годунова, виновника укрѣпленія крестьянъ, въ величавомъ видѣ — все это было вопіющимъ преступленіемъ противъ романтической критики, которая въ среднихъ вѣкахъ не переставала видѣть XIX вѣкъ.

Затѣмъ послѣдовало отраженіе этого нападенія, но уже тогда, когда подоспѣла къ намъ на помощь иная теорія, увлекательная своею замкнутостью и справедливая до-сихъ-поръ во многихъ отношеніяхъ—эстетика Гегеля. Здѣсь законъ исторіи: что все существующее, слѣдовательно, и существовавшее разумно, возстановилъ права тѣхъ, которые поражены были предъидущею критикою. Всѣ историческіе романы, неоснованные на строгой исторической истинѣ, вслѣдствіе этого сгибли въ одно мгновеніе, и за нихъ до-сихъ-поръ никто не принимается. Ударъ былъ метокъ, но справедливъ. Пушкинъ возвысился недосягаемо, и его «Борисъ Годуновъ», въ свою очередь, началъ побивать всѣ наши историческія драмы, взятыя изъ 1612 года. Всѣ Пожарскіе, Минины, Ляпуновы, такъ-какъ они были выведены въ этихъ драмахъ, оказались ходульными героями, и къ нимъ въ первый разъ приложили названіе *романтическихъ* героевъ, понимая уже подъ этимъ словомъ насмѣшку.

Художественная критика торжествовала и оправдывала самыя разнорѣчивыя явленія во имя однихъ и тѣхъ же началъ. Ею былъ оправданъ «Герой нашего времени» и «Бородинская годовщина». Это дало замѣтить всю опасность гегелевой діалектики, которая видѣла дѣйствительность всюду и забывала отношеніе идеи къ дѣйствительности. Впрочемъ, намъ ненужно было и развивать философіи Гегеля, потому-что ея приложеніе уже въ самой Пруссіи достигло nec plus ultra. Тамъ государственные люди потирали руки отъ удовольствія и считали Прусское Государство совершеннымъ, потому—что Гегель находилъ его прекраснымъ такъ, какъ оно есть. Философія, политика, а слѣдовательно и литературная критика дошли до того пріятнаго самообольщенія, въ которомъ оставаться было невозможно. Противъ знаменитаго ученія Гегеля о государствѣ возстало во Франціи новое ученіе объ обществѣ, ученіе полное самыхъ живыхъ вопросовъ, и эстетика Гегеля была забыта вездѣ, слѣдовательно, она была забыта и у насъ. Противники взяли второй разъ перевѣсъ и служеніе литературы обществу сдѣлалось лозунгомъ не только журналовъ, историческихъ изысканій о поэтахъ и о художникахъ, но и самыхъ идей, которыя господствовали въ повѣстяхъ и ро-

Digitized by Google

манахъ. Жоржъ Зандъ явилась на небосклонѣ звѣздою первой величины, и критики опять начали выворачивать наизнанку прежнія сужденія о литературѣ. У насъ отразилось это состояніе критики такъ же сильно. Опять послѣдніе годы дѣятельности Пушкина сдѣлались проблематическими, опять исторія Карамзина была заподозрѣна въ отсталости, опять посыпались нападки на грубость старинныхъ русскихъ пѣсенъ; выдвинуты были на первый планъ Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ...

Но и эта волна отхлынула съ 1848 годомъ, и мы опять принялись за теорію чистаго искусства, которая уже въ 1849 году у насъ заявила себя нѣкоторыми признаками. Такъ прежде всего заподозрѣнъ былъ «Герой нашего времени», потомъ начали бросать камешки въ Жоржъ Занда, потомъ начали восторгаться нашей стариной, пѣснями Кирши Данилова и сочинять драмы въ подражаніе Киршѣ Данилову — еслибъ Кирша Даниловъ писалъ драмы. Затѣмъ стали холодно отзываться о той порѣ дѣятельности Гоголя, когда онъ писалъ «Ревизора» и «Мертвыя Души», и темно, но все-таки съ чувствомъ говорить о періодѣ его дѣятельности, когда онъ готовъ былъ проповѣдовать чуть не индійскую философію. Опять послѣдніе періоды дѣятельности Карамзина и Пушкина сдѣлались образцами... словомъ, все то же и то же.

Съ 1856 годомъ прежнее ученіе сороковыхъ годовъ вновь набѣжало на насъ шкваломъ, и на этотъ разъ не столько уже въ видѣ критики, сколько въ видѣ повѣстей, драмъ, стиховъ. Внутренняя политика нашего государства оживилась, а съ ней приняла новыя силы и литература. Въ то время, какъ теорія учитъ чистому искусству, литература ни на волосъ не трогается въ своихъ убѣжденіяхъ и продолжаетъ осмѣивать и позорить все негодное, оставшееся намъ отъ прежнихъ лѣтъ, и до-сихъ-поръ не принимаетъ строгаго художественнаго тона, и эпическій складъ таланта почти никому не дается. Чувствуешь, что онъ еще не выношенъ и силы бьютъ черезъ край. Въ то время, какъ всѣ понимаютъ задачу искусства и нисколько не смѣшиваютъ ея съ задачей политической экономіи и наукъ общественныхъ, въ то же время нѣтъ ни одного журнала, который отказался бы помѣстить на своихъ страницахъ что-нибудь задорное, хотя бы оно было безвкусно. Разладъ между дѣйствительною литературною жизнью и ученіемъ никогда не былъ такъ силенъ и никогда теорія и критика не были въ такомъ разногласіи съ литературой, какъ въ настоящее время. Критика въ первый разъ живетъ отвлеченною жизнью, и между ея философіей и философіей жизни лежитъ пропасть. Очевидно, кто нибудь да не понимаетъ своей роли.

Теорія искусства до-сихъ-поръ не выставила никакихъ особенныхъ началъ и живетъ эстетикою Гегеля, только въ границахъ, почему-то съуженныхъ. Такимъ-образомъ, перечтите одну изъ главъ обширной эстетики Гегеля, именно, главу о художникѣ, и вы увидите, что она до-сихъ-поръ господствуетъ у насъ, когда объясняютъ литературу какъ чистое искусство.

Digitized by Google

Съ другой стороны обратитесь къ насущной литературѣ и критикѣ, одобряющей эту литературу — вы найдете то же смѣшеніе поэтической идеи съ идеею ученою, то же пониманіе искусства только въ видѣ сатиры и лиризма, наконецъ, то же преклоненіе передъ каждымъ современнымъ вопросомъ, какое замѣчалось и въ прежніе періоды господства этого направленія.

Противъ этой литературы возражаютъ:

*Вопервыхъ*, что она можетъ быть постояннымъ удѣломъ только бездарностей, или людей, въ которыхъ нѣтъ пониманія искусства, которые могутъ уразумѣть предметы полезные, но не понимаютъ прекрасныхъ.

На это доказательство немного нужно возраженій. Съ Гоголя и Лермонтова и до нашихъ дней безъ исключенія всѣ послужили политическому направленію литературы и еще служатъ... Слѣдовательно, или у насъ нѣтъ и не было талантовъ, или таланты могутъ быть на противной сторонѣ.

Вовторыхъ, говорятъ: «противъ повѣстей и драмъ съ общественными вопросами нѣтъ другаго лекарства, кромѣ постояннаго развитія науки въ обществѣ, которая сдѣлаетъ эти повѣсти и романы пошлыми. Форма науки строже и послѣдовательнѣе для развитія мысли, нежели формы искусства, въ которыя у насъ одѣваютъ научныя идеи, и каждая идея всегда останется недосказанною, пока ею будетъ владѣть только искусство. Какъ только за нее возьмется наука, она сейчасъ же или отвергнетъ, или докажетъ ее». Въ этомъ отзывѣ много справедливаго, но онъ одинъ не объясняетъ всего.

Правда, пока наука у насъ будетъ находиться въ младенческомъ состояніи, всегда литература будетъ вторгаться въ чужую область и играть заразъ двѣ роли. Публика всегда будетъ съ жадностью ловить поученія полезной литературы, пока наука не успѣетъ проникнуть во всѣ классы общества и истины ея не сдѣлаются общимъ достояніемъ. Но спрашивается: когда это будетъ и какъ долго ждать намъ? и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи преобладаетъ эта литература. Кто видитъ конецъ ей? У насъ же усиленное развитіе этой литературы, показывая бѣдность общества по отношенію къ идеямъ, имѣетъ и свое особенное значеніе: это нѣчто въ родѣ трезвона въ табельный день. Праздникъ у насъ не въ праздникъ, когда нѣтъ трезвона, и въ наши будни въ литературѣ слышенъ уединенный и рѣдкій благовѣстъ науки и искусства, какъ въ дни покаянія, весьма-полезныя для сосредоточенія мысли на нѣкоторыхъ предметахъ, но и запрещенныя для шумныхъ бесѣдъ. Отъ этого у насъ бойкая общественная литература всегда имѣетъ за себя много заступниковъ, и съ нею соединены дни веселья. Всѣ поборники искусства въ это время кажутся людьми отсталыми.

Если же ихъ нельзя обвинить въ отсталости, что было бы и крайне несправедливо, то нельзя не указать на какой-то формализмъ, какую-то

Digitized by Google

привязанность къ формѣ и пониманіе предмета только съ одной стороны. Несправедливость нападенія на политическую литературу будетъ заключаться въ томъ, что, воюя у насъ противъ этой литературы, въ то же время будутъ воевать и противъ идей, которыя только и находятъ себѣ выраженіе, что въ этой литературѣ. Какъ бы смѣшонъ показался теперь тотъ историкъ восточной литературы, который сталъ бы съ презрѣніемъ смотрѣть на басню, аллегорію, притчу и вообще всѣ тѣ поучительныя формы, которыя брала на Востокѣ наука, чтобъ имѣть возможность высказать призракъ истины! Отъ этихъ первобытныхъ формъ искусства на Западѣ не осталось и слѣда, и видѣть въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія баснописца во Франціи было бы, напримѣръ, такъ же странно, какъ теперь въ Англіи. Этимъ формамъ нѣтъ мѣста ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, а между-тѣмъ было время, когда Лафонтенъ былъ политическимъ писателемъ. У насъ, когда форма басни не считалась уже принадлежащею искусству, Крыловъ писалъ свои басни и имѣлъ успѣхъ. Точно то же вышло и въ настоящее время. Критика неоспоримо доказываетъ всю антипоэтичность нашей дидактической литературы, а литература эта процвѣтаетъ больше, чѣмъ когда-либо. Каждый мѣсяцъ появляются то стихотворенія, то повѣсти, то комедіи, о которыхъ не знаешь что сказать въ литературномъ отношеніи, и отъ которыхъ публика въ восторгѣ. Типъ чиновника, не какъ человѣка, а какъ должностнаго лица, сдѣлался общимъ мѣстомъ. Даже стараются создать идеалы губернскаго правленія, казенной палаты, откупа, полиціи, земскаго суда! Ужь одна эта отвлеченность понятій достаточно говоритъ, что мы незримо очутились въ области Хитрецовыхъ, Скородумовъ и тому подобнаго наслѣдія сатирической литературы XVIII столѣтія. Понятно, что обстоятельства общества въ этомъ случаѣ составляютъ причину появленія этихъ статей.

Итакъ, по направленію нашей литературы, мы пришли къ формамъ искусства, отслужившимъ свою службу съ XVIII столѣтіемъ, потому-что вслѣдъ за этимъ слѣдовала школа романтическая, которой нѣкогда приписывали такую важность! Но — увы! кто ближе всмотрится въ причины паденія школы романтической и немного-шире разсмотритъ характеръ классической комедіи XVIII столѣтія, тому вдругъ откроется, что романтизмъ былъ тѣмъ же перелицованнымъ классицизмомъ, по пріемамъ творчества.

Когда повторяешь имена одни: классицизмъ, романтизмъ, становится скучно, потому-что передъ читателемъ возстаютъ нѣкогда нескончаемые толки въ нашей литературѣ, неоживленной ничѣмъ, кромѣ литературныхъ споровъ. Но мы успокоимъ читателя, что вдаваться въ подробный разборъ ни того, ни другаго ученія не станемъ. Но кой-что припомнить необходимо изъ этого далекаго-прошедшаго, чтобъ уразумѣть явленія, теперь ежедневно около насъ повторяющіяся.

Какъ поступала сатира XVII столѣтія, а съ ней и вся литература,

Digitized by Google

въ созданіи своихъ характеровъ? какъ поступалъ Мольеръ? Онъ бралъ общую философскую мысль — у него еще общественный элементъ входилъ въ комедію какъ аксесуаръ — мысль отвлеченную, или идею, принадлежащую логикѣ, но не искусству — и развивалъ ее въ пяти дѣйствіяхъ комедіи. Скупость, ханжество, мизантропія явились дѣйствующими лицами, къ которымъ, полный жизни и дѣйствительности, талантъ присоединялъ черты современныя. Ѣдкій умъ, непобѣдимое остроуміе, комизмъ разсвѣчивали блестящимъ свѣтомъ всю монотонную основу комедіи, основу, далеко-нехудожественную. Талантъ исправлялъ ошибку концепціи. Съ XVIII вѣкомъ эта метода творчества коснулась государственныхъ и общественныхъ интересовъ, и за ней послѣдовала болѣе уже знакомая намъ сатирическая литература XVIII вѣка. Отсюда наши Скородумы, Стародумы, Многодумы, Размысловы, Смысловы, Безсмысловы и т. д. Пояснять эту методу ненужно: она ужь и то выяснена нашей литературой болѣе, чѣмъ того заслуживаетъ. Романтизмъ, помимо той особенности, что онъ перенесъ сцену дѣйствія трагедіи изъ Греціи и Рима въ средніе вѣка германскихъ государствъ, помимо этого обстоятельства, въ творчествѣ своею методою грѣшилъ тѣмъ же, чѣмъ и литературные пріемы XVIII столѣтія французской литературы, то-есть въ среднихъ вѣкахъ видѣли идеи, желанія, стремленія новѣйшей эпохи, а отчасти и исключительно реставрацію. Съ другой стороны, на сколько писатели своего перенесли туда, на столько же старались позаимствоваться и средневѣковыми идеями, религіозными преимущественно, хотя отчасти и феодальныя стремленія реставраціи не были чужды романтизму.

Та же манера творчества обнаружилась потомъ во Франціи, при возникновеніи новыхъ общественныхъ вопросовъ, и Жоржъ Зандъ начала по теоріи слагать характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько не иначе, какъ въ былыя времена, подъ вліяніемъ другихъ идей, слагалъ характеры своихъ комедій Мольеръ.

У насъ, какъ мы уже сказали выше, этотъ тонъ, эта манера творчества, подъ вліяніемъ возникшихъ общественныхъ вопросовъ выразилась въ созданіи типовъ: мелкаго чиновничества, помѣщика, крѣпостнаго и наконецъ опять (теперь) чиновника. Мы ужь говорили, что у насъ свои общественные интересы.

Вотъ связь и внутренній смыслъ явленія, которымъ мы въ настоящее время пресыщены и противъ котораго бросаемъ камень, какъ противъ явленія исключительно-русскаго (?), и потому близорукаго.

Другая манера, завѣщанная намъ древней Греціей и потомъ Шекспиромъ, учитъ поэта смотрѣть на міръ Божій какъ на совокупность явленій живыхъ, дѣйствующихъ, полныхъ страстей, у которыхъ въ каждую эпоху есть своя руководящая идея, куда всѣ эти люди съ ихъ страстями бѣгутъ безостановочно и никакія усилія остановить ихъ не могутъ. Разработка идей современныхъ, ихъ колебанія, предстоящій имъ

Digitized by Google

успѣхъ или паденіе, дѣло не поэта, а философа и политика. Но обязанность поэта чувствовать эту силу, сознавать ее и носить въ себѣ въ видѣ живыхъ явленій, картинъ, характеровъ полныхъ страстей. Чуткое ухо художника должно слышать біеніе пульса у современности, но не художникъ производитъ изслѣдованія, не онъ помогаетъ ускорить или уменьшить біеніе этого пульса. У него нѣтъ силъ на это и средствъ. Но за-то и тотъ художникъ, у котораго нѣтъ уха, чтобъ слышать эти потаенныя страданія времени, какимъ бы онъ ни былъ художникомъ, всегда останется намъ чуждъ. Художникъ, также какъ философъ, также какъ политикъ, непремѣнно долженъ стоять на высотѣ своего вѣка, и по-своему дѣлать предлежащую ему работу. Ученый ничего не видитъ во всемъ мірѣ, кромѣ понятій, извлекаемыхъ имъ изъ окружающаго міра и обращенныхъ въ дѣйствительность, или еще остающихся какъ pia desideria; политикъ ничего не видитъ, кромѣ приложенія общихъ началъ науки къ жизни, и вся его забота объ этомъ; художникъ смотритъ какъ зараждаются идеи, какъ онѣ прилагаются, какъ онѣ дѣйствуютъ въ видѣ страстей, какъ, повинуясь имъ, является въ мірѣ то, что мы привыкли называть исторіей, какъ отъ этого раждаются борьбы, страданія, побѣды и... и... вѣчная жизнь человѣчества. Онъ есть сознаніе жизни въ формѣ жизни, въ такой же, въ какой природа существуетъ не подъ рукой ученаго: химика, физика, оператора, а подъ рукой создавшаго ее, то-есть въ прекрасныхъ формахъ, искони существующихъ. Безъ этихъ формъ мы, глядя на природу, видѣли бы въ ней одни химическіе агенты и реагенты; видѣли бы философскія категоріи; понимали бы экономическую важность труда, законы производства и потребленія богатствъ: но не видѣли бы картины жизни. Безъ искусства каждая отрасль дѣятельности, наука, политика представлялись бы намъ чѣмъ-то неоконченнымъ. На искусство въ-древности посягала миѳологія; на искусство въ позднѣйшее время посягала исторія; но въ наше время на искусство никто не можетъ уже посягать, кромѣ художника.

Искони привыкли дѣлить литературу на классическую, псевдоклассическую (французскую), романтическую, реальную... драму на греческую, испанскую, французскую, англійскую... Но мы видимъ во всей литературѣ, поэзіи, драмѣ, комедіи, романѣ только двѣ манеры творчества: одну, идущую отъ понятій отвлеченныхъ, философскую, или отъ соображеній политическихъ, общественныхъ, но также отвлеченныхъ: манеру ложную въ художественномъ отношеніи, порождаемую въ талантахъ первой величины лиризмомъ въ ущербъ эпической стройности разсказа, и драматической постановки лицъ. Байронъ, Шиллеръ, Жорж-Зандъ. Спасаетъ эту форму только присутствіе поэзіи въ душѣ авторовъ, или комизма: Мольеръ и Диккенсъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ. Другая манера идетъ отъ жизненныхъ представленій міра, страстей человѣческихъ, исторіи и возводитъ ихъ, не въ видѣ понятій,

Digitized by Google

й въ живыхъ образахъ, на степень художественныхъ созданій. Какъ первая, если не проникнута жизнью, обращается въ сборникъ отвлеченныхъ понятій, или уродливую сатиру; такъ вторая принимаетъ характеръ безсмысленнаго лепета на избитыя тэмы, давно-высказанныя, и теперь никого-неинтересующія, если художникъ лишенъ высшаго міросозерцанія, если ему чужды тѣ отвлеченныя идеи, отъ которыхъ идетъ лирикъ. Но скажутъ намъ, зачѣмъ допускать въ теоріи такую манеру творчества, которая въ-сущности противна истинному художнику? Во-первыхъ, ее нужно допустить, потому-что она—фактъ, существующій съ незапамятныхъ временъ; а вовторыхъ, существуетъ этотъ фактъ не по прихоти теоріи, а на основаніи неровнаго распредѣленія способностей у талантливыхъ людей. Въ комъ перевѣсъ беретъ, или идея, или чувство, тотъ какъ бы ни старался, несмотря на всѣ усилія, останется всегда при первой манерѣ!... Лиризмъ, который нельзя назвать отвлеченной идеей, всегда будетъ источникомъ этого раздѣленія. На этомъ только основаніи могли существовать великіе поэты — и въ то же время не художники; на этомъ только основаніи возможны художники, у которыхъ очень-мало поэзіи.

Но мы въ настоящее время имѣемъ дѣло съ первою методою творчества. Она слишкомъ-соблазнительна для людей безъ поэтическаго и художественнаго такта. Стоитъ восхвалять, восторгаться какимъ-нибудь общимъ понятіемъ, или бранить существующее зло, чтобъ воображать себя въ первомъ случаѣ лирикомъ, во второмъ—сатирикомъ. Но оттого, что эта сторона открываетъ слишкомъ-большой доступъ бездарности, не значитъ, чтобъ дѣйствительный поэтъ не съумѣлъ себя въ ней высказать. Мольеръ съумѣлъ быть величайшимъ комикомъ Франціи, несмотря на манеру, противную истинной художественности; Байронъ остался поэтомъ, а въ свое время былъ и «властителемъ думъ»; Вальтеръ Скотъ, несмотря на всю поспѣшность эстетическихъ выводовъ, сдѣланныхъ фальшиво-романтическою школою, съумѣлъ быть художникомъ; Жоржъ Зандъ осталась все-таки талантомъ первой величины; Диккенсъ умѣетъ придавать нѣкоторымъ своимъ характерамъ, несмотря на то, что они пишутся подъ вліяніемъ общественныхъ вопросовъ, характеръ высокой художественности, и мы еще недавно видѣли въ мистерѣ Дорритѣ (въ романѣ того же имени), поразительный примѣръ того, какъ соединять вліяніе современности на истинную художественность, какъ придавать колоритъ лицу, которое казалось бы иначе совершенно-лишеннымъ тѣней.

Дѣло въ томъ, что писатель съ истиннымъ талантомъ, отъ какой бы точки онъ ни отправился, никакъ не можетъ смотрѣть иначе на свое дѣло, какъ художникъ. У насъ большая часть повѣстей г. Тургенева, написана подъ вліяніемъ общественныхъ идей послѣдняго времени и, однакожъ, это ему нисколько не помѣшало высказать въ нихъ столько поэзіи, сколько не всегда можетъ удасться и истиннымъ художникамъ.

Гдѣ же черта, гдѣ та заповѣдная грань, до которой все сплошь

Digitized by Google

проза, и переступя которую, все начинается поэзія? Спросите объ этомъ у поэта и художника, потому-что въ этомъ и заключается ихъ сила. Еслибъ можно было научить переступать эту грань, тогда мы всѣ, сколько насъ ни есть, всѣ сдѣлались бы или поэтами, или художниками. Здѣсь для каждаго отдѣльнаго случая свои особенныя требованія; еслибъ ихъ не было, тогда не было бы и заслуги быть художникомъ. Критика можетъ указать только на общія условія творчества.

## II.

Наша литература въ послѣднее время приняла у большинства опять ту манеру творчества, которая идетъ отъ общихъ понятій къ формѣ. У всѣхъ у насъ было уже очень-много готовыхъ общихъ мѣстъ насчетъ злоупотребленія нашей администраціи, нашихъ судовъ, правленій, палатъ, департаментовъ, чиновниковъ, офицеровъ, помѣщиковъ и проч. и проч., то-есть у насъ многое казалось нужно было высказать о томъ, что общество наше страдаетъ разными злоупотребленіями. Философія и вопросы нашего вѣка были у насъ чрезвычайно-слабо развиты, да они же и болѣе отдалены отъ насущныхъ потребностей, а мы пока не могли сладить и съ насущнымъ. Какое было требованіе, таковъ вышелъ и отвѣтъ. Что потребности были не велики, сейчасъ же выразилось тѣмъ, что эти общественные разсказы стали повторяться на одну и ту же тэму, и послѣ перваго литературнаго взрыва отодвинулись на второй планъ. Указавъ зло, нужно было указать на источникъ, гдѣ можно пресѣчь его; а это дѣло науки. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ литература разъиграла роль застрѣльщиковъ и должна была отодвинуться на второй планъ, уступивъ первое мѣсто ученымъ изслѣдованіямъ.

Конечно, вся порча нашего общества не заключалась еще въ томъ, что секретарь N. уѣзднаго суда беретъ взятки; что чиновникъ путей сообщенія беретъ взятки, что квартальный надзиратель беретъ взятки; что... что мы всѣ беремъ взятки... Это только одинъ внѣшній признакъ внутренняго зла, которое дѣлаетъ насъ ко многому негодными; конечно и секретарь уѣзднаго суда и чиновникъ путей сообщенія, и квартальный надзиратель и всѣ мы, служа обществу, дѣлаемъ только видъ, что служимъ, а въ-сущности занимаемся отпискою и перепискою бумагъ — но опять-таки это внѣшній признакъ нашего безсилія служить обществу; всѣ мы, отъ секретаря уѣзнаго суда до секретаря какого-нибудь важнаго комитета, говоримъ о благѣ Россіи и кончаемъ тѣмъ, что дѣлаемъ зло любезной намъ Россіи; но и это также внѣшній признакъ внутренняго зла, засѣвшаго въ насъ съ незапамятныхъ временъ; всѣ мы, начиная отъ квартальнаго надзирателя, говоримъ, что любимъ и желаемъ государственнаго благоустройства, съ жаромъ говоримъ это, и если намъ никто не вѣритъ, то виноваты

Digitized by Google

только мы сами... Но еще разъ повторяемъ: идутъ же всѣ эти недостатки и присутственныхъ мѣстъ и насъ самихъ, то—есть, насъ, чиновниковъ, и насъ благовоспитанныхъ людей, идутъ изъ какого-нибудь источника, который кроется гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ нашей души и общества, а изъ него сочится мутная вода, напояющая собою 60 мильйоновъ православныхъ нашихъ братій, ни въ чемъ неповинныхъ... Гдѣ же вотъ этотъ источникъ? подайте намъ его! Онъ долженъ быть очень-разноцвѣтенъ; въ немъ должно быть много всякой примѣси, потому-что явленія нашей жизни совсѣмъ не такъ однообразны, какъ они выходятъ въ повѣстяхъ нашихъ литераторовъ. Одинъ беретъ взятки отъ бѣдности; другой отъ богатства; одинъ занимается перепиской отъ-нечего-дѣлать, другой изъ нужды, третій изъ честолюбія, четвертый рѣшительно по призванію, потому-что въ жизни ничего лучшаго не видитъ, какъ строчить бумагу и любоваться собственнымъ почеркомъ; одинъ негоденъ къ службѣ, потому-что глупъ — ну, ужь это простительно, въ этомъ никто, даже наша литература не виновата; другой негоденъ къ службѣ, потому-что не воспитанъ и не образованъ; третій — потому, что смѣшиваетъ всѣ роды занятій и считаетъ себя годнымъ ко всему; четвертый негоденъ потому, что онъ именно годенъ къ службѣ, но другіе находятъ его негоднымъ; пятый негоденъ потому, что слишкомъ-много у него мѣстъ; шестой, потому, что онъ очень-хорошо знаетъ выѣздку лошадей, а занимается воспитаніемъ юношества...

Какое блестящее разнообразіе ни къ чему казалось бы негодной картины, но которою хотѣла завладѣть наша литература послѣдняго времени! Хотѣла! но ей этого не удалось; краски ея были слишкомъ-монотонны и годились для однихъ взяточниковъ. Эти дѣйствительно пришли въ негодованіе, но за то тѣ, кого не коснулась эта литература, остались вполнѣ увѣрены, что они честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, къ продолженію службы и повышенію чиномъ совершенно достойные!

Какъ, не-ужь-то такой только результатъ былъ этого всеобщаго ополченія нашей повѣсти и комедіи на общественное зло, насъ поѣдающее? Не-уже-ли такъ-таки никто больше, если онъ не былъ названъ по чину, мѣсту служенія, имени и отчеству, никто не принялъ на свой счетъ этого литературнаго протеста? никто не захотѣлъ осмотрѣться и исправить зло?

И вотъ такой малый результатъ большаго похода нашей повѣсти долженъ быть причисленъ первымъ къ числу недостатковъ ея: зачѣмъ она не захотѣла поставить вопроса сколько-нибудь повыше и поискать источника зла въ другомъ мѣстѣ, кромѣ кармана взяточника. Способный на взятку, мелкую, маленькую въ какомъ-нибудь судѣ, есть примѣръ честности и благородства передъ инымъ мужемъ, въ жизнь свою не-бравшимъ взятокъ, и даже всю жизнь свою воевавшимъ противъ взятокъ. Иной секретарь присутственнаго мѣста, котораго мы коримъ за страсть къ проволочкамъ, отпискамъ, справкамъ и тому подобнымъ маленькимъ

Digitized by Google

канцелярскимъ плутнямъ, секретарь, заваленный грудами дѣлъ, право, невинное существо въ сравненіи съ другимъ добродѣтельнымъ мужемъ, который преслѣдуетъ секретаря за нерадивость. Этотъ мужъ ни справокъ, ни отписокъ, ни проволочекъ не знаетъ; онъ только подписываетъ свое имя, за то, какъ ни подпишетъ его, надѣлаетъ больше бѣдъ, чѣмъ бѣдный секретарь надѣлалъ во всю свою жизнь.

Такъ условны всѣ тѣ признаки, которыми обозначила зло наша поучительная повѣсть въ послѣднее время, и эта-то условность подорвала кредитъ ея. Среди такой литературы, въ то время, когда наши писатели занимали умы современниковъ и ставили вопросительные знаки передъ продѣлками помощниковъ столоначальниковъ, передъ исправляющими должность повытчиковъ, и передъ канцелярскими служителями въ званіи помощниковъ секретарей, въ это-то время писалъ свой романъ г. Писемскій. Прискорбно поражало его это направленіе литературы, которая не видѣла ничего изъ-за чиновничьей продѣлки, которая готова была проповѣдывать разрушеніе міра оттого, что исправляющій должность, состоящаго въ званіи помощника квартальнаго надзирателя взялъ на торгу даромъ калачъ у крутогорской мѣщанки; прискорбно дѣйствовало на его талантъ это полезное направленіе нашей литературы, которая, съуживая характеры людей, до типа чиновника, не позволяла видѣть человѣка, и, слѣдовательно, самое направленіе лишало живительности, многосторонности и объясненія явленій не одною причиною, зависящею отъ бѣдности или необразованности чиновника, но и отъ негодности человѣка. Въ задуманный имъ планъ романа были внесены оба эти соображенія. Герой романа, Калиновичъ, не только чиновникъ, прокладывающій себѣ дорогу, но и человѣкъ; карьера его зависитъ не отъ взятки, данной становому, но отъ причинъ общихъ, тяготѣющихъ надъ обществомъ.

Что за человѣкъ этотъ Калиновичъ? предлагаемъ мы первый вопросъ. Одни говорятъ, что онъ ни то, ни сё, сначала благородный молодой человѣкъ, потомъ негодяй, покинувшій Настеньку; потомъ, человѣкъ, который весьма не прочь отъ денегъ, чиновъ и хорошаго положенія въ обществѣ; человѣкъ не безъ самолюбія и честолюбія, но за-то и рѣшительно безъ средствъ, понимая подъ средствами, въ нашемъ обществѣ, деньги и протекцію. Калиновичъ, человѣкъ весьма-неглупый и энергическій въ томъ отношеніи, что онъ, какъ слѣдуетъ каждому мужчинѣ, надѣленъ щедро отъ природы желаніемъ дѣйствовать, быть чѣмъ-нибудь, играть роль личными своими заслугами обществу. Конечно, такому человѣку сейчасъ же сдѣлалось тѣсно въ уѣздномъ городкѣ. Иной, болѣе-мягкій, а еще болѣе чувствительный въ нравственномъ отношеніи человѣкъ, никогда не уѣхалъ бы изъ уѣзднаго городка, бросивъ на произволъ судьбы и послѣдствій бѣдную дочь смотрителя училища, съ которою онъ поступилъ такъ нецеремонно. Но помните одно: Калиновичъ нисколько не идеалъ, а тѣмъ больше не идеалъ нравствен-

Digitized by Google

ныхъ совершенствъ. Онъ очень-близокъ къ большинству. Не ищите въ немъ того, чего не даетъ наше общество, что́ зараждается среди лучшаго воспитанія и образованія, но что́ нисколько не поддерживаетъ не только жизнь уѣзднаго городка, но и самая жизнь столицы. Калиновичъ не принадлежитъ къ тѣмъ непорочнымъ личностямъ, которыя всю жизнь остаются чисты какъ кристаллъ, и лучше готовы ничего не дѣлать, чѣмъ прибѣгать къ дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ, лишь бы дѣлать доброе. Хотите знать удѣлъ этихъ послѣднихъ лицъ — прочтите повѣсти Тургенева. И между ними много оттѣнковъ; но главное ихъ понятіе объ обществѣ состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать даже добра тамъ, гдѣ добро обращается во зло. На мѣры двусмысленныя они никогда не посягнутъ. Калиновичъ не такая совѣстливая натура; онъ практическій человѣкъ и апетиты жизни развиты въ немъ такъ сильно, что онъ жертвуетъ сначала Настенькою, а потомъ и самимъ-собою въ пользу богатой племянницы князя. Поэтому Калиновичъ не прекрасное исключеніе изъ дурнаго общаго правила, а натура, подходящая подъ общій уровень нашего общества очень во многомъ. Онъ не беретъ только взятокъ, но онъ и искалъ болѣе-широкаго поля дѣйствія не для этой цѣли; тогда бы онъ былъ просто грязенъ, и его не стоило бы выводить на литературную арену, подобно всѣмъ другимъ онъ мелкимъ плутамъ. Нѣтъ, искалъ простора, чтобы дѣйствовать, какъ честный человѣкъ, и, чтобъ достигнуть этого простора, долженъ былъ *пожертвовать чистотою своей нравственной стороны*. Онъ близокъ къ аферисту: женитьба для него есть афера, которая доставляетъ ему положеніе въ свѣтѣ; одну Настеньку онъ любитъ искренно, насколько можетъ помѣщаться нѣжной любви въ довольно холодномъ человѣкѣ.

Его частная жизнь, его женитьба есть афера! говорятъ читатели. Какая низость! и такого человѣка дѣлать героемъ романа! Такъ говорятъ, мы полагаемъ, очень-многіе, но мы тоже полагаемъ, что большинство этихъ многихъ, сдѣлало въ жизни своей изъ брака такую же аферу, какъ и Калиновичъ! Къ чему притворяться, прикидываться образцами рѣдкой у насъ еще чистоты намѣреній! Оглянитесь кругомъ и что́ вы увидите? И Калиновичи еще рѣдки! Посмотрите на всю золотую и позолоченную молодёжь, загляните ей въ сердце, и вы увидите тамъ одну заботу, одну мысль съ утра до вечера, и съ вечера до утра, мысль составить себѣ карьеру посредствомъ брака. И посредствомъ какого брака! Кривобокая племянница князя Раменскаго есть идеалъ въ сравненіи съ тѣми супругами нашего блестящаго юношества, о которыхъ оно бредитъ цѣлые дни. И такъ бредитъ то, что́ имѣетъ доступъ въ высшій кругъ; а Калиновичъ... пришедшій изъ уѣзднаго городка, смотритель училища, человѣкъ, у котораго есть замыслы на дѣятельность полезную въ обществѣ, и которому нѣтъ другихъ средствъ проложить дорогу къ жизни?.. Ужели этотъ, нравственно-сухой, практическій, но честолюбивый человѣкъ хуже тысячи тѣхъ слабыхъ созда-

Digitized by Google

ній, которыхъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу, тѣхъ недоученыхъ и ни къ какой должности негодныхъ юношей, которые заключаютъ подобные браки, чтобъ потомъ всю жизнь имѣть право быть бариномъ и ничего не дѣлать?.. Калиновичъ колетъ глаза нашему обществу болѣе своими нравственными уклоненіями, нежели своимъ политическимъ паденіемъ. Оно и понятно: политическое паденіе — не для многихъ, между-тѣмъ какъ нравственная сторона, ея недостатки, слишкомъ-близки намъ... Какъ мы ихъ хорошо знаемъ! Калиновичъ вѣдь не отъявленный мерзавецъ, а ужь на какую гадость способенъ!.. Вотъ это-то и досадно, вотъ это-то и близко намъ! Между-тѣмъ, какъ мы уже сказали, Калиновичъ пожертвовалъ своей частной жизнью для общественной дѣятельности. Онъ женился не длятого, чтобы потомъ сидѣть сложа руки и обезпечить на всю жизнь это сидѣніе; онъ женился въ надеждѣ, что женитьба откроетъ ему поприще. И дѣйствительно онъ достигъ своего.

А между-тѣмъ какая странность: то же общество признаетъ этого Калиновича негодяемъ за его поступокъ съ Настенькой и женитьбу на племянницѣ князя! Но еще лучше, то же общество повѣрило бы, еслибъ авторъ вывелъ идеально-прекрасное лицо смотрителя уѣзднаго училища, который по любви женится на племянницѣ князя Раменскаго и потомъ за свои большія заслуги награждается высокимъ постомъ и общимъ почетомъ! А то-молъ лишился и высокаго поста за то, что былъ безнравственный человѣкъ*! На основаніи закона, что мы мечтаемъ постоянно только о томъ, чего у насъ нѣтъ, мы говоримъ положительно, что общество наше далеко еще не дорасло до подобной добродѣтели.

И такъ читатель видитъ, что Калиновичъ, далеко-небезукоризненный нравственно и несовсѣмъ-щекотливый по отношенію къ совѣсти человѣкъ. Онъ не слишкомъ-то разборчивъ на средства, приглядѣвшись, какъ прекрасные юноши и ихъ прекрасныя надежды превращаются въ петербургскихъ департаментахъ въ сѣдоволосыхъ почтенныхъ старичковъ, съ знаками безпорочія служебнаго и невинности во всякомъ общеполезномъ дѣлѣ. Онъ не задумался круто повернуть свою жизнь въ другую сторону и оставить на произволъ судьбы Настеньку. Онъ не видѣлъ другаго исхода своей жизни. Ему предстояло: или вѣчно оставаться смотрителемъ уѣзднаго училища и приносить незамѣтную, но постоянную пользу обществу на смиренномъ посту учительскомъ, и проводитъ жизнь въ кругу семейства и любимой женщины: но для этого нужно быть идилликомъ, какимъ былъ прежній смотритель училища. Или бросить Настеньку и искать дѣятельности другой.

Авторъ очень-хорошо понималъ, что въ первомъ случаѣ дѣятельность Калиновича и его романъ прекращались на первой же части; дальше идти некуда, потому-что люди съ щекотливыми нравственными требованіями у насъ скоро запинаются за пороги невидимые, но легко-переступаемые другими. Чтобы остаться вѣрнымъ общему характеру нашего еще очень-матеріальнаго общества, онъ долженъ былъ заставить Кали-

Digitized by Google

новича бросить то, чѣмъ дорожило его сердце. Женитьбой онъ откроетъ себѣ карьеру.

И онъ вышелъ на эту карьеру. Что вышелъ такъ, а не иначе, *не собственными заслугами*, на эту карьеру Калиновичъ, авторъ сдѣлалъ также не безъ умысла. Калиновичъ, какъ умный человѣкъ, очень-хорошо видѣлъ, что исключенія изъ общихъ правилъ рѣже въ обществѣ, чѣмъ въ грамматикѣ, и потому создавать свою судьбу на возможности этого исключенія онъ не захотѣлъ. Онъ поступилъ какъ другіе, и опять-таки остался вѣренъ этому обществу.

Слѣдовательно то обстоятельство, что онъ можетъ приносить благо, быть полезнымъ, дѣйствовать на общественномъ поприщѣ—все это зависитъ не отъ личныхъ его заслугъ, а отъ кривобокой и некрасивой его подруги. Не ученіе, не образованность, не энергическій характеръ, а жена даетъ ему положеніе въ обществѣ. Это общество таково, что Калиновичъ долженъ былъ пожертвовать всѣмъ дорогимъ для него, чтобъ занять въ обществѣ видное мѣсто. Это очень-важное обстоятельство. Поразмыслите о немъ, и вы увидите, что мы нисколько не удалились отъ идеи романа, и что мы ничего не солгали предъ обществомъ.

При такихъ обстоятельствахъ мы даже начинаемъ благодарить судьбу, что она въ лицѣ княжны Полины бросила свой взоръ на Калиновича, а не на кого-нибудь другаго. Она могла бросить свой разсчетливый взглядъ и, слѣдовательно, осчастливить цѣлую губернію однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ описываютъ г. Щедринъ и г. Печерскій. Все могло быть и все это становится ясно послѣ просительныхъ визитовъ Калиновича къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ и послѣ вечеровъ, проведенныхъ Калиновичемъ на дачѣ петергофской дороги въ высшемъ кругу петербургскаго общества. Тамъ Калиновичъ изучилъ сложный механизмъ всякой администраціи, а въ томъ числѣ и петербургской. Это званіе просителя, эти ходатайства выучили Калиновича государственному праву лучше, нежели всѣ лекціи университета, потому-что онъ на практикѣ уразумѣлъ значеніе должностей, взглядъ начальника на подчиненнаго и всѣ побужденія, двигающія сложную машину государственнаго механизма. Виргилій, объяснявшій Данту тайны загробной жизни, не выбралъ бы лучшаго средства учить политикѣ.

Наука и пріемныхъ петергофской дороги, какъ мы видѣли, подѣйствовала. Калиновичъ вслѣдствіе этого женился и отправился по своему назначенію творить судъ правый и нелицепріятный.

Здѣсь, на новомъ поприщѣ, все шло хорошо и Калиновичъ уже заслужилъ имя расторопнаго администратора, какъ вдругъ наткнулся на интересы того же лица, которое его женило на Полинѣ по своимъ личнымъ разсчетамъ, а не за сомнительныя добродѣтели Калиновича, которое доставило ему мѣсто, встрѣтился съ лицомъ, которое играетъ роль судьбы въ жизни Калиновича. Кто бы могъ думать, что интересы перепутываются такою неразрывною сѣтью и такъ крѣпко сплочиваютъ всѣ



Digitized by Google

россійскія губерніи! Одинъ на одинъ оказался Калиновичъ съ княземъ, лицомъ къ лицу стали два эти человѣка, и здѣсь-то выказался весь Калиновичъ; все доброе, что́ въ немъ было, что́ долго сдерживалось и чему не давали простора обстоятельства, теперь онъ могъ обнаружить. То зло, которымъ страдаетъ общество, было передъ нимъ, и Калиновичъ былъ такъ смѣлъ, что всею своею силою ополчился на это зло. Князь, вѣдь, человѣкъ вліятельный: онъ и беретъ подряды, и даетъ мѣста, и женитъ Полину изъ своихъ личныхъ видовъ, и очень-любезенъ въ обществѣ, и у него обѣдаетъ вся губернія. Какого человѣка вамъ еще нужно? Поговоривъ двѣ минуты съ княземъ Раменскимъ, вы будете вѣрены, что отъ него въ восторгѣ вся губернія, и въ столицѣ открытъ ему доступъ во всѣ домы, гдѣ есть швейцары съ булавами. Князя Раменскаго вы не убьете: у него сто головъ, у него вездѣ друзья и вы будете варваромъ, если не отдадите чести его обѣду и его изысканнымъ манерамъ. Князь Раменскій въ губерніи выше губернскаго предводителя; онъ важнѣе губернатора, онъ — наше общество. И съ этимъ человѣкомъ задумалъ схватиться Калиновичъ! Но тутъ же заключалась и развязка его судьбы. Онъ уже былъ разъ обманутъ въ своихъ надеждахъ, когда задумалъ проложить себѣ карьеру и увидѣлъ, что собственныхъ силъ его одного недостаточно. Теперь онъ, укрѣпившись уже, вздумалъ опять одинъ возстать на зло и покончить съ нимъ: но та же княжна Полина, теперь его супруга, возведшая его на высоту, недоступную уѣздному смотрителю, *та же Полина сбросила его съ высоты*, чтобъ онъ не вѣрилъ въ собственныя силы, чтобъ этотъ пришлецъ, невѣдомо откуда забѣжавшій въ заповѣдныя страны, былъ выгнанъ изъ нихъ и не забывался, что онъ всѣмъ обязанъ милости, а не собственнымъ заслугамъ. И онъ летитъ съ общественнаго поприща,

Какъ пухъ отъ устъ Эола,

и гдѣ онъ теперь — неизвѣстно. Встрѣтила его опять съ распростертыми объятіями только одна Настенька, и мы увѣрены, что съ ней онъ несравненно-счастливѣй, но уже не строитъ фальшивыхъ плановъ править обществомъ, дѣлать карьеру, не вѣритъ въ возможность однѣми личными заслугами достигать общественныхъ почестей. Онъ долженъ былъ скрыться въ ту частную жизнь, которою такъ глупо пожертвовалъ изъ личнаго самолюбія и самообольщенія молодости.

И этотъ изворотливый человѣкъ не могъ удержаться! Говорите послѣ этого, что для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго!

Вотъ въ-сущности и вся исторія; мы провели главную нить, а до подробностей мы касаться не будемъ, потому-что онѣ не входятъ въ планъ нашей статьи.

Князь Раменскій и Калиновичъ, два главныя лица повѣсти, по задуманному авторомъ плану. Возлѣ нихъ даже образъ Настеньки становится второстепеннымъ, или уходитъ въ даль. Князь Раменскій есть

Digitized by Google

все то въ нашемъ обществѣ, что́ живетъ, въ полномъ смыслѣ слова; дѣйствуетъ и имѣетъ вліяніе; Калиновичъ идетъ на князя и не замѣчаетъ, что самъ князь его выводитъ въ люди, пока онъ служитъ его интересамъ, и стираетъ его съ лица земли, когда Калиновичъ задумалъ быть независимымъ.

Спрашивается: стоило ли тратить столько силъ, жертвовать своими лучшими чувствами, чтобъ достигнуть такихъ ничтожныхъ результатовъ? Стоило ли бросать Настеньку, заключать позорный бракъ съ Полиной и тратить нравственную чистоту человѣка въ этихъ практическихъ схваткахъ съ обществомъ? Вопросъ безъисходный для людей энергическихъ, честолюбивыхъ... Будемъ надѣяться, что впередъ этого не случится, и что высоконравственный человѣкъ будетъ оставаться такимъ, покойно проходя служебное поприще. Чистота душевная не будетъ удѣломъ людей, крѣпко-замкнувшихся въ себѣ, въ своей умственной сферѣ, не будетъ исключеніемъ... Исключенія всегда рѣдки и истинный талантъ никогда не строитъ романовъ на исключеніяхъ; разсказъ только тогда стоитъ на твердой почвѣ, пока онъ служитъ общему правилу.

Рядомъ съ Калиновичемъ у автора есть другое замѣчательное лицо: это Бѣлавинъ, фигура новая, и также очень-поучительная. Бѣлавинъ не дилеттантъ, а человѣкъ, который многое очень-хорошо знаетъ и во многомъ даже спеціалистъ. Дѣлаемъ первую эту оговорку, чтобъ не смѣшивать Бѣлавина съ лицами, уже извѣстными въ нашей литературѣ, съ лицами, которыя всему учились понемногу, все знаютъ и въ результатѣ ни къ-чему неспособны. Бѣлавинъ не таковъ; онъ выше всѣхъ этихъ лицъ; онъ могъ бы дѣйствовать, и еслибъ была на то у него воля, онъ дѣйствовалъ бы благородно. Но постоянная работа однимъ умомъ и постоянное наслажденіе всѣмъ прекраснымъ, безъ желанія помогать ходу общества, подвигать это общество къ тому, чтобъ и оно современемъ могло наслаждаться и плодами ума и произведеніями всего прекраснаго, безъ жизни дѣятельной и благородной въ настоящемъ смыслѣ слова—эта постоянная работа лишь головой превращаетъ Бѣлавина въ *утонченнѣйшаго эгоиста*, ни къ чему-негоднаго, развѣ только на то, чтобъ давать совѣты. Совѣты онъ мастеръ давать, и совѣты всегда прекрасные, благородные. Лицо въ высшей степени истинное и по своей правдѣ внутренней нисколько неуступающее Калиновичу. Мы боимся, чтобъ Бѣлавины когда-нибудь не сдѣлались у насъ предметомъ такимъ же необходимымъ въ повѣсти, какъ были неизбѣжны изверги въ романтической драмѣ. Бѣлавинъ — порожденіе обстоятельствъ точно также, какъ и Калиновичъ, хотя онъ несравненно тоньше Калиновича. Бѣлавинъ не рѣшится на такой бракъ, какъ Калиновичъ; онъ всегда и все будетъ обходить и всего беречься, что́ можетъ броситься въ глаза: но за-то у него не будетъ и никакой энергіи. Постоянная привычка извлекать лучшіе соки изъ всѣхъ наслажденій, сдѣлается окончательною цѣлью его жизни, и до

Digitized by Google

другихъ ему никогда не будетъ дѣла. Въ Бѣлавинѣ слишкомъ—много художественнаго элемента, безъ творческой способности, слѣдовательно безъ жажды дѣлать и дѣйствовать. Бѣлавинъ совершенно-порядочный человѣкъ, совершенно—образованный человѣкъ, съ которымъ бесѣдовать — наслажденіе; Бѣлавина вы нескоро узнаете, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока ему не придется сдѣлать что-нибудь, гдѣ нужно, хоть маленькое самопожертвованіе. Это единственный для него камень преткновенія; и пока онъ будетъ обходить этотъ камень искусно, вы не узнаете Бѣлавина. Какъ обманулась въ немъ Настенька, такъ и каждый можетъ обмануться. А всему причиной форсированная сначала внѣшними обстоятельствами, а потомъ уже, когда юность и увлеченія прошли, привычка, обратившаяся въ природу, всегда наслаждаться, всѣмъ наслаждаться—и больше ничего. За этимъ кругозоромъ у Бѣлавина нѣтъ уже жизни.

---

Три лица, о которыхъ мы говорили, достаточно показываютъ, ка́къ близко коснулся современнаго намъ общества г. Писемскій. Въ романѣ есть страницы, которыя жгутъ васъ еще вчерашнею правдою. А между-тѣмъ посмотрите, вопервыхъ, ка́къ высоко перенесены тѣ общественные интересы, которые у другихъ писателей ограничиваются взятками, откупами и вообще всякими недозволительными продѣлками; и, вовторыхъ, ка́къ тѣсно связаны эти общественные вопросы съ характерами и дѣйствіемъ выведенныхъ лицъ. Нѣтъ отвлеченныхъ мыслей, не видно нигдѣ диссертаціи; передъ читателемъ однѣ лишь картины современной жизни. Вотъ обращикъ повѣсти, которая не чуждается вопросовъ общества, на столько, сколько они имѣютъ вліянія на личность человѣка, создаютъ особый характеръ и составляютъ атмосферу, въ которой живутъ и движутси люди съ ихъ страстями. Не наблюденіе надъ этой атмосферой составляетъ для г. Писемскаго первый вопросъ, а люди, живущіе въ этой атмосферѣ; не наблюденіе надъ дѣлопроизводствомъ въ низшихъ и высшихъ инстанціяхъ, а вліяніе этихъ инстанцій на тѣ дѣйствія, которыя составляютъ принадлежность каждаго, если онъ не машина, а человѣкъ. Давленіе воды, искусственно—поднятой, заставляетъ бить сотни фонтановъ разомъ, и художникъ, не говоря о разсчетахъ инженера, который, на основаніи законовъ механики, поднималъ воду, рисуетъ вамъ только разнообразіе формъ, въ которыхъ играютъ эти фонтаны, подъ вліяніемъ одного общаго имъ всѣмъ давленія.

Отъ этого романъ г. Писемскаго отличается единствомъ плана и постоянно—идущимъ развитіемъ главной идеи. Дѣйствіе постоянно растетъ и расширяется, по мѣрѣ развитія характера самого Калиновича, и наконецъ обрывается тамъ, гдѣ идея высказалась и гдѣ путь главнаго дѣйствующаго лица поконченъ.

Digitized by Google

Романъ г. Писемскаго таковъ, что о немъ много, очень-много можно говорить... Мы не касаемся ни подробностей, ни художественной отдѣлки характеровъ. На этотъ разъ наша цѣль состояла въ томъ, чтобъ отвѣтить на вновь-возобновившіеся толки: на сколько современные вопросы могутъ входить въ художественное произведеніе.

**С. Дудышкинъ.**

---

**Исторія Русской Словесности** ч. III, *лекціи* С. Шевырева, *ординарнаго академика и профессора. Москва. 1858.*

**Русскій народъ и государство.** *Исторія русскаго общественнаго права до XVIII ст., соч.* В. Лешкова. *Москва. 1858.*

«Всѣмъ, слѣдящимъ за движеніемъ мысли въ нашемъ отечествѣ, извѣстна важнѣйшая распря, которая дѣлитъ ученыхъ и писателей русскихъ на два рѣзко-противоположные стана какъ въ наукѣ, такъ и въ литературѣ. Она касается взгляда на древнюю и новую Русь...

«Теперь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, давшихъ новое движеніе современной русской словесности, при открывшейся возможности мыслителямъ русскимъ выражать свои мнѣнія какъ-можно-искреннѣе, эта распря достигла всевозможныхъ размѣровъ и раздѣлила мнѣнія на такія двѣ рѣзкія противоположности, какія едва-ли когда-нибудь встрѣчались въ нашей умственной жизни.

«Всего непріятнѣе для общества и всего безполезнѣе для самой науки духъ вражды, который раздражаетъ противниковъ. Мы, мало привыкшіе къ умственному движенію въ общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и благотворной терпимости, на которой противники въ мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга. Кто же помогаетъ намъ яснѣе видѣть и полнѣе обнимать истину, какъ не противникъ нашему на нее воззрѣнію? Онъ долженъ быть для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя истины не ненавистнымъ врагомъ, а желаннымъ гостемъ, который вызванъ нашимъ же къ ней обращеніемъ...

«Трудно человѣку достигнуть до такой высоты разума, но каждый добросовѣстный изыскатель истины долженъ по-крайней-мѣрѣ стремиться къ ней... Думаю, что въ раздраженной ненависти, съ какою сторонники противоположныхъ мнѣній встрѣчаютъ другъ друга, скрывается и большая часть взаимной неправды ихъ же исключительныхъ воззрѣній» (Пред. кн. г. Шевырева).

Не безъ нѣкотораго удовольствія мы приводимъ въ началѣ нашего отчета эти простыя, но справедливыя слова изъ предисловія новой книги г. Шевырева. Не потому мы дорожимъ ими, чтобъ они заклю-

Digitized by Google

чали въ себѣ что-нибудь особенно-поразительное и новое, но потому, что, выраженныя старымъ бойцомъ *за добрую старину*, они получаютъ краснорѣчивое и поучительное значеніе. Вотъ мы если не у берега, то, по-крайней-мѣрѣ, на пути къ нему... Долго шло наше общество разными дорогами, не зная, или не рѣшаясь куда обратиться за помощью, съ какой стороны ждать рѣшенія вопросовъ и сомнѣній, которыми тревожно занята наша современность. Одни указывали на старый Западъ, богатый мыслью и житейскими опытами, другіе смутно вѣрили въ Востокъ, будто-бы хранящій въ себѣ новые, свѣжіе элементы для всеобщаго соціальнаго возрожденія стараго міра. И въ выборѣ между этихъ двухъ путей, въ борьбѣ, подъ-часъ оскорбительно-мелочной, въ школьныхъ упражненіяхъ на заданный контраверсъ, проводили дни и наше общество, и наша литература. Пилигримы Востока встрѣчались съ туристами Запада у противоположныхъ полюсовъ и не узнавали другъ въ другѣ ни единоплеменниковъ, ни товарищей въ дѣлѣ общественнаго развитія.

Кажется, эти юношескія забавы приходятъ къ концу: обѣ стороны начинаютъ терять вѣру въ свои принципы и ищутъ чего-то инаго. Не говоримъ о тѣхъ людяхъ, для которыхъ убѣжденіе есть только средство высказать упрямство характера, или пробный градусъ самолюбія: такія Коробочки мужеска пола имѣютъ и убѣжденія, близкія къ убѣжденіямъ почтенной *коллежской секретарши*. Они — печальный остатокъ старины отходящей, которая ревниво держится за свое право старѣйшинства и не хочетъ признать въ возникающемъ юношѣ будущаго сильнаго и свѣжаго дѣятеля. Объ этой завистливой старухѣ не слѣдовало бы даже и упоминать, еслибъ, время-отъ-времени, она не являлась въ литературѣ и не несла, по счастливому выраженію одного современнаго ритора, *на свой мерзостный костеръ* всего, во что глубоко вѣритъ наша современность...

Два-три исключенія не уничтожаютъ истины главной мысли: для крестоносцевъ Востока и рыцарей Запада наступаетъ уже судъ исторіи. *Домашній старый споръ* удегся и теперь мѣсто взглянуть на причину такого явленія.

Не всякому изъ нашихъ читателей будетъ понятно, когда мы скажемъ, что причина непрочности обоихъ направленій заключалась не только въ ихъ односторонности, но и въ неумѣніи стать въ-уровень съ требованіями и задачами эпохи; но всякій ясно увидитъ ихъ несостоятельность, когда мы приведемъ ясныя доказательства этому, взятыя изъ науки самой жизненной, современной Я разумѣю исторію: на ней, какъ на старомъ яблокѣ раздора, преимущественно сходятся противорѣчія обѣихъ сторонъ.

Наше практическое время уже перестало нугаться вопроса о пользѣ: для него каждое явленіе цѣнится цѣною своей практической стороны, по мѣрѣ жизненнаго приложенія, пользы. Какую же пользу принесла

Digitized by Google

современная историческая наука для общественной жизни: заставила ли она общество практически разстаться съ отжившимъ обычаемъ, бросить безсмысленную привычку, устарѣлое мнѣніе, которыя путаютъ и сбиваютъ съ толку современнаго человѣка? Съ нѣжною заботливостью подъискивая историческія генеалогіи всякой современной дрязгѣ, наука забыла о жизни. Между убѣжденіемъ, облегчившимся въ послѣднее время до невѣроятія, и жизнью дѣйствительною лежитъ еще ничѣмъ ненаполненная пропасть. Оттого исторія у насъ не живая наука, а фактическое знаніе и знаніе далеко-неполное и не безпристрастное. Посмотримъ на это нѣсколько-ближе: за примѣромъ далеко ходить нечего.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія геніальный Гумбольдтъ въ дружеской бесѣдѣ съ нашимъ исторіографомъ высказывалъ упрекъ, что, занимаясь судьбами государственной Россіи, онъ какъ-будто позабылъ о народѣ, жизнь котораго шла своимъ чередомъ, своею дорогою, самостоятельно и почти всегда независимо отъ политическаго развитія. Упрекъ этотъ, несмотря на очевидную свою истину, до-сихъ-поръ еще не утратилъ своего смысла и значенія. И въ этомъ случаѣ какое странное и почти-непонятное явленіе представляетъ намъ современная историческая наука! При всѣхъ блистательныхъ успѣхахъ ея, совершенныхъ трудами французскихъ и нѣмецкихъ историковъ текущаго столѣтія, при всемъ глубоко-отчетливомъ взглядѣ на цѣлыя эпохи народной жизни, она все еще не можетъ сойти съ того пьедестала, на который поставили ее добрые старики не менѣе добраго стараго времени; ей, повидимому, жаль разстаться съ теплымъ отогрѣтымъ мѣстомъ, съ вершины котораго всѣ событія историческихъ низменностей принимаютъ радужные, игривые оттѣнки и являются взорамъ нашимъ въ видѣ стройной картины, гдѣ главныя мѣста отданы въ полное распоряженіе сильныхъ міра сего. Они, эти вожатаи историческихъ событій, составляютъ главную силу исторіи, а судьба и дѣйствія ихъ — ея содержаніе. Въ лицѣ ихъ — и только ихъ однихъ — человѣчество идетъ впередъ, а остальныя темныя массы покорно слѣдуютъ за этими избранными: здѣсь жизнь и движеніе, а тамъ господство грубой привычки, мертвенность и нравственное коснѣніе.

Наивный Шатобріанъ, съ откровенностью *замогильнаго жителя*, утверждалъ, что Франція среднихъ вѣковъ — монархія безъ народа; что исторія народа не существуетъ, потому-что самый народъ не существуетъ; что безполезно искать чего-нибудь тамъ, гдѣ нѣтъ ничего и гдѣ нельзя ничего найти. И онъ только гласно и прямо высказалъ то, чего придерживаются — сознательно или по привычкѣ — еще многіе историки нашего времени.

Оттого и выходитъ, что народъ, его коренной бытъ, его историческая жизнь, быть-можетъ, не блестящая и не привлекательная съ перваго взгляда, остаются въ сторонѣ, обойденные и незамѣченные! Въ силу ли принятаго обычая, или просто по неспособности сочувствовать

Digitized by Google

и понимать что-либо *живое*, только многіе историки и до-сихъ-поръ готовы заниматься всѣмъ и обо всемъ писать, только не о народѣ и его исторіи. Авторъ прекраснаго историческаго труда о французскихъ крестьянахъ, Евг. Боннмеръ, не надивится такому явленію: «Государства, провинціи, страны (говоритъ онъ) имѣютъ свои хроники; герои, великіе люди, преступники — свои біографіи. Полки цѣлой библіотеки ломятся подъ тяжестью томовъ, посвященныхъ одной исторіи пчелъ; шелковичные черви, муравьи, бабочки имѣютъ свои лѣтописи. Ученые знаютъ, какъ живутъ и умираютъ эфемериды, инфузоріи; древесный мохъ и грибы служатъ предметомъ продолжительныхъ и упорныхъ изслѣдованій ученыхъ... Забытымъ остался только человѣкъ!»

И какой человѣкъ, тотъ, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ своей тяжелой жизни всегда былъ кормителемъ-печальникомъ своей земли, трудами котораго пользовались всѣ сословія и кому все человѣчество обязано возможностью прогреса и цивилизаціи!

Или цѣлые мильйоны людей прошли по землѣ, потомъ и трудами удобряя ее и не заслужили добраго слова памяти, когда такая громкая слава окружаетъ имена опустошителей земли и такая оскорбительная тишина царствуетъ у скромныхъ именъ ея печальниковъ, обработывателей! Этому явленію трудно найти нравственное оправданіе, хотя оно имѣетъ свою разумную причину. Историкъ неохотно пробѣгаетъ скорбныя страницы длиннаго мартирологія, называемаго исторіею поселянина. Ему, изволите видѣть, нужны свѣтлыя, отрадныя стороны человѣческой дѣятельности; а что отраднаго можетъ представить эта лѣтопись тоски, обманутой надежды и неисполненныхъ чаяній?

Такое *нервное* расположеніе русской исторической науки, извинительное и понятное въ старушкѣ за шестьдесятъ лѣтъ, имѣло очень-печальныя слѣдствія. У великаго дѣла, отъ котораго зависятъ всѣ жизненныя отправленія будущаго, мы очутились съ завязанными глазами, не зная, какъ быть! Правда, литература еще въ 1845—1848 годахъ, сколько могла, подымала этотъ вопросъ; но она только указывала на него, а не рѣшала, и ограничивалась посильнымъ воспроизведеніемъ жизненнаго факта, предоставляя читателямъ полную свободу междустрочной литературной догадки доступной далеко не каждой головѣ и далеко не каждому слуху. Во всемъ этомъ немного хорошаго, но еще хуже то, что литература, къ-сожалѣнію, успѣла только выставить хазовые концы самаго дѣла; далѣе она не могла идти, и скоро совсѣмъ замолкла, оставивъ мѣсто однѣмъ надеждамъ на будущее.

Тогда-то историческіе изслѣдователи раздѣлились на два стана: одни отправились на Западъ, другіе на Востокъ, и встрѣтились у полюсовъ. При всей разности въ характерѣ и взглядѣ на предметъ, между ними было, однако, много общаго: они смотрѣли на исторію крайне-отвлеченно, и вопросъ жизни съумѣли свести на вопросъ археологіи, въ са-

Digitized by Google

номъ тѣсномъ смыслѣ. Снова вызваны были тѣни подъячаго Григорія Котошихина и домостроителя Сильвестра, снова повѣяло запахомъ Номоканона Кормчей Книги. Все это говоря правду:

Домашній, старый споръ, ужь взвѣшенный судьбою,

вопросъ котораго мы и не беремся рѣшить. Но въ то время, когда обѣ стороны мирно отходятъ на покой и наука начинаетъ тѣснѣе сближаться съ жизнью, живѣе принимать къ сердцу ея интересы, мы находимъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ этихъ историческихъ партій. Уже изъ самаго легкаго взгляда открывается взаимная односторонность и причины ихъ недолговѣчности. Мы выше говорили о невниманіи историковъ къ быту и жизни народа. Это главный и существенный недостатокъ нашей *исторической школы* (западной). Послѣдователи ея вездѣ видятъ не народъ, а государство; все, что исходитъ изъ этого начала, они признаютъ нормальнымъ и законнымъ. Кому неизвѣстны ихъ войны за сельскую общину, за централизацію, войны, обнаружившія отсутствіе историческаго смысла съ одной стороны, и неисторическія наклонности съ другой? За всѣмъ-тѣмъ мы думаемъ, что правда все-таки болѣе на сторонѣ *исторической школы*: у послѣдователей ея, по-крайней-мѣрѣ, остаются свободныя отношенія къ прошедшему; они не несутъ на себѣ его авторитета. Такіе же идеалисты, какъ и ихъ восточные противники въ дѣлѣ историко-органическаго воззрѣнія, на такую неисторическую и неорганическую исторію, какова русская—они мирно остановились на полпути и не хотятъ идти далѣе, не доводятъ до конца здравой раціональной мысли, лежащей въ основѣ ихъ историческаго воззрѣнія. Въ народной жизни есть учрежденія, перешагнуть которыя не хочетъ мысль послѣдователей историческаго направленія, и многія изъ такихъ учрежденій уже отжили свое время, хотя и продолжаютъ ходить за ненарушимыя абсолютныя нормы, выше которыхъ ничего нѣтъ и быть не можетъ. Самая мысль *прогреса* поставлена ими какъ-то отвлеченно, безъ отношенія къ живой исторической средѣ. Всякая историческая эпоха имѣетъ свою задачу, мѣрою которой она и должна быть мѣрена. Еслибъ вмѣсто быстро-смѣняющихся поколѣній, существовало только одно, вѣчно-юное, вѣчно-живущее, еслибъ это прогрессивное движеніе впередъ къ неизвѣстной цѣли совершалось въ кругѣ одной цѣльной жизни, непрерываемой смѣной поколѣній, обмѣномъ матеріи, тогда мысль историческаго прогреса была бы мыслью дѣйствительно-живою и двигательною. Но съ мѣною времени мѣняется и человѣкъ. Каждое время, каждая эпоха есть свой особый міръ, имѣющій своя особыя права передъ судомъ исторіи; мѣрять его должно не отвлеченною мѣрою прогреса, а дѣйствительными требованіями и стремленіями той эпохи, ея задачею. «Исторія есть движеніе, непрерывный прогресъ», и въ безотносительномъ смыслѣ это фактъ, отрицать который невозможно. Но для кого этотъ прогресъ и кому облегчаетъ онъ жизнь?

Digitized by Google

Не-уже-ли историческому, реальному человѣку?... Нѣтъ! Были у него и прежде свои радости, свои печали; есть онѣ и теперь. Правда, онѣ значительно измѣнились, сдѣлались другими; но вѣдь и человѣкъ измѣнился, и онъ сталъ другимъ не только нравственно, но даже физически. Ясно, что въ этомъ случаѣ историки становятся на отвлеченную почву, и вмѣсто историческаго, реальнаго человѣка выдвигаютъ идеальную личность какого-то макробіота и по немъ уже прилаживаютъ свои приговоры. И это еще не все! Мысль прогреса доводитъ иногда до самыхъ вредныхъ крайностей, заставляя мириться съ тѣмъ, съ чѣмъ бываетъ такъ трудно помириться человѣку, глядящему на жизнь человѣческими глазами!

Таковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ взглядъ лѣвой стороны нашихъ историковъ, взглядъ робкій, безсильный въ отвѣтѣ на многіе запросы жизни....

Еще безплоднѣе воззрѣніе правой, восточной стороны.

За всѣ вопросы науки они берутся какимъ-то своимъ особеннымъ образомъ и ни одной вещи не могутъ взглянуть прямо и ясно въ глаза; надъ всѣми ими какъ-будто тяготѣетъ какой-то тяжелый авторитетъ, котораго они даже и не подозрѣваютъ. Люди не безъ жизненной силы и энергіи; они замариваютъ ее разными анти-историческими воспоминаніями, убѣгая многихъ аномалій современности. Оттого-то такъ пусто и безплодно ихъ ученіе для человѣка новаго по образу мыслей и убѣжденіямъ. Правда, въ мнѣніяхъ ихъ еще свѣтились кое-гдѣ признаки жизни, особенно тамъ, гдѣ рѣчь шла о народѣ, объ общинѣ; но это обманчивые болотные огоньки, негрѣющіе и влекущіе довѣрчиваго читателя въ тину восточной схоластики, откуда такъ труденъ выходъ на вольный Божій свѣтъ... И какъ поучительна для каждаго мыслящаго человѣка судьба ихъ *историческихъ* мнѣній: археологическія сочувствія и разрѣшились археологически. Снова гг. Аксаковъ и Бѣляевъ принялись за сочиненіе историческихъ эпопей игриваго содержанія; снова отъискали смыслъ тамъ, гдѣ его не было и быть не могло; русскую женщину обратили въ миѳическое лицо и вознесли превыше облакъ ходячихъ; русскій народъ окрестили прежде офиціальнаго принятія христіанства, а русскую общину, основанную на приниженіи личности и патріархальныхъ началахъ, пожаловали въ званіе абсолютной нормальной формы народной жизни отъ нынѣ и до вѣка.

Все это — кормчая книга и дурно понятой Гегель съ его спекулятивною школою. Удивительно только, какъ они сошлись и помирились здѣсь!

Итакъ, современная русская историческая наука въ лицѣ обѣихъ противныхъ школъ немного дала для жизни; можетъ-быть, она и не могла болѣе дать, находясь, по причинѣ многихъ обстоятельствъ, невполнѣ въ нормальномъ состояніи.

Digitized by Google

Но, слава Богу, сказали мы, времена измѣнились! Выше мы приняли отзывъ г. Шевырева объ этихъ двухъ противоположныхъ партіяхъ: послѣ многолѣтней ученой дѣятельности авторъ пришелъ къ убѣжденію въ ихъ взаимной неправотѣ и односторонности. На основаніи этихъ словъ, мы наклонны были встрѣтить въ новомъ выпускѣ сочиненія г. Шевырева взглядъ нѣсколько—отличный отъ взгляда и метода обработки произведеній русской литературы, какіе находимъ въ предъидущихъ выпускахъ. Тамъ авторъ являлся именно жаркимъ поборникомъ того воззрѣнія, односторонность котораго онъ счелъ нужнымъ обличить въ своемъ предисловіи.

Но слово еще не есть дѣло, и отъ признанія еще далеко до исполненія. Новая книга г. Шевырева печальнымъ опытомъ убѣдила насъ въ томъ, что авторъ ея вышеприведенными словами или хотѣлъ сказать не то, что обыкновенно понимаютъ подъ ними, или же, исповѣдуя литературныя прегрѣшенія восточной категоріи, исповѣдывалъ ихъ только устами. Не далѣе, какъ чрезъ страницу — мы во очію встрѣчаемся съ тѣмъ духомъ вражды, который, по его собственнымъ словамъ, непріятенъ для общества и безполезенъ для науки. Частное ученое мнѣніе о преждевременности для настоящей поры — полной исторіи русской словесности, г. Шевыревъ перенесъ въ сферу вовсе—неученую и оповѣстилъ своимъ благосклоннымъ читателямъ, что будто—бы профессоръ русской словесности московскаго университета этимъ мнѣніемъ «отказался отъ возможности передать эту науку съ своей каѳедры». Что подало поводъ къ такой рѣшительной публикаціи? Поле логическаго умозаключенія остается не за г. Шевыревымъ— потому—что если въ настоящее время невозможна полная исторія русской словесности, то возможна обработка важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ ея отдѣловъ — и нѣсколько лекцій изъ курса исторіи словесности, напечатанныхъ г. Буслаевымъ въ «Атенеѣ», ясно показываютъ образъ воззрѣнія его на предметъ и прочный критическій методъ. Если же публикація составлена по какимъ—нибудь слухамъ, то не всякому слуху можно вѣрить, да и у мѣста ли подобные слухи въ ученомъ сочиненіи? Вѣдь этимъ исторія русской словесности становится на—ряду съ «Весельчакомъ», «Смѣхомъ», «Пустозвономъ» и тому подобными невинными произведеніями уличной русской музы. Въ другомъ мѣстѣ говорится опять слѣдующее: «Намъ случалось встрѣчать въ печати подобныя охлаждающія мнѣнія касательно новаго періода русской словесности. Въ то самое время, когда я, по смерти Жуковскаго, въ рѣчи университетской опредѣлялъ его значеніе въ русской поэзіи и жизни, авторъ матеріаловъ для его біографіи, печатанныхъ въ петербургскихъ журналахъ (!), говорилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что еще не настало время опредѣлять значеніе поэта, подразумѣвая, *конечно* (!?), подъ этимъ, что надобно *подождать еще, когда онъ соберетъ и напечатаетъ всѣ матеріалы,*

Digitized by Google

*касающіеся его біографіи* (!) Трудъ автора до-сихъ-поръ остался неоконченнымъ и, *по его мнѣнію* (?!), даже онъ самъ не имѣлъ бы права опредѣлять значеніе г. Жуковскаго. А между-тѣмъ тотъ же самый авторъ предпринялъ сочиненіе полной исторіи русской словесности и обѣщаетъ вскорѣ издать ее, чего мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, *радуясь* новому труду въ нашей наукѣ». И въ добрый часъ! Почему же и не порадоваться, если есть охота, только зачѣмъ же возмущать эту радость разными неумѣстными и ни на чемъ неоснованными предположеніями, или «мы не доросли еще до высоты того душевнаго состоянія, той благородной и благотворной терпимости, по которой противники во мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга?»

Да и зачѣмъ вездѣ и во всемъ видѣть одну личность и личность, оцтъ и желчь? На какомъ основаніи, напримѣръ, можно утверждать, что *вооруженная пентархія петербургскихъ журналовъ напала* на первыя двѣ части «Исторіи русской словесности» *преимущественно* только за то, что авторъ ея поставилъ себя «въ Московскомъ Наблюдателѣ» и «Москвитянинѣ» въ полемическое отношеніе къ этимъ журналамъ?

Не-уже-ли во всѣхъ. рецензіяхъ только и было, что *слова, слова, слова* и ни капли дѣла? Такой полновѣсный укоръ, въ случаѣ своей справедливости, ложится клеймомъ на всю русскую критику, обвиняя ее въ грубомъ неуваженіи къ наукѣ, въ подчиненіи ея высокихъ цѣлей поползновеніямъ узкаго самолюбія. Къ-счастью, это несправедливо: свидѣтель этому публика, слѣдившая за движеніемъ литературы того времени, и самая книга г. Шевырева, гдѣ, хотя тускло и неопредѣленно, но все же отражаются нѣкоторые слѣды вліянія указаній и поправокъ *вооруженной пентархіи петербургскихъ журналовъ*.

Новый выпускъ «Исторіи русской словесности» (преимущественно древней) заключаетъ въ себѣ обозрѣніе литературы XIII, XIV и начала XV вѣковъ. Нужно признаться, вѣка бѣдные литературнымъ развитіемъ, особенно, если принять во вниманіе, что самые замѣчательные памятники этого времени до-сихъ-поръ остаются извѣстны только лишь очень-немногимъ. Г. Шевыревъ чувствовалъ это, и потому, переходя къ XIII вѣку, мы находимъ слѣдующее живописное сравненіе: «Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ татарскимъ кочевьямъ. Слова, читаемыя нами подъ 1224 годомъ лѣтописи, объясняютъ намъ это безплодіе: «Томъ же лѣтѣ, по грѣхомъ нашимъ, придоша языцы незнаеми, ихъ же добрѣ никто не вѣсть кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; а зовутъ я татары» (стр. 17).

Digitized by Google

Грозное это нашествіе даетъ поводъ автору развернуть подробную и обстоятельную картину нашествія, разсказать жизнь трехъ князей, представителей эпохи, въ которыхъ-яко бы олицетворяла Россія въ XIII вѣкѣ мужество, вѣру и терпѣніе—и затѣмъ уже перейти къ немногимъ уцѣлѣвшимъ памятникамъ словесности этого времени. Разсматриваются они въ всязи съ церковными событіями, потому-что, по мнѣнію г. Шевырева, *мысль о церкви нашей, мысль великая, живая, какъ зерно будущаго величія Россіи, какъ залогъ ея соединенія государственнаго, какъ основа ея силъ нравственныхъ, какъ опора и точка отправленія въ ея умственномъ развитіи; эта мысль лежала во глубинѣ всѣхъ произведеній древняго періода русской словесности* (стр. 16 — 17). Этимъ только мы можемъ объяснить, почему въ новомъ выпускѣ сочиненія г. Шевырева отведено такое широкое мѣсто церковнымъ событіямъ и вообще церковному элементу. По прочтеніи всей книги, можно даже усомниться въ справедливости и достовѣрности ея названія: *Исторія русской словесности*. Ужь не подозрѣвалъ ли ея авторъ чего-нибудь инаго подъ этими словами, напримѣръ, исторіи церковной словесности, гомилеетики, иконки, патристики, или чего-нибудь другаго въ этомъ родѣ? Чрезвычайно-подробно разсказываются жизнь и подвиги святителей: Петра митрополита, Сергія Радонежскаго, Алексѣя митрополита, Стефана Пермскаго, Кипріяна митрополита, Кирилла Бѣлозерскаго, Георгія Цамблака и Фотія; говорится немного и о ихъ литературныхъ трудахъ (по-бо́льшей-части въ однихъ извлеченіяхъ безъ всякихъ почти объясненій) и все это такимъ-образомъ, что не доумѣваешь, съ какой цѣлью и зачѣмъ все это разсказывается здѣсь такъ подробно и такъ краснорѣчиво? Если авторъ имѣлъ въ виду цѣль практическую, назидательную: образцами святости укрѣпить благочестивое чувство своихъ читателей, то зачѣмъ онъ не оговорился объ этомъ заранѣе и придалъ своей книгѣ ученый характеръ и пышный, серьёзный титулъ исторіи? Отъ этого нежеланія установить предѣлы и разграничить области духовной дѣятельности древней Руси: церковную, политическую и литературную — произошло то, что большая половина книги г. Шевырева рѣшительно оказывается безполезною и никакъ не можетъ достигнуть той цѣли, къ которой должна стремиться наука исторіи, то-есть, представить предъ нами ясную и правдивую картину протекшихъ судебъ и жизни народа. Спора нѣтъ, что всѣ жизненныя отправленія, всѣ сферы духовной дѣятельности народа такъ тѣсно между собою связаны, что становится рѣшительно-невозможнымъ никакое рѣзкое разграниченіе; но поэтому уже и не слѣдуетъ отдавать преимущество какой-нибудь одной въ ущербъ всѣмъ прочимъ. А этого-то и не сдѣлалъ г. Шевыревъ. Оттого его книга потеряла много въ ученомъ достоинствѣ и скорѣе можетъ назваться *пріятнымъ чтеніемъ*, послѣ котораго остается одно смутное воспоминаніе, легкое и необременительное для ума, чѣмъ ученымъ трудомъ, вносящимъ что-нибудь

Digitized by Google

положительное, серьёзное въ науку. Кому, напримѣръ, не покажется страннымъ въ исторіи русской словесности встрѣтить *психологическое объясненіе кликушъ* приливомъ религіознаго чувства (стр. 108, 156); живописное, но не вездѣ удобопостижимое описаніе мѣстности подвиговъ св. Кирилла Бѣлозерскаго, гдѣ озера являются *кусками голубаго неба, сброшенными на землю въ оправахъ лѣсовъ и полей, гдѣ склонъ неба, простираясь кругомъ, съ любовью* (!) *захватываютъ всѣ дива благословенной земли* (стр. 199). Вообще, новый выпускъ «Исторіи русской словесности» г Шевырева поражаетъ обиліемъ утомительныхъ подробностей и пластическихъ описаній, можетъ-быть, очень-занимательныхъ и полезныхъ въ книгѣ для дѣтей перваго возраста, но рѣшительно-непригодныхъ тому, кто имѣлъ удовольствіе перешагнуть за эту черту человѣческой жизни. О пропускахъ и фактическихъ недосмотрахъ и говорить нечего, когда цѣлый отдѣлъ *народности* остался почти нетронутъ, потому-что мы не можемъ назвать не только удовлетворительными, но даже сколько-нибудь сносными въ ученомъ отношеніи тѣ скудныя страницы, которыя авторъ удѣлилъ въ 14 лекцій своей татарскому вліянію въ нашей народной поэзіи. И очень-понятно, почему авторъ пренебрегъ народною поэзіею и всѣми литературными явленіями, которыя имѣютъ съ нею какую-нибудь связь, если вспомнить общее направленіе мысли и методъ ученой разработки, употребленной въ «Исторіи русской словесности». Но вотъ что становится уже рѣшительно-непонятнымъ: «Вникая добросовѣстно (говоритъ г. Шевыревъ) въ письменные и устные памятники нашей словесности, кто же послѣ этого, *кромѣ поверхностнаго верхогляда*, осмѣлится еще сказать, что не было у насъ въ исторіи эпохи татарской и что не оставила она яркихъ слѣдовъ въ жизни нашего народа?» (стр. 299). Знаете ли, въ кого вы бросаете такимъ ретивымъ и поспѣшнымъ приговоромъ? Этого мнѣнія, сколько извѣстно, держался покойный И. В. Кирѣевскій и высказалъ его прямо въ своемъ *Примѣчаніи къ русскимъ народнымъ пѣснямъ*, изданнымъ въ «Московскомъ Сборникѣ» 1852 г. стр. 354—356. Положимъ, это мнѣніе несправедливо, но зачѣмъ же заранѣе обзывать *поверхностнымъ верхоглядомъ* человѣка, честно въ этомъ убѣжденнаго и о которомъ вы сами, въ первомъ выпускѣ вашего труда, отзывались (стр. 236) такъ человѣчески-тепло и отъ лица науки благодарили за его безкорыстную любовь къ ней? Или опять мы *не доросли до той благородной и благотворной терпимости, на которой противники въ мнѣніяхъ уважаютъ другъ друга?!* Когда вышли въ свѣтъ первые два выпуска «Исторіи русской словесности, *преимущественно* древней», кто-то сдѣлалъ очень-справедливое сравненіе ихъ съ «Исторіею» Карамзина. Находя разницу между ними въ томъ, что «Исторія» Карамзина, по истеченіи тридцати лѣтъ, со времени своего перваго появленія въ свѣтъ, полезна для науки именно тѣмъ, чѣмъ «Исторія русской словесности, преимущество-

Digitized by Google

но древней», сдѣлалась полезна со дня своего рожденія. Въ этомъ случаѣ разумѣлись обильныя примѣчанія, которыми г. Шевыревъ снабдилъ первый и, въ-особенности, второй выпускъ своей «Исторіи». Новая книга его и въ этомъ отношеніи гораздо-слабѣе предъидущихъ: ея примѣчанія чрезвычайно-скудны, незначительны, и единственный результатъ, какой можно извлечь изъ нихъ—это убѣжденіе, что исторія литературы XIII, XIV и начала XV вѣковъ, лишенная ученой обработки, не подвигается ни на шагъ впередъ новымъ ученымъ трудомъ г. Шевырева, и дѣло остается въ совершенно томъ же видѣ, въ какомъ оно было до выхода въ свѣтъ этого ученаго труда. Какъ ни безотраденъ этотъ выводъ и какъ онъ ни противорѣчитъ приговору самого автора, который сознадъ односторонность обѣихъ ученыхъ и литературныхъ партій и поэтому самому уже имѣлъ возможность избѣгать ихъ односторонности; но онъ справедливъ, какъ въ этомъ можетъ легко убѣдиться каждый, кто пожелаетъ посвятить нѣсколько часовъ чтенію самой книги. И въ сущности здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Нелегко отказаться отъ прежняго убѣжденія, но еще труднѣе практически, самымъ дѣломъ доказать свое отреченіе. Убѣжденіе измѣнилось, но привычка тянетъ человѣка на старое, и въ такомъ разладѣ, въ противорѣчіи между жизнью и убѣжденіемъ, проводятъ дни многіе, часто сами того не замѣчая. Такъ явилось сочиненіе, написанное именно въ самомъ крайнемъ духѣ той партіи, односторонность котораго обличается въ *предисловіи*.

Мы сказали, что обѣ стороны начинаютъ терять вѣру въ свои принципы и ищутъ чего-то инаго — это не значитъ, чтобъ они вотъ сейчасъ и нашли его; можетъ-быть, еще много времени пройдетъ въ исканіяхъ, но выходъ, рано или поздно, все-таки сыщется. Изъ одной уже *надежды* на это мы не можемъ не быть снисходительными къ такимъ литературнымъ явленіямъ, которыя вполнѣ еще принадлежатъ старому времени. Дѣло критики только указать имъ должное мѣсто въ наукѣ и литературѣ; и съ этою цѣлью мы обращаемъ вниманіе читателей на книгу г. Лешкова: *Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка* По общему направленію своему она близко подходитъ къ книгѣ г. Шевырева, но отличается отъ нея двумя качествами: 1) крайне-неправильнымъ, запутаннымъ языкомъ, доходящимъ иногда до такой темноты, какая напоминаетъ нашихъ стилистовъ XVIII-го вѣка и 2) обстоятельнымъ и отчетливымъ сборомъ фактовъ, недостатокъ которыхъ такъ видимо бросается въ глаза каждому читателю въ книгѣ г. Шевырева. Фактическая сторона книги г. Лешкова, безспорно, лучшая въ своемъ родѣ: трудолюбивый авторъ собралъ все, что только можно было изъ нашихъ лѣтописей, юридическихъ памятниковъ, иностранныхъ извѣстій касательно предметовъ общественнаго права въ Россіи за XVIII вѣкъ. Что же касается выводовъ и окончательныхъ заключеній, то здѣсь пусть извинитъ всякій, и даже снисходительный читатель! Они стоятъ въ какомъ-то

Digitized by Google

странномъ противорѣчіи съ тѣмъ честнымъ, добросовѣстнымъ изученіемъ матеріала, какое находимъ мы въ книгѣ автора. Произвольные выводы и ни на чемъ неоснованныя заключенія возможны только при отсутствіи близкаго фактическаго знакомства съ предметомъ, когда фантазія и воображеніе, несдерживаемыя никакими разумными границами и за недостаткомъ дѣйствительной насущной пищи обращаются къ постройкѣ тѣхъ воздушныхъ замковъ, обращики которыхъ мы встрѣчаемъ въ историческихъ мнѣніяхъ гг. Аксакова, Бѣляева, Хомякова и К°. Но въ книгѣ г. Лешкова дѣло выходитъ иначе: и поползновеніе къ безпристрастію есть, и факты собраны отчетливо и добросовѣстно, и даже воодушевленіе, высказывающееся особенною оригинальностью слога; но гдѣ дѣло коснется выводовъ, читатель за то не можетъ понять, откуда такія несовмѣстности: les chateaux en Espagne и русскія лѣтописи, разнузданная фантазія и положительное изученіе!

Для доказательства, обращаемъ вниманіе читателей на тѣ части сочиненія г. Лешкова, которыя всего болѣе и ближе насъ касаются въ настоящее время и стоятъ въ нѣкоторой связи съ книгою г. Шевырева: мы разумѣемъ *народное* образованіе и просвѣщеніе. Ему г. Лешковъ посвятилъ одну главу своего сочиненія, подъ заглавіемъ: «*Право образованія или о народномъ просвѣщеніи въ Руси*» (стр. 410—447).

Замѣтимъ предварительно, что общія, такъ-сказать философскія понятія автора поражаютъ своею темнотою и отвлеченностью; онъ какъ-будто является поборникомъ фаталистическаго взгляда на исторію, олицетворяемаго въ видѣ какой-то *идеи*, правящей ходомъ вѣка. Вотъ его слова:... *идеями* (какими?!) управляются народы и человѣчество. Въ каждомъ народѣ должны быть напередъ даны *тѣ* или *другія идеи*, которыхъ выработка въ понятія и начала должна составить задачу его исторіи. Нѣтъ народовъ безъ преданій, какъ нѣтъ народовъ безъ чаяній и вѣрованій, находящихся въ неразрывной связи съ преданіями, такъ-что каждый народъ начинаетъ свою жизнь подъ вліяніемъ свѣта, идетъ отъ свѣта и необходимо ищетъ *извѣстнаго ему* (?) свѣта. И нигдѣ и ничего безъ преданій!» Вслѣдъ затѣмъ, объяснивъ отличіе просвѣщенія народовъ языческихъ отъ христіанскихъ, г. Лешковъ такъ опредѣляетъ просвѣщеніе: «Просвѣщеніемъ называемъ мы *сумму идеи и свѣта, долженствующую* (?) выработаться въ народѣ; образованіемъ—самую работу общества въ этомъ дѣлѣ — самый процесъ воздѣланія и усвоенія идеи и свѣта» (стр. 410, 411).

Здѣсь, какъ видите, цѣлая хитросплетенная ткань или домашняя теорія прогреса: и свѣтъ, и идеи, и преданія, и чаянія, и кажущаяся логическая послѣдовательность мысли — все на-лицо, чтобъ скрыть тѣ грубые узлы, которые бросаются въ глаза каждому непредубѣжденному читателю.

Но противъ этого фаталистическаго взгляда подымается рѣзкій протестъ съ той стороны, голосъ которой всего-менѣе можетъ быть за-

Digitized by Google

глушенъ шумихою словъ: мы разумѣемъ исторію. Есть ли исторія какого-нибудь народа — *стремленіе отъ задачи* къ ея разработкѣ? Кто знаетъ эту задачу или кто измѣрилъ ту сумму *идеи* и *свѣта*, которая должна выработаться въ народѣ? И еслибъ дѣйствительно существовала эта задача, напередъ-опредѣленная, предуставленная, то откуда бы такія рѣзкія противорѣчія и отрицанія въ исторіи? Еслибъ каждый народъ начиналъ свою жизнь подъ вліяніемъ свѣта (г. Лешкова), шелъ отъ свѣта и необходимо искалъ *извѣстнаго* ему свѣта, могъ ли бы онъ дойти до того глубокаго отрицанія многихъ преданій, отжившихъ и стоявшихъ въ-разрѣзъ съ современными потребностями? И передъ ними-то преклоняется г. Лешковъ, нѣжно называя ихъ свѣтомъ, идеею! Мало этого: такимъ взглядомъ отдаетъ законность тому судейскому воззрѣнію, въ силу котораго истина существуетъ только для однихъ сыновъ Израиля: задача исторіи каждаго народа напередъ опредѣлена, преданіе (свѣтъ, по г. Лешкову) дано, и онъ не имѣетъ права отступить отъ этого пути, хотя бы созналъ, что вся жизнь его была мракъ и невѣжество. Ничего нѣтъ общечеловѣческаго, все народное... И что же отсюда слѣдуетъ, какъ не дикій фанатизмъ, который печалитъ каждаго образованнаго человѣка при видѣ того, какъ турокъ-мухаммеданинъ, по преданію, остается до-сихъ-поръ мухаммеданиномъ, а язычники приносятъ кровавыя жертвы своимъ богамъ въ силу того же преданія, которое составляетъ предметъ благоговѣнія для г. Лешкова. Нѣтъ, г. авторъ, или вы шутите, и тогда такія шутки вовсе неумѣстны; или вы бы воздержались выносить передъ публику эти допотопныя іудейскія воззрѣнія, ложь которыхъ обличилъ еще самъ Спаситель, признавъ братьями всѣхъ людей: и эллина и язычника и іудея. Но пусть подивятся наши читатели логической силѣ идеи, какъ довела она нашего автора ad absurdum къ слѣдующему неожиданному и въ наше время непонятному объясненію: «Умственное образованіе было въ рукахъ духовенства, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдовательно, распространялось по приходамъ, или общинамъ, было общинное. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ-сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ школахъ приходскихъ. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его читать и писать, могла служить основаніемъ и *глубокой мудрости*, потому-что онъ читалъ въ ней не Иліаду, не Одиссею, не *вымыслы человѣческіе*, какъ бы ни были они прекрасны, а истинное ученіе о сотвореніи міра, объ искупленіи отъ грѣха человѣческаго рода самою Любовью. Потомъ читалъ онъ проповѣди и поученія св. отцовъ, житія угодниковъ Божіихъ, дѣеписанія своего народа, сказанія своихъ паломниковъ и путешественниковъ. Высшія школы нужны были *для облегченія его труда* (?), но и безъ нихъ, при *усиліи самомышленія*, христіанинъ могъ образоваться до степени



Digitized by Google

духовнаго витіи, до *безсмертія* (!) народнаго лѣтописателя. Сколько великаго могла совершить школа времени (русской) Правды—это видимъ мы изъ исторіи перваго русскаго митрополита Илларіона, изъ житія св. Ѳеодосія Печерскаго, изъ дѣятельности перваго лѣтописца Нестора и другихъ лицъ» (стр. 208).

Далѣе, кажется, и идти уже некуда. А между-тѣмъ такое мнѣніе, такой взглядъ — есть только логическій выводъ изъ общихъ понятій автора о философіи прогреса и просвѣщенія, хотя послѣднія помѣщаются въ книгѣ нѣсколько-ниже. Если идея дана одинъ разъ навсегда и становится обязательною, неминуемою, то всякая самодѣятельность въ просвѣщеніи, всякое образованіе и развитіе своихъ способностей посредствомъ *вымысловъ* человѣческихъ есть дѣло лишнее: нужно только понять идею или ту *сумму свѣта*, отъ котораго отправляешься. Послѣ такихъ понятій было бы совершенно-излишне распространяться много о взглядѣ г. Лешкова на просвѣщеніе и образованіе древней Руси, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ въ виду «*открытіе новаго въ событіяхъ, а только назначеніе мѣста событіямъ въ сферѣ права*»; хотя, по всей справедливости, вышеприведенное мнѣніе имѣетъ полное право на имя диковинной новости, по-крайней-мѣрѣ для нашего времени.

Противъ мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ, что ученіе въ древней Руси было дѣломъ правительственнымъ, г. Лешковъ выставляетъ какую-то *силу*, производившую явленія образованности, помимо правительственнаго участія, прибавляя, что не одни монастыри и не одна церковь служили у насъ этою силою. «И какъ могла (говоритъ онъ) исключительно церковная, духовная школа породить результаты иногда исключительно свѣтскіе, частью съ примѣсью язычества, каковы Слово о Полку Игоревѣ, Слово Даніила Заточника, Сказаніе объ убіеніи Андрея Боголюбскаго, о Калкской битвѣ и другія сказанія, вошедшія и невошедшія въ лѣтопись? И могла ли школа монастыря возбудить вопросъ даже о томъ, кто былъ Кій, перевощикъ у Кіева, или князь города, и сообщить нашему первому лѣтописцу его точныя свѣдѣнія о древней Россіи, географическія и этнографическія, или его живыя черты для изображенія быта древнѣйшаго населенія, его повѣрій, обычаевъ, образа жизни и т. п.?» (стр. 718).

Все это совершенно-справедливо; только намъ кажется, что г. Лешковъ смѣшалъ здѣсь двѣ совершенно-различныя вещи, именно: *наученіе книжное*, вошедшее къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и бывшее дѣломъ, безспорно, правительственнымъ, и *великую школу народную*, образовавшуюся еще во времена незапамятныя и неизмѣнно-пребывавшую въ русскомъ бытѣ. Оба эти явленія, и по своей сущности и по своему характеру, рѣшительно противоположны и на нашей почвѣ явились началами враждебными, исключающими другъ друга. Стóитъ только вспомнить тѣ преслѣдованія, какимъ подвергался народный языческій

Digitized by Google

элементъ отъ послѣдователей новой школы, чтобъ убѣдиться, что между ними не могло быть того дружнаго согласія, какое хочетъ видѣть г. Лешковъ. И, странная вещь! желая доказать это, онъ прибѣгаетъ къ давно-оставленной анти-исторической ипотезѣ: о мирномъ распространеніи у насъ новаго ученія. Вотъ его слова: «Мы знаемъ, что эта вѣра принимается народомъ безъ борьбы и ожесточенія, по-одному примѣру князя Владиміра и его бабки и по одному его слову: «аще не обрящется кто рѣцѣ (на рѣкѣ) для крещенія, богатъ ли, или убогъ, или нищъ или работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». И на основаніи этихъ событій, говоримъ, что вѣра принята у насъ не столько по наряду правительства, сколько по расположенію народа, а потому и книжное ученіе должно было придти въ Русь не столько вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, сколько по своей необходимой связи съ исповѣданіемъ, принятымъ такъ свободно и душевно» (стр. 416—417).

Это уже совершенная напраслина! Опровергать такіе выводы и *умозаключенія* въ настоящее время и совѣстно и странно: они не имѣютъ за собою ни одного положительнаго извѣстія, а безъ этого всякій споръ принимаетъ комическій характеръ. Можно ли спорить съ человѣкомъ, который, глядя на черное, станетъ пресерьёзно увѣрять васъ, что это бѣлое, прибѣгая для этого не къ ученымъ парадоксамъ, а единственно къ системѣ голословныхъ утвержденій? А такимъ въ настоящемъ случаѣ является нашъ авторъ, и вотъ лучшее доказательство, какъ система и заранѣе-притотовленная мысль можетъ туманить голову человѣка, даже близко-знакомаго съ историческими фактами. Съ особенною любовью и внимательностью г. Лешковъ останавливаться на судьбахъ древней русской женщины. Здѣсь ловко опущено все, что́ можетъ противорѣчить мнѣнію о высокомъ нравственномъ значеніи ея среди окружающаго общества: нѣтъ ни народныхъ пѣсенъ, ни важныхъ свидѣтельствъ Котошихина и благовѣщенскаго попа Сильвестра, не упомянуты ни единымъ словомъ извѣстія иностранцевъ и т. д., но встрѣчаются небольшія выписки изъ «Слова о женахъ», которое, по мнѣнію автора, должно быть приведено изъ *хронологическаго* въ *логическій* (!) порядокъ (??!) и въ немъ *укладываться* (!) въ умъ всякаго внимательнаго читателя; говорится, что въ *средніе вѣка*, на западѣ, женщина *содѣлалась* предметомъ *романа* (!), *искательствъ* и *ласкательствъ* (??!), торжествъ и побѣдъ и т. д. и т. д.».

И только! И это выдается за юридическій взглядъ на судьбы русской женщины! Нужно быть слишкомъ-нетребовательнымъ, или слѣпо вѣрить всему *печатному*, чтобъ удовольствоваться такими фантастическими прогулками г. Лешкова по русской исторіи. Мало-мальски серьёзный читатель выноситъ изъ этой части труда одни упреки и упреки: упреки за потраченное даромъ время, за небрежную обра-

Digitized by Google

ботку (даже въ фактическомъ отношеніи) этой важной части въ исторіи общественнаго права, сравнительно съ другими отдѣлами книги г. Лешкова. Заканчиваетъ авторъ панигирикомъ древнему русскому обществу за то, что пытало вѣдьмъ и колдуній не жомами и испанскими сапогами, а другими, туземными средствами, и сожигало ихъ не на кострѣ, какъ на Западѣ, а въ деревянномъ срубѣ... Противъ этого сказать что-нибудь трудно: все зависитъ отъ личнаго вкуса. Только мы думаемъ, что не мѣшало бы автору напередъ хорошенько обслѣдовать дѣло прежде, чѣмъ приниматься за благодарственные спичи древнему русскому обществу.

---

Таковъ взглядъ на исторію, общественную и литературную жизнь древней Руси двухъ дѣятелей небольшаго кружка послѣднихъ могиканъ восточной школы. Недалеко ушли и ихъ противники: еще недавно одинъ изъ нихъ, вооружившись историко-органическимъ рефракторомъ, такъ немилосердо засудилъ князя А. М. Курбскаго, что еслибъ послѣдній былъ нашъ современникъ, онъ неминуемо попалъ бы въ руки исправительной полиціи. Мы будемъ еще имѣть случай поговорить подробнѣе объ этихъ послѣднихъ явленіяхъ *исторической школы*: на нихъ стóитъ остановиться уже и потому, что для нѣкоторыхъ они до-сихъ-поръ, вопреки быстрымъ успѣхамъ науки, продолжаютъ служить непререкаемымъ авторитетомъ. Мы такъ молоды въ дѣлѣ умственнаго образованія и науки вообще, что до-сихъ-поръ не отвыкли отъ праотеческой привычки вѣрить всему печатному нá-слово, особенно если при этомъ еще существуетъ наружная ученая обстановка. Пора, кажется, этому и миновать. Нѣкоторыя явленія нашей исторической литературы даютъ поводъ думать, что наши ожиданія *лучшаго* ненапрасны и что, пройдя восточныя и западныя мытарства, наука, наконецъ, вступаетъ на прочную историческую дорогу. Объ этихъ явленіяхъ мы будемъ говорить въ другой статьѣ, а теперь, заканчивая отчетъ о книгахъ гг. Шевырева и Лешкова, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какое отношеніе должна стать русская историческая наука къ двумъ отживающимъ началамъ, памяти которыхъ мы посвятили большую часть нашей статьи.

Съ европейскою мыслью и образованіемъ насъ сближаютъ не одни историческія, такъ сказать, международныя отношенія, а глубокая внутренняя связь и преемственность. Прямые наслѣдники нравственнаго европейскаго капитала, мы не можемъ и не должны отказываться отъ него, коль-скоро захотимъ идти впередъ наравнѣ съ современными требованіями эпохи. Богъ знаетъ, къ чему бы пришло русское общество, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ съ тупой привычкой и рутиной вмѣсто образованной сознательности, съ своими полутатарскими понятіями и нравами!

Digitized by Google

Переворотъ, произведенный Петромъ—Великимъ, какъ всякій насильственный переворотъ, имѣлъ свои крайности, свои подъ—часъ черезчуръ—темныя стороны; но историческое его оправданіе въ будущемъ. Можно отрицать — и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вполнѣ справедливо — глубокую обдуманность плана и сознательную цѣль, къ которой стремился Петръ, но едва—ли кто, неповрежденный, станетъ утверждать совершенную безполезность, или даже вредъ его реформы, напротивъ! Доброе нравственное вліяніе ея живо чувствуется въ современномъ человѣкѣ, если только онъ захочетъ взглянуть на себя прямо и безпристрастно. Были и прежде сословныя начала въ русской жизни: государство и централизація легализировали ихъ, многіе чувствовали тяжелую руку вотчинниковъ, государевыхъ холопей, сформированныхъ по образцу византійско—татарскому, но не многіе чувствовали это сознательно и понимали причину зла и его незаконность. Петръ, можетъ—быть, безсознательно явился истолкователемъ этого: онъ окончательно порѣшилъ съ сословіями, рѣзко—совопоставивъ ихъ лицомъ къ лицу съ остальнымъ народомъ. Отсюда уясненіе ихъ взаимныхъ отношеній, до—сихъ—поръ еще неприведенныхъ къ сознанію и подернутыхъ розовымъ цвѣтомъ патріархальности!

Вотъ, слѣдовательно, точка опоры, гдѣ должна остановиться историческая наука: на реформѣ, предпринятой съ высокою цѣлью облегченія многотрудныхъ жизненныхъ отношеній, наши историки восточной и западной стороны должны протянуть другъ другу руку примиренія, а безъ этого они останутся позади, далеко позади быстро несущейся впередъ современности.

**ск. ч***.**

**Черноморскіе казаки** *въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту.* соч. Ивана Попки. *Спб. 1858.*

Между неизвѣданными еще краями Россіи, Край Черноморскій заслуживаетъ особеннаго вниманія: изслѣдователь старины, любитель народности найдетъ въ немъ много любопытнаго и даже поучительнаго. Между—тѣмъ, до—сихъ—поръ у насъ не писали объ этомъ краѣ ничего, или писали очень-мало. Г. Попка, самъ черноморскій казакъ, взялся восполнить отчасти этотъ недостатокъ, изобразивъ, какъ онъ самъ назвалъ свой трудъ, «Очерки края, общества, вооруженной силы и службы». Сочиненіе г. Попки возбуждаетъ живое любопытство и читается съ большимъ интересомъ; довольно-поверхностный въ своихъ историческихъ изъисканіяхъ, далеко-неисчерпывающій всего предмета, г. Попка тѣмъ не менѣе оказывается большимъ знатокомъ натуры и характера своихъ соземельниковъ, а вслѣдствіе этого рисуетъ ихъ крупными, но характеристическими чертами.

Сочиненіе свое авторъ раздѣлилъ на семнадцать главъ, которыя онъ назвалъ «разсказами»; ихъ заключаетъ эпилогъ. Сначала г. Попка

Digitized by Google

представляетъ топографическій очеркъ Черноморья, и, по поводу кургановъ и балокъ, наполняющихъ этотъ край, посвящаетъ цѣлую главу описанію ихъ. Здѣсь онъ пускается въ рѣшеніе археологическаго вопроса о происхожденіи кургановъ и балокъ, и на томъ основаніи, что первые всегда насыпаны тамъ, гдѣ существуютъ вторыя, доказываетъ, что и тѣ и другія не произведеніе природы, но что балки и котловины, къ которымъ онѣ направлены, вырыты, а курганы насыпаны. Предоставляемъ записнымъ археологамъ опровергнуть мнѣніе г. Попки, или согласиться съ нимъ; мы не остановимся на этомъ вопросѣ, также какъ и на разсказѣ автора о почвѣ и естественныхъ произведеніяхъ Черноморья, разсказѣ, представляющемъ интересъ слишкомъ-частный; но считаемъ очень-нелишнимъ обратить вниманіе читателей на подробности о климатѣ, о народности, религіи, нравственныхъ качествахъ и т. п. Климатъ Черноморья, вслѣдствіе сосѣдства двухъ морей и Кавказскихъ Горъ очень-непостояненъ, что выразилось въ народной поговоркѣ: «до Святаго Духа не кидать кожуха, а по Святомъ Дусі, у тому жь кожусі». По замѣчанію г. Попки, основанному на любопытномъ увѣреніи старожиловъ, климатъ Черноморья измѣнился къ худшему противъ стараго времени. «Въ тѣ годы не знали (говоритъ авторъ), какъ на зиму припасать для стада сѣно, а для пастуха кожухъ; въ тѣ добрые годы озимыя запашки полей оканчивались предъ Рождествомъ, а яровыя начинались послѣ Крещенья».

Вспомнивъ про перемѣну климата, г. Попка пускается въ воспоминаніе о старинѣ. Слова его дышатъ поэтическою простотою и грустью человѣка, который видитъ, что въ землѣ его далеко не то, что было.

«Тогда житье было на козачинѣ. Какое диво, что само небо было къ намъ ласковѣе! Мы величали другъ друга братомъ, а кошеваго Атамана батькомъ. Такъ оно было и на самомъ дѣлѣ. Мы не чувствовали тѣсноты въ свѣтличкѣ о трехъ окнахъ, подъ низко-спущенной камышевой крышей, гдѣ, на свѣтаньи Божьяго дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлегъ подъ однимъ съ нами смиреннымъ кровомъ. Наши матери и молодицы разъѣзжали въ стародубовскихъ кибиткахъ, въ которыхъ только и роскоши было, что мѣдныя головки на «цвяшкахъ» (гвоздикахъ); а мы то, мы съ пренебреженіемъ смотрѣли на колеса, и насъ носили стремена. Стремя было для козацкаго чобота, что крыло для пяты Меркурія. На дружескихъ пирахъ мы пили свою родную варенуху, услаждали вкусъ мнишками, а слухъ цымбалами, и подъ ихъ разудалое, задирающее за живое, бряцанье, отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали насъ въ бою, затѣмъ, что никто изъ насъ назадъ не оглядывался (*). У домашняго очага мы были недоступны ни для корчея, ни для иной злой немочи, не было преждевременныхъ морщинъ,

(*) По казацкому повѣрью, заговоръ отъ пули и сабли можетъ быть дѣйствительнымъ только для тѣхъ, кто въ бою ни разу назадъ не оглянется. Условіе, sine qua non и весьма-основательно.

Digitized by Google

за которыя могли бъ они ухватиться. Все недоброе отъ насъ, какъ мячъ, отскакивало. Просто—житье было на козачинѣ.»

Черноморскіе казаки населили нынѣшній свой край въ 1792 году, послѣ выхода изъ Запорожской Сѣчи. Къ нимъ присоединилось потомъ много казаковъ малороссійскихъ; но такъ-какъ и тѣ и другіе были родичами, то сопоселеніе ихъ не внесло разноплеменности въ коренное населеніе, а, напротивъ, наложило на всѣхъ одинаковую физіономію малороссійскую. Черноморскіе казаки говорятъ малороссійскимъ языкомъ, руководятся малороссійскими нравами, обычаями, повѣрьями. Всѣхъ жителей обоего пола въ предѣлахъ Черноморья 185,220 душъ; въ томъ числѣ казацкаго населенія 165,100. Казаки поселены въ трехъ городахъ, одной нѣмецкой колоніи, шестидесяти-трехъ куреняхъ, или станицахъ, пяти поселкахъ и трехъ тысячахъ хуторовъ. Особенно-характеристично поселеніе въ куреняхъ.

Куренемъ, по объясненію г. Попки, въ старое время называлась казарма въ смыслѣ зданія и въ смыслѣ подвижнаго, готоваго къ походу войска. Съ 1803 года названіе куреней осталось при селахъ, которыя въ позднѣйшее время стали называться и станицами. Въ куреняхъ живутъ простые и малодостаточные казаки; чиновные и сколько-нибудь состоятельные живутъ въ хуторахъ поодиночкѣ. По словамъ г. Попки, «эти тучные отростки отъ тощаго дерева разносятъ соки и глушатъ корни жизни общественной». Отличительная черта характера черноморцевъ стремленіе селиться поодиночкѣ; это будто слѣдствіе широкой, размашистой натуры казака, нелюбящей никакого стѣсненія. Такое особничество называется у казаковъ показанщиной (отъ слова казанъ, котелъ). Слѣдствіемъ ея оказывается дробленіе семействъ и дѣлежъ хозяйствъ. «Въ черноморской казацкой хатѣ (говоритъ г. Попка) не то, что въ великороссійской крестьянской избѣ, вы не найдете трехъ и четырехъ поколѣній на однѣхъ полатяхъ». Всякій хочетъ быть на свободѣ, всякому трудно выносить «тяготу ближняго»; но свое собственное горе нипочемъ; «товарищу, протянувшему къ нему руку, отдаетъ послѣдній грошъ, не подумавъ; за односума, оплошавшаго въ бою, умираетъ не колеблясь, и, сокрытою отъ взоровъ людскихъ, горячею слезою кропитъ давно-заросшую могилу брата, друга, благодѣтеля».

«Непонятная натура! (заключаетъ г. Попка) что есть въ ней лучшаго, то скрыто, а пустяки и глупости снаружи.»

Мы не имѣемъ никакой возможности останавливаться на всѣхъ подробностяхъ сочиненія. Замѣтимъ только, что эти подробности, разсказанныя весьма-характеристически и во многихъ мѣстахъ оригинально, касаются, кромѣ-того (о чемъ мы уже говорили), земельнаго уряда, хозяйства, промысловъ, промышлености, торговли, путей сообщенія, почтовыхъ учрежденій, образованности, исторіи Черноморскаго Войска, ихъ гражданско-военнаго устройства, службы и т. п. Между

Digitized by Google

этими страницами, исполненными живаго интереса, большое любопытство возбуждаетъ разсказъ о *пластунахъ*. Имя пластуновъ стало извѣстно каждому изъ насъ въ послѣднюю войну; это воспоминаніе заставляетъ насъ читать разсказъ г. Попки съ величайшимъ любопытствомъ. По объясненію его, положеніе пластуновъ, въ-отношеніи въ кордонной линіи, почти то же, что положеніе застрѣльщиковъ въ-отношеніи въ первой боевой линіи. Наружность пластуна и его нравственныя свойства авторъ рисуетъ слѣдующимъ образомъ:

«Это, обыкновенно, дюжій, валкій на ходу козакъ, первообразнаго малороссійскаго складу и закалу; тяжелый на подъемъ и неутомимый, незнающій удержу послѣ подъема, при хотѣньи—бѣгущій на гору, при нехотѣньи—еле плетущійся подъ гору; ничего необѣщающій внѣ дѣла, и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ... Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный и нетерпѣливый зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ-главу угла. Изъ служивыхъ людей различныхъ народностей, входящихъ въ могучій составъ русскаго воинства, быть можетъ, черноморецъ наиболѣе имѣетъ нужды въ указаніи, одобреніи и добромъ примѣрѣ, и потомъ этотъ же черноморецъ и наиболѣе бываетъ благодаренъ, и отдатливъ за всякую заботу о немъ, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое къ нему чувство. Въ старыхъ пѣсняхъ о добрыхъ вождяхъ казачеству слышенъ просто плачъ... Сквозь сильный загаръ описываемой личности пробивается добродушіе, которое легко провести, и, вмѣстѣ, суровая сила воли и убѣжденія, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо, окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью, ни назадъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ, или въ опасное дѣло, отъ его шагу, отъ его взгляда и простаго слова вѣетъ на васъ какимъ-то спокойствіемъ, какимъ-то забвеніемъ опасности. И, можетъ быть, отсюда родилось это повѣрье, что одинъ человѣкъ можетъ заговорить сто другихъ противъ непріятельскаго оружія... Пластуны одѣваются, какъ черкесы, и притомъ, какъ самые бѣдные черкесы. Это оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильную аварію ихъ наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже, вслѣдствіе потеряннаго терпѣнія во время починки, кожаными заплатами; папаха вытертая, порыжѣлая, но, въ удостовѣреніе беззаботной отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу: вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ, съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, около пояса, и висящія съ боковъ пояса, такъ называемыя, причандалья: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку, или даже скрипку, и вы составите себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна, какъ она есть...»

Digitized by Google

Но пластунъ не всегда свирѣпъ и дерется; онъ и повеселиться умѣетъ, у него есть и эстетическое чувство. По этому поводу, автора разсказываетъ слѣдующій случай:

«Пограничнаго корсунскаго куреня пластунъ Омелько Вернигора, во время домовой льготы, возьметъ бывало ружье и скрыпку и отправится на лѣвую сторону Кубани охотиться за кабаномъ и оленемъ. Покончивъ съ охотой, зайдетъ онъ по дорогѣ въ мирной аулъ (онъ же зналъ шалтай-болтай по-черкески), и давай потѣшать молодежь бойкою игрою на скрыпкѣ. За то его угощали «четлишемъ» и, подъ-часъ, ссужали арбой для перевозки къ Кубани убитаго кабана. Дѣвушки и, «баранчуки» особенно его жаловали, и если случалось, что онъ долго не навертывался въ аулъ, скучали за нимъ. Охота за Кубанью требуетъ большой оглядки; это одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ даже мастеръ боится. Доводилось Омельку разъ-другой накинуть глазомъ *немирныхъ*, но это были одиночки, и онъ зналъ, что́ ему дѣлать. Вмѣсто того, чтобъ перемѣнять направленіе, или спѣшить укрыться, онъ держался своей тропинки и еще болѣе выставлялся на видъ. Горцы не видѣли пользы тратить съ нимъ время и уходили себѣ, куда шли. Они подозрѣвали засаду. Да притомъ храбрѣйшій изъ горцевъ не откажется немножко струсить, если на него никто со стороны не будетъ смотрѣть, если не случится свидѣтелей съ длинными языками. Когда нѣтъ въ виду добычи, черкесъ любитъ, чтобъ яркое солнце свѣтило на его подвигъ, чтобъ на него смотрѣли, если не сорокъ вѣковъ, такъ сорокъ земляковъ, у которыхъ, вѣдь, сорокъ языковъ. Наконецъ выпала Омельку Вернигорѣ недобрая встрѣча: Шапсуги подстрѣлили его въ ногу и накрыли лежачаго. Сидитъ подстрѣленный пластунъ въ глубокой ямѣ, въ немирномъ аулѣ, и думаетъ думу, какую? — онъ про то знаетъ. Ночи длинны: попытаться бы выкарабкаться изъ западни, такъ нога совсѣмъ не служитъ. Стало быть надобно потерпѣть и выжидать: Богъ же не безъ милости, а казакъ не безъ доли. Дѣйствительно, отважному Омельку не долго пришлось горевать въ неволѣ. Его вызволила скрыпка. Когда въ мирныхъ аулахъ узнали о плѣнѣ пластуна-Орфея, тотчасъ молодые хубхадеды, по просьбѣ своихъ «дяхедедъ-псассе» (пожалуй dames de leurs penseées) взялись пособить бѣдѣ и благополучно выкрали плѣнника».

Жизнь пластуновъ проходитъ въ самыхъ трудныхъ, обременительныхъ занятіяхъ: уже одно сидѣнье въ плавнѣ, гдѣ пьютъ изъ него кровь комары и мошки, заставляетъ дивиться его устойчивой храбрости. Зимою тоже не лучше, проходить имъ случается по самымъ скрытымъ, самымъ глухимъ дорогамъ, а онѣ заметены подъ снѣжными сугробами; но пластуна ничто не останавливаетъ, ему все ни почемъ. Съ непреодолимой храбростью онъ соединяетъ ему бо́льшую предпріимчивость и изобрѣтательность; этимъ тремъ качествамъ обязаны пластуны тому страху, который они наводятъ на своихъ враговъ. Когда нѣтъ военнаго дѣла, пластуны, чтобъ не отучать себя отъ воинственнаго духа, занимаются охотами на дикаго кабана, козу, оленя; искус-

Digitized by Google

ство ихъ въ стрѣльбѣ необыкновенно: они «бьютъ безъ промаху въ потьмахъ, не на глазъ—на слухъ».

Пластуны составляютъ особую корпорацію. Чтобъ быть принятымъ въ ихъ общество, должно имѣть извѣстныя качества: искусство мѣтко стрѣлять, умѣнье много ходить, наконецъ, большое хладнокровіе и терпѣніе. У пластуновъ свои преданія, свои повѣрья, свои правила; это какой-то отдѣльный народъ съ оригинальнымъ, дикимъ характеромъ.

Сочиненіе свое авторъ заканчиваетъ сравненіемъ черноморскаго войска въ 1794 г. и, спустя полвѣка, въ 1846 г. Основаніемъ первой картинѣ служитъ приказъ атамана кошеваго Захара Чепѣги въ 1794 г. всему войску; для указанія на вторую приведено представленіе исправлявшаго должность наказнаго атамана Черноморскаго Войска, генерал-майора Рашпиля, командовавшему войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморьи, генерал-лейтенанту Завадовскому, отъ 28-го іюня 1846 г. Приводя оба эти документа, г. Попка заканчиваетъ слѣдующими словами свой взглядъ на судьбу Черноморскаго Войска.

«Раздѣленіе земли и установленіе бдительной охраны на предѣлахъ земельныхъ довольствій станицъ и чиновныхъ лицъ (дѣло особенной важности тамъ, гдѣ нѣтъ правъ земельной собственности) составитъ свѣтлую эру въ существованіи черноморскаго войска, составитъ эру возрожденія. Упадокъ общежительности, разрозненность во взглядахъ и убѣжденіяхъ, разрывъ между чиновнымъ и рядовымъ казацтвомъ, общественный застой и весь нравственный туманъ поднимется и исчезнетъ. До этого времени никому не было дано, и потому каждый устремлялъ всѣ свои усилія на то, чтобъ взять; каждый истощался отдѣльно, и для общаго дѣла не оставалось никого. Но этимъ эгоистическимъ, во взаимныхъ встрѣчахъ враждебнымъ и для общества безплоднымъ, усиліямъ не будетъ больше мѣста, когда послѣдуетъ раздача, а за ней и необходимость быть сыту опредѣленной дачей. Тогда и правительству удобнѣе будетъ слѣдить за истинными потребностями и входить въ истинныя нужды сословій общества. Тогда всѣ зерна улучшеній, брошенныя преобразованіемъ 1842 года, примутся, взойдутъ и принесутъ плодъ. Почувствовавъ твердое основаніе подъ ногами и твердое обезпеченіе съ тыла, молодое поколѣніе, благородно мыслящее и благородно чувствующее поколѣніе, дружно двинется впередъ, на встрѣчу попеченіямъ и надеждамъ правительства. Раскроется и явится въ прекрасныхъ дѣлахъ это врожденное въ черноморскомъ козакѣ, потомкѣ рыцарскаго казачества Украинскаго, расположеніе къ доброму, честному и доблестному.

Уже не далеко то время, когда въ быту, нравахъ, гражданскихъ и полевыхъ качествахъ козаковъ исчезнетъ и послѣдняя слабая тѣнь временъ отжитыхъ, когда и въ образованной Европѣ перестанутъ произносить имя козака съ предубѣжденіемъ, нынѣ почти неосновательнымъ и вполнѣ несправедливымъ. Древняя мимоидоша. Что прошло—прошло и противъ теченья не всплываетъ. И пошли Богъ долгіе и славные дни Тому, чьи благія попеченія свели насъ съ нашего вѣковаго проселка на большую дорогу цивилизаціи. Съ нашими молодыми, сбереженными силами мы пойдемъ

Digitized by Google

по этому пути безъ отсталыхъ, и еще поведемъ за собою эти орды полудикихъ пріемышей великодушнаго нашего отечества. И исполнится царское слово: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!»

Къ сочиненію приложены четыре, хорошосдѣланные рисунка, изъ которыхъ намъ особенно понравилось изображеніе пластуновъ и карта Черноморья. Изданіе изящно.

**Драматическія сочиненія Шекспира,** *переводъ съ англійскаго* Н. Кетчера. *Часть 5-я. Москва. 1858.*

Г. Кетчеръ продолжаетъ свое полезное предпріятіе съ той же честностью и добросовѣстностью, которыя отличали его до-этихъ-поръ. Переводы, представляемые имъ теперь, интересны и важны еще въ томъ отношеніи, что они выправлены и пополнены по найденному Пен-Кольеромъ старому экземпляру in folio 1632 года. Правильное изданіе Шекспира— вещь очень-важная. Знаменитый поэтъ такъ мало цѣнилъ свои драматическія произведенія, что при жизни своей не заботился лично пересмотрѣть ни одной напечатанной трагедіи. Оттого въ текстѣ одной и той же трагедіи, въ различныхъ изданіяхъ, выходила часто разноголосица. Пен-Кольеръ оказалъ величайшую услугу всѣмъ почитателямъ Шекспира, а г. Кетчеръ заслуживаетъ полную благодарность за то, что сейчасъ же воспользовался открытіемъ Кольера.

Нѣкоторые упрекаютъ г. Кетчера за сухость его переводовъ, но они забываютъ, что прозаическое изложеніе не можетъ вполнѣ передать красотъ поэтическаго произведенія, и что мысль много выигрываетъ отъ изящно-отчеканенной формы, въ которую укладываетъ ее искусный стихъ. Г. Кетчеръ предпочелъ передать Шекспира лучше хорошею прозою, чѣмъ дурными стихами. За это, конечно, никто не станетъ обвинять его. Переводъ г. Кетчера годится не столько для человѣка, жаждущаго получить эстетическое наслажденіе отъ соединенія мысли и формы, сколько для человѣка, совсѣмъ-незнающаго Шекспира и желающаго познакомиться съ нимъ какъ-можно-вѣрнѣе. Что касается вѣрности и близости къ подлиннику, то г. Кетчеру было легче достигнуть этого, чѣмъ переводящему стихами. Для стиха часто жертвуютъ какимъ-нибудь оборотомъ, какимъ-нибудь эпитетомъ подлинника, тѣмъ болѣе, что у Шекспира часто послѣ изящнаго стиха, и даже посреди его, вдругъ попадется фраза, рѣшительно-портящая своимъ прозаическимъ построеніемъ всю поэтическую, или, вѣрнѣе сказать, стихотворную красоту. Переводящій прозою не стѣсненъ этими условіями, и потому переводъ прозаическій всегда будетъ вѣрнѣе перевода стихами.

Слогъ г. Кетчера мѣстами неровенъ и отчасти тяжелъ; за-то часто попадаются мѣста безукоризненно-хорошія. Вотъ, для примѣра, одинъ монологъ Тимона Аѳинскаго.

Digitized by Google

«Оглянусь еще на васъ (говоритъ Тимонъ, смотря на стѣны Аѳинъ). О, стѣны, объемлющія воиновъ, уйдите въ землю, не ограждайте аѳинянъ! Жены, забудьте всякое цѣломудріе! Замри повиновеніе въ дѣтяхъ! Рабы и шуты, столкните со скамей важныхъ, сморщенныхъ сенаторовъ и правьте вмѣсто ихъ! Юная, неврѣлая еще дѣвственность, обратись въ безстыднѣйшее непотребство, и передъ глазами родителей. Должники, не поддавайтесь; платите ножами, рѣжьте горла заимодавцамъ! Воруйте невольники! вѣдь и надменные господа ваши длиннорукіе разбойники, грабительствующіе законами. Раба, на ложѣ къ господину—твоя госпожа въ домѣ разврата! Сынъ шестнадцатилѣтній, вырви костыль изъ рукъ дряхлаго, обезноженнаго отца и разможжи имъ ему голову! Благочестіе, богобоязненность, вѣра, согласіе, правосудіе, вѣрность, семейственность, мирное спокойствіе ночи, дружелюбіе, образованность, обходительность, торговля, промыслы, обряды, обычаи, постановленія и законы, обратитесь въ свои гибельныя противоположности, и да живутъ однѣ смуты! Грязныя повѣтрія, дохните на Аѳины, созрѣвшія уже для гибели, страшными, заразительными горячками. Холодная ломота, изколѣчь сенаторовъ, чтобъ и ногами они хромали, какъ совѣстью! Сладострастіе и распутство, проникните и въ мозгъ, и въ кости юношей, чтобъ, плывя противъ потока добродѣтели, они утопли наконецъ въ развратѣ? Вередами и коростой да засѣется грудь каждаго аѳинянина и общая проказа да будетъ единственной жатвой! Дыханіе да заражаетъ дыханіе, чтобъ и сообщество ихъ было такъ же ядовито, какъ дружба ихъ! Кромѣ наготы моей, я ничего не выношу изъ тебя, гнусный городъ! (Сбрасывая съ себя одежду). Возьми и это вмѣстѣ съ тысячами проклятій! Тимонъ бѣжитъ въ лѣса, гдѣ и лютѣйшій звѣрь будетъ для него человѣколюбивѣе человѣка. Уничтожьте, о боги, молю, услышьте меня, уничтожьте аѳинянъ и въ стѣнахъ, и за стѣнами города! И да ростетъ, вмѣстѣ съ лѣтами Тимона, его ненависть ко всему человѣчеству, и къ знатнымъ и къ низкимъ, безъ всякаго различія! Аминь.

Иногда у г. Кетчера попадаются неловкости, происходящія отъ того, что, желая ни на шагъ не отступать отъ подлинника, онъ переводитъ даже каламбуры. Такъ въ трагедіи «Два Веронеза», въ разговорѣ между Лючеттой и Юліей, есть слѣдующее мѣсто:

«Юлія. — Пой ее (пѣсню) на голосъ: *свѣтъ любви*.
«Лючетта. — Она слишкомъ-*грустна* для такого веселаго голоса.
«Юлія. — *Грузна?* такъ она съ *грузомъ?*
«Лючетта. — И съ пріятнѣйшимъ, еслибъ вы пропѣли его».

У Шекспира тутъ игра значеніями слова *leavy*, которое значитъ и грустный, и тяжелый; произносится оно и въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно-одинаково. Но порусски принять слово *грустный* за *грузный* едва-ли можно. Подобные каламбуры, по нашему мнѣнію, лучше не переводить, тѣмъ болѣе, когда они, какъ въ приведенномъ случаѣ, имѣютъ неочень-важное значеніе.

Впрочемъ, это небольшая частность, а въ цѣломъ мы все-таки долж-

Digitized by Google

ны отдать полную справедливость г. Кетчеру за его неутомимую дѣятельность, проявляющуюся въ такой добросовѣстной работѣ.

**Руководство къ качественному химическому анализу** К. Р. Фрезеніуса *въ двухъ частяхъ. Часть первая. Перевелъ и дополнилъ студентъ императорскаго московскаго университета* М. Е. Тереховъ. *Съ 9-го (послѣдняго) вновь-исправленнаго и увеличеннаго нѣмецкаго изданія. Москва. 1858.*

При бѣдности нашей литературы, почти по всѣмъ отраслямъ наукъ, всякій трудъ, имѣющій цѣлью перенести на нашу родную почву произведенія западно-европейскихъ ученыхъ, должно принимать съ благодарностью. Двойную благодарность долженъ заслужить переводчикъ такого сочиненія, какъ «Качественный анализъ» Фрезеніуса, сочиненія, въ короткое время достигнувшаго девяти изданій. Руководство это переведено почти на всѣ европейскіе языки; оно было когда-то переведено и на русскій, но несовсѣмъ-удачно. Каковъ новый переводъ? Къ-сожалѣнію, переводъ г. М. Е. Терехова ниже всякой критики. Незнаніе языка нѣмецкаго, плохое знаніе русскаго языка и шаткія свѣдѣнія въ химіи — вотъ заключенія, которыя выведетъ всякій знающій дѣло, кому достанетъ терпѣнія прочитать г. М. Е. Терехова. Мы удивляемся, какъ переводчикъ, не имѣя надлежащей подготовки, осмѣлился наложить руку на такое сочиненіе, какъ «Руководство» Фрезеніуса? А между-тѣмъ самое имя Фрезеніуса непремѣнно даетъ русскому переводу большой ходъ; и какое же разочарованіе ждетъ купившихъ переводъ г. М. Е. Терехова! Вмѣсто классическаго сочиненія, переданнаго добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, они встрѣтятъ изувѣченнаго Фрезеніуса. Книга г. М. Е. Терехова появилась уже давно; появленію ея предшествовало даже маленькое, впрочемъ, довольно-уклончивое извѣщеніе (*), но до-сихъ-поръ ни одинъ журналъ не далъ о ней ни малѣйшаго отзыва. Пользуясь молчаніемъ журналовъ, переводецъ, вѣроятно, уже попалъ во многія руки. Все это налагаетъ на насъ обязанность показать въ настоящемъ видѣ *достоинства* перевода г. М. Е. Терехова. Мы ограничимся указаніемъ на самыя рѣзкія мѣста, и тѣхъ оказывается довольно, а еслибъ указывать всѣ промахи, то, говоря безъ преувеличенія, пришлось бы переписать всю книгу.

На стр. 5 читаемъ: «Химическій растворъ содержитъ растворенныя тѣла не въ томъ состояніи и не съ тѣми свойствами, которыя *оно* (кто же *оно*? тѣла?) имѣло прежде; *оно* не находится тутъ свободнымъ» и т. д.

Понѣмецки это читается такъ: «Eine chemische Lesung enthält den aufgeloesten Körper nicht im dem Zustande» и пр. Здѣсь рѣчь идетъ

(*) «Русск. Вѣстн.» 1857 г., т. XII, № 24, стр. 273.

Digitized by Google

объ одномъ тѣлѣ и den aufgeloesten Körper никакъ не значитъ *растворенныя тѣла;* какъ видно, грамматику-то нѣмецкую переводчикъ изучалъ давно.

На стр. 8: «*Условіе* кристалла зависитъ отъ расположенія сообразно законамъ (gesetzmässigen) малѣйшихъ частицъ тѣла, *онъ* (кто?) можетъ имѣть мѣсто, когда возможно свободное движеніе ихъ, слѣдовательно по правиламъ (in der Regel) тогда только, когда тѣло переходитъ въ твердое изъ газообразнаго или жидкаго состоянія».

Не находя смысла во всемъ этомъ періодѣ, вы, вѣроятно, обратитесь къ нѣмецкому подлиннику и тамъ только найдете смыслъ. Тамъ сказано:

«Die Bildung (переводчикъ понадѣялся на свою память и слово Bildung – образованіе смѣшалъ съ словомъ Bedingung—условіе) der Krystalle hängt von der gesetzmässigen Anordnung» и т. д.

Вслѣдъ за этимъ вы прочитаете:

«Случаи, въ которыхъ достаточно только каленія или размягченія твердаго тѣла, чтобъ *даровать* (verleihen) стремленію атомовъ къ расположенію, сообразно законамъ возможность преодолѣть уменьшающую силу сцѣпленію, разсматриваются какъ исключенія». О, Я. К. Тредьяковскій, да возрадуется тѣнь твоя, и черезъ сто лѣтъ есть подражатели твоему слогу!

Отъ пренебреженія правильной пунктуаціи у переводчика фразы часто теряютъ настоящій смыслъ. Такъ на стр. 8:

«Чаще всего встрѣчающійся случай — кристаллизація охлажденіемъ въ теплѣ насыщеннаго раствора».

Что́ же производится въ теплѣ: охлажденіе или насыщеніе раствора?

На стр. 9: «Часто *требуется* видъ кристалла и *свойство* кристалла при стояніи на воздухѣ; *ихъ* неизмѣняемость, затвердѣніе, или расплываніе, лучшее средство для различія тѣлъ, сходныхъ во многомъ».

Здѣсь переводчикъ не понялъ смысла подлинника и перемѣшалъ значеніе словъ; авторъ очень-просто говоритъ:

«Часто видъ кристалла и его отношеніе (Verhalten никогда не значитъ свойство) при стояніи на воздухѣ, его неизмѣняемость, способность вывѣтриваться и расплываться, даютъ превосходное средство (Häufig bietet ein treffliches Mittel) для отличія одного тѣла отъ другихъ, во многомъ съ нимъ сходныхъ».

Вотъ на стр. 20 опредѣленіе, что́ такое *вспышка* (Verpuffung):

«Подъ этимъ словомъ въ обширномъ смыслѣ разумѣютъ каждое, все равно, какимъ способомъ не произведенное (?) разложеніе *со вспышкою*» (у автора mit Knall). Вѣдь это значитъ все-равно, что сказать: *вспышка есть разложеніе со вспышкою.*

Далѣе о вспышкѣ говорится: «Въ тѣсномъ смыслѣ—это окисленіе тѣла *сухимъ путемъ*, или посредствомъ кислорода примѣшанной *жидкости*,

Digitized by Google

обыкновенно азотнокислой или хлорнокислой соли». Какъ же это сухой путь вяжется съ жидкостью? У автора о жидкости и слова нѣтъ; онъ говоритъ: «und zwar durch Sauerstoff einer beigemengten Substanz».

Но вотъ верхъ совершенства, на той же страницѣ:

«Вспышка имѣетъ цѣлію или добываніе окиси,—такъ подвергаютъ вспышкѣ сѣрнистый мышьякъ съ *азотомъ*, чтобы получить мышьяковокислое кали».

Г. Тереховъ, взявшійся переводить Фрезеніуса, дѣлаетъ такую капитальную ошибку: *Salpeter* переводитъ словомъ азотъ; полагаетъ, что можно дѣлать вспышку съ веществомъ газообразнымъ и что результатомъ вспышки сѣрнистаго мышьяка съ простымъ веществомъ, азотомъ, можетъ быть мышьяковокислое кали. Но вѣдь всякій гимназистъ, который только и читалъ «Физику» Ленца, не смѣшаетъ селитры съ азотомъ! Это, должно-быть, опечатка? Вѣроятно по недосмотру, на стр. 37 Oxyde der Schwermetalle переведено *окиси сѣрныхъ металловъ*, на стр. 262 Kupferoxyd переведено *окись хрома*, на стр. 260 rauetende Salzsäure названа *шипящею соляною кислотою*. Это, вѣрно, такой же недосмотръ. Такъ мы думали, читая о вспышкѣ съ азотомъ; но на стр. 68, при описаніи способа очищенія цинка отъ мышьяка, опять читаемъ: «зернистый цинкъ кладутъ рядами съ $^1/_4$ *азота* въ тигель». Вслѣдъ за этимъ на стр. 69, при полученіи окиси висмута, опять *Salpeter* переведено *азотъ*. Нѣтъ, это уже не опечатка!..

Много назидательнаго можно узнать, читая книгу г. Терехова; наприм. вы узнаете, что у паяльной трубки мундштукъ дѣлается въ видѣ *барабаннаго мундштука* (стр. 22): это переводъ Trompetemundstück.

Описаніе пламени на стр. 22 и далѣе, отличается страшною безсмыслицею. Тамъ же вы найдете: «самый пунктъ жара — его вершина» (т. е. вершина пламени), тогда-какъ у автора сказано: «in ihrer äussersten Spizte ist ihr heissester Punkt».

А какъ вамъ нравится такая фраза на стр. 25: «этому легко научаются, *упражняясь* нѣкоторое время, *дыша* спокойно надутыми щеками»?

На стр. 41 читаемъ: «Водородныя кислоты происходятъ отъ соединенія водорода съ *солянами соединеніями*» Salzhilder — солероды, какъ хлоръ, іодъ, бромъ, фторъ: г. переводчику заблагоразсудилось назвать какими-то *соляными соединеніями*.

Тамъ же: «Da die Sulfobasen schwache Säuren sind, reagiren die löslichen Sulfosalze alle alkalisch». Переведено: «Такъ какъ сѣрныя кислоты суть кислоты слабыя, то всѣ они (ѣ) реагируютъ щелочно».

Рекомендуемъ химикамъ, какъ образчикъ ясности, на стр. 42, приготовленіе чистой сѣрной кислоты.

Digitized by Google

Металлы, по понятіямъ, переводчика содержатъ въ себѣ кислородъ. Не вѣрите? Читайте же на стр. 43: «При этомъ она (сѣрная кислота) окисляетъ металлы на счетъ *ихъ собственнаго* кислорода».

На стр. 45 находимъ «растворъ индиго не долженъ *окрашиваться* (въ подлинникѣ nicht entfärbt werden — обезцвѣчиваться) при нагрѣваніи съ кислотою» (уксусною).

«*Голубая* перекись свинца (braune Bleisuperoxyd) или мелко-истолченная *берлинская лазурь*». Берлинскою лазурью здѣсь названъ марганецъ (Braunstein).

Да́, этотъ марганецъ не давался переводчику: на стр. 48, описывая приготовленіе хлора, онъ совѣтуетъ брать поваренную соль, сѣрную кислоту и *берлинскую лазурь*; не-уже-ли г. Терехову не извѣстно, что этимъ путемъ нельзя добыть хлора, и не-уже-ли ему не извѣстенъ составъ берлинской лазури, и что она понѣмецки называется Berliner blau. Послѣ, мѣстахъ въ двухъ, онъ называетъ Braunstein—*пиролюзитомъ*. Ошибки нѣтъ, но пиролюзитъ есть довольно рѣдкое видоизмѣненіе марганца.

Трудно повѣрить и тому, что переводчикъ выраженіе: «man destillirt nicht völlig zum Trockne» — передаетъ: «перегоняютъ ее *не до капли*».

Да и не въ одномъ мѣстѣ zur Trockne онъ смѣшалъ съ Tropfen.

Съ минералогіей переводчикъ рѣшительно въ разладѣ; на стр. 50 и 244 *плавиковый шпатъ* (Flusspath) названъ *полевымъ шпатомъ*, какъ-будто одно и то же; на стр. 89 кристаллическій гипсъ, для поясненія, онъ называетъ *слюдою*.

Какихъ чудесъ не прочитаешь въ этомъ переводѣ. Windofen названа духовою печью (стр. 65), берлинское кали или желѣзисто-синеродистый калій — кровавикомъ (стр. 82). Соли у него растворяются *свѣтло*, масса дѣлается *крожкою*. Но оставимъ эти мелочи, ихъ не оберешься. Не угодно ли послушать о свойствахъ известковой воды (стр. 67):

«Известковая вода должна окрашивать куркумовую бумажку въ *сильный голубой цвѣтъ* (muss Curcumpapier stark braun färben) и *не должна* давать съ углекислымъ натромъ ни малѣйшаго осадка». (mit Kohlensaurem Natron einen nicht zu geringen Neiderschlag geben). Оставя въ покоѣ нѣмецкій языкъ—мы уже видѣли, что переводчикъ въ немъ несиленъ,— спросимъ только: не-уже-ли г. *Терехову*, вѣроятно, спеціально-занимающемуся химіею, неизвѣстно, что отъ щелочей и щелочныхъ земель желтая куркумовая бумага бурѣетъ, а не голубѣетъ, и что углекислый натръ въ водяномъ растворѣ извести долженъ давать бѣлый осадокъ?

Впрочемъ, удивляться нечему: на стр. 109 онъ, для приготовленія азотнокислой закиси кобальта, совѣтуетъ брать *возможно-чистый*

Digitized by Google

*сапфиръ*, вѣроятно предполагая, что читатели его будутъ обладать несметными богатствами, какъ баснословный графъ Монте-Кристо; а вѣроятнѣе всего, онъ забылъ, что *сапфиромъ* называется *голубой яхонтъ* —камень очень драгоцѣнный. Авторъ совѣтуетъ брать möglichst reiner Zaffer — это дѣло другое, что ни больше, ни меньше какъ шмальта— та голубая краска, которою красятъ вывѣски и которая, г. Терехову, какъ химику-спеціалисту, должна быть извѣстна, состоитъ изъ стекла, сильно-окрашеннаго окисью кобальта въ синій цвѣтъ; низшій сортъ этой шмальты называется саффлоромъ (Zaffer), а не сапфиромъ. Не мѣшало бы г. Терехову заглянуть хоть въ «Курсъ технической Химіи» г. Ходнева (часть 1, стр. 556).

Впрочемъ, переводчику неизвѣстно, что углекислое кали на воздухѣ расплывается. Онъ говоритъ на стр. 114: «образовавшіяся маслянистыя жидкости (происшедшія отъ того, что ѣдкое кали вбираетъ въ себя изъ воздуха влагу) твердѣютъ отъ поглощенія» изъ воздуха угольной кислоты». Понѣмецки сказано *erhärten nicht*. Химику-то не мѣшало бы знать, что углекислое кали этимъ свойствомъ отличается отъ углекислаго натра.

Повторяемъ опять: не удивляйтесь ничему! на стр. 85 вы прочитаете: «кислородныя соли золота также хорошо извѣстны, какъ и неизвѣстны»,—это переводъ фразы: «Sauerstoffsalze des Goldes sind so gut wie nicht bekannt».

Нельзя умолчать о приготовленіи хлористаго хрома. На стр. 227, при описаніи способа, сказано: «съ прибавкою алкоголя, въ который входитъ хлоръ-этилъ и альди гидъ» — по смыслу фразы можно подумать, что Фрезеніусъ принимаетъ, что хлор-этилъ и альдегидъ входятъ въ алкоголь; совсѣмъ не бывало. Авторъ говоритъ, что при этомъ процесѣ отдѣляются хлор-этилъ и альдегидъ (wobei Chlor-Aethyl und Aldehyd entweichen), что всякому, занимающемуся химіей, давно извѣстно.

Хорошо опредѣленіе фосфора на стр. 235, который «дѣйствуетъ очень ядовито *для внутренности*» (innerlich genommen).

А опредѣленіе іода еще лучше (ст. 265): «Іодъ — тѣло твердое, *воскообразное*, кристаллическое, черное, въ тоненькихъ пластинкахъ просвѣчивающееся, съ особеннымъ непріятнымъ запахомъ».

Видно, что г. переводчикъ никогда іода не видывалъ, иначе не назвалъ бы его *воскоподобнымъ* и *просвѣчивающимся*; а у Фрезеніуса ничего подобнаго нѣтъ. Вотъ слова подлинника: «Das Iod ist ein fester weicher, in der Regel krystallinische, schwarze, glänzende Blättchen darstellender, eigenthümlich unangenehm riechender Körper».

Но довольно, иначе всѣмъ рѣдкостямъ конца не будетъ.

Жаль труда, который потерялъ переводчикъ на то, чтобъ изуродовать хорошую книгу; потерянное на это время онъ могъ бы употребить



Digitized by Google

съ бо́льшею для себя пользою; жаль, что такое уродливое произведеніе издано съ великолѣпіемъ у насъ рѣдкимъ; дѣйствительно: бумага, шрифтъ, и рисунки — превосходны; наконецъ, жаль кармана тѣхъ, кто, понадѣясь на имя Фрезеніуса, купилъ этотъ великолѣпный переводъ.

Г. Тереховъ исказилъ только половину книги Фрезеніуса; не-уже-ли онъ наложитъ руку и на вторую половину? Бѣдный *Фрезеніусъ*!

**Руководство къ анализу органическихъ тѣлъ Ю. Либиха.** *Съ нѣмецкаго послѣдняго исправленнаго и дополненнаго изданія, перевелъ студентъ Императорскаго Московскаго Университета* М. Е. Тереховъ. *М. 1858.*

Расходилась рука у г. Терехова: мало ему было Фрезеніуса, не пощадилъ и Либиха; не спасла знаменитаго химика его знаменитость — одна участь съ Фрезеніусомъ выпала и на его долю. Переводъ «Руководства къ анализу органическихъ тѣлъ» — есть искаженіе подлинника.

Приведемъ немного мѣстъ изъ разныхъ частей книжки, и пусть читатели судятъ справедливъ ли нашъ приговоръ.

На 1-й стр. Либихъ говоритъ: «Путь, которымъ пользовались въ прежнія времена для составленія понятія о химическомъ составѣ органическихъ тѣлъ, съ теперешнимъ анализомъ не имѣетъ ни малѣйшаго сходства (hat mit jetziger Analyse nicht die geringste Aehnlichkeit). Тѣла эти подвергали сухой перегонкѣ и т. д.» (Man unterwarf diese Körper u. s. w.).

У г. Терехова (стр. 1). «Путь, которымъ онъ (анализъ) идетъ для составленія въ короткое время (?) понятія о химическомъ составѣ органическихъ тѣлъ, имѣетъ *большое сходство съ настоящимъ анализомъ* (!!) Тѣла подвергаютъ сухой перегонкѣ» и т. д.

Либихъ говоритъ: «In der Natur des menschlichen Geistes liegt *an und für sich* das Streben nach Vervollkommnung».

Смутило переводчика знаменитое *an sich* и *für sich*; онъ передалъ всю фразу на свой ладъ: «Въ природѣ человѣческаго духа лежитъ стремленіе къ *изслѣдованію вокругъ себя* и *въ самомъ себѣ*» (стр. 5).

Печь для органическаго анализа дѣлается у г. Терехова изъ *желѣзной жести* (ст. 19): такъ онъ переводитъ *Eisenblech*, и есть у него даже (ст. 30) *мѣдная жесть* — это *Kupferblech*.

Либихъ говоритъ, что трубка, въ которой производится сожиганіе органическаго вещества съ окисью мѣди, «иногда сгибается (biegt sich zuweilen), если число подставокъ (Träger) будетъ слишкомъ мало»,

Г. Тереховъ говоритъ (стр. 24): «Если число *дрягилей* (?) для трубки для сожженія недостаточно, то иногда *загибаютъ* часть трубки для сожженія».

Digitized by Google

Мы увѣрены, что многіе изъ читателей никогда не слыхивали слова *дрягиль*; незнакомые съ химіею подумаютъ, что это какой-нибудь химическій снарядъ. Да, такъ думалъ и знаменитый переводчикъ Либиха, когда въ нѣмецкомъ словарѣ Шмидта нашелъ, что *Träger* значитъ *носильщикъ, дрягиль*. Переводившему съ нѣмецкаго языка и въ голову не пришло, что *дрягиль* есть исковерканное на русскій ладъ то же слово *Träger*. Въ книгахъ «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма» можно встрѣтить часто слово дрягиль въ значеніи носильщикъ.

Либихъ говоритъ, что «если при сожиганіи веществъ, очень богатыхъ углеродомъ, нѣсколько угля осѣло на возстановившуюся мѣдь (etwas Kohle auf reducirtem Kupfer abgesetzt hat), то онъ сгараетъ» и пр. У переводчика (стр. 27): «Если при сожиганіи вещества, весьма-богатаго углемъ, на *возстановляющую* мѣдь *положить* нѣсколько угля, то онъ сгараетъ» и т. д.

На стр. 51: «Для той же самой цѣли *Дюма* употребляетъ окись мѣди, приготовленную пережиганіемъ *въ извести* мѣдныхъ стружекъ». У Либиха: — «Oxyd welcher durch Calcination von Kupferdrehspänen dargestellt werde».

На стр. 95: «Чтобъ, *произвести* взрывъ надо сухую соль смочить терпентиннымъ масломъ и зажечь ее». У Либиха: «Чтобъ воспрепятствовать взрыву, совѣтовали сухую соль смачивать терпентиннымъ масломъ и зажигать «(Man hat Befeuchtung des trocknen Salzes mit Terpenthinöl und Anzünden desselben empfohlen, um das Verpuffen zu verhindern)» однако щавелевокислыя, фумарнокислыя и другія соли не всегда производятъ взрывъ и только въ весьма немногихъ случаяхъ соотвѣтствуютъ своей цѣли». У Либиха: «однако щавелевокислая, фумарнокислая и другія соли серебра, несмотря на это, производятъ взрывъ (verpuffen demungeachtet).

Грустно видѣть, что молодой человѣкъ начинаетъ свое ученое поприще меркантильными предпріятіями—иначе нельзя назвать предпріятіе г. Терехова. Если г. Тереховъ современемъ выучится нѣмецкому языку и химіи, то онъ самъ первый устыдится своего перевода.

Ш. Алки.

**Руководство къ анализу органическихъ веществъ.** Юстуса Либиха. *Перевелъ со втораго исправленнаго и дополненнаго изданія* В. Струбинскій. *Съ 82 политипажными рисунками въ текстѣ. Брауншвейгъ. 1858. Въ тип. Ф. Фивега и сына.*

Другой переводъ одного и того же руководства. Переводъ г. Струбинскаго отличается точностью и далеко превосходитъ переводъ г. Терехова. У г. Струбинскаго нѣтъ ни *дрягилей*, ни *крохкихъ*

Digitized by Google

*пробокъ*, ни *обжиганія мѣди съ известью* и другихъ подобныхъ рѣдкостей; смыслъ текста нигдѣ не извращенъ и не искаженъ. Жаль только, что языкъ перевода г. Струбинскаго нѣсколько тяжеловатъ и слишкомъ-книженъ; при чтеніи вамъ кажется, что съ вами говоритъ иностранецъ, научившійся русскому языку по книгамъ. Онъ мало дѣлаетъ ошибокъ, пожалуй, ни одной грубой, но въ рѣчи его нѣтъ жизни; видно, что онъ старается выдѣлывать каждую фразу, какъ-бы по мѣркѣ; боится проговориться и сдѣлать въ рѣчи ошибку. Но, несмотря на маленькіе недостатки «Руководство» Либиха въ переводѣ г. Струбинскаго можетъ служить настоящимъ руководствомъ для желающихъ заняться анализомъ органическихъ тѣлъ.

Что́ касается внѣшности изданія, то довольно сказать, что книжка издана въ Брауншвейгѣ у Фивега и сына. Кто знакомъ съ изданіями этихъ книгопродавцевъ, тотъ знаетъ, что изъ-подъ ихъ станковъ посредственныхъ изданій не выходитъ. «Руководство» напечатано на прекрасной бумагѣ, съ отличными политипажами и красивымъ шрифтомъ.

Ш. Алик.

**Наставленіе** *о томъ, какъ мыть, чистить и вообще содержать бѣлье и другіе предметы женскаго гардероба и туалета. Сочиненіе* (?) Глафиры Мих. Щигровской. *Спб. 1859.*

Имя Глафиры Мих. Щигровской не новость въ нашей *ученой* литературѣ. Въ первый разъ это имя появилось въ 1845 г. на страницахъ «Эконома». Тогда Глафира Михайловна подвизалась на поприщѣ литературы кулинарной. Сколько можемъ припомнить годы, г-жа Щигровская завѣдывала кухонными дѣлами «Эконома» и научала своихъ читателей готовить *кашицу Марьи Васильевны, Наташины оладочки, Машино пирожное* и пр. и пр. Видите, тогда у Глафиры Михайловны была фантазія называть блюда именами своихъ родныхъ и знакомыхъ. Теперь Глафира Михайловна *сочинила* книжечку о томъ, ка́къ мыть, чистить и вообще содержать бѣлье, а также и другіе предметы женскаго гардероба и туалета. Сочинительница даетъ предметамъ женскаго гардероба и туалета обширное значеніе: къ числу этихъ предметовъ принадлежатъ у ней фарфоровыя и фаянсовыя чернильницы (чищеніе ихъ на стр. 176), мраморныя статуи, вазы, колонны и пр. (стр. 176) фигуры неглазированнаго фарфора (стр. 178), бумага, книги, эстампы (стр. 179) и даже полъ (уничтоженіе чернильныхъ пятенъ на полу, стр. 181).

Мы взяли въ руки книжку г-жи Щигровской съ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней безтолковое собраніе разныхъ рецептовъ — словомъ, думали отнести ее къ отдѣлу той литературы, куда относят-

Digitized by Google

ся книжки, открывающія секреты уничтожать крысъ, мышей, таракановъ и пр., поучающихъ приготовлять ваксу и чернила; къ этому мнѣнію въ-особенности приводило насъ длинное заглавіе книги и то обстоятельство, что книжка появилась въ продажѣ въ декабрѣ 1858 г., а на заглавномъ листѣ выставленъ 1859 годъ. Но мы были пріятно разочарованы. Мы встрѣтили дѣльное, толковое изложеніе предмета, дѣйствительно очень-важнаго въ домашней жизни. Глафира Михайловна, кромѣ-того, что хорошая, домовитая хозяйка, она, какъ видится изъ дѣла, недурно владѣетъ перомъ. Вотъ, подумаешь, какова участь рецензента: беретъ переводъ какого-нибудь знаменитаго Фрезеніуса, беретъ съ полною увѣренностью найти въ переводчикѣ человѣка, знающаго свое дѣло, предсказать въ немъ будущаго ученаго—и что же находитъ? безграмотность и незнаніе предмета; возьметъ съ кислою физіономіей какое-нибудь наставленіе о мытьѣ бѣлья — и что же встрѣтитъ? что даже переводчику Фрезеніуса не мѣшаетъ поучиться химіи у Глафиры Михайловны! Онъ найдетъ у ней въ книжкѣ правильныя названія разныхъ химическихъ агентовъ, слогъ довольно-чистый и плавный, и не принужденъ будетъ доискиваться и добираться смысла въ фразахъ. Сочинительница начинаетъ свою книжку общимъ взглядомъ о назначеніи женщины быть хозяйкою дома, потомъ переходитъ къ отдѣльной отрасли домашняго хозяйства — сбереженію бѣлья, за этимъ систематически раздѣляетъ свое *сочиненіе* на три отдѣла: 1) о возобновленіи и содержаніи бѣлья, 2) очистка и мытье разныхъ вещей и матерій и 3) о выводѣ пятенъ и сохраненіи бѣлья и другихъ матерій.

Но, почтеннѣйшая Глафира Михайловна, при всей вѣжливости, которой мы обязаны, позвольте вамъ замѣтить кое-что. На заглавномъ листѣ вы называете ваше «Наставленіе» *сочиненіемъ*, не скромнѣе ли было бы сказать: *составленное?* Вѣдь хорошая, умно и съ толкомъ сдѣланная компиляція можетъ стоять выше бездарнаго и безтолковаго сочиненія. Да и въ книжкѣ вашей много и очень-много заимствовано изъ книжечекъ Жулія-Фонтенелля: «Manuel complet du blanchiment et du blanchissage» (2 vol. Paris 1834). Вотъ нѣсколько указаній: отъ стр. 83 до 90 есть буквальный переводъ изъ 1 ч. указанной книжки стр. 151 — 154. Отъ стр. 93 до стр. 124 переводъ то изъ 1, то изъ 2 части (см. «Julien-Fontenelle» Т. 1. p. 93—98, Т. 2. p. 51—72). Потомъ, начиная отъ стр. 175 до 253 взято оттуда же, но въ другомъ порядкѣ.

При заимствованіи г-жа Щигровская не потрудилась перевести французскій вѣсъ на русскій, что для большинства читательницъ облегчило бы чтеніе и пользованіе стиркой. Да и напрасно *сочинительница* переписывала разные способы мытья бѣлья (отъ стр. 93 до 112):

Digitized by Google

многія изъ веществъ, которыми предлагали замѣнять мыло, у насъ и достать трудно въ значительномъ количествѣ, напримѣръ, индійскій кашканъ, китайское растительное мыло. Зачѣмъ обременять книгу ненужнымъ балластомъ?

Но вообще книжку г-жи Щигровской можно рекомендовать хозяйкамъ: онѣ много найдутъ въ ней истинно-полезныхъ свѣдѣній. Въ особенности обращаемъ вниманіе хозяекъ на статьи отъ стр. 8 до стр. 78, потомъ на всю статью о выводѣ пятенъ.

Н. Алиц.

**Домашнія птицы.**—*Куры шангайскія и брамапутрскія (съ раскрашенными рисунками). Переводъ съ англійскаго* Е. Е..., *Издали съ своими примѣчаніями* А. Любимовъ и И. Евдокимовъ. Книжка I. М. 1858.

Гг. А. Любимовъ и И. Евдокимовъ задумали предпріятіе очень-полезное: познакомить русскую публику съ домашними птицами. На первый разъ они издали описаніе двухъ куриныхъ породъ: породу шангаекъ или кохинхинокъ, и породу брама-путра. Обѣ эти породы недавно извѣстны въ Европѣ; у насъ только съ 1845 г. у нѣкоторыхъ охотниковъ-куроводовъ появились кохинхинскія куры. А между-прочимъ, обѣ эти породы имѣютъ важное значеніе и въ экономическомъ отношеніи и какъ предметъ охоты.

Предлагаемое описаніе только издано гг. Любимовымъ и Евдокимовымъ; оно переведено съ англійскаго какимъ-то Е. Е.... Ни переводчикъ, ни издатели не сочли за нужное сообщить читателямъ имя автора монографіи. Но, сколько можно судить по переводу, авторъ знатокъ своего дѣла. Пускается иногда въ многорѣчивые разсказы—ну, да это еще не бѣда!

Еще разъ повторяемъ, предпріятіе гг. издателей и похвально и полезно: такое монографическое описаніе познакомитъ многихъ съ замѣчательными породами домашнихъ птицъ; а у насъ много есть охотниковъ разводить птицъ, въ особенности куръ. Мы увѣрены, что издатели со стороны публики холодности не встрѣтятъ.

Но, да позволятъ намъ, гг. издатели сдѣлать нѣсколько полезныхъ для нихъ замѣчаній.

Вопервыхъ, относительно перевода: не имѣя подъ руками оригинала, мы не можемъ строго судить о точности перевода; сколько кажется, ошибокъ фантастическихъ нѣтъ, но за-то языкъ перевода—это какой-то допотопный языкъ; во многихъ мѣстахъ надобно доискиваться смысла. Напримѣръ, слѣдующія фразы: «обратитесь за какія-нибудь пять лѣтъ, исчислите достоинства породы, происшедшей отъ первой пары, и вы

Digitized by Google

узнаете тогда, что одинъ или два фунта стерлинговъ принесетъ огромную выгоду» (стр. 5). Непонятно, право непонятно! На той же страницѣ: «Гребень у пѣтуха *одинарный*». Что это за слово *одинарный*? Ординарный, то-есть обыкновенный? или значитъ что-нибудь другое? Сколько намъ извѣстно, у пѣтуховъ, о которыхъ идетъ рѣчь, гребни состоятъ изъ одной лопасти, или простые гребни. Если переводчикъ хотѣлъ сковать новое словцо для означенія такого гребня, то по-крайней мѣрѣ слѣдовало объясниться, какъ это сдѣлано на стр. 24, гдѣ тоже употреблено небывалое русское словцо *паровать*.

Вмѣсто *ступни*, переводчикъ говоритъ *ступени*, и т. д. и т. д.

Гг. издатели предпослали книжкѣ маленькое предисловіе, написанное тоже неслишкомъ-ясно и толково. Въ предисловіи мы желали бы видѣть планъ предполагаемаго изданія и его обширность. Будутъ ли описаны породы домашнихъ птицъ только нужныя, притомъ акклиматизированныя у насъ иностранныя, или и наши русскія, или издатели не ограничаться однѣми куриными породами, но опишутъ намъ и утокъ, и гусей, и голубей?—ничего этого не объяснено. Въ самомъ заглавномъ листѣ много неяснаго и неточнаго. Напрасно издатели буквально держались перевода; гораздо бы лучше было кое-что выпустить, кое-что замѣнить болѣе-полезнымъ для русскихъ читателей; словомъ, надобно было многое передѣлать. То, что хорошо и возможно въ Англіи, часто бываетъ непримѣнимо у насъ.

На стр. 31 приложена таблица, въ которой представлены сравнительно выгоды, доставляемыя отъ разныхъ куръ, какъ-то шангаекъ, шпанокъ, доркингъ и хохлатокъ. Таблица эта содержитъ указанія о числѣ снесенныхъ яицъ, вѣсъ каждаго яйца, цѣна за сотню яицъ; все это прекрасно; но какой выводъ мы можемъ сдѣлать изъ этой таблицы, а также изъ таблицы на стр. 32, гдѣ показано, что стоитъ содержаніе каждой курицы и вычислена чистая прибыль? Вотъ еслибъ издатели приложили подобную таблицу собственныхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ Москвѣ, пожалуй, сравнили бы свои числа съ выведенными въ Лондонѣ, тогда бы имъ большое спасибо. Приложенныя же теперь таблицы—балластъ.

Тутъ еще рѣдкость: на стр. 31 послѣ таблицы приведены величины фунта стерлинговъ и шиллинга сравнительно съ русскими деньгами и сказано: «1 птица = $2^1/_2$ коп. сер.» что это значитъ—мы не могли добиться.

На заглавномъ листѣ сказано, что переводъ *издали съ своими примѣчаніями*. Примѣчанія г. Евдокимова, вѣроятно, еще будутъ, а г. Любимовъ сообщилъ ихъ только три: на стр. 4, 29, 45. Очень-жаль, что г. Любимовъ поскупился подѣлиться съ читателями запасами своихъ многолѣтнихъ опытовъ. Мы не разъ бывали въ птичникѣ г. Любимова

Digitized by Google

(въ Москвѣ), не разъ любовались его кохинхинскими пѣтухами и курами различныхъ породъ, знаемъ, что у него богатый запасъ и наблюденій и опытовъ. Надѣемся, что при слѣдующихъ выпускахъ онъ такъ скупиться не будетъ. При книжкѣ приложены двѣ картинки — прелесть, какъ хороши! особенно вторая, на которой представлены двѣ пары куръ изъ породы брамапутра.

Заключимъ нашу замѣтку желаніемъ полнаго успѣха гг. издателямъ и желаніемъ, чтобъ они не пренебрегли нашими совѣтами, сдѣланными отъ чистаго сердца и вслѣдствіе полнаго сочувствія доброму начинанію.

М. Алмаз.

Digitized by Google

# ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

## ВОПРОСЪ О КРИТИКѢ.

**Poetik. Die Dichtkunst und ihre Technik, vom Standpunkte der Neuzeit, von *Rudolph Gottschall*. Breslau, 1858.—Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen, von *F. Vischer*.—Geschichte der Aesthetik als philosophische Wissenschaft, von *Dr. Robert Zimmermann*. Wien, 1858.**

---

> **Die weite Welt ist offen, die Wolke des Mythus, die so herrlich glänzte, aber doch ganze Reiche des Wirklichen in Schatten setzte, ist verweht, die Sonne scheint frei, ein lichter Tag liegt über der ganzen Welt.**
>
> **Vischer, *Aesthetik*.**

Писатель въ наше время важенъ не столько, какъ художникъ, сколько какъ человѣкъ и гражданинъ. Мы почти неспособны къ чисто-эстетическому наслажденію. Доказательство: малый успѣхъ стихотвореній г. Фета, антологическихъ пьесъ г. Щербины и огромный успѣхъ юридическихъ мемуаровъ гг. Щедрина, Печерскаго, Селиванова и другихъ. Въ наше время красота должна являться не иначе, какъ съ нравственно-политическимъ рекомендательнымъ письмомъ въ рукахъ. Чутье прекрасной формы, если не потеряно совершенно, то, по-крайней-мѣрѣ, молчитъ передъ другими требованіями, которыя кажутся намъ серьёзнѣе.

Защитники искусства для искусства указываютъ на искусство классическое, какъ на такое, которое имѣло единственною цѣлью доставить наслажденіе посредствомъ красоты формы. Но древній грекъ наслаждался искусствомъ не такъ, какъ мы. Архитектура строила тогда только храмы, скульптура посвящала себя олицетворенію боговъ, ода воспѣвала подвиги, совершенные въ честь боговъ, спектакли давались



Digitized by Google

въ честь боговъ—словомъ, всѣ отрасли искусства были тѣсно связаны съ религіей. Наслажденіе искусствомъ было въ то же время проявленіемъ религіозности; поэтому, естественно, что грекъ, приступая къ художественному произведенію, отряхалъ отъ себя весь дрязгъ житейскихъ отношеній. Въ новое время осталось только одно искусство, наслажденіе которымъ обязываетъ насъ, въ извѣстной степени, къ такому предварительному очищенію духа: это—церковная музыка. Всѣ другія произведенія искусствъ мы разсматриваемъ не отрѣшаясь отъ хлама житейскихъ цѣлей, обязанностей, отношеній, не переставая быть тѣмъ, чѣмъ мы бываемъ въ обыкновенное время. Мы подходимъ къ нимъ во всеоружіи нашихъ политическихъ, гражданскихъ, семейныхъ, личныхъ тенденцій. Для насъ искусство перестало быть святыней.

На этомъ различномъ отношеніи древняго и новаго человѣчества къ искусству основываются и различныя отъ него требованія.

Собственно, древніе требовали отъ искусства того же, чего требуемъ и мы: наслажденія. Поэтому высшимъ закономъ искусства—какъ тогда была, такъ и навсегда осталась—красота. Но древній человѣкъ, приступая къ созданію художественнаго произведенія, или къ наслажденію имъ, очищалъ себя отъ всѣхъ временныхъ условій, старался стать просто *человѣкомъ*, а потому и отъ искусства требовалъ только прекрасной формы, ограничиваясь общечеловѣческимъ содержаніемъ; напротивъ, новый человѣкъ, приходящій къ наслажденію искусствомъ, не отрѣшаясь отъ опутывающихъ нашу жизнь временныхъ условій, не можетъ довольствоваться однимъ общечеловѣческимъ содержаніемъ, а ищетъ въ искусствѣ изображенія жизни во всей ея сложности, хотя главною цѣлью его остается тоже наслажденіе формой. Современный человѣкъ не можетъ представить себѣ жизни безъ политическихъ и нравственныхъ тенденцій; поэтому онъ хочетъ находить ихъ и въ произведеніяхъ искусства.

Не будемъ разсуждать, отчего это произошло: оттого ли, что у древняго человѣка гражданскія и нравственныя отношенія были ясны и просты, и онъ искалъ болѣе разрѣшенія высшихъ, вѣчныхъ вопросовъ, а для новаго, напротивъ, или очень—ясны эти высшіе вопросы, или неинтересны, потому—что признаны имъ неразрѣшимыми, и онъ желаетъ успокоиться въ искусствѣ нагляднымъ разрѣшеніемъ темныхъ, запутанныхъ гражданскихъ отношеній; или оттого, что христіанская жизнь дала личности бо́льшее развитіе, нежели какое она имѣла въ древности. Мы должны признать за неопровержимый фактъ, что въ наше время поэзія интересна только тогда, когда она беретъ своимъ сюжетомъ современную жизнь нравственныхъ и политическихъ стремленій.

Эту необходимость тенденціи въ искусствѣ нашего времени превосходно развиваетъ путемъ философской діалектики *Фишеръ*, авторъ недавно-оконченной, многотомной эстетики. Онъ начинаетъ историче-

Digitized by Google

скимъ изображеніемъ человѣческой жизни, разсматривая ее, какъ матеріалъ для искусства (die Lehre vor naturschönen) и проводитъ это изображеніе отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ; параллельно съ этимъ изображеніемъ идутъ у него въ слѣдующей затѣмъ части художественные идеалы, выработанные человѣчествомъ на различныхъ ступеняхъ развитія (die Lehre von der Phantasie). Доходя до современной жизни человѣчества, онъ доказываетъ, что при ея теперешнемъ состояніи *невозможенъ* для фантазіи идеалъ совершенно-чистый, въ которомъ бы не замѣтно было тенденціи. Мы познакомимъ читателей съ этимъ замѣчательнымъ характеромъ новаго времени, стараясь, повозможности, держаться выраженій самого Фишера.

Задача новаго времени — осуществленіе истинной, разумной свободы. Сущность этой свободы заключается въ двухъ цѣляхъ: въ полномъ, всестороннемъ образованіи индивидуума и въ его политической полноправности. Внутренняя свобода личности уже составляетъ признанный фактъ, но она еще не нашла себѣ надлежащаго выраженія въ дѣйствительной жизни.

Это движеніе началось со временъ реформаціи, освободившей Западную Европу отъ тяготѣвшаго надъ ней духовнаго авторитета: съ тѣхъ-поръ начинается перестройка дѣйствительности. Сначала она проявляется выходками отдѣльныхъ искателей приключеній; наконецъ мысль человѣка вступаетъ въ открытый раздоръ съ существующимъ порядкомъ вещей и разрушаетъ его путемъ французской революціи. Но эта революція ведетъ не къ истинной свободѣ личности: провозглашая свободу всѣхъ, она не даетъ ничего положительнаго, не даетъ организаціи государству, не умѣетъ распредѣлить различныхъ дѣятельностей такъ, чтобъ каждая изъ нихъ относительно участвовала въ общемъ дѣлѣ. Отвлеченная формула всеобщей свободы и равенства не мирится съ отношеніями дѣйствительныхъ индивидуумовъ и только разнуздываетъ произволъ страстей.

Наполеонъ смиряетъ революцію во Франціи, но разливаетъ ее за предѣлами Франціи. Либерализмъ распространяется въ умахъ. Между-тѣмъ государство становится совершенно-механическимъ, бумажнымъ государствомъ, сглаживающимъ характеръ сословій и мертвящимъ индивидуальность. Все, что есть въ народѣ живаго, укрывается въ частную жизнь средняго сословія, гдѣ классическое образованіе, переставшее быть монополіей высшаго общества, дѣлаетъ личность законченною въ самой себѣ; но въ политической жизни этотъ образованный классъ не находитъ необходимыхъ условій свободнаго движенія: отсюда разочарованіе, внутренній раздоръ и, наконецъ, апатія, замѣчаемая въ современномъ европейскомъ обществѣ. Между-тѣмъ, безпрестанныя новыя изобрѣтенія обрѣзываютъ живую дѣятельность индивидуума то въ той, то въ другой средѣ — и жизнь все болѣе-и-болѣе теряетъ

Digitized by Google

живописность, поэтичность формъ. Если и остаются еще въ ней какія-нибудь прекрасныя формы, то это формы нережитаго содержанія (*).

Изъ этого взгляда на современную жизнь Фишеръ выводитъ слѣдующее заключеніе объ отношеніи ея къ искусству: «Красивыя формы, встрѣчающіяся въ теперешней жизни, не современны, а современныя некрасивы». Это отношеніе можетъ измѣниться только тогда, когда образуется организмъ, который свободу, движеніе, общественный интересъ сдѣлаетъ для всѣхъ жизненной стихіей».

Мы еще будемъ имѣть случай замѣтить односторонность этого взгляда, а теперь посмотримъ, какъ Фишеръ выводитъ изъ состоянія современной дѣйствительности понятіе объ идеалѣ, возможномъ для современной фантазіи.

Фантазія предшествующихъ вѣковъ создала цѣлый міръ образовъ, которые легли густымъ слоемъ между познающимъ духомъ и простой дѣйствительностью. Эти образы составили какъ-бы вторую дѣйствительность, изъ которой долгое время черпала свои матеріалы художественная дѣятельность человѣка. Эту вторую дѣйствительность потеряла фантазія съ-тѣхъ-поръ, какъ человѣкъ выросъ путемъ опыта и образованія. Для личности настало совершеннолѣтіе. Она беретъ назадъ все то, что переселила въ трансцендентные образы; она становится критикомъ въ-отношеніи къ нимъ. Все клонится къ тому, чтобъ разрушить сказаніе и миѳъ: реформація, науки естественныя, философія, путешествія и открытія, освѣщающія горизонтъ, астрономія, искусство книгопечатанія, съ быстротою молніи распространяющее всякое новое извѣстіе, всякую новую мысль.

Но этотъ процесъ, давно уже порѣшенный въ принципѣ, не вдругъ переходитъ въ дѣйствительность; фантазія только мало-по-малу начинаетъ видѣть необходимость своей потери. Ея дѣятельность становится гораздо-затруднительнѣе прежняго. Ей было гораздо-легче дѣйствовать, когда готовые миѳы и сказанія предлагали ей дѣйствительность въ идеальномъ извлеченіи, на-половину уже обработанномъ эстетически. Ей ненужно было спрашивать, что ей изображать: передъ ней лежалъ всѣмъ-понятный міръ богатыхъ мотивовъ, и она могла тысячу разъ брать изъ него одни и тѣ же сюжеты и всегда оставаться новой. Но съ этой огромной потерей соединенъ и огромный выигрышъ: фантазія стала лицомъ-къ-лицу съ голой дѣйствительностью; она возвратила себѣ цѣлый міръ первоначальныхъ матеріаловъ, который былъ до-сихъ-поръ заслоненъ отъ нея миѳами. Идея можетъ теперь быть представляема въ естественномъ теченіи міра, безъ всякихъ чудесъ и трансцендентныхъ образовъ. У классической древности остается современной фантазіи учиться гармоніи между формой и содержаніемъ;

(*) Ср. Vischer Aesthetik. II Th. 1 Abth. 268—298.

Digitized by Google

она должна сознательно возвратиться къ той простотѣ, которая для древнихъ была естественнымъ дѣломъ. Конечно, зрѣлость новой фантазіи зависитъ отъ многотруднаго хода историческихъ условій, на которыхъ она опирается; задача *истиннаго* усвоенія античнаго идеала можетъ осуществиться только чрезъ долговременный процесъ броженія. Притомъ же, огромная потеря, понесенная фантазіей, и огромное пріобрѣтеніе, ею сдѣланное, произвели въ ней такое потрясеніе, что она еще не вдругъ можетъ оглядѣться въ своемъ новомъ мірѣ. Ея исторія началась, но еще не кончена. Нѣтъ ничего труднѣе истинной простоты; ничего не можетъ быть труднѣе для фантазіи, какъ увидѣть, что ей ненужно никакого другаго матеріала кромѣ того, который ясно и открыто лежитъ передъ ней въ природѣ и исторіи. Она безпрестанно поддается обманчивой привычкѣ прибѣгать къ посредничеству миѳа; ей нужно это посредничество. Міръ возвращенъ ей и она этого не замѣчаетъ; отъ множества деревъ она не видитъ лѣса; она получила все и думаетъ, что у ней нѣтъ ничего. Вмѣстѣ съ старымъ посохомъ, съ которымъ она до-сихъ-поръ ходила, она потеряла на-время всякій тактъ, всякую увѣренность въ обращеніи съ своимъ матеріаломъ; рефлексія не замѣняетъ ей потрясеннаго инстинкта. Сколько удобно брать матеріалъ изъ вторыхъ рукъ, вполовину уже обработанный, столько же неудобно черпать самому прямо изъ источника. Фантазіи не на что теперь опереться; передъ ней нѣтъ ничего, кромѣ простой, ничѣмъ-незаслоненной дѣйствительности; у нея уже нѣтъ полуготоваго извлеченія изъ нея, какъ прежде; а если и остается отъ прежняго нѣкоторый запасъ, то все это узко, мертво, истощено. Фантазія должна творить все сама; но это не легко и дѣлается не вдругъ (*).

Послѣ этого общаго взгляда на относительное положеніе современной фантазіи, Фишеръ слѣдитъ ея исторію отъ ея перваго яркаго проявленія въ Шекспирѣ до послѣдняго времени, и заключаетъ такъ:

«Романтизмъ разрѣшился самъ собою, но необходимость этого разрѣшенія вошла во всеобщее сознаніе путемъ критики. Критика же высказала, что отнынѣ существуетъ для фантазіи одна голая дѣйствительность; что отъ всякихъ миѳическихъ образовъ отдѣляетъ насъ неизмѣримая пропасть, которую отрицать было бы безуміемъ. Въ то же время она указала на сюжеты, сообразные съ современнымъ духомъ, именно, на историческіе, въ которыхъ проявляется такое же стремленіе къ свободѣ, какъ въ наше время. Но критика есть рефлексія; а когда выборъ сюжета руководится рефлексіей, а не инстинктомъ, это не можетъ быть благопріятно для успѣховъ чистаго искусства (**).

Прослѣдивъ такимъ образомъ исторію прекраснаго въ-дѣйствитель-

(*) Ср. Vischer's Aesthetik. II Th. 2-te Abth. 500—506.
(**) Vischer's Aest. II Th. S. 521.

Digitized by Google

ности, какъ матеріала для искусства, и параллельно съ ней доведя исторію фантазіи до нашего времени, Фишеръ сводитъ обѣ картины къ слѣдующему окончательному заключенію:

«Тамъ (то-есть въ ученіи о прекрасномъ въ-дѣйствительности) мы видѣли, что современная дѣйствительность бѣдна прекрасными формами; что художникъ не можетъ производить въ ней своихъ изученій; что его созерцаніе уходитъ отъ нея съ пустыми руками. Здѣсь (то-есть въ ученіи о фантазіи) мы должны сказать: фантазія разложилась въ рефлексію; инстинктъ, вслѣдствіе направленія и настроенія времени, утраченъ; наивность разрѣшилась въ критику, фантазія стала Гамлетомъ» (*).

Что касается второй половины этого заключенія, то мы можемъ сказать о ней только, что Фишеръ превосходно разгадалъ характеръ нашего времени относительно искусства. Но съ первой половиной мы согласиться безусловно не можемъ. Фишеръ смотритъ на формы современной жизни слишкомъ-односторонно; онъ говоритъ о нихъ съ исключительной точки зрѣнія живописца и упускаетъ изъ вида требованія другихъ искусствъ. Спора нѣтъ, что для живописца современная дѣйствительность представляетъ меньше пищи, нежели прежняя: разнообразная, прихотливая одежда среднихъ вѣковъ была, конечно, живописнѣе нашихъ панталонъ и фраковъ; борьба наѣздника съ горячимъ конемъ живописнѣе ѣзды на паровозѣ; работникъ, имѣющій непосредственно дѣло съ природой, живописнѣе машины; рыцарь, ломающій копье съ другимъ рыцаремъ, живописнѣе солдата, зажигающаго фитиль у пушки, и т. д. (**) Всѣ эти предметы *живописнѣе*, то-есть сподручнѣе для живописца—и только; но они и важны только для живописца. Другія искусства интересуются другими сторонами жизни. «Подъ сѣрой солдатской шинелью можетъ биться благородное сердце», и это благородное сердце гораздо-интереснѣе для поэта, нежели та шинель, подъ которой оно бьется; оно можетъ быть для него прекраснымъ сюжетомъ. Разсматривая дѣйствительность подъ одностороннимъ угломъ зрѣнія живописца и обращая главное вниманіе на искусственную обстановку человѣческой жизни, Фишеръ совершенно забываетъ, что въ дѣйствительности еще остался огромный запасъ формъ, несдѣланныхъ человѣкомъ и которыя теперь столько же прекрасны, какъ и прежде. Природа и душа человѣческая не потеряли своей красы. Даже и между искусственными формами жизни найдутся формы, сподручныя для художника. Берье, защищающій Монталам-

(**) Vischer's Aest. II Tq., S: 521.

(**) Желающихъ прослѣдить по Фишеру болѣе полную картину современной дѣйствительности относительно ея неэстетичной внѣшности, отсылаемъ къ стр. 292—296, I-го отд. 2-й части его «Эстетики». Съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружается онъ противъ современной одежды.

Digitized by Google

бера, развѣ не богатый сюжетъ для современнаго художника? Есть страны, въ которыхъ общественное устройство въ значительной степени отвѣчаетъ тому идеалу, какой ставитъ для него Фишеръ (см. выше).

Кромѣ-того, осуждая внѣшнія формы современной жизни, Фишеръ впадаетъ въ безъисходное противорѣчіе съ самимъ-собою. Въ первой части его эстетики сказано, что красота состоитъ въ совершенномъ согласіи формы съ идеей. Но, принимая идею за высшую сущность, а всякія формы только за формы ея діалектическаго развитія, онъ теоретически признаетъ формы современной жизни необходимымъ проявленіемъ духа времени. Оставаясь вѣрнымъ этому началу, онъ долженъ бы признать и эти формы прекрасными, какъ наиболѣе-соотвѣтствующія идеѣ нашего времени. Если же онъ ихъ осуждаетъ, то осуждаетъ по какому-нибудь другому принципу, а не по тому, который онъ поставилъ краеугольнымъ камнемъ своей эстетики. Чтобъ осудить форму, соотвѣтствующую идеѣ, надобно найти безобразіе въ самой формѣ, независимо отъ ея содержанія, и такимъ образомъ отказаться отъ принципа, полагающаго красоту въ гармоническомъ отношеніи формы къ идеѣ. Утверждать въ одно и то же время и то и другое, значитъ, запутывать себя въ безъисходное противорѣчіе.

Это противорѣчіе составляетъ слабую сторону эстетики Фишера и всей идеалистической школы, которой онъ служитъ послѣднимъ представителемъ. Правильное чутье говоритъ ему, что форма можетъ быть прекрасна и помимо содержанія; онъ даже нѣсколько разъ высказываетъ мысль, что предметы только *кажутся* прекрасными (das Schöne ist war scheint), что *красота есть чистая форма;* но въ то же время, какъ послѣдователь Гегеля, не можетъ совершенно освободиться отъ его указки и, постоянно возвращаясь къ діалектическому саморазвитію гегелевской идеи въ формѣ, постоянно противорѣчитъ самому себѣ. Онъ не замѣчаетъ, что уже въ исходномъ пунктѣ идеалистической системы таится внутреннее противорѣчіе. Принципъ гармоніи формы съ идеей или слишкомъ съуживаетъ сферу прекраснаго, или безконечно ее расширяетъ. Если мы признаемъ за красоту только совершенную гармонію формы съ идеей, тогда намъ придется считать прекрасными кругъ, прямую линію и другія математическія фигуры, которыя наисовершеннѣйшимъ образомъ выражаютъ идею симетріи, идею кратчайшаго разстоянія и т. д. Если же мы признаемъ возможность красоты при преобладаніи идеи, или формы, другъ надъ другомъ, въ такомъ случаѣ едва-ли найдется предметъ, который бы не предъявилъ претензіи на красоту, и мы совершенно уничтожимъ наше прежнее положеніе. А между-тѣмъ Фишеръ принимаетъ перевѣсъ идеи надъ формой и перевѣсъ формы надъ идеей за діалектическіе моменты прекраснаго и называетъ первое высокимъ, второе комическимъ. Но, называя прекраснымъ согласіе формы съ идеей, мы уже не имѣемъ права

Digitized by Google

называть видами прекраснаго такія формы, въ которыхъ нѣтъ этого согласія. Этимъ мы впали бы въ противорѣчіе одному изъ основныхъ законовъ логики, по которому признакъ рода непремѣнно есть признакъ и каждаго изъ видовъ.

Такимъ-образомъ Фишеръ, называя внѣшнія формы современной дѣйствительности не-эстетическими, приводитъ насъ къ слѣдующей дилеммѣ: или его сужденіе несправедливо, или несправедливо то начало, которому оно противорѣчитъ. Но эстетичность фрака, машины и т. п. едва-ли кто возьмется отстаивать противъ Фишера, слѣдовательно, должно признать недостаточнымъ для опредѣленія прекраснаго тотъ принципъ, который полагаетъ красоту въ согласіи формы съ идеей. И дѣйствительно, сколько есть предметовъ, которые намъ нравятся, хотя въ нихъ незамѣтно согласія формы съ идеей (храмы, горы, море), и, наоборотъ, сколько есть предметовъ, представляющихъ совершеннѣйшее согласіе формы съ идеей и, несмотря на то, неприводящихъ никого въ поэтическій восторгъ (напримѣръ, математическія фигуры).

Идеалистическому ученію Фишера Циммерманъ, въ своей «Исторіи эстетики», противопоставляетъ ученіе реалистическое. Зачатки этого новаго ученія онъ видитъ въ Гербартѣ, авторѣ «Практической философіи». Гербартъ не писалъ эстетики, но въ своей «Практической философіи» бросилъ нѣсколько мыслей, которыя дѣйствительно могутъ стать девизомъ новой школы въ эстетикѣ. Онъ указалъ на теорію музыки, извѣстную подъ страннымъ названіемъ генерал-баса, за образецъ всякой теоріи искусства. По его мнѣнію, красота вся заключается въ отношеніяхъ, или пропорціяхъ, и все дѣло эстетики состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить, какія отношенія нравятся намъ и должны безусловно нравиться. Онъ считаетъ возможнымъ подчинить всѣ искусства такой же числовой пропорціи, какой подчинены члены музыкальной гармоніи. Заключая свою «Исторію эстетики» изложеніемъ этого ученія, какъ послѣдняго слова эстетики, Циммерманъ обѣщаетъ намъ новую эстетику, которая будетъ систематическимъ развитіемъ мыслей, мимоходомъ-оброненныхъ Гербартомъ. Не знаемъ еще, какова будетъ эта эстетика, но въ начинаніи Циммермана возбуждаютъ нашу недовѣрчивость два предмета:

1) Мы боимся, что, на мѣсто эстетики, Циммерманъ дастъ намъ только теорію пропорцій въ обширныхъ размѣрахъ. Какъ Фишеръ, много-занимавшійся живописью, былъ въ своей эстетикѣ иногда слишкомъ-живописецъ, точно также мы боимся, что ученый профессоръ музыкальной Праги будетъ слишкомъ-музыкантъ. Истинный эстетикъ долженъ держать постоянно въ головѣ *всѣ* искусства.

2) Циммерманъ обѣщается показать намъ, что нравится и что должно нравиться *безусловно*; а намъ гораздо-интереснѣе было бы привести въ сознаніе, что нравится *намъ*. Для насъ гораздо-полезнѣе было бы, еслибъ кто собралъ воедино черты современнаго идеала. Конечно, чтобъ

Digitized by Google

судить объ этомъ идеалѣ, надобно имѣть критеріумъ въ общемъ идеалѣ красоты; но, съ другой стороны, и этотъ общій идеалъ можетъ составиться только тогда, когда мы къ восточному, классическому и романтическому идеаламъ присоединимъ и нашъ, современный. Чтобъ судить о немъ, мы должны прежде сознать его. Вся ошибка современной эстетической критики заключается въ томъ, что она прилагаетъ къ современнымъ произведеніямъ требованія или классическаго, или романтическаго идеала.

Но не будемъ долго останавливаться на реалистической эстетикѣ, такъ-какъ она еще въ зародышѣ, и возвратимся къ разсужденію о томъ, въ какомъ положеніи находится современный художникъ, относительно своей творческой дѣятельности.

Не недостатокъ красоты (принимая это слово не въ исключительно-живописномъ, а всестороннемъ его значеніи) въ современной дѣйствительности, а чрезвычайное накопленіе всякаго матеріала — вотъ что составляетъ главное затрудненіе современнаго художника. Міръ дѣйствительности разросся въ огромную массу вслѣдствіе безчисленнаго множества новыхъ знаній, наблюденій, изслѣдованій. У грековъ былъ весьма-легко-обозримый міръ сказаній, у среднихъ вѣковъ то же, у Шекспира нѣсколько хроникъ, нѣсколько собраній новеллъ; но если теперешній художникъ захочетъ читать, въ надеждѣ встрѣтить для себя какой-нибудь хорошій сюжетъ, его задавятъ цѣлыя библіотеки сочиненій объ одномъ и томъ же предметѣ. Вездѣ всего слишкомъ-много. Фантазія по-неволѣ потеряетъ равновѣсіе, по-неволѣ заблудится въ этомъ густомъ лѣсу. Къ этому присоединяется еще другое, столько же обширное поле, которое представляетъ для фантазіи ея исторія въ собственныхъ ея произведеніяхъ: стили всѣхъ временъ и народовъ окружаютъ насъ въ литературѣ, въ музеяхъ, въ исторіяхъ искусствъ. Художникъ теряется и не знаетъ, что ему изображать, чему слѣдовать.

Къ этому надобно прибавить тревожный характеръ нашего времени, повсюду-стремящагося къ преобразованіямъ, сильно-озабоченнаго религіозными, нравственными, политическими и всякими другими общественными вопросами. Все строится, ничто не установилось. Слово *вопросъ* стало моднымъ словомъ нашего времени, потому-что все находится въ состояніи вопроса. Отсюда отсутствіе теорій и даже невозможность полныхъ теорій ни въ одной области знаній и жизни. Духъ человѣческій по частямъ строитъ себѣ новое жилище, подбирая кирпичъ къ кирпичу; онъ понемногу выработываетъ себѣ новую систему убѣжденій религіозныхъ, политико-соціальныхъ, эстетическихъ. Но пока эта система не выработалась окончательно, его горячо занимаетъ критика отдѣльныхъ вопросовъ. Эта критика неотвязно преслѣдуетъ и самихъ художниковъ; она овладѣваетъ ихъ произведеніями и сказывается въ нихъ въ видѣ такъ-называемой тенденціи.

Не говоря уже о соціальномъ романѣ, непосредственномъ созданіи

Digitized by Google

тенденціи, тенденція проникла всюду. Даже музыка, въ лицѣ Вагнера, хочетъ быть рѣшительницей соціальныхъ и политическихъ вопросовъ (Zukunfstmusik). Художественность произведеній ушла на задній планъ. Публика обращаетъ вниманіе на тенденцію произведенія и почти молчитъ о художественныхъ его достоинствахъ; она даже очень—снисходительна къ художественной сторонѣ; она строже смотритъ на то, вѣрно ли изображена въ поэтическомъ произведеніи дѣйствительность, нежели на то, художественно ли она изображена, больше заботится о практичности мыслей поэта, нежели о томъ, чтобъ его произведенія доставляли художественное наслажденіе.

Считаемъ нужнымъ объяснить употребленное нами слово: *тенденція*. Подъ тенденціей разумѣемъ мы здѣсь не ту идею, которая ненамѣренно, инстинктивно вкладывается фантазіей въ обработку дѣйствительности: проникаясь всѣмъ тѣмъ, что́ сильно дѣйствуетъ въ данную эпоху, что́ движетъ всѣми умами, художникъ можетъ быть возбужденъ къ дѣятельности именно тѣми предметами, въ которыхъ высказывается духъ времени. Такая тенденція бываетъ и въ чисто—художественныхъ произведеніяхъ; но она проникаетъ ихъ безъ намѣренія со стороны художника. Гомеръ и Шекспиръ представители своего времени, хотя въ ихъ произведеніяхъ незамѣтно ни малѣйшаго желанія дѣйствовать на общественное устройство, или на нравственность своей эпохи. Ихъ умъ и воля подчиняютъ себѣ ихъ фантазію, но на первомъ планѣ у нихъ является все—таки фантазія. Такую поэзію еще нельзя назвать поэзіей тенденцій, Говоря о тенденціи, неизбѣжной въ современной поэзіи, мы разумѣемъ ту тенденцію, которая ставитъ знаніе или желаніе на первой планъ. которая принимаетъ поэтическій сюжетъ только за средство, чтобъ чрезъ него дѣйствовать на современное общество въ смыслѣ извѣстной идеи. Эта намѣренность, раздвояющая идею и образъ, нераздѣльна съ нашимъ тревожнымъ, неудержимо—стремящимся временемъ. Наивность, инстинктивное творчество возможны будутъ только тогда, когда все, что́ въ наше время представляется въ видѣ рефлексіи, спорнаго вопроса, критики, неосуществленной цѣли, превратится въ конкретное состояніе, въ положительный фактъ, въ природу, въ дѣйствительность. Гёте говорилъ, что онъ не желалъ бы нѣмцамъ ихъ переворотовъ, какіе были бы нужны длятого, чтобъ у нихъ опять была классическая поэзія. Такимъ—образомъ онъ не желалъ *условій* того дѣйствія, котораго не могъ не желать какъ поэтъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что мы желаемъ или не желаемъ, а въ томъ что́ должно сбыться. Чтобъ фантазія вступила снова въ цвѣтущій періодъ, прежде нуженъ переворотъ всей жизни.

Изо всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ наше время неизбѣжна и, слѣдовательно, законна тенденція въ поэзіи; что эстетика еще не выработала критеріума для сужденія о чистой красотѣ (ибо реалистическая эстетика находится еще въ зародышѣ, въ темномъ предчувствіи,

Digitized by Google

а идеалическая оказалась несостоятельною и недостаточною) и что, поэтому, чисто-эстетическая критика не только не современна, но и невозможна въ наше время.

Говоря о невозможности эстетической критики въ наше время и выводя ее изъ невозможности чисто-эстетическихъ произведеній поэзіи, мы только имѣли въ виду уяснить то положеніе, въ какомъ находятся въ наше время поэзія и критика; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы далеки отъ мысли утверждать, что онѣ вѣчно должны оставаться въ этомъ положеніи; мы не имѣемъ никакого права считать калѣкой современное человѣчество, отрицая въ немъ эстетическое чувство и его потребности. Мы говоримъ только, что въ настоящее время эти потребности молчатъ или говорятъ очень-тихо. Полное наслажденіе красотой возможно только при спокойномъ духѣ. Съ другой стороны, говоря объ отсутствіи критеріума въ современной эстетической критикѣ, мы вовсе не отвергаемъ необходимости этого критеріума и надѣемся, что онъ *современемъ* выработается.

Въ настоящее же время эстетическая критика ограничивается приложеніемъ къ новымъ произведеніямъ старыхъ критеріумовъ, стилистическими замѣчаніями и, наконецъ, выраженіями темнаго эстетическаго чутья, кроющагося въ груди современнаго человѣчества и еще неприведеннаго къ сознанію. Говоря о какомъ-нибудь произведеніи: «какая стройность между частями! какая тонкость въ очарованіи характеровъ! какая яркость красокъ!» и. т. п., критика повторяетъ зады. Говоря: «какъ освѣжительно дѣйствуетъ такое-то произведеніе на душу! какое глубокое оставляетъ въ ней впечатлѣніе!» и. т. п., онъ указываетъ на *свое* внутренее чувство. Къ этому обыкновенно присоединяются замѣтки о нравственной тенденціи произведенія, о мысляхъ писателя, о содержаніи его пьесы. Такимъ-образомъ критическая статья превращается въ какой-то сборникъ, куда критикъ безъ разбора вноситъ и осадокъ своихъ школьныхъ воспоминаній, и выраженія своего личнаго вкуса, и стилистическія замѣтки, и свои нравственно-политическія симпатіи. Но уже ли этотъ политико-эстетико-нравственно-стилистико-соціальный винегретъ заслуживаетъ названія критики? Не лучше ли раздѣлить все это и отдать «кесарева кесареви?»

Намъ всегда казалось страннымъ, что нѣкоторые обвиняли наши журналы въ отсутствіи критики. Если въ нихъ нѣтъ статей подъ заглавіемъ «критика», то есть разборы современныхъ вопросовъ и тенденцій, и эти разборы имѣютъ полное право стоять на почетномъ мѣстѣ въ ряду явленій современной критики. Когда поэзія стремится нравиться намъ своей нравственно-политической стороной, тогда и критика должна обратиться главнымъ образомъ къ этой сторонѣ. И она очень-хорошо дѣлаетъ, если не называетъ себя разборомъ цѣлаго произведенія, а озаглавливается тѣмъ вопросомъ, которымъ занимается. Этимъ избѣгается смѣшеніе понятій. Если критика есть разборъ, то изъ этого

Digitized by Google

слѣдуетъ, что всякій разборъ есть критика. Въ наше время возможенъ только разборъ нравственно-политическихъ тенденцій, слѣдовательно, этотъ разборъ есть единственно-возможная въ наше время критика. Она не называетъ себя критикой. Статьи объ откупахъ, о полиціи, объ авдокатурѣ, о гластности судопроизводства, о воспитаніи—вотъ статьи, которыя останутся лучшими памятниками критики нашего времени.

Что же касается эстетической критики, то мы должны помириться съ сознаніемъ, что она находится, какъ говорятъ нѣмцы, im Werden, въ процесѣ развитія. При этомъ процесѣ небезполезны и отрывочныя выраженія личнаго вкуса: они могутъ показать, что́ кому нравится въ различныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, и впослѣдствіи, пройдя чрезъ очистительный огонь науки, помочь рѣшенію вопроса о томъ, что́ въ поэзіи должно нравиться безусловно. Такимъ-образомъ они принесутъ свою пользу при выработкѣ критеріума для обсуживанія поэтическихъ произведеній.

Такое положеніе эстетическаго критеріума какъ-нельзя-лучше подтверждается вышедшей недавно *Піитикой* Готтшалля, извѣстнаго нѣмецкаго поэта и историка новѣйшей нѣмецкой литературы. Она наполнена множествомъ прекрасныхъ отдѣльныхъ замѣчаній касательно поэзіи и страдаетъ рѣшительною невыдержанностью въ цѣломъ.

Готтшалль справедливо говоритъ, что между всѣми пишущими въ данную эпоху непремѣнно составляется какъ-бы тайный контрактъ, заключающій въ себѣ главнѣйшія основанія творчества въ эту эпоху. Съ нимъ сносятся они при своихъ сужденіяхъ о вновь-являющихся произведеніяхъ, на немъ основываютъ свои симпатіи и антипатіи. Онъ-то и составляетъ *піитику* даннаго времени. Подмѣтить эту тайную піитику и привести ее во всеобщее сознаніе вотъ — задача современной піитики. Такимъ-образомъ она должна быть извлеченіемъ законовъ поэзіи изъ произведеній современной поэзіи.

Этимъ Готтшалль вводитъ теорію поэзіи въ тѣсную связь съ исторіей литературы, что́ пора было сдѣлать. Піитика не можетъ обойтись безъ характеристики главнѣйшихъ поэтовъ и поэтическихъ произведеній, ибо хорошо истолкованное произведеніе лучше всего изъяснитъ понятіе рода, къ которому оно принадлежитъ.

Приводя постоянно примѣры изъ новѣйшей нѣмецкой литературы, Готтшалль очень-хорошо толкуетъ техническую сторону поэтическихъ произведеній. Въ главѣ: «Das dichterische Kunstwerk» очень-понятно разсказано, ка́къ возникаетъ художественное произведеніе, начиная отъ перваго *мотива*, находимаго поэтомъ въ дѣйствительности, до окончательнаго его образованія. Эта глава можетъ занять почетное мѣсто во всякой піитикѣ. Очень-подробно (даже слишкомъ) развито ученіе о техникѣ лирическихъ произведеній.

Digitized by Google

Все это обстоитъ благополучно. Но гдѣ дѣло доходитъ до общихъ положеній, до принциповъ, тамъ Готтшалль оказывается плохимъ теоретикомъ. Быть-можетъ, это оттого, что онъ прекрасный поэтъ.

Піитика Готтшалля начинается общею эстетическою частью. Основныя мысли взяты изъ Фишера, но не всѣ переварены и разъяснены, какъ слѣдовало бы въ руководствѣ, назначающемся, между-прочимъ, и для учащихся (Vorwort, XI). Вся глава о прекрасномъ и объ искусствѣ принадлежитъ къ такимъ плохо-истолкованнымъ главамъ. Изъ нея учащійся не можетъ получить яснаго понятія ни объ идеѣ, ни объ идеалѣ, ни о видахъ красоты. Гегелевское саморазвитіе красоты, какъ живой идеи, и ея разложеніе на моменты вслѣдствіе внутренняго противорѣчія, въ ней заключаемаго—все это пустыя слова для человѣка, неимѣющаго солидной философской подготовки. Къ довершенію неудобства, Готтшалль пересыпаетъ свое изложеніе метафорами и фигурами, способными болѣе запутать, нежели разъяснить дѣло. Такъ, напримѣръ, на стр. 22-й онъ говоритъ: «Мы входимъ въ царство идей и красоты тогда, когда возвышаемся надъ суетнымъ (?) царствомъ цѣлей и разумной связи и вступаемъ въ міръ, гдѣ на насъ непосредственно ударяетъ лучъ божественнаго». Что выражаетъ эта фраза?

Глава «О поэзіи» лучше. Говоря о матеріалѣ, изъ котораго поэзія создаетъ прекрасное, Готтшалль, вслѣдъ за Фишеромъ, признаетъ этимъ матеріаломъ не слово, какъ утверждали до Фишера, а самое воображеніе поэта. Но и тутъ не обошлось безъ метафоръ. Такъ на стр. 30 Готтшалль говоритъ: «Творческая фантазія беретъ въ воображеніи только тѣ *клавиши, которыя издаютъ гармоническій аккордъ*». Зачѣмъ же смѣшивать разныя искусства? Выраженіе, употребленное Готтшалемъ, понятно и умѣстно только въ отношеніи къ воображенію музыканта, потому-что оно наполнено звуками, изъ которыхъ могутъ выйти аккорды; но какіе *аккорды*, въ собственномъ смыслѣ этого слова, могутъ выйти изъ типовъ, создающихся въ фантазіи поэта? Если мы станемъ такъ выражаться, то вступимъ въ анархическую область *поющихъ линій, дышащихъ ножекъ* и тому подобныхъ изображеній реторики, можетъ-быть и умѣстныхъ въ какой-нибудь повѣсти, но вовсе-неприличныхъ въ наукѣ, прежде всего требующей самой строгой точности.

Сказавъ, что въ общихъ опредѣленіяхъ онъ многое заимствовалъ у Фишера, Розенкранца и Каррьера, Готтшалль прибавляетъ: «Но во многихъ пунктахъ я отъ нихъ отступаю; послѣдовательно проводя *новое начало* для нашей поэзіи, я ввожу въ свое сочиненіе иные, новые элементы *подробнымъ изложеніемъ техники, въ особенности ученія о тропахъ и фигурахъ и о различныхъ размѣрахъ*, и постояннымъ обращеніемъ къ произведеніямъ современной поэзіи» (Vorwort, VII). Не-уже-ли въ этихъ внѣшностяхъ можетъ заключаться, «новое начало» для поэзіи? Готтшалль, кажется, такого мнѣнія. Дальше

Digitized by Google

онъ говоритъ, что ему хотѣлось бы ввести снова въ употребленіе нѣкоторыя забытыя и устарѣвшія формы, какъ то: оду, эпистолу и т. д. Опять формы.

Готтшаль постоянно твердитъ поэтамъ, что они должны дѣйствовать въ современномъ направленіи. Но когда дѣло доходитъ до того, чтобъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ это направленіе, онъ отдѣлывается общими мѣстами въ родѣ слѣдующихъ: «На современной культурѣ лежитъ рѣзкая, яркая печать; настала новая эпоха историческаго развитія. Мы— дѣти этой культуры и не должны отрекаться отъ нея въ поэзіи. Пусть поэтъ творитъ изъ сердца своего времени: только тогда будетъ онъ творить для потомства. Это первая аксіома всякой чистой поэзіи; только этимъ отличаются великіе поэты отъ малыхъ. «Даже глава Der Dichter und der Zeitgeist» (поэтъ и духъ времени), въ которой бы слѣдовало ожидать подробнаго развитія господствующихъ идей нашего времени, ограничивается только безцвѣтною мыслью, что «новѣйшій идеалъ совмѣщаетъ въ себѣ элементы классическій и романтическій». Не-уже-ли же этотъ идеалъ только *совмѣщаетъ* въ себѣ то́, что́ было, и не представляетъ ничего новаго, самобытнаго, исключительно-принадлежащаго?

По той же рутинной методѣ рѣшается у Готтшалля вопросъ объ идеализмѣ. Онъ боится стать на одной которой-нибудь сторонѣ и хлопочетъ о ихъ примиреніи. Притомъ же, глава, трактующая объ этомъ предметѣ, слишкомъ-коротка: она занимаетъ всего четыре странички (98—102). Ни идеализмъ, ни реализмъ не опредѣлены съ достаточной ясностью, а примиреніе ихъ является какой-то механической сплавкой. Такимъ-образомъ эта глава, отъ которой можно бы ожидать рѣшенія одного изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ современной піитики, не говоритъ ровно ничего; между-тѣмъ, это вопросъ жизненный, поставленный теперь не въ одной эстетикѣ, но и во всѣхъ другихъ наукахъ. Онъ долженъ быть рѣшаемъ прямо, смѣло, безъ этого іезуитскаго примиренія, ни къ чему-неведущаго и ничего-непримиряющаго. Пусть каждый безотвѣтно станетъ подъ знамя той или другой стороны, пусть завяжется полемика, только въ такомъ случаѣ можемъ мы приблизиться къ рѣшенію спорнаго вопроса. Примиреніе, провозглашаемое Готтшаллемъ — мнимое примиреніе. Это не рѣшеніе, а рутинный обходъ вопроса; это не ясный отвѣтъ добросовѣстнаго мыслителя, а двусмысленное изреченіе, къ какимъ прибѣгаютъ люди, слабые мыслію, или у которыхъ не хватаетъ мужества сказать: «не знаю», которые хотятъ на всякій вопросъ, какъ бы онъ ни былъ труденъ, непремѣнно отвѣчать что́-нибудь, и отвѣчать сейчасъ же.

Въ «предисловіи» Готтшалль изъявляетъ желаніе, чтобъ его піитика «подняла знамя реформы и чтобъ подъ это знамя собрались крѣпкой фалангой всѣ тѣ, кто понимаетъ новую поэзію такъ же, какъ онъ».

Digitized by Google

Изъ всего сказаннаго нами объ этой піитикѣ, пусть читатели сами выведутъ заключеніе, въ какой мѣрѣ можно обѣщать Готтшаллю исполненіе его *скромнаго* желанія.

П. Б—въ.

---

## СТАТИСТИКА.

**Ученое суевѣріе иныхъ гг. статистиковъ.— Таблица смертности отъ крупа въ Парижѣ, составленная на основаніи офиціальныхъ данныхъ. — Споръ, возникшій между гг. Бушю, Рожеромъ и Зе, Бартеномъ о причинахъ усиленія смертности отъ крупа.—Произволъ въ истолкованіи [illegible] большею-частью статистическ[illegible]**

Куда ни заглянешь — въ газету [illegible] въ журналъ экономическій, естественноисторическій, медицинскій — всюду встрѣчаешься съ статистикой и, при этомъ, безпрерывно [illegible]каешься на примѣры, одинъ другаго поразительнѣйшіе, слѣпаго поклоненія къ большимъ числамъ, отсутствія критической оцѣнки данныхъ, построенія самыхъ рѣшительныхъ заключеній на данныхъ двусмысленнаго, или даже многосмысленнаго значенія. Мы какъ-то дали и теперь даемъ еще разъ обѣтъ ратовать противъ столь обыкновеннаго въ наше время злоупотребленія закона большихъ чиселъ. Мы будемъ ратовать не орудіемъ громкихъ, но общихъ до пошлости фразъ о необходимости критической оцѣнки данныхъ, фразъ, всего болѣе повторяемыхъ тѣми, которые позволяютъ себѣ самыя вопіющія злоупотребленія съ большими числами, но непосредственными указаніями на частные примѣры такого злоупотребленія, и притомъ не со стороны какихъ-либо дилеттантовъ науки, а истыхъ ученыхъ. Дѣло, которое мы предпринимаемъ, дѣло хотя и не новое, но очень-полезное. Ратовать противъ злоупотребленія, вкравшагося въ статистическіе пріемы, значитъ ратовать противъ злоупотребленія орудія, очень-податливаго на всевозможныя употребленія, способнаго производить и грубую, и тончайшую работу, очень-полезнаго въ рукахъ человѣка, умѣющаго владѣть имъ, и очень-опаснаго въ рукахъ неискусныхъ; короче: орудія, въ родѣ англійской бритвы, которою можно и обриться и зарѣзаться. Ратовать противъ злоупотребленія, о которомъ идетъ рѣчь, значитъ ратовать противъ суевѣрія (развѣ безусловная вѣра въ силу всякихъ большихъ чиселъ выражать оттѣнки того или другаго физическаго или общественнаго явленія не суевѣріе, только суевѣріе, прикрытое ученою мантіею?), сильно-укоренившагося даже въ лучшей части общества и кладущаго свое черное клеймо на самыя видныя мѣста, суевѣрія тѣмъ особенно вреднаго, что нелѣпая сторона его не кидается рѣзко въ глаза всякому, и тѣмъ болѣе вреднаго, что въ настоящее время, на основаніи статистическихъ данныхъ, именно, на основаніи ихъ однѣхъ очень-нерѣдко слагается мнѣніе образованной публики о томъ или другомъ общественномъ вопросѣ и предпринимаются

Digitized by Google

тѣ или другія административныя мѣры. Многимъ, очень-многимъ полезнымъ обязаны мы статистикѣ, но нельзя не желать, чтобъ къ этому полезному было какъ-можно-менѣе вреднаго примѣшано.

Новый и поразительный примѣръ злоупотребленія закона большихъ чиселъ представился намъ въ горячемъ спорѣ, возникшемъ въ парижской академіи наукъ, и затѣмъ отозвавшемся и въ нѣкоторыхъ медицинскихъ журналахъ, именно, въ спорѣ о смертности отъ крупа.

Въ засѣданіи 20 сентября парижской академіи наукъ докторъ Бушю (Bouchut) прочелъ записку о новомъ способѣ леченія крупа, болѣзни, преимущественно поражающей дѣтей и, по причинѣ своего частаго появленія [illegible] многимъ изъ нашихъ читателей. Противъ [illegible] множество средствъ и, между-прочимъ, оперативное [illegible] разсѣченіе дыхательнаго горла, или такъ-называемая т[illegible] послѣдняя производится съ цѣлью дать доступъ въ [illegible]у воздуху изъ рта и тѣмъ предупредить задушеніе. С[illegible]ба Бушю состоитъ въ слѣдующемъ. Въ дыхательное горло в[illegible] трубочка приличнаго размѣра и оставляется въ горлѣ одинъ или два дня, то-есть такое время, какое потребно для устраненія опасности отъ удушенія. Записка Бушю была передана на разсмотрѣніе гг. Сэрра, Андраля и Вельпо, знаменитостей парижскаго медицинскаго міра.

Изъ желанія ли дать бо́льшее значеніе новому способу леченія чрезъ указанія на опасныя стороны нынѣ употребительнаго, или просто безъ всякой задней мысли — рѣшить это трудно, Бушю въ слѣдующемъ же засѣданіи (27 сентября) представилъ другую записку, подъ заглавіемъ «О смертности отъ крупа на-дому и въ парижскихъ больницахъ съ 1826 года по сентябрь 1858 года». Въ этой запискѣ авторъ приводитъ, между-прочимъ, слѣдующую таблицу, составленную на основаніи *офиціальныхъ данныхъ*, полученныхъ изъ Conseil d'hygiène et de salubrité парижской префектуры.

| Годы. | Умершихъ. Муж. | Жен. | Итого. | Общее число жителей. | Одинъ умирающій на: (*) |
|---|---|---|---|---|---|
| 1826 | 154 | 126 | 282 | 761,892 | 3056,3 |
| 1827 | 83 | 86 | 169 | 766,685 | 4536,5 |
| 1828 | 77 | 75 | 152 | 741,478 | 5075,5 |
| 1829 | 85 | 105 | 190 | 776,271 | 4085,5 |
| 1830 | 72 | 52 | 124 | 781,064 | 6298,8 |
| 1831 | 86 | 90 | 176 | 785,857 | 4465,0 |
| 1832 | 73 | 67 | 140 | 808,547 | 5775,3 |

(*) Въ подлинникѣ, по ошибкѣ, стоитъ: «Proportiondes décès sur 1000 habitans». Та же ошибка повторяется въ текстѣ всей статьи.

Digitized by Google

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| 1833 | 102 | 60 | 162 | 831,238 | 5131,0 |
| 1834 | 92 | 69 | 161 | 853,929 | 3440,5 |
| 1835 | 117 | 86 | 203 | 876,620 | 4022,7 |
| 1836 | 100 | 66 | 167 | 899,313 | 5837,6 |
| 1837 | 60 | 81 | 141 | 906,502 | 4954,7 |
| 1838 | 98 | 85 | 183 | 913,691 | 6482,0 |
| 1839 | 155 | 132 | 287 | 920,880 | 3208,6 |
| 1840 | 199 | 148 | 347 | 928,069 | 2674,5 |
| 1841 | 180 | 169 | 349 | 935,261 | 2737,1 |
| 1842 | 171 | 104 | 275 | 958,988 | 3487,2 |
| 1843 | 115 | 96 | 211 | 982,[illegible] | [illegible],3 |
| 1844 | 151 | 146 | 297 | 006,[illegible] | 3329,7 |
| 1845 | 166 | 131 | 297 | [illegible] | 3468,5 |
| 1846 | 163 | 144 | 307 | 1,[illegible],897 | 3432,8 |
| 1847 | 196 | 544 | 740 | 1,0[illegible]623 | 1461,6 |
| 1848 | 194 | 180 | 374 | 1,081,6[illegible] | 2918,8 |
| 1849 | 179 | 126 | 305 | 1,053,897 | 3462,2 |
| 1850 | 181 | 178 | 359 | 1,053,897 | 2938,4 |
| 1851 | 169 | 162 | 331 | 1,053,862 | 3182,0 |
| 1852 | 211 | 190 | 391 | 1,053,862 | 2808,8 |
| 1853 | 215 | 208 | 423 | 1,088,324 | 2577,5 |
| 1854 | | | 453 | 1,123,232 | 2466,2 |
| 1855 | | | 421 | 1,158,362 | 2940,0 |
| 1856 | | | 394 | 1,174,346 | 2980,5 |
| 1857 | | | 543 | 1,174,346 | 2162,1 |
| 1858 | | | 632 | 1,174,346 | 1858,1 |

«Числа этой таблицы (говоритъ Бушю) раскрываютъ предъ нами неожиданный фактъ: постепенное, ежегодное возрастаніе смертности отъ крупа». Въ-самомъ-дѣлѣ, смертность отъ этой болѣзни, на 1000 человѣкъ, удвоилась съ 1837 до 1853 года, а съ 1847 по 1858 годъ она была въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ 1838 году. Это громадная смертность! Спрашивается: чему должно приписать подобные результаты, основывающіеся на отчетахъ за 32 года наблюденій и представляющихъ 10,044 случая смерти отъ крупа—число достаточно-великое, чтобъ представить необходимыя гарантіи въ достовѣрности ихъ. Очевидно, что фактъ возрастанія смертности отъ крупа, находящійся въ разладѣ съ закономъ уменьшенія смертности вообще въ тотъ же періодъ времени, не можетъ быть объясненъ иначе, какъ тремя способами: 1) или число круповъ увеличивается ежегодно и вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціонально увеличивается относительная смертность, или 2) болѣзнь сдѣлалась болѣе тяжелою, или, наконецъ, 3) хирургическое леченіе, употреблявшееся въ-теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, которыя ему приписываютъ, и гораздо-хуже леченія медицинскаго, бывшаго въ ходу въ прежнее время, напримѣръ, съ 1826



Digitized by Google

по 1838 годъ». Бушю думаетъ, что нельзя (почему — этого онъ не объясняетъ) допустить ни перваго, ни втораго предположеній и потому принимаетъ третье. Въ подтвержденіе своего объясненія онъ замѣчаетъ, что эпоха увеличенія смертности отъ крупа совершенно совпадаетъ съ эпохою введенія во всеобщее употребленіе между врачами операціи трахеотоміи (1838—1840). Бушю не утверждаетъ, что трахеотомія безусловно-вредна, напротивъ, онъ считаетъ, что она *иногда* бываетъ очень-полезна, именно, когда употребляется въ крайнемъ періодѣ крупа; но онъ думаетъ, что увеличеніе смертности произошло оттого, что врачи очень [illegible] прибѣгаютъ къ этой опасной операціи преждевременно, когда еще въ ней не [illegible]тритъ крайней надобности, и такимъ-образомъ опасность смерти [illegible] крупа увеличивается опасностью отъ послѣдствій операціи.

Въ засѣданіи 2 ноября [illegible]г. Рожеръ и Зе (Sée) представили свои замѣчанія на статьи [illegible] Бушю. «Хотя и нельзя (говорятъ гг. Рожеръ и Зé) отрицать абсолютно дѣйствительность увеличенія числа смертныхъ случаевъ отъ крупа, но это увеличеніе вовсе не такъ значительно, какъ слѣдуетъ заключить изъ словъ Бушю: «смертность отъ болѣзни *удвоилась* съ 1837 до 1853 года, а съ 1847 по 1858 годъ она была въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ 1838 году». Если будемъ сравнивать средніе выводы за нѣсколько лѣтъ, а не за отдѣльные годы, то получимъ результаты менѣе-ужасающіе, чѣмъ тѣ, которые выставляетъ г. Бушю. Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ таблицы Бушю слѣдуетъ, что въ-теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1826 по 1840 годъ, ежегодно было среднимъ числомъ 229 смертныхъ случаевъ на 1 мильйонъ жителей; въ-теченіе же слѣдующихъ затѣмъ пятнадцати лѣтъ на тотъ же мильйонъ приходилось 387 случаевъ, то-есть «на одну треть больше». Увеличеніе смертности гг. Рожеръ и Зé приписываютъ увеличенію числа заболѣвающихъ и тому, что болѣзнь въ послѣднее время очень-часто принимала эпидемическій характеръ; мнѣніе же Бушю, что корень всего зла—трахеотомія, они признаютъ совершенно-неосновательнымъ. «*Точная* статистика трахеотоміи, практикуемой въ дѣтской больницѣ около двадцати лѣтъ, отвѣтитъ категорически на это обвиненіе». Вначалѣ, когда операція назначалась лишь въ случаяхъ совершенно-отчаянныхъ, удачные результаты были крайне-рѣдки, но число ихъ стало увеличиваться вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа случаевъ, въ которыхъ стали допускать операцію. «Уже въ 1850 году на 20 операцій приходилось 6 совершенно-удачныхъ. Съ этой эпохи, благодаря упрощенію, улучшенію въ способѣ производства операціи и послѣдовательнымъ стараніямъ, пропорція благопріятныхъ случаевъ постоянно увеличивается. Если, не обращая вниманія на подробности годовыхъ рядовъ, мы соединимъ вмѣстѣ цифры за послѣднія восемь лѣтъ, съ 1851 по 1858 годъ, то находимъ 562 дѣтей больныхъ крупомъ: операцій было произведено 466, въ томъ числѣ окончившихъ излеченіемъ 126, то-есть болѣе четверти (27 изъ 100).

Digitized by Google

Пропорція счастливыхъ случаевъ будетъ еще значительнѣе, если въ общемъ числѣ 466 случаевъ будемъ имѣть въ виду только результаты операціи надъ дѣтьми нѣсколько-взрослыми (отъ шести до двѣнадцати лѣтъ); цифра излеченій въ этомъ случаѣ возвышается почти до половины (44 на 100). Вотъ число дѣтей, спасенныхъ отъ смерти, можно сказать вѣрной, операціею, которую обвиняютъ въ увеличеніи цифры смертности отъ крупа!»

Бушю (въ запискѣ, поданной въ засѣданіи 15 ноября) называетъ возраженія гг. Рожера и Зé совершенно-неосновательными. «Въ-самомъ-дѣлѣ (говоритъ онъ), съ 1826 по 1840 годъ смертность отъ крупа была 2884 (*), тогда-какъ съ 1840 по 1856 годъ она была 5927. Абсолютное увеличеніе очевидно!» На это гг. Рожеръ и Зé могутъ возразить, что абсолютныя числа умершихъ, приводимыя г. Бушю (то-есть 2884 и 5927) не могутъ еще служить точною мѣрою увеличенія смертности отъ крупа, потому-что, вопервыхъ, періоды 1826 — 1840 и 1841—1856 неравны между собою по величинѣ (послѣдній періодъ на одинъ годъ длиннѣе перваго) и, вовторыхъ, общее число жителей въ оба періода было неодинаковое. Еслибъ г. Бушю принялъ во вниманіе эти два обстоятельства, то пришелъ бы къ тѣмъ же самымъ числамъ, которыя приведены гг. Рожеромъ и Зé въ ихъ статьѣ, то-есть, что въ первый періодъ ежегодно среднимъ числомъ было 229 смертныхъ случаевъ на 1 мильйонъ жителей, во второй же на тотъ мильйонъ приходилось 387 случаевъ, то-есть «третью болѣе». (Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что гг. Рожеръ и Зé несовсѣмъ справедливы, когда они говорятъ, что число смертныхъ случаевъ во второй періодъ было *третью* болѣе; гораздо-справедливѣе будетъ сказать, что это число было *двумя третями* болѣе, потому-что 229 относится къ 387, какъ 1 : 1,69). Далѣе, въ своемъ отвѣтѣ г. Бушю указываетъ на рѣзкую разность между 1838 и 1830 годами (когда одинъ случай смерти приходился соотвѣтственно на 6480 и 6298 жителей) съ одной стороны, и 1847 годомъ (когда одинъ умирающій приходился на 1461 жителей) съ другой стороны. Недостаточность подобныхъ указаній для доказательства постояннаго, правильнаго и сильнаго увеличенія смертности съ 1826 по 1857 годъ очевидна для всякаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, стоитъ сравнить 1843 годъ съ 1826 годомъ, чтобъ, пожалуй, придти къ противоположному заключенію. Противъ цифръ, приводимыхъ гг. Рожеромъ и Зé въ доказательство пользы трахеотоміи, г. Бушю отвѣчаетъ коротко, но очень-рѣзко. Именно, онъ говоритъ, что, по свѣдѣніямъ, отобраннымъ *офиціально* отъ первыхъ парижскихъ хирурговъ, оказалось, что на 388 трахеотоміи, произведенныхъ исключительно въ крупѣ,

(*) Бушю постоянно употребляетъ неточныя статистическіе выраженія. Въ настоящемъ случаѣ вмѣсто «смертность отъ крупа была 2,884» надлежало бы сказать: «отъ крупа умерло 2884 человѣка».

Digitized by Google

приходится 346 случаевъ смерти и только 42 случая излеченія; другими словами: изъ 100 оперированныхъ умираетъ около 90 человѣкъ.

И г. Бушю, и его оппоненты называютъ приводимыя ими числа офиціальными и точными: кому же послѣ этого вѣрить? Подозрѣвать гг. Рожера и Зé въ недобросовѣстности нѣтъ никакого основанія; но нѣтъ причинъ сомнѣваться въ числовыхъ показаніяхъ г. Бушю, тѣмъ болѣе, что оппоненты его до-сихъ-поръ не заподозрили ихъ.

Бартецъ въ запискѣ, представленной въ засѣданіе 22 ноября и изъ которой въ «Comptes Rendus» напечатаны однѣ только заключительные выводы, силится доказать, что число круповъ дѣйствительно увеличилось въ послѣднее время (въ дѣйствительности факта увеличенія гг. Рожеръ и Зé повидимому нѣсколько сомнѣваются); въ этомъ случаѣ онъ сходится съ г. Бушю, но расходится съ нимъ въ мнѣніи о причинахъ этого увеличенія. Именно, Бартецъ усиленіе смертности отъ крупа приписываетъ увеличенію числа случаевъ крупа, увеличенію болѣе-быстрому, чѣмъ увеличеніе народонаселенія. Въ доказательство же пользы трахеотоміи приводятся слѣдующія данныя: въ дѣтской больницѣ съ 1833 по 1839 годъ приходилось одно излеченіе на $6^1/_2$ случаевъ, а въ 1840 — 1841 годахъ даже одно на $18^1/_2$ случаевъ; при новѣйшемъ же способѣ леченія какъ въ дѣтской больницѣ въ-теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, такъ и въ больницѣ св. Евгеніи, со времени ея учрежденія, приходится одно излеченіе на 3 —4 общихъ случая, то-есть выздоравливаетъ отъ 33 до 25 человѣкъ изъ 100 больныхъ.

На этомъ пока остановился споръ о смертности отъ крупа.

Кто же правъ, кто неправъ? Намъ кажется, что неправъ г. Бушю, взваливая всю вину на трахеотомію; но сомнительно и то, едва-ли правы и его оппоненты, приписывающіе увеличеніе смертности увеличенію числа круповъ. Обѣ спорящія стороны равно подлежатъ укору въ томъ, что онѣ принялись доискиваться причины явленія увеличенія смертности, не удостовѣрившись предварительно въ дѣйствительности самаго явленія, не опредѣливъ степени точности или достаточности таблицы, на которой опираются противоположныя объясненія. Очень можетъ быть, что увеличеніе, о которомъ идетъ рѣчь, увеличеніе только мнимое, а не фактическое, результатъ не злоупотребленія трахеотоміи, или дѣйствія какихъ-либо атмосферическихъ причинъ, а неточности или несравнимости данныхъ, изъ которыхъ составлена. Напримѣръ, очень можетъ быть, что увеличеніе произошло только оттого, что въ прежнее время статистическія данныя собирались съ меньшею точностью, чѣмъ теперь. Допустите, что точность статистическихъ данныхъ за періодъ 1826—1840 относится къ точности подобныхъ же данныхъ за періодъ 1841—1856 годъ, какъ 229 : 387 (это отношеніе смертностей за оба періода), и фактъ прогрессивнаго увеличенія смертности уничтожается самъ собою. Чтобъ показать, до какихъ громадныхъ размѣровъ можетъ доходить неточность медикостатистиче-

Digitized by Google

скихъ данныхъ, приводимъ слѣдующій примѣръ. Всякій знаетъ, что крупъ болѣзнь очень-нерѣдкая въ Санктпетербургѣ, по меньшей мѣрѣ столь же обыкновенная, какъ и въ Парижѣ, а между-тѣмъ, если довѣриться печатнымъ даннымъ, то придется заключить, что крупъ болѣзнь, малоизвѣстная въ нашей столицѣ. По отчетамъ значится, что въ 1857 году умерло отъ крупа всего 13 человѣкъ (8 мужскаго пола и 5 женскаго). Если припомнимъ, что въ Санктпетербургѣ около полумильйона жителей (въ 1856 году считалось въ столицѣ 490,808 жителей), то оказывается, что смертность отъ крупа у насъ въ 10—15 разъ меньше смертности отъ той же болѣзни въ Парижѣ. Конечно, невозможно предположить, чтобъ подобнаго же рода крупныя неточности встрѣчались и въ парижскихъ данныхъ, но въ такомъ предположеніи мы не имѣемъ нужды, чтобъ заподозрить дѣйствительность увеличенія смертности отъ крупа: для насъ достаточно предположить, что въ парижскихъ данныхъ существуютъ неточности сравнительно много меньшаго рода. Что и парижскія данныя несовсѣмъ удовлетворительны—это не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстный женевскій медикъ и статистикъ Маркъ-д'Эспинъ говоритъ, что парижскія таблицы смертности не представляютъ никакой гарантіи при настоящей органиціи медицинскаго управленія. Рожеръ и Зе, между-прочимъ, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненій этого статистика: «Распредѣляя по возрастамъ случаи смерти отъ болѣзней (именно отъ болѣзней, которыя почти-исключительно разражаются на молодомъ поколѣніи), мы приходимъ къ нелѣпостямъ (contrevérités) въ родѣ нижеслѣдующихъ: отъ тифа человѣкъ чаще умираетъ въ возрастѣ 75—80 лѣтъ, чѣмъ въ возрастѣ 35—40 лѣтъ! возрастъ, въ которомъ всего болѣе умираетъ, отъ чахотки 80 — 85 лѣтъ; между 25 и 30 лѣтами умираетъ отъ этой болѣзни втрое менѣе! maximum смерти отъ чахотки для женщинъ приходится на возрастъ 85—90 лѣтъ! и множество другихъ подобныхъ чудовищныхъ несообразностей, повторяющихся довольно-правильно изъ года въ годъ». Если такія неточности въ статистическихъ данныхъ возможны даже въ наше время, то что́ жь было лѣтъ 15 или 30 назадъ? Итакъ, намъ кажется, что числа, заключающіяся въ таблицѣ г. Бушю, въ своемъ прогрессивномъ увеличеніи скорѣе могутъ служить выраженіемъ, мѣриломъ постепеннаго усовершенствованія въ способѣ собиранія статистическихъ данныхъ, чѣмъ мѣриломъ смертности. Приличнѣе было бы представить эту таблицу, напримѣръ, министру внутреннихъ дѣлъ, какъ утѣшительное доказательство дѣятельности чиновниковъ, служащихъ въ статистическихъ комитетахъ, чѣмъ представить ее въ академію медицинскую, какъ горестное доказательство усиленія смертности вслѣдствіе частаго употребленія трахеотоміи. Почтенный и много ученный докторъ Бушю не сообразилъ этого и лишился права первенства, отнынѣ-принадлежащаго намъ, на открытіе новаго способа

Digitized by Google

контролировать дѣятельность чиновниковъ, на которыхъ возложено собираніе, доставленіе и приведеніе въ порядокъ статистическихъ данныхъ, способа очень и сподручнаго и довольно-точнаго, сравнительно со всѣми другими, имѣющимися для этой цѣли способами.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если для какой-либо мѣстности собрать изъ офиціальныхъ источниковъ данныя за нѣсколько лѣтъ о числѣ умершихъ отъ крупа или другой общеизвѣстной болѣзни, или о числѣ случившихся землетрясеній, числѣ видѣнныхъ огненныхъ шаровъ и т. п., распредѣлить эти данныя по годамъ, составить таблицы, вывести суммы для отдѣльныхъ періодовъ (въ 10, 15, 20 лѣтъ, чѣмъ длиннѣе періодъ, тѣмъ лучше), и затѣмъ, сравнивъ суммы, вывести отношенія, то эти отношенія могутъ служить мѣрою внимательности, употребленной въ тотъ или другой періодъ на собираніе статистическихъ данныхъ. Въ точности предлагаемаго нами способа можно будетъ удостовѣриться изъ полнаго согласія отношеній, выведенныхъ, напримѣръ, изъ данныхъ о смертности отъ крупа, съ отношеніями, полученными изъ данныхъ о числѣ видѣнныхъ огненныхъ шаровъ, или случившихся землетрясеній. Въ непродолжительномъ времени мы надѣемся доказать на частномъ примѣрѣ всю точность и практичность новопредлагаемаго нами способа.

Дѣлать выводы на основаніи медико-статистическихъ данныхъ, конечно, можно, но осторожно; и чѣмъ разрѣшаемый нами вопросъ деликатнѣе, тѣмъ въ выводахъ должно быть осторожнѣе. Статистическія данныя, это тѣ же чувствительнѣйшіе термометры, дающіе вѣрныя показанія, когда ихъ употребляютъ съ толкомъ, и вводящіе въ ошибку скорѣе обыкновенныхъ инструментовъ этого рода, если съ ними не умѣютъ обращаться... или—нѣтъ! статистическія данныя деликатнѣе, чувствительнѣе каждаго термометра и даже фотографической бумаги; притомъ на послѣднюю дѣйствуетъ одинъ только свѣтъ, на первыхъ же отражается явственнымъ образомъ дѣйствіе самыхъ разнообразныхъ причинъ, физическихъ, общественныхъ, государственныхъ. Будьте же осторожнѣе въ обращеніи съ этимъ деликатнымъ инструментомъ! Помните, что, при обращеніи съ нимъ, нужно соблюдать тѣ же безчисленныя предосторожности, которыя имѣетъ въ виду физикъ при наблюденіяхъ надъ термометромъ, астрономъ — при наблюденіяхъ съ телескопомъ, химикъ—при взвѣшиваніи анализируемыхъ имъ веществъ. Кто знакомъ съ физическими науками, тотъ знаетъ, сколько предосторожней соблюдается физиками, астрономами, химиками при производствѣ наблюденій и сколько дѣлается поправокъ при выводѣ изъ наблюденій окончательныхъ частныхъ результатовъ! Безъ этихъ предосторожностей и поправокъ термометръ Шевалье, пулковскій рефракторъ, точнѣйшіе химическіе вѣсы давали бы результаты столь же малоточные, какъ и получаемые при помощи обыкновеннаго порядочнаго термометра, или телескопа, или посредственныхъ вѣсовъ. Ничего подобнаго мы не

Digitized by Google

видимъ въ большей части статистическихъ изъисканій! Оттого-то выводы физики, астрономіи и химіи такъ прочны, а законы статистическіе такъ шатки.

Осмотрительность при выводахъ изъ статистическихъ данныхъ необходима, иначе мы можемъ сдѣлать самые грубые промахи. Положимъ, напримѣръ, что по офиціальнымъ отчетамъ, доставляемымъ врачами, оказывается, что число больныхъ съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивается. Слѣдуетъ ли на основаніи факта увеличенія заключить, что каждое новое поколѣніе становится слабѣе предшествующаго, или что климатъ съ каждымъ годомъ измѣняется къ худшему? Конечно, нѣтъ. Фактъ увеличенія числа больныхъ, пожалуй, есть фактъ скорѣе утѣшительный, чѣмъ печальный! Онъ, быть-можетъ, показываетъ, что увеличивается для простаго народа возможность пользоваться совѣтами врача, что увеличивается попеченіе о низшей братіи, что улучшается народное благосостояніе, что совершенствуется статистика въ-отношеніи точности данныхъ, что до свѣдѣнія ея начинаютъ все болѣе-и-болѣе доходитъ такія данныя, которыя до того времени скрывались подъ спудомъ или достигали невполнѣ. Одинъ только Земляника (въ «Ревизорѣ») могъ думать, что пустыя больницы — лучшее доказательство того, что богоугодныя заведенія вполнѣ достигаютъ своей цѣли. Чѣмъ больше больныхъ въ государствѣ, тѣмъ народъ зажиточнѣе, здоровѣе, гуманнѣе къ судьбѣ своего ближняго! Мы согласны, что это парадоксъ, но парадоксъ, право, нелишенный нѣкоторой дозы правды.

Но обращаемся къ статистическимъ даннымъ Бушю: мы съ ними еще не покончили совершенно. Мы имѣемъ привычку не довѣрять умѣнью господъ статистиковъ вѣрно дѣлать ариѳметическія сложеніе и дѣленіе. Привычка эта (если разматривать ее съ нравственной точки зрѣнія), привычка дурная, и подъ-часъ очень-обидная, ибо изобличаетъ въ человѣкѣ подозрительность къ добросовѣстности и знанію своего ближняго, но (да простятъ намъ читатели!) отъ нея мы никакъ не можемъ отвыкнуть. Она вынесена нами изъ многолѣтняго опыта, да, сверхъ-того, мы не разъ ей были обязаны интересными открытіями. Не удержались мы и въ настоящемъ случаѣ и принялись повѣрять вычисленія г. Бушю. «На ловца (говоритъ пословица) и звѣрь бѣжитъ». И дѣйствительно! При повѣркѣ оказалось, что числа, приводимыя г. Бушю, по большей части неточны. Такъ въ столбцѣ, гдѣ значится общее число умершихъ, подъ 1852 годомъ показано 391 вмѣсто 401, подъ 1826 годомъ стоитъ 282 вмѣсто 280. Числа же послѣдняго столбца таблицы ошибочны на половину, не говоря уже объ ошибочности самаго заголовка столба, на которую мы указали выше. Такъ подъ 1826 годомъ стоитъ 3056,3 вмѣсто 2721,0, подъ 1828 г. 5075,5 вмѣсто 4878,1 подъ 1834 г. 3440,5 вмѣсто 5303,9, подъ 1835 г. 4022,7 вмѣсто 4318,3, подъ 1836 г. 5837,6 вмѣсто 5385,1, подъ 1837 г. 4954,7 вмѣсто 6429,1, подъ 1838 г. 6480,0

Digitized by Google

вмѣсто 4992,9, подъ 1841 г. 2737,1 вмѣсто 2679,8 и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ разностей объясняются тѣмъ, что способъ вычисленія относительныхъ чиселъ не всегда былъ одинъ и тотъ же; напримѣръ, на общее число умершихъ дѣлилось иногда общее число жителей въ томъ же году, иногда же на общее число жителей въ послѣдующемъ году, и т. п. (Такъ число 6480,0 для 1838 года очевидно получилось чрезъ раздѣленіе числа жителей, въ 1838 году (913,691 чел.) на число умершихъ въ 1837 году, то-есть 141). Нѣкоторыя же разности рѣшительно необъяснимы. Замѣтимъ далѣе, что аномальное отношеніе между числами мальчиковъ и дѣвочекъ, умершихъ въ 1847 году, прямо наводитъ на мысль, что цифра 740, ошибочна. Если такая небрежность замѣтна въ вычисленіи данныхъ, дѣлѣ очень-простомъ и удобномъ, то какая же небрежность должна быть въ дѣлѣ собиранія данныхъ! Можно ли, на основаніи подобнаго рода статистическихъ данныхъ трактовать о такихъ деликатныхъ вопросахъ, какъ вопросъ о пользѣ или вредѣ трахеотоміи? И гдѣ же трактовать? въ парижской академіи наукъ! Еслибъ г. Бушю былъ поискуснѣе въ дѣлѣ статистическихъ хитростей, онъ умѣлъ бы припрятать слишкомъ-видныя прорѣхи въ своей статистической таблицѣ, то (чего добраго!) попечительное французское правительство, питающее большое довѣріе въ непогрѣшительность большихъ чиселъ, убѣдившись доводами Бушю, приняло бы дѣятельныя мѣры къ прекращенію крупа: сломало бы еще нѣсколько сотъ домовъ, проложило бы еще новыя улицы, запретило бы производство трахеотоміи и предписало бы возвратиться къ методѣ леченія, бывшей въ ходу въ блаженныя времена первой имперіи. И всѣ статистики, конечно, одобрили бы подобныя предупредительныя мѣры, ибо основаніемъ послужила бы не какая-либо взятая съ вѣтра *теорія*, а *точныя, многолѣтнія статистическія данныя!*

Цѣль медицинской статистики опредѣлить не только сумму смертныхъ случаевъ въ данной массѣ населенія даннаго мѣста вообще, но главное ея стремленіе опредѣлить съ возможною точностью причину смертныхъ случаевъ, то-есть, отъ какихъ болѣзней сколько умерло. Это опредѣленіе важно для этіологіи болѣзней, для гигіены общественной и частной и для терапіи. Зная, напр., что въ данной мѣстности встрѣчается относительно массы населенія особенно много смертныхъ случаевъ отъ извѣстной болѣзни: мы будемъ отыскивать тѣ причины, которыя обусловливаютъ частое явленіе этой болѣзни въ данной мѣстности. Изслѣдованіе и разъясненіе этихъ причинъ можетъ объяснить намъ отношеніе болѣзненныхъ явленій организма къ внѣшнимъ вліяніямъ и можетъ послужить къ уменьшенію смертности, устраненію или ослабленію условій, вызывающихъ различныя болѣзни.

Понятно, что, ожидая такую пользу отъ медицинской статистики, врачи стараются собрать какъ-можно-болѣе матеріаловъ, которые бы могли служить основой для вѣрныхъ выводовъ. Но, чтобъ дѣйствительно

Digitized by Google

служить источниками, эти матеріалы должны непремѣнно удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ. Главное между этими послѣдними: *возможно вѣрное опредѣленіе болѣзней*, отъ которыхъ произошли данные смертные случаи. Мы говоримъ «*возможно* вѣрное опредѣленіе болѣзни», потому-что, при современномъ состояніи медицины, нерѣдко еще, къ-сожалѣнію, встрѣчаются случаи, гдѣ, при точнѣйшемъ изслѣдованіи, нельзя указать на причину смерти. Но эти случаи, при успѣхахъ науки, встрѣчаются все въ меньшемъ количествѣ. Безъ удовлетворенія этому главному условію матеріалы не могутъ принести никакой пользы.

---

## АСТРОНОМІЯ.

**Появленіе кометы Энке въ 1858 году. — Споръ, возникшій по этому случаю, между гг. Леверье, Энке и Фэ, о существованіи сопротивляющейся среды въ небесномъ пространствѣ.—Предположенія г. Фэ о плотности кометныхъ хвостовъ и отталкивательной силѣ солнца.**

7-го августа прошлаго года съ берлинской обсерваторіи была усмотрѣна комета Энке. Появленіе кометы не новой, едва-видной и возвращающейся чрезъ каждые три года — событіе, конечно, непредставляющее особенной важности, но, вслѣдствіе одного чисто-случайнаго обстоятельства, оно послужило первымъ поводомъ къ очень-интересному ученому спору между астрономами.

Читателямъ, конечно, знакома комета Энке. Это одна изъ шести *внутреннихъ* кометъ, то-есть такихъ, которыхъ наибольшее удаленіе отъ солнца не превосходитъ удаленія Нептуна, самой крайней планеты, изъ числа нынче-извѣстныхъ. Между внутренними кометами, комета Энке имѣетъ наименьшую орбиту: наибольшій радіусъ-векторъ равняется 4,1 средняго разстоянія земли отъ солнца, наименьшій — 0,3 того же разстоянія; время обращенія кометы около солнца, приблизительно, составляетъ $3^1/_3$ года. Своею огромною извѣстностью комета, между-прочимъ, обязана слѣдующему обстоятельству. Наблюденія показали, что время обращенія ея *постоянно* и *равномѣрно* уменьшается (на 0,11 сутокъ въ-теченіе каждаго періода обращенія); другими словами: комета хотя и медленно, но постоянно приближается къ солнцу и потому современемъ, пожалуй, и сольется съ нимъ. Попытки астрономовъ объяснить это явленіе на основаніи закона тяготѣнія, то-есть, изъ возмущающаго дѣйствія планетъ, остались безплодными. Это повело къ предположенію, что явленіе слѣдуетъ приписать дѣйствію какой-то особенной силы, доселѣ-невѣдомой астрономамъ, или по-крайней-мѣрѣ съ которою они доселѣ не встрѣчались при своихъ изслѣдованіяхъ. Что жь это за сила? Энке, открывшій явленіе ускоренія, того мнѣнія, что явле-

Digitized by Google

ніе это прямо указываетъ на то, что небесное пространство, вопреки прежде-господствовавшему мнѣнію, не есть пространство совершенно-пустое, а наполнено чрезвычайно-тонкою, упругою матеріею, могущею оказывать сопротивленіе тѣламъ, движущимся въ ней. При помощи такого предположенія явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется удовлетворительно, именно слѣдующимъ образомъ: отъ сопротивленія, оказываемаго предполагаемою средою, скорость кометы по направленію касательной къ ея пути замедляется; а такъ—какъ при этомъ притяженіе кометы къ солнцу остается безъ измѣненія, то комета приближается къ солнцу, а потому время ея полнаго обращенія около этого послѣдняго уменьшается. Отправляясь отъ предположенія о существованіи сопротивляющейся средины, Энке съ 1819 по 1858 годъ постоянно вычислялъ запрежде время каждаго новаго появленія кометы, и всякій разъ полученные имъ результаты оказывались почти до тождества сходными съ результатами, получавшимися изъ непосредственныхъ наблюденій. Такъ разность между мѣстомъ, опредѣленнымъ запрежде по вычисленію, и мѣстомъ, гдѣ комета дѣйствительно была найдена въ первые дни по ея появленіи, простиралась:

| | | | | | |
|---|---|---|---|---|---|
| Въ | 1822 | году | до | 2′,0 | дуги |
| — | 1825 | — | — | 2 ,3 | — |
| — | 1828 | — | — | 3 ,0 | — |
| — | 1832 | — | — | 2 ,2 | — |
| — | 1835 | — | — | 1 ,3 | — |
| — | 1838 | — | — | 2 ,0 | — |
| — | 1842 | — | — | 0 ,9 | — |
| — | 1845 | — | — | 0 ,8 | — |
| — | 1848 | — | — | 3 ,7 | — |
| — | 1852 | — | — | 0 .5 | — |
| — | 1855 | — | — | 8 ,2 | — |
| — | 1858 | — | — | 0 ,5 | — |

Самая большая разность соотвѣтствуетъ 1855 году (въ 8,2), но и эта необыкновенная разность покажется незначительною, если сообразить, что для-того, чтобъ уничтожить ее достаточно (какъ показываетъ Энке), предположить во времени прохожденія кометы чрезъ перигелій (точку наибольшаго приближенія къ солнцу), ошибку въ 0,15 сутокъ. Такое тѣсное согласіе между величинами, получаемыми изъ наблюденій, и величинами, выводимыми изъ вычисленій, конечно, не могло не обратить вниманія астрономовъ на ипотезу Энке. Мнѣнія ученыхъ о ней были различны: одни, въ томъ числѣ А. Гумбольдтъ («Космосъ» переводъ Фролова, ч. I, стр. 77), считаютъ ее за *весьма-вѣроятную*, другіе же, хотя и признаютъ ее за весьма-остроумную, но никакъ не соглашаются принять «сопротивляющуюся среду» Энке за фактъ доказанный, или весьма-вѣроятный, или даже просто вѣроятный.

Digitized by Google

Въ послѣднее время спорный вопросъ о существованіи среды былъ преданъ забвенію, или былъ не изъ числа очередныхъ.

Но недавно, именно, благодаря появленію кометы въ прошломъ году, вопросъ снова былъ поднятъ и сдѣлался предметомъ весьма-интереснаго, оживленнаго спора, въ которомъ приняли участіе какъ самъ Энке, такъ и Леверье и Фэ, два извѣстные французскіе астронома. На этомъ-то спорѣ мы и намѣрены остановить вниманіе читателей. Правда, споръ не порѣшилъ недоумѣнія, изъ-за котораго онъ былъ поднятъ, онъ даже не обогатилъ насъ ни однимъ новымъ положительнымъ результатомъ, тѣмъ неменѣе онъ и интересенъ, и поучителенъ: поучителенъ, вопервыхъ, какъ поучительно зрѣлище всякаго ученаго диспута, ведомаго съ рѣдкимъ искусствомъ, отличнымъ оружіемъ и опытными бойцами; вовторыхъ, тѣмъ, что ясно показалъ, какъ шатки наши познанія о многихъ важнѣйшихъ вопросахъ астрономіи, какъ мало должно довѣрять догматическому тону иныхъ курсовъ астрономіи тамъ, гдѣ они говорятъ о такихъ темныхъ предметахъ, какъ «сопротивляющаяся среда», образованіе кометныхъ хвостовъ, плотность и масса кометъ и т. п., даже въ томъ случаѣ, когда эти разсужденія пересыпаются именами такихъ великихъ авторитетовъ, какъ Ньютонъ, Лапласъ, Гершель, Гумбольдтъ, и т. п. Мы, между-прочимъ, вынесли изъ спора убѣжденіе, что астрономы, величающіе себя, какъ извѣстно, служителями самой высокой и самой точной изъ опытныхъ наукъ, подъ-часъ столь же падки на отважныя ипотезы, какъ и обыкновенные смертные, именующіеся физиками, химиками, физіологами, психологами, политико-экономами и пр. пр., и что если эти обыкновенные смертные чаще изобличаются въ ошибкѣ, чѣмъ астрономы, то это главнѣйше происходитъ оттого, что они трактуютъ о предметахъ болѣе-близкихъ и болѣе-доступныхъ къ повѣркѣ, чѣмъ какая-нибудь «сопротивляющаяся среда небеснаго пространства», или кометные хвосты.

Въ засѣданіи парижской академіи наукъ 16 августа г. Леверье сообщилъ письмо (отъ 8 августа), полученное имъ отъ Энке. Въ этомъ письмѣ берлинскій астрономъ извѣщалъ, что комета, носящая его имя, была усмотрѣна 7 августа г. Фёрстеромъ, однимъ изъ адъюнктовъ при обсерваторіи, и что при этомъ оказалось, что дѣйствительное положеніе кометы весьма-близко совпадаетъ съ мѣстомъ, назначеннымъ ей по вычисленію. Къ письму приложена была эфемерида кометы для появленія ея въ 1858 году, то-есть таблица, показывающая положеніе кометы въ каждый изъ дней (съ 7 августа по 11 октября). При вычисленіи эфемериды «мною (говоритъ Энке) было принято во вниманіе сокращеніе періода обращенія кометы». Когда письмо было прочитано, извѣстный физикъ Пулье спросилъ у Леверье: подтверждается ли наблюденіями надъ возвращеніемъ кометы дѣйствительность положенія Энке относительно существованія эѳира и оказываемаго имъ сопротивленія къ движенію небесныхъ тѣлъ? Леверрье, неожидавшій подобнаго вопроса, отвѣчалъ на

Digitized by Google

него довольно-уклончиво; онъ сказалъ, что «еслибъ даже первыя предположенія Энке относительно сопротивленія, оказываемаго эѳиромъ, и не оправдались въ дѣйствительности, то прекрасный трудъ, въ которомъ берлинскій астрономъ въ первый разъ принялъ въ разсчетъ это сопротивленіе для вычисленія исправленныхъ элементовъ кометы, все-таки останется произведеніемъ великаго мастера». Бабинé отозвался объ ипотезѣ Энке гораздо-рѣшительнѣе: по его мнѣнію, всѣ доселѣ-сдѣланныя наблюденія не даютъ никакой возможности сказать что-либо положительное, относительно дѣйствительности существованія эѳира Энке. Представилъ ли Бабинé какіе-либо доводы въ подтвержденіе своихъ словъ— мы не знаемъ (*). Такіе отзывы вызвали Энке на отвѣтъ, который и былъ представленъ въ академію 15 ноября. «Узнавъ (пишетъ Энке), что въ засѣданіи 16 августа былъ поднятъ вопросъ о томъ, подтверждается ли наблюденіями сокращеніе періода обращенія кометы, замѣченное мною въ 1819 году, я счелъ долгомъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобъ собрать воедино доказательства необходимости ввести въ вычисленіе, относительно кометы, поправку, которая можетъ быть объяснена сопротивленіемъ, оказываемымъ средою, наполняющею вселенную, къ движенію небеснаго тѣла — доказательства, кажущіяся мнѣ до того очевидными, что сомнѣваться въ нихъ невозможно». Строго говоря, всѣ эти доказательства сводятся къ слѣдующему. Съ 1819 года, когда впервые была открыта періодичность въ обращеніи кометы, Энке постоянно вычислялъ запрежде положеніе кометы при слѣдующемъ новомъ ея появленіи и всякій разъ (послѣ 1819 года комета являлась 12 разъ) разность между результатами, выведенными изъ вычисленія и полученными изъ наблюденій, оказывалось весьма-малою. (Смотри вышеприведенную таблицу). «Такъ-какъ такого согласія я могъ достигнуть только при употребленіи ипотезы о сопротивляющейся средѣ, то мнѣ кажется, что это обстоятельство служитъ очевиднымъ доказательствомъ, хотя и не прямымъ, необходимости ипотезы, доказательствомъ, тѣмъ болѣе сильнымъ, что всѣ числа (то-есть, получавшіяся изъ вычисленія) были постоянно обнародываемы прежде наблюденій». Въ другомъ мѣстѣ Энке говоритъ, что онъ старается доказать только необходимость допустить существованіе сопротивляющейся среды; что же касается нѣкоторыхъ, дополнительныхъ къ ней опредѣленій (каково, напримѣръ, предположвніе о плотности эѳира въ различныхъ точкахъ небеснаго пространства), сдѣланныхъ съ цѣлью подчинить ипотезу вычисленію, то онъ не придаетъ имъ особенной важности, ибо не считаетъ ихъ необходимо-связанными съ главною ипоте-

(*) «Cosmos». Révue encyclopèdique» etc, t. XXXIII, p. 223 — 224. Въ офиціальномъ отчетѣ о засѣданіи 16 августа, помѣщенномъ въ «Comptes Rendus» о вопросѣ Пулье и отвѣтахъ Леверрье и Бабинэ не говорится.

Digitized by Google

тезою. Остальная и большая часть статьи Энке посвящена доказательству, что время обращенія кометы постоянно и равномѣрно (почти на 0,11 въ каждый періодъ) уменьшается, и что это уменьшеніе существуетъ даже и тогда, когда принято во вниманіе возмущающее дѣйствіе планетъ (именно всѣхъ планетъ съ Меркурія до Сатурна включительно).

Въ засѣданіи 29 ноября астрономъ Фэ представилъ записку подъ заглавіемъ: «Sur les comêtes et sur l'hypotèse d'un milieu resistant». Въ самомъ началѣ своей статьи Фэ говоритъ, что онъ имѣетъ въ виду высказать свои сомнѣнія не относительно дѣйствительности явленія ускоренія въ движеніи кометы, но относительно самостоятельности физическаго объясненія, предложеннаго Энке для этого явленія. «Ни въ одномъ астрономическомъ сочиненіи я не нашелъ полнаго и безусловнаго одобренія ипотезы о сопротивляющейся средѣ (*). Эта ипотеза была даже рѣшительно опровергаема Бесселемъ въ нижеслѣдующихъ словахъ, которыя и спѣшу цитировать предъ академіею, чтобъ оправдать этимъ мои собственныя сомнѣнія».—«Ускореніе кометы, мнѣ кажется, совершенно доказано наблюденіями (говорилъ великій кёнигсбергскій астрономъ), но отсюда еще не слѣдуетъ необходимо, что сопротивляющаяся среда дѣйствительно существуетъ. Передъ нами одинъ только фактъ, то-есть, что послѣдовательныя обращенія небеснаго тѣла постепенно укорачиваются; но можно вообразить сотни причинъ, могущихъ произвести этотъ самый результатъ, и мы въ правѣ остановиться именно на одной изъ нихъ не иначе, какъ подъ условіемъ: или доказать существованіе ея изъ разсмотрѣній, независимыхъ отъ дѣйствій, которыя желаемъ объяснить, или имѣть возможность приписать той же самой причинѣ нѣкоторыя другія явленія. Что касается сопротивленія эѳира, то, мнѣ кажется, что оно не удовлетворяетъ ни одному изъ этихъ условій, ибо если даже мы допустимъ эѳиръ, колебаніе котораго производитъ свѣтъ, то этимъ еще не докажемъ существованіе сопротивляющейся среды, по-крайней-мѣрѣ, если не предположимъ, что эѳиръ не можетъ проникать въ комету. Что же касается втораго условія, то, извѣстно, что въ движеніи планетъ и луны не обнаруживается ничего такого, что́ бъ указывало на сопротивленіе какой-либо среды. Итакъ до-сихъ-поръ нѣтъ другаго признака ея существованія, кромѣ движенія единственной кометы». «Мнѣ всегда казалось (продолжаетъ далѣе Фэ), что въ этихъ словахъ Бессель очень-ясно опредѣлилъ роль ипотезъ въ астрономіи и тѣ условія, которымъ они должны удовлетворять, чтобъ стать въ рядъ доказанныхъ истинъ. Приведемъ примѣръ каждаго изъ этихъ условій. Ускореніе луны и неравенства въ движеніи Урана были задачи подобнаго же

(*) Надо исключить Олберса, но и онъ, какъ мнѣ кажется, представлялъ себѣ эту среду въ состояніи вращательнаго движенія вокругъ солнца.
*Прим. Фэ.*

Digitized by Google

рода, которыя долгое время хотѣли объяснить то дѣйствіемъ сопротивляющейся среды, то небольшимъ измѣненіемъ въ законѣ тяготѣнія. Лапласъ разрѣшилъ первую изъ задачъ, связавъ ускореніе луны съ измѣненіемъ эксцентрицитета земной орбиты; Леверрье разрѣшилъ вторую, опредѣливъ положеніе возмущающаго небеснаго тѣла (Нептуна), которое и было вскорѣ найдено Галлеемъ на указанномъ мѣстѣ». Статья Фэ распадается на двѣ части: въ первой онъ представляетъ доводы противъ ипотезы Энке, во второй излагаетъ свою собственную ипотезу. Доводы противъ ипотезы Энке состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ движеніи Меркурія замѣчено г. Леверрье прогрессивное измѣненіе во времени обращенія, но это измѣненіе не ускореніе, а, на-оборотъ, замедленіе. Такое замедленіе трудно согласить съ ипотезею Энке, тѣмъ болѣе, что Меркурій гораздо-ближе къ солнцу, чѣмъ комета.

2) Одной главной ипотезы то-есть, допущенія существованія сопротивляющейся среды, недостаточно для полнаго объясненія явленія; ее необходимо дополнить второстепенными предположеніями довольно-произвольнаго характера. «Прежде всего постараемся опредѣлить хорошенько, что понимаютъ подъ словами: *сопротивляющаяся среда*. Нѣкоторые могутъ думать, что дѣло идетъ о невѣдомой жидкости, колебанія которой производятъ явленія свѣта; но отъ этой послѣдней ипотезы до ипотезы Энке далеко. Невѣсомый эѳиръ равномѣрно распредѣленъ въ небесномъ пространствѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, онъ никоимъ образомъ не составляетъ части солнечной системы; онъ распространяетъ одинаково-хорошо свѣтъ звѣздъ и свѣтъ нашего собственнаго солнца. Напротивъ, сопротивляющаяся среда должна составлять часть солнечной системы; она должна быть подчинена центральному небесному тѣлу до такой степени, что плотность каждаго изъ слоевъ ея зависитъ, по извѣстному закону, отъ разстоянія этого слоя отъ солнца. Энке, повидимому придаетъ этому закону только второстепенную важность, а между-тѣмъ онъ не могъ миновать выбора и при своихъ вычисленіяхъ онъ принялъ, что плотность эѳира измѣняется обратно пропорціонально разстоянію отъ солнца. При такомъ предположеніи дѣйствія среды должны быть ощутительны даже на кометы, только въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ солнцемъ, примѣрно 0,7 средняго разстоянія земли отъ солнца; далѣе они должны быть гораздо-меньшими, или даже мало-замѣтными. Только такимъ-то образомъ всѣ періодическія кометы, за исключеніемъ одной кометы Энке, могли не подвергнуться замѣтному сопротивленію среды. Напримѣръ, было бы безполезно искать дѣйствія сопротивленія на комету 1843 года (комета г. Фэ), ибо ея орбита лежитъ совершенно внѣ орбиты Марса, на комету г. Вико, которой перигелій лежитъ за орбитою Земли, на комету Бэлы, едва-переходящую по сю сторону этой послѣдней орбиты; на комету г. Брорзена, ибо разстояніе ея перигелія равняется 0,66, и даже на комету Галлея, едва-задѣвающую, наиболѣе-дѣятельную часть

Digitized by Google

этой среды (разстояніе перигелія кометы Галлея равняется 0,58). Очевидно, что, благодаря такому ограниченію ипотезы, показывающему всю частность ея, сопротивляющаяся среда Энке оказывается тѣсно-связанною съ солнцемъ и гораздо-скорѣе можетъ быть уподоблена, кольцу облачному или состоящему изъ матеріальныхъ частицъ, которому многіе астрономы приписываютъ зодіакальный свѣтъ; чѣмъ *невѣсомому* и *всеобщему* эѳиру физиковъ».

3) Ипотеза Энке удовлетворительно объясняетъ явленіе только при предположеніи, что среда находится въ покоѣ. Если же допустить, что среда имѣетъ вращательное движеніе вокругъ солнца, то объясненіе явленія становится затруднительнымъ, ибо отъ дѣйствія движущейся среды должны подвергаться измѣненію не только среднее движеніе, но и нѣкоторые изъ другихъ элементовъ орбиты, какъ, напримѣръ, наклоненіе плоскости орбиты, положеніе ея въ пространствѣ, и т. д., чего наблюденія не показываютъ. «Мнѣ же кажется, что довольно-трудно согласить такую необходимую неподвижность съ тѣмъ, что мы знаемъ о матеріи и движеніи».

4) Еслибъ сопротивляющаяся среда дѣйствительно существовала, то, какъ бы ни была мала ея плотность, въ существованіи ея можно было бы убѣдиться глазами, даже невооруженными; другими словами: среда была бы видима для простаго глаза. Разсмотримъ поближе основаніе этого чрезвычайно-остроумнаго, но на первый взглядъ несовсѣмъ-понятнаго довода.

Фэ предлагаетъ вопросъ: до какой степени разрѣженности можетъ доходить матерія въ небесномъ пространствѣ, не переставая быть видимою? (При условіи, что занимаемое матеріею пространство несравненно много меньше пространства, занимаемаго предполагаемою средою). Чтобъ рѣшить такой вопросъ, г. Фэ обращается къ кометамъ. Мнѣнія относительно величины массъ кометъ очень-различны. Лапласъ думалъ, что масса извѣстной кометы Лекселя не превосходила $^1/_{5000}$ массы земли; напротивъ, Дж. Гершель полагаетъ, что масса, образующая огромнѣйшіе кометные хвосты, вѣситъ въ своей совокупности всего нѣсколько фунтовъ или даже унцовъ, г. Бабинэ же называетъ кометы *видимое ничто* (riens visibles). Фэ находитъ эти мнѣнія крайними и думаетъ, что истина заключается между ними. На основаніи соображеній и исчисленій, съ подробностями которыхъ читатели могутъ ознакомиться въ «Comptes Rendus» (Deuxiéme semestre, № pp. 839—841), онъ приходитъ къ заключенію, что масса ядра кометы Донати (читателямъ нашимъ, конечно, извѣстно, что такъ называется блестящая комета прошлаго года по имени астронома, впервые-замѣтившаго ее), приблизительно равняется:

0, 000 000 0043 •

если принять за единицу массу земли. Другими словами: комета вѣситъ въ 250 тысячъ милліоновъ менѣе Земли (или вѣситъ 1600

Digitized by Google

бильйоновъ пудовъ, приблизительно). Зная массу ядра, мы легко можемъ вычислить и плотность его. По исчисленію г. Фэ, эта плотность равняться 0;009, принимая за единицу плотность обыкновеннаго атмосфернаго воздуха. Несмотря на столь-малую плотность, ядро кометы все-таки по блеску почти равнялось звѣздѣ второй величины. Посмотримъ теперь, какова плотность кометнаго хвоста. По вычисленію г. Фэ, объемъ кометнаго хвоста *по меньшей мѣрѣ* въ 9, 6 раза болѣе объема солнца. (При вычисленіи предполагалось, что хвостъ кометы имѣетъ видъ цилиндра въ 35° длины и въ 2′ ширины—это ширина кометнаго ядра; дѣйствительныя величины длины и ширины были много-болѣе; такъ 5-го и 6-го декабря хвостъ имѣлъ до 40° въ длину и до 8° ширины. Съ другой стороны, изъ астрономическихъ наблюденій слѣдуетъ, что центръ тяжести всей кометы довольно-близко совпадаетъ съ центромъ ядра, что̀ заставляетъ заключить, что масса хвоста составляетъ весьма-малую долю отъ массы ядра. Очень-возможно, что масса хвоста равняется $^1/_{1000000}$ и даже еще меньшей доли отъ массы ядра; но сдѣлаемъ самое невыгодное для насъ предположеніе, именно, допустимъ, что обѣ массы равны. Вычисленіе показываетъ, что въ этомъ случаѣ средняя плотность хвоста выразится дробью:

0, 000 000 000 000 011,

если принять за единицу плотность обыкновеннаго воздуха. Если же предположить, что̀ гораздо вѣроятнѣе, что масса хвоста равняется $^1/_{100}$ массы ядра, и что, сверхъ-того, плотность хвоста у оконечности была въ десять разъ меньше плотности его вблизи ядра, то плотность у оконечности хвоста выразится дробью:

0, 000 000 000 000 000 011;

эта плотность въ 10 тысячъ бильйоновъ разъ меньше плотности обыкновеннаго воздуха, или въ 10 бильйоновъ разъ рѣже плотности воздуха, остающагося подъ колоколомъ, изъ котораго воздухъ былъ выкачанъ самымъ превосходнымъ воздушнымъ насосомъ. «И между-тѣмъ этотъ хвостъ былъ явственно видимъ даже въ частяхъ наиболѣе-удаленныхъ отъ ядра, конечно, потому, что лучъ зрѣнія по всѣмъ направленіямъ встрѣчалъ нити (по меньшей мѣрѣ въ 13,000 льё длиною) частицъ, освѣщенныхъ солнцемъ, и что числомъ этихъ частицъ вознаграждалось ихъ взаимное отдаленіе.»

Теперь читателю понятенъ смыслъ четвертаго довода г. Фэ.

«Какъ бы ни была тонка сопротивлющаяся среда, она непремѣнно представитъ глазу во всѣхъ направленіяхъ безконечныя нити точекъ, свѣтящихся чрезъ отраженіе, которыя и должны сообщить грунту небеснаго свода сіяніе, сходное съ сіяніемъ кометнаго хвоста. Между-тѣмъ по ночамъ мы не видимъ на небѣ ничего подобнаго, за исключеніемъ одного зодіакальнаго свѣта. Правда, во время полныхъ солнечныхъ затмѣній вокругъ солнца замѣчается тонкій, блестящій вѣнецъ; но ни-

Digitized by Google

кто не приметъ его за слои, наиболѣе—плотные всеобщей среды; ибо вмѣсто того, чтобъ незамѣтно сливаться съ темнотою неба, вѣнецъ довольно-рѣзко ограничивается въ 10 или 20 минутахъ отъ края луны. Такимъ-образомъ оказывается, что ипотеза Энке неспособна къ прямой повѣркѣ, какъ ипотеза, которую употребилъ Леверрье для объясненія неправильностей въ движеніи Урана. Ко всѣмъ прежнимъ особенностямъ сопротивляющейся среды приходится присоединить еще одну: оставаться невидимою, несмотря на свою матеріальность и несмотря на лучи свѣта, прорѣзывающіе ее во всѣхъ направленіяхъ.»

Обращаемся къ ипотезѣ самого г. Фэ. «Прежде всего я укажу на факты, которые привели меня къ ней. По описанію Донати, блестящій вѣнецъ (auréole), отдѣлившійся 2-го октября отъ ядра кометы, имѣлъ около 1″ ширину; на слѣдующій день онъ до 3″,8 ширины. Октября 4-го и 5-го вѣнецъ еще болѣе увеличился въ діаметрѣ; но Донати на этотъ разъ забылъ произвести измѣреніе. Новый вѣнецъ, появившійся 4-го октября, имѣлъ 7-го числа радіусъ въ 15″,7, а 8-го въ 18″,9. При помощи этихъ данныхъ, очень-согласныхъ между собою, я вычислилъ скорость линейнаго расширенія вѣнцовъ и нашелъ, что она равняется 19 метрамъ въ секунду. Такимъ-образомъ истеченіе, направлявшееся въ сторону солнца и условленное, по всей вѣроятности, теплотою этого небеснаго тѣла, не представляетъ ничего удивительнаго; оно можетъ быть вполнѣ объяснено послѣдовательнымъ расширеніемъ веществъ, отдѣлившихся отъ ядра въ мало-сопротивляющуюся туманность головы кометы На противоположной сторонѣ происходило совершенно-иное. 30-го октября хвостъ имѣлъ 25° длины; 1-го октября — 27°; 5 го — 40°. Прилагая вычисленіе къ этимъ измѣреніямъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія — ибо они были произведены однимъ и тѣмъ же наблюдателемъ въ одной и той же мѣстности — я нахожу, что 5-го октября, то-есть въ эпоху, къ которой относится предъидущее опредѣленіе, хвостъ развивался въ длину со скоростью 32,500 метровъ, или восьми льё въ секунду. Это — скорость движенія земли по ея орбитѣ: ка́къ объяснить эту быстроту развитія хвоста въ сторону, противоположную тяготѣнію? Здѣсь обнаруживается дѣйствіе какой-то силы, о которой мы не имѣемъ никакого понятія, потому, быть-можетъ, что мы погружены въ среду, гдѣ столь значительныя разрѣженія недоступны. Что́ это за солнечная сила, увлекающая атомы со скоростью 8 льё въ секунду и образующая менѣе чѣмъ въ двадцать дней хвостъ въ 14 мильйоновъ льё? Эта сила, существованіе которой мы не можемъ отрицать, ибо мы сами видѣли громадныя дѣйствія ея на матерію, уже подготовленную къ тому дѣйствіемъ физической силы, не должна ли быстро разсѣять сопротивляющуюся среду, еслибъ она могла образоваться вокругъ солнца? Ибо (замѣтьте это особенно) сила эта дѣйствуетъ не только на голову кометы Донати, но даже на оконечности хвоста, вытягивая его до безконечности; она проявляетъ свою дѣятель-



Digitized by Google

ность повсюду, гдѣ только встрѣчаетъ матерію, доведенную до той степени тонкости, о которой выше я далъ приблизительное понятіе, и изъ какой бы кометы ни происходила эта матерія. Посмотримъ теперь, не могутъ ли солнечные лучи, съ ихъ скоростью 77,000 льё въ секунду, произвести то же самое дѣйствіе. Чтобъ приложить эту ипотезу къ дѣлу, я прибѣгну къ языку прежней теоріи истеченій. Хотя эта теорія нынѣ и опровергнута и замѣнена теоріею волненій, но мнѣ позволительно воспользоваться ею; ибо, при помощи ея, я хочу только яснѣе опредѣлить мою мысль, давъ какое-либо имя солнечной силѣ (свѣту или электричеству), природа которой мнѣ неизвѣстна, но существованіе которой, уже издавна подозрѣваемое, столь хорошо доказано явленіями, которымъ въ недавнее время мы всѣ удивлялись. (Говоря это, г. Фэ разумѣетъ комету Донати). Импульсъ (толчокъ) солнечныхъ лучей— идея вовсе не новая; начало ея восходитъ къ Кеплеру. Живое изложеніе ея я только-что прочелъ у Кеплера. Присоедините къ импульсу теплоту, дабы отъ дѣйствія ея могъ развиться со скоростью 19 метровъ въ секунду паръ весьма-тонкій и могущій быть увлеченнымъ солнечными лучами со скоростью восьми льё въ секунду, и вы будете имѣть полное, за исключеніемъ развѣ однѣхъ числованныхъ величинъ, объясненіе хвостовъ кометныхъ, объясненіе, уже давнишнее и имѣющее на своей сторонѣ важные авторитеты и, между прочимъ, авторитетъ Эйлера; ибо этотъ знаменитый геометръ не думалъ, что, допустивъ такое объясненіе, онъ станетъ въ противорѣчіе съ ипотезею волненій, которой онъ былъ горячимъ защитникомъ». Мы привели собственныя слова Фэ, позволивъ себѣ только небольшія уклоненія отъ буквальнаго перевода, дабы читатели могли лучше ознакомиться какъ съ сущностью ипотезы, такъ и тѣхъ безконечныхъ оговорокъ, съ которыми она высказывается. Въ немногихъ словахъ эту ипотезу можно выразить такъ: импульсъ солнечныхъ лучей есть причина какъ ускоренія движенія кометы, такъ и, при содѣйствіи солнечнаго жара, образованія хвостовъ кометныхъ.

— Изложивъ свою ипотезу, Фэ отсылаетъ читателей къ IV тому «Небесной Механики» Лапласа, гдѣ на стр. 355 и слѣдующихъ изложена теорія измѣненій, которымъ должно подвергнуться движеніе планетъ отъ дѣйствія свѣта, если послѣдній будемъ разсматривать, какъ истеченіе нѣкоторой матеріи изъ солнца съ скоростью 77,000 льё. Формулы, данныя Лапласомъ, г. Фэ прилагаетъ въ частности къ кометѣ Энке и такимъ-образомъ приходитъ къ выводамъ, совершенно-сходнымъ съ выводами Энке. «Итакъ (говоритъ Фэ) импульсъ свѣта (истеченіе или волненіе), если мы допустимъ, что напряженіе его измѣняется обратно пропорціонально квадрату разстоянія отъ солнца, производитъ силу по направленію касательной, силу совершенно-тождественную съ тою, которая производится сопротивляющеюся средою и

Digitized by Google

приводитъ къ совершенно тѣмъ же самымъ результатамъ, какъ и эта послѣдняя. Но въ то же время импульсъ предполагаетъ вторую слагающую силу по направленію радіуса вектора, которой не можетъ, вопреки мнѣнію Нютона, произвести эѳиръ, и эта сила, діаметрально-противоположная солнцу, можетъ способствовать къ образованію кометныхъ хвостовъ, дѣйствуя частью своего напряженія на самыя тонкія частицы, отдѣленныя отъ ядра солнечнымъ жаромъ (я разумѣю последовательные вѣнцы на кометѣ Декада, столь-хорошо описанные гг. Донати и Шакорнакомъ)».

Фэ указываетъ на одно затрудненіе, съ которымъ сопряжена его теорія. Если допустить, что свѣтъ есть истеченіе матеріи, то необходимо допустить, что масса солнца постоянно уменьшается, а это уменьшеніе (какъ показалъ Лапласъ), приводитъ къ вѣковому уравненію, съ знакомъ, противнымъ вѣковому уравненію, производимому импульсомъ; другими словами: отъ уменьшенія массы солнца движеніе небесныхъ тѣлъ должно замедлиться. Итакъ представляется слѣдующій вопросъ: ускореніе отъ дѣйствія импульса не можетъ ли быть совершенно-уничтожено, или даже превзойдено замедленіемъ отъ уменьшенія массы центральнаго тѣла? Фэ показываетъ, что для планетъ замедленіе, вслѣдствіе уменьшенія массы солнца, будетъ болѣе ускоренія, производимаго свѣтовымъ импульсомъ; въ кометахъ же, наоборотъ: замедленіе будетъ много-менѣе ускоренія. (По приблизительному исчисленію Фэ оказывается, что отношеніе ускоренія къ замедленію для Меркурія будетъ 0,004, а для кометы Донати, предполагая, что она движется по орбитѣ Меркурія, это отношеніе 6000). Слѣдственно, вмѣсто затрудненія, неожиданно представляется возможность дѣйствіемъ одной и той же силы заразъ объяснить и ускореніе кометы Энке, и замедленіе въ движеніи Меркурія, открытое Леверрье! Но почему подобнаго же рода замедленія не замѣчаются въ движеніи прочихъ планетъ, кромѣ Меркурія? На такой щекотливый вопросъ Фэ отвѣчаетъ, что, быть-можетъ, такія замедленія и существуютъ, но «такъ-какъ они приблизительно-пропорціональны среднимъ движеніямъ планетъ, то замедленія, едва-замѣтныя въ Меркуріѣ, будутъ незамѣтны въ планетахъ, болѣе-удаленныхъ отъ солнца». Но самъ авторъ, какъ-бы испугался этихъ своихъ собственныхъ словъ (дѣйствительно очень-отважныхъ!) и въ слѣдъ за ними пишетъ: «Но я не имѣю намѣренія настаивать на подобномъ предметѣ; прогрессивное уменьшеніе массы солнца—ипотеза вовсе непривлекательная. «Итакъ, авторъ совершенно отказывается отъ своей ипотезы объ импульсѣ?—нисколько. «Моя ипотеза вовсе не находится въ зависимости отъ теоріи истеченія: *будучи*, напримѣръ, *соглашена* съ теоріею волненій, она уже не имѣла бы надобности отвѣчать за послѣдствіе, присущее только старой теоріи свѣта». (Просимъ читателей замѣтить эти слова г. Фэ, ибо на нихъ намъ придется сослаться впослѣдствіи). Сформулировавъ

Digitized by Google

такъ опредѣленно требованія своей ипотезы, г. Фэ едва-ли тѣмъ оказалъ полезную услугу ей. Дѣйствительно, изъ словъ самого г. Фэ оказывается, что вся ипотеза держится на предположеніи о возможности согласить, амальгамировать ученіе объ импульсѣ, взятое изъ прежней теоріи свѣта, съ новѣйшимъ ученіемъ о волнообразномъ движеніи эѳира. Но возможно ли такое соглашеніе — объ этомъ г. Фэ не говоритъ ни слова. Правда, онъ, какъ видѣли выше, ссылается на Эйлера, но подобная ссылка плохое доказательство; ибо ученіе Эйлера о свѣтѣ съ новѣйшимъ ученіемъ о томъ же предметѣ существенно не сходится во многихъ пунктахъ. Современная физика тоже ничего не знаетъ о подобной возможности. Очевидно, что новая ипотеза произвольнѣе ипотезы Энке. Послѣдняя, для объясненія явленія, предполагаетъ существованіе факта (то-есть среды) хотя и недоказаннаго, но возможнаго; первая же *предполагаетъ* фактъ, возможность котораго еще *предполагается* доказать.

Свою длинную статью г. Фэ заключаетъ словами, смыслъ которыхъ вкратцѣ можно передать такъ: «моя ипотеза не подлежитъ такимъ возраженіямъ, какъ прежняя; сверхъ-того, моя ипотеза объясняетъ разомъ два различныя явленія: ускореніе движенія и образованіе хвостовъ, тогда-какъ Энкова даетъ отчетъ только въ одномъ, а потому моя ипотеза лучше ипотезы Энке».

Въ засѣданіи 6-го декабря Леверрье представилъ свои замѣчанія въ защиту ипотезы г. Энке. Сущность возраженій Леверрье заключается въ слѣдующемъ.

1) Фэ утверждаетъ, что ипотеза Энке необходимо предполагаетъ среду́, находящуюся въ покоѣ; ибо только при такомъ предположеніи возможно объяснить, почему измѣняется одно среднее движеніе и остаются безъ измѣненія всѣ остальные элементы орбиты, какъ, напримѣръ, элементы, опредѣляющіе положеніе плоскости орбиты въ пространствѣ. Леверрье на это возражаетъ, что неподвижность среды вовсе не есть необходимое требованіе, вытекающее изъ ипотезы Энке. «Извѣстно (говоритъ онъ), что весьма-малыя возмущенія, дѣйствующія на планеты или кометы, производятъ замѣтныя дѣйствія на среднее движеніе, не измѣняя ощутительно другихъ элементовъ орбиты. Таковы вообще всѣ неравенства длиннаго періода. Они съ теченіемъ времени измѣняютъ величину средней долготы, не трогая наклоненія (орбиты въ эклиптикѣ), узла, экцентрицитета и перигелія. Причину этого легко понять. Представимъ себѣ, для ясности, что какая-либо возмущающая причина, дѣйствующая въ теченіе опредѣленнаго времени, измѣнила среднее суточное движеніе тѣла на $^1/_{10}$ секунды и произвела такой же величины возмущеніе въ положеніи плоскости орбиты. Измѣненіе въ положеніи плоскости орбиты, будучи разъ произведено, останется навсегда такимъ же по величинѣ и, слѣдовательно, не будетъ ощутительно въ наблюденіяхъ. Напротивъ, дѣйствія измѣненія въ

Digitized by Google

угловой скорости будутъ возрастать съ теченіемъ времени даже и послѣ того, какъ возмущающая сила перестала дѣйствовать. Измѣненіе въ 0,1 секунды, происшедшее въ среднемъ суточномъ движеніи, чрезъ годъ произведетъ въ средней долготѣ разность болѣе, чѣмъ въ 36″, то-есть такую разность, которая легко можетъ-быть обнаружена наблюденіями.»

2) Фэ утверждаетъ, что еслибъ среда существовала, то она была бы видима. Леверрье противопоставляетъ доводамъ Фэ слѣдующее разсужденіе. Если матерія кометныхъ хвостовъ, несмотря на ея крайнюю разрѣженность, видима; то изъ этого не слѣдуетъ необходимо, что и среда должна быть видима; ибо, какъ бы ни была тонка матерія кометныхъ хвостовъ, всегда можно вообразить, что среда еще много рѣже, а потому и можетъ ускользнуть отъ зрѣнія. Въ подтвержденіе своихъ словъ Леверрье указываетъ именно на комету Энке. «Комету эту (говоритъ онъ) нельзя видѣть простымъ глазомъ; ее можно усмотрѣть только въ хорошіе телескопы. Если же такъ трудно видима комета, то, что́ же удивительнаго, если гораздо-труднѣе видима или даже вовсе невидима сопротивляющаяся среда, состоящая (какъ слѣдуетъ заключать, изъ слабости оказываемаго ею сопротивленія), изъ матеріи несравненно болѣе-тонкой, чѣмъ матерія самой кометы?»

3) «Удивительно (говоритъ Леверрье), почему г. Фэ, сказавъ вначалѣ, что сопротивляющаяся среда г. Энке должна быть подобна зодіакальному свѣту, впослѣдствіи изъ того, что на небѣ незамѣтно никакого сіянія, кромѣ зодіакальнаго, заключаетъ, что среда сопротивляющаяся невидима. Быть-можетъ, было бы гораздо-естественнѣе изслѣдовать, нѣтъ ли какого соотношенія между этими двумя средами; во всякомъ случаѣ желательно, чтобъ г. Фэ объяснилъ, почему онъ не считаетъ возможнымъ, чтобъ подобная мысль пришла въ голову.»

4) Фэ, принимая, согласно новѣйшему ученію физиковъ, что свѣтъ есть волнообразное движеніе эѳира, не имѣетъ права, для объясненія ускоренія кометы, употреблять въ дѣло формулу, выведенную Лапласомъ исключительно для того случая, когда свѣтъ понимается въ видѣ матеріальнаго истеченія.

Въ засѣданіи 13 декабря Фэ представилъ свои замѣчанія на статью Леверрье.

Фэ признаетъ справедливость перваго возраженія (то-есть о томъ, что изъ ипотезы о сопротивляющейся средѣ не слѣдуетъ необходимо, что эта послѣдняя находится въ покоѣ), хотя и не безъ ограниченій; но эти ограниченія такого рода, что они не имѣютъ мѣста при разсмотрѣніи кометы Энке.

Напротивъ, второе возраженіе Леверрье: о возможности, что среда, вслѣдствіе своей крайней рѣдкости, невидима, Фэ признаетъ неосновательнымъ. Приводимъ отвѣтъ Фэ вполнѣ Сказавъ, что Леверрье неправъ, называя комету Энке кометою телескопическою, потому-что

Digitized by Google

она можетъ быть видима простыми глазами, она имѣетъ ядро, блескъ котораго Струве уподоблялъ блеску звѣзды четвертой величины, и даже представляетъ, подобно кометѣ Донати, явленіе блестящихъ вѣнцовъ. Фэ говоритъ далѣе: «Допустивъ все это, посмотримъ, какое сопротивленіе должна оказать среда—не ядру, котораго относительная плотность должна быть очень-значительна, потому-что оно можетъ представляться глазу въ видѣ звѣзды четвертой величины—но какой-либо части хвоста, несоставляющей одного цѣлаго съ самою кометою. Допустивъ, что плотность хвоста во 100,000 разъ менѣе плотности самой кометы, я буду ниже истинной величины; ибо далѣе (*) мы увидимъ, что столь малая относительная плотность скорѣе соотвѣтствуетъ блестящимъ вѣнцамъ (auréoles) кометы, чѣмъ крайнимъ оконечностямъ кометныхъ лучей. Но извѣстно, что сопротивленіе среды находится въ прямомъ отношеніи съ ея плотностью и въ обратномъ съ плотностью движущагося тѣла, слѣдственно, если это сопротивленіе оказываетъ на ядро ускореніе въ 58″ въ-теченіе 1200 дней, то на хвостъ оно должно оказать ускореніе во 100,000 разъ (и даже слишкомъ) бо́льшее и онъ долженъ бы упасть на солнце. Мое заключеніе было бы несправедливо, еслибъ комета Энке была простою туманностью въ родѣ хвостовъ кометныхъ; но мы сейчасъ видѣли, что въ этомъ пунктѣ мнѣніе г. Леверрье несогласно съ фактами. Итакъ, нельзя думать, чтобъ среда, способная произвести 58″ ускоренія на комету въ ограниченной области (**), была несравненно-болѣе разрѣжена, чѣмъ легкія туманности (то-есть кометныя хвосты), которыя мы видимъ движущимися въ небесномъ пространствѣ. Что́ касается именно видимости среды, то слѣдуетъ принять во вниманіе еще то, что разность въ плотности (между средою и хвостомъ) вполнѣ вознаграждается огромною толщиною среды и тѣмъ особенно обстоятельствомъ, что блескъ слоевъ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ солнцу, долженъ очень-быстро возрастать».

Что́ касается зодіакальнаго свѣта, то Фэ говоритъ, что онъ никогда не полагалъ возможнымъ считать его за доказательство существованія

---

(*) Именно, страницы три далѣе, Фэ говоритъ слѣдующее. Такъ-какъ радіусъ вѣнца въ кометѣ Донати былъ въ десять разъ больше радіуса ядра, то отсюда слѣдуетъ, что плотность вѣнца меньше плотности ядра въ 1000 разъ, если допустить, что массы вѣнца и ядра равны; но такъ-какъ весьма-вѣроятно, что первая масса много менѣе второй, напримѣръ, разъ въ 100, 1000 и болѣе, то очевидно, что средняя плотность вѣнца по-меньшей-мѣрѣ во 100,000 разъ менѣе плотности ядра.

(**) «Ускореніе не распредѣляется равномѣрно на всѣ 1200 полнаго обращенія кометы; но Энке, наибольшая часть ускоренія соотвѣтствуетъ 90 днямъ, ближайшимъ ко времени прохожденія кометы чрезъ перигелій».

*Прим. Фэ.*

Digitized by Google

сопротивляющейся среды Энке, потому—что большинство астрономовъ издавна того мнѣнія, что этотъ свѣтъ долженъ быть приписанъ туманновиднымъ кольцамъ, вращающимся въ огромныхъ разстояніяхъ отъ солнца по сю и по ту сторону земной орбиты, и совершенно отдѣльнымъ отъ массы солнца. Еслибъ матерія, дающая начало зодіакальному свѣту, простиралась непрерывно до самаго солнца (какъ предполагаемая среда Энке), то зодіакальное сіяніе, теперь явственно видимое въ большихъ разстояніяхъ солнца, было бы еще явственнѣе видимо и по сосѣдству съ солнцемъ, подобно тому, какъ свѣтъ кометъ, едва замѣтный, когда онѣ находятся вдали отъ солнца, усиливается весьма быстро съ приближеніемъ ихъ къ перигелію.

Что касается обвиненій въ нераціональномъ смѣшеніи двухъ различныхъ теорій свѣта, то Фэ говоритъ, что они несовсѣмъ-несправедливы и произошли оттого, что основная мысль его не была высказана достаточно-ясно. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, Фэ даетъ слѣдующую, совершенно-отличную отъ прежней, форму своей ипотезѣ. «Кометныя явленія обязаны своимъ происхожденіемъ отталкивающей силѣ, присущей солнцу, и которая, при дѣйствіи на матерію, доведенную до значительной степени разрѣженности, можетъ превозмочь тяготѣніе. Все происходитъ такъ, *какъ-будто-бы (comme si)* эти солнечныя радіаціи (radiations), названіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, состояли въ непрерывномъ истеченіи матеріальныхъ частицъ, выбрасываемыхъ всѣми точками солнечнаго диска и по всѣмъ возможнымъ направленіямъ со скоростью, равною скорости радіацій свѣтовыхъ или теплородныхъ. Что касается того, существуетъ ли такое истеченіе въ-самомъ-дѣлѣ, то вопросъ этотъ тревожитъ меня не болѣе вопроса о томъ, какъ распространяется тяжесть, какъ она дѣйствуетъ на разстояніи, отъ тѣла къ тѣлу, отъ одной частицы къ другой, чрезъ какія угодно толщи матеріи».

Въ остальной части своей статьи Фэ излагаетъ, какимъ образомъ, на основаніи предположенія о существованіи отталкивательной силы, можетъ быть выведена форма кометныхъ хвостовъ. Эти объясненія Фэ очень-остроумны и дѣйствительно проливаютъ свѣтъ на многія такія явленія, которыя доселѣ были трудно-объяснимы (каковы, напримѣръ, быстрое разростаніе въ длину кометныхъ хвостовъ, расширеніе ихъ по мѣрѣ удаленія отъ ядра, появленіе темнаго сектора въ хвостѣ позади ядра, загнутость назадъ крайнихъ лучей истеченія изъ ядра, эксцентричность сего послѣдняго, и т д.). Между-прочимъ, изъ теоріи автора слѣдуетъ, что комета и хвостъ ея, послѣ прохожденія чрезъ перигелій, могутъ совершенно отдѣлиться, и даже отдалиться другъ отъ друга, не переставая двигаться по одному и тому же направленію. Нельзя ли будетъ, при помощи ипотезы Фэ, объяснить явленіе раздѣленія кометы Вэлы, явленіе странное, рѣдкое, но, какъ по-

Digitized by Google

казываютъ историческія изъисканія, повидимому, не единственное въ своемъ родѣ.

Леверрье (въ томъ же засѣданіи 13 декабря), поблагодаривъ Фэ за представленныя имъ поясненія, сказалъ:

«Мы не можемъ говорить о предметахъ, столь деликатныхъ, не отваживаясь на многое (sans hasarder beaucoup). Трудность, происходящая отъ неизвѣстности и таинственности природы явленій, не должна никому служить поводомъ къ упреку. Очевидно, что можно бы спорить до безконечности въ *пользу* и *противъ* зодіакальнаго свѣта, видимости сопротивляющейся среды, но, во всякомъ случаѣ, изъ этого спора не вытекаетъ никакого основательнаго опроверженія противъ сочиненія (*) г. Энке. Что хотѣлъ доказать директоръ берлинской обсерваторіи? Что комета подвержена дѣйствію сопротивляющейся среды. Фэ же вполнѣ признаетъ сопротивленіе въ своей теоріи. Прибѣгая къ дѣйствію свѣта, онъ подразумѣваетъ (implicite) дѣйствіе *сопротивленія*. Вотъ (говоритъ Лапласъ) анализъ, при помощи котораго опредѣлится *сопротивленіе* эѳира, и вотъ анализъ, который приложится къ вычисленію *сопротивленія* свѣта по ипотезѣ истеченія».

На этомъ споръ покончился.

Какіе же были результаты его? Могутъ ли послѣднія слова Леверрье служить справедливою оцѣнкою его? Постараемся вкратцѣ отвѣтить на эти вопросы.

Намъ кажется, что г. Леверрье, утверждая, что изъ спора не вытекло никакого основательнаго опроверженія противъ *сочиненія* Энке и что воззрѣнія гг. Энке и Фэ въ сущности сходятся и споръ идетъ почти изъ-за словъ: правъ и неправъ. Онъ правъ, если подъ словами *сочиненіе Энке* разумѣлъ только предположеніе о несовершенной свободности центральнаго движенія кометы, о *существованіи сопротивленія*. Въ-самомъ-дѣлѣ, дѣйствіе, производимое на комету солнечными радіаціями г. Фэ, по всей справедливости можетъ быть названо, а у Лапласа и дѣйствительно названо *сопротивленіемъ*, хотя такое названіе, конечно, и необязательно для всякаго. Въ указанномъ нами смыслѣ споръ о томъ: существуетъ ли сопротивленіе или не существуетъ—несомнѣнно споръ о словахъ. Но г. Леверрье неправъ, если подъ словами: *сочиненіе Энке* должно разумѣть ипотезу Энке во всей ея совокупности, то есть, предположеніе, что сопротивленіе не только существуетъ, но и происходитъ отъ извѣстной, опредѣленной причины. Дѣйствительно, въ воззрѣніяхъ не на дѣйствительность существованія сопротивленія, а на *причины* этого сопротивленія гг. Энке и Фэ совершенно расходятся: по мнѣнію одного, причиною сопротивленія косность матеріи, наполняющей небесное пространство; по мнѣнію же другаго,

(*) Contre *l'ecrit* de M. Encke. Просимъ читателей замѣтить эту фразу.

Digitized by Google

особая отталкивательная сила, присущая солнцу (*). Съ этой новой точки зрѣнія на предметъ спора уже нельзя безъ достаточныхъ доводовъ утверждать, что теоріи гг. Энке и Фэ въ-сущности сходны, и что изъ спора не вытекло никакого основательнаго опроверженія противъ Энке. Каковы бы ни были возраженія г. Фэ (объ этомъ мы не въ силахъ произнести суда), но до-тѣхъ-поръ, пока Леверье не опровергъ ихъ, онъ не имѣлъ права назвать ихъ малоосновательными.

Итакъ, кажется, мы можемъ, не опасаясь обвиненія въ пристрастіи къ той или другой сторонѣ, сказать, что вопросъ о сопротивленіи въ небесномъ пространствѣ въ настоящую минуту находится въ слѣдующемъ положеніи.

Большинство астрономовъ (считая въ числѣ ихъ и г. Фэ), согласно, что сопротивленіе существуетъ, но относительно ближайшей причины его предположенія различны: одни (Энке и его послѣдователи) полагаютъ, что причиною сопротивленія косность, инерція космической матеріи, наполняющей небесное пространство; другіе же (Фэ и его послѣдователи) думаютъ, что причиною отталкивательная сила солнца. Противъ перваго предположенія (то-есть предположенія о существованіи сопротивляющейся среды) г. Фэ представилъ возраженія, доселѣ остающіяся неопровергнутыми; что жь касается втораго предположенія, то астрономы еще не высказали о немъ своего мнѣнія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что предположеніе г. Фэ объ отталкивательной силѣ—предположеніе вовсе не новое: оно уже высказано было Бесселемъ. Наблюденія надъ кометою Галлея въ 1835 году, именно, наблюденія надъ вращательнымъ и колебательнымъ движеніями свѣтоваго конуса, истекавшаго изъ ядра кометы, привели знаменитаго кёнигсбергскаго астронома къ заключенію о существованіи въ солнцѣ особой силы, которая значительно-отлична отъ тяготѣнія, или отъ обыкновенной притягательной силы солнца, ибо части кометы, образующія хвостъ, испытываютъ дѣйствіе *какой-то отталкивательной отъ солнца силы*. (Bessel въ Schumacher's Astron. Nachrichten, Bd. XIII, 1836, s. 186—192 и 229. Оттуда въ Al. v, Humboldt's «Cosmos» III-er Bd. S. 45).

---

## СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

**Результаты изслѣдованій надъ болѣзнью картофеля, произведенныхъ по порученію прусской экономической коллегіи Германомъ Шахтомъ. — Обозрѣніе новѣйшихъ изслѣдованій надъ сорго.**

Въ послѣднее время ни одно явленіе, даже со включеніемъ холеры, не обратило на себя такого вниманія, какъ болѣзнь картофеля. Съ

(*) Вторая редакція, данная г. Фэ его ипотезѣ.

Digitized by Google

этимъ явленіемъ связались не только судьба нашего сельскаго хозяйства, но и вопросъ о существованіи множества людей. Величайшая важность этого явленія побудила прусскую экономическую коллегію просить извѣстнаго ученаго, Германа Шахта, обратить на него вниманіе и сдѣлать картофель и его болѣзнь предметомъ особеннаго спеціальнаго изученія. Считаемъ долгомъ ознакомить читателей съ результатами этихъ превосходныхъ изысканій.

Картофель, какъ извѣстно, есть утолщенная, подземная почка, сидящая на подземныхъ развѣтвленіяхъ корня. Онъ развивается только при отсутствіи свѣта; вслѣдствіе чего сохраняемый въ темныхъ погребахъ даетъ множество побѣговъ, тогда-какъ подверженный дѣйствію свѣта не даетъ ихъ, поэтому и перелопачиваніе картофеля ведетъ къ лишенію способности произростанія. Тонкокожій картофель прозябаетъ нѣсколько прежде, нежели толстокожій.

Для образованія корней нуждается картофель въ окружающей влажности. Картофель, сохраняемый въ сухомъ воздухѣ, не развиваетъ корней. Въ каждомъ глазкѣ картофеля находится нѣсколько почекъ. Главная почка, лежащая посрединѣ, развивается прежде другихъ, и если она случайно уничтожается, то развивается одна изъ запасныхъ почекъ. Глазки, лежащіе на передней части шишки, обращенной къ черешку, преимущественно даютъ ростки; гораздо-менѣе, или даже почти совсѣмъ не развиваются они на задней половинѣ, кое-гдѣ снабженной глазками. Поэтому, при посадкѣ картофеля глазками, должно стараться брать ихъ отъ передней части и какъ-можно-менѣе отъ задней.

Первые ростки, развивающіеся картофелемъ, самые сильные. Съ удаленіемъ ихъ появляются въ большемъ числѣ, но менѣе-сильные, вторичные побѣги. При удаленіи этихъ появляются третьи, въ томъ же количествѣ, какъ и вторые, но слабѣе ихъ. Далѣе, въ сыромъ воздухѣ болѣе не развиваются ростки, но въ землѣ еще могутъ образоваться. Чтобъ получать сильнѣйшіе побѣги, дающіе лучшія шишки, должно такимъ образомъ беречь у картофеля его ранніе ростки.

Образованіе клубней картофеля совершается при отсутствіи свѣта. При прозябеніи шишки, подверженной дѣйствію свѣта въ сырой атмосферѣ, не образуется молодыхъ картофелинъ, тогда-какъ въ темнотѣ это совершается, хотя и безъ появленія зелени травы и листьевъ; для образованія же послѣдняго необходимъ свѣтъ.

Картофельное растеніе имѣетъ надземный и подземный стебли. На развѣтвленіяхъ перваго образуются листья и цвѣты, на развѣтвленіяхъ втораго—шишки и корни.

Первый поводъ къ появленію болѣзни картофеля подаетъ состояніе погоды. Послѣ быстрыхъ перемѣнъ температуры, появляются тотчасъ слѣды болѣзни. Если быстрые переходы отъ тепла къ холоду, и обратно, повторяются нѣсколько разъ, то болѣзнь усиливается и принимаетъ различный характеръ, смотря по погодѣ. Вслѣдствіе этого кар-

Digitized by Google

картофельную болѣзнь надо разсматривать какъ простуду травы, подобно тому, какъ такъ называемая медовая роса на листьяхъ деревъ тоже приписывается простудѣ.

Извѣстный грибокъ (Peronospora infectans или, прежде, Botrytis solani), находящійся на темныхъ пятнахъ заболѣвшей травы, не есть причина болѣзни, и появленіе его зависитъ оттого, что онъ находитъ себѣ пищу на листьяхъ, подверженныхъ гниенію. Перенося грибную плѣсень съ листьевъ больныхъ на здоровые, мы не замѣчаемъ образованія темныхъ пятенъ.

Темныя пятна на листѣ, стеблѣ и корнѣ — явленія мѣстныя и не находятся между собою ни въ какой зависимости. Это было ошибочное предположеніе, что картофельная болѣзнь отъ листьевъ переходитъ на стебель, а отъ стебля на корень.

Картофель съ весьма-нѣжной кожей, какъ, напримѣръ, длинный, бѣлый или ранній Zwitter Kartoffel имѣютъ и траву мягкую, болѣе-подверженную дѣйствію болѣзни. Картофель съ твердой кожей даетъ, напротивъ, болѣе-крѣпкую, по-большей-части темнозеленую траву, мало подверженную болѣзни. Эти послѣдніе сорты содержатъ, кромѣ того, и болѣе крахмала, этой важнѣйшей составной части картофеля, нежели тонкокожіе.

Чѣмъ больше выросъ картофель, тѣмъ менѣе онъ можетъ опасаться страдать отъ болѣзни. Вслѣдствіе этого необходимо стараться высѣвать его сколько-возможно-ранѣе.

Избытокъ влажности вредитъ картофелю, но всего опаснѣе тяжелыя глинистыя почвы при влажной погодѣ. Во влажныя лѣта всего лучше онъ растетъ на почвахъ песчаныхъ. Сильное удобреніе также вредно, ибо вноситъ въ растенія тѣ части, которыя условливаютъ гніеніе. Дренажъ на сырыхъ почвахъ можетъ принести большую пользу картофелю.

Если умираетъ трава картофеля, то не только прекращается образованіе новыхъ шишекъ, но останавливается развитіе и образовавшихся уже. Вслѣдствіе этого, для полученія лучшаго урожая, должно стараться, чтобъ какъ-можно-долѣе поддерживалась свѣжая зелень.

Болѣзнь травы, появляющаяся на листьяхъ въ видѣ краснорозовыхъ или темнофіолетовыхъ пятенъ и сопровождающаяся завиваніемъ заболѣвшаго листа, тоже происходитъ (въ чемъ нельзя сомнѣваться) отъ быстрыхъ перемѣнъ температуры. Она появляется съ картофельной болѣзнью одновременно и на тѣхъ же поляхъ, и часто переходитъ въ послѣднюю. Всего чаще она появляется на кислыхъ почвахъ (болотахъ).

Появленіе болѣзни на шишкахъ картофеля, есть тоже явленіе мѣстное, какъ и на листьяхъ и стеблѣхъ, и не зависитъ отъ перехода болѣзни, отъ стебля къ корню, какъ мы уже и сказали. Она появляется первоначально непосредственно подъ кожей и вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Причина появленія совершенно-внѣшняя. Она об-

Digitized by Google

наруживается на шишкахъ позже, нежели на травѣ, потому—что шишки, находясь въ землѣ, не такъ скоро подвергаются дѣйствію перемѣняющейся погоды и предохраняются, кромѣ того, кожею. Весьма молодыя шишки съ нѣжной кожей заболѣваютъ несравненно-скорѣе, нежели старыя и съ крѣпкою кожею.

Болѣзнь картофельныхъ шишекъ есть процесъ гніенія, который, смотря по обстоятельствамъ, является въ различномъ видѣ, и, смотря по степени своего развитія, сопровождается появленіемъ разныхъ грибковъ и низшихъ животныхъ.

Такъ—называемая сухая гниль отличается отъ такъ—называемой мокрой гнили тѣмъ, что при первой, чрезъ образованіе настоящихъ клѣточекъ корковаго вещества, какія мы видимъ въ кожѣ шишекъ, или чрезъ отдѣленіе вещества близкаго химически къ корковому и дѣйствующаго какъ уплотняющая масса, начавшееся гніеніе задерживается въ своемъ развитіи; въ послѣднемъ же случаѣ, оно развивается болѣе или менѣе скоро.

Потеря крахмала при сухой гнили неизбѣжна, но, сравнительно, весьма—мала; при сырой гнили она несравненно—болѣе и, смотря по степени гнили, увеличивается все болѣе—и—болѣе.

Картофель, подверженный сухой гнили, можетъ быть еще сохраненъ безъ вреда въ мѣстахъ, доступныхъ вліянію воздуха, тогда—какъ для сбереженія картофеля, пораженнаго сырой гнилью и уменьшенія происходящей при этомъ потери крахмала, должно его скоро и сильно высушить. При медленномъ сушеніи картофеля, страдающаго сырой гнилью, не умерщвляются развившіеся на немъ грибки (Fusisporium solani и Cidium violaceum), но мало—по—малу переходятъ и на крахмалъ и этимъ, естественно, уменьшаютъ его количество. При быстромъ же сушеніи въ печахъ или овинахъ грибки умерщвляются и картофель можетъ быть сохраненъ.

Картофель, больной сухою гнилью, можетъ быть употребляемъ для посѣва, если только цѣлы его глазки на передней части, хотя и здѣсь, вслѣдствіе загражденія корковымъ веществомъ, сообщенія между здоровыми и больными частями, растеніе получаетъ менѣе крахмала для питанія. Картофель же мокрогнилостный, при посадкѣ, немедленно сгниваетъ.

Грибки, встрѣчающіеся при гніеніи шишекъ, подобно тому, какъ и при болѣзни листьевъ, являются не прежде, но послѣ болѣзни. Чрезъ заболѣвшую кожу они проникаютъ снаружи внутрь шишки. Сохраненіемъ картофеля въ сухомъ мѣстѣ можно неразвившуюся еще окончательно мокрую гниль перевести въ форму сухой гнили и такимъ образомъ поставить преграду дальнѣйшему ходу гніенія. Умѣренное сушеніе картофеля при 30° Р. не вредитъ и способности прозябенія. Шишки, такимъ—образомъ немного—сморщившіяся, прозябаютъ даже нѣсколько—ранѣе и вообще даютъ здоровыя растенія. Во всякомъ слу-

Digitized by Google

чаѣ, хорошо осенью, прежде ссыпанія картофеля въ погреба или подвалы, его сортировать и заболѣвшій мокрою гнилью удалять прочь, а остальной тщательно высушивать на открытомъ воздухѣ или подъ навѣсомъ, посредствомъ неоднократнаго перемѣшиванія длятого, чтобъ онъ отнюдь не былъ ссыпанъ влажнымъ въ постоянное мѣсто сохраненія. Кромѣ-того, не должно насыпать его кучами болѣе $1^1/_2$ — 2 фута вышины.

Оспа, или корковая болѣзнь картофеля, есть сильное размноженіе корковаго вещества, образующаго кожу. Первоначально образуются маленькія бородочки (чечевички), которыя скоро прорываютъ кожу и потомъ вскорѣ распространяются, являясь сначала въ видѣ маленькихъ пятенъ, а впослѣдствіи въ формѣ большихъ углубленій или щелей. Во время сырой погоды паршивость эта, происходя сама, какъ кажется, отъ избытка влажности, можетъ сдѣлаться опасною, ибо вслѣдъ за нею всего скорѣе получаетъ свое начало гниль шишекъ.

Шолуди, или струпья на картофелѣ, есть какъ кажется, дурное состояніе корковой болѣзни, которая вызывается извѣстными частями почвы; такъ, напримѣръ, почва, на которой нѣсколько лѣтъ сряду росъ картофель, всего болѣе способствуетъ появленію этой болѣзни.

Такъ-какъ опытъ показалъ, что плодоперемѣнность необходима для успѣшнаго разведенія хозяйственныхъ растеній, то не слѣдуетъ оставлять и картофель нѣсколько лѣтъ сряду на одномъ и томъ же полѣ. Кромѣ-того, извѣстно, что каждый сортъ картофеля, будучи долго разводимъ въ какой-нибудь мѣстности, вскорѣ начинаетъ съ каждымъ годомъ перераживаться и ухудшаться, и что частая перемѣна сортовъ и почвы приноситъ существенную пользу.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ упомянуть о томъ, что картофельный грибъ можетъ быть произведенъ искусственно. Для этого надо взять хорошо-закрывающійся сосудъ, наполненный холодною перегнанною водою, привести его въ сообщеніе съ одной стороны съ аспираторомъ, а съ другой съ шаромъ, наполненнымъ сѣрною кислотою, и положить въ средину его часть картофелины, вырѣзанной изъ совершенно-здоровой шишки: въ скоромъ времени, обыкновенно дня черезъ четыре или дней черезъ шесть смотря по окружающей температурѣ (среднимъ числомъ въ 12° Р.), появляется въ водѣ и на кустѣ картофеля грибная плѣсень. Если въ теченіе слѣдующихъ восьми дней вытягивать мало-по-малу аспираторомъ воду до такого количества, чтобъ кусокъ картофеля одной стороной своей былъ внѣ воды на нѣсколько линій, то при этомъ является образованіе гриба, въ которомъ подъ микроскопомъ можно узнать Fusisporium solani *Mart.*

Въ отварной водѣ, равно какъ и при употребленіи вареннаго картофеля грибъ этотъ не образуется; хотя и трудно предположить, чтобъ въ комнатѣ, нагрѣтой отъ 12 — 14° Р. зимою, а при паденіи свѣта снаружи при 3 — 4° к. можно было допустить существованіе въ воз-

Digitized by Google

духѣ споръ Fusisporium, никогда непримѣченныхъ при употребленіи даже сильнаго микроскопа.

— Въ прежнихъ книжкахъ нашего журнала мы сообщили много подробностей о результатахъ разведенія какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей, новаго сахаристаго растенія, извѣстнаго подъ названіемъ *сахарнаго сорго*, Sorghum saccharatum. Нынче дополнимъ эти свѣдѣнія послѣдующими открытіями; но, для полноты, припомнимъ, что первые опыты разведенія сорго были сдѣланы, лѣтъ пять назадъ, сперва во Франціи, а потомъ въ Германіи. Полученные въ разное время результаты были столь разнорѣчивы, что въ скоромъ времени образовалось одно только убѣжденіе, что сорго есть новый матеріалъ для добыванія спирта,

Первыя извѣстія пришли изъ Франціи и были весьма преувеличены. Вильморенъ получилъ съ гектара 30,000 килограммовъ сока съ 10,8 процентами содержанія сахара, имѣя, впрочемъ, главною цѣлью добываніе спирта. *Сорго при разведеніи дало зрѣлыя сѣмена.*

Рейленъ, въ Штутгардѣ, дѣлалъ изысканіе надъ добываніемъ сахара, но безъ успѣха: онъ не получилъ ни одного зерна сахара въ твердомъ видѣ. Докторъ Фелингъ открылъ, помощью поляризаціоннаго аппарата, что сокъ разводимаго Рейленомъ сорго содержитъ только 4% тростниковаго сахара и 10% виноградного. Для добыванія спирта это обстоятельство не дѣлаетъ никакого препятствія, и при этомъ можно разсчитывать на все количество сахара, получаемаго съ опредѣленнаго пространства земли. Опыты Рейлена дали въ этомъ отношеніи весьма замѣчательные результаты: что можно получать съ моргена до 3360 фунт. сахара. Растенія при разведеніи пострадали отъ мороза и не всѣ достигли совершеннаго созрѣванія сѣменъ.

Докторъ Людерсдоръ нашелъ, что содержаніе сахара въ сокѣ равно 7,5% и состоитъ изъ равныхъ частей тростниковаго и плодоваго сахара. Растенія его не достигли зрѣлости.

Профессоръ Бергеманъ изслѣдовалъ тоже незрѣлыя растенія и не нашелъ тростниковаго сахара, а только плодовый въ количествѣ 11,3%.

Эти разнорѣчивые результаты привели доктора Галля къ заключенію, что болѣе или менѣе южное положеніе страны, гдѣ разводится сорго, имѣетъ большое вліяніе на образованіе сахара въ растеніи. Мы тоже найдемъ ключъ къ разрѣшенію этихъ недоумѣній въ различной степени зрѣлости растенія.

Вопросъ о томъ, содержитъ ли сахарное сорго кристаллизующійся сахаръ или нѣтъ, былъ для Сѣверо-американскихъ Штатовъ не только научнымъ вопросомъ, но и политическимъ. Всему свѣту извѣстно рѣзкое отличіе Сѣверныхъ, Республиканскихъ Штатовъ отъ Южныхъ, демократическихъ, отличіе, имѣющее основаніемъ невольничество послѣднихъ. Увеличившееся потребленіе сахара вызвало появленіе сахарныхъ плантацій въ Штатѣ Луизіаны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличиніе работы не-

Digitized by Google

вольниковъ. Обыкновенный сахарный тростникъ можетъ быть разводимъ только до вершины дельты Миссисипи; въ климатѣ Сѣверныхъ Штатовъ была возможность добывать весьма-небольшое количество сахара изъ сахарнаго клена. Можно же себѣ представить послѣ этого, съ какою поспѣшностью бросились жители Сѣверныхъ Штатовъ, противники невольничества на такое сахаристое растеніе, которое можетъ хорошо расти и въ сѣверномъ климатѣ, и должно избавить ихъ отъ мучительнаго чувства быть поборниками рабства вслѣдствіе увеличивающагося потребленія сахара.

Послѣ многихъ изысканій, нынѣ, наконецъ, получены результаты, соотвѣтствовавшіе ожиданіямъ. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ изслѣдованія д—ра Джаксона, въ Бостонѣ, надъ растеніями, выращенными въ Вашингтонѣ (38°,53′ с. ш.) и Массачузетѣ (42°,20′ с. ш.). Вліяніе климатическаго различія должно было такимъ-образомъ обнаружиться. Растенія, назначенныя для анализа, были взяты въ различныхъ степеняхъ своего развитія, начиная отъ молодаго стебля въ полномъ соку до зрѣлыхъ сѣменъ. Мы сейчасъ увидимъ, какое значительное различіе получается при этомъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ тотъ техно-аналитическій путь, которому слѣдовалъ д—ръ Джаксонъ при изслѣдованіи.

Стебли растенія были сдавливаемы винтовымъ прессомъ и при этомъ получаемое количество сока было измѣряемо; потомъ опредѣленъ былъ удѣльный вѣсъ процѣженнаго сока и количество сахара въ немъ (по таблицамъ Баллинга). Повѣрка опыта состояла только въ томъ, что разложенный известью и процѣженный сокъ получалъ большую плотность и извлекался помощью алкоголя, причемъ въ остаткѣ оставался крахмалъ и декстринъ. Алкоголическій растворъ былъ испаряемъ и получаемые кристаллы взвѣшиваемы. Здѣсь кстати замѣтить, что количество сахара, выдѣляемаго этимъ путемъ, меньше того, которое опредѣлялось вычисленіемъ удѣльнаго вѣса сока). Впрочемъ, эти послѣднія опредѣленія дѣлались только въ весьма-немногихъ случаяхъ.

Результаты этихъ опытовъ привели къ слѣдующему важному заключенію, что *въ первыя стадіи жизни растенія, весь заключающійся въ немъ сахаръ есть виноградный вмѣстѣ съ крахмаломъ, тогда-какъ, по созрѣваніи, главное мѣсто занимаетъ тростниковый сахаръ, а крахмалъ весь исчезаетъ.*

Сокъ молодыхъ и недозрѣлыхъ растеній всегда кислый, чего не встрѣчается въ зрѣлыхъ растеніяхъ. Присутствіе кислоты такимъ-образомъ мѣшаетъ образованію тростниковаго сахара и съ исчезаніемъ кислоты удаляется это препятствіе. (Въ свекловицѣ, какъ кажется, тростниковый сахаръ находится вмѣстѣ съ кислотою. Какъ согласить эти два явленія?) Крахмалъ подъ микроскопомъ былъ совершенно схожъ съ полученнымъ изъ незрѣлыхъ стеблей кукурузы.

Объ аналитической методѣ опредѣленія сахара съ техническою цѣлью

Digitized by Google

здѣсь тоже кстати сказать нѣсколько словъ. Поляризаціонный аппаратъ представляетъ, вѣроятно, простѣйшее средство къ скорѣйшему опредѣленію содержанія сахара въ какой-нибудь жидкости. Но инструментъ этотъ не всегда находится въ рукахъ публики и пріобрѣтеніе его дорого; поэтому обратимся къ употребленію другаго инструмента, который можно имѣть въ каждой рабочей сельскаго хозяина — къ *сахарометру*. Манипуляція опредѣленія помощью его состоитъ въ слѣдующемъ. Выжатый сокъ фильтруютъ чрезъ сухую пропускную бумагу и опредѣляютъ удѣльный вѣсъ его выраженный въ сахарометрическихъ процентахъ, потомъ отвѣшиваются 100 лотовъ сока и смѣшиваются съ 8 лотами густыхъ дрожжей. Полученное при этомъ измѣненіе удѣльнаго вѣса опредѣляется посредствомъ сахарометра на фильтрованной пробѣ. Потомъ даютъ продолжаться броженію въ закрытомъ сосудѣ, причемъ дрожжи нѣсколько разъ приводятся въ движеніе. Если сахарометръ впродолженіе 24-хъ часовъ не показываетъ никакой перемѣны, то берутъ пробу, трясутъ ее до-тѣхъ-поръ, пока отдѣлится вся угольная кислота, процѣживаютъ и опредѣляютъ по сахарометру. Полученные градусы замѣчаются и съ этими числами дѣлается слѣдующее вычисленіе.

Градусы сахарометра послѣ броженія вычитаются изъ градусовъ сахарометра прежде броженія. Остатокъ умножается на число (факторъ сахара), которое находится въ прилагаемой таблицѣ подлѣ градусовъ сахарометра прежде броженія. Произведеніе выражаетъ процентное содержаніе сахара въ жидкости, сахарометрически изслѣдованной. Но такъ-какъ сокъ нашъ былъ разжиженъ водой, заключающейся въ дрожжахъ, то мы должны полученный нами результатъ умножить еще на число, получаемое отъ раздѣленія сахарометрическаго процента прежде прибавленія дрожжей на сахарометрическій процентъ послѣ прибавленія дрожжей. Примѣръ можетъ объяснить это нагляднѣе.

| Градусы сахарометра прежде броженія. | Факторъ сахара. |
|---|---|
| 8 | 0,8027 |
| 9 | 0,8061 |
| 10 | 0,8101 |
| 11 | 0.8138 |
| 12 | 0,8176 |
| 13 | 0,8214 |
| 14 | 0,8253 |
| 15 | 0,8293 |
| 16 | 0,8333 |
| 17 | 0,8374 |
| 18 | 0,8415 |

Положимъ, что процѣженный сокъ показываетъ 15 градусовъ сахарометра. 100 лотовъ его, смѣшанные съ 8 лотами хорошо-промытыхъ

Digitized by Google

густыхъ дрожжей, даютъ, при испытаніи, 14 градусовъ сахарометра. По окончаніи броженія получается 2 градуса сахарометра; слѣдовательно разница 14—2=12 градусамъ. Факторъ, соотвѣтствующій 14 градусамъ по таблицѣ, есть 0,8253. Умноживъ его на разницу градусовъ, то-есть на 12, получаемъ 12+0,8253=9,9036 процентовъ въ изслѣдованной жидкости, разжиженной дрожжевою водою. Результатъ этотъ мы должны умножить еще на $^{15}/_{14}$, чтобы получить истинное процентное содержаніе выжатаго сока=10,60 проц.

Сдѣлавъ это нужное отступленіе, возвратимся снова къ отчету о сорго.

Жозефъ Доверингъ дѣлалъ изслѣдованіе сорго, выросшаго близъ Филадельфіи (39°, 56′ с. ш.). Растенія были выращены на хорошей, возвышенной почвѣ и росли рядами, въ четырехъ футахъ разстоянія другъ отъ друга. Каждое растеніе отстояло отъ другаго на семь дюймовъ. Когда растенія достигли 18 дюймовъ вышины, то всѣ боковые отпрыски ихъ были обломаны; нѣсколько позже, растенія были окучены, они вскорѣ очень поднялись и достигли отъ 12 до 14 футовъ.

Подобнымъ образомъ было выращено на акрѣ земли около 18,200 растеній, что, при переводѣ на прусскіе моргены, даетъ 11,500 стеблей на моргенъ.

Этотъ урожай, сравнительно съ полученнымъ Рейленомъ, гораздо меньше. Рейленъ для каждаго куста опредѣлилъ квадратный футъ пространства и такимъ образомъ на прусскомъ моргенѣ получилъ 26,000 растеній. Далѣе, Рейленъ оставлялъ на своихъ растеніяхъ боковые отпрыски, вслѣдствіе чего количество стеблей еще болѣе увеличилось, такъ-что съ прусскаго моргена получилось 102,000 стеблей отъ 5—8 футовъ вышины, и еще 18,000 стеблей отъ 2 — 5 футовъ вышины, вообще же по вѣсу 39,000 фунтовъ.

Изслѣдованіе сока еще зеленыхъ стеблей помощью поляризаціоннаго аппарата дало слѣдующіе результаты:

Отъ двухъ стеблей были взяты нижнія колѣнцы (отъ 8—9″ длины). Оба вѣсили 212,596 граммовъ; послѣ троекратнаго сжиманія ихъ, остался остатокъ въ 93,742 грамма, слѣдовательно, вытекшій сокъ вѣсилъ 148,216 граммовъ, что даетъ 69,7 процентовъ. Удѣльный вѣсъ былъ 1063.

Въ этомъ сокѣ, послѣ тщательнаго опредѣленія посредствомъ поляризаціоннаго аппарата, открыто 5008 процентовъ сухаго сахара, что даетъ 3,49 процентовъ сахара въ стеблѣ.

Вслѣдъ за этимъ испытаны были поляризаціоннымъ аппаратомъ вторыя колѣнца стебля и дали 5,57 проц. сахара въ сокѣ, то-есть нѣсколько-болѣе, нежели въ нижнихъ колѣнцахъ.

Недѣли черезъ четыре послѣ того, когда уже стебли созрѣли и были многіе морозы, сокъ снова былъ испытанъ и показалъ 7,29 проц. сахара.

Доверингомъ найдено также, что сокъ незрѣлыхъ стеблей былъ рѣшительно кислый, тогда-какъ сокъ зрѣлыхъ почти не окрашивалъ лак-



Digitized by Google

мусовой бумаги. Если сравнимъ этотъ результатъ съ тѣмъ, который былъ полученъ Джаксономъ, то дѣлается совершенно-неправдоподобнымъ, чтобъ найденный Ловерингомъ посредствомъ поляроскопа сахаръ (въ количествѣ 5 проц.) можно было принимать за тростниковый. Это предположеніе подтвердилось его же собственными дальнѣйшими опытами, во время которыхъ ему не удалось получить изъ кислаго сока кристаллическаго сахара. Изъ многихъ его опытовъ замѣчателенъ одинъ; онъ былъ сдѣланъ 17 ноября. Предшествующая погода была весьма-перемѣнна. Послѣ теплой лѣтней температуры съ частыми дождями наступили морозы и термометръ отъ $\times 12^1/_2$° R. упалъ до 7° R. Для опредѣленія вліянія этихъ перемѣнъ погоды и былъ сдѣланъ опытъ надъ только-что срѣзанными стеблями. Изъ такого количества, которое должно было дать 19—20 галлоновъ сока, получилось только $11^{15}/_{16}$ галлоновъ крѣпости въ 10° по Ботгеру, слѣдовательно почти на 37 проц. менѣе. Сокъ былъ кислѣе, пахучѣе и темнѣе, нежели при прежнихъ опытахъ; содержаніе сахара было тоже менѣе. Слѣдовательно, для отвращенія такого невыгоднаго вліянія погоды должно стебли срѣзывать по достиженіи ими зрѣлости и сохранять подъ крышей. Измѣняется ли содержаніе сахара въ зрѣлыхъ и высушенныхъ стебляхъ послѣ срѣзанія—можно видѣть изъ другаго опыта Хабиха: имъ были испытаны съ этою цѣлью въ апрѣлѣ прошлогодніе стебли сорго и въ результатѣ получилось, *что виноградного сахара нѣтъ и слѣдовъ.*

Обозрѣвая весь этотъ рядъ опытовъ, нельзя не повторить, что сахарному сорго предстоитъ блестящая будущность и что оно является опаснымъ конкуррентомъ свекловицѣ. Первое и важнѣйшее достоинство сорго заключается въ легкомъ высушиваніи его стеблей и неизмѣняемости, или, точнѣе сказать, неисчезаемости заключающагося въ нихъ сахара, что́ дѣлаетъ добываніе сахара независимымъ отъ времени жатвы.

Второе обстоятельство не менѣе важно: въ сорговомъ сокѣ количество солей, сравнительно съ количествомъ сахара, гораздо-менѣе, нежели въ свекловичномъ сокѣ. Ка́къ это важно при фабрикаціи сахара — извѣстно всякому. Слѣдующія числа подтвердятъ это, впрочемъ, всего лучше.

По изслѣдованію Джаксона, сорго содержитъ 1,66 растворимыхъ солей на 100 ч. сахара. Въ сахарномъ тростникѣ, по анализамъ Херри, заключается отъ 0,5 до 1,8 солей на 100 частей сахара, смотря по свойству почвы.

Свекловичный сокъ, по изслѣдованіямъ Гохштеттера, содержитъ 7,4 солей на 100 ч. сахара (при этомъ, само-собою разумѣется, берутся въ разсчетъ только растворимыя соли).

Это значительное различіе въ содержаніи солей, кромѣ важности своей для сахарныхъ фабрикантовъ, имѣетъ также особенное значеніе и для сельскихъ хозяевъ. При разведеніи свекловицы принимается вообще, что прусскій моргенъ долженъ доставить 160 центнеровъ урожая

Digitized by Google

длятого, чтобъ получился умѣренный доходъ. Сокъ этой свекловицы содержитъ 1600 фунтовъ сахара (считая по 10 проц.); такое же количество сахара можетъ доставить и сорго. Рейленъ получилъ вдвое болѣе. Если опредѣлять количество солей, заключающихся при этой пропорціи сахара, то получимъ для свекловицы

$$\frac{-1600 \times 7{,}4}{100} = 118 \text{ фунт. солей и}$$

$$\text{для сорго } \frac{-1600 \times 1{,}66}{100} = 27 \text{ фунт. солей.}$$

Такимъ-образомъ свекловица, для полученія одинаковаго количества сахара съ сорго, потребляетъ солей въ четыре раза болѣе, нежели сколько потребляетъ ихъ сорго, и соли эти, уносясь изъ почвы, переходятъ въ сахарный песокъ, вслѣдствіе чего сельскій хозяинъ, нежелающій довести своихъ полей до истощенія, долженъ возвратить эти соли почвѣ посредствомъ удобренія, и вслѣдствіе же этого очевидно, что того количества солей, котораго достаточно для одного урожая свекловицы, достаточно для трехъ жатвъ сорго, безъ особеннаго истощенія почвы.

Переносясь изъ Америки въ Европу, мы тоже находимъ много работъ, относящихся до изученія сорго въ различныхъ отношеніяхъ. Изъ нихъ особенно-замѣчательны изслѣдованія Леплайя надъ содержаніемъ сахара въ сорго. Въ прошедшемъ году устроены были на югѣ Франціи двѣ значительныя винокурни для добыванія спирта изъ сорго, на которыхъ менѣе нежели въ два мѣсяца обработано было около 1,300,000 килограммовъ сыраго матеріала. При этомъ было сдѣлано множество опытовъ надъ содержаніемъ количества сахара при разныхъ степеняхъ зрѣлости растенія. Результатомъ было и здѣсь то, что количество твердыхъ веществъ, получаемыхъ отъ сорго посредствомъ высушиванія, постепенно и довольно-правильно возрастаетъ, начиная отъ образованія цвѣточной метелки до созрѣванія сѣменъ, въ какой бы почвѣ ни расло сорго. Высушиваніе раздробленныхъ стеблей сорго производимо было въ аппаратѣ, разгоряченномъ кипящей водой. Вѣсъ остатка измѣнялся весьма-значительно при разныхъ сортахъ сорго.

Стебли, достигшіе зрѣлости, дали:

| | |
|---|---|
| воды . . . . . | 70—73 проц. |
| сухаго остатка . . . | 30—27 — |
| | 100—100 |

Стебли, недостигшіе зрѣлости, дали:

| | |
|---|---|
| воды . . . . . | 80—82 проц. |
| сухаго остатка . . . | 20—18 — |
| | 100—100 |

Для узнанія, сколько древесины заключаютъ въ себѣ эти остатки, сорговые стебли различныхъ степеней возраста были раздробляемы на

Digitized by Google

терке и получаемая масса крепко сдавливалась въ прессѣ для того, чтобъ извлечь малѣйшія части сока. Выжатый остатокъ былъ промываемъ сперва въ холодной, потомъ въ теплой и наконецъ въ кипящей водѣ, для отдѣленія всѣхъ растворимыхъ веществъ. Нерастворимое древесинное вещество, промытое такимъ образомъ, было высушено при 100° Ц. и дало сухаго остатка:

| | |
|---|---|
| Отъ сорго съ метелкой безъ сѣменъ. . . . . | 8,75 |
| — — — | 9,25 |
| Отъ сорго, у котораго сѣмена совершенно-созрѣли . | 9,00 |
| — — — | 9,80 |

Изъ этого результата видно, что количество нерастворимыхъ частей въ сорго находится въ количествѣ почти-постоянномъ и почти безъ вліянія на него степени зрѣлости сѣменъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что сорго заключаетъ въ себѣ процентовъ, по вѣсу:

| | | | |
|---|---|---|---|
| древесины, или нерастворимыхъ частей. . . | 9 | — | 10 |
| сока, или растворимыхъ частей . . . . . | 91 | — | 90 |
| | 100 | — | 100 |

Сравнивая эти числа съ тѣми, которыя получаются при высушиваніи сорго, мы видимъ, что твердое вещество, постоянно-возрастающее въ стебляхъ сорго, начиная отъ образованія сѣмени до его созрѣванія, увеличивается въ сокѣ, а не въ нерастворимыхъ частяхъ растенія.

Въ числѣ веществъ, растворимыхъ въ сокѣ находится много сахара, количество котораго опредѣляется образовавшимся отъ него при броженіи алкоголемъ.

Болѣе пятидесяти сравнительныхъ опытовъ, произведенныхъ Леплайемъ надъ количествомъ алкоголя, привели къ выводу, что когда сорговые стебли зелени и цвѣточная метелка еще не образовались или только-что образовались, то количество сахара въ нихъ въ высшей степени мало. Сахаръ же скопляется въ стебляхъ по-мѣрѣ-того, какъ идетъ впередъ развитіе растенія, и чѣмъ болѣе приближается сѣмя къ своему созрѣванію. Составъ стебля и содержаніе въ немъ сахара зависятъ совершенно отъ степени развитія растенія, а не отъ времени жатвы. Стебель, ненесущій цвѣточной метелки, имѣетъ одинаковый составъ, будетъ ли онъ взятъ въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ, или другомъ мѣсяцѣ, равно какъ и спѣлый стебель давалъ постоянно-высшее содержаніе сахара, въ какомъ бы мѣсяцѣ онъ ни былъ снятъ. Однакожь весьма-важно, чтобъ стебли не перестаивали времени своей зрѣлости, ибо перестоявшій стебель становится желтъ и теряетъ въ вѣсѣ и количествѣ сахара. Черноватое, еще неотвердѣвшее сѣмя, и стебель, сохранившій свой зеленый цвѣтъ, соотвѣтствуютъ наибольшему содержанію сахара.

Для изслѣдованія свойствъ сахара Леплай желалъ употребить Солейлевъ сахарометръ, или поляризаціонный аппаратъ. Но такъ-какъ этотъ инструментъ при изслѣдованіи смѣси разныхъ сахаровъ, можетъ ввести

Digitized by Google

въ ошибку вслѣдствіе различной вращательной способности этихъ сахаровъ, то Леплай долженъ былъ прежде удостовѣриться въ возможности употреблять этотъ инструментъ при опредѣленіи количества сахара, находящагося въ различныя эпохи развитія растенія и для того предпринять рядъ опытовъ для опредѣленія сахара въ выжатомъ сокѣ сахарометрическимъ путемъ и посредствомъ броженія сока.

Сравненіе чиселъ, полученныхъ при этихъ результатахъ, показало, что хотя сахарометръ и негоденъ для точнаго опредѣленія свойства и количества сахара, содержащагося въ сокѣ сорго, его употребленіе, однакожь, весьма-драгоцѣнно, какъ показываетъ слѣдующее обстоятельство, весьма-важное для будущности *сорго-сахарной* промышлености. Въ то время, когда сахарометръ показываетъ весьма-мало сахара или даже и совсѣмъ не показываетъ его въ сокѣ незрѣлаго сорго, помощью броженія можно его открыть въ количествѣ отъ 31 до 100 граммовъ на каждый литръ сока. По-мѣрѣ-того, какъ сѣмя приближается къ зрѣлости, плоскость вращенія поляризованнаго свѣта увеличивается вправо, такъ-что, наконецъ, когда сѣмя совершенно дозрѣетъ, то обозначеніе вращеніемъ вправо количества сахара бываетъ почти такое же, какое получается изъ сока посредствомъ броженія.

Изъ этого можно заключить, что сорго въ первое время своего развитія содержитъ такой сахаръ, который дѣйствуетъ въ поляризаціонномъ аппаратѣ то направо, то налѣво, или два рода сахара изъ которыхъ одинъ дѣйствуетъ направо, а другой налѣво въ такомъ отношеніи, что получается на сахарометрѣ 0°; далѣе, что сахаръ, который скопляется во время образованія и созрѣванія сѣмени въ стебляхъ, вращается направо и, слѣдовательно, имѣетъ всѣ характеристическія свойства кристаллическаго (тростниковаго) сахара.

Чтобъ убѣдиться, что показываемый поляризаціоннымъ аппаратомъ сахаръ дѣйствительно имѣетъ аналогію съ кристаллическимъ, употребленъ былъ, слѣдующій опытъ Дюбрёнфо. Обработывая ѣдкой солью сокъ сорго, о которомъ извѣстно, сколько онъ доставляетъ алкоголя, и подвергая смѣсь нѣсколько минутъ кипяченію, потомъ осредосоливая избытокъ натра и подвергая насыщенную жидкость броженію, мы получаемъ, что разность между избыткомъ алкоголя, получаемаго этимъ путемъ, и полученнымъ прежде обработки натромъ, есть указаніе количества алкоголя, соотвѣтствующаго кристаллическому сахару.

Эти опыты, повторенные часто, давали постоянно числа, выражающія бо́льшее количество кристаллическаго сахара, нежели какое показывалъ сахарометръ. Вслѣдствіе этого можно принять, что сорго, сѣмена котораго совершенно дозрѣли, содержитъ сахаръ почти-исключительно въ кристаллическомъ видѣ и въ такомъ отношеніи, которое превосходитъ 15 процентовъ своего вѣса.

Высохшее сорго сохраняется неопредѣленное время, вслѣдствіе чего фабрикація сахара можетъ быть растянута на цѣлый годъ. Высушива-

Digitized by Google

ніемъ теряетъ сорго 70 процентовъ своего вѣса, и такимъ-образомъ, при перевозкѣ, уменьшается на 70 проц. тяжести, что́ тоже весьма-важно въ экономическомъ отношеніи.

Въ-заключеніе скажемъ, что всѣ разнесшіеся слухи о вредѣ кормленія рогатаго скота сорговой травой оказались совершенно-неосновательными.

---

## УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.

**Новое сочиненіе объ этнографіи Австріи.—«Труды» русской миссіи въ Китаѣ въ переводѣ на нѣмецкій и англійскій языки.—Географико-статистическая энциклопедія Вильгельма Гофмана.—«Парижскія тайны» Еженя Сю въ переводѣ на еврейскій языкъ.—Образованіе въ Петербургѣ отдѣла московскихъ комитетовъ акклиматизаціи животныхъ и растеній.—Что́ должно содержаться въ зоологическомъ саду? Мнѣніе Исидора Жоффруа С.-Илера. — Кьюсскій ботаническій садъ.—Новый родъ сахара въ незрѣлыхъ бобахъ.—Новая ткань: пита. —Добываніе виннаго спирта изъ кактуса.—Паровыя пожарныя трубы. — Нормальный діапазонъ. — Приготовленіе искусственнымъ образомъ драгоцѣнныхъ камней.—Алмазы на Уралѣ.—Эвкласъ и сафиръ въ Уральскихъ Горахъ.—Астрономическія открытія въ прошломъ 1858 году. — Изслѣдованія Бюджа надъ наростаніемъ мышцъ.—Вліяніе глубокихъ и ускоренныхъ вдыханій на болѣзни сердца и лёгкихъ.—Беръ, членъ-корреспондентъ парижской академіи наукъ.— Новости по части философіи.**

Обращаемъ вниманіе читателей на сочиненіе: «Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie» v. K. von Czoernig, очень-недавно появившееся въ продажѣ. Это, безспорно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ послѣдняго времени по части этнографіи. Покамѣстъ вышло три тома; но этимъ сочиненіе еще не оканчивается. Къ нему приложены 4 карты: «Ethnographische Karten der Oesterreichischen Monarchie», въ масштабѣ 1 : 864000. Настоящій трудъ Чёрнига есть плодъ шестнанцатилѣтнихъ трудовъ. Авторъ не ограничился одной чисто-этнографической частью, но обратилъ большое вниманіе и на историко-этнографическую часть; по-крайней-мѣрѣ въ нынѣ-вышедшихъ томахъ историческая часть составляетъ болѣе $^2/_3$. Вотъ вкратцѣ содержаніе сочиненія. I-ый томъ, вопервыхъ, содержитъ общую часть всего труда, то-естъ краткое обозрѣніе исторіи народонаселенія Австріи и описаніе границъ языковъ, вмѣстѣ съ статистико-этнографическимъ указаніемъ на живущихъ внутри этихъ границъ народовъ; за общимъ описаніемъ слѣдуетъ спеціальное историко-этнографическое описаніе отдѣльныхъ земель, и сначала нѣмецкихъ, именно эрцгерцогства Австріи ниже Энца. Этимъ заканчивается I-е отдѣленіе перваго тома; второе еще не вышло. Во II и III томахъ содержатся историческіе очерки народныхъ племенъ въ Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Сербской Воеводинѣ, Банатѣ, Трансильваніи и Военной Границѣ. Здѣсь историческая часть обработана Хейфлеромъ (Haufler), причемъ особенное вниманіе было обращено на исторію нѣмецкихъ колоній въ этихъ земляхъ.

Digitized by Google

— «Труды» русской миссіи въ Китаѣ вышли въ переводѣ на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: «Arbeiten der Kaiserlichen russischen Gesandschaft zu Peking über China, sein Volk, seine Religion, seine Institutionen, sozialen Verhältnisse u. s. w. Aus dem russischen von Dr. Karl Abel und. E. A. Meilenburg.» Berlin, F Heinike, 1858 (2 тома). Вскорѣ долженъ явиться и англійскій переводъ «трудовъ».

— Изъ нововышедшихъ сочиненій по части географіи Россіи и смежныхъ съ нею земель особенно-замѣчательно «Denkwurdigkeiten einer Reise nach dem russischen America, nach Mikronesien und durch Kamtschatka» von L. H. v. Kittlitz (Gotha. 1858 года, два тома) и «Reise in den cilieischen Taurus über Tarsus» von Dr. Theodor Kotschy (Gotha, 1858). Къ послѣднему сочиненію предисловіе написано Карломъ Риттеромъ.

— Рекомендуемъ читателямъ географическо-статистическую энциклопедію Вильгельма Гофмана: «Enzyclopedie der Erde, Völker und Staatenkunde, eine geographisch-statistische Darstellung der Erdtheile, Länder, Meere, Inseln, Gebirge, Berge, Vorgebirge, Buchten, Häfen, Flüsse, Seen, Völker, Städte, Flecken, Dörfer, Bäder, Berg und Hüttenwerke, Leuchtthürme, Kanäle, Eisenbahnen u. s. w. nebst den geographischen-astronomischen Bestimmungen der Lage der Orte». Энциклопедія эта — очень-полезная настольная книга при чтеніи журналовъ, газетъ, книгъ. Она выходитъ выпусками и въ настоящее время доведена до буквы I. Всего вышло около 150 печатныхъ листовъ. Цѣна выпускамъ очень-умѣренная. Изданіе, въ отношеніи полноты, тщательности и добросовѣстности составленія отдѣльныхъ статей, хвалится нѣмецкими журналами.

— А вотъ довольно-любопытная въ своемъ родѣ новость. Въ иностранныхъ журналахъ пишутъ, что К. Шульманъ, авторъ многихъ дѣльныхъ трактатовъ о синайскихъ надписяхъ, о географіи Палестины и т. д, издаетъ въ Вильнѣ «Парижскія Тайны» Еженя Сю на еврейскомъ языкѣ.

— Въ послѣднемъ засѣданіи императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, бывшемъ 20 декабря 1858 года, читано было увѣдомленіе о пользѣ и необходимости составленія въ Санктпетербургѣ отдѣла московскихъ комитетовъ акклиматизаціи растеній и животныхъ. Предложеніе было подписано его высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ-старшимъ, покровителемъ комитета, и почетными членами: ея высочествомъ Великой Княгиней Александрой Петровной, его высочествомъ принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ, ея высочествомъ принцессой Терезіей, министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ, министромъ народнаго просвѣщенія Е. П.

Digitized by Google

Ковалевскимъ, гг. академиками Брантомъ и Веселовскимъ, гг. А. И. Левшинымъ, І. И. Ростовцевымъ, А. П. Заблоцкимъ, В. В. Долгорукимъ, Захаржевскимъ и нѣкоторыми другими. Нельзя сомнѣваться, что участіе такихъ особъ подвинетъ дѣло быстро впередъ и что въ скоромъ времени осуществятся проекты комитета: устройства въ Москвѣ зоологическаго сада, устройство въ Кіевѣ центральнаго помологическаго питомника, изданіе русской флоры, снаряженіе ученой экспедиціи на Амуръ и т. д.

Здѣсь же кстати упомянемъ, что комитетъ акклиматизаціи растеній издалъ уже, подъ редакціей своего директора Н. И. Анненкова, первый томъ записокъ. Въ составъ его вошло преимущественно описаніе садовъ русскихъ, какъ матеріалъ для исторіи успѣховъ акклиматизаціи у насъ. Изъ нихъ всего-болѣе интересенъ списокъ древесныхъ и кустарныхъ породъ, произрастающихъ въ Санктпербургѣ и его окрестностяхъ, составленный директоромъ императорскаго ботаническаго сада Регелемъ. Замѣчательна также небольшая статья академика Желѣзнова о разведеніи озимой пшеницы на сѣверѣ, изъ которой многіе, вѣроятно, съ удовольствіемъ узнаютъ, что въ Новгородской и Петербургской Губерніяхъ съ издавна разводится съ большимъ успѣхомъ прекрасный сортъ дорогаго хлѣба и, слѣдовательно, что нужна только просвѣщенная готовность улучшенія нашего сельскаго хозяйства. Укажемъ также на прекрасныя статьи А. Н. Муравьева, А. К. Греллія, фон-Граффа, Заруднаго и Гребнера.

— Читателямъ нашимъ, конечно, уже извѣстно изъ газетъ объ учрежденіи въ Парижѣ, въ Булонскомъ Лѣсу, зоологическаго сада, или сада для акклиматизаціи. Исидоръ Жоффруа С.-Илеръ во второмъ своемъ донесеніи объ этомъ учрежденіи опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ цѣль сада, чѣмъ онъ долженъ быть и что долженъ содержать. «Мы должны помѣстить (говоритъ онъ) въ стойлахъ, рядомъ съ нѣкоторыми образцовыми представителями нашихъ лучшихъ домашнихъ породъ, виды и расы чужеземные, акклиматизированные, или заслуживающіе быть акклиматизированными, какъ-то: яка, ангорскихъ и нубійскихъ козъ, барана изъ Караманіи, различныхъ оленей, ламу, кенгуру большую и т. п. Въ конурахъ и хлѣвахъ помѣстятся наиболѣе-замѣчательные расы собакъ, свиней, кроликовъ и другихъ грызуновъ; задніе дворы и птичники откроются для породъ куриныхъ и всякой живности, для птицъ земныхъ и водяныхъ, для птицъ, служащихъ для украшенія, роскоши и охоты, для какаду, казуара, страуса и т. п. Въ питомникѣ наряду съ обыкновенными шелковичными червями будутъ воспитываться и шелковичные черви, питающіеся дубовымъ листомъ и клещевиной, а также кошениль мехиканская, насѣкомое, дающее воскъ и т. п. Въ пчельникѣ будутъ выставлены замѣчательнѣйшія модели ульевъ и главнѣйшія породы пчелъ. Заведутся бассейны съ аппаратами для разведенія рыбъ и піявокъ, такъ-что каждому будетъ дана возможность из-

Digitized by Google

учить пріемы рыбоводства и піявководства, искусствъ еще малоизвѣстныхъ; поставятся акваріумы, въ которыхъ сквозь прозрачное стекло можно будетъ слѣдить за движеніями и жизнью морскихъ существъ. Наконецъ, въ зоологическомъ саду будутъ разводиться наиполезнѣйшіе и наикрасивѣйшіе растительные виды, вновь-введенные: сахарное сорго, иньямъ, лоца, деревья, дающія лакъ, сало и воскъ, бѣлую крапиву, маньчжурскіе дубы, китайскій и японскій рисъ, различныя питательныя растенія изъ Африки и Океаніи, дикій картофель изъ Новой Гренады и другія полезныя растенія будутъ окружены и украшены изящнѣйшими растеніями, вновь-пріобрѣтенными садоводами». Читатели согласятся, что основная мысль учрежденія вполнѣ-прекрасна и достойна нашего вѣка. Какъ не пожелать, чтобъ проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ подобнаго же зоологическаго сада осуществился въ возможно скоромъ времени!

— Кьюсскій ботаническій садъ въ окрестностяхъ Лондона издалъ отчетъ свой за 1857 годъ. Изъ него видно, что число посѣтителей сада съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ былъ открытъ для публики въ 1841 году, возрасло отъ 9174 до 361,978 человѣкъ. Пространство сада увеличилось въ это время отъ 14 акровъ до 72. Особенное вниманіе было обращено въ послѣднее время на украшеніе сада и улучшеніе оранжерей. Музей прикладной ботаники получаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе-и-болѣе развитія. Въ настоящее время онъ помѣщается въ двухъ зданіяхъ, заключающихъ 17,000 англійскихъ футовъ стеклянныхъ ящиковъ, назначенныхъ для сохраненія различныхъ предметовъ. Гербарій, библіотека и собраніе рисунковъ растеній увеличивается почти ежедневно. Важность ихъ видна уже изъ одного того, что въ послѣднее время ихъ изучали до 50 ученыхъ, какъ-то: Гризебахъ, Энгельманъ, Андерсонъ, Ниландеръ, Эрштетъ, Гарвей, Лау, Муръ, Линдлей, Коррей и др., издавшія впослѣдствіи болѣе или менѣе-важныя ботаническія сочиненія.

— Карлъ Танъ представилъ въ императорскую академію наукъ въ Вѣнѣ свои изслѣдованія надъ румицыномъ. Изъ нихъ видно, что химическій составъ румицына, полученнаго изъ корней rumex obtusifolius, или конскаго щавеля, въ видѣ кристаллизующихся золотожелтаго цвѣта иголъ, тождественъ съ хризофановой кислотой.

— Докторъ Фолль (Vohl) открылъ новый сортъ сахара въ незрѣлыхъ плодахъ обыкновенныхъ турецкихъ бобовъ. Сахаръ этотъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ маннитомъ, хотя во многомъ и отличается отъ него. Онъ неспособенъ къ броженію и дѣйствуетъ какъ слабительное.

— Промышленость съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ что-нибудь новаго изъ разнообразныхъ произведеній природы. Еще не очень-давно

Digitized by Google

введено было приготовленіе превосходныхъ полотниковъ и рогожекъ изъ волоконъ плода кокосовой пальмы, нынѣ распространившихся до такой степени, что ихъ можно найти почти вездѣ въ продажѣ.

Въ прошедшемъ году было обращено особенное вниманіе парижскаго общества акклиматизаціи на водвореніе въ Европѣ особаго рода крапивы urtica nivea, давно-извѣстной въ Китаѣ подъ именемъ Zo-za. Въ послѣднее время представлена была г-мъ Робине въ парижское общество сельскаго хозяйства превосходная ткань, сдѣланная изъ волоконъ ананаса и называемая *пита*, а у насъ г. генерал-губернаторъ Западной Сибири сообщилъ императорскому географическому обществу свѣдѣнія объ обработкѣ крапивы въ пряжу остяками Томской Губерніи. Крапива эта, извѣстная въ томъ краю подъ именемъ остяцкой конопли, растетъ во множествѣ на высокихъ мѣстахъ по всему нарымскому краю въ мелкомъ кустарномъ лѣсу, между рябины, шиповника, тальника и проч., также въ огородахъ, на пашняхъ и на старыхъ скотныхъ дворахъ. Дознано, что крапива, растущая на дикихъ мѣстахъ, по внутреннему достоинству, превосходитъ крапиву, растущую около жилья, на пашняхъ, въ огородахъ и скотныхъ дворахъ. Волокно первой бѣлѣе, крѣпче и мягче, а волокно послѣдней жостко, не такъ бѣло и мягко.

Инородцы обработываютъ крапиву такъ: по совершенномъ созрѣніи срываютъ крапивные стебли до корня, вяжутъ ихъ въ пучки и сушатъ на открытомъ воздухѣ; потомъ раскалываютъ стебель надвое и сдираютъ съ стебля, съ нижняго конца, волокно, которое бросаютъ въ воду, чтобъ сдѣлать содранныя пряди мягкими; затѣмъ берутъ ихъ изъ воды и сучатъ руками на ногѣ, приращивая одну къ другой, и такимъ-образомъ составляютъ нитку нужной величины, потомъ другую и впослѣдствіи уже веретеномъ сучатъ ихъ въ двѣ и три нитки.

Говорятъ, что если бы волокно крапивы обработывалось такъ же, какъ и волокно конопли, т. е. вымачивалось, очищалось и опрядывалось, то оно было бы болѣе, мягче и крѣпче.

Приготовленная описаннымъ способомъ пряжа извѣстна въ томъ краѣ подъ названіемъ *остяцкой конопли*, крѣпость и прочность которой превосходятъ обыкновенную коноплю. Остяки употребляютъ ее для вязки рыболовныхъ сѣтей, бичевокъ и нитокъ; при тщательной же обработкѣ можно изъ нея ткать и холстъ.

По всей вѣроятности это есть Urtica cannabinna, употребленіе которой для приготовленія волокна извѣстно съ давнихъ поръ въ Западной Сибири.

— Въ послѣднее время въ Греціи обращено вниманіе на добываніе спирта изъ плодовъ кактуса. Попытки эти со временемъ могутъ принять значительные размѣры. Кактусы, какъ извѣстно, разводятся очень легко, требуютъ почвы песчаной, могутъ обходиться безъ поливки и чрезъ нѣсколько лѣтъ разростаются до такой степени, что образуютъ

Digitized by Google

плантацію, совершенно-недоступную для домашнихъ животныхъ. Плоды кактусовъ употребляются на югѣ въ пищу, подъ именемъ индійской фиги.

Во Франціи въ то же время стали добывать особеннаго рода спиртную жидкость, похожую на яблочное вино, изъ стеблей подсолнечниковъ. Для этого стебли разрѣзываются на мелкія части, размачиваются двѣнадцать часовъ въ холодной водѣ и подвергаются выжиманію; это повторяется нѣсколько разъ и полученный вслѣдствіе этого сокъ приводятъ въ броженіе прибавкою дрожжей. — Въ «Scientific American Journal» пишутъ изъ Филадельфіи: «Нѣсколько дней назадъ, въ присутствіи большаго числа зрителей были дѣлаемы опыты надъ пожарными трубами, дѣйствующими при помощи пара: «Филадельфія», «Южная Американка», «Надежда». Результаты опытовъ были благопріятны для всѣхъ трехъ машинъ, но побѣда осталась на сторонѣ «Филадельфіи». Эта послѣдняя бросала струи воды въ 4 сантиметра (около вершка) въ діаметрѣ на вышину 70 метровъ (98 аршинъ); струя «Надежды» поднималась на 62 метра, а «Южной Американки» — на 62 метра».

Въ настоящее время въ Парижѣ, Лондонѣ и даже въ Санктпетербургѣ заняты проектомъ введенія въ употребленіе подобнаго рода пожарныхъ трубъ, дѣйствующихъ паромъ. Очень-желательно, чтобъ трубы были устроены такъ, чтобъ онѣ могли выкидывать не только воду, но, въ-случаѣ нужды, и паръ, ибо послѣдній, какъ дознано изъ опыта, во многихъ случаяхъ утушаетъ огонь лучше воды, напримѣръ при горѣніи сѣна, стружекъ и т. п. вещей.

— Уже издавна много хлопочутъ о введеніи во всеобщее употребленіе одинакихъ мѣръ длины, вѣса, одинакихъ монетъ и т. п. Теперь дѣло дошло и до музыкальной единицы. Французскій государственный министръ отдалъ слѣдующій приказъ: «Принимая во вниманіе, что возвышеніе, постепенно-возрастающее діапазона представляетъ неудобства, отъ которыхъ равно страждутъ и музыкальное искусство, и композиторы, артисты и фабриканты музыкальныхъ инструментовъ; принимая во вниманіе, что разность, существующая между діапазонами разныхъ странъ, разныхъ музыкальныхъ учрежденій и разныхъ торговыхъ домовъ, есть постоянный источникъ затрудненій для musique d'ensemble и для коммерческихъ сношеній, по представленію генеральнаго секретаря: 1) учреждается при министерствѣ коммиссія съ цѣлью изыскать средства установить во Франціи однообразный музыкальный діапазонъ, опредѣлить нормальную мѣру звука, которая могла бы служить неизмѣняемымъ типомъ и указать средства, которыя надлежитъ употребить, чтобъ упрочить всеобщее принятіе и сохраненіе этой нормальной мѣры; 2) эта коммиссія состоитъ изъ членовъ, которыхъ имена суть: Пелльтье, генеральный секретарь министерства, президентъ Оберъ, Берліозъ, Депретцъ, Дусе (Камиль), Галеви (Ф.),

Digitized by Google

Лиссажу, Мелюпе, дивизіонный генералъ,—Мейерберъ, Монне (Эдуардъ), Россини, Тома (Амвросій)».

— Въ возможности приготовлять драгоцѣнные камни, совершенно-тождественные съ натуральными, уже нельзя сомнѣваться послѣ недавнихъ опытовъ С. Кл. Девилля и Карона. Эти ученые приготовили искусственно: бѣлый корундъ, рубинъ (красно-фіолетовый), восточный сафиръ (голубой) зеленый корундъ, хризобериллъ (американскій) и т. д. Полученные минералы оказались совершенно-сходными съ натуральными какъ въ отношеніи химическаго состава, такъ и кристаллической формы цвѣта, блеска, игры и твердости. Что касается величины, то на первый разъ удалось получить бѣлый корундъ въ 1 сантиметръ (около $^1/_9$ вершка) длины, довольно-значительной ширины, но толщины, сравнительно, небольшой. Способъ, при помощи котораго С. Кл. Девилль и Каронъ приготовляютъ искусственные минералы, подробно описанъ въ «Comptes Rendus», 1858, XLVI, pp. 764 — 768. Послѣ такихъ блестящихъ опытовъ нельзя уже отчаяваться въ возможности приготовлять брильянты, до тождества подобные натуральнымъ.

— Кстати о брильянтахъ. Лѣтъ двадцать или тридцать назадъ, А. Гумбольдтъ, на основаніи нѣкоторыхъ геологическихъ соображеній, утверждалъ, что на Уралѣ должны находиться алмазы. Въ бытность на Уралѣ А. Гумбольдта дѣйствительно было открыто нѣсколько алмазовъ; но такъ-какъ впослѣдствіи о нихъ не было слышно, то это и послужило поводомъ къ разнымъ неблаговиднымъ толкамъ относительно дѣйствительности открытія А. Гумбольдта. Въ настоящее время всѣ подобные толки должны прекратиться. Изъ «Горнаго Журнала» узнаемъ, что на крестовоздвиженскихъ золотыхъ промыслахъ княгини Бутера-Радали, въ пріискахъ адольфскомъ и крестовоздвиженскомъ, съ 1830 года почти ежегодно были находимы алмазы, хотя и не въ большомъ числѣ и незначительной величины. Наиболѣе значительныя находки сдѣланы: въ 1830 г. 26 алмазовъ, вѣсомъ (въ совокупности) въ $14^3/_8$ карата, въ 1831 году 8 алмазовъ вѣсомъ $3^9/_{32}$ карата, въ 1832 году 6 алмазовъ, вѣсомъ въ $1^{11}/_{16}$ карата, въ 1847 году 11 алмазовъ, вѣсомъ въ $6^{15}/_{64}$ карата, въ 1851 году 19 алмазовъ въ $4^3/_4$ карата, въ 1854 и 1855 по 8 алмазовъ, вѣсомъ въ $2^3/_8$ и $4^5/_{16}$, въ 1857 году 9 алмазовъ, вѣсомъ $4^1/_2$. Но самыя замѣчательныя находки сдѣланы въ прошломъ году: съ начала года по 19 іюля найдено всего 191 алмазъ, вѣсомъ въ $59^1/_2$ карата. Два самые большіе изъ уральскихъ алмазовъ вѣсомъ $2^3/_{16}$ и $2^{15}/_{32}$. Горный инженер-капитанъ Дорошинъ говоритъ о видѣнныхъ имъ восьми алмазахъ (изъ числа найденныхъ въ прошломъ году), что они безцвѣтны, прозрачны и не имѣютъ тусклой коры, въ которую одѣты бразильскіе алмазы. Послѣ всего сказаннаго можно надѣяться, что современемъ на Уралѣ найдутся

Digitized by Google

богатыя алмазныя копи. Чѣмъ болѣе изучается Уралъ, тѣмъ пункты сближенія между нѣкоторыми мѣстностями уральскими и областью Бразиліи, доставляющею алмазы, умножаются. Такъ въ прошломъ году нашъ извѣстный минералогъ Н. Кокшаровъ между минералами, вымытыми изъ песковъ розсыпи купца Бакакина и другихъ, поблизости ея лежащихъ (въ Южномъ Уралѣ, въ дачахъ оренбургскаго казачьяго войска, въ окрестностяхъ рѣкъ Каменки и Санарки) нашелъ три прекрасные кристалла эвклаза, минерала очень-рѣдкаго и доселѣ не встрѣчавшагося на европейско-азіатскомъ материкѣ. Говоря о минералогическихъ открытіяхъ въ Россіи, сдѣланныхъ въ послѣднее время на Уралѣ, нельзя не упомянуть и о сафирѣ, найденномъ въ іюнѣ прошлаго года на верхотурскихъ пріискахъ.

— Въ прошломъ 1858 году открыто пять новыхъ планетъ, именно: Европа (52 ая по счету), Гольдшмидтомъ въ Парижѣ 4-го февраля, Калипсо (53) Лутеромъ въ Билкѣ, (близь Дюссельдорфа), 4-го апрѣля; Александра (54) Гольдшмидтомъ въ Парижѣ 10 сентября, планета (55) Сирлемъ въ Албани (Сѣв. Америка) на обсерваторіи Дудлея 10-го же сентября; планета (56) Гольдшмидтомъ (и Шубертомъ) 9-го сентября 1857 года. Двѣ послѣднія еще не получили именъ. Читателей, конечно, удивляетъ, что къ числу открытій 1858 причисляется планета (56), усмотрѣнная 9-го сентября 1857 года. Вотъ какъ это произошло. Гольдшмидтъ 9-го сентября 1857 года увидѣлъ одну маленькую планету, которую принялъ за Дафну (41). Въ недавнее время астрономъ Эрнстъ Шубертъ, при помощи вычисленій, открылъ ошибку Гольдшмидта и показалъ, что усмотрѣнная этимъ послѣднимъ планета есть планета совершенно-новая. Такимъ-то образомъ открытіе 1857 года попало въ 1858 годъ.

Итакъ въ настоящую минуту извѣстно 56 малыхъ планетъ-астероидъ. До 1801 года такихъ планетъ не знали.

| | | | |
|---|---|---|---|
| Въ 1801 | году | открыта | 1 (и вмѣстѣ первая). |
| — 1802 | — | — | 1. |
| — 1804 | — | — | 1. |
| — 1807 | — | — | 1. |
| — 1845 | — | — | 1. |
| — 1847 | — | — | 3. |
| — 1848 | — | — | 1. |
| — 1849 | — | — | 1. |
| — 1850 | — | — | 3. |
| — 1851 | — | — | 2. |
| — 1852 | — | — | 8. |
| — 1853 | — | — | 4. |
| — 1854 | — | — | 7. |

Digitized by Google

| | | | |
|---|---|---|---|
| Въ 1855 | году | открыто | 3. |
| — 1856 | — | — | 5. |
| — 1857 | — | — | 8. |
| — 1858 | — | — | 5. |

Любопытна также и слѣдующая таблица:

| | | | |
|---|---|---|---|
| Гольдшмидтъ | старыхъ | 12 | планетъ. |
| Гиндъ | — | 10 | — |
| Лутеръ | — | 7 | — |
| Гаспарисъ | — | 7 | — |
| Шакорнакъ | — | 5 | — |
| Погюнъ | — | 3 | — |
| Генке, Фергусонъ и Ольберъ по | — | 2 | — |
| Піацци, Гардингъ, Грагамъ, Мартъ, Лорисъ и Сирлъ по | — | 1 | — |

Новыхъ кометъ усмотрѣно въ прошломъ году шесть, именно: 1) Брунсомъ въ Берлинѣ 11-го января, 2) Винекке въ Боннѣ 28-го марта, 3) Бондомъ въ Кембриджѣ (Сѣв. Америка) 2-го мая, 4) Клинкерфуссомъ въ Берлинѣ 21-го мая, 5) Донати во Флоренціи 2-го іюня, 6) Горасомъ Тутлемъ въ Кембриджѣ 5-го сентября. Самая замѣчательная изъ кометъ по сильному блеску и огромному хвосту — комета Донати.

«Я нашелъ способъ (говоритъ Бюдрсъ въ запискѣ, представленной въ парижскую академію наукъ) раздѣлять мышцу на тончайшія ее составляющія фибры такъ, что можно ихъ всѣ перечесть. При этомъ разложеніи они остаются цѣлы и невредимы» Азотная кислота и хлористая сода—два химическіе дѣятеля, посредствомъ которыхъ ему удалось уничтожить клѣтчатку между фибрами мускула, нисколько не нарушая ихъ собственной цѣлости.

Мускулъ опускается въ жидкость, въ смѣсь изъ двухъ вышеупомянутыхъ веществъ на 24 часа; послѣ достаточно легкаго давленія, чтобъ отдѣлить фибры одну отъ другой, можно перечесть всѣ фибры, съ самой крупной до самой мелкой.

Ка́къ растетъ мышца въ продолженіе жизни животнаго? увеличивается ли число фибръ, или оно остается одно и то же впродолженіе всей жизни, а всякая фибра дѣлается только толще?—вотъ вопросы, которые задалъ себѣ г. Бюджъ. Опыты его надъ лягушками показали, что число фибръ увеличивается, что новыя наростаютъ по мѣрѣ увеличенія роста самого животнаго. У лягушки длиною 13 мм. можно было сосчитать въ одномъ изъ мускуловъ 1053 фибры, у другой же длиною 80 мм., ихъ было 5711. Мышцы растутъ, слѣдовательно, черезъ утол-

Digitized by Google

щеніе самыхъ фибръ, какъ это показали микроскопическія наблюденія, и черезъ приращеніе новыхъ, образующихся впродолженіе жизни животнаго. Питаніе и недостатокъ его имѣютъ ли вліяніе на количество и на объемъ фибръ? Для рѣшенія этого вопроса Бюджъ взялъ двѣ лягушки; одну изъ нихъ онъ убилъ тотчасъ; другую, спустя три съ половиною мѣсяца, впродолженіе которыхъ она ничего не ѣла. Впослѣдствіи онъ измѣрилъ ширину и число фибръ одного и того же мускула у каждой лягушки. У первой насчитано 4462, у второй только 3664; сверхъ-того, фибры первой были несравненно-толще, нежели второй; у послѣдней они были необыкновенно-тонки, количество и толщина фибръ, слѣдовательно, уменьшается по мѣрѣ недостатка питанія.

— Піорри въ запискѣ, читанной имъ въ засѣданіи парижской академіи, 2 ноября 1858 года, говоритъ, что имѣетъ средство съ точностью опредѣлить какъ толщину сердца, такъ и глубину, на которой оно находится въ грудной полости; равнымъ образомъ онъ можетъ опредѣлить, на сколько лёгкое отодвинуло сердце отъ грудной стѣнки. Для этого онъ употребляетъ плессиметръ. Налагая его на различныя части груди, обозначая всѣ нужныя мѣста чернилами и сравнивая получаемыя фигуры между собою, легко составить себѣ понятіе объ объемѣ и величинѣ сердца. Такимъ же образомъ можно опредѣлить толщину стѣнокъ лѣваго желудочка и количество крови, содержащейся въ немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, жидкости менѣе растяжимы, нежели твердыя части, почему, при постукиваніи, получаемъ тупой звукъ (matité). При постукиваніи твердыхъ частей мы получаемъ, наоборотъ, звукъ ясный. Стѣнки сердца тверды, а содержимая ими кровь—жидкость: вотъ почему становится легко опредѣлить границы между мышечными фибрами сердца и соприкасающейся съ ними кровью. Это открытіе имѣетъ важное приложеніе въ практикѣ, при опредѣленіи нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояній: расширенія, увеличенія объема сердца (гипертрофіи) и т. д. Піорри замѣтилъ при различныхъ изысканіяхъ, что всякое затрудненіе въ дыханіи, всякое препятствіе въ кровообращеніи въ лёгкомъ влечетъ за собою значительное расширеніе праваго предсердія. Чѣмъ болѣе было расширеніе, тѣмъ болѣе и затруднено дыханіе. Наблюдая подобное увеличеніе объема сердца, расширеніе его, при наполненіи лёгкихъ слизью, словомъ, при затрудненіи дыханія, Піорри пришелъ къ заключенію, что точно такія же явленія можно произвести искусственно, заставляя человѣка здороваго удерживать нѣкоторое время дыханіе. Опытъ вполнѣ подтвердилъ его умозаключеніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, если заставить человѣка задержать дыханіе на полминуты, то правое предсердіе расширяется, діаметръ его увеличивается на два, на три сантиметра; то же самое явленіе происходитъ въ лѣвыхъ полостяхъ сердца, только нѣсколько позже. Если же, наоборотъ, послѣ задержанія дыханія заставить сдѣлать нѣсколько глубокихъ вдыханій, то сердце, расширенное сначала при

Digitized by Google

задержанія, принимаетъ нормальные размѣры, даже уменьшается на нѣсколько сантиметровъ въ своихъ размѣрахъ.

Разнообразя свои опыты, Піорри подмѣтилъ другое явленіе со стороны сердца при уменьшеніи дыханія или при увеличеніи его. Кромѣ-того, что сердце увеличивается въ объемѣ, оно измѣняетъ нѣсколько свое положеніе при задержаніи дыханія; та же самая передвижка сердца происходитъ при усиленныхъ и глубокихъ вдыханіяхъ, только въ противоположную сторону. «У людей худощавыхъ съ узкою грудью (говоритъ Піорри), которыхъ сердце бьется съ значительною силою, легко можно опредѣлить посредствомъ зрѣнія и осязанія мѣсто, соотвѣтствующее верхушкѣ лѣваго желудка». Если заставить такихъ субъектовъ сдѣлать нѣсколько глубокихъ вдыханій, или, напротивъ, заставить задержать на нѣкоторое время дыханіе, то всякій разъ можно замѣтить перемѣщеніе вышеупомянутаго мѣста то въ ту, то въ другую сторону. Если сдѣлано глубокое вдыханіе, сердце отодвигается нѣсколько во внутрь; если дыханіе задержано, то въ противоположную сторону на два или на три сантиметра. Знаніе подобныхъ явленій неоспоримо, чрезвычайно-важно въ приложеніи къ медицинской практикѣ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Піорри показалъ такую же зависимость печени отъ лёгкаго: тѣ же самыя явленія происходятъ въ этомъ органѣ, какъ и въ сердцѣ, при ускореніи или замедленіи дыханія. Что касается селезенки, то этотъ органъ, по наблюденіямъ Піорри, находится въ совершенной независимости отъ дыханія. Замѣтивъ эту разницу между печенью и селезенкою, Піорри заключилъ, что послѣдній органъ находится внѣ всякой зависимости отъ большаго кровообращенія. Явленія со стороны сердца, подмѣченныя Піорри, какъ мы уже замѣтили, очень-важны въ примѣненіи къ практикѣ. Въ выводахъ изъ своихъ наблюденій Піорри приходитъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, относящимся къ леченію болѣзней тѣхъ органовъ, въ которыхъ замѣтно измѣненіе при дыханіи. Если сердце расширено, то прямое показаніе усилить дыханіе, сдѣлать его болѣе-полнымъ, потому-что при усиленномъ и глубокомъ вдыханіи сердце уменьшается въ объемѣ. Піорри увѣряетъ, что люди, страдающіе расширеніемъ сердца, получали значительное облегченіе, когда они дѣлали глубокое вдыханіе. Наблюденіе надъ сердцемъ, по мнѣнію Піорри, можетъ служить вѣрнымъ средствомъ для правильной діагностики болѣзни. Если сердце расширено, но не гипертрофировано (увеличено въ матеріальномъ отношеніи частицъ), то глубокое вдыханіе тотчасъ уменьшаетъ размѣръ сердца; при гипертрофіи же истинной глубокое вдыханіе не вызываетъ уменьшенія сердца. Осложняющія расширеніе сердца болѣзненныя состоянія, напримѣръ, сывороточное выпотѣніе въ брюшинѣ, или въ сердечной сумочкѣ, могутъ уменьшаться или даже совершенно исчезать отъ усиленныхъ глубокихъ вдыханій. Многія болѣзни печени, независящія отъ органическаго расширенія, могутъ быть если не совершенно излечены, то по-крайней-мѣрѣ значительно уменьшены глубокими вдыханіями.

Digitized by Google

Въ своихъ выводахъ Піорри, можетъ-быть, нѣсколько увлекается, но нельзя не сознаться въ томъ, что его открытіе можетъ считаться важнымъ пріобрѣтеніемъ для медицины.

— Хотя современный періодъ очень-мало расположенъ къ философскимъ занятіямъ, тѣмъ не менѣе въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій по этому предмету, какъ во Франціи, такъ и въ Германіи. Нѣкоторые изъ этихъ сочиненій уже получены здѣсь, о другихъ можно судить только по журнальнымъ отзывамъ, или даже по именамъ авторовъ, извѣстныхъ своимъ прежнимъ направленіемъ. Такъ замѣчателенъ второй томъ сочиненія Бунзена: *Богъ въ исторіи* (Gott in der Geschichte)—результатъ глубокой учености и теплаго религіознаго настроенія духа автора, издающаго въ то же время свою «Библію для всѣхъ». Можно не соглашаться съ направленіемъ автора, но нельзя его не уважать. Это сочиненіе, когда выйдетъ вполнѣ (оно должно состоять изъ четырехъ томовъ), составитъ противоположный полюсъ фейербаховой ѳеогоніи, вышедшей въ 1857 г. Въ связи съ этимъ можно упомянуть и о восторженной брошюрѣ Планка: *Посмертныя сочиненія Шеллинга* (Schelling nachgelassene Werke), такъ-какъ послѣднія принадлежатъ философіи религіи. Сюда же относится брошюра Плассмана противъ Ренана, Литре и другихъ его единомышленниковъ: *Французскіе Штраусы* (Les Strauss français). Въ послѣдніе мѣсяцы борьба «за душу», какъ выразился Вагнеръ, въ Германіи нѣсколько ослабѣла. Имѣя въ виду скоро говорить о ней подробнѣе, мы на ней не остановимся.

Во Франціи вышло нѣсколько брошюръ, относящихся къ психологіи и духовной физіологіи, къ положительной философіи и философіи природы. Иныя изъ нихъ не новы, но появились новымъ, дополненнымъ изданіемъ, какъ: *Алхимія и Алхимики* (L'Alchimie et les Alchimistes) Фигье, *Френологія* Лелю (Lelut), извѣстнаго автора «Демона Сократа», «Амулета Паскаля» и замѣчательныхъ «Записокъ о физіологіи мысли», представленныхъ въ 1855 и въ 1857 годахъ въ парижскую академію нравственныхъ и политическихъ наукъ. Онъ готовитъ обширное сочиненіе по этому предмету. Послѣдователи Огюста Конта представили сжатый выводъ своего ученія въ сочиненіи Лормана: *Общій обзоръ ученія положительной философіи* (Aperçus generaux de la doctrine positiviste). Объ этомъ предметѣ помѣщена въ 1858 г. интересная статья въ «Вестминстерскомъ Обозрѣніи». Въ связи съ этимъ упомянемъ и о новомъ сочиненіи Булье: *Единство мыслящей души и жизненнаго начала* (Unité de l'ame pensante et du principe vital).

Къ историко-философскимъ сочиненіямъ относятся: *Картина успѣховъ человѣческой мысли отъ Ѳалеса до Лейбница*, Нуррмана (Tableau des progrès de la pensée humaine depuis Thalès jusqu'à



Digitized by Google

Leibnitz), *Исторія нравственной и политической философіи*, Жуэ (Histoire de la philosophie morale et politique), и нѣсколько монографій, изъ которыхъ замѣтимъ изящную рѣчь Куно Фишера: *Шиллеръ какъ философъ* (Schiller als Philosoph), какъ-бы продолженіе рѣчи, читанной въ 1857 году: «Признанія Шиллера». Труды Фишера теперь привели его къ разбору философіи Канта; нѣтъ сомнѣнія, что этотъ трудъ будетъ весьма-замѣчателенъ.

— Въ засѣданіи 20 декабря парижской академіи наукъ избранъ (большинствомъ 46 голосовъ противъ 1, въ члены-корреспонденты академіи по отдѣлу зоологіи и сравнительной анатоміи нашъ извѣстный ученый г. Бэръ. Въ настоящее время изъ русскихъ членами корреспондентами академіи состоятъ: г. Остроградскій (по геометріи), Струве (по астрономіи), Анатолій Демидовъ и адмиралъ Врангель (по географіи и мореплаванію).

Digitized by Google

# СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

---

**Правительственныя распоряженія.—Очеркъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за 1858 годъ. — Засѣданія ученыхъ и экономическихъ обществъ: географическаго, московскаго сельскаго хозяйства и его комитетовъ, комитетъ для распространенія грамотности въ Россіи. — Общество морскихъ врачей въ Петербургѣ: цѣль его занятій и ожидаемая польза. — Крестьяне-собственники: первыя мѣры правительства къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ». — Пожертвованія со стороны городскихъ обществъ. — Торговля чаемъ и чайная контрабанда. — Общество Волжско-донской желѣзной дороги: отчетъ учредителей; рѣчь г. Погодина и избраніе директоровъ.—Новости Петербурга: памятникъ В. А. Жуковскому; окончаніе перестройки петропавловскаго шпица, новыя правила о починкѣ петербургскихъ мостовыхъ; развалившійся новый домъ; публичныя чтенія о естественныхъ наукахъ и лекціи о музыкѣ; продолженіе дебютовъ г. Айра Ольдриджа; г. Самойловъ въ роли короля Лира; новости русской и французской сценъ.**

**Правительственныя распоряженія.** — Изъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго времени занесемъ въ нашу хронику слѣдующія, изданныя по министерству финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и главному управленію путей сообщенія.

Для бо́льшаго развитія частнаго солянаго промысла въ Крыму, дозволено допустить частныхъ лицъ къ добычѣ соли изъ тамошнихъ казенныхъ озеръ, съ уплатою за право такой добычи по одной копейкѣ съ пуда, при вывозѣ изъ Крыма—установляемаго ежегодными расписаніями акциза. По мѣрѣ же усиленія разработки соли частными лицами, уменьшать добываніе соли казеннымъ распоряженіемъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ министерство финансовъ имѣло неослабное попеченіе о постоянномъ содержани казенныхъ соляныхъ запасовъ въ такомъ размѣрѣ, который былъ бы достаточенъ какъ для обезпеченія народнаго продовольствія, на случай временно-бывающей несадки соли на крымскихъ озерахъ, такъ и для отвращенія могущей быть въ этомъ дѣлѣ монополіи.

Сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ таможенномъ уставѣ. Такъ при перевозкѣ товаровъ на русскихъ судахъ изъ одного русскаго порта



Digitized by Google

въ другой, съ хозяевъ не берется въ таможняхъ обязательствъ на доставленіе изъ другаго порта оборотнаго свидѣтельства о привозѣ товаровъ по назначенію. Но если окажется, что часть товара, нагруженнаго въ одной таможнѣ, не доставлена въ другую и хозяинъ не представитъ законнаго въ томъ оправданія, то подвергается взысканію, количество котораго зависитъ отъ того: вовсе ли запрещенъ недостающій товаръ къ вывозу за границу, или дозволенъ только съ уплатою пошлинъ.

Кромѣ-того, положено взыскивать пошлины съ экипажей, привозимыхъ изъ-за границы пассажирами моремъ или по желѣзнымъ дорогамъ, съ тѣмъ, однако же, что если пассажиръ пожелаетъ, съ оплаченнымъ на семъ основаніи пошлиною экипажемъ выѣхать обратно за границу, то пошлина возвращается при выѣздѣ туда, по предъявленіи выданной изъ таможни квитанціи.

Преимущество французскихъ подданныхъ, которые, по трактату 2 (14) іюня 1857 года, освобождены отъ установленныхъ въ пользу столичныхъ городовъ сборовъ: съ иностранныхъ гостей по одному проценту съ рубля объявленнаго капитала и съ заѣзжихъ купцовъ, живушихъ въ качествѣ неторгующихъ иностранцевъ, но имѣющихъ въ городѣ недвижимую собственность — по 57 р. 14 к. сер. въ годъ — освобожденіе отъ этихъ сборовъ, вслѣдствіе ходатайства уполномоченныхъ прусскаго и сардинскаго правительствъ, распространено и на подданныхъ этихъ державъ. Такая льгота, прибавимъ мы, наноситъ, впрочемъ, самый незначительный ущербъ городской казнѣ. Въ Петербургѣ, по-крайней-мѣрѣ, доходъ съ иностранцевъ всѣхъ націй, владѣющихъ недвижимою собственностью, по городскимъ росписямъ, предполагался обыкновенно до 4,000 р., а съ иностранныхъ гостей сборъ простирался до 4,500 р. Въ Москвѣ должно полагать цифры эти еще незначительнѣе.

По представленію министра внутреннихъ дѣлъ увеличенъ размѣръ кормовыхъ денегъ пересыльнымъ арестантамъ. На прокормленіе ихъ (безъ различія вѣдомствъ) во время пересылки будутъ отпускаемы изъ казенныхъ палатъ деньги по каждой губерніи въ томъ количествѣ, какое назначается по табели, ежегодно-составляемой при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для арестантовъ, въ мѣстахъ заключенія, впредь до пониженія цѣнъ на съѣстные припасы, а по три съ половиною копейки, назначаемыя согласно существующимъ постановленіямъ, велѣно отпускать только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ для арестантовъ, содержащихся подъ стражею, назначено меньше.

По вѣдомству путей сообщенія изданы слѣдующія постановленія: по всѣмъ вообще водянымъ системамъ сообщенія и судоходнымъ рѣкамъ каждое судно должно имѣть на кормѣ и бокахъ означеніе мѣры осадки, съ раздѣленіемъ на четверти и вершки, съ тѣмъ, чтобъ линіи осадки были означаемы не только краскою, но выжигомъ на суднѣ. Этому способу повѣрки, называемому *рѣйкою*, подчиняются, при самой постройкѣ, всѣ суда и лодки разныхъ наименованій, назначаемыя собственно для перевозки тяжести и имѣющія осадку съ грузомъ не менѣе десяти вершковъ.

Digitized by Google

Кромѣ-того, высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено: начальникамъ округовъ путей сообщенія, а также начальнику николаевской желѣзной дороги, въ дѣлахъ уголовныхъ о подвѣдомственныхъ имъ нижнихъ чинахъ предоставить власть, которою, по силѣ военно-уголовнаго устава, пользуются начальники дивизій въ арміи, а для производства военно-уголовныхъ дѣлъ въ управленіи николаевской желѣзной дороги имѣть аудитора.

**Очеркъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за 1858 годъ —** Современная хроника, слѣдя за жизнію нашего отечества во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ свое время сообщила обо всемъ замѣчательномъ въ этой жизни за минувшій 1858 годъ. Въ дополненіе такого обозрѣнія считаемъ нелишнимъ бросить бѣглый взглядъ на наши военныя дѣйствія на Кавказѣ въ-теченіе того же времени.

Прежде нежели приступимъ къ описанію рельзультатовъ, дѣйствій на Кавказѣ за прошлый годъ, скажемъ нѣсколько словъ о самой системѣ дѣйствій. Система эта состоитъ въ томъ, что войска наши прежде всего стараются прочно утвердиться на плоскостяхъ, прилегающихъ къ горамъ, и такимъ образомъ, постепенно стѣсняя непокоренныя племена, заставлять ихъ или переселяться на равнинныя пространства, или удаляться въ нѣдра горъ, гдѣ они должны будутъ терпѣть во всемъ недостатокъ и нужду. Для прочнаго утвержденія на плоскости строятся укрѣпленія, болѣе или менѣе сильныя; затѣмъ тотчасъ же обезпечивается сообщеніе новаго укрѣпленія какъ съ линіею, такъ и съ другими укрѣпленіями, что достигается посредствомъ просѣкъ и разработки дорогъ. Когда такимъ образомъ будетъ окончено утвержденіе на плоскости, то укрѣпленія эти, въ свою очередь, начинаютъ служить намъ опорными пунктами для дальнѣйшаго наступленія въ самыя горы.

Съ этою-то цѣлью еще въ концѣ 1857 года возведены были на правомъ крылѣ укрѣпленія Мостовое—Суровское, Нижне-Адагумское и начато Майкопское, обезпечивающее линію по р. Бѣлой, а на лѣвомъ крылѣ два большія укрѣпленія: Аухъ и Буртунай.

На основаніи общаго плана дѣйствій и занятій въ прошломъ году, почти всѣ силы праваго крыла распредѣлены были по отрядамъ для работъ. Эти работы, входящія въ общую систему нашихъ дѣйствій для постепеннаго занятія всего края за Кубанью до самыхъ горъ, начаты съ первыхъ чиселъ мая и продолжались весьма-успѣшно, несмотря на всѣ усилія враждебныхъ горскихъ племенъ мѣшать ходу нашихъ предпріятій.

30-го апрѣля собранный у Нижне-Адагумскаго Укрѣпленія отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Филиппсона, двинулся вверхъ по долинѣ Адагума и расположился на урочищѣ, извѣстномъ подъ именемъ Калабатовой Могилы, гдѣ было предположено водворить штаб-квартиру крымскаго пѣхотнаго полка. Мѣсто это избрано, по своему возвышенному положенію, на берегу рѣки Адагума, и, по свойствамъ окрестной мѣстности, представляетъ самыя благопріятныя для здоровья людей условія.

Digitized by Google

Послѣ предварительной расчистки мѣста отъ кустарника, 3-го мая совершено было молебствіе и 24 пушечными выстрѣлами возвѣщено горцамъ о заложеніи укрѣпленія. На другой же день лагерное мѣсто было обнесено сильною засѣкою, а 5-го числа приступлено къ самой постройкѣ. Съ 6 мая по 16 іюня отрядъ занимался весьма-дѣятельно заготовленіемъ для возводимаго укрѣпленія строительныхъ матеріаловъ, и приступивъ къ самой постройкѣ, долженъ былъ весьма-часто отражать нападенія горцевъ. Во второй половинѣ іюля получено было извѣстіе о намѣреніи абадзеховъ напасть на лабинскую линію. Вслѣдствіе этого рѣшено было потревожить горцевъ въ ихъ собственныхъ домахъ длятого, чтобъ отвлечь ихъ отъ такого предпріятія. Съ этою цѣлью произведенъ былъ нашими войсками поискъ вверхъ по долинѣ Куржипса, притомъ столь неожиданно и быстро, что войска наши успѣли захватить у непріятеля до 500 штукъ рогатаго скота. Этимъ и ограничилось дѣйствіе адагумскаго отряда.

Майкопское Укрѣпленіе, какъ уже было сказано, начатое еще въ прошломъ году, назначено для штаб-квартиры кубанскаго полка. Освятивъ мѣсто, избранное для укрѣпленія, и заложивъ храмъ во имя чудотворца Николая, войска наши, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта Козловскаго, выступили изъ Майкопа въ землю абадзеховъ, среди которыхъ находился одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ Шамиля, Мухаммедъ-Аминь. Дѣйствія нашихъ войскъ, имѣвшія цѣлью очистить окрестности укрѣпленія отъ враждебныхъ сосѣдей, имѣли полный успѣхъ. По окончаніи этого предпріятія, отрядъ возвратился 31 января на свои квартиры. Довѣріе абадзеховъ къ Мухаммедъ-Аминю видимо начало ослабѣвать. Воззванія этого проповѣдника мюридизма не производятъ уже на нихъ прежняго дѣйствія. Это выразилось очевиднымъ образомъ еще въ концѣ 1857 г., послѣ рекогносцировки, произведенной генераломъ Козловскимъ. Въ ночь на 1 декабря Мухаммедъ-Аминь прискакалъ съ вершины р. Бѣлой на Курджипсъ съ нѣсколькими человѣками своей конной стражи и требовалъ повсемѣстнаго сбора для противодѣйствія нашимъ работамъ; но въ-теченіе четырехъ дней къ нему не собралось даже и 100 человѣкъ. Въ-теченіе всего лѣта здѣсь не происходило ничего замѣчательнаго, и хотя непріятельскія скопища были въ сборѣ подъ личнымъ начальствомъ Мухаммеда Аминя, однакожь, они не осмѣлились препятствовать нашимъ работамъ.

26 апрѣля наши войска, съ высочайшаго соизволенія, снова заняли Цемескую Бухту, на берегу которой до минувшей войны находился Новороссійскъ. Совершивъ высадку безъ всякаго сопротивленія со стороны жителей, генералъ Филиппсонъ сдѣлалъ немедленно рекогносцировку окрестной мѣстности и приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія, которое названо «Константиновскимъ», по имени прежде-существовавшей вблизи отъ того же мѣста башни. Отсюда была проложена до послѣдней войны дорога черезъ хребетъ въ долину Адагума. Горцы на слѣдующій день начали сбираться толпами и завязали перестрѣлку съ войсками; однакожь эти частныя покушенія не

Digitized by Google

имѣли никакого успѣха и работы продолжались все время весьма-дѣятельно.

Главныя же дѣйствія въ-теченіе прошлаго года происходили на лѣвомъ крылѣ, которое имѣетъ для насъ наибольшую важность. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ въ прошломъ году были достигнуты важнѣйшіе результаты, почему мы и остановимся на этихъ дѣйствіяхъ, напомнивъ въ нѣскольскихъ словахъ о характерѣ страны, въ которой сосредоточивался наибольшій интересъ военныхъ дѣйствій.

Рѣкою Гойтою Чечня раздѣляется на двѣ части: Малую и Большую; обѣ эти части гористы. Плоскость же Чеченская отъ Сунжи до подошвы горъ имѣетъ ширину различную: наибольшая 20 верстъ. Кромѣ Аргуна, всѣ прочія рѣки Чечни вытекаютъ изъ горъ второстепенныхъ; онѣ текутъ сначала въ горныхъ долинахъ, раздѣленныхъ лѣсистыми, но довольно-отлогими хребтами, потомъ, по выходѣ на плоскость, имѣютъ берега низменные, отчего во время прибыли воды разливаются и затрудняютъ сообщенія. Только Аргунъ имѣетъ источники въ главномъ снѣговомъ хребтѣ; слившись съ другимъ большимъ притокомъ, Шаро-Аргуномъ, онъ вырывается изъ горъ узкимъ ущельемъ, прямо на плоскость. Эта котловина верховій Аргуна, замкнутая со всѣхъ сторонъ высокими хребтами, обнаженными, частью покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ, вообще весьма-недоступна и занята различными общинами большею-частью племени кистинскаго. Чеченцы называютъ себя по своимъ ауламъ, или по мѣстностямъ. Общее число жителей какъ въ Чечнѣ, такъ и въ ущельяхъ Аргуна, хотя въ точности неизвѣстно, но его можно приблизительно полагать отъ 80—100 тысячъ.

Плоскость чеченская доставляетъ гораздо-болѣе средствъ для благосостоянія жителей, чѣмъ нагорная часть; плодородная почва благопріятствуетъ хлѣбопашеству; на обширныхъ пастбищахъ пасутся многочисленныя стада: поэтому горные чеченцы и даже лезгины не только получаютъ хлѣбъ отъ жителей плоскости, но и стада свои спускаютъ на ихъ пастбища. Чрезъ это горцы находятся въ нѣкоторой зависимости отъ жителей плоскости, между-тѣмъ, какъ послѣдніе, съ другой стороны, дорожатъ дружественными сношеніями съ воинственными горцами. Для-того, чтобъ отрѣзать Плоскую Чечню отъ гористой, предположено было устроить передовую чеченскую линію. Первое основаніе положено было построеніемъ самой большой крѣпости на Кавказѣ — Воздвиженской, на лѣвомъ берегу Аргуна, въ виду самаго ущелья, которымъ эта рѣка вырывается изъ горъ. Эта крѣпость не только наблюдаетъ за выходомъ изъ аргунскаго ущелья, но служитъ также и передовымъ опорнымъ пунктомъ, изъ котораго войска могутъ предпринимать наступательныя дѣйствія вдоль чеченской плоскости.

Со времени устроенія передовой чеченской линіи къ з. отъ крѣпости Воздвиженской, все враждебное намъ населеніе должно было очистить малую чеченскую плоскость и уйти частью въ горы, а частью на правый берегъ Аргуна, въ лѣса Большой Чечни. Плодородная и изобилующая обширными пастбищами плоскость Боль-

Digitized by Google

шой Чечни представляла для поселенія гораздо-болѣе приманки, нежели негостепріимныя ущелья Гехи, Мартана, Гойты и ихъ притоковъ. Поэтому нехотѣвшіе намъ покориться чеченцы и искали преимущественно убѣжища въ лѣсахъ плоскости, къ востоку отъ Аргуна. Хотя возведеніе укрѣпленій Шалинскаго на Хоби-Шавдонѣ и проложеніе просѣкъ въ разныхъ направленіяхъ потревожили это населеніе, но, пользуясь едва-проницаемою лѣсистою мѣстностью, оно столпилось въ многочисленныхъ хуторахъ на низовыхъ Хулхулау, и изъ притоновъ этихъ мелкія хищническія партіи пробирались на кумыкскую плоскость, за Сунжу и Терекъ, и тревожили покорное намъ населеніе и казачьи станицы. Кромѣ-того, разработавъ въ гущѣ лѣсовъ обширныя пашни, чеченцы, жившіе на плоскости, снабжали жителей горной части хлѣбомъ и доставляли имъ возможность спускать многочисленныя стада на богатыя пастбища, недостатокъ которыхъ такъ ощутителенъ въ горахъ. Лишить непріятеля этой выгоды составляло задачу нашихъ войскъ.

Предпринятая съ этою цѣлью генераломъ Евдокимовымъ экспедиція въ концѣ 1857 года окончательно рѣшила судьбу плоскости Большой Чечни, лишила Шамиля значительныхъ средствъ для веденія войны и положила основаніе къ занятію остроговъ Андійскаго Хребта и къ утвержденію нашей власти въ Черныхъ Горахъ. Результатъ этой экспедиціи, окончившійся въ декабрѣ 1857 года, состоялъ въ томъ, что все враждебное доселѣ населеніе плоскости Большой Чечни переселилось въ покорные намъ аулы: къ сѣверу отъ русской дороги (*) не осталось ни одного непокорнаго хутора.

Вслѣдъ затѣмъ войска наши успѣли овладѣть аргунскимъ ущельемъ, на которое въ прежнія времена не разъ дѣлали безуспѣшныя нападенія, стоившія много крови. Аргунское ущелье составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ проходовъ въ Хребтѣ Черныхъ Горъ, за которымъ возвышается обширная плодородная и удобная для жизни терраса Андійскаго Хребта. Овладѣвъ этимъ горнымъ проходомъ, мы открываемъ себѣ доступъ на означенную террасу, прорываемъ оборонительную линію непріятеля въ Черныхъ Горахъ и имѣемъ возможность овладѣть всею этою террасою, обойти съ тыла другіе горные проходы Андійскаго Хребта, образуемые ущельями правыхъ притоковъ рѣки Сунжи, обезпечить отъ непріятеля плоскость Чечни, преградивъ ему всѣ удобные пути для вторженія и, наконецъ, вытѣснить его за Андійскій Хребтъ въ нѣдра Дагестанскихъ Горъ.

Рѣка Аргунъ, прорѣзывая Черныя Горы недалеко отъ крѣпости Воздвиженской, образуетъ тѣсное ущелье, бока котораго покрыты дремучимъ лѣсомъ. На протяженіи двухъ верстъ она протекаетъ по глубокой трещинѣ между отвѣсными стѣнами, вышиною отъ 10 до 15 саженъ. Единственная колесная дорога, ведущая чрезъ ущелье въ горы, пролегаетъ отъ кр. Воздвиженской вверхъ по лѣвому бе-

(*) Русскою дорогою въ Чечнѣ называется сообщеніе, проложенное отъ Станицы Слѣпцовской, чрезъ укрѣпленія Урусъ-Мартанское и Воздвиженское къ укрѣпленію Куринскому.

Digitized by Google

регу рѣки и въ самой тѣснинѣ лѣпится по краю обрыва на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ праваго ея берега; въ самомъ узкомъ мѣстѣ дорога пересѣкается глубокимъ оврагомъ. Эту малодоступную мѣстность, и безъ того весьма-сильную по своему естественному положенію, Шамиль усилилъ искусственными средствами. Преградивъ высокимъ заваломъ дорогу впереди пересѣкающаго ее оврага, горцы устроили надъ нимъ, по крутымъ скатамъ высотъ лѣваго берега рѣки, три ряда заваловъ изъ толстыхъ бревенъ, уничтожили переправку черезъ оврагъ и на противоположной сторонѣ его устроили поперегъ дороги два завала. На правомъ берегу Аргуна параллельно дорогѣ, вдоль береговаго обрыва набросанъ былъ завалъ изъ-за котораго горцы могли дѣйствовать по дорогѣ пистолетнымъ огнемъ, а перпендикулярно къ нему тянулся другой завалъ, отъ вершины горы до обрыва, съ широкимъ и глубокимъ рвомъ впереди, Постигая свою слабую сторону, Шамиль въ концѣ 1857 года внимательно наблюдалъ за ущельемъ Аргуна и, укрѣпивъ его, постоянно держалъ тамъ значительныя силы для обороны тѣснины.

Для успѣха нашихъ дѣйствій надлежало отвлечь силы непріятеля въ другую сторону. Съ этою цѣлью генералъ Евдокимовъ распустилъ слухъ о намѣреніи своемъ двинуться въ Чечню къ аулу Автуры, для постройки тамъ укрѣпленія. Слухъ этотъ достигъ въ горы, и въ началѣ января партіи горцевъ потянулись въ ту сторону, а на Аргунѣ остался только шатоевскій наибъ съ шатоевцами и жителями Малой Чечни, что вмѣстѣ съ мѣстными жителяли составило вооруженную силу до 2000 человѣкъ. Чтобъ еще болѣе поддержать заблужденіе непріятеля, генералъ Евдокимовъ приказалъ перевезти часть фуража изъ Воздвиженскаго въ Шали, нанять подводъ для перевозки лѣса въ Автуры и 15 января сосредоточилъ большую часть войскъ и всѣ обозы на правомъ берегу Аргуна. Всѣ эти распоряженія имѣли видъ дѣйствительнаго намѣренія двинуться на плоскость Большой Чечни.

Обманувъ такимъ образомъ непріятеля, генералъ Евдокимовъ направилъ войска къ аргунскому ущелью, которое и было занято 17 января, послѣ нѣкотораго сопротивленія, оказаннаго горцами.

По занятіи аргунскаго ущелья, цѣль нашихъ дѣйствій состояла въ томъ, чтобъ открыть доступы въ безлѣсное пространство Черныхъ Горъ и тѣмъ получить возможность дѣйствовать въ тылъ неприступныхъ съ плоскости ущелій Большой Чечни. Для достиженія этой цѣли необходимо было овладѣть лѣсистыми высотами Даргин-Дука, откуда войска наши могутъ уже почти безпрепятственно дѣйствовать по всѣмъ направленіямъ. Но овладѣніе этими высотами, по крайне-пересѣченной мѣстности, крутизнѣ спусковъ и подъемовъ и густотѣ вѣковаго лѣса, требовало особенной быстроты дѣйствій; необходимо было пройти значительную лѣсную полосу прежде, нежели успѣли бы предупредить насъ горцы, занимавшіе въ значительномъ числѣ ущелье Чанты-Аргуна и аулъ Шаро-Хотай. Рѣшась на это предпріятіе, генералъ Евдокимовъ, оставивъ часть войскъ для устройства мостовъ на обоихъ Аргунахъ и для постройки вновь-

Digitized by Google

возводимаго укрѣпленія, съ остальною двинулся, 28 февраля, на даргин-дукскія высоты. Движеніе нашихъ войскъ произведено было съ такою быстротою и неожиданностью, что непріятель узналъ о дѣйствительномъ направленіи нашемъ по занятію вершины Даргин-Дука частію передоваго эшелона. Затѣмъ тотчасъ же приступлено было къ работамъ, имѣвшимъ цѣлью уничтоженіе срубленнаго лѣса на даргин-дукскихъ высотахъ, разработку дорогъ черезъ гамаринскій и вашин-дарійской овраги и постройку постояннаго моста на Чанты-Аргунѣ.

По окончаніи этихъ работъ генералъ Евдокимовъ двинулся въ Малую Чечню. 1 апрѣля, едва-только чеченскій отрядъ передвинулся изъ аргунскаго ущелья въ Малую Чечню, какъ въ нашъ лагерь явились депутаты изъ почетнѣйшихъ фамилій Гой. Эти горцы были присланы съ изъявленіемъ покорности отъ всѣхъ гойтинцевъ, которые обѣщали немедленно выселиться на плоскость, если только русскія войска прикроютъ ихъ отъ нападенія наиба Малой Чечни, находившагося въ то время съ партіею шатоевцевъ въ верховьяхъ Гойты. Генералъ Евдокимовъ, обласкавъ депутатовъ, потребовалъ, чтобъ всѣ, желающіе принести покорность, выходили на другой же день съ имуществомъ своимъ на плоскость, и обѣщалъ всякое содѣйствіе со стороны нашихъ войскъ.

Примѣръ, поданный гойтинцами, подѣйствовалъ и на остальное населеніе Малой Чечни. 3 апрѣля явилась въ лагерь нашъ депутація изъ почетнѣйшихъ лицъ гехинской фамиліи, съ изъявленіемъ той же готовности къ переселенію, какъ и гойтинцы.

Результатъ этой экспедиціи былъ тотъ, что все населеніе нагорной части Малой Чечни покорилось безусловно и выселилось изъ своихъ дикихъ убѣжищъ на равнину, подъ защиту нашихъ войскъ. Число выходцевъ простиралось отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ. Оставленые ими аулы, въ числѣ 96, преданы огню; взамѣнъ ихъ, начали водворяться новыя, правильныя поселенія на плодородной плоскости между Сунжею и такъ-называемою русскою дорогою. Изъ всего населенія, обитавшаго на пространствѣ отъ Аргуна до Фортанги, не болѣе нѣсколькихъ десятковъ семействъ бѣжало въ дальнія горы.

Такіе успѣхи встревожили Шамиля. Опасаясь, чтобъ примѣръ, поданный Малою Чечнею, не подѣйствовалъ и на обитателей предгорій Большой Чечни, и желая поддержать въ горахъ падающее свое вліяніе, Шамиль собралъ значительную партію и въ половинѣ апрѣля спустился съ нею въ лѣса между Воздвиженской и Шалинскимъ Укрѣпленіями. Чтобъ ближе наблюдать за дѣйствіями этихъ скопищъ и предупредить всякое покушеніе со стороны непріятеля, генералъ Евдокимовъ, оставивъ часть войска для прикрытія переселенцевъ, съ остальными двинулся 18 апрѣля на Аргунъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ генералъ Евдокимовъ перенесъ внезапно дѣйствія изъ аргунскаго ущелья въ Малую Чечню, гдѣ, съ появленіемъ войскъ, все нагорное населеніе почти-единодушно изъявило покорность и, покинувъ свои лѣса, начало немедленно переселяться на

Digitized by Google

равнину, Шамиль, съ своей стороны, не переставалъ собирать многочисленныя ополченія и готовился къ какому-то рѣшительному предпріятію. Уже въ началѣ мая скопища мюридовъ показывались въ разныхъ частяхъ Большой Чечни, угрожая строгимъ наказаніемъ новымъ переселенцамъ Малой Чечни и надѣясь, можетъ-быть, снова увлечь ихъ въ горы; однакожь всѣ демонстраціи Шамиля оставались напрасными. Генералъ Евдокимовъ расположилъ свои войска такимъ образомъ, чтобъ успѣть вездѣ преградить путь непріятелю, гдѣ бы онъ ни рѣшился проникнуть на равнину. Въ то же время другой отрядъ войска, собранный на Мичикѣ, прикрывалъ кумыкскую плоскость, готовъ былъ, въ случаѣ нужды, подать помощь Ауху и вытеченіе мая успѣлъ расчистить маюртупскую просѣку, нѣсколько-заросшую съ прошлаго года.

Подъ прикрытіемъ этихъ отрядовъ, новые переселенцы Малой Чечни продолжали водворяться на указанныхъ имъ мѣстахъ и гдѣ, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, простирались одни пустынные лѣса, тамъ устроивались уже большія селенія, правильно-расположенныя и окопанныя валомъ и рвомъ, по образцу казачьихъ станицъ. Примѣръ Малой Чечни имѣлъ, естественно, сильный отголосокъ во всемъ краѣ: изъ Ауха, съ верховій Гудермеса, даже изъ нѣкоторыхъ ауловъ аргунскаго ущелья десятки семействъ выбѣгали къ намъ вездѣ, гдѣ только могли обмануть строгій надзоръ мюридовъ и укрыться подъ защиту нашихъ войскъ.

Шамиль, послѣ продолжительнаго выжиданія, рѣшился, наконецъ, съ многочисленнымъ своимъ скопищемъ, собраннымъ изъ самыхъ дальнихъ горскихъ племенъ, перейти черезъ Аргунъ въ верхнихъ частяхъ его долины и потянулся къ верховьямъ Гойты и Ассы. Появленіе непріятельскихъ силъ въ этой нагорной сторонѣ могло быть тѣмъ опаснѣе, что Шамиль, какъ вскорѣ оказалось, разсчитывалъ на содѣйствіе соумышленниковъ среди нѣкоторыхъ изъ покорныхъ племенъ Военно-Осетинскаго Округа. Но генералъ Евдокимовъ, слѣдя внимательно за движеніями непріятеля, разстроилъ всѣ его замыслы и принятыми во-время благоразумными мѣрами возстановилъ немедленно спокойствіе въ краѣ.

Пользуясь неудачею Шамиля, генералъ Евдокимовъ рѣшился безъ потери времени приступить къ исполненію новаго труднаго предпріятія, которое было предначертано войскамъ лѣваго крыла по общему плану лѣтнихъ дѣйствій прошлаго года. Это предпріятіе состояло въ отважномъ наступленіи въ самую глубину аргунскаго ущелья, въ землю шатоевцевъ. Результатъ экспедиціи былъ самый блистательный.

Чтобъ достигнуть цѣли экспедиціи: покоренія горнаго пространства между Верхнимъ Терекомъ и Аргуномъ, надобно было съ перваго же шага преодолѣть самое сильное изъ препятствій, которое представляетъ кавказская война — гряду крутыхъ и заросшихъ дремучимъ лѣсомъ хребтовъ, которая тянется безъ малѣйшаго перерыва изъ края въ край чрезъ все лѣвое крыло, ограждая почти-непрохо-

Digitized by Google

димымъ поясомъ высокія и голыя поляны, составлявлявшія внутренность горъ.

Не вдаваясь въ подробности собственно военныхъ дѣйствій, не описывая тѣ трудности, которыя должны были преодолѣвать наши войска почти на каждомъ шагу, и не говоря о томъ блескѣ, въ какомъ выказали себя, по словамъ генерала Евдокимова, войска кавказской арміи въ этой экспедиціи, скажемъ только, что войска наши вступили въ страну, никогда еще невидавшую русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Проникнувъ за лѣсной поясъ, мы, такъ-сказать, обошли въ тылъ ту часть туземнаго населенія, которая издавна пріучена къ вѣчной войнѣ и воспитана въ чувствѣ кровной вражды къ русскимъ. Въ Шатоѣ войска наши нашли населеніе, дружелюбно-простирающее къ нимъ руки; здѣсь жители не бѣжали въ лѣса и не стрѣляли по нашимъ войскамъ, какъ во всѣхъ другихъ частяхъ Кавказа, а спокойно оставались въ домахъ своихъ, ожидая прибытія русскихъ.

По занятіи варандинской равнины, находящейся за грядами крутыхъ и заросшихъ лѣсомъ хребтовъ, генералъ Евдокимовъ, желая прочно утвердиться въ занятомъ краѣ, рѣшился прежде всего обезпечить свой тылъ проложеніемъ сообщенія и просѣкъ чрезъ пройденную имъ лѣсную полосу, оставивъ до времени Шамиля укрѣпляться на занятой имъ позиціи на Варандинскомъ Полѣ, позади большаго оврага, находящагося за селеніемъ Большіе Варанды.

Съ 15 іюля продолжалась разработка дороги по правому берегу Аргуна до аула Зонахъ и оттуда, чрезъ утесистый подъемъ по высотамъ лѣваго берега рѣки до Большаго Варандинскаго Поля, съ возведеніемъ промежуточнаго укрѣпленія, для прикрытія моста на Аргунѣ. Непріятель, между-тѣмъ, укрѣплялся и въ то же время готовилъ тяжелые плоты, посредствомъ которыхъ надѣялся разрушить мостъ у Зонаха; но заблаговременно-принятыми мѣрами опасность эта была отвращена. Къ 20 числу нижняя дорога была окончена и мѣстность по сторонамъ дороги очищена отъ лѣса.

Между-тѣмъ скопища Шамиля, пополняемыя партіями, приводимыми наибами изъ самыхъ отдаленныхъ горскихъ обществъ, возрасли до девяти тысячъ человѣкъ. Убѣдясь въ безполезности своихъ усилій— воспрепятствовать успѣху нашихъ работъ, непріятель прекратилъ свои дѣйствія съ 21 числа и наши войска продолжали работы безъ всякой потери.

Сознавая вполнѣ невозможность отстоять Шатой одними оборонительными дѣйствіями, несмотря на силу избранной позиціи и на множество воздвигнутыхъ на ней укрѣпленій, Шамиль рѣшился на отчаянное предпріятіе: вторгнуться въ земли покорныхъ намъ племенъ въ окрестности Владикавказа, произвести между ними возстаніе и тѣмъ отвлечь отрядъ генерала Евдокимова изъ Шатоя.

Въ ночь съ 24 на 25 іюля онъ выступилъ съ частью своихъ силъ, преимущественно состоявшею изъ конницы, и направился въ галашевское общество.

Digitized by Google

Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ Евдокимовъ отправилъ часть своего отряда на Сунжу, а полковнику Алтухову приказалъ съ конницею слѣдовать изъ Шали къ Владикавказу. Войска, оставшіяся на Верхней Сунжѣ и въ окрестности Владикавказа, составляли два отряда: одинъ подъ начальствомъ генерал-майора Мищенко, а другой—полковника Бѣлика.

Шамиль прибылъ въ Мужичъ, аулъ галашевскаго общества, съ передовыми скопищами 27 числа и оставался тамъ до 30-го, въ ожиданіи прибытія остальныхъ, которое замедлилось испорченными отъ проливныхъ дождей дорогами, а между-тѣмъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ возмутить противъ насъ покорныя намъ племена. Нѣкоторая часть жителей изъ горныхъ обществъ галгаевскаго, карабулакскаго и галашевскаго дѣйствительно къ нему пристала и усилила его толпу.

По первому извѣстію о прибытіи Шамиля въ Мужичъ, генералъ Мищенко выступилъ съ отрядомъ своимъ 27 іюля изъ Владикавказа и занялъ позицію на лѣвомъ берегу Сунжи, въ 15 верстахъ выше укрѣпленія назрановскаго, противъ акіюртовскаго ущелья.

Въ полдень 30 числа Шамиль двинулся по акіюртовскому ущелью съ намѣреніемъ напасть на отрядъ нашъ и потомъ обратиться противъ другаго, находившагося подъ начальствомъ полковника Бѣлика. Въ три часа пополудни скопище его начало выходить на плоскость и разбивать палатки.

Генералъ Мищенко, желая выманить непріятеля на плоскость, чтобъ потомъ атаковать его при болѣе-выгодныхъ условіяхъ, для нанесенія ему рѣшительнаго пораженія, съ намѣреніемъ оставался въ своей позиціи. Въ пять часовъ, когда получено было извѣстіе, что значительная часть силъ Шамиля спустилась на плоскость, онъ двинулся двумя колоннами: правая находилась подъ начальствомъ подполковника Козлова, а лѣвая—полковника Алтухова, при которой находился и самъ генералъ Мищенко.

Непріятель, обративъ все свое вниманіе на правую колонну, готовился атаковать ее, когда неожиданное появленіе на правомъ его флангѣ лѣвой колонны привело его въ совершенное замѣшательство. Выславъ впередъ наѣздниковъ, чтобъ завязать перестрѣлку и удержать движеніе нашихъ войскъ, Шамиль торопился отступать; но было уже поздно. Обѣ колонны одновременно атаковали его, обратили въ бѣгство и вогнали въ тѣснину, гдѣ наносили страшное пораженіе столпившемуся непріятелю. Пораженіе это было самое полное. Оставивъ на мѣстѣ болѣе 370 труповъ, 84 лошади, 424 ружья, 280 шашекъ, 445 пистолетовъ и кинжаловъ, 14 палатокъ, въ которыхъ найдена была постель Шамиля и кухонная посуда его, и одну лошадь съ походною кузницею, Шамиль бѣжалъ безостановочно до Мужича, гдѣ, переждавъ разсвѣта, продолжалъ бѣгство. Толпы его разсѣялись по разнымъ дорогамъ, преслѣдуемыя и истребляемыя мѣстными жителями, которыхъ онъ надѣялся возмутить.

Въ то время, когда описанныя нами дѣйствія происходили въ окрестности Владикавказа, генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсут-

Digitized by Google

ствіемъ Шамиля и раздѣленіемъ его силъ, поспѣшилъ окончаніемъ работъ, чтобъ атаковать варандинскую позицію, которая была весьма-сильна. За большимъ Варандинскимъ Полемъ тянется глубокій оврагъ, отъ вершинъ покрытаго лѣсомъ хребта до р. Аргуна. Правый берегъ этого оврага, который былъ занятъ непріятелемъ, поднимается почти отвѣснымъ хребтомъ, одѣтъ густымъ орѣшникомъ и представляетъ собою, вмѣстѣ съ оврагомъ, какъ выразился генералъ Евдокимовъ въ своемъ донесеніи, подобіе бруствера со рвомъ, но только громадныхъ размѣровъ, какіе встрѣчаются въ горной природѣ.

Три дороги изъ аула Большіе Варанды ведутъ на этотъ хребетъ; изъ нихъ средняя поднимается почти отвѣсно и всѣ онѣ усѣяны были завалами.

Позицію эту можно было оборонять упорно; но послѣ отбытія Шамиля въ оставленныхъ для защиты ея скопищахъ поселился сильный раздоръ между тавлинцами, которые были равнодушны къ исходу дѣла, и мѣстными жителями, заботившимися болѣе всего объ укрытіи своихъ семействъ и имущества въ лѣса.

Раннимъ утромъ 30 числа, то-есть въ тотъ же самый день, когда генералъ Мищенко имѣлъ дѣло съ Шамилемъ въ окрестности Владикавказа, генералъ Евдокимовъ двинулъ свой отрядъ для атаки позиціи. Дойдя до лѣваго берега оврага, генералъ Евдокимовъ остановилъ штурмовыя колонны и поставилъ батарею изъ 12 орудій, чтобъ предварительно обстрѣлять гору, сколько это было возможно при небольшомъ числѣ и слабомъ калибрѣ артиллеріи. Однакожь дѣйствіе артиллеріи было удачно. Непріятельскія толпы съ значками, покрывавшія гору, начали мало-по-малу отходить за гребень и наконецъ отступили. Тогда были двинуты штурмовыя колонны по средней и правой дорогамъ. Колонны эти нашли завалы незанятыми и овладѣли позиціею безъ боя.

Видя такой упадокъ духа непріятеля, уступившаго безъ боя подобную позицію, генералъ Евдокимовъ, не давая ему опомниться, немедленно направился къ р. Аргуну, чтобъ овладѣть правымъ ея берегомъ. Изъ двухъ мостовъ, устроенныхъ горцами на этой рѣкѣ, одинъ горѣлъ, а другой можно было надѣяться захватить до истребленія его непріятелемъ. Дѣйствительно, войска наши успѣли захватить одинъ мостъ, исправили его и начали 1-го августа переходить на правый берегъ и, утвердившись на немъ, приступили къ постройкѣ новаго моста, потому-что старый обрушился.

Такимъ-образомъ Шамиль, предпринявшій вторженіе въ наши предѣлы для спасенія Шатоя, потерпѣлъ въ одинъ и тотъ же день два пораженія, послѣдствіемъ которыхъ должна быть для него окончательная потеря всякой довѣренности со стороны полупокорныхъ намъ племенъ, живущихъ между р. Аргуномъ и Владикавказомъ, которыя доселѣ вѣрили еще въ его могущество и волновались при его имени. Съ занятіемъ шатоевской долины мы овладѣли теперь всѣмъ теченіемъ Аргуна и отрѣзали означенныя племена отъ враждебнаго намъ населенія.

Digitized by Google

Результатъ дѣйствій на лѣвомъ крылѣ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Все горное пространство между военно-грузинскою дорогою (верховьями Терека) и долиною Шаро-Аргуна покорилось Россіи. Обитающіе къ западу отъ Шаро-Аргуна двѣнадцать горскихъ племенъ выдали заложниковъ, приняли отъ насъ правителей и вступили уже въ битву противъ вчерашнихъ своихъ братьевъ, непокорныхъ горцевъ. Общества, лежащія къ востоку отъ Шаро-Аргуна, также изъявили покорность, которую, однакожь, нельзя было принять, по невозможности растянуть войска на столько, чтобъ дать покоряющимся безопасность, какою долженъ пользоваться всякій, вступающій въ подданство русскаго государя.

Извѣстіе объ этомъ результатѣ было доставлено въ Тифлисъ прямою дорогою по Аргуну, по которой въ первый разъ проѣхалъ русскій офицеръ, и притомъ безъ всякаго конвоя, съ одними старшинами вновь-покорившихся горскихъ племенъ.

Теперь обратимся къ Дагестану, гдѣ въ-теченіе прошлаго года были достигнуты также немаловажные результаты.

Наступательныя движенія нашихъ войскъ въ горную страну Дидо, совершенные еще въ 1857 году, начали тотчасъ же приносить плоды. Сосѣднія съ Тушетіею общества, обитающія въ самыхъ суровыхъ и недоступныхъ ущельяхъ Аргуну и Андійскаго Койсу, такъ недавно еще тревожившія пограничныя тушинскія селенія своими хищническими вторженіями, стали изъявлять покорность.

Въ числѣ первыхъ покорились хушеты, живущіе въ ущельи Андійскаго Койсу. 23 января они прислали къ начальнику тушинскаго участка семь депутатовъ, которые письменно обязались быть покорными русскому правительству, защищать предѣлы тушинскіе отъ всякаго непріятельскаго вторженія, выставить для этого сотню милиціи и, въ залогъ вѣрности своей, выдали восемь аманатовъ изъ почетнѣйшихъ лицъ. Хотя общество Хушеты и состоитъ всего изъ 173 дворовъ, однакожь, покорность этого племени, защищеннаго каменными башнями и преграждающаго пути со стороны Ункратля, имѣетъ ту важность, что совершенно обезпечиваетъ спокойствіе Тушетіи со стороны Дагестана.

Въ-теченіе марта, апрѣля и мая въ Прикаспійскомъ Краѣ не происходило ничего важнаго, кромѣ нѣсколькихъ стычекъ съ хищническими партіями.

Съ первыхъ чиселъ іюня, собранный въ Салатавіи отрядъ приступилъ къ работамъ для устройства штаб-квартиры дагестанскаго пѣхотнаго полка, основанной въ прошломъ году въ Буртунаѣ. Занятіе Салатавіи нашими войсками, угрожая постоянно враждебному намъ населенію Дагестана, должно было озаботить Шамиля, который съ раней весны приказалъ испортить дороги, ведущія изъ Салатавіи въ Гумбетъ и Андію, а въ урочищѣ Мичикалъ приступить къ устройству обширныхъ заваловъ.

Чтобъ не дать непріятелю спокойно довершить начатыя работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для осмотра сопредѣльныхъ съ Салатавіею мѣстъ, положеніе которыхъ тѣсно связано съ обороною вновь-занятой стра-

Digitized by Google

ны, командующій войсками въ Прикаспійскомъ Краѣ предпринялъ въ іюнѣ усиленную рекогносцировку въ Гумбетъ, имѣя притомъ въ виду отвлечь этимъ движеніемъ часть непріятельскихъ скопищъ изъ Чечни.

17 числа, на разсвѣтѣ, войска двинулись въ путь и, спустившись по весьма-трудной тропинкѣ, разработанной на-скоро авангардомъ, къ 4 часамъ пополудни прибыли къ мечиковскимъ заваламъ, которыми непріятель предполагалъ перерѣзать весь Мечикалъ, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ въ 1845 году. Однако, въ это время завалы не были еще окончены. Земляной брустверъ, весьма-значительной профили, съ банкетомъ и бойницами тянулся на протяженіи 200 саженъ. Завалы и лѣсъ были заняты скопищемъ при четырехъ значкахъ.

Чтобъ не дать непріятелю въ теченіе ночи собраться въ большихъ силахъ, генералъ Врангель, послѣ необходимаго для войскъ отдыха, тотчасъ же атаковалъ гумбетцовъ. Распоряженіе это было вполнѣ-удачно. Быстрый натискъ пѣхоты и смѣлая атака конницы въ минуту рѣшили дѣло. Гумбетовцы, сдѣлавъ нѣсколько залповъ, бросили завалъ и бѣжали. Затѣмъ войска возвратились къ Буртунаю, гдѣ и продолжались весьма-дѣятельно работы, состоявшія въ устройствѣ укрѣпленія и рубкѣ лѣса.

Между-тѣмъ на лезгинской кордонной линіи до іюня не происходило ничего замѣчательнаго. 22 же числа этого мѣсяца генераломъ Вревскимъ начата была экспедиція въ Анкратль.

Населеніе верховыхъ трехъ Койсу: Андійскаго, Аварскаго и Кара-Койсу составляетъ такъ-называемыя верхнія лезгинскія общества, отличающіяся отъ прочихъ лезгинъ своею малочисленностью, суровостью и бѣдностью. На уступахъ Андійскаго Хребта, то-есть на лѣвой сторонѣ Андійскаго Койсу, живутъ чарбили, чамалялъ, ункратль и другіе, на правой сторонѣ — богулялъ, тында и цунта-ахвахъ; къ югу же отъ Аваріи, по обѣимъ сторонамъ Аварскаго Койсу—Ратлу-Ахвахъ и множество другихъ мелкихъ обществъ, составляющихъ вмѣстѣ Анкратльскій Союзъ. У восточнаго истока Андійскаго Койсу, въ суровой котловинѣ, между двумя снѣговыми хребтами, живутъ дидойцы, племя, повидимому, происхожденія грузинскаго, но языческое, полудикое и хищническое.

Сосредоточивъ свой отрядъ и сдѣлавъ предварительную рекогносцировку по разнымъ направленіямъ въ Капучу, отрядъ генерала Вревскаго 15 іюля двинулся въ Анцухъ. Общество это расположено въ глубокихъ ущельяхъ, образуемыхъ высокими (болѣе 10 тысячъ футовъ), лѣсистыми и скалистыми отрогами Богозскаго Хребта, покрытаго вѣчными снѣгами. По двумъ главнымъ ущельямъ текутъ быстрыя и глубокія рѣки, образующія, по сліяніи своемъ, Аварское Койсу. Вообще страна эта была для русскихъ до-тѣхъ-поръ совершенно-неизвѣстна. Анцухъ считается сердцемъ и оплотомъ не только Анкратля, но и всего Средняго Дагестана, и всѣ доступы въ него защищены цѣлою системою прочныхъ каменныхъ заваловъ, башень и укрѣпленій.

Digitized by Google

Чрезъ недѣлю, до вступленія отряда къ Анцуху, общество это уже не существовало. 22 іюля Анцухъ былъ уничтоженъ. Каждая встрѣча съ непріятелемъ была ознаменована побѣдою: штурмомъ было взято три крѣпости, изъ которыхъ двѣ каменныя, сложенныя на извести; 34 богатыя деревни, укрѣпленныя башнями и самою природою, уничтожены до основанія и недоступный дотолѣ Анцухъ остался безъ крова и хлѣба, потому-что всѣ посѣвы были истреблены.

Нравственное вліяніе уничтоженія Анцуха потрясло не только весь Анкратль, но отозвалось и въ большей части Средняго Дагестана.

Вслѣдъ за этими блистательными дѣйствіями послѣдовали и другія противъ сосѣднихъ съ Анцухомъ обществъ: Анцроссо, Ухнада и Багнада. Анцроссо наровнѣ съ Анцухомъ считался горцами недоступнымъ для русскихъ. Съ паденіемъ же этихъ обществъ, по мнѣнію самихъ туземцевъ, главныя преграды Анкратля уничтожены. Совершеннымъ покореніемъ этого края должна рѣшиться давнишняя задача: успокоеніе Кахетіи и Алазанской Долины. Непріятель пробовалъ-было остановить русскія войска, собравшись на сильно-укрѣпленной позиціи Чумаколо, но войска наши, разбивъ горцевъ на-голову, по пятамъ ихъ прошли чрезъ пылавшій Черельскій Мостъ, заняли Анцроссо и дошли до аула Тларата — мѣстопребыванія главнаго наиба Анкратля, Бакрака-Али. Въ послѣдующіе затѣмъ дни 2, 3, 4 и 5 августа были уничтожены до основанія съ ихъ хлѣбами и хуторами всѣ безъ исключенія аулы Анцроссо, большая часть ауловъ общества Ухнады и два самые главные аула Богнады.

Упадокъ духа непріятеля, бывшій слѣдствіемъ этихъ блистательныхъ дѣлъ, дошелъ до высочайшей степени. Большая часть партій непріятельскихъ разбѣжалась, а наибъ Бакракъ-Али, опасаясь своихъ же, которые считаютъ его главною причиною всѣхъ бѣдствій, убѣжалъ въ лѣсъ.

6 августа отрядъ генерала Вревскаго предпринялъ обратное движеніе къ калакскимъ высотамъ. На слѣдующій день, 9 августа, въ главный лагерь отряда явился посланный отъ бывшаго анцухскаго наиба Шаго, безъ согласія котораго и его братьевъ не рѣшалось ни одно сколько-нибудь важное дѣло въ Анкратлѣ. Шаго, его братья и большая часть жителей ауловъ Чадода, Чадоколо и Гольтросо, просили высокаго покровительства русскаго государя и изъявляли безусловную покорность. Примѣру Шаго послѣдовали всѣ безъ исключенія капучинцы, хотя семейства жителей главнаго капучинскаго аула были заарестованы партіею наибовъ богазскаго, дидойскаго и капучинскаго. Освободивъ жителей и ихъ скотъ, генералъ Вревскій 20 августа двинулся къ аулу Китури, съ цѣлью уничтожить его и еще другіе аулы того же общества, служившіе постояннымъ сборнымъ мѣстомъ партій для грабежа на линіи.

Горцы, числомъ до 300 человѣкъ, ожидавшіе нашего движенія, сильно заняли аулъ и укрѣпились въ саклях и башняхъ. Необходимо было, во что бы ни стало, взять аулъ и тѣмъ еще разъ снова показать имъ невозможность намъ сопротивляться.

Digitized by Google

Послѣ довольно-продолжительнаго дѣйствія артиллеріи, генералъ Вревскій приказалъ войскамъ двинуться на штурмъ. Войска одновременно двинулись съ трехъ сторонъ и ворвались въ аулъ, несмотря на жестокій огонь изъ башень и саклей. Въ аулѣ каждую башню, каждую саклю приходилось брать штурмомъ. Горцы, видя неминуемую смерть, защищались отчаянно; но ни смертоносный огонь, ни тучи камней, бросаемыхъ съ башень, не могли остановить мужества нашихъ войскъ. Къ ночи всѣ сакли были взяты; горцы, защищавшіе аулъ, погибли почти всѣ; только немногимъ удалось, пользуясь темнотою ночи, бѣжать. Но эта блестящая побѣда не могла обойтись нашимъ войскамъ безъ потери. Въ числѣ умершихъ отъ ранъ былъ и начальникъ отряда генералъ Вревскій.

Принявшій начальство надъ отрядомъ полковникъ Каргановъ, по приказанію генерала Вревскаго, предпринялъ походъ въ Дидо, съ цѣлью разорить тамъ жилища горцевъ и тѣмъ кончить военныя дѣйствія 1858 года. Не вдаваясь въ подробное описаніе этой экспедиціи, скажемъ только, что весь походъ этотъ продолжался съ 23 по 30 августа. Въ-теченіе одной недѣли дидойское общество, житница всего Анкратскаго Союза, обращена была въ груду камней и пепла: 23 аула, всѣ хлѣба и посѣвы были совершенно истреблены.

Семейства дидойцевъ, скитавшіяся въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ въ лѣсахъ и ущельяхъ и претерпѣвшія всѣ возможныя лишенія, нашли въ своихъ аулахъ однѣ только дымящіяся развалины. Дидойцы, лишившись своихъ жилищъ, имущества и всѣхъ посѣвовъ, понесли весьма-значительную потерю убитыми и ранеными. Болѣе тысячи душъ перешло въ наши предѣлы, а остальные или должны прибѣгнуть къ защитѣ нашего правительства, или же оставить вовсе вѣковыя свои жилища и выселиться въ глубь Дагестана.

Въ заключеніе сдѣланнаго нами обзора, скажемъ нѣсколько словъ о Цебельдѣ и Самурзакани.

Разнородныя страны, входящія въ составъ Кутаискаго Генералгубернаторства, нынѣ принадлежатъ уже вполнѣ къ мирнымъ частямъ Закавказскаго Края, гдѣ война перестала уже считаться нормальнымъ состояніемъ. Спокойствіе только по временамъ нарушается хищничествами на границѣ турецкой и мелкими злодѣяніями въ пограничныхъ частяхъ Абхазіи, Самурзакана и Цебельды. Но и здѣсь происшествія этого рода, какъ слѣды долговременнаго неустройства и междоусобій въ краѣ, видимо уменьшаются, по мѣрѣ того, какъ водворяется въ немъ лучшій внутренній порядокъ. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ въ послѣднее время замѣтный успѣхъ въ Абхазіи и Цебельдѣ, гдѣ благія усилія владѣтеля и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ приносятъ уже свои плоды. Въ свое время мы говорили о возстановленіи въ Цебельдѣ русскаго приставскаго управленія и народнаго суда, устроенныхъ въ средоточіи большей части цебельдинскаго населенія, на узлѣ главныхъ дорогъ этого края, на мѣстности изобильной пастбищами, лѣсомъ и угодьями. Должно надѣяться, что заложенное тамъ въ прошломъ году небольшое укрѣпленіе сдѣлается современемъ центральнымъ пунктомъ администраціи и промышле-

Digitized by Google

ности всей этой нагорной страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ служить лѣтнимъ убѣжищемъ отъ сухумскихъ жаровъ и лихорадокъ.

Вмѣстѣ съ постройкой укрѣпленія въ серединѣ Цебельды, дѣятельно разработываются войсками дороги, которыя должны обезпечить сообщенія этой нагорной страны съ Сухумомъ. Въ самомъ же Сухумѣ приступлено къ необходимѣйшимъ строительнымъ работамъ и къ очищенію воздуха посредствомъ осушенія окружающихъ болотъ. Въ числѣ построекъ должны быть возведены и помѣщенія для Морской Станціи, учрежденной въ Сухумѣ, съ тою цѣлью, чтобъ мѣстное начальство имѣло въ своемъ распоряженіи средства, необходимыя какъ для наблюденія за контрабандою, такъ и для обузданія непокорныхъ горскихъ племенъ, живущихъ по морскому берегу къ сѣверу отъ Абхазіи до мыса Псезуапе. Морскія средства, которыя по новому, высочайше-утвержденному положенію, постоянно назначаются отъ черноморскаго флота въ распоряженіе кавказскаго мѣстнаго начальства, даютъ возможность препятствовать непокорнымъ горскимъ племенамъ продолжать свободно запрещенныя торговыя сношенія, подъ предлогомъ которыхъ они до сего времени еще промышляютъ продажею людей и получаютъ военные запасы и оружіе.

Ко всему этому должно прибавить, что и въ Сванетіи, странѣ, о которой мы еще недавно сообщили нѣкоторыя малоизвѣстныя свѣдѣнія, также вводится русское управленіе.

Улучшеніе сообщеній, составляющее одну изъ важнѣйшихъ потребностей всякой страны, въ-особенности необходимо въ кутаискомъ краѣ, гдѣ доселѣ человѣкъ не извлекаетъ пользы изъ щедрыхъ даровъ роскошной природы. Нынѣ дорожныя работы производятся здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ. Кромѣ упомянутыхъ выше военныхъ путей въ крайнихъ частяхъ Кутаискаго Генерал-губернаторства, строится превосходное шоссе чрезъ Сурамскій Перевалъ. Работа эта исполняется тульскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени Кутаисъ будетъ соединенъ съ Тифлисомъ такою дорогою, которая можетъ идти въ сравненіи съ лучшими изъ европейскихъ сооруженій этого рода. Отъ Кутаиса пролагается также прямая дорога къ Ріону, на которомъ уже открыто удобное и правильное сообщеніе до Поти, связанное съ рейсами морскихъ пароходовъ.

**Засѣданія ученыхъ обществъ.** — Въ послѣднемъ засѣданіи географическаго общества въ прошломъ году, между-прочимъ, было читано письмо изъ Герата отъ начальника хорасанской экспедиціи Н. В. Ханыкова. Изъ этого письма мы узнали, что хорасанская экспедиція была встрѣчена персидскимъ правительствомъ съ большимъ участіемъ и начальникъ ея снабженъ рекомендательными письмами ко всѣмъ хорасанскимъ властямъ. Во время пребыванія г. Ханыкова въ Тегеранѣ, прочіе члены экспедиціи дѣлали поѣздки въ астрабадскомъ округѣ и, несмотря на тревожное положеніе края, вслѣдствіе безпрерывныхъ вторженій туркменовъ, успѣли осмотрѣть



Digitized by Google

значительную часть этого берега Каспійскаго Моря. Это было въ началѣ весны. Въ концѣ мая всѣ члены соединились въ Шахрудѣ и въ началѣ іюня отправились на Мединанъ, Собзевиръ и далѣе, черезъ бирюзовые и соляные рудники, достигли Нишапура, откуда прибыли въ Мешхедъ. Въ Мешхедѣ экспедиція пробыла семь недѣль, которыя были употреблены на болѣе или менѣе значительныя поѣздки въ окрестности, на осмотръ памятниковъ и разбора интереснѣйшихъ рукописей богатаго книгохранилища имамы Ризы, которое открыто было начальнику экспедиціи. Изъ Мешхеда, въ августѣ, экспедиція отправилась въ Гератъ. Отлагая до другаго времени подробности путешествія, г. Ханыковъ сообщаетъ общіе результаты дѣятельности членовъ экспедиціи. Изъ нихъ оказывается, что г. Бунге собралъ до 1,300 видовъ растеній, г. Гебель до 13 большихъ ящиковъ окаменѣлостей, г. Ленцъ опредѣлилъ астрономическіе координаты 29 пунктовъ, гг. графъ Кейзерлингъ и Бинертъ собрали богатыя коллекціи змѣй, пауковъ, насѣкомыхъ и нѣсколько чучелъ животныхъ высшаго образованія; наконецъ, самъ начальникъ экспедиціи осмотрѣлъ до 25 памятниковъ, болѣе или менѣе невѣрно-описанныхъ его предшественниками, собралъ замѣчанія о діалектахъ персидскаго языка на протяженіи пройденнаго пути, равно какъ и свѣдѣнія объ особенностяхъ племенъ, обитающихъ въ этой сѣверной части Хорасана. Во все время путешествія производились постоянныя метеорологическія наблюденія и наконецъ произведена съемка пространства до 27,000 квадратныхъ верстъ.

Въ этомъ же засѣданіи начальникъ сибирской экспедиціи, астрономъ Л. Э. Шварцъ представилъ собранію отчетъ о занятіяхъ своихъ въ теченіе 1857 года. Главные матеріалы нынѣ оконченной экспедиціи заключаются преимущественно въ опредѣленіяхъ географическаго положенія мѣстъ, число которыхъ простирается до 254 пунктовъ, и въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которыя были производимы всѣми членами экспедиціи. Кромѣ этого, ими же составлены маршруты, обнимающіе 15,500 верстъ съ подробнымъ описаніемъ пройденныхъ мѣстъ и около 50 распросныхъ картъ прилегающихъ странъ. Маршруты эти пролегаютъ черезъ такія страны Восточной Сибири, которыя, до прибытія экспедиціи, не были посѣщены и безъ трудовъ ея оставалась бы еще долгое время или совершенными пробѣлами, или болѣе или менѣе гадательными изображеніями на картахъ. Изъисканія экспедиціи вообще будутъ имѣть большое вліяніе на измѣненіе конфигураціи страны сравнительно съ тѣмъ, какъ она изображена на лучшихъ картахъ Восточной Сибири.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій московскаго общества сельскаго хозяйства шла рѣчь о распространеніи грамотности въ Россіи. Еще въ 1845 году при обществѣ былъ устроенъ особенный комитетъ, цѣль котораго заключалась въ распространеніи грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи. Комитетомъ этимъ изданы четыре книжки о всенародномъ распространеніи грамотности, и книжки эти, при содѣйствіи духовенства, разошлись по Россіи въ нѣ-

Digitized by Google

сколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Но дѣйствія комитета впослѣдствіи слились съ дѣйствіями общества и въ послѣднее время, кажется, уступили мѣсто другимъ занятіямъ этого экономическаго учрежденія. Готовящееся измѣненіе быта сельскаго населенія обратило общество къ вопросу о распространеніи грамотности, и вотъ что́, между-прочимъ, по этому поводу было сказано его непремѣннымъ секретаремъ. «Теперь потребность образованія мильйоновъ людей сдѣлалась нераздѣльною съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, и общество наше, соединивъ свои дѣйствія въ особомъ комитетѣ для всенароднаго распространенія грамотности на религіозно-нравственномъ основаніи, по моему убѣжденію, можетъ принесть, при помощи Божіей, существенную пользу отечеству. При этомъ убѣжденіи я могъ бы сослаться на недавно-повторенныя мнѣнія знаменитыхъ англійскихъ государственныхъ мужей, лордовъ: Брума и Росселя, непрестающихъ твердить и на митингахъ и въ парламентѣ о необходимости религіозно-нравственнаго образованія въ Англіи. Но намъ, у которыхъ всѣ лучшія качества народа суть живыя историческія свидѣтельства его общаго религіознаго воспитанія, намъ позволено будетъ при этомъ вопросѣ жить своимъ умомъ и своимъ чувствомъ любви къ отечеству и человѣчеству; а потому я передаю на судъ вашъ мое мнѣніе о современной потребности соединить дѣйствія общества въ особомъ комитетѣ для всенароднаго распространенія грамотности. Этимъ мы будемъ содѣйствовать вселюбезнѣйшему нашему Монарху въ достиженіи его человѣколюбивой цѣли: дать свободу крестьянамъ, для чего твердое, религіозно-нравственное основаніе, съ необходимымъ просвѣщеніемъ, есть краеугольный камень; безъ того, при необразованности, трудно человѣку сладить съ своею свободою».

Мысль о содѣйствіи общества къ распространенію грамотности была одобрена собраніемъ, причемъ возложено на особую коммиссію разсмотрѣть уставъ прежняго комитета о грамотности и сдѣлать въ этомъ уставѣ измѣненія и дополненія сообразно съ настоящими потребностями.

Въ засѣданіи отдѣленія московскаго общества сельскаго хозяйства для улучшенія скотоводства, между-прочимъ, начальникъ этого отдѣленія довелъ до свѣдѣнія присутствующихъ, что предположеніе объ устройствѣ при отдѣленіи ветеринарной клиники приведено уже въ исполненіе и клиника можетъ быть открыта по ихъ усмотрѣнію. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, присутствующими положено: сдѣлать осенью нынѣшняго 1859 года выставку всякаго рода домашнихъ животныхъ, по особой программѣ, составленіе которой возложено на нѣсколькихъ членовъ отдѣленія; кромѣ того, учредить конкурсъ сочиненій по скотоводству, а протоколы засѣданій отдѣленія, какъ и всѣ свѣдѣнія по скотоврачеванію, печатать въ журналѣ сельскаго хозяйства въ видѣ прибавленій къ протоколамъ и потомъ дѣлать оттиски для составленія цѣлаго выпуска подъ заглавіемъ *Записки по скотоводству*. Наконецъ, предположено составить при ве-

Digitized by Google

теринарной клиникѣ еще патологическій кабинетъ. Изложивъ пользу и значеніе ветеринарной клиники, какъ учебнаго пособія для земледѣльческой школы и учебнаго хутора, равно и для жителей Москвы, неимѣющей подобнаго учрежденія, директоръ отдѣленія С. А. Масловъ возбудилъ вопросъ: изъ какихъ суммъ будетъ содержаться эта клиника, а также и учрежденный при отдѣленіи комитетъ акклиматизаціи, на которые, по штату отдѣленія, нѣтъ особой ассигновки? Съ своей стороны, желая содѣйствовать благимъ намѣреніямъ отдѣленія, директоръ просилъ: съ 1-го января будущаго года отдѣлять отъ его прибавочнаго жалованья по отдѣленію скотоводства половину, именно 142 р. 50 к. въ годъ въ распоряженіе комитета. Что же касается клиники, то разрѣшеніе вопроса о томъ: можетъ ли она содержать себя собственными доходами, или нѣтъ, положено предоставить времени и опыту.

Въ засѣданіи комитета акклиматизаціи растеній директоръ его представилъ присутствующимъ первую книжку записокъ комитета, которыя должны обобщать свѣдѣнія, касающіяся цѣли этого учрежденія. При этомъ директоръ обратилъ вниманіе сочленовъ особенно на три статьи, вошедшія въ первый выпускъ изданія, именно: статью объ акклиматизаціи растеній доктора Э. Регеля, изъ которой видно, что въ Петербургѣ и его окрестностяхъ разводится огромное число древесныхъ и кустарныхъ породъ (до 339 видовъ), что́ даетъ еще большую надежду на акклиматизацію этихъ растеній въ климатахъ болѣе-умѣренныхъ; статью академика Желѣзнова о разведеніи озимой пшеницы на сѣверѣ и статью г. Гребнера о грибномъ промыслѣ во Владимірской Губерніи, статью, дающую понятія объ экономической важности нѣкоторыхъ родовъ грибовъ. Такъ въ одномъ селѣ Мошковѣ, Владимірской Губерніи, продается сушеныхъ грибовъ болѣе чѣмъ на 30,000 р.

Говоря о сношеніяхъ комитета, которыя постепенно распространяются, директоръ указалъ, между-прочимъ, на весьма-важное дѣло, къ которому призывается комитетъ. Дѣйствительный членъ г. Сельскій обратился съ просьбою оказать ему содѣйствіе къ водворенію и распространенію всякаго рода полезныхъ растеній въ новопріобрѣтенномъ амурскомъ краѣ. Задача обширная и участіе въ ней комитета можетъ принести самыя пріятныя доказательства пользы его существованія. Комитетъ уже сдѣлалъ распоряженіе объ отсылкѣ изъ Одессы, Кіева, Тамбова и другихъ мѣстъ самыхъ лучшихъ фруктовыхъ деревьевъ. Затѣмъ предстоитъ забота о полученіи самыхъ лучшихъ сѣменъ. Страна совершенно-дѣвственная и нуждается во всемъ. Южное положеніе ея, соотвѣтствующее климату Одессы и Крыма, даетъ надежду на успѣшность водворенія всѣхъ растеній, разводимыхъ въ Европейской Россіи. Многіе изъ членовъ комитета изъявили живѣйшую готовность принять участіе въ этомъ важномъ дѣлѣ и выслать г. Сельскому сѣмена различныхъ хозяйственныхъ растеній.

Digitized by Google

— 1-го декабря открыто въ Петербургѣ общество морскихъ врачей. Уставъ этого общества еще не публикованъ, но цѣль и значеніе его высказаны вполнѣ въ рѣчи директора медицинскаго департамента морскаго министерства г. Розенбергера, который обратился къ собравшимся на открытіе общества медикамъ и другимъ лицамъ морскаго вѣдомства съ слѣдующими словами:

«Если ученыя общества, подобныя нашему (сказалъ г. Розенбергеръ), вообще не могутъ имѣть цѣлью открытіе новыхъ какихъ-либо истинъ, совершенно-новыхъ взглядовъ, или даже новыхъ законовъ природы—такъ-какъ этого достигаютъ только люди исключительные, геніальные, вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ, глубокихъ размышленій или наединѣ-произведенныхъ опытовъ—то и наше общество не должно имѣть такого высокаго, отвлеченнаго назначенія. Скромная наша цѣль, выраженная въ 1 § устава, можетъ состоять единственно въ томъ, чтобъ, посредствомъ обмѣна мыслей, поддерживать въ членахъ общества истинный духъ науки и искреннюю къ ней любовь и привязанность.»

Въ этомъ смыслѣ нѣтъ, можетъ-быть, другаго ученаго сословія, для котораго общество составляло бы предметъ такой дѣйствительной потребности, какъ сословіе нашихъ морскихъ врачей. Разбросанные по крайнимъ оконечностямъ обширнѣйшаго государства, разъединенные огромными пространствами отъ береговъ Бѣлаго Моря и Балтики до Чернаго и Каспійскаго Морей и до береговъ Восточнаго Океана, товарищи наши проводятъ значительную часть года и своей жизни на морѣ и на судахъ, почти въ совершенномъ удаленіи отъ ученаго міра, и многіе изъ нихъ, при такихъ условіяхъ, чуждаются своей части, отвыкаютъ отъ необходимаго для образованія врачей постояннаго чтенія и, невольно отставая такимъ образомъ отъ современной науки, иногда, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряютъ даже охоту къ своему дѣлу». «Чтобъ повозможности отстранить эти препятствія, умалить эти недостатки, зависящіе бо́льшею-частью, какъ я сказалъ уже, отъ самаго рода службы морскихъ врачей, мнѣ показалось однимъ изъ надежнѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ: учредить въ каждомъ изъ нашихъ главныхъ портовъ центральный пунктъ для ученыхъ сообщеній и совѣщаній, въ которыхъ всѣ наши врачи учавствовали бы, были бы обязаны отдавать другъ другу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣли бы случай ближе познакомиться другъ съ другомъ; поучиться одинъ у другаго и соревновать другъ другу въ любви къ наукѣ и ко всему доброму... Прилежное посѣщеніе засѣданій общества не отнимаетъ, а, напротивъ, сберегаетъ у членовъ его весьма-много времени, замѣняя собою чтеніе цѣлаго ряда книгъ и журналовъ, годъ-отъ-году размножающихся въ такой степени, что чтеніе всѣхъ, или даже только бо́льшей части ихъ, становится дѣломъ невозможнымъ для одного человѣка. Въ обществѣ трудъ этотъ раздѣляется и каждый участвуетъ въ трудѣ другаго. Но еще гораздо-важнѣе нравственное вліяніе общества, налагающее на членовъ своихъ, даже отсутствующихъ, постоянную обязанность

Digitized by Google

добросовѣстно заниматься и работать. Ни время, ни пространство не могутъ уничтожить этого вліянія. Мысль, что въ свое время нужно отдать отчетъ обществу о своей поѣздкѣ, не оставляетъ откомандированнаго ни на одну минуту и удвоиваетъ его вниманіе въ исполненіи обязанности или особо-даннаго порученія; ему извѣстно, что гораздо-труднѣе угодить строгой критикѣ товарищей, чѣмъ самымъ требованіямъ своего начальства.» Въ засѣданіяхъ общества, кромѣ врачей, по желанію его высочества генерал-адмирала, дозволено присутствовать и морскимъ офицерамъ, въ особенности командирамъ судовъ и командъ, для которыхъ можетъ имѣть весьма-важный интересъ вопросъ о гигіеническомъ содержаніи людей, судовъ и казармъ.

«Въ совѣщаніяхъ общества первое мѣсто (сказалъ г. Розенбергеръ) займутъ, безъ сомнѣнія, изустныя практическія сообщенія и писанные отчеты госпитальныхъ врачей; но чтобъ статьи эти, чисто-медицинскаго содержанія, могли имѣть полное научное значеніе, вести къ вѣрнымъ заключеніямъ и подвинуть впередъ ивкусство врачеванія морскихъ чиновъ, необходимо нужно, чтобъ они основаны были на внимательномъ и добросовѣстномъ наблюденіи больныхъ и на вѣрныхъ описаніяхъ болѣзни... Скорбные листы, въ понятіяхъ каждаго образованнаго врача, составляютъ въ госпиталяхъ предметъ первостепенной важности; они суть документы о сдѣланныхъ надъ природою наблюденіяхъ, которыхъ даже повторить и поправить нельзя, потому-что каждый представляющійся случай болѣзни есть въ своемъ родѣ новый, небывалый; они суть такія же данныя для справокъ и будущихъ разъисканій, какъ, напримѣръ, астрономическое наблюденіе, относящееся къ этому именно часу, къ этой минутѣ и никогда-неповторяющееся при тѣхъ же точно условіяхъ. Тысячи изъ этихъ наблюденій дѣлаются понапрасну и пропадаютъ безъ пользы, или оттого, что сами-по-себѣ не представляютъ особой важности, или потому, что остаются безъ должнаго употребленія: но это никогда не останавливаетъ астронома записывать каждое сдѣланное имъ наблюденіе съ требуемою однажды навсегда точностью и пунктуальностью; онъ знаетъ, что наблюденіе, считающееся сегодня неважнымъ или даже и лишнимъ, можетъ завтра дать начало и сдѣлаться шагомъ къ величайшему открытію. То же самое почти слѣдуетъ сказать и о скорбныхъ листахъ, которые ведутся хорошо и вѣрно.... Второй предметъ первостепенной важности, который чаще другихъ будетъ насъ занимать здѣсь, это—корабельные медицинскіе журналы, существующіе у насъ съ 1854 г. Излишне было бы распространяться о несомнѣнной пользѣ и великомъ значеніи этого нововведенія, обязывающаго корабельныхъ медиковъ постоянно и ежедневно не только замѣчать, но и записывать все достойное ихъ вниманія, относится ли оно къ господствующимъ на суднѣ и въ странѣ, въ которой судно находится, болѣзнямъ или къ другимъ обстоятельствамъ этой страны, этого моря, или самаго судна, могущимъ имѣть вліяніе на состояніе здоровья командъ, или посредствомъ двухъ упомянутыхъ родовъ занятій, чтенія госпитальныхъ отчетовъ

Digitized by Google

съ одной; и корабельныхъ журналовъ съ другой стороны, мы не только будемъ проводить свое время полезно и пріятно, но, должны надѣяться, современемъ соберемъ достаточный запасъ интересныхъ матеріаловъ и для печатанія, а, можетъ-быть, и для составленія особаго медицинскаго журнала. «Изъ приведенныхъ выписокъ видны цѣль и направленіе новаго общества, важность и значеніе котораго не требуетъ поясненій. Число докторовъ у насъ вообще весьма-незначительно, что выказалось вполнѣ во время послѣдней кампаніи, а между состоящими на-лицо медиками, должно сказать правду, немного такихъ, которые бы дѣятельно и усердно слѣдили за наукою. Въ этомъ сословіи, какъ и въ другихъ, множество членовъ, исполняющихъ только формально свои обязанности: дѣлающихъ визиты, отписывающихся рецептами и принимающихъ гонорарій. А вредъ, приносимый обществу докторомъ-формалистомъ, конечно, гораздо-болѣе того, который приноситъ чиновникъ-формалистъ, болѣе уже потому, что первый не подлежитъ никакому контролю, тогда-какъ ему безпрестанно ввѣряется драгоцѣннѣйшія блага: здоровье и жизнь человѣка. Апатія въ наукѣ, особенно такой, какъ медицина, можетъ принести величайшее зло обществу, и надобно употреблять всѣ мѣры, всѣ усилія, чтобъ отписываньe не имѣло мѣсто по-крайней-мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло прямо касается столь важныхъ интересовъ. Надобно употреблять всѣ усилія, чтобъ возбудить въ дѣятеляхъ этого рода энергію, любовь къ ихъ занятіямъ, чтобъ пріучить ихъ общими силами разработывать вопросы науки, общими наблюденіями доходить до полезныхъ открытій. Въ этомъ отношеніи мы даемъ большое значеніе учрежденію такого общества, какъ общество морскихъ врачей, и надобно думать, что полезный примѣръ морскаго вѣдомства найдетъ и сочувствіе и подражаніе.

**Крестьяне-собственники.** — Въ настоящее время, когда вопросъ о сельскомъ населеніи занимаетъ первое мѣсто среди другихъ общественныхъ вопросовъ и когда всѣми сознается трудность и важность его рѣшенія, представляется особенно-настоятельная необходимость въ изученіи земледѣльческаго сословія во всѣхъ его видахъ, во всѣхъ фазисахъ его общественнаго положенія. Такое дѣло, какъ образованіе новаго сословія, нельзя рѣшить на основаніи только данныхъ теоретическихъ, для разрѣшенія его недостаточно одной опытности практической, но необходимо какъ то и другое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историческое изученіе развитія этого класса. Сознаніе такой необходимости было причиною появленія двухъ журналовъ спеціально-посвященныхъ земледѣльческому сословію. «Журналъ Землевладѣльцевъ» и «Сельское Благоустройство»; но, кромѣ ихъ, въ этомъ отношеніи важную услугу можетъ оказать «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ». Государственные крестьяне составляютъ огромную цифру въ общемъ итогѣ земледѣльческаго населенія и въ настоящемъ устройствѣ своемъ представляютъ состояніе, къ которому, вѣроятно, будетъ весьма-близко подходить то сословіе, ко-

Digitized by Google

которое образуется изъ имѣющихъ получить свободу помѣщичьихъ крестьянъ. У государственныхъ крестьянъ существуютъ различныя учрежденія, которыхъ не было доселѣ, но которыя, вѣроятно, явятся въ будущемъ у всего сельскаго населенія, какъ, напримѣръ, общественное управленіе, сельскіе банки, мірскіе капиталы, и проч. и проч. Мы вовсе не хотимъ сказать, что учрежденія, существующія у государственныхъ крестьянъ кажутся намъ идеалами для будущихъ учрежденій подобнаго рода, но думаемъ, что свѣдѣнія даже о самыхъ ошибкахъ, о самыхъ недостаткахъ въ той или другой мѣрѣ могутъ служить съ пользою для будущаго. Вотъ почему въ то время, когда въ частныхъ земледѣльческихъ изданіяхъ, на основаніи теоріи и практики разсматриваются различные вопросы, касающіеся сельскаго населенія, весьма-интересны и полезны офиціальныя данныя, болѣе или менѣе касающіяся тѣхъ же вопросовъ и извлеченныя изъ опытовъ, произведенныхъ въ большихъ размѣрахъ. Съ этой точки зрѣнія, «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» можетъ имѣть значеніе не только для лицъ, служащихъ по вѣдомству министерства, но и для каждаго интересующагося главнѣйшимъ современнымъ вопросомъ. На этомъ основаніи мы даемъ большое значеніе введенному въ послѣднее время въ этомъ журналѣ камеральному отдѣлу, въ которомъ помѣщаются статьи, касающіяся статистики и исторіи различныхъ частей, находящихся въ завѣдываніи министерства. Этотъ отдѣлъ можетъ представить много важныхъ, интересныхъ данныхъ, лучшимъ доказательствомъ чему служатъ нѣкоторыя появившіяся уже въ немъ статьи. Такъ мы съ большимъ интересомъ просмотрѣли статьи г. Раега о крестьянскихъ школахъ и мірскихъ капиталахъ. Въ этихъ статьяхъ представляется рядъ статистическихъ данныхъ, касающихся того и другаго вопроса и могущихъ служить къ разъясненію многихъ недоумѣній, въ томъ числѣ о вліяніи грамотности на земледѣльческое сословіе. Но особенно современна и заслуживаетъ вниманія статья г. Вешнякова. О *крестьянахъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ*». Она представляетъ вполнѣ-законченное, научное изслѣдованіе о возникновеніи у насъ этого разряда земледѣльческаго сословія, начало которому положено указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ: этимъ первымъ шагомъ правительства къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Бросивъ бѣглый историческій взглядъ на владѣніе крестьянами землею, авторъ говоритъ, что, по сохранившимся историческимъ памятникамъ, такое право въ древней Россіи не было исключительнымъ преимуществомъ одного какого-либо класса людей, по-крайней-мѣрѣ не встрѣчалось положительныхъ запрещеній на обладаніе такою собственностью ни для городскаго, ни для сельскаго населенія. Примѣры же пожалованія земель въ вотчину *крестьянамъ, съ обѣлѣніемъ* ихъ отъ всѣхъ податей, начинаются только при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, давшемъ зятю Ивана Сусанина половину деревни Деревянищь.

По «Уложенію» Алексѣя Михайловича и всего послѣдующаго законодательства до императора Александра I, право поземельной соб-

Digitized by Google

ственности принадлежало одному высшему сословію, хотя и въ это время прежде пріобрѣтенныя сельскими обывателями вотчинныя права были свято уважаемы. Но полное и неограниченное право пріобрѣтать незаселенныя земли отъ всѣхъ лицъ даровано казеннымъ крестьянамъ только 12 декабря 1801 года, слѣдующимъ достопамятнымъ указомъ императора Александра I: «Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышлености народной, соразмѣрно со способами, какіе Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признали мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ, подъ разными именами извѣстныхъ, земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что́ на поверхности и въ нѣдрахъ ея находится, распространить на всѣхъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе того предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ, пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ, каждому отъ своего имени, въ учрежденныхъ на то мѣстахъ, законнымъ порядкомъ собственность ихъ ненарушимо ограждающимъ». Но число лицъ, воспользовавшихся правами, предоставленными приведеннымъ указомъ, было невелико. Изъ представленной въ цитируемой статьѣ таблицы видно, что общее число государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ собственными землями, равняется 268,473, изъ которыхъ живущихъ на собственныхъ земляхъ и непользующихся казенными, только 29,101. Изъ сравненія этихъ цифръ съ цифрою общаго населенія вѣдомства государственныхъ имуществъ въ 33 губерніяхъ, оказывается, что настоящее число крестьянъ-пріобрѣтателей собственности составляетъ менѣе трехъ процентовъ—«доказательство (говоритъ г. Вешняковъ), ка́къ бѣдны еще вообще способы крестьянъ и ка́къ неразвита въ нихъ наклонность къ *поземельной собственности!* При обезпеченномъ имъ пользованіи казенною землею, они, къ-сожалѣнію, еще мало чувствуютъ и сознаютъ потребность въ отдѣльной личной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ распространеніемъ образованія между крестьянами, общее стремленіе нашего времени къ развитію промышленныхъ предпріятій вызоветъ и крестьянъ къ бо́льшей предпріимчивости въ дѣлѣ сельскаго хозяйства». Но если указъ 1801 года не возбудилъ особенно-большаго желанія въ лицахъ всѣхъ свободныхъ состояній пріобрѣтать земельную собственность, то онъ имѣетъ важное значеніе въ томъ отношеніи, что, вызвалъ другой указъ, 1803 года, которымъ учрежденъ новый классъ земледѣльческаго сословія — *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. Мысль объ образованіи этого класса принадлежитъ графу Сергѣю Петровичу Румянцеву, который, вслѣдъ за изданіемъ указа 1801 года, обратился къ государю съ слѣдующимъ, въ высшей степени интереснымъ письмомъ, впервые появившимся въ печати въ статьѣ г. Вешнякова:

Digitized by Google

«Указъ вашего императорскаго величества (писалъ графъ), распространяющій право земской собственности на всѣ свободныя состоянія государства, есть учрежденіе такой важности и пользы, что можетъ быть оно поставлено въ числѣ тѣхъ, кои не къ лѣтописямъ частнаго народа, но всего человѣчества, такъ-сказать, принадлежатъ. Преддверіемъ оно будетъ у насъ преобразованія, превышающаго учиненное Петромъ-Великимъ. Тогда истреблялось насильственнымъ образомъ невѣжество — состояніе, о которомъ могутъ быть пренія. Теперь же, всемилостивѣйшій государь! нечувствительно и безъ всякаго опасенія начаться можетъ постепенное уничтоженіе и самаго рабства, которое не иное что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе. Внемлите, всемилостивѣйшій государь! нижайшимъ моимъ представленіямъ. Не токмо не содержатъ они ничего, чѣмъ бы спокойствіе подданныхъ вашихъ, вамъ столь дорогое, встревожено быть могло; напротивъ, дерзаю сказать, что спокойствіе ихъ воспріиметъ оттого дѣйствительность, и что ни малѣйшаго повода къ жалобамъ и неудовольствіямъ ваше императорское величество тѣмъ подать не изволите, поелику въ предложеніяхъ моихъ разрѣшеніе трудностей основывается на добровольныхъ соглашеніяхъ и взаимныхъ равно для дворянства, какъ и для крестьянъ выгодахъ. Надлежитъ только, всемилостивѣйшій государь, дополнить и распространить указъ 12 декабря, отчего и властенъ будетъ всякъ приступить къ распоряженіямъ таковымъ же, о которыхъ осмѣливаюсь я здѣсь утрудить ваше императорское величество, испрашивая дозволеніе испытать то въ имѣніи, мнѣ принадлежащемъ.

«Не безъизвѣстно вашему императорскому величеству, что многіе помѣщики находятъ выгоды чрезвычайныя увольнять лично крестьянъ изъ платы; слѣдственно, уволили бы охотно и цѣлыми селеніями, когда бы въ томъ находили противъ продажи преимущество.

«Внимая такому расположенію, кажется бы, можно было установить, что невозбранно никакому помѣщику, пользующемуся свободнымъ имѣніемъ, увольнять и цѣлыми селеніями, утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ на такихъ условіяхъ, кои согласуются съ государственными узаконеніями и кои полезными найдены будутъ обоюдно. Правительству же останется тогда быть лишь безпристрастнымъ и строгимъ таковыхъ постановленій ручателемъ; а крестьянъ, покушающихся быть несостоятельными, брать въ рекруты, давая помѣщикамъ квитанціи и возвращая симъ послѣднимъ семейство и земли. Встрѣчается еще препятствіе: недостатокъ въ государствѣ сословія, образующаго свободнаго крестьянина, а потому въ могущихъ откупиться или дѣлать договоры пребудетъ всеконечно недовѣріе къ прочности обѣщаннаго имъ благосостоянія. Паче же устрашить ихъ должно подозрѣніе попасть въ раздачу, могущую послѣдовать отъ государей; но когда у насъ мѣщане и купцы пребывали доселѣ безопасными принадлежать частному человѣку, то воспрещаетъ ли что дать граммату крестьянамъ,

Digitized by Google

желающимъ питаться на свободѣ продолженіемъ сельскихъ трудовъ; въ разсужденіи же податей и обязанностей государственныхъ слѣдуетъ имъ въ общей всѣмъ крестьянамъ зависимости остаться. Итакъ, все заключается, всемилостивѣйшій государь! первое: въ дозволеніи помѣщикамъ увольнять цѣлыми селеніями, равно какъ и изъ оныхъ каждаго, со утвержденіемъ законнымъ и крѣпостнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ условій, на которыя окажется непринужденное съ обѣихъ сторонъ согласіе и которыя ничего противнаго государственнымъ узаконеніямъ не содержатъ; правительству же быть строгимъ ручателемъ таковыхъ постановленій на основаніи вышесказаннаго; второе; въ учрежденіи новаго въ государствѣ сословія, подъ именемъ уволеннаго крестьянина, а въ разсужденіи селеній подъ названіемъ слободы, каковыя въ Россіи уже существуютъ. Утрудивъ и такъ уже вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзаю я распространяться здѣсь о всѣхъ важнѣйшихъ свѣдѣніяхъ, кои неминуемо будутъ истекать отъ учрежденія въ государствѣ состоянія земледѣльческаго и дарованія свойственныхъ ему преимуществъ; но еслибъ вашему императорскому величеству угодно было взойти въ дальнѣйшее разсмотрѣніе всѣхъ слѣдствій, то усмотрѣли бы еще, всемилостивѣйшій государь, всѣ важнѣйшія того выгоды и по всѣмъ частямъ государственнаго хозяйства, равно какъ и политической силы».

Прошеніе графа Румянцова было передано въ государственный совѣтъ, въ которомъ засѣдали люди, вполнѣ-способные оцѣнить и поддержать благодѣтельную для народа мысль графа, какъ-то: графъ Завадовскій, графъ Зубовъ, графъ И. Румянцевъ, Вязьмитиновъ, князь Лопухинъ, графъ Кочубей, Державинъ и Трощинскій. Въ редакціи журналовъ совѣта по этому вопросу, по званію экспедитора, принималъ непосредственное участіе Сперанскій. Въ четырехъ засѣданіяхъ обсуждался проектъ графа Румянцова. Совѣтъ находилъ предложенную имъ мѣру важною и полезною и затруднялся только относительно способа, которымъ привести предположеніе въ исполненіе. Мысль объ освобожденіи крестьянъ до того утвердилась въ тогдашнемъ обществѣ, что малѣйшее прикосновеніе къ этому предмету могло произвести рядъ опасныхъ заблужденій. Помѣщики могли счесть подобный законъ за нарушеніе ихъ вѣковыхъ правъ; крестьяне, подъ вліяніемъ расположенія къ свободѣ, даже при добровольныхъ сдѣлкахъ, могли согласиться на такія условія помѣщиковъ, которыя бы могли быть для нихъ разорительны. Вслѣдствіе такихъ соображеній, государственный совѣтъ нашелъ нужнымъ составить указъ по этому вопросу въ такомъ смыслѣ, что освобожденіе крѣпостныхъ людей съ отдачею имъ земли разрѣшается частно, на одно лицо, вслѣдствіе прошенія графа Румянцова, причемъ дозволеніе это распространяется и на всѣхъ желающихъ. Такой указъ и былъ изданъ 20 февраля 1803 года и послужилъ началомъ къ образованію класса *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. Для законной силы распоряженій, изложенныхъ въ указѣ, установлены были особыя правила, изъ числа

Digitized by Google

которыхъ упомянемъ объ одномъ, указывающемъ, что и тогда уже сознавали преимущество частнаго владѣнія землею передъ общиннымъ. При заключеніи условій, помѣщикъ обязывался раздѣлить всю дачу на участки, такъ, чтобъ каждый изъ увольняемыхъ крестьянъ могъ имѣть въ виду опредѣлительно свой участокъ земли и получить на него планъ за подписаніемъ уѣзднаго землемѣра и помѣщика. «Замѣчательна (прибавляетъ при этомъ совершенно-справедливо г. Вешняковъ) логическая послѣдовательность этихъ началъ. «На правѣ крестьянъ покупать землю въ собственность основали они учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, то-есть крестьянъ-собственниковъ; принявъ же въ основу учрежденія начало собственности, они не сдѣлали ея мірскою, сознавая, что безъ личной собственности нѣтъ истинной собственности, ибо тамъ, гдѣ владѣетъ міръ, хотя бы и на правѣ собственности, никто въ отдѣльности не можетъ считать себя собственникомъ. Для каждаго изъ членовъ міра порознь, право это фиктивно»... Мѣра объ освобожденіи крестьянъ со стороны нѣкоторыхъ была встрѣчена кривыми толками и недовѣріемъ; другіе, напротивъ, выказали къ ней большое сочувствіе. Сочувствіе это выражалось и прозою и стихами. Читатели «Отечественныхъ Записокъ» знакомы съ статьею М. В. Храповицкаго, подъ названіемъ «Мысли по случаю учрежденія вольныхъ хлѣбопашцевъ въ Россіи въ 1803 году», а отчасти и съ его одою, написанною по тому же случаю. Какъ то́, такъ и другое произведеніе, если не имѣютъ значенія литературнаго, то важны какъ выраженія мыслей, взглядовъ и участія, вызванныхъ первымъ шагомъ, сдѣланнымъ къ прекращенію крѣпостнаго состоянія въ нашемъ отечествѣ,

. . . . Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ
И сынъ въ отечествѣ любезномъ!
Его подъ кровъ пріялъ законъ.

писалъ Храповицкій.

Первые помѣщики, которые уволили своихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, были: статскій совѣтникъ Петрово-Соловово, который отпустилъ въ Воронежской Губерніи 5001 душу со всею землею, съ условіемъ уплатить 1,500,000 рублей ассигнаціями въ-теченіе девятнадцати лѣтъ, затѣмъ графъ Румянцевъ уволилъ 199 душъ безъ всякой платы, тайный совѣтникъ Куракинъ освободилъ 2986 душъ за 1,100,000 р. асс. въ-теченіе двадцати-пяти лѣтъ.

Такимъ-образомъ, учрежденіе 20 февраля 1803 года положило начало освобожденія крестьянъ. Впослѣдствіи обстоятельства потребовали дополненій и измѣненій въ первоначальныхъ постановленіяхъ и такимъ-образомъ составился рядъ узаконеній о свободныхъ хлѣбопашцахъ, сведенныхъ въ систему «Сводомъ Законовъ».

Въ числѣ прочихъ измѣненій, сдѣланныхъ въ этомъ учрежденіи, перемѣнено и самое наименованіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Высо-

Digitized by Google

чайшимъ указомъ 15 іюля 1848 года, для совершенной сообразности съ принятыми въ «Сводѣ Законовъ» о состояніяхъ наименованіями различныхъ родовъ сельскихъ обывателей, прежде-называвшихся свободными хлѣбопашцами, повелѣно именовать государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ, сохраняя притомъ всѣ выгоды и преимущества, предоставленныя указомъ 1803 года.

Въ числѣ дополненій къ первоначальнымъ законамъ о крестьянахъ относится позволеніе вступать въ число свободныхъ хлѣбопашцевъ вольноотпущенныхъ безъ земли, отставнымъ военнымъ нижнимъ чинамъ, крестьянамъ, выкупившимся съ землею, при продажѣ имѣній и проч. Всѣхъ крестьянъ, выкупившихся съ землею, въ-теченіе пяти лѣтъ (съ 1848—1852 г.) было 964 человѣка, земли за ними значилось 5032 десятины, выкупу заплачено ими 100,566 р. 10 к.

Всѣхъ крестьянъ, уволенныхъ помѣщиками въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, числилось по 7 ревизіи—23,187 душъ; по 8 ревизіи—65,311; по 9 ревизіи—137,034 души. По свѣдѣніямъ казенныхъ палатъ за 1857 г. считалось таковыхъ 151,895 душъ мужскаго пола. Изъ этого числа около половины принадлежитъ губерніямъ: Воронежской, Рязанской, Московской, Нижегородской и Ярославской, другая половина—прочимъ 32 губерніямъ. Какъ велико было количество земли, переходившее во владѣніе крестьянъ—объ этомъ свѣдѣній за всѣ годы не имѣется, въ послѣднія же 15 лѣтъ уволенные 41,539 душъ получили въ свое владѣніе 285,629 десятинъ, т. е. около 6 десятинъ на душу. Представить общій итогъ денежныхъ обязательствъ, взятыхъ крестьянами, также невозможно. Можно сказать только, что 72,847 душъ обязались уплатить единовременно разомъ или съ разсрочкою въ годы 5,351,831 р. с., что составляетъ по 73 р. с. на душу. Но если средняя цифра выкупа довольно-умѣренна, то изъ общаго правила были и исключенія. Такъ въ 1818 г. кн. Шаховской, въ Костромской губерніи, за 10,000 р. асс. уволилъ 2 души, а въ 1822 г. въ той же губерніи майоръ Колычевъ за 32,000 р.—8 душъ и т. п. Подробныя свѣдѣнія обо всѣхъ увольненіяхъ и условіяхъ, заключаемыхъ при этомъ, помѣщены у г. Вешнякова въ особыхъ приложеніяхъ. Условія эти весьма-разнообразны и иногда даже нѣсколько-оригинальны.

Мы представили только въ главныхъ чертахъ статью г. Вешнякова. Желающихъ познакомиться ближе съ исторіею крестьянъ-собственниковъ отсылаемъ къ самой статьѣ, въ которой много интересныхъ подробностей и которая, несмотря на серьёзное содержаніе, читается весьма-живо. Авторъ обѣщаетъ впослѣдствіи сообщить исторію другихъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ-то: однодворцевъ западныхъ губерній, колонистовъ, малороссійскихъ казаковъ и пр. и пр. Ожидаемъ исполненія этого обѣщанія. Рядъ статей, сообщающихъ данныя, касающіяся образованія различныхъ видовъ государственныхъ крестьянъ, различныхъ учрежденій, существующихъ въ этомъ сословіи и т. п., а также статьи финансовыя и статистическія, въ родѣ статей г. Тернера, помѣщенныхъ въ смѣси

Digitized by Google

двухъ послѣднихъ книжекъ, могутъ придать журналу интересъ и вывести его изъ круга читателей только своего вѣдомства. Но намъ кажется излишнимъ помѣщать въ журналѣ статьи въ родѣ «руководства къ осушенію и воздѣлыванію болотъ». Для спеціалиста онѣ едва-ли представятъ что-нибудь новое; неспеціалистъ же едва-ли станетъ и читать ихъ. Журналъ министерства, кажется намъ, долженъ быть, съ одной стороны, органомъ распоряженій, выраженіемъ мыслей и взглядовъ министерства на предметы его управленія, съ другой — знакомить публику съ добытыми офиціальнымъ путемъ данными, изслѣдовать вопросы, касающіеся до его вѣдѣнія и т. п. Сообщеніе же статей, касающихся только до нѣкоторыхъ листовъ его вѣдомства едва-ли нужно, тѣмъ болѣе, что могло бы завлечь журналъ слишкомъ-далеко.

Впрочемъ, это замѣчаніе мимоходное; вообще же «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» постепенно дѣлается интереснѣе, и мы надѣемся еще не разъ обратиться къ этому изданію.

**Пожертвованіе со стороны городскихъ обществъ.** — Мы говорили уже о пожертвованіи вятскаго купечества, сдѣланномъ для учрежденія въ Вяткѣ женской школы. Примѣру губернскаго города послѣдовалъ и одинъ изъ городовъ уѣздныхъ, именно: Котельничъ. Купеческое и мѣщанское сословія этого города не только изъявили полное согласіе на учрежденіе училища для дѣвицъ средняго сословія, но даже уступили общественный домъ и на содержаніе училища обязались вносить ежегодно: купцы 1-й гильдіи 20 р., 2-й гильдіи—10 р. и 3-й гильдіи 1 р. с. Сверхъ-того, при совершеніи браковъ, съ жениха и невѣсты съ купцовъ 1-й гильдіи 36 р., 2-й гильдіи — 19 р., 3-й гильдіи 5 р., а съ мѣщанъ 80 к., а при крещеніи новорожденныхъ, сына или дочери, взыскивать съ купцовъ 1-й гильдіи 5 р., 2-й гильдіи 3 р. и 3-й гильдіи 1 р. Если же всѣхъ этихъ сборовъ на покрытіе расходовъ по училищу будетъ недостаточно, то употребить на этотъ предметъ, съ разрѣшенія начальства, часть городскихъ доходовъ, такъ-какъ доходы Котельнича въ довольно-хорошемъ положеніи. Независимо отъ этого, котельничскій городской голова Кардаковъ, желая содѣйствовать скорѣйшему открытію училища, объявилъ, что, до формальнаго учрежденія, онъ вызывается открыть училище на собственный счетъ, жертвуя для того свой домъ и принимая всѣ расходы на содержаніе его въ первый годъ на свой счетъ. Сообщаемъ это извѣстіе съ всѣми подробностями, чтобъ указать на новый родъ сборовъ, придуманный горожанами Котельнича, съ браковъ и новорожденныхъ. Сборы эти, распредѣленные сообразно торговымъ оборотамъ по каждой гильдіи, относительно весьма-невелики, а вмѣстѣ съ тѣмъ они не лишены основаній, такъ-какъ браки и новорожденные имѣютъ близкое отношеніе къ воспитанію. Пожертвованіе котельничскаго купечества важно даже и въ томъ случаѣ, еслибъ оно, по примѣру многихъ другихъ городовъ, вздумало свои жертвы разложить на покупателей,

Digitized by Google

потому-что такой косвенный на всѣхъ обывателей города налогъ имѣетъ весьма полезную цѣль.

Судя по свойству и новости сборовъ въ Котельничѣ, надобно думать, что они сдѣланы совершенно-добровольно, единственно изъ сознанія пользы его назначенія. Мы говоримъ «добровольно» потому-что, какъ извѣстно, очень-часто, если, можетъ-быть, не теперь, то прежде, разные сборы и даже пожертвованія городскихъ обществъ дѣлались по общественнымъ приговорамъ, но безъ желанія приговаривавшихъ. При извѣстной сноровкѣ и ловкости очень-нетрудно поставить горожанъ въ такое положеніе, что они, волей или неволей, подпишутъ всякое приношеніе, всякій сборъ. Способы для этого бываютъ различные и зависятъ отъ характера и положенія начальствующаго лица. Одни употребляютъ для этого мѣры рѣшительныя и энергическія, другіе, болѣе-ловкіе, дѣйствуютъ посредствомъ воззваній и циркулярныхъ приглашеній, стоющихъ иногда и мѣръ энергическихъ... Конечно, по существующимъ законамъ, обществамъ предоставлено ходатайствовать о своихъ нуждахъ, заботиться о своихъ интересахъ, распоряжаться своимъ имуществомъ и пр. и пр., но въ большей части случаевъ законъ остается весьма-хорошимъ закономъ, а исполнители и наблюдатели за исполненіемъ — людьми, служащими прежде всего своимъ видомъ и интересамъ. Сколько въ наше время ни говорятъ объ уваженіи къ человѣку и человѣческому достоинству, объ уравненіи правъ гражданъ и т. п. (о чемъ теперь весьма-краснорѣчиво разсуждаютъ даже люди, никогда неразсуждавшіе), а какъ посмотришь, такъ и увидишь, что все это только говорится до перваго случая; а попробуй-ка этотъ восхваляемый гражданинъ сказать слово въ предоставленную ему закономъ защиту своихъ правъ, такъ начальство посыплетъ своими громами и молніями, видя въ такой защитѣ оскорбленіе своего достоинства, неповиновеніе властямъ и пр. и пр. Иное начальство никакъ не можетъ себѣ представить, чтобъ какой-нибудь горожанинъ «могъ смѣть свое сужденіе имѣть», хотя бы дѣло касалось собственныхъ его интересовъ. «Не разсуждать, а исполнять волю начальства» — вотъ девизъ, который господствовалъ нѣкогда въ нашемъ обществѣ, особенно же въ обществѣ военномъ. Теперь надъ такимъ правиломъ начинаютъ посмѣиваться даже печатно, но отвыкнуть отъ старыхъ убѣжденій нелегко и люди стараго порядка, конечно, отъ него не отвыкнутъ. А пока права разныхъ сословій разсуждать и ходатайствовать о своихъ нуждахъ должны приводиться въ исполненіе подъ управленіемъ начальственныхъ дирижеровъ, пока не будетъ возможно высказывать откровенно свои нужды и желанія, нечего намъ и ждать ни внутреннихъ улучшеній, ни благосостоянія нашихъ городовъ. Такой порядокъ дѣла, вмѣстѣ съ множествомъ формальностей, какъ паутиной опутываетъ всякія стремленія къ улучшеніямъ и нововведеніямъ. Вотъ какъ, напримѣръ, объ этихъ формальностяхъ пишетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Н-нъ, въ статьѣ своей: *О городскихъ головахъ уѣздныхъ городовъ*. На обвиненіи автора другой статьи, противъ городскихъ головъ, кото-

Digitized by Google

рые мало заботятся объ увеличеніи доходовъ, возвышеніи городовъ, поощренія земледѣлія, тогда-какъ для послѣдней цѣли могли бы отдавать на нѣсколько лѣтъ безплатно подъ ферму городскія земли и т. п., онъ замѣчаетъ о послѣднемъ предложеніи слѣдующее:

«Теперь предположимъ (говоритъ онъ), что есть городъ, у котораго земля, по выраженію автора, валяется напрасно, и городской голова этого города, прочтя статью автора, захотѣлъ воспользоваться именно его предложеніемъ: учредить, для поощренія земледѣлія, фермерство на нѣсколько лѣтъ безвозмездное и дать фермеру заимообразно денегъ изъ городскихъ доходовъ на первоначальное обзаведеніе. Какъ же онъ долженъ приступить къ этому дѣлу? Прежде всего, конечно, долженъ быть исполненъ законный порядокъ объ отдачѣ земель въ оброчное содержаніе, который мы привели выше (*), дабы убѣдить начальство, что дѣйствительно, по безплодности земли, на торги не явилось желающихъ взять ее въ содержаніе за деньги: иначе начальство можетъ подумать, что голова, согласившись съ кѣмъ-нибудь изъ гражданъ, хлопочетъ о фермерствѣ изъ собственныхъ выгодъ. Начальство не убѣдится однимъ разомъ; оно велитъ назначить торги во второй разъ. Но нѣтъ успѣха ни во второй, ни въ третій разъ. Тогда голова, изложивъ всѣ причины, *клонящіяся къ желаемому ходу дѣла*, представляетъ правленію о дозволеніи отдать землю такому-то, на столько-то лѣтъ, для поощренія земледѣлія, въ безвозмездное пользованіе. Правленіе, конечно, задаетъ головѣ вопросы: какъ? почему? на какомъ основаніи? Голова отвѣчаетъ прежними причинами, и правленіе ему отказываетъ, по неимѣнію въ виду на то закона. Но голова именно такой, какого желаетъ авторъ: голова самъ ѣдетъ въ губернскій городъ, объясняетъ, кланяется, проситъ... Трудно пройти представленію головы черезъ губернское правленіе, потому-что правленіямъ воспрещено входить съ представленіями къ начальству по такимъ предметамъ, о которыхъ не установлено положительныхъ законовъ... Для обсужденія новыхъ обстоятельствъ, на которыя нѣтъ закона, правленіямъ, конечно, предоставлено сзывать всѣ губернскія власти и потомъ уже представлять куда слѣдуетъ; но дѣла, бо́льшею частью, такъ неважны, что не стоитъ назначать для нихъ собраніе губернскихъ властей... Положимъ, что представленіе о фермерствѣ такъ счастливо, благодаря ходатайству головы, что оно прошло правленіе и пошло куда слѣдуетъ въ Петербургъ, на разрѣшеніе. Но уже тамъ едва-ли фантазія головы пройдетъ благополучно!.. Однако, стараясь

(*) При просьбѣ объ уступкѣ городской земли и согласіи на то городскаго общества, составляются кондиціи на отдачу, которыя переходятъ на утвержденіе губернскаго правленія, затѣмъ назначаются торги, о чемъ должно публиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ. На торгахъ проситель долженъ торговаться, и если земля останется за нимъ, просителемъ, то объ этомъ доносится губернскому правленію, а правленіе обязано представить это на утвержденіе соотвѣтствующаго начальства въ Петербургѣ.

Digitized by Google

быть на сторонѣ автора, мы скажемъ, что дѣло о фермерствѣ все-таки оканчивается счастливо, и чрезъ пять-шесть лѣтъ переписка возвращается къ своимъ роднымъ полямъ. Но—увы! давно уже нѣтъ того головы, который дѣлалъ о немъ представленіе: голова другой, а этотъ вовсе не хочетъ давать фермеру заимообразно сумму изъ городскихъ доходовъ на первоначальное обзаведеніе, и по основательнымъ причинамъ: въ случаѣ несчастія съ фермеромъ, голова долженъ отвѣтствовать за выданную ему сумму своею собственностью. Къ тому же, скоро окончится и его срокъ службы, а при этомъ онъ обязанъ сдать городскую сумму другому головѣ въ полномъ количествѣ...» Вся эта длинная процедура, придуманная, вѣроятно, для обезпеченія городскихъ интересовъ, могла бы быть вдвое сокращена и принесла бы вдвое болѣе пользы, въ настоящее время, вмѣстѣ съ отношеніями начальниковъ къ лицамъ, служащимъ по выборамъ, лишаетъ послѣднихъ всякой энергіи, всякаго желанія быть полезными для избравшаго ихъ общества и дѣлаетъ ихъ или совершенно ко всему апатичными или обращаетъ въ простыхъ чиновниковъ, которые прежде всего думаютъ о награжденіяхъ и готовы на всякія услуги начальству, мимо даже пользъ согражданъ, только бы получить медаль, крестъ или какое-нибудь почетное званіе. Вмѣсто того, чтобъ быть защитниками своего сословія, ходатаями о его нуждахъ, эти избранные обращаютъ общество въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей и, какъ въ старой сказкѣ о горячихъ каштанахъ и обезьянѣ, добиваются, напримѣръ, наградъ и милости за пожертвованія своихъ согражданъ. А отъ такихъ начальствующихъ, конечно, нечего ждать городамъ и обществамъ защиты и пользы, и остается любоваться, какъ они въ собраніяхъ громкими фразами стараются убѣдить согражданъ къ фактическому удостовѣренію ихъ рьяной дѣятельности на исполненіе начальственныхъ желаній, или какъ въ шитыхъ мундирахъ торжественно ходятъ въ какихъ-нибудь церемоніяхъ, въ качествѣ начальниковъ и представителей своихъ сословій. Такъ ослабляются начала, допущенныя закономъ въ наше управленіе; такъ устраняются права сословій и стираются личности отдѣльныхъ членовъ. А городскія сословія представляютъ значительную цифру въ общемъ итогѣ населенія Россіи и огромную въ итогѣ сословій, которымъ до-сихъ-поръ предоставлялись права собственнаго внутреннаго управленія. Не имѣя подъ рукою полныхъ свѣдѣній, представимъ данныя о лицахъ, объявляющихъ торговые капиталы, которые недавно обнародованы въ журналѣ мануфактуръ. Въ 1857 г. въ торговомъ сословіи имперіи числилось:

| | | |
|---|---|---|
| Купцовъ | 1-й гильдіи . . . . . | 963. |
| | 2-й гильдіи . . . . . | 2,067. |
| | 3-й гильдіи . . . . . | 49,372. |
| | иностранныхъ гостей . . | 34. |



Digitized by Google

Крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ:

| | |
|---|---|
| 1-го рода. . . . . | 4. |
| 2-го рода. . . . . | 34. |
| 3-го рода. . . . . | 2,409. |
| 4-го рода. . . . . | 4,203. |

Всего же, значитъ, было 59,086 человѣкъ, объявляющихъ капиталъ; съ состоящими же при капиталѣ, можно предположить весь составъ сословія, по-крайней-мѣрѣ въ 200 т. или 250 т. Что же касается сословія мѣщанскаго, то здѣсь число членовъ считается уже не тысячами, а мильйонами.

Все сказанное нами о городскихъ сословіяхъ относится и къ сословію дворянскому. Вліяніе губернскихъ начальствъ, запутанность дѣлопроизводства, при отсутствіи гласности, лишаютъ эти общества самостоятельности и обращаютъ къ исполненію только простой формальности.

Въ человѣкѣ, которому при каждомъ удобномъ случаѣ говорятъ: «ты не имѣешь права разсуждать, а долженъ исполнять только то, что́ тебѣ велятъ», мало-по-малу, совершенно убиваютъ самостоятельность, самоувѣренность, самоуваженіе. Рабство, какого бы рода оно ни было, приноситъ всегда печальные результаты. Невыгодность методы безусловнаго повиновенія чужой волѣ выказывается у насъ чуть не на каждомъ шагу, а особенно во время военныхъ дѣйствій, когда безпрестанно приходятъ въ затрудненіе при пріискиваніи лицъ, которымъ бы можно было ввѣрить управленіе отдѣльною частью. За отсутствіемъ самостоятельности слѣдуетъ отсутствіе самоувѣренности, а за тѣмъ самоуваженія и сознанія значенія своихъ обязанностей. Лицо, имѣющее право голоса, которому въ то же время не позволяютъ подавать этого голоса, кончитъ, конечно, убѣжденіемъ, что всѣ эти права пустая форма. И вотъ, слѣдствіемъ этого является недобросовѣстность и случайность въ выборахъ на общественныя должности, о чемъ мы однажды говорили подробно въ хроникѣ. Небрежность, безучастіе къ общественнымъ дѣламъ обращаютъ выборныхъ въ обыкновенныхъ чиновниковъ и вызываютъ рядъ продѣлокъ, прикрытыхъ закономъ.

Такъ, напримѣръ (разсказываетъ г. Л. Б. въ «Земледѣльческой Газетѣ), одинъ разъ было предложено на общественномъ собраніи дать одному чиновнику, служащему по выборамъ, пенсію въ 500 руб. с. Про чиновника этого ходили дурные слухи и притомъ всѣ знали, что онъ имѣетъ большое состояніе; но когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ вздумали-было пойти противъ предложенія, въ собраніи вдругъ распространился слухъ, что нельзя поступить такимъ образомъ, потому-что чиновникъ этотъ за выслугу столькихъ-то лѣтъ имѣетъ по закону полное право на полученіе пенсіи въ 500 р. сер. Слуху повѣрили, а когда нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ уѣздныхъ предводителей, подписали предложеніе, вдругъ, совершенно-нечаяннымъ образомъ оказывается, что́ пенсія эта, на

Digitized by Google

основаніи законовъ, должна состоять не изъ 500 р. с., а всего изъ 60 руб. сер. «Такимъ-то образомъ (замѣчаетъ г. Л. Б.) рѣшаются и болѣе-важные вопросы, то есть, какъ видно, все зависитъ отъ случая». Для избѣжанія такой случайности, онъ предлагаетъ прежде всего соблюденіе въ собраніи извѣстнаго порядка подачи голосовъ, при которомъ первый голосъ подаетъ губернскій предводитель, затѣмъ уѣздный, а за ними желающіе изъ дворянъ. Вопервыхъ, замѣтимъ мы, такой порядокъ неудобенъ, потому-что, мнѣніе, поданное губернскимъ предводителемъ, можетъ стѣснять мнѣнія дворянъ, изъ которыхъ многіе находятся, такъ или иначе, въ зависимости отъ него. Гораздо-проще было бы дѣла, подлежащія рѣшенію собранія, предварительно разсматривать въ комитетахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ членовъ собранія. Этимъ нѣсколькимъ лицамъ будетъ гораздо-удобнѣе, ближе разсмотрѣть дѣло, сообразить его съ законами и затѣмъ о результатахъ своихъ занятій они могутъ представить докладъ собранію. Но эта мѣра будетъ простою формальностью, если члены собранія не проникнуты мыслью о пользѣ общественной, о своемъ общественномъ значеніи, потому-что, никакія установленія, никакіе порядки не замѣнятъ чувства чести и любви къ правдѣ. Возбудить же, поддержать такія чувства можно только довѣренностью, уваженіемъ къ правамъ лицъ и сословій, а ужь никакъ не вѣчнымъ недовѣріемъ, неусыпнымъ надзоромъ, постояннымъ сомнѣніемъ и пр.

**Нѣсколько словъ о торговлѣ чаемъ и чайной контрабандѣ.** — Въ послѣднее время много говорили о винныхъ откупахъ и всѣ единодушно указывали на нихъ, какъ на величайшее зло и вопіющую несправедливость; скажемъ нѣсколько словъ о торговлѣ чаемъ, которая тоже, какъ извѣстно, подчинена разнымъ стѣснительнымъ для потребителей ограниченіямъ. При всемъ желаніи напиться чая, привезеннаго моремъ, мы не имѣетъ на то никакого права и обязаны платить вдвое-дороже, но непремѣнно пить чай, привезенный черезъ Сибирь. Цѣль такой обязанности заключается вовсе не въ заботахъ о нашемъ здоровьѣ, какъ думали нѣкоторые, когда, въ былые годы, чай, привезенный не черезъ Сибирь, предавался сожженію, а въ покровительствѣ русской торговли съ Китаемъ, чай котораго вымѣнивался на произведенія нашей промышлености до 1855 г. вполнѣ, а съ этого времени на двѣ трети. Но такая покровительственная мѣра не принесла желаемыхъ результатовъ: торговля съ Китаемъ, въ тридцать лѣтъ протекціонизма, едва увеличилась вдвое и при каждомъ удобномъ случаѣ нашимъ товарамъ, даже при ихъ дешевизнѣ, предпочитаются китайцами наши деньги. Возвысившіяся отъ такой системы цѣны на чай, очень-естественно, вызвали огромную контрабанду, которая, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, постоянно подкапываетъ торговлю, совершаемую со всѣми формальностями и пошлинами на китайской границѣ. Какъ ни велики размѣры корчемства въ губерніяхъ сосѣднихъ съ привилегированными, но, при отсутствіи откупнаго и разныхъ другихъ об-

Digitized by Google

стоятельствъ, контрабанда чаемъ, относительно, превосходитъ корчемство. Количество потребляемаго чая, сравнительно съ привозимымъ черезъ Сибирь, цифра ежегодной конфискаціи этого товара, заставляютъ предполагать, что чайная контробанда доходитъ у насъ до девяти мильйновъ фунтовъ въ годъ. Эта запрещенная торговля въ настоящее время получила совершенно-правильную организацію и въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Вѣстника Промышлености», мы встрѣтили весьма-интересныя свѣдѣнія, о такого рода операціяхъ. Считаемъ нелишнимъ сообщить читателямъ эти свѣдѣнія, которыя краснорѣчиво говорятъ о всей трудности держаться такой искуственной мѣры, какъ протекціонизмъ въ промышлености.

Контрабанда чаемъ начала проникать въ Европейскую Россію первоначально чрезъ Данцигъ, по Вислѣ, въ Царство Польское и, черезъ Австрію и Молдавію, въ Бессарабскую Область; особенно усилилась она послѣ первой войны англичанъ съ китайцами, которая открыла европейской торговлѣ пять портовъ. Теперь чай идетъ къ намъ тремя путями: вопервыхъ, съ юго-востока, отъ береговъ Азовскаго и Чернаго Морей, куда, говорятъ, онъ привозится на американскихъ корабляхъ. Черезъ Дунай его провозятъ евреи и раскольники черниговскихъ слободъ, которые имѣютъ постоянныя сношенія съ раскольниками, живущими въ Турціи и Австріи; отсюда чай везется на Волынь и въ Подолію, а больше всего на украинскія ярмарки, гдѣ его пересыпаютъ въ кяхтенскіе цибики, закупаемые въ Харьковѣ и Москвѣ. Въ этихъ цыбикахъ чай свободно расходится, въ видѣ кяхтинскаго, по всей Россіи.

Съ запада, при содѣйствіи евреевъ, чай направляется двумя дорогами: одна черезъ Смоленскъ на Москву, причемъ первымъ сборнымъ мѣстомъ на этой дорогѣ полагаютъ селеніе Хисловичи, откуда везутъ чай на Гжатскъ и Вязьму, и оттуда въ подмосковныя села. Въ Москвѣ покупаютъ контрабандный чай наши ходебщики и, разсыпавъ его въ цибики или картузы съ этикетами извѣстныхъ чайныхъ магазиновъ, разносятъ по всей Россіи. Другая дорога съ запада, начинаясь отъ береговъ Нѣмана и Вислы, идетъ на Псковъ, въ губерніи Новгородскую, Санктпетербургскую и въ Курляндію.

Третій путь, съ Балтійскаго Моря, идетъ также по двумъ направленіемъ: черезъ Финляндію, въ губерніи Олонецкую, Архангельскую и Санктпетербургскую. Первыя складочныя мѣста около Выборга и Гельсингфорса. Изъ Выборга чай везутъ на Систербекъ и къ берегамъ Ладожскаго Озера, другой путь — черезъ остзейскіе порты, наиболѣе черезъ Нарву, Ревель и окрестности Петербурга.

Контрабанда на западной границѣ устроена правильно: для производства ея существуютъ склады, коммиссіонерства, агенты; для обезпеченія—особыя страховыя компаніи, принимающія на себя рискъ доставки. Главными дѣятелями этого торга являются евреи, чины и наши великороссійскіе ходебщики, въ числѣ 20,000 наводняющіе западныя области имперіи.

Digitized by Google

Такимъ-образомъ протекціонизмъ, оказываемый сухопутной чайной торговлѣ, не достигая главной своей цѣли—усиленія нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, вслѣдствіе огромной контрабанды, лишаетъ правительство значительныхъ доходовъ и всею тяжестью падаетъ на потребителей, которые покупаютъ дешевый контрабандный чай по цѣнамъ одинаковымъ съ чаемъ, привезеннымъ сухимъ путемъ. Для удешевленія чая и ослабленія контрабанды защитники караванной торговли предлагаютъ уменьшеніе пошлинъ съ чая, которыя весьма-значительны и доходятъ отъ 88 до 93 % и еще, чтобъ мѣна съ Китаемъ, какъ уже это входитъ въ обыкновеніе, производилась не въ срочныя времена, а постоянно и исподволь въ-теченіе цѣлаго года. Въ послѣднемъ случаѣ самая поспѣшная отправка чаевъ въ Россію къ нижегородской ярмаркѣ, не будетъ совпадать съ весеннею распутицею, увеличивающею слишкомъ на 100 % издержки провоза. Мѣра эта, однако, едва-ли приведетъ къ желаемымъ результатамъ. Сумма даже уменьшенныхъ пошлинъ вмѣстѣ съ перевѣсомъ издержекъ провоза сухопутнаго передъ морскимъ, при дешевизнѣ китайскаго чая, составитъ цифру довольно-значительную длятого, чтобъ привлечь контрабандистовъ привозить чай безпошлинно черезъ западныя границы, и потребители все-таки будутъ платить за чай болѣе, нежели онъ дѣйсвительно стоитъ — въ пользу сибирскихъ купцовъ и контрабантистовъ. Не гораздо ли бы проще, допустить привозъ чая и черезъ западную границу, и если уже никакъ нельзя установить безпошлинной торговли, то наложить на чай пошлину на западѣ, какъ и на востокѣ? Такая мѣра, конечно, будетъ имѣть вліяніе на уменьшеніе контрабанды, соединенной съ значительнымъ рискомъ и постоянно-угрожаемой конфискаціею. Торговля чаемъ приметъ естественный ходъ, а вкусъ потребителей рѣшитъ какому чаю должны принадлежать большія права въ торговлѣ—караванному или кантонскому. Если караванный чай будетъ лучше, то хотя бы онъ былъ дороже, имѣющіе средства будутъ пріобрѣтать его несмотря на дешевизну кантонскаго. Что касается опасеній нѣкоторыхъ, будто, при дозволеніи продажи кантонскаго чая, онъ будетъ продаваться за караванный и т. п., то опасаться чего-либо подобнаго въ будущемъ можно точно также, какъ и въ настоящемъ, и гарантію въ этомъ отношеніи можно искать только въ честности торговца и во вкусѣ потребителя.

**Общество волжско-донской желѣзной дороги и пароходства по Дону и Азовскому Морю.** — Въ половинѣ прошлаго мѣсяца было первое засѣданіе этого общества. Оно началось рѣчью учредителя г. Новосильскаго, который отдалъ отчетъ о первоначальныхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ къ приведенію въ исполненіе предріятія; послѣ него говорилъ другой учредитель, г. Кокоревъ, который высказалъ взглядъ на предпринимаемое дѣло и ожидаемые отъ него результаты. Затѣмъ одинъ изъ акціонеровъ, г. Погодинъ, обратясь къ присутствующимъ, говорилъ о важности

Digitized by Google

выбора лицъ, которымъ ввѣряется управленіе предпріятіемъ. При этомъ, между-прочимъ, онъ сказалъ слѣдующее: «Кого будемъ мы избирать въ директоры? Мы съѣхались сюда изъ разныхъ сторонъ, изъ разныхъ городовъ; мы не знаемъ другъ друга и не имѣемъ никакихъ кандидатовъ, или, лучше сказать, у всякаго изъ насъ есть свои кандидаты — множество, изъ котораго выборъ затруднителенъ, если даже возможенъ. Притомъ предполагаемыя ними лица, легко случится, могутъ не принять на себя по своимъ обстоятельствамъ исполненіе обязанностей. Въ нашихъ обществахъ ввелось въ обычай выбирать почетныя лица; но почетныя лица, не имѣя спеціальныхъ знаній, и потому не понимая дѣла, служатъ только декораціями или кулисами, за которыми дѣйствуютъ другія лица, очень-часто не въ пользу общества. По моему мнѣнію, всего бы лучше намъ, милостивые государи, обратиться къ учредителямъ, и спросить ихъ: кому они, имѣя въ виду существенную пользу, полагали бы поручить дѣлопроизводство. Мы вѣримъ вамъ, скажемъ мы, а вы, подъ своею отвѣтственностію, повѣрьте, кому заблагоразсудите, укажите тѣ лица, которыхъ мы по правиламъ должны подвергнуть баллотировкѣ.

Директоры—если, по старому обычаю, вамъ угодно называть такъ эти лица — могли бы быть избираемы и не изъ числа акціонеровъ; ибо легко можетъ случиться, что между акціонерами такія лица не найдутся. Здѣсь нужны люди, которые могли бы себя посвятить совершенно нашему дѣлу, не развлекаясь никакими другими занятіями.»

Рѣчь г. Погодина была принята рукоплесканіями. Не знаемъ, руководствовались ли ею при избраніи директоровъ, но тѣмъ не менѣе въ числѣ лицъ, которымъ поручено собраніемъ завѣдываніе дѣлами, мы находимъ имена извѣстныя, которыя, кажется, могутъ ручаться за успѣшность веденія предпріятія. Такъ въ число директоровъ и ихъ кандидатовъ, которымъ также будетъ поручено завѣдываніе тѣмъ или другимъ родомъ дѣлъ общества, избраны: гг. Новосильскій, Журавскій, Мельниковъ, Ламанскій, Бабстъ, Княжевичъ (М. Д.) и другіе. Соединеніе Волги сь Дономъ обѣщаетъ огромную пользу. «Съ открытіемъ такого сообщенія (сказалъ г. Новосильскій) обмѣнъ произведеній бассейновъ Волги и Дона принялъ бы правильное обращеніе и возрасталъ бы постоянно, не останавливаясь, какъ теперь, за недостаткомъ средствъ перевозки, а земледѣльческія произведенія приволжскаго края, находя болѣе-удобный сбытъ къ портамъ Средиземнаго Моря, могли бы уничтожить всякое соперничество по снабженію хлѣбомъ Южной Франціи, Испаніи и Италіи; и компанія, владѣющая соединительнымъ звеномъ сообщеній съ одной стороны по Волгѣ и Каспійскому Морю, съ другой, по морямъ Азовскому, Черному и Средиземному, могла бъ, по соглашенію съ компаніями на Волгѣ, Каспійскомъ Морѣ и съ русскимъ обществомъ пароходства и торговли исполнять срочныя доставки отъ самой Персіи до Марселя и Тріеста. Тогда эта пространная линія правильнаго и

Digitized by Google

срочнаго сообщенія могла бъ сдѣлаться путемъ транзита персидской торговли съ Западною Европою».

**Новости Петербурга.** — Въ 1854 года друзьями и почитателями таланта нашего поэта Жуковскаго было объявлено о публичной подпискѣ на сооруженіе памятника надъ его могилою въ Александро-Невской Лаврѣ въ Петербургѣ. Эта подписка нашла себѣ большое сочувствіе и въ довольно-непродолжительное время собрано до двадцати тысячъ р. с. Сооруженіе памятника было поручено извѣстному нашему скульптору барону Клодту фон-Юргенсбургу и въ настоящее время камень, въ видѣ стариннаго русскаго саркофага, покрываетъ могилу поэта и его жены, скончавшейся въ 1856 году. На сторонѣ могилы Жуковскаго изсѣчены слѣдующія слова: «Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца «Въ станѣ русскихъ воиновъ», Василія Андреевича Жуковскаго, родившагося въ Бѣлевѣ 29-го января 1781, скончавшагося въ Баденѣ, 12-го апрѣля 1852 года (*). Воздвигнуто стараніями и приношеніями почитателей безсмертныхъ трудовъ его и дарованій». На другой сторонѣ написано: Здѣсь погребена близь тѣла супруга ея Елизавета Александровна Жуковская, родившаяся въ Лифляндіи 19 іюня 1821, скончавшаяся въ Москвѣ 26-го ноября 1856 года. Кромѣ-того, съ обѣихъ сторонъ и посрединѣ монумента, въ томъ его концѣ, который противъ изображенія креста, помѣщено нѣсколько текстовъ изъ священнаго писанія, которые имѣютъ цѣлью указать на то или другое качество души или обстоятельства жизни поэтэ и его супруги.

Сооруженіе памятника обошлось въ 4,500 р., на остальную же собранную сумму, положенную въ коммиссіи погашенія долговъ, учреждены четыре стипендіи имени Жуковскаго: двѣ въ историко-филологическомъ факультетѣ императорскаго московскаго университета и двѣ въ тульской губернской гимназіи. На стипендіи въ московскомъ университетѣ назначены ежегодные проценты съ билета на 8000 шестипроцентнаго государственнаго займа, причемъ 400 р. пойдутъ на содержаніе и обученіе двухъ студентовъ, одного изъ дворянъ Тульской Губерніи, другаго изъ бѣдныхъ городскихъ обывателей, преимущественно города Бѣлева. Остающіеся же отъ каждаго года 80 р. с., по истеченіи четырехъ лѣтъ, то-есть всего 320 р. будутъ раздѣляемы между стипендіатами, по окончаніи ими курса, для первоначальнаго обзаведенія. На стипендіи въ тульской гимназіи назначаются проценты съ 5000 р., то-есть 300 р. которые и употребляются на содержаніе и обученіе въ тульской гимназіи двухъ воспитанниковъ: одного изъ мѣстныхъ губернскихъ дворянъ, преимущественно Бѣлевскаго Уѣзда, а другаго изъ бѣдныхъ городскихъ обывателей г. Бѣлева.

---

(*) Въ 150 № «Моск. Вѣд.» помѣщено письмо родственницы Жуковскаго г-жи Анны Зонтагъ, въ которомъ г-жа Зонтагъ говоритъ, что поэтъ родился не въ Бѣлевѣ, а близь этого города, въ селѣ Мишенскомъ.

Digitized by Google

Кандидаты на стипендіи назначаются изъ дворянъ губернскимъ предводителемъ дворянства, по предварительному соглашенію съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ; изъ городскихъ обывателей—тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства вмѣстѣ съ мѣстнымъ городскимъ головою. Если на стипендію будетъ назначено нѣсколько кандидатовъ, въ такомъ случаѣ историко-филологическій факультетъ университета, или совѣтъ гимназіи, утверждаютъ стипендіатомъ того, который на пріемномъ испытаніи окажетъ болѣе способностей и знанія.

Къ числу другихъ новостей Петербурга за послѣднее время принадлежитъ окончаніе работъ на петропавловскомъ шпицѣ, самомъ высокомъ сооруженіи въ столицѣ. Шпицъ этотъ, верхняя точка котораго отстоитъ на 55 саженъ отъ земли, въ послѣднее время нѣсколько покосился и потребовалъ рѣшительной перестройки. Изъ проектовъ, представленныхъ на эти работы, самымъ удобнымъ и выгоднымъ признанъ проектъ инженер-подполковника Журавскаго. Ему поручено было дѣло и въ восьмнадцать мѣсяцевъ, несмотря на разныя затрудненія при сооруженіи, въ числѣ которыхъ важную роль играла и отдаленность мѣстъ изготовленія многихъ принадлежностей, какъ, напримѣръ, желѣзныхъ стропилъ, дѣлавшихся на казенномъ воткинскомъ заводѣ и др., постройка совершенно окончена. Главное, что по отзыву знатоковъ, обращаетъ въ ней на себя вниманіе, это—лѣса для перестройки и стропилы шпица. Надобно замѣтить, что, для открытія причинъ наклоненія шпица, были уже построены вокругъ него лѣса. Но когда возникъ вопросъ объ окончательной передѣлкѣ, то по всѣмъ поданнымъ проектамъ, считалось необходимымъ на мѣсто прежнихъ лѣсовъ устроить новые. Только подполковникъ Журавскій нашелъ возможность не перестроивать старыхъ лѣсовъ, но сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя передѣлки и, скрѣпивъ желѣзомъ съ каменною кладкою, надстроивать на нихъ еще новые. Предположеніе это, по увѣренію техниковъ, весьма смѣлое, приведено успѣшно въ исполненіе и обошлось всего въ 15 т. руб. сер. Что касается стропилъ, то къ нимъ была примѣнена строителемъ система раскосныхъ мостовъ. При этомъ вся связь стропилъ сдѣлана только по ихъ восьмигранной поверхности, внутренность шпица совершенно свободна отъ раскосовъ и въ ней устроена винтовая желѣзная лѣстница, по которой можно подняться до люка; отсюда есть ходъ наружу, а оттуда по лѣстницѣ, прикрѣпленной съ боку шпица, весьма легко достигнуть шара, а затѣмъ, по крючьямъ, на фигуру ангела или даже на вершину креста.

Самъ строитель и участвовавшій въ работахъ подрядчикъ Коротковъ взбирались до самой вершины шпица. Всѣ работы по сооруженіи шпица и по передѣлкѣ собора обошлись въ 306,000 р. сереб.. Всѣхъ желѣзныхъ стропилъ вышло 3,400 пудовъ, мѣди на обшивку шпица, куполовъ и проч. употреблено: позолоченной 1514 пудовъ, причемъ на позолоту вышло 113 фунтовъ золота, непозолоченной, на обшивку фонаря 88 пудовъ, позолота шпица и куполовъ сдѣлана

Digitized by Google

гальваническимъ способомъ: листы, покрытые гальванически слоемъ ртути, подвергаемы были дѣйствію огня, какъ дѣлалось и при прежнихъ способахъ золоченія. Одна газета, въ которой описаны подробности перестройки шпица и которая послужила главнымъ источникомъ сообщенныхъ нами свѣдѣній, въ числѣ затрудненій, представлявшихся при постройкѣ, упоминаетъ, между-прочимъ, о слѣдующемъ:

«Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ здѣсь затрудненій, мы должны вспомнить, что работы эти исполнены были по дешевымъ цѣнамъ и съ такимъ быстрымъ успѣхомъ, въ такое время, *когда, на требованія подрядчиковъ, нельзя уже отвѣчать угрозою*, и когда еще далеко не всѣ подрядчики представляютъ ту степень совѣстливости, которая развивается при лишенныхъ произвола, болѣе справедливыхъ, относительно ихъ, дѣйствіяхъ правительства».

Значитъ, въ былыя времена на требованія подрядчиковъ можно было отвѣчать и угрозою— это новость. Мы слыхали о случаяхъ, когда требовали съ угрозой пожертвованія на пользу ближняго: здѣсь побужденія были высшія, филантропическія, но объ угрозахъ при общественныхъ сооруженіяхъ мы не слыхали.

Въ Петербургѣ, какъ мы говорили уже, въ послѣднее время былъ образованъ особой комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію въ столицѣ уличнаго освѣщенія, устройству водопроводовъ и лучшему содержанію мостовыхъ. Учрежденія новаго газоваго и водопроводнаго обществъ составляютъ слѣдствіе занятій этого комитета. Въ ожиданіи способовъ къ лучшему содержанію мостовыхъ, которыя, какъ слышно, тоже не замедлятъ явиться въ видѣ акціонерной компаніи, приняты съ этою же цѣлію нѣкоторыя временныя мѣры. Лежащая на петербургской полиціи обязанность починять въ столицѣ мостовую противъ домовъ неисправныхъ владѣльцевъ, возложена на правленіе 1-го округа путей сообщенія. При этомъ поручено ему исправлять и тѣ мостовыя, о которыхъ будутъ просить сами владѣльцы. Цѣны и условія за такое перемощеніе постановляются сообразно тремъ отдѣламъ города, въ установляемыхъ ежегодно размѣрахъ по согласію округа и обер-полиціймейстера. Кромѣ возмѣщенія расходовъ по работамъ, на усиленіе средствъ надзора и на разъѣзды и содержаніе техниковъ и десятниковъ, взыскивается съ неисправныхъ обывателей 20-ть, а съ обывателей, изъявившихъ желаніе поручить мощеніе округу, 5 проц. Такимъ-образомъ, кромѣ работъ по постройкѣ и передѣлкѣ городскихъ общественныхъ зданій, округу путей сообщенія будетъ принадлежать завѣдыванія мостовыми работами у частныхъ обывателей. Надобно полагать, что эта мѣра будетъ имѣть важное значеніе и заставитъ домохозяевъ обратить особое вниманіе на состояніе находящихся передъ домами ихъ мостовыхъ.

Другія новости Петербурга — новости всей Россіи. Въ Петербургѣ интересуются теперь всемъ, что дѣлается въ нашемъ царствѣ, обо всемъ толкуется, все обсуждается; общество наше оживилось благодаря постепенно-возбуждающемуся въ немъ участію



Digitized by Google

не только къ своимъ, но и общественнымъ интересамъ. Толкуютъ обо всемъ теперь очень-много, хотя во многихъ случаяхъ оказывается, что дѣлишки ведутся постарому. Въ то время, какъ экс-откупщикъ, вѣроятно, тоже любящій человѣчество, увеличиваетъ непомѣрно цѣны на квартиры въ своихъ домахъ, другіе строятъ домы для помѣщенія въ нихъ человѣчества, и домы эти валятся прежде чѣмъ жильцы въ нихъ помѣстятся. Желающіе видѣть подобное выраженіе заботливости о людяхъ (выраженномъ не людьми, а домомъ, человѣколюбиво развалившемся прежде переѣзда жильцовъ) могутъ пожаловать на люднѣйшую улицу Петербурга, именно, Вознесенскій Проспектъ, гдѣ, между Садовою и Вознесенскимъ Мостомъ они и могутъ насладиться такимъ зрѣлищемъ. Каменный большой домъ, подведенный подъ крышку, разъѣхался какъ старая гнилая тряпка; улица огорожена и юныя руины разбираются по кирпичу. Къ сожалѣнію, однако, до-сихъ-поръ остаются неизвѣстными имена строителя и хозяина этого зданія. Знать имена ихъ было бы публикѣ очень-интересно, и удивительно отчего никто не удовлетворитъ этому любопытству. Если мы узнаемъ, что въ 3 адм. части въ домѣ А. мастеръ Б. дурно содержитъ учениковъ, если иногда намъ сообщаютъ полныя фамиліи лицъ, которыя, при скорой ѣздѣ, по неосторожности сбиваютъ съ ногъ людей на улицѣ, то, кажется, совершенно было бы справедливо сообщить имена лицъ, приготовлявшихъ въ видѣ каменнаго зданія, съ весьма-дорогими, конечно, квартирами— гробъ для будущихъ жильцовъ. Это было бы и интересно и поучительно.

Изъ другихъ новостей упомянемъ прежде всего о публичныхъ чтеніяхъ въ залѣ Пассажа, о которыхъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, предсказывая имъ успѣхъ. Это предсказаніе исполнилось совершенно. Желающихъ посѣщать лекціи почти-постоянно болѣе нежели можетъ помѣстить зала. Чтенія возбуждаютъ живой интересъ, особенное же участіе публики повидимому принадлежитъ лекціямъ физіологіи растеній, предмету, если не ошибаемся, впервые читаемому у насъ публично. Г. Ценковскій читаетъ эти лекціи очень-хорошо, удобопонятно; и если можно въ чемъ упрекнуть ихъ, то это въ нѣкоторой сухости. Публичныя лекціи не то́, что́ лекціи въ аудиторіяхъ высшихъ учебныхъ учрежденій, гдѣ для каждаго слушателя читаемая наука — его спеціальность, которой онъ служитъ, которою занимается; на публичныхъ лекціяхъ если не всѣ, то большинство уже отвыкло, или, и не имѣло навыка слушать серьёзный совершенно-чуждый ему предметъ. Длятого, чтобъ поддерживать вниманіе и интересъ въ такихъ слушателяхъ, нужно, чтобъ лекціи были оживлены какъ-можно-болѣе, нужно, чтобъ истины науки передавались въ возможно-цвѣтистой, красивой формѣ. Между лекціями въ ученой аудиторіи и лекціями публичными должна быть такая же разница, какъ между чертежами и картинками. Нѣтъ спора, чертежъ можетъ представить предметъ съ бо́льшею точностью, нежели картина, но цѣль публичныхъ чте-

Digitized by Google

ній—ознакомленіе публики только съ главнѣйшими и наиболѣе для нея интереснѣйшими предметами, оправдываетъ такія средства. Но, говоря это, мы сознаемся, что такой родъ чтеній безъ особаго навыка весьма-труденъ, и особенно труденъ для истинныхъ ученыхъ, которые привыкли видѣть въ своей наукѣ нѣчто цѣлое, неразрывное, органически-связанное и даже при сознаніи только-что высказанныхъ требованій публичныхъ лекцій, не рѣшаются употреблять большую кисть и яркія краски тамъ, гдѣ необходима точность и цвѣта естественные, не рѣшаются рисовать декорацій вмѣсто картины. Съ одной стороны, самый недостатокъ многихъ нашихъ публичныхъ лекторовъ служитъ имъ въ похвалу, но, съ другой, при такомъ образѣ дѣйствій, они не достигаютъ часто цѣли... Публичныя чтенія распространяются болѣе-и-болѣе. Съ конца декабря, въ одной изъ залъ университета начались публичныя лекціи о музыкѣ, которыя читаетъ г. Сѣровъ, имѣющій извѣстность знатока музыки.

Прочія новости ограничиваются театрами, въ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ африканскому трагику г. Айра Ольдриджу. Послѣ Отелло онъ являлся передъ публикою Шейлокомъ въ «Венеціянскомъ купцѣ», королемъ Лиромъ и негромъ въ комедіи «Висячій Замокъ». Хотя роль Отелло остается лучшею въ репертуарѣ г. Ольдриджа, но и въ прочихъ пьесахъ онъ выказался артистомъ первостепеннымъ. Правда, нѣкоторая аффектація, сдержанность, иногда искусственность игры бросались въ глаза зрителю во многихъ сценахъ и этихъ двухъ пьесъ, но общее впечатлѣніе, оставляемое его игрою, все-таки наслажденіе высокохудожественное. Сцены въ «Венеціянскомъ купцѣ», въ которыхъ выражается ненависть и презрѣніе Шейлока къ христіанамъ и особенно та, гдѣ онъ бросаетъ платокъ, которымъ вытеръ мѣсто на своемъ платьѣ, оскверненное прикосновеніемъ руки христіанина—превосходны и производили постоянно фуроръ въ театрѣ; было нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ у г. Ольдриджа и въ «Королѣ Лирѣ», но вообще эта роль слабѣйшая въ его репертуарѣ. Въ бенефисъ г. Ольдриджа вмѣстѣ съ «Отелло» шла комедія «Висячій Замокъ», въ которомъ бенефиціантъ прекрасно съигралъ небольшую роль негра. Этотъ бенефисъ былъ въ то же время празднествомъ для артиста, которое устроили для него русскіе актёры. Они поднесли ему лавровый вѣнокъ—широкое золотое кольцо съ вырѣзанною на немъ надписью, стихи, и пр. Такой знакъ уваженія русскихъ артистовъ къ своему талантливому собрату дѣлаетъ честь и тому и другимъ.

На русской сценѣ главною новостью было также представленіе «Короля Лира» въ новомъ переводѣ г. Дружинина. Пьеса эта шла въ бенефисъ г. Самойлова, который игралъ въ ней роль самого короля. Слухи о выборѣ г. Самойловымъ этой пьесы для своего бенефиса ходили давно, давно публика не видала этой трагедіи, которая, по смерти Каратыгина 1-го, не возобновлялась на нашей сценѣ, и всѣ эти обстоятельства были причиною, что, несмотря на огромныя цѣны, театръ въ день представленія былъ полонъ сверху до низу.

Digitized by Google

Бенефиціантъ былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями, рукоплесканія прерывали нѣкоторыя сцены пьесы, но тѣмъ не менѣе едва-ли кто-нибудь остался вполнѣ доволенъ г. Самойловымъ въ этой роли. Видно, что артистъ изучалъ ее старательно, видно, что онъ много въ нее вдумывался, но трагедія — сфера, сдѣлавшаяся уже чуждою таланту г. Самойлова, и, несмотря на нѣкоторыя удавшіяся сцены, какъ, напримѣръ, сцена безумія, вообще артистъ не представилъ и не могъ представить, по своимъ физическимъ свойствамъ, того величественнаго и своенравнаго старца, какимъ мы привыкли представлять себѣ Лира. Передъ нами былъ старичокъ, возбуждавшій сожалѣніе. Прочія роли въ трагедіи были исполнены очень-старательно.

Изъ другихъ театральныхъ новостей должно упомянуть о пьесѣ г. Чернышева «Комедія изъ-за драмы»—небольшая картинка изъ быта провинціальныхъ актёровъ, въ которой особенно-хорошъ г. Мартыновъ въ роли пьющаго суфлёра, и о бенефисѣ г. Бурдина, въ который были возобновлены, между-прочимъ, «Недоросль», Фонвизина и «Игроки» Гоголя. «Недоросль» былъ исполненъ съ большимъ ансамблемъ и весьма-удачно.

На французскомъ театрѣ были представлены комедіи «Il faut que jeunesse se paye», «Les trois Maupin», «Un procès criminel», водевили: «Lé théatre des zouaves en Afrique», «La balançoire» и другія, между которыми, однако, ничего замѣчательнаго не оказалось.

Digitized by Google

# СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(ПОСВЯЩАЮТСЯ ДМИТРІЮ ДМИТРІЕВИЧУ КОЖУХОВУ).

*Статья третья и послѣдняя* (*).

## ТЕАТРЪ.

Опять ты здѣсь, мой благодатный геній!
Жуковскій.

---

Студентъ В—ъ больше полгода жилъ въ Москвѣ, а не видалъ столичнаго театра. Какъ ни хотѣлось ему съ нимъ познакомиться, но все что-нибудь задерживало.

Былъ темный ноябрскій вечеръ. Скука, одиночество, хандра томили В—а. Ничего не думалось, не читалось. Хорошо бы пройтись, да на улицѣ грязь и страшная осенняя изморозь. Вдругъ въ головѣ его мелькнула свѣтлая мысль: «въ театръ!» подумалъ В—ъ и тотчасъ же сталъ одѣваться. Но что́ даютъ? Ахъ, еслибъ Мочаловъ или Щепкинъ! Впрочемъ, изъ двухъ-то который-нибудь навѣрное будетъ. В—ъ пріѣхалъ въ театръ—и къ афишѣ. Тутъ онъ совершенно упалъ духомъ; на одномъ театрѣ давались какіе-то глупѣйшіе водевили, а на другомъ балетъ—можете себѣ представить, балетъ—нелѣпость, сказка, выдуманная для забавы дѣтей и больныхъ стариковъ. Что́ дѣлать? Вернуться домой? но скука, тоска! Опять эти стѣны, эта глупая рожа Матвѣя и неизбѣжный самоваръ. Студентъ, въ отчаяніи, снова посмотрѣлъ на афишу: глупѣйшіе водевили и балетъ! Дѣлать было нечего, В—ъ подошелъ къ кассѣ Большаго Театра.

— Есть билеты въ кресла? спросилъ онъ.

— Есть-съ, во второмъ ряду.

— Дайте. Что́ сто́итъ?

— Семь рублей-съ: сегодня бенефисъ!

---

(*) Первыя двѣ статьи напечатаны въ «Отеч. Зап.» 1858 года (№№ 7 и 9).



Digitized by Google

Студентъ вошелъ въ залу театра въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Просмотрѣть цѣлый вечеръ взоръ, чепуху, да еще заплатить за это семь рублей! Съ досадою смотрѣлъ онъ на эти веселыя лица, какъ будто всѣ они такъ и дышали счастьемъ. Ему невольно пришли на память стихи Лермонтова;

А между-тѣмъ, изъ [illegible]ъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пятой [illegible]ый... и проч.

Звуки оркестра помѣшали дальнѣйшему развитію желчи. В—ъ сѣлъ въ кресло и равнодушно ждалъ спектакля. Прямо передъ нимъ былъ расписной занавѣсъ, который долго стоялъ неподвижно, потомъ чуть-чуть поколебался, потомъ медленно сталъ подниматься, наконецъ поднялся и—студентъ остолбенѣлъ! На сценѣ была комната, посреди комнаты спящій въ креслахъ человѣкъ, а возлѣ него, бѣлое и чистое, какъ мраморъ, эѳирное и легкое, какъ нагорный паръ тумана, окаменѣлое видѣніе, тѣнь, греза, мечта; юноша не узналъ, что это было. Съ видомъ безконечно-нѣжнаго любованія, въ упоеніи дивнаго блаженства, видѣніе смотрѣло въ очи возлюбленнаго, и все, что есть въ любви чистаго, счастливаго, свѣтилось въ очахъ этого видѣнія, было разлито по всему его существу. Но какъ-будто легкое дуновеніе майскаго утра взволновало этотъ чудный призракъ: видѣніе поколебалось, понеслось, какъ дымъ въ прозрачной чистотѣ воздуха, и исчезло... Тутъ только В-ъ услышалъ страшный гулъ рукоплесканій, все время неумолкавшій въ залѣ.

— Кто это? спросилъ онъ у сосѣда.

— Сосѣдъ отвѣчалъ: *Санкозская*.

Съ замираніемъ сердца ждалъ юноша возврата чуднаго созданія, съ упоеніемъ счастія слѣдилъ онъ за его волшебнымъ образомъ, то тоскующимъ, то нѣжнымъ, то несущимся по дальнимъ розовымъ горамъ, то стоящимъ передъ нимъ, какъ изваяніе грусти, любви, нѣги, красоты, неизъяснимой красоты!

Передъ нимъ явилось невиданное, нежданное но какъ-то отдаленно-знакомое. Что-то подобное навѣвало чистыя вдохновенныя грезы, сны волшебные; что-то подобное возникало въ душѣ, при чтеніи лучшихъ созданій лучшихъ поэтовъ. Но все это было неясно, неуловимо, безтѣлесно, а здѣсь, это неуловимое предстало въ живомъ образѣ, въ красотѣ лучшаго Божьяго созданія — въ женщинѣ!

Юноша вышелъ изъ театра съ чувствомъ упоительнымъ, но важнымъ. Подобное чувство, обыкновенно, выноситъ душа изъ созерцанія дѣйствительно-высокихъ художественныхъ произведеній. Это и есть особый родъ эстетическаго счастія, посредствомъ котораго искусство облагороживаетъ и возвышаетъ душу. Юноша видѣлъ не одни танцы да красивыя картины; онъ въ образѣ Сильфиды видѣлъ чудное существо, не небесное, но и не земное, манившее въ міръ лучшій, въ міръ красоты и поэзіи, въ міръ любви спокойной и блаженной, именно въ тотъ міръ, къ которому постоянно стремится сердце человѣка.

Digitized by Google

Студентъ былъ очарованъ. Каждый день онъ ходилъ къ театру посмотрѣть на афишу, но балета не было. Онъ съ упоеніемъ припоминалъ всѣ подробности видѣннаго спектакля; съ наслажденіемъ слушалъ всевозможные разсказы о талантѣ артистки, но сезонъ кончался, а балета все не было. Наконецъ, онъ совершенно потерялъ надежду встрѣтить желанное имя на афишѣ, и вдругъ, совершенно-неожиданно, встрѣтилъ его тамъ, гдѣ вовсе не думалъ.

Придя однажды въ аудиторію, онъ удивленъ былъ какимъ-то необыкновеннымъ движеніемъ. Въ студенческихъ кружкахъ было замѣтно особенное одушевленіе. Всѣ говорили о балетѣ, о какомъ-то будущемъ спектаклѣ и славное имя артистки было у всѣхъ на устахъ. Листъ бумаги переходилъ изъ рукъ въ руки; всѣ подписывались. Въ одномъ мѣстѣ говорили, что надо поднести вазу, въ другомъ — тамбуринъ, въ третьемъ, браслетъ; но громче раздавались голоса: «вѣнецъ, золотой вѣнецъ, лавры!»

«Для совѣщаній, господа, въ Британію», сказалъ наконецъ студентъ, носившій листъ. Разумѣется, какъ только кончились лекціи, нашъ герой тотчасъ же отправился въ Британію. Здѣсь мы съ нимъ простимся, но Британію посѣтимъ непремѣнно.

Это не та Британія, любезный читатель, которая душитъ теперь Индію, умильно поглядывая на Францію; это простой трактиръ, стоявшій противъ самаго университета. Но въ описываемое время онъ не имѣлъ въ себѣ ничего трактирнаго: это былъ студенческій клубъ. Его достопочтенное крыльцо, изъ оконъ профессорской, открыто было для взоровъ Платона Степановича. Оттого, журя иного студента за рѣдкое посѣщеніе лекцій, онъ прибавлялъ иногда: «то-то! черезъ проливъ-то часто плаваешь». Проливомъ Платонъ Степановичъ называлъ Моховую Улицу, отдѣляющую университетъ отъ Британіи, подобно какъ проливъ Кале́ отдѣляетъ твердую землю отъ настоящей Британіи. Случалось нерѣдко, что между чтеніями одного профессора и чтеніями другаго былъ часъ, а иногда и два промежутка. Куда идти? домой? далеко; къ знакомымъ? застанешь ли? да еще опоздаешь на лекцію. Лучше всего въ «Британію»: тамъ и безъ часовъ можно узнать время, когда надо идти въ аудиторіи; потому-что послѣ каждаго часа бывалъ новый приливъ и отливъ студентовъ, идущихъ въ университетъ или оттуда. Если нужно было отъискать студента или какія-нибудь записки, то, въ случаѣ неудачи въ аудиторіяхъ, можно было успѣть въ этомъ въ «Британіи». Главнымъ же образомъ манилъ сюда тотъ же университетскій духъ: тѣ же братья, тѣ же рѣчи, та же дружеская любовь. Почти вокругъ всѣхъ столовъ засѣдали студенты и разсуждали о прослушанной лекціи, о спектаклѣ, о прочитанной въ журналѣ статьѣ и о разныхъ разностяхъ. Прислуга, или, какъ въ Москвѣ называютъ, *половые*, въ бѣлѣйшихъ рубашкахъ носились съ трубками, котлетами, стаканами, графинами и т. п. Вотъ, напримѣръ, за однимъ столомъ, услаждая себя трактирными пирогами, разсказываетъ медикъ о томъ, какъ онъ, однажды занимаясь въ анатомическомъ театрѣ ночью, пошелъ зачѣмъ-то въ подвалъ, гдѣ хранились

Digitized by Google

трупы. Когда онъ слѣзъ туда, вдругъ свѣча, дурно-поставленная въ подсвѣчникѣ, упала, а онъ остался одинъ въ лабиринтѣ подвала. «Уморительно, братцы (прибавлялъ студентъ), какъ я карабкался между трупами, чтобъ найти выходъ. Поплатился, впрочемъ, шишкою на лбу». Слушатели смѣялись. На другомъ столѣ сидятъ трое и читаютъ «Отечественныя Записки». Одинъ читаетъ вслухъ, другой наливаетъ чай, стараясь продлить его какъ-можно-долѣе, чтобъ тѣмъ временемъ кончить статью; третій неизвѣстно чѣмъ болѣе занятъ: статьей, или чаемъ, только онъ безпрестанно помакиваетъ въ чай московскій калачъ и требуетъ еще стаканъ, приговаривая: *хоть неочень-крѣпкаго*. А вотъ на томъ столѣ одинъ, несмотря на раннюю пору, кушаетъ третью порцію съ замѣчательнымъ апетитомъ. Половому разсказываетъ студентъ, что онъ *только-что съ дороги*, а въ-самомъ-то-дѣлѣ онъ только что изъ карцера. Понятенъ апетитъ молодаго человѣка, проведшаго на хлѣбѣ и на водѣ нѣсколько сутокъ!

Но я любилъ «Британію» въ зимніе вечера, когда посѣтителей собирала туда не нужда, не случай, а веселый досугъ, счастливое настроеніе духа. Душою «Британіи» былъ тогда не студентъ, а кончившій уже курсъ наукъ дѣйствительный студентъ Павелъ Ѳедоровичъ Вѣткинъ. Распростившись съ аудиторіями, онъ не могъ еще разстаться съ студенческою братіею. Жаль было ему смѣнять званіе дѣйствительнаго студента на чинъ губернскаго секретаря, и потому онъ не служилъ, а жилъ уроками. Это былъ замѣчательный человѣкъ по уму, по образованію и по огромной начитанности. Вѣткина положительно знали всѣ студенты. Кромѣ необыкновенныхъ дарованій, къ нему влекла всѣхъ необыкновенная свѣтлость его души, открытая ясность характера. Никто не зналъ, былъ ли когда-нибудь Вѣткинъ въ горѣ: на прекрасномъ, выразительномъ лицѣ вѣчно сіяло удовольствіе, а на устахъ—улыбка или пѣсня. Дружеская рука его была протянута каждому; кружокъ его всегда былъ тѣсенъ. Все даровитое, талантливое, оригинальное непремѣнно было возлѣ Вѣткина. Тамъ были пѣвцы, виртуозы, декламаторы, поэты. Тамъ однажды встрѣтилъ я замѣчательнаго импровизатора, говорившаго на заданную тэму цѣлую громаду стиховъ, нерѣдко чрезвычайно-изящныхъ. Случалось, однако, что Павелъ Ѳедоровичъ, говаривалъ поэту, въ самомъ жару его импровизаціи: «Ну довольно, мой милый, ты начинаешь врать!» Студентъ падалъ съ неба, но не обижался и тушилъ поэтическій жаръ какимъ-нибудь напиткомъ. Замѣчательно, что Павелъ Ѳедоровичъ, будучи самъ человѣкомъ чрезвычайно умнымъ и многосторонне-образованнымъ, мало говорилъ, а больше слушалъ, за то никто не умѣлъ такъ искусно вызвать изъ каждаго все, что онъ зналъ лучшаго и занимательнаго.

Однажды, въ день свѣтлаго Христова Воскресенья, Павелъ Ѳедоровичъ Вѣткинъ, совершивъ свои визиты, шелъ домой по Никитской Улицѣ. Поровнявшись съ университетскою церковью, Павелъ Ѳедоровичъ живо представилъ себѣ время, когда и онъ слушалъ заутреню и обѣдню въ этомъ великолѣпномъ храмѣ. Много вспомнилось

Digitized by Google

ему и даже грустно сдѣлалось Павлу Ѳедоровичу. Вдругъ передъ нимъ толпа съ поклонами: «А, батюшка, Павелъ Ѳедоровичъ! съ праздникомъ, Христосъ воскресе!» Это были университетскіе сторожа, ходившіе съ поздравленіями. Просвѣтлѣлъ Павелъ Ѳедоровичъ, такъ и повѣяло на него аудиторіями. Перецаловавъ сторожей, Павелъ Ѳедоровичъ тотчасъ же произнесъ: *за мной, ребята!* Онъ привелъ ихъ всѣхъ въ «Британію», посадилъ вмѣстѣ съ собою за круглый столъ и, бесѣдуя любезно, угостилъ на славу старыхъ знакомцевъ.

Окончивъ свои уроки, Павелъ Ѳедоровичъ почти каждый день являлся въ «Британію»—и закипало веселье. Звонкій, сердечный смѣхъ его разносился по всей «Британіи». «Спой, братъ, пѣсню! (обращался онъ къ пѣвцу-студенту): спой свою «Дороженьку». — «Нѣтъ, изъ Лючіи спой» кричалъ другой. Студентъ пѣлъ, Британія внимала; браво, браво! раздавалось въ концѣ пѣсни. Двѣнадцатый часъ вечера былъ урочный для посѣтителей: Британію надо было запирать, а веселье только-что начиналось. Тогда-то случались вечера, замѣчательные по своему задушевному веселью. Двери запирались. Изо всѣхъ комнатъ сходились посѣтители въ одну залу. Яствы и напитки съ разныхъ столовъ сносились на одинъ огромный столъ, стоящій посреди залы. Общій пиръ закипалъ между братьями. Не было знакомыхъ и незнакомыхъ: веселая бесѣда роднила всѣхъ. Въ самыхъ напиткахъ воцарялось замѣчательное равенство: спѣсивый рейнвейнъ чокался съ стаканомъ пива; шампанское—съ ерофеичемъ, лафитъ—съ коньякомъ. Тамъ вырывались слова: «отлично читалъ о Владѣніи! за его здоровье! чокнемся, душа моя!» Въ другомъ мѣстѣ: «О красавица, красавица! за ея здоровье». — «Быть или не быть» трагически восклицалъ одинъ; «edite, bibite!» отвѣчалъ другой! Опять говоръ. — «Во лузяхъ, во лузяхъ» затягивалъ теноръ. Звуки роднаго мотива электрически дѣйствовали на всѣхъ: собесѣдники дружно подхватывали:

**Какъ и во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ,**
**Какъ и во лузяхъ, зеленыхъ лузяхъ!**

тутъ ужь не выдерживалъ юристъ втораго курса Виртушевскій, сбрасывалъ съ себя виц-мундиръ и пускался въ присядку, къ неописанному удовольствію всей честной компаніи, а особенно половыхъ и хозяина. Хоръ гремѣлъ, Виртушевскій терялъ послѣднія силы, наконецъ изнемогалъ и падалъ въ объятія ближайшаго студента, переходилъ въ другія, потомъ въ третьи и т. д. Цаловались всѣ, цаловали буфетчика Петрушу, цаловали половаго Кузьму, цаловали маркёра, который давно уже окончилъ свои обязанности, но не имѣлъ силы воли уйти и стоялъ тутъ же съ машинкой; цаловали швейцара, который, низко кланяясь, благодарилъ, конечно не за поцалуи, а за четвертаки и полтинники, сыпавшіеся ему въ руку. Было близко разсвѣта, когда московскіе ваньки развозили по квартирамъ подгулявшихъ друзей науки.

Надъ всѣмъ этимъ сіяла радость, льющаяся изъ свѣтлаго духа

Digitized by Google

юности, еще незнающей чорствыхъ сторонъ жизни, еще чистой, еще неизмятой бурями житейскими.

Мы съ намѣреніемъ вводили читателя во всѣ подробности студенческой жизни, даже въ такія, которыя, можетъ-быть, осудитъ слишкомъ-строгій моралистъ. Но пусть предстанетъ этотъ бытъ во всей истинѣ. Мы знаемъ его цѣну и достоинство. Охлажденные долговременнымъ опытомъ, мы вспоминаемъ о немъ съ любовью и благодарностью. Мы не чуждались жизни, потому-что не были уже дѣти, а отъ недостойныхъ ея сторонъ отводилъ насъ тотъ же возвышенный строй университетской науки. Общій духъ тогдашняго университетскаго преподаванія былъ, по нашему мнѣнію, тотъ желанный духъ, который долженъ вѣять съ каѳедры. Университетъ готовилъ насъ не только къ служенію той или другой отрасли общественной дѣятельности, но главнымъ образомъ возбуждалъ общія человѣческія струны, стремленіе къ правдѣ, чести и т. п. Медику читались анатомія, фармакологія, терапія и множество другихъ наукъ; но всюду проходило чувство любви къ человѣку, уваженіе къ его страданію. На другомъ факультетѣ знаменитый профессоръ исторіи, изображая всемірно-историческій ходъ человѣчества, говорилъ, однакожь, что исторія образуетъ не юриста, математика или филолога, *Исторія воспитываетъ человѣка. Она развиваетъ въ насъ сочувствіе ко всему человѣческому... ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей.* Одинъ изъ юридическихъ профессоровъ такъ заключилъ однажды курсъ своихъ чтеній: *все минется — одна правда останется*, и слова эти составляли нравственную основу не только его лекцій, но и всего юридическаго преподаванія. Кто не помнитъ мощныхъ, благородныхъ рѣчей Морошкина о чести, о значеніи ея въ общественномъ и гражданскомъ быту? При этомъ онъ указывалъ на высокое пониманіе чести въ древнемъ русскомъ обществѣ, гдѣ человѣкъ поставлялъ ее не во внѣшнихъ и временныхъ условіяхъ, а въ высокомъ признаніи въ себѣ христіанина.

Такого рода ученія, проходившія сквозь всѣ курсы и пробуждавшія всеобщія духовныя начала, готовили изъ студентовъ достойныхъ слугъ отечеству. Любовь къ истинѣ и благу, гдѣ бы они ни проявились, уваженіе ко всякаго рода благородной дѣятельности, строгія правила чести и беззавѣтная преданность къ университету и студенческому имени одушевляли тогдашнее юношество. Вдохновенное общечеловѣческими идеями, воспитанное въ преданіяхъ университетской старины, оно чувствовало свои силы, свое значеніе, свою корпораціонную цѣлость; оно понимало, что могло и должно имѣть свое мѣсто и голосъ въ обществѣ, какъ отдѣльный организмъ. Но, здраво и прямо направленное, оно знало, что въ сферѣ гражданской, практической, тѣмъ-болѣе политической дѣятельности не его мѣсто; тамъ нуженъ опытъ, или закономъ освященное призваніе. Въ сферѣ же мысли, гдѣ общество соприкасалось съ областью науки или искусства, оно полагало, что должно имѣть свое слово и даже дѣло. Мѣстомъ такого благотворнаго соприкосновенія мнѣній университетской общины и публики былъ театръ.

Digitized by Google

Къ чести московскаго общества надобно сказать, что оно признавало и признаетъ такое общественное значеніе студента. Студентъ въ Москвѣ не есть затерянная, безгласная и неимѣющая смысла единица; московскій студентъ есть типъ, выработанный жизнью общества, столь же характерный, живой, какъ и другіе типы народной столицы. Въ Москвѣ вы не встрѣтите семьи, гдѣ бы не было студента, или въ числѣ его членовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ кругу знакомыхъ. Оттого научныя, художественныя понятія, изъ стѣнъ аудиторій легко передаются въ теплые кружки семей и въ сознаніе общества. Вотъ почему въ Москвѣ сочувствіе къ наукѣ, художеству, вообще къ духовному дѣлу, теплѣе, сердечнѣе и, смѣемъ думать, разумнѣе.

Но возвратимся къ нашему предмету. Въ Москвѣ нѣтъ ни академій, ни эрмитажа; для эстетическаго чувства москвича существуетъ одинъ только театръ. Оттого, быть-можетъ, между театромъ и университетомъ Москвы существуютъ издавна самыя задушевныя связи. Нерѣдко лучшіе артисты получали свое воспитаніе въ университетѣ или находились въ тѣснѣйшихъ дружескихъ связяхъ съ его членами. Оттого искусство легко могло черпать необходимыя для него указанія въ наукѣ. Но въ наше время связь театра съ университетомъ еще болѣе скрѣплялась высокими личностями, стоявшими тогда на московской сценѣ, и особенно духомъ времени. Эпоха, къ которой относятся наши воспоминанія, была темна и безотрадна. Она замыкала собою больной, печальный, хотя и многознаменательный въ исторіи нашего развитія періодъ. Мысль, осужденная на долговременное бездѣйствіе, утратила вѣру въ свое могущество; общество, измѣнившее своему прошедшему и невидѣвшее будущаго, стояло, какъ блѣдное растеніе безъ почвы и воздуха; оно не знало ни исхода, ни цѣли своего страннаго существованія. Между-тѣмъ великіе вопросы о нравственномъ, о народномъ, объ историческомъ призваніи глухо волновались на днѣ души: они уже родились, они болѣзненно стучались въ двери сердца, но отвѣта не было: жизнь еще не выработала отвѣтовъ. Отсюда-то произошла та всеобщая скорбь, уныніе, тоска, которая характеризуетъ эту эпоху. Духъ отрицанія, скептицизма точилъ сердце; душа, измученная въ сомнѣніяхъ, въ безотвѣтныхъ стремленіяхъ, впадала въ уныніе или въ мрачную, холодную апатію. Все мыслящее, нравственно-живущее, носило на себѣ печать этой болѣзни вѣка; но живѣе и могущественнѣе сознавали ее великіе поэты, эти чуткіе органы народной жизни. Пушкинъ первый высказалъ это мрачное состояніе духа:

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Его Онѣгинъ служилъ выраженіемъ тогдашняго человѣка, хотя и богато-одареннаго, но утратившаго всю энергію души въ бою неравномъ. Лермонтовъ, рожденный этою эпохою и весь зараженный общественною эпидеміею, былъ безпощаденъ: онъ проклялъ это *по-*

Digitized by Google

*колѣніе безъ грядущаго*, которому скучны родные напѣвы старины, утратившаго *надежды лучшія и голосъ благородный:*

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

По тому же печальному пути шелъ и Гоголь. Онъ также обличалъ мрачную пошлость этого нравственно-растлѣннаго общества. Добрая душа поэта хотѣла смягчить иронію какимъ-то *примиряющимъ смѣхомъ*, о которомъ такъ часто твердилъ Гоголь, но напрасно. Смѣхъ этотъ былъ похожъ на хохотъ Мефистофеля—это былъ тотъ же стонъ души болѣзненной, хотя и великой. Но при концѣ своей жизни Гоголь почувствовалъ благовѣстъ другихъ временъ: онъ внезапно остановился. Онъ прозрѣлъ восходящую зарю лучшей жизни; поэтому онъ хотѣлъ иначе настроить свою лиру; онъ обѣщалъ намъ *величавый громъ другихъ рѣчей*. Для этого онъ хотѣлъ измѣнить, перевоспитать, такъ-сказать, снова создать свой геній—и не могъ. Поэтъ есть также продуктъ времени; онъ можетъ понимать и откликаться всему; но звучать сочувственно, отражать своими созданіями онъ можетъ только ту эпоху, духомъ которой созданъ. Съ нею онъ составляетъ одинъ живой цѣльный организмъ. Въ этомъ состоитъ все трагическое въ личности Гоголя: онъ узрѣлъ страну обѣтованную; онъ хотѣлъ привѣтствовать ее пѣснью мощной и новой. Для этого онъ несъ на жертву все, что могъ принесть великій человѣкъ—отъ самообличенія до подвиговъ мученичества; но въ нравственной природѣ, какъ и въ физической, есть своего рода необходимость, которую побѣдить нельзя, потому-что не слѣдуетъ побѣждать; тутъ нужно то *смиреніе передъ закономъ времени*, о которомъ такъ вдохновенно говорилъ Грановскій. Мученикъ-художникъ отошелъ вмѣстѣ со временемъ, въ-теченіе котораго родился и созрѣлъ.

Съ высоты настоящаго, во всеоружіи побѣды легко и свободно смотрѣть на эти блѣдныя тѣни прошедшаго. Теперь, когда русской жизни открытъ свѣтлый и свободный просторъ, когда всѣ силы ея отважно мчатся впередъ, когда мысль смѣло и вдохновенно смотритъ въ будущее, легко обращаться въ прошедшее; но не такъ было тогда; въ то время еще не думали о томъ, что́ теперь совершаетъ жизнь. Это было положеніе бойца, одиноко-умирающаго въ пустынѣ.

Университетское юношество, какъ мыслящее и передовое въ нравственной жизни, также чувствовало слѣды этого современнаго бездѣйствія. Самая философія не приносила утѣшенія; она сама была безотрадна; что́ дѣйствительно, то́ разумно, говорила она. Разсудокъ, холодный и жосткій, еще могъ стать подъ это знамя; но могло ли успокоиться здѣсь сердце, совѣсть? Помню васъ, мрачныя тѣни прошедшаго, чада сомнѣній, муки стремленій безнадежныхъ, исканій безъотвѣтныхъ! Какія безотрадныя ночи проводились безъ сна! какія рѣчи сухія лились изъ самой дружбы! Ка́къ тяжелъ становился этотъ городской стукъ и бездушная суета жизни! Ка́къ часто

Digitized by Google

уходилъ я въ твою святую пустыню, о Кремль! Покойная и величавая тишина его, торжественное вѣяніе исторіи, бѣлые соборы, неподвижно-стоящіе во мракѣ ночи, тѣни Іоанновъ, Филиппа, Никона, незримо-вѣявшія подъ ризою звѣздной ночи — все это спасительно дѣйствовало на больную душу, но не надолго: возвращаясь въ среду живыхъ, душа ждала живаго, сочувственнаго отзыва.

Для выраженія тяжкихъ сердечныхъ мукъ души, для изображенія тоски безвыходной и трудной въ Москвѣ былъ тогда органъ, могучій и повелительный, самъ измученный страшными вопросами жизни, на которые отвѣтовъ не находилъ — это Мочаловъ! Какъ актеръ, онъ заслуживаетъ столько же упрековъ, сколько и удивленія. Въ немъ жила волканическая бездна творческихъ силъ, для вмѣщенія которыхъ нужна была почти нечеловѣческая грудь. Можетъ-быть, могущество науки живой и всесторонней, или вліяніе личности сильной и просвѣщенной управили бы этими исполинскими силами; но, сколько намъ извѣстно, Мочаловъ не встрѣтилъ на пути своемъ ни того, ни другаго. Оттого ко всякой художественной обработкѣ, ко всякой эрудиціи онъ питалъ чуть-чуть не презрѣніе. Онъ вѣрилъ только въ титаническія силы своей души, въ тѣ силы, которыя не давали ему покоя ни въ семьѣ, ни на одрѣ болѣзни — вѣрилъ въ нихъ и не напрасно! Когда выходилъ онъ «почувствовавъ своего бога», какъ сказалъ поэтъ, тогда душа зрителя вся была въ его власти; онъ, по выраженію Гамлета, дѣйствительно могъ оледенить въ жилахъ кровь и слезами затопить театръ.

Мочаловъ вносилъ на сцену муки собственной великой души. Онъ самъ падалъ, онъ самъ влекся въ бездну мрачную и безвыходную; какъ человѣкъ, богато-одаренный, онъ не могъ не видѣть своей гибели — и тосковалъ! Силы противодѣйствующей, свѣточа путеводнаго для него не было. Онъ бился какъ титанъ, но напрасно. Можно вообразить, какіе мощные стоны вылетали изъ этой души, когда онъ скорбѣлъ съ Гамлетомъ, ненавидѣлъ съ Отелло, проклиналъ съ Лиромъ, когда изъ его устъ, страстныхъ и гармоническихъ, лились дивные монологи Шекспира, когда изливалась тоска его, напримѣръ, въ этихъ незабвенныхъ словахъ:

Для чего
Ты не растаешь, не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!

«Только видѣвшіе Мочалова въ лучшія его минуты (говоритъ одинъ изъ его критиковъ) могутъ понять все вліяніе на зрителей этой волканической натуры; могутъ понять, что этотъ трагическій талантъ можно любить страстно, какія бы нелѣпости ни выходили изъ его устъ; что можно было высидѣть цѣлаго «Уголино» за одну минуту выхода изъ хижины, просмотрѣть вялую романтическую драму за одинъ стонъ, вырвавшійся изъ его груди. Можно было десять спектаклей выносить самыя рутинныя завыванія, самые уродливые жесты съ тщетною надеждою на мигъ упоенія, и пойти еще въ одиннадцатый — и дѣйствительно увидѣть его великимъ, несравнен-

Digitized by Google

нымъ. Мочаловъ былъ колоссальный представитель романтизма, который выносилъ на своихъ плечахъ всѣ слабыя произведенія своихъ драматурговъ. Самъ-по-себѣ натура эксцентрическая, впадавшая въ крайности, раздражительная до болѣзненности, онъ переносилъ на сцену свои лихорадочныя увлеченія — и обаяніе натуры электрическимъ токомъ входило въ зрителей, и мы плакали, безумно радовались съ нашимъ трагикомъ. Минуты его торжества были какими-то френетическими минутами для зрителей: то не былъ дождь цвѣтовъ, громъ рукоплесканій, а часто мертвое, гробовое молчаніе; съ лихорадочнымъ трепетомъ выходилъ изъ театра зритель; онъ, какъ сокровище, выносилъ съ собою нелѣпыя фразы, становившіяся чѣмъ-то гармоническимъ или раздирающимъ душу въ устахъ трагика». (*).

Такія личности, какъ Мочаловъ, по нашему мнѣнію, можетъ производить только Россія, которая сама-собою только представляетъ страшную массу великихъ силъ, еще неуправленныхъ въ стройное теченіе. Въ Мочаловѣ все было русское: и талантъ громадный, но незаконченный стройнымъ воспитаніемъ, и жизнь вольная и широкая, и даже самое паденіе. Въ душѣ его много было мягкихъ, благородныхъ сторонъ, которыя влекли къ нему невольную симпатію. Мочаловъ, рано утромъ идущій на чердакъ къ знакомому студенту, чтобъ поговорить «душевно», Мочаловъ, отдающій послѣдній серебряный сервизъ на похороны бѣднаго актера, Мочаловъ утромъ и вечеромъ молящійся на Кремль — *потому-что, такъ какъ-то святые* (говорилъ онъ), могъ ли такой человыкъ не возбуждать сочувствія?

Въ студентахъ университета Мачаловъ имѣлъ постоянныхъ и жаркихъ поклонниковъ. Если на одномъ театрѣ давалась какая-нибудь замѣчательная пьеса, а на другомъ игралъ Мочаловъ, многіе изъ студентовъ брали мѣста въ обоихъ театрахъ. Прослушавъ лучшія мѣста у Мочалова, они переходили въ другой театръ. Эту благородную привязанность студенческое юношество сохранило до послѣднихъ дней артиста. Когда тѣло его отпѣвали въ церкви святаго Николая, студентъ протѣснился сквозь толпу и положилъ на гробъ его лавровый вѣнокъ; на плечахъ студенческихъ буквально перешелъ онъ и въ послѣднее свое жилище — въ могилу. Когда гробъ его несенъ былъ мимо университета, тѣ, которые не могли быть на похоронахъ, вышли изъ аудиторій и простились съ незабвеннымъ артистомъ. Какъ грустно припомнились тогда слова столь-любимаго Шекспира: «вотъ благородное угасло сердце!»

Если игра Мочалова представляла собою разительное неравновѣсіе внутреннихъ силъ творчества съ наружнымъ ихъ выраженіемъ, то совсѣмъ-инаго свойства былъ сценическій геній Щепкина. Это, безъсомнѣнія, величайшій актёръ не только нашей, но и вообще европейской сцены. На его сценическихъ созданіяхъ покоилось эстетическое чувство зрителя. Все, что жизнь представляетъ теплаго, сердечнаго, задушевнаго, переносилось имъ съ необыкновенною свободою,

(*) «Отеч. Записки» 1850 г., Т. 5.

Digitized by Google

простотою. Нѣтъ и тѣни принужденія, искусственности, а междутѣмъ роль его отъ начала до конца была художественно-прекрасна. Въ этомъ удивительномъ соединеніи правды жизни съ идеальною красотою вся тайна искусства, понятная только для великихъ художниковъ. Щепкинъ не игралъ, а жилъ художественно на сценѣ. Съ нимъ зритель проживалъ теплыя, сердечныя событія собственной жизни. Изъ самой игры знаменитаго актёра можно было заключить о серьёзномъ его артистическомъ образованіи. Въ каждой роли опытный глазъ замѣтилъ бы глубокую обдуманность, художественное мастерство, науку. Изъ самой игры можно было догадаться, что Михайло Семеновичъ не чуждался представителей науки и водилъ хлѣбъ-соль съ университетскими учеными. Московскому студенту не рѣдкость была встрѣчать почтенную фигуру актера-литератора и въ университетскихъ аудиторіяхъ. Дѣти же его принадлежатъ къ числу передовой рати русскаго просвѣщенія и, кажется, всѣ питомцы московскаго университета. Изъ этой же почтенной семьи былъ нѣкогда въ университетѣ профессоръ чистой математики Павелъ Степановичъ Щепкинъ. Такимъ-образомъ трудно рѣшить: которому изъ двухъ органовъ общественнаго образованія принадлежитъ болѣ-славное имя Щепкиныхъ: театру, или университету.

Но, кромѣ драмы и комедіи, на сценѣ есть еще міръ, поэтическій и свѣтлый, полный прихотливаго вымысла фантазіи — это балетъ. Въ массѣ большинства, по недостатку эстетическихъ и вообще философскихъ понятій, существуетъ какое-то странное понятіе о балетѣ. Какъ-будто онъ не доставляетъ просвѣщенному чувству столь же чистыхъ наслажденій, какъ и другое искусство? Къ вамъ обращаюсь, читательницы, помимо суровой и дѣловой половины человѣчества, скажите: вы мечтали когда-нибудь? Въ спокойную и свѣтлую минуту жизни вы уносились, конечно, изъ ежедневной дѣйствительности въ міръ лучшій, волшебный, который создавалъ вашъ услужливый декораторъ — воображеніе. Въ этомъ мірѣ все радужно, роскошно, чудно! Въ немъ, если хотите, бываютъ и страданія, но не тѣ суровыя, грозныя страданія жизни,

**Гдѣ скорбь безъ крылъ, а радости крылаты,**

но розовыя, милыя страданія. Вотъ вы молоды, прекрасны. Въ душѣ вашей живетъ непонятное, хотя сильное стремленіе къ чему-то дивно-прекрасному. Подъ вліяніемъ этого чувства вы выходите гулять, конечно не въ свой домашній садъ или въ яровое поле, а въ долину, облитую радужнымъ сіяніемъ свѣта; вдали великолѣпный замокъ, лиловыя горы. На встрѣчу вамъ всадникъ, вовсе не сосѣдній помѣщикъ въ бричкѣ П. И. Чичикова, юноша, въ блескѣ красоты и достоинства, чуть-ли не владѣтельный герцогъ. Онъ очарованъ вами, вы—имъ. Вдругъ трескъ, громъ, молнія — передъ вами чудовище—конечно, не рара, или maman. Чудовище васъ увлекаетъ, запираетъ въ башню. Вы томитесь; юноша тоскуетъ. Но является волшебница, фея, а не бабушка съ двумя тысячами душъ. Фея васъ

Digitized by Google

освобождаетъ; юноша у вашихъ ногъ. Вы обручаетесь: балъ, блескъ, танцы—занавѣсъ опускается.

Такіе волшебные замки строимъ и мы, дѣловые и строгіе моралисты, только мы въ этомъ не признаемся. Это отдохновеніе души, утомленной дѣйствительностью, нерѣдко пустой, иногда тяжкой. Сердце ищетъ покоя въ мірѣ грёзъ и упованій, счастія и добра, о которомъ человѣческое сердце постоянно тоскуетъ. Въ этомъ отдохновеніи душа пріобрѣтаетъ новыя силы для спора съ жизнью.

Что совершается въ душѣ человѣка, то имѣетъ законное мѣсто въ искусствѣ. И сердечный міръ мечты недостижимыхъ, но милыхъ стремленій, нашелъ себѣ выраженіе въ балетѣ. Оттого въ немъ такъ все свѣтло, радужно, полно блеска; оттого тамъ дѣйствительность мѣшается съ волшебнымъ и волшебное съ дѣйствительнымъ. Такъ-какъ міръ этотъ не ясенъ, неопредѣленъ и невѣдомъ никому, кромѣ самого сердца, то онъ чуждается выраженія, опредѣленнаго и точнаго, каково, напримѣръ, слово: онъ нашелъ себѣ выраженіе столь же молчаливое, столь же неопредѣленное, какъ самъ онъ — мимику, пантомиму танецъ. Музыка вторитъ ему вдали. Міръ этотъ граціозенъ, дѣвственъ, полонъ нѣжной прелести; оттого и царица балета чистое и нѣжное созданіе Божіе — женщина.

Такимъ-образомъ, балетъ есть художественное олицетвореніе тѣхъ же явленій духа человѣческаго, какъ и всякое искусство. Оттого здравое и чистое чувство вынесетъ изъ балета такое же благотворное впечатлѣніе, какъ и изъ всякаго созерцанія художественныхъ созданій.

Въ московскомъ балетѣ блистала тогда молодая артистка, которая художественною чистотою своей игры весьма-много способствовала къ развитію истинныхъ понятій объ искусствѣ. Нашему же быту ея талантъ сообщилъ столько прелести и поэзіи, что воспоминаніе объ этомъ бытѣ навсегда соединено съ именемъ этой замѣчательной артистки. Воспитанная подъ вліяніемъ Тальйони, г-жа Санковская осталась вѣрна этому поэтическому первообразу. Роли ея отличались именно тѣмъ, чего большею частью недостаетъ у балетныхъ артистокъ: идеею, характеромъ. Въ свои легкія, воздушныя созданія она вносила живую игру страстей. Ея Ундины, Сильфиды, Пери, то сливались съ стихійнымъ міромъ, изъ котораго брали свою дивную безплотность, то сходились съ участью человѣка, съ его радостями, счастіемъ, мечтами. Игра ея сообщала балету изящную, граціозную серьёзность художественнаго созданія. Зритель выносилъ изъ балета впечатлѣніе живаго образа художественнаго типа. Въ этомъ состояло главное достоинство г-жи Санковской. Въ выполненіи же ролей заключалось то очарованіе, о которомъ, конечно, помнятъ современники. Игра ея отличалась строгимъ изяществомъ и благородствомъ; танцы—тою прелестью и простотой, которая неуловима для описанія: въ нихъ было то, что есть въ лирическихъ твореніяхъ Пушкина, или ландшафтахъ Рюиздаля: ясная, свободная, какъ воздухъ, поэзія. Вѣнцомъ ея репертуара, конечно, была «Сильфида», единственное художественное созданіе, уцѣлѣвшее въ хореографіи. Какъ рельефно изображала артистка эту знакомую человѣку борьбу лучшихъ иде-

Digitized by Google

альныхъ стремленій съ земными житейскими условіями! То женщина, то духъ, то невѣста, то Сильфида—передъ зрителемъ постоянно носился кроткій, задумчивый образъ воплощенной грезы. Фани Эльслеръ, оцѣнила эту превосходную артистку съ свойственнымъ великому таланту безпристрастіемъ. Она сказала, что видѣла только двѣ Сильфиды: у Тальйони и у Санковской.

Но у г-жи Санковской былъ еще родъ ролей, противоположный сказанному: это – олицетвореніе демоническихъ силъ, которыя влекутъ человѣка къ паденію. Первообразомъ такихъ ролей была знаменитая ея роль Елены, въ извѣстной оперѣ Мейербера «Робертѣ».

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что большая часть балетныхъ артистокъ ошибочно понимаетъ, что́ значитъ обольщеніе, соблазнъ въ искусствѣ. Большею частью прибѣгаютъ къ внѣшнимъ выраженіямъ грѣховности, невсегда-приличнымъ, а потому вовсе-несоблазнительнымъ. Порокъ, преступленіе и въ жизни покрываются обманчивою прелестью; искусство же, имѣющее цѣлью не уронить, а возвысить природу человѣка, беретъ и мрачныя силы жизни для той же цѣли. Искусство представляетъ наготу дѣйствительности сквозь магическій кристаллъ красоты. Зритель видитъ всю правду жизни, всю дѣйствительную ея тѣлесность; но силою, всюду разлитой, всюду царствующей красоты, чувство его отторгается отъ нагой правды и успокоивается въ красотѣ правды художественной.

Санковская понимала этотъ великій эстетическій законъ, и оттого ея роль знаменитой искусительницы принадлежитъ къ высокимъ сценическимъ созданіямъ. Это была дѣйствительно обольстительница, настоящее порожденіе преступной страсти. Но какою волшебною красотою сіялъ этотъ властительный образъ! Какимъ страстнымъ вдохновеніемъ создана была вся роль! Къ крайнему сожалѣнію, нельзя передать словами то́, что́ передается только образомъ; нельзя описать минуты, когда изъ мрака ночи, изъ области могилъ и преступленій являлась эта блѣдная тѣнь, съ раскиданными по плечамъ черными волосами, съ демоническою улыбкою на устахъ, съ знойными, манящими объятіями. Какой пламень горѣлъ въ ея лицѣ, въ этихъ глазахъ, то сверкавшихъ, то нѣжныхъ, въ этомъ буйномъ танцѣ вакханаліи, который, то мчался подобно вихрю пустыни, то изнемогалъ въ нѣгѣ упоительной и страстной! Этотъ образъ дѣйствительно былъ обольстителенъ; но такъ обольщаетъ только цѣломудренная прелесть искусства.

Такова была артистка, еще недавно-собиравшая хвалебную дань рукоплесканій. Таковъ былъ ясный лучезарный міръ, который выводила она передъ зрителемъ. Жителю Сѣвера, въ объятіяхъ его непривѣтной природы, обвѣянному снѣгами и мракомъ ночи большую часть года, отрадно уноситься въ этотъ волшебный міръ, украшенный всѣми цвѣтами фантазіи. Еще отраднѣе было успокоиваться въ немъ душѣ, утомленной скорбною тревогою, о которой мы говорили. Вотъ главныя причины тогдашняго сочувствія къ балету. Случайныя обстоятельства дали поводъ выразиться этому сочувствію съ особеннымъ одушевленіемъ. Слава Мочалова, слава Щепкина была

Digitized by Google

незыблема; слава артистки неправедно заслонялась интригою, весьма обыкновенною въ театральномъ мірѣ. Тонкую, не для всѣхъ понятную прелесть ея таланта, нужно было объяснить. И мы несли ей привѣтъ и одобреніе во имя святаго искусства, въ уваженіе чистой художественности ея созданій. Въ обаяніи молодости и образованія, мы бились съ неправыми понятіями объ искусствѣ, считая это своимъ призваніемъ, для чести носимаго имени, во славу того же университета. Сладость благороднаго подвига, сладость подвига общественнаго окриляла душу, а громкое имя артистки заключало въ себѣ магическую неисповѣдимую силу. Въ немъ было все, что молодое, горячее воображеніе можетъ представить лучшаго и чистаго. Оно было знаменемъ, подъ вѣяніемъ котораго мы шли на всякое благородное, великодушное дѣло. И какъ вдохновительно дѣйствовало это имя! Какъ упоительны, полны мысли и дѣла, были тогдашнія бесѣды! Сколько толковъ объ искусствѣ, о призваніи актёра, о значеніи сцены! Изучались созданія великихъ художниковъ, читались многотомныя творенія объ искусствахъ, пѣлись пѣсни во славу мысли и поэзіи, поднимались заздравные кубки въ честь знаменитой артистки. О! какъ чисты, какъ безкорыстны были всѣ тогдашніе помыслы! Искусство, въ образѣ юной артистки, подавало руку наукѣ, и посреди полуночныхъ бесѣдъ, среди работъ въ лабораторіяхъ, клиникахъ, домашнихъ кельяхъ, посреди великодушныхъ думъ о добрѣ, славѣ и чести, носился чистый, поэтическій образъ Сильфиды, женщины въ ореолѣ художественной прелести... въ блескѣ и обаяніи молодости... въ лучахъ славы...

Прощай же золотое время! Вѣчно мчится къ тебѣ привѣтъ благодарнаго сердца! Слава и благоденствіе да сопутствуютъ тебѣ, благородный первенецъ русскихъ университетовъ! Да царствуетъ въ тебѣ тотъ же духъ истины въ наукѣ, та же любовь въ студенческомъ братствѣ, и да изливается эта любовь въ родственныя тебѣ стихіи русской жизни, въ убѣжденія мыслителей, въ правду судей, въ массы сословій и въ историческій прогресъ народной жизни!

**Н. Д.**

Digitized by Google

# НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПОКОЙНОМЪ АКАДЕМИКѢ П. А. ѲЕДОТОВѢ.

Бываютъ лица, о встрѣчѣ съ которыми, несмотря на ея кратковременность, сохраняемъ воспоминаніе съ особенною любовью. Такимъ былъ для меня покойной Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ.

Мы были знакомы не долго и не близко, но онъ любилъ меня какъ добраго, беззаботнаго юношу, а я уважалъ его какъ перваго русскаго художника въ своемъ родѣ. Мы встрѣтились въ домѣ его товарища по корпусу, а моего родственника. «У меня будетъ сегодня Ѳедотовъ» сказалъ мнѣ мой родственникъ, «познакомься съ нимъ хорошенько: онъ человѣкъ оригинальный и истинный талантъ». Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ гостя, и дѣйствительно, вечеромъ пришелъ Ѳедотовъ изъ своей дальней васильевской линіи. Когда онъ вошелъ въ залу, по ней ходила кормилица съ ребенкомъ. Ѳедотовъ сейчасъ же подошелъ къ малюткѣ, взялъ ея ручку и началъ разсматривать запястье пухленькой дѣтской руки, какъ-будто перевязанное ниточкой. «Посмотрите» сказалъ онъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, «что́ это за милашка! Зачѣмъ же ты себѣ ручки ниточкой перевязываешь? Или это ты, мамушка, этимъ занимаешься?» — «Это Богъ такъ перевязалъ», сказала, смѣясь, мамка. Ѳедотовъ нагнулся и внимательно, съ умиленіемъ разсматривалъ каждый пальчикъ и каждую жилку; то цаловалъ руку, то, держа ее въ своей, поворачивалъ въ разныхъ направленіяхъ, слѣдя за движеніемъ мускуловъ. «Сглазишь ты мою дочку», сказалъ, входя въ залу, мой родственникъ: «у тебя глаза черные: опасные!» — «Больные глаза», отвѣчалъ Павелъ Андреевичъ; «а не могу не любоваться: люблю дѣтей, Что́ за прелесть, какое милое созданіе—дитя! Ты посмотри: пальчики-то пухленькіе, востренькіе; каждая жилка видна; это, братъ, не то́, что́ мы съ тобой, особенно ты: лицо какъ подошва и все поросло волосами...»

Наружность Ѳедотова была, впрочемъ, вовсе-недурная. Особенную пріятность придавала ему улыбка милая, добрая, иногда меланхолическая. Задумываясь, онъ любилъ прикладывать палецъ ко лбу и

Digitized by Google

слегка двигать имъ, какъ-будто слѣдя за ходившею въ головѣ мыслью. Осанка его вовсе не напоминала, что онъ служилъ, и довольно-долго, въ военной службѣ, и только усы оставались памятью о полкѣ. Онъ ходилъ держа голову внизъ, какъ старикъ, какъ-будто жизнь наложила-таки порядочное бремя на его шею, а костюмъ его, простой черный сюртукъ и черная косынка на шеѣ—показывалъ совершенное пренебреженіе къ модѣ.

Но господа въ самыхъ изящныхъ костюмахъ не могли бы занять такъ цѣлое общество истинно-образованныхъ людей, какъ занималъ его Павелъ Андреевичъ. Мнѣ случалось бывать съ нимъ на званыхъ дружескихъ обѣдахъ. Все умолкало, когда говорилъ Ѳедотовъ, и только взрывы смѣха прерывали его звучный голосъ. Онъ говорилъ прекрасно, мѣрно, тихо, отчетливо и имѣлъ необыкновенную способность разсказывать чрезвычайно-серьёзно самыя смѣшныя вещи. Только одинъ разъ серьёзность его поколебалась. Это было на обѣдѣ у моего родственника. У стола прислуживалъ крѣпостной человѣкъ, Петрушка: широкое, краснощекое, доброе, самодовольное лицо, съ жирно-напомаженною головою и завитыми усами, молодой франтъ въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ, въ бѣломъ галстухѣ, въ черномъ фракѣ и сильно-натянутыхъ штрипками штанахъ. Долго стоялъ онъ, держа въ рукахъ тарелку, выпучивъ глаза и со вниманіемъ слушая разсказъ Ѳедотова; но вдругъ не выдержалъ, порснулъ со смѣху на всю столовую и, сконфуженный, выбѣжалъ въ буфетъ, гдѣ разразился смѣхомъ. Павелъ Андреевичъ невольно улыбнулся.

Послѣ обѣда товарищи просили его прочитать «Майора». Въ числѣ гостей было одно превосходительство. «Боюсь (сказалъ Ѳедотовъ), чтобъ не прослыть вольнодумцемъ: превосходительные не любятъ такихъ свободныхъ вещей; лучше попросить у нихъ позволенія». Когда генералу сказали объ этомъ и онъ сталъ упрекать Павла Андреевича въ излишней скромности:—«Извините, ваше превосходительство (отвѣчалъ Ѳедотовъ ему); знаете ли, по старой военной привычкѣ, какъ увижу густые, толстые эполеты, такъ робость и возьметъ: все думаешь, что на смотру или на парадѣ, но за-то особенно-пріятно встрѣтить добраго, милаго генерала, который проститъ маленькое вольнодумство бѣдному художнику».

Но и въ дружескомъ обществѣ онъ не вдругъ становился разговорчивъ, не вдругъ отдѣлывался отъ мыслей, занимавшихъ его въ уединеніи. Тогда по лицу его видно было, что онъ живетъ и умомъ и душою въ мірѣ своего искусства. Только мало-по-малу становился онъ сообщительнѣе; морщины сбѣгали съ высокаго лба; на устахъ появлялась милая улыбка и каждый предметъ могъ онъ выставить съ самой смѣшной стороны. Впрочемъ, насмѣшка его никогда не была зла, напротивъ, это была добродушная, милая сатира. Предметами для разсказовъ служили ему его наблюденія надъ людьми различныхъ классовъ; и такова сила истиннаго таланта, что самый обыкновенный случай получалъ въ его разсказѣ оригинальность и занимательность. Помню, какъ однажды разсказывалъ онъ о про-

Digitized by Google

гулкѣ для своихъ наблюденій на Смоленское Кладбище въ праздничный день, когда тамъ было очень-много народа; какъ онъ сѣлъ на пустую могилку, а вокругъ его православные поминали родителей. Особенно заняла его ближайшая группа молодыхъ писарей, средоточіемъ которой былъ отъѣвшійся флотскій коммиссаръ съ толстѣйшею супругой и жеманной дочкой-невѣстой. Писаря, въ франтовскихъ сюртукахъ съ блестящими галунами, съ золочеными цѣпочками отъ часовъ на груди и въ бѣлыхъ перчаткахъ, старались наперерывъ занять красавицу и угодить ея родителямъ. Они разсыпались въ комплиментахъ и не щадили остротъ совершенно-особеннаго писарскаго покроя. Павелъ Андреевичъ помнилъ отъ слова до слова ихъ любезности и передавалъ ихъ такимъ голосомъ, какъ-будто дѣйствительно нѣсколько лицъ говорило между собою. Наконецъ, когда дѣло дошло до того, что увѣсистый родитель захотѣлъ чаю (такъ разсказывалъ Ѳедотовъ), всѣ пришли въ большое затрудненіе, чѣмъ раздуть самоваръ, потому-что трубу забыли дома; одинъ хотѣлъ снять съ ноги сапогъ и, вмѣсто мѣховъ, употребить голенище, другой готовъ былъ уподобиться Эолу и раздуть уголья силою собственныхъ лёгкихъ и губъ, но наконецъ, третій, болѣе прочихъ любезный и деликатный, разрѣшилъ всѣ сомнѣнія: онъ пересыпалъ сахаръ изъ сахарной синей бумаги въ салфетку, а изъ этой бумаги устроилъ великолѣпную трубу, которую сталъ держать надъ самоваромъ, принявъ самую граціозную позу и возбудивъ своею изобрѣтательностью искренній смѣхъ и удовольствіе во всемъ обществѣ. Съ другой стороны на бѣдной могилкѣ сидѣли двѣ старухи и поминали своего покойника пирогомъ и кутьею. Онѣ замѣтили Ѳедотова, сидѣвшаго одиноко на камнѣ. «Вѣрно сиротинка», сказала одна, обращаясь къ нему, «поди, батюшка, помяни съ нами, чай, тебѣ скучно? Какъ не скучать одному! Поди же покушай нашего пирожка, голубчикъ!»

Любопытенъ былъ его разсказъ о томъ, какъ онъ познакомился съ купцомъ Кульковымъ, знаменитымъ тестемъ въ его картинѣ «Сватовство Майора»: «Люди подходятъ на выставкѣ къ картинѣ, говорилъ онъ, смѣются, объясняютъ ее другъ-другу, постоятъ многочто четверть часа и переходятъ къ другимъ картинамъ; а многіе ли изъ нихъ подумаютъ: чего стоитъ художнику то произведеніе, которымъ они любовались такъ недолго. Говорятъ: художникъ дорого проситъ за свою картину: она не велика, хотя и не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ. Не знаю, впрочемъ, могутъ быть такіе счастливцы, которымъ воображеніе сейчасъ же даетъ нужный типъ. Я не принадлежу къ ихъ числу, а можетъ-быть, и слишкомъ-добросовѣстенъ, чтобы игру фантазіи выдавать за возможное. Когда мнѣ понадобился типъ купца для моего «Майора», я часто ходилъ по Гостиному и Апраксину Двору, присматриваясь къ лицамъ купцовъ, прислушиваясь къ ихъ говору и изучая ихъ ухватки; гулялъ по Невскому Проспекту съ этою же цѣлью, но долго не могъ найти того, чего мнѣ хотѣлось. Наконецъ, однажды, у Аничкина Моста, я встрѣтилъ осуществленіе моего идеала, и ни одинъ счастливецъ,



Digitized by Google

которому было назначено на Невскомъ самое пріятное рандеву, не могъ болѣе обрадоваться своей красавицѣ, какъ я обрадовался моей рыжей бородѣ и толстому брюху. Я проводилъ мою находку до дома, потомъ нашелъ случай съ нимъ познакомиться, волочился за нимъ цѣлый годъ, изучилъ его характеръ, получилъ позволеніе списать съ моего почтеннаго тятеньки портретъ (хотя онъ считалъ это грѣхомъ и дурнымъ предзнаменованіемъ), и тогда только внесъ его въ свою картину. Цѣлый годъ изучалъ я одно лицо; а чего мнѣ стоили другія! Но никто изъ незнающихъ меня и не подумаетъ объ этомъ. Веселая, забавная картинка — и ничего больше! А запроси за нее столько, сколько она тебѣ самому стоитъ по труду, по чистой совѣсти, скажутъ: дорого, и никто не купитъ, а деньги нужны!... Нѣтъ, всего выгоднѣй рисовать солдатиковъ...»

Иногда среди самой веселой бесѣды Павелъ Андреевичъ вдругъ становился задумчивымъ. Тогда онъ обыкновенно извинялся передъ обществомъ, говоря, что ему нужно скорѣй домой, что ему пришла мысль, которую онъ боится смутить разговоромъ, просилъ, чтобъ его не удерживали и поспѣшно уходилъ домой. Въ томъ обществѣ, гдѣ я съ нимъ встрѣчался, никто въ такомъ случаѣ его не останавливалъ, зная нѣкоторыя его странности и глубоко уважая въ немъ художника.

Квартира Ѳедотова была въ одной, изъ дальнихъ линій Васильевскаго Острова и состояла изъ двухъ комнатъ. Онъ нанималъ ее, кажется, отъ жильца, семейнаго человѣка. Въ передней помѣщался его деньщикъ, Коршуновъ, личность также оригинальная. Всѣ стѣны своей комнатки онъ оклеилъ картинками, а прибитую надъ кроватью полку, установилъ разными хозяйственными вещами, и вообще сдѣлалъ изъ своего покойчика особеннаго рода гнѣздо, доказывавшее, что онъ уже по природѣ своей домострой и хозяинъ. Комната, гдѣ жилъ баринъ, была гораздо-больше и въ ней царствовалъ картинный безпорядокъ. По стѣнамъ висѣли гипсовыя руки и ноги, въ углахъ стояли столы съ разными принадлежностями для живописи, бумагами и рисунками, а въ одномъ углу—диванъ, на которомъ часто сидѣлъ манкенъ въ женскомъ костюмѣ, иногда съ гитарою въ рукахъ. Нижнія стекла оконъ были заставлены папками и начатыми портретами, чтобъ свѣтъ новозможности падалъ сверху. Павелъ Андреевичъ работалъ всегда у средняго окна, къ которому придвинутъ былъ его мольбертъ. Дома онъ ходилъ въ халатѣ на мерлушкахъ, съ открытою шеею, и когда я ни приходилъ къ нему, всегда заставалъ его за работою. «Нашему брату, нужно дорожить временемъ (говорилъ онъ), дорожить лѣтомъ: зимою немного наработаешь, особенно при слабыхъ глазахъ», и онъ бралъ съ окна чайную чашку, въ которой держалъ воду съ бѣлымъ ромомъ и, намочивъ тряпочку, примачивалъ этою смѣсью, себѣ глаза. «Кстати чѣмъ васъ подчивать? Развѣ бѣлымъ ромомъ: вина я не держу. Коршуновъ! есть у насъ ромъ?»

— Никакъ нѣтъ-съ, говорилъ Коршуновъ.

Digitized by Google

— Увѣряю васъ, что вретъ, замѣчалъ Павелъ Андреевичъ съ улыбкою.—«Да поищи хорошенько!»—«Пожалуй, поищу, да никакъ весь вышелъ», ворчалъ Коршуновъ, и было слышно какъ онъ начиналъ шарить по полкѣ, перебирая склянки.

— У Коршунова своя манера, свой образъ дѣйствій, говорилъ Павелъ Андреевичъ.—Представьте себѣ, когда я куплю бутылку рому, онъ сейчасъ разольетъ ее по разнымъ пузырёчкамъ: ему все кажется, что изъ бутылки ромъ скорѣе выходитъ, нежели изъ его стклянки; онъ скопидомъ, все думаетъ какъ бы повыгоднѣе.

Такимъ ворчуномъ остался у меня въ памяти Коршуновъ. Въ сущности это былъ человѣкъ рѣдкой честности и замѣчательной привязанности къ своему господину.

Ѳедотовъ несовсѣмъ любилъ, когда къ нему пріѣзжали и приходили во время его занятій; онъ любилъ работать уединенно, неразвлекаемый ни стукомъ экипажа, ни болтовней богатыхъ глупцовъ, изъ которыхъ иные рѣшались посѣщать его, чтобъ выказать свое сочувствіе къ талантамъ и обсудить сквозь лорнетъ одно изъ его новыхъ произведеній. При хорошихъ знакомыхъ онъ еще кое-что работалъ, при чужихъ грустно оставлялъ кисть и садился на диванъ, какъ жертва. Впрочемъ, въ уединеніи его рѣдко бывала совершенная тишина: за дверью постоянно слышались дѣтскіе крики, бѣготня, хохотъ и плачъ, но онъ не считалъ этого безпокойствомъ. «Дѣти мнѣ не мѣшаютъ; напротивъ, безъ нихъ я бы умеръ съ тоски» говорилъ Ѳедотовъ. «Развѣ это возмутители тишины! Это жизнь! да не моя и ваша, а веселая, беззаботная, счастливая, святая жизнь, безъ зависти, безъ злости, безъ осужденія. Бѣгаютъ-себѣ, играютъ, веселятся, а если подерутся, то я иногда выхожу ихъ мирить».

«И твоя жизнь святая!» думалъ я часто, видя его скромное уединеніе, въ которомъ онъ такъ набожно служилъ искусству и обществу, снося бѣдность вслѣдствіе того, что большую часть своихъ средствъ удѣлялъ недостаточнымъ родственникамъ. Скромный и добрый, онъ былъ рѣдкимъ исключеніемъ изъ нашихъ гвардейскихъ офицеровъ, съ понятіемъ о которыхъ мы привыкли соединять наружный блескъ, гостиную, франтовство, часто богатство, всегда свѣтскую любезность взамѣнъ глубокаго, яснаго ума и высокаго чувства. Павелъ Андреевичъ зналъ лучше другихъ слабыя стороны своихъ сослуживцевъ на поприщѣ Марса и въ альбомѣ своемъ оставилъ нѣсколько характеристическихъ сценъ этого быта съ его извѣстнымъ направленіемъ. Не помню, въ альбомѣ ли, или въ отдѣльномъ эскизѣ, только я видѣлъ прекрасную его картину, гдѣ въ богато-убранной комнатѣ изображенъ молодой офицеръ въ великолѣпномъ шелковомъ халатѣ, чуть-недавящійся кускомъ чернаго хлѣба. Это одна изъ тѣхъ личностей, которыя, живя однимъ жалованьемъ и долгами, заботятся болѣе всего о томъ, чтобъ въ убранствѣ комнатъ и въ костюмѣ сравниться со своими великосвѣтскими знакомыми, графами и князьями, и съ этою высокою цѣлью отказываютъ

Digitized by Google

не только себѣ, но даже деньщику своему въ необходимой пищѣ. Такой-то франтъ обѣдалъ кускомъ чернаго хлѣба съ крупною солью. Вдругъ въ прихожей звонятъ. Тщательно-остриженный, вымытый и расчесанный пудель съ лаемъ бѣжитъ встрѣчать гостя, можетъ-быть, одного изъ графовъ и князей. О, ужасъ! что́ подумаетъ его сіятельство, увидѣвъ черный хлѣбъ на богатомъ письменномъ столѣ? И вотъ хлѣбъ мгновенно заваленъ книгами, модными французскими романами; но что́ дѣлать съ кускомъ, который во рту? Не выплёвывать же его на богатый персидскій коверъ? И молодой человѣкъ старается скорѣе его прожевать. Онъ привсталъ, готовясь выходить къ гостю, и въ то же время жуетъ. Отъ усилія лицо его покраснѣло, на глазахъ чуть не выступаютъ слезы; та щека, за которою жуётся кусокъ, оттопырилась. Этотъ-то моментъ изобразилъ съ удивительнымъ искусствомъ художникъ, бывшій, можетъ-быть, нѣсколько разъ самъ свидѣтелемъ подобныхъ, поражавшихъ его благородную душу, сценъ. Бо́льшая часть его этюдовъ и эскизовъ касается военнаго быта, который онъ изучалъ съ малолѣтства, воспитывавшись въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ служа въ одномъ изъ полковъ. Въ его альбомѣ много сценъ изъ лагерной, походной и казарменной жизни русскаго офицера, жизни, заслуживающей быть затронутою русскими художниками и писателями, такъ-какъ военный классъ играетъ важную роль въ нашемъ обществѣ. У Ѳедотова разоблачены многіе изъ этихъ героевъ по наружности. У него были свои Печорины, Грушницкіе, Бѣлозоры и уродливые типы армейскихъ офицеровъ, представителемъ которыхъ служитъ въ нашей литературѣ Скалозубъ, а въ живописи — великолѣпный Ѳедотовскій «Майоръ».

Вообще, поэзія его живописи — поэзія отрицательная. Какъ человѣкъ образованный, онъ слѣдилъ за вѣкомъ, и въ то время, когда въ нашей литературѣ образовалась натуральная школа, въ живописи явился Ѳедотовъ съ своимъ разумнымъ жанромъ. Говорю *разумнымъ*, потому-что изображенія харчевни или рынка и т. п. произведенія считаю только рабскимъ подражаніемъ природѣ, безъ всякой цѣли; при всемъ мастерствѣ кисти и вѣрности рисунка, такія картины не имѣютъ значенія истинно-художественныхъ произведеній. Во всякомъ художественномъ произведеніи должна быть идея, и въ этомъ-то отношеніи особенно замѣчателенъ Павелъ Андреевичъ, хотя кисть его не отличается особенною живостью и блестящимъ колоритомъ. Каждое, даже самое ничтожное изъ его произведеній имѣетъ прекрасную цѣль и проникнуто живою мыслью. Оттого-то въ его картинахъ нѣтъ ничего необъяснимаго, ничего ненужнаго или эффектнаго; все просто, естественно, понятно каждому; каждое лицо, каждый аксессуаръ необходимы и служатъ другъ другу дополненіемъ и объясненіемъ. Любопытно было прислушиваться къ молвѣ народной около его картинъ на выставкѣ. Каждый могъ объяснять ихъ, разбирая всѣ лица и не упуская изъ виду главной идеи. Самъ Ѳедотовъ любилъ для своихъ соображеній бывать въ этой

Digitized by Google

толпѣ и слушать ея толки. Помню, ка́къ однажды мы застали его на выставкѣ дежурнымъ. Около его картинъ стояла толпа народа. Его лицо сіяло удовольствіемъ—это было торжество его. Онъ провелъ нашихъ дамъ впередъ и въ стихахъ сталъ разсказывать содержаніе каждой картины, на радость всѣхъ зрителей. Удовольствіе его было особенно понятно тому, кто зналъ, чего сто́или ему его работы, ка́къ долго онъ ихъ задумывалъ, обдумывалъ, компоновалъ, наконецъ, сколько употреблялъ на нихъ чисто-механическаго труда; ибо прежде-чѣмъ перенести какой-нибудь предметъ на полотно, онъ рисовалъ его нѣско́лько разъ съ натуры. Мельчайшіе аксессуары: дерево, бронзу, хрусталь онъ изучалъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и любовью. Сбираясь писать картину: «Пріѣздъ Государя Императора въ институтъ», чтобъ лучше изучить освѣщеніе и расположить группы, онъ склеилъ модель залы изъ картона, а институтками скужили горошины: каждую горошину онъ перетягивалъ ниткой въ бумажкѣ, низъ которой подрѣзалъ вокругъ и распускалъ въ видѣ юбки. Такихъ горошинъ онъ наготовилъ до сотни и, устанавливая ихъ различными группами въ своей аршинной залѣ, любовался игрою свѣта и тѣни при перемѣщеніи куколокъ, а лицо своей вдовушки, въ картинѣ того же имени, передѣлалъ по-крайней-мѣрѣ разъ двадцать. «Живопись требуетъ добросовѣстности» говорилъ онъ. «Пожалуй, я на столько съумѣю, чтобъ обмануть глазъ другихъ, но не всѣхъ и не самого себя. Всякая невѣрность рѣжетъ мнѣ глаза. Чтобъ картина была хороша и не конфузила художника, нужно, чтобъ она была вѣрна по мысли и по кисти. Терпѣть не могу нашихъ портретовъ: они всѣ невѣрны; развѣ рѣдкіе, писанные великими мастерами. Можно ли уловить душу человѣка, пришедшаго именно съ тою цѣлью, чтобъ съ него писали портретъ? Что́ такое выражаетъ лицо его во время сеанса? Чѣмъ онъ занятъ, чѣмъ развлеченъ? Сидитъ, не смѣя шевельнуться. Великіе художники имѣютъ способность прозирать и улавливать душу даже въ такіе глупые моменты безсмысленной неподвижности. Впрочемъ, я все-таки полагаю, что портретъ долженъ быть историческою картиной, въ которой изображаемое лицо было бы дѣйствователемъ: тогда только въ немъ будетъ смыслъ, жизнь и видѣнъ характеръ того, съ кого пишутъ». Кажется, Павелъ Андреевичъ дѣлалъ опыты въ этомъ родѣ и написалъ прекрасную семейную картинку: отецъ, куря папироску, пустилъ шутя дымъ въ своего ребенка, а мать, смѣясь, разгоняетъ этотъ дымъ, чтобъ дитя не закашлялось. По поводу портретовъ Ѳедотовъ разсказывалъ презабавный случай, ка́къ однажды онъ взялся написать портретъ какого-то господина. Этотъ пріѣхалъ къ художнику одѣтый въ лучшее платье, завитый, напомаженный, съ великолѣпною булавкой на галстухѣ, съ драгоцѣнными запонками на манишкѣ и брильянтовымъ перстнемъ на рукѣ. Ѳедотовъ, усаживая его, сложилъ ему руки нарочно такимъ-образомъ, что спряталъ блестящій перстень, и ожидалъ, что́ изъ этого выйдетъ. «Не успѣлъ я взяться за мѣлъ», говорилъ Павелъ Андрее-

Digitized by Google

вичъ, «тяжу, а великолѣпный палецъ какъ-будто-нечаянно выползаетъ наружу и наконецъ выползъ совершенно. Вотъ какъ эти люди понимаютъ искусство!»

Самъ Павелъ Андреевичъ понималъ искусство такъ, какъ понимаютъ его немногіе изъ русскихъ художниковъ. Кромѣ природнаго ума и прекрасной души, этому много способствовало образованіе, котораго почти не имѣютъ наши живописцы, и чтеніе, которому посвящалъ онъ время, непозволявшее заниматься живописью. Тутъ онъ становился поэтомъ и часто перомъ досказывалъ то, чего нельзя передать кистью. Многія изъ стихотвореній его весьма-удачны, и такова судьба его поэтическихъ произведеній, что его стихи нравились величайшему изъ нашихъ живописцевъ, Брюлову, а картины—знаменитому писателю Гоголю. Гоголь долго стоялъ надъ ними, какъ разсказывалъ самъ Павелъ Андреевичъ, и находилъ ихъ совершенно-оригинальными, а Брюловъ сначала даже разсердился на художника за то, что онъ пишетъ перомъ въ то время, когда ему слѣдуетъ писать кистью, и, вѣроятно, какіе-нибудь дюжинные стишонки. «Но я не сробѣлъ» разсказывалъ Павелъ Андреевичъ, «а попросилъ позволенія прочитать. Брюловъ слушалъ внимательно и наконецъ помирился съ моими стихами. «Я думалъ, что хуже» сказалъ онъ, «но у тебя есть талантъ; и хотя кистью владѣешь ты лучше, однако этакіе стихи писать не грѣшно». Кромѣ поэзіи, Ѳедотовъ любилъ и музыку. Онъ игралъ довольно-пріятно на гитарѣ, съ аккомпаниментомъ которой пѣлъ романсы своего сочиненія и солдатскія пѣсни, оставшіяся по немъ вѣчною памятью въ л. г. финляндскомъ полку. Голосъ у него былъ баритонъ сильный и пріятный; пѣлъ онъ, однакожь, не такъ хорошо, какъ декламировалъ стихи: въ этомъ искусствѣ онъ былъ неподражаемъ. У него не было ни жестовъ, ни неистовыхъ криковъ, но самая благородная манера передавать чрезвычайно-выразительно смыслъ каждаго стиха, силу каждаго слова. Впрочемъ, онъ болѣе любилъ декламировать что-нибудь сатирическое, нежели трагическое; всего же лучше разсказывалъ басни Крылова и многія изъ своихъ стихотвореній.

Такія способности, всѣ касавшіяся области изящнаго, безъ-сомнѣнія, имѣли вліяніе на пониманіе искусства. Искусство было для него святыня, требующая отъ жрецовъ своихъ евангельской чистоты. Умъ и душа художника должны быть яснымъ зеркаломъ, отражающимъ все созданіе Божіе, но остающимся всегда яснымъ и чистымъ, несмотря на тѣ темныя стороны, которыя придется узнать ей при изученіи человѣчества. Всѣ чувства, всѣ страсти, всѣ слабости людскія должны быть доступны и извѣстны поэту, но единственно для того, чтобъ они показали ему, какъ долженъ дѣйствовать божественный талантъ на пользу ближняго, доставляя ему своими созданіями эстетическое наслажденіе, возвышающее умъ и душу. Но, при такомъ взглядѣ на искусство, положительный путь труденъ; для него нужно быть геніемъ. Павелъ Андреевичъ понималъ это и не бывалъ на Олимпѣ, даже не рѣшался брать серьёзныхъ, историческихъ сюже-

Digitized by Google

товъ, не желая быть похожимъ на тѣхъ художниковъ, которые, написавъ румяную, полногрудую дѣву, готовы вѣрить, что это Венера Медицейская, а торсъ дюжаго натурщика выдавать за Геркулеса Фарнезскаго. Онъ занимался сначала только тѣмъ, что̀ было ему по силамъ — сюжетами, развитію которыхъ способствовалъ его природный сатирическій умъ и наблюдательность, и помогала та степень образованности, какой могъ онъ достигнуть, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ и довершая его чтеніемъ книгъ на досугѣ. Такимъ разумнымъ выборомъ сюжетовъ, лучше всего доказывается его уваженіе къ искусству и талантъ. Посредственность всегда гонится за тѣмъ, чего не можетъ понять и выполнить, но его картины возбуждаютъ смѣхъ не безъ цѣли.

Нѣтъ сомнѣнія, что при болѣе-продолжительной дѣятельности, онъ возвелъ бы свой *жанръ* на степень современной исторической живописи, въ полномъ смыслѣ слова, и своими произведеніями, вмѣсто смѣха, вызвалъ бы изъ глазъ соотечественниковъ благородныя слезы: по-крайней-мѣрѣ, послѣдняя его картина, «Вдовушка», дѣйствуетъ именно такимъ-образомъ; но и въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ въ своемъ родѣ, между нашими художниками ему нѣтъ соперниковъ. Все, что̀ подражало ему, или шло съ нимъ по одной дорогѣ, не могло съ нимъ сравниться. Онъ нашъ первый оригинальный русскій жанристъ, самобытный талантъ, одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которая въ нашъ коммерческій вѣкъ была способна отрѣшиться отъ всякихъ почестей и выгодъ ради искусства. Покойный Императоръ много помогалъ бѣдному художнику. Находясь въ отставкѣ, Ѳедотовъ получалъ содержаніе изъ государственнаго казначейства, пользовался деньщикомъ и такимъ-образомъ могъ существовать почти безбѣдно, что̀ давало ему возможность слѣдовать своему призванію. Безъ такого пособія, его талантъ, можетъ-быть, остался бы неразвитымъ, и Россія не имѣла бы одного изъ своихъ замѣчательныхъ художниковъ.

Она и то лишилась его рано, безвременно. Въ Альбомѣ Павла Андреевича была картинка, подъ заглавіемъ «Ѳедотовъ въ старости». Онъ изобразилъ себя больнымъ, обвязаннымъ тряпками и пишущимъ вывѣски для прокормленія своего многочисленнаго семейства, наполняющаго бѣдную комнату. Но судьба его едва-ли не ужаснѣе. Не могу или, лучше, не хочу себѣ представить, что такой умный, такой благородный человѣкъ, котораго я такъ благоговѣйно любилъ и уважалъ — сошелъ съума! Нѣтъ, пусть лучше въ моемъ воспоминаніи онъ будетъ живымъ, здоровымъ, привѣтливымъ, улыбающимся, такимъ, какимъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда пріѣзжалъ къ нему прощаться, передъ своимъ отъѣздомъ въ деревню. Это было наше послѣднее свиданіе. О его кончинѣ я прочиталъ въ газетахъ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга.

Въ заключеніе скажу, что если мои воспоминанія слишкомъ-бѣдны, а можетъ-быть и слишкомъ блѣдны, такъ-что ими нельзя по-

Digitized by Google

чтить память такого художника, каковъ былъ Ѳедотовъ, рельефно выставить его передъ читателемъ: я, однакожь, доволенъ тѣмъ, что передалъ ихъ бумагѣ, и такимъ-образомъ еще сильнѣе врѣзалъ въ память свою личность благороднаго, талантливаго человѣка. Отрадно, если есть еще въ душѣ сила, крѣпко помнить истинно-прекрасное, встрѣченное въ жизни, особенно помнить въ провинціи, гдѣ общество такъ далеко отъ искусства, что душѣ, понимающей прекрасное, часто только и приходится жить одними воспоминаніями.

**ИВАНЪ МОЖАЙСКІЙ.**

---

Digitized by Google

# ИЗЪ РЕГИСТРАТУРЫ.

## РАЗСКАЗЪ КОНРАДА ПРИСТА (*).

— Гдѣ акты о ѣздовомъ Пистѣ? спрашивалъ совѣтникъ фон-дер-Позе, хлопотливо входя въ регистратуру.—Мнѣ нужны акты, касающіеся ѣздоваго Писта, и нужны немедленно!.. Гдѣ они?

Регистраторъ Герхардъ взглянулъ въ свою книгу для отмѣтокъ и возразилъ:

— Акты, касающіеся ѣздоваго Писта, должны быть уже представлены господину совѣтнику.

— Это опять невѣрное показаніе! строго замѣтилъ послѣдній, устремляя на своего подчиненнаго проницательный взоръ.

— Да́, сказалъ, оправдываясь, регистраторъ: — въ моей исходящей книгѣ такъ и отмѣчено. Если вашему высокоблагородію угодно будетъ посмотрѣть у себя дома, то вы, конечно, найдете бумаги.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что́ вы отмѣтили въ вашей книгѣ! закричалъ на младшаго чиновника совѣтникъ фон-дер-Позе:— если я говорю вамъ: у меня нѣтъ актовъ, то ихъ и нѣтъ у меня— вотъ и все!... Послушайте, любезнѣйшій, это дѣло съ ѣздовымъ Пистомъ... тутъ ужь что-нибудь случилось, тутъ что-то несовсѣмъ-ладно. Берегитесь! говорю вамъ, я требую актовъ: вы мнѣ доставите ихъ, или...

— Если акты дѣйствительно не находятся у вашего высокоблагородія, замѣтилъ регистраторъ: — то они, конечно, должны лежать гдѣ-нибудь въ ящикѣ... Я тотчасъ же посмотрю.

---

(*) Изъ «Bilder aus der Beamtenwelt».



Digitized by Google

— Да́, гдѣ-нибудь, гдѣ-нибудь! повторилъ совѣтникъ съ негодованіемъ и почти съ насмѣшкою: — конечно, они должны же быть гдѣ-нибудь; но они должны находиться не *гдѣ-нибудь*, а должны находиться *гдѣ*, то-есть въ своемъ извѣстномъ, предписанномъ, законномъ мѣстѣ.

Регистраторъ уже взялъ свою ручную лѣстницу и приложилъ ее къ огромному, по[illegible]ому шкапу. Онъ влѣзъ на лѣстницу и принялся искать въ [illegible] между бумагами. Совѣтникъ фон-дер-Позе стоялъ внизу, [illegible] обѣ руки въ бока, и нетерпѣливо и сердито смотрѣлъ [illegible]. Потомъ онъ вдругъ воскликнулъ:

— Да вѣдь это д[illegible]хъ, тамъ ужь, само-собою разумѣется, не можетъ лежат[illegible]. Даже въ своей собственной регистратурѣ вы не знаете порядка: это, просто, изъ рукъ вонъ!.. а тамъ, гдѣ вы теперь роетесь, тамъ лежатъ дѣла, касающіяся народнаго просвѣщенія: какимъ же образомъ попадетъ ѣздовой къ народному просвѣщенію... ну, еще лучше, къ королевскимъ повелѣніямъ! Да что́ вы, милостивый государь, совсѣмъ сбились съ толку, что́ ли?

— Извините, ваше высокородіе! возразилъ регистраторъ обиженнымъ тономъ, не оставляя своего мѣста: — я и самъ знаю, что ѣздовой Пистъ не принадлежитъ ни къ дѣлу о евреяхъ, ни къ дѣлу народнаго просвѣщенія; но ящикъ его находится рядомъ съ ящиками, гдѣ помѣщаются эти дѣла, и очень могло случиться, что онъ попалъ въ другой ящикъ, потому-что въ своемъ ящикѣ нѣтъ его.

Съ этими словами онъ осторожно спустился со ступенекъ ветхой лѣстницы и, ступивъ на полъ, продолжалъ:

— Актовъ нѣтъ. Я сожалѣю, что ничѣмъ не могу помочь въ этомъ дѣлѣ... По моему мнѣнію, я вручилъ ихъ вашему высокоблагородію недѣли двѣ назадъ...

— Господинъ регистраторъ! строго воскликнулъ совѣтникъ, перебивая его: — я не могу принять никакихъ объясненій—довольно! Вы должны доставить мнѣ акты о ѣздовомъ Пистѣ, и доставить ихъ сегодня же. Вы дадите отвѣтъ въ уклоненіи отъ соблюденія строгаго законнаго порядка за эти акты, которые, прибавилъ онъ, поднявъ брови и выпуча глаза: — которые гораздо-важнѣе, нежели вы, можетъ-быть, думаете.

Регистраторъ молча пожалъ плечами.

— Вы напрасно пожимаете плечами! закричалъ на него разгнѣванный начальникъ: — тутъ нечего пожимать плечами—понимаете ли вы меня? Старайтесь лучше быть исправнѣе, а не забрасывать и закладывать все куда попало, какъ вы обыкновенно дѣлаете... Впро-

Digitized by Google

чемъ, вы можете быть увѣрены, что подобный безпорядокъ, какъ противный службѣ, не будетъ терпимъ долѣе.

Затѣмъ онъ повернулся къ нему спиною и направился къ двери. Регистраторъ вздохнулъ и сказалъ про-себя:

«Для того только и дожилъ я до пятидесяти лѣтъ, для того и прослужилъ тридцать лѣтъ, чтобъ выслушивать такія вещи — это ужь изъ рукъ вонъ!»

Совѣтникъ, до чуткаго уха котораго еще дошли эти слова, съ гнѣвомъ оглянулся въ дверяхъ, и бросилъ на несчастнаго уничтожающій взглядъ и исчезъ затѣмъ.

Наступалъ вечеръ. Въ обширной, скудно-освѣщенной регистратурѣ царствовали какія-то особенныя, глубокія сумерки, нѣкотораго рода туманъ, неисчезавшій ни отъ какого дневнаго свѣта и, какъ легко себѣ вообразить, съ приближеніемъ ночи становившійся все гуще-и-гуще.

Тамъ, въ сомнительномъ полусвѣтѣ, находились огромные шкапы, нагруженные бумагами до самаго почернѣлаго потолка комнаты. Все, казалось, имѣло одинаковый видъ; шканы, полки, бумаги—всѣ походили другъ на друга, всѣ были безразличны для непосвященнаго глаза, для обыкновеннаго разсудка простаго смертнаго.

Но пастухъ съ виду знаетъ каждую овцу большаго стада, которое онъ сторожитъ; онъ знаетъ возрастъ каждой овцы, ея происхожденіе, всѣ ея семейныя отношенія и сколько она даетъ шерсти; онъ знаетъ сколько у той или другой было ягнятъ, какой баранъ былъ родителемъ и что́ сталось съ ягнятами: были ли они убиты, или проданы, умерли ли они, или сдѣлались уже овцами и еще по настоящее время служатъ украшеніемъ хлѣва.

Такъ и регистраторъ находится въ личномъ отношеніи да въ истинно-дружескихъ отношеніяхъ къ своимъ дѣламъ. Почти всѣ эти дѣла онъ принялъ и надписалъ самъ; онъ видѣлъ, ка́къ они изъ худощавыхъ тетрадей выросли до могучихъ фоліантовъ, которые, въ свою очередь, произвели на свѣтъ небольшія многообѣщающія дѣла; каждое изъ нихъ онъ имѣлъ въ рукахъ болѣе ста разъ, и даже тысячу разъ; онъ знаетъ ихъ силу и слабость; онъ знаетъ, кто ихъ предки и кому они обязаны своимъ потомствомъ, и часто ему достаточно бросить бѣглый взглядъ на переплетъ длятого, чтобъ знать, какой предметъ излагается въ тѣхъ или другихъ актахъ и гдѣ находятся потомки, отъ нихъ происшедшіе.

Какое богатство комбинаціи! какая длинная, чрезвычайно-запутанная цѣпь дѣловыхъ возможностей открывается здѣсь пытливому уму!..

Digitized by Google

И бумажно-дѣловой міръ имѣетъ свой круговоротъ жизни, начало и конецъ своего бытія. Старые акты бросаются въ сторону, и часто, не безъ сожалѣнія, относятся въ подвалъ, гдѣ они печально доживаютъ свои послѣдніе дни въ пыли до-тѣхъ-поръ, пока сырость, черви и старость нападутъ на нихъ и изгрызутъ ихъ, и они, затѣмъ, слѣдуя пути, составляющему удѣлъ всего земнаго, обратятся въ прахъ и гниль вмѣстѣ со всѣми мыслями и прилежаніемъ чиновниковъ, которыя они въ себѣ заключаютъ. Или что еще хуже: ихъ, пожалуй, продаютъ, и покупатель сколачиваетъ ихъ въ папку или употребляетъ на свертки, если занимается сливочною или хлѣбною торговлею. Мастеровой ученикъ, который нерѣетъ изъ лавки кусокъ сыру своему хозяину, разсматриваетъ во время ходьбы іероглифы на бумагѣ, въ которую лавочникъ завернулъ товаръ. Онъ не подозрѣваетъ, не подозрѣваютъ и хозяинъ и хозяйка, что́ за великія, важныя, сами-по-себѣ безсмертныя мысли нѣкогда нацарапалъ на этомъ листѣ какой-нибудь могущественный человѣкъ. Кто еще знаетъ его имя, кто еще знаетъ его почеркъ? Всемірная исторія не сохраняетъ ихъ, они нигдѣ не продолжаютъ существовать, ибо государственное устройство этой страны, ея законы, ея учрежденія измѣнились, и развѣ какой-нибудь ветеранъ-чиновникъ стараго времени помнитъ еще его превосходительство, не можетъ, однакожь, сказать о немъ ничего положительно-вѣрнаго; его дѣятельность, его успѣхи на служебномъ поприщѣ забыты. И вотъ хозяйка бросаетъ бумагу, бумага выметается съ прочимъ соромъ, или вѣтеръ играетъ ею на улицѣ и она погибаетъ жалкимъ образомъ.

На мѣсто старыхъ поступаютъ молодые, гордящіеся болѣе-тонкою бумагою, бѣглымъ и четкимъ почеркомъ и современными правилами. Они обладаютъ сознаніемъ, что бумажное производство и письмо сдѣлали неизмѣримые успѣхи и презрительно и свысока́ оглядываются на своихъ предмѣстниковъ. Подождите! васъ ожидаетъ въ свое время не лучшая участь, какая постигла вашихъ предковъ, вытѣсненныхъ вами съ вѣрнаго мѣста, которое они неоспоримо занимали впродолженіе цѣлаго полустолѣтія. И вашъ часъ пробьетъ; ваша гордость падетъ; вы также созданы только изъ лохмотьевъ и отъ васъ останется одна лишь сырая матерія.

Регистраторъ былъ одинъ. Придерживая подбородокъ рукою, стоялъ онъ передъ шкапами и осматривалъ свои полчища. Они безмолвно смотрѣли на него и, казалось, говорили:

«Зачѣмъ обращаешься ты къ намъ, бѣднымъ, съ этимъ взоромъ, полнымъ упрека? зачѣмъ смотришь ты на насъ такъ гнѣвно, съ такою

Digitized by Google

угрозою? вѣдь мы не виноваты въ своемъ существованіи; мы не создали себя сами; судись съ тѣми, которые произвели насъ!»

Что́ за страшная масса дѣлъ! и она съ каждымъ днемъ расла все болѣе-и-болѣе; не только рождались все новыя, неслыханныя, неимовѣрныя тетради, но изъ тетрадей давно-отшедшихъ, покоившихся въ подвалахъ, многія были призываемы къ новой жизни настоящаго времени. Подобно сельскимъ пасторамъ, пріѣзжавшимъ въ полные жизни и богатые дѣятельностью города, эти старые, уже покоившіеся герои, пробужденные отъ своего зимняго сна, спотыкаясь, вступали въ регистратуру, съ удивленіемъ выпучивали глаза на новые шкапы и порядки, не находили своихъ прежнихъ мѣстъ и нигдѣ не хотѣли помѣститься. Что́ жь изъ этого выйдетъ современемъ? ка́къ осилить эту массу, какимъ образомъ сохранить порядокъ между этою сволочью?

Ужасныя мысли роились въ головѣ несчастнаго чиновника. Онъ думалъ про-себя:

«Еслибъ теперь загорѣлся домъ и пожаръ обратилъ бы въ золу всю эту дрянь... развѣ міръ погибнетъ отъ этого? Міръ, конечно, не погибнетъ, но присутственное мѣсто... это, разумѣется, опять справедливо. Ибо, что́ сталось бы со всѣми вновь-входящими представленіями и предписаніями? къ нимъ нельзя было бы приложить никакихъ дѣлъ и тогда ученѣйшій мужъ не зналъ бы, что́ съ ними дѣлать. Вотъ, я хотѣлъ бы посмотрѣть на лица этихъ господъ. Сдѣлалось бы страшное замѣшательство... вся машина остановилась бы...

«Еслибъ я только могъ найти проклятые акты о ѣздовомъ Пистѣ?.. А! не попали ли они, можетъ быть, по ошибкѣ, туда, наверхъ?»

Онъ приставилъ лѣстницу къ извѣстному мѣсту одного шкапа, быстро влѣзъ наверхъ и схватилъ покоившуюся тамъ связку актовъ. Облако пыли поднялось съ связки въ то время, когда онъ дотронулся до нея. Они, слѣдовательно, не могутъ лежать и тамъ, потому—что эта пыль была гуще двухнедѣльной, а въ послѣднія двѣ недѣли (регистратору было это очень-хорошо извѣстно) онъ еще имѣлъ потерявшіеся акты въ рукахъ.

Онъ сѣлъ къ своему столу близь окна и принялся писать какія-то отмѣтки на нѣкоторыхъ переплетахъ съ актами и на извѣстныхъ непонятныхъ спискахъ и увѣдомленіяхъ, послѣдовательно перебирая ихъ. Онъ знаетъ только внѣшность актовъ и дѣлъ; какая ему нужда до ихъ содержанія? И еслибъ это содержаніе зажгло землю, перевернуло все вверхъ дномъ, уничтожило миръ нѣсколькихъ тысячъ существъ и преобразовало благополучіе мильйоновъ людей—ему нѣтъ дѣла до этого. Промышленость, полиція, верховная власть, эманципація іудеевъ, по-

Digitized by Google

дати, наводненія, скотскій падежъ и желѣзныя дороги—ему это всеравно, все это не должно интересовать его. Ему и безъ того довольно работы: держать нѣкоторымъ образомъ въ должномъ порядкѣ всѣ эти дѣла, передаваемыя на его попеченія. Переплеты актовъ, корешокъ бумагъ—вотъ его объекты; таблицы, книги для отмѣтокъ, списки—на нихъ обращено его прилежаніе; это алтари, на которыхъ онъ приноситъ жертвы служебнымъ богамъ, и въ жертву имъ онъ приноситъ все: свою силу, свое мужество, свое человѣческое достоинство.

Такимъ образомъ сидѣлъ онъ и писалъ, и слеза тихо прокралась изъ глаза и смѣшалась съ пылью актовъ.

«Стыдись!» сказалъ онъ самому себѣ, быстро отирая влажный глазъ: «стыдись! развѣ ты не мужчина? Ахъ, какую чувствуешь слабость, когда цѣлый день рылся въ бумагахъ!»

Онъ взглянулъ въ окно.

«Что́ за прекрасная погода! что́ за мягкій воздухъ! какимъ багровымъ отливомъ отражаются лучи заходящаго солнца на оконныхъ стеклахъ! Позади меня въ этой глухой рабочей норѣ царствуетъ ночь, тягостная ночь, но передо мною свѣтъ, свобода!.. Вѣдь растеніе обращается своимъ вѣнчикомъ къ свѣту: отчего же я не долженъ дѣлать этого? отчего же я долженъ снова обращаться во тьму?.. Но дѣлать, кажется, не́чего, теперь только еще половина восьмаго и надобно еще на нѣсколько времени приняться за плугъ.»

Онъ взялъ въ руки одно дѣло.

«Акты, касающіеся собакъ» пробормоталъ онъ про-себя, внося цифру въ свой реестръ. «Акты, касающіеся соловьевъ».

И онъ записалъ новую цифру. Такъ продолжалъ онъ заниматься нѣсколько времени, потомъ поднялъ глаза и сказалъ:

«Праведное небо! еслибъ я могъ выпить теперь стаканъ вина!.. я рѣшительно усталъ! Пусть то́ было бы чудное, ароматное, усладительное питье, укрѣпляющее душу и тѣло, не взволновывая ихъ, питье въ хрустальномъ, украшенномъ виноградными листьями кубкѣ, мягкое, какъ вечерній зной... Глупецъ! къ чему мечтаешь ты? Ступай домой, съѣшь бутербродъ, выпей стаканъ воды и потомъ соверши свою вечернюю прогулку. Завтра утромъ будетъ здѣсь та же исторія; а до-тѣхъ-поръ успокойся!»

Онъ отправился, но забота не оставляла его. Что́ за непріятности будутъ завтра, если акты о ѣздовомъ еще не нашлись! А можетъ-быть, они и найдутся. Вѣдь это случается такимъ образомъ часто: подобно тому, какъ заблудившаяся овца возвращается къ стаду и пастухъ не знаетъ, гдѣ она находилась столь долгое время и ка́къ она

Digitized by Google

нашла дорогу домой; такъ и пропавшая бумага появится вдругъ, нечаянно, и никто не въ-состояніи сказать, гдѣ она находилась и какимъ образомъ снова очутилась въ ящикѣ. Можно только сказать: она опять нашлась. У регистратора спалъ съ сердца камень, онъ съ удовольствіемъ потираетъ себѣ руки и не ищетъ болѣе; онъ, улыбаясь, посматриваетъ на одного или на другаго и тѣ ворчливо замѣчаютъ: «ужь не думаете ли вы, что акты были у меня? въ такомъ случаѣ вы жестоко ошибаетесь: я не видалъ ихъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ».

Съ такими мыслями вступилъ регистраторъ въ свою квартиру, находившуюся въ верхнемъ этажѣ одного изъ домовъ въ предмѣстьи города. Все здѣсь осталось въ томъ же видѣ, какъ было утромъ. У щеглёнка былъ еще кормъ; ему можно дать только еще свѣжей воды. «Такъ, моя птичка!» А тамъ, на комодѣ, стоитъ ящикъ съ альтомъ. Регистраторъ вынулъ небольшой ключикъ изъ своего жилетнаго кармана, открылъ ящикъ и привѣтствовалъ своего друга. Онъ былъ хорошо настроенъ. Регистраторъ сдѣлалъ нѣсколько аккордовъ, смычокъ медленно скользнулъ по струнамъ—и сладостная меланхолическая мелодія огласила низкую комнату.

Видъ его прояснился; музыка заставила его забыть сердечное горе. Вдругъ онъ вспомнилъ, что былъ приглашенъ сегодня на вечеръ къ госпожѣ казначейшѣ. Онъ-было чуть не забылъ этого, а междутѣмъ его отсутствіе не прошло бы ему даромъ...

Служеніе государству сопряжено съ трудными обязанностями. Оно неумолимо требуетъ всего человѣка. Кто предался ему, тотъ предался ему всею своею жизнью и всею мыслью. Когда поденьщикъ отираетъ потъ со лба и отдыхаетъ послѣ своей работы, когда выпряженная лошадь стоитъ въ конюшнѣ и расправляетъ свои члены, когда ремесленникъ убираетъ свой инструментъ и съ удовольствіемъ покуриваетъ свою трубочку, въ то время для чиновника еще не наступилъ шабашъ, не наступило еще время отдыха.

Нашъ другъ, намучавшись въ должности впродолженіе цѣлаго дня, охотно пошелъ бы прогуляться, подышалъ бы свѣжимъ воздухомъ и, какъ истинный поклонникъ природы, насладился прелестью вечерней поры... но онъ долженъ былъ отказаться отъ всего этого по весьма-важнымъ причинамъ. Господинъ казначей человѣкъ весьма-значительный, весьма-вліятельный; онъ пользуется особенно-хорошимъ мнѣніемъ господина предсѣдателя, такъ-сказать правая его рука въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и достовѣрно извѣстно, что господинъ предсѣдатель иногда дружески спрашиваетъ его о томъ или другомъ подчиненномъ.

Digitized by Google

Если, слѣдовательно, госпожа казначейша даетъ вечеръ, то кто же осмѣлился бы отклонить отъ себя лестное приглашеніе на этотъ вечеръ только ради прогулки? Кромѣ того, высшее начальство съ удовольствіемъ смотрѣло на то, даже, какъ говорится, *желало* того, чтобъ чиновники собирались около этого пріятнаго средоточія частью для возбужденія хорошаго духа, частью же длятого, чтобъ жизнь не раздѣляла того, что связываетъ служба. Такимъ-образомъ посѣщеніе пріятныхъ вечеровъ госпожи казначейши принадлежало хотя и не къ непремѣннымъ, однакожь, нѣкоторымъ образомъ къ такъ-сказать *тайнымъ* должностнымъ обязанностямъ.

И дѣйствительно, какому дому, какому семейству было бы приличнѣе принимать гостей и доставлять имъ развлеченіе?..

По существующему правилу, завѣдывающій кассою получаетъ достаточное содержаніе длятого, чтобъ онъ не былъ введенъ въ искушеніе; другимъ можно давать содержаніе и поскуднѣе. Въ силу этой уступки человѣческой слабости, господинъ казначей былъ въ-состояніи не только содержать свое семейство, но и повременамъ собирать у себя общество, какъ приличествовало его положенію и чину. Для развлеченія гостей не дѣлалось никакихъ особыхъ усилій: его семейство было чрезвычайно-музыкально. Самъ онъ недурно игралъ на скрипкѣ и пѣлъ, у него былъ теноръ; его обѣ дочери впродолженіе многихъ лѣтъ брали уроки на фортепьяно и также пѣли; даже его супруга обладала звонкимъ контральто, который, однакожь, въ настоящее время она употребляла болѣе въ разговорѣ, нежели въ пѣніи.

Въ такой пріемный день ей, впрочемъ, приходилось много говорить и много приказывать; потому-что обѣ дочери готовы были наряжаться и предаваться удовольствію, но не хотѣли убирать, чистить и варить: все это лежало на плечахъ хозяйки-матери, которой, однакожь, эта задача была совершенно по-силамъ.

Досадно только, что у нѣй были сегодня опять непріятности съ женою судейскаго ассистента изъ-за сушильни! Госпожа ассистентша жила въ четвертомъ этажѣ, слѣдовательно, была ближе къ чердаку, нежели госпожа казначейша; такимъ образомъ она легко могла овладѣть чердакомъ и перебить право у госпожи казначейши. Ахъ! сушильня служитъ, непосредственно послѣ прачечной, постояннымъ яблокомъ раздора между жиличками дома. Веревка, на которой развѣшивается бѣлье для просушки, шпильки, которыми бѣлье прикрѣпляется, это—небольшіе коварные демоны, возбуждающіе страсти хозяйки, приводящіе ее въ бѣшенство и совершенно заглушающіе въ ея душѣ заповѣдь о любви къ ближнему.

Digitized by Google

— *Какъ* она осмѣлилась, гремѣла госпожа казначейша: — ни съ того, ни съ сего, снять съ веревки мои чулки и повѣсить свои! Вѣдь это нагло! Развѣ я не имѣю такого же права, какъ и она? и она точно такимъ же образомъ распоряжается водосточною трубою и прачечною. Я непремѣнно требую отъ тебя, милый мой, говорила казначейша, обращаясь къ мужу: — чтобъ ты поговорилъ съ хозяиномъ... пусть онъ урезонитъ эту женщину; или, если ты не сдѣлаешь этого, то я сдѣлаю и сама урезоню её. Я тебѣ, однакожь, объявляю, что мы въ послѣдній разъ пригласили къ себѣ этихъ людей... Чтобъ ихъ нога никогда болѣе не смѣла ступить черезъ мой порогъ! Избави меня Боже отъ этой дряни!

Казначей успокоилъ, какъ могъ, пылавшую справедливымъ гнѣвомъ супругу и сказалъ ей:

— Перестань, дай намъ провести съ удовольствіемъ сегодняшній вечеръ. Гости должны тотчасъ быть: ужь семь часовъ.

— Что-о! воскликнула она:—ты еще хочешь держать ихъ сторону? да это вѣдь...

Въ эту минуту раздался стукъ въ двери и въ комнату явились господинъ счетчикъ и госпожа счетчица. Послѣдовали сердечныя и дружественныя привѣтствія и нѣсколько вѣжливыхъ словъ. Снова отворилась дверь: вошелъ господинъ секретарь съ супругою и дочерьми, за нимъ слѣдовали помощникъ столоначальника и сверхштатный чиновникъ по гражданской части. Молодыя дамы бросились другъ другу на шею и цаловались, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вошедшихъ молодыхъ людей, присутствовавшихъ при этой сценѣ.

— А, вашъ покорнѣйшій слуга, господинъ секретарь, вашъ покорнѣйшій слуга, сударыня! воскликнулъ теперь казначей, обращаясь къ входившимъ секретарю по почтовому вѣдомству и его супругѣ.

— Очень, очень-радъ, продолжалъ казначей: — что вижу васъ совершенно-здоровымъ, многоуважаемый товарищъ по службѣ!

Снова отворилась дверь, но на этотъ разъ отворилась, настежь и у входа показались жена совѣтника по счетной части и жена совѣтника по канцеляріи.

— Ахъ, покорнѣйше прошу васъ, войдите! говорила госпожа совѣтница по счетной части.

— Не дѣлайте, пожалуйста, церемоній, возражала госпожа совѣтница по канцеляріи.

Онѣ взяли другъ друга за руки и каждая скромно старалась вдвинуть другую въ дверь. Мужья стояли позади ихъ и, пользуясь этимъ временемъ, говорили о какой-то программѣ. Наконецъ дамы взялись

Digitized by Google

подъ-руки и вмѣстѣ вошли въ комнату. Хозяйка убѣдительно упрашивала ихъ сѣсть на диванъ; но тутъ снова ни одна изъ нихъ не хотѣла сѣсть на *правую* сторону.

— Нѣтъ, говорила совѣтница по канцеляріи: — мѣсто на правой сторонѣ принадлежитъ вамъ.

Совѣтница по счетной части медленно обошла кругомъ стола и быстрымъ поворотомъ хотѣла-было занять мѣсто на лѣвой сторонѣ, но, тщетно! совѣтница по канцеляріи заступила ей дорогу, и совѣтница по счетной части ударилась о свою противницу.

— Кто, однакожь, выше, совѣтникъ по канцеляріи или совѣтникъ по счетной части? спросилъ сверхштатный чиновникъ: — развѣ совѣтникъ по канцеляріи не выше?

— Нѣтъ, совѣтникъ по счетной части выше, замѣтилъ ассистентъ: — какъ же ты этого не знаешь?

— По-моему также, совѣтникъ по счетной части выше, сказалъ третій: — потому-что онъ капитанъ въ ополченіи, а совѣтникъ по канцеляріи только лейтенантъ.

— Ну! разумѣется, вмѣшался въ разговоръ дѣйствительный отставной ротмистръ, который также осчастливилъ общество своимъ посѣщеніемъ и котораго, по-справедливости, можно было назвать звѣздою вечера: — подождите, господинъ сверхштатный, подождите, мой голубчикъ! еслибъ вы только были въ моемъ эскадронѣ, вы узнали бъ у меня, что капитанъ выше лейтенанта. Ну! какъ вы теперь поживаете? Будете ходить на ученье въ нынѣшнемъ году?

— Да́, мы оба будемъ ходить, отвѣчали молодые люди.

— И я также! воскликнулъ третій.

— И я! и я! откликнулись четвертый, пятый.

Всѣ они числились при ополченіи.

Но, тс! Музыка началась. Господинъ казначей откашлялся и началъ:

Durch die Wälder, durch die Auen...

Амалія акомпанировала на фортепьяно. Бѣдный Максъ, бѣдный Фрейшютцъ! то были сердцераздирающіе звуки! въ особенности тѣ мѣста, гдѣ въ глубинѣ является Саміэль, навели ужасъ на слушателей и вызвали самыя громкія изъявленія восторга. Затѣмъ послѣдовалъ терцетъ:

Doch hast Du auch vergeben
Den Vorwurf, den Verdacht...

Digitized by Google

въ которомъ принимали участіе господинъ казначей и его обѣ дочери. Секретарь почтоваго вѣдомства, человѣкъ также весьма-музыкальный, съ воодушевленіемъ схватилъ скрипку и принялся играть верхній голосъ. Всѣ они работали по силамъ. Вечеръ былъ теплый, іюньскій, и потъ перлами выступалъ на лбу исполнителей.

— Страшная жара́! шопотомъ произнесла Густхенъ: — нѣтъ никакой возможности вынести!

— Теперь хоръ! съ любезною восторженностью воскликнулъ казначей: — прошу присоединиться всѣхъ дамъ:

Wir winden dir den Jungfernkranz...

И молодые и старые образовали группу около фортепьяно, и любимый хоръ раздался.

— Хоръ, по моему мнѣнію, ужь черезчуръ проникнутъ народнымъ духомъ, презрительно отозвался секретарь почтоваго вѣдомства: — онъ, по моему мнѣнію, не можетъ похвастать значительною глубиною музыкальной мысли.

Нашъ знакомецъ, регистраторъ Герхардъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Онъ былъ въ довольно-грустномъ расположеніи духа, но онъ зналъ свой долгъ. И вотъ подошелъ онъ къ Густхенъ и пробормоталъ нѣчто въ родѣ: «Очень-хорошо!.. очень-удачно!» Она присѣла передъ нимъ и вовлекла его въ разговоръ; видно было по ея глазамъ, что регистраторъ былъ ей непротивенъ. Когда всѣ отправились ужинать, онъ вѣжливо предложилъ ей руку, и она такимъ-образомъ сдѣлалась его сосѣдкою.

Кто шепчется за столомъ и дѣлаетъ замѣчанія вполголоса? дочери секретаря или счетчица?... Казначейша также нѣсколько разъ, какъ-бы украдкою, устремляла свои материнскіе взоры въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ нашъ регистраторъ.

Тс! казначей звонитъ по стакану, подымается съ своего мѣста, хочетъ говорить рѣчь.

Бесѣда замолкла, и хозяинъ началъ:

— Высокоуважаемые господа и госпожи! Не по обязанности хозяина, но, руководимый единственно лишь своимъ чувствомъ, рѣшаюсь предложить тостъ...

Онъ немного откашлялся, приложивъ руку ко рту, и затѣмъ продолжалъ:

— Что́ такое сила безъ предмета, на который она простирается? что́ лошадь безъ всадника, домъ безъ крыши? что́, говорю я, инструм-

Digitized by Google

ментъ, неиздающій звука? что́ такое грудь безъ дыханія, которое оживляетъ ее — да́? что́ такое поцалуй безъ устъ, которыхъ онъ касается? довольно и короче сказать: что́ такое любовь безъ сердца, которое она воспламеняетъ? она ничто; такая любовь вовсе не любовь; любовью ее собственно нельзя и назвать. Слѣдовательно, сердце необходимо для любви, сердце, зерно и средоточіе, около котораго вращается все, и это общество, высокоуважаемые господа. Гдѣ же, спрашиваете вы, сердце этого общества? Вы, конечно, спрашиваете въ шутку: что жь иное можно разумѣть подъ седцемъ этого общества, какъ не прекрасный полъ... присутствующихъ дамъ? Нашъ Гёте уже сказалъ: «Чтите дамъ: онѣ вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь». Итакъ, я осмѣливаюсь предложить тостъ за здравіе прекраснѣйшаго пола: «ура! ура! ура!»

Общество отозвалось единодушнымъ крикомъ «ура!» и стаканы зазвенѣли.

— Рѣчь мнѣ не особенно понравилась: это ужь было черезчуръ сладко, пробормоталъ отставной ротмистръ, обращаясь къ своему сосѣду.—Любовь и сердце, и поцалуй... нѣтъ... что́ это? Постойте-ка, я скажу рѣчь.

Онъ нѣсколько времени посидѣлъ въ раздумьи, потомъ всталъ и, погладивъ усы, сказалъ:

— Я, съ своей стороны, несмотря на то, что я не женатъ, не могу рѣшительно ничего сказать противъ прекраснаго пола... напротивъ... Но изъ этого еще не слѣдуетъ пренебрегать нашимъ непрекраснымъ поломъ. Я считаю себя счастливымъ, что нахожусь въ обществѣ, члены котораго въ одно и то же время военные и статскіе; поэтому я считаю себя нѣкоторымъ образомъ представителемъ линейнаго войска, а васъ, милостивые государи, представителями ополченія; потому—что въ моихъ глазахъ въ вашемъ гражданскомъ званіи составляетъ особенность то, что вы въ то же время совершенно принадлежите ополченію, такъ—какъ я вполнѣ увѣренъ, что всѣ вы способны къ исполненію военныхъ обязанностей и никто изъ васъ не отставленъ за негодностью къ службѣ. Здѣсь находятся между нами: одинъ капитанъ, пять лейтенантовъ, семь другихъ членовъ и двое принадлежащихъ къ провіантскому департаменту; со всѣми ими я познакомился еще на послѣднихъ манёврахъ. Такимъ—образомъ я считаю за счастье провозгласить: да здравствуетъ ополченіе! Ура, ура!»

Теперь и дамы, въ свою очередь, должны были чокнуться съ храбрыми воинами. Кромѣ—того, грудь ихъ высоко подымалась при мысли, что онѣ, можетъ—быть, послѣ ужина протанцуютъ нѣсколько танцевъ

Digitized by Google

съ храбрыми защитниками отечества. Такъ, дѣйствительно, и случилось: радостный пиръ заключился веселымъ вальсомъ...

— Папаша, сказала казначейша и въ раздумьи положила голову на подушку супруга, лежавшаго возлѣ нея: — папаша! регистраторъ сильно ухаживаетъ за нашей Густхенъ. Всѣ гости, вѣдь, замѣтили это; онъ во весь вечеръ не отходилъ отъ нея. Скажи на-милость, не-ужели же ты не видѣлъ этого?

— Другъ мой, возразилъ мужъ: — я ужь нѣсколько разъ раздумывалъ объ этомъ пунктѣ. Я, по моему убѣжденію, не могъ бы сказать: «нѣтъ», Густхенъ теперь лѣтъ около тридцати и она ужь нѣсколько потерпѣла отъ своей болѣзни»....

— Да́! я также думаю, что это нельзя же оставить такъ, прервала его жена: — или то, или...

— Онъ человѣкъ весьма-солидный и я могу содѣйствовать ему въ повышеніи на службѣ, продолжалъ казначей, не прерывая своихъ соображеній. — Онъ, конечно, не въ первой порѣ юности, но, если мы должны быть откровенны, Густхенъ также ужь не ребенокъ...

— Зачѣмъ же было бы ему возиться весь вечеръ съ Густхенъ? снова перебила его жена. — Она краснѣла, какъ ракъ, и всѣ люди говорятъ объ этомъ.—Она согласна выйти за него, въ этомъ она ужь признавалась мнѣ. На лейтенанта Пипера надѣяться нечего: его, вѣдь, ужь съ незапамятныхъ временъ не видать и не слыхать. Ты долженъ переговорить съ Герхардомъ.

— Гм! да́! Увидимъ, что́ можно сдѣлать... Еще бы... Ну, завтра мы еще поговоримъ объ этомъ...

Вечеръ утомилъ казначея и даже будущая судьба дорогой дочери не могла заставить его бодрствовать. Онъ заснулъ. Его супруга что-то поворчала про-себя, но вскорѣ и она послѣдовала примѣру своего мужа.

Въ это же время пытался заснуть и регистраторъ Герхардъ, но ему какъ-то не удавалось. Онъ легъ на спину и вытянулся; повертывался то на одну сторону, то на другую, подгибалъ колѣни... но тщетно!.. Вино было дурное и кислое, настоящій горлодёръ. Какая страшная разница между этимъ виномъ и золотистымъ, блестящимъ напиткомъ, который недавно представлялся его воображенію, когда онъ одинъ сидѣлъ въ должности! Какія испытываешь мученія, когда не ожешь заснуть!

Онъ всталъ и выпилъ стаканъ воды. Если безпокойство происходило отъ кислаго вина, то оно теперь должно утихнуть и кровь снова придетъ въ спокойное состояніе.

Digitized by Google

Бѣдный другъ! не вино мѣшаетъ тебѣ заснуть: забота и горькая печаль отгоняютъ отъ тебя освѣжающій покой. Развѣ не возникаютъ передъ твоею мыслью, какъ пугало, затерявшіеся акты? развѣ ты не видишь грозно-поднятый палецъ совѣтника фон-дер-Позе, суровый, предвѣщающій бѣду взглядъ президента? развѣ слухъ твой не поражаетъ страшное слово: «штрафъ!» развѣ не смотрятъ на тебя, выпуча страшные глаза, эти акты-привидѣнія, эти неодушевленныя несчастныя созданія, которыя угрожаютъ потрясти до основанія всю твою нервную систему, заставить тебя забыть самого себя и подавить въ тебѣ всякую искру благородной мысли и чувства? Иначе зачѣмъ было бы кричать тебѣ, въ страхѣ, въ полудремотѣ: «Прочь! оставьте меня въ покоѣ!.. Не давите меня! Прочь! прочь!..» Ты знаешь, что долженъ дать отчетъ отдѣльно за каждаго твоего питомца; а развѣ ты будешь въ-состояніи сдѣлать это? А если тебя отставятъ, что́ легко можетъ случиться, что́ будешь ты дѣлать тогда? чѣмъ будешь ты прокармливать твою больную мать-старушку, твою непристроенную сестру? Хотя ты и получаешь только четыреста талеровъ въ годъ, но ка́къ пріобрѣтешь ты ихъ въ другомъ мѣстѣ?..

Едва начало разсвѣтать, какъ нашъ регистраторъ ужь всталъ, сварилъ себѣ кофе и отправился прогуляться. Роса блестѣла на поляхъ; жаворонокъ съ пѣніемъ поднимался къ голубому небу. Воздухъ былъ прохладенъ и свѣжъ и составлялъ рѣзкую противоположность съ душною комнатою и жаркою постелью, которыя онъ только-что оставилъ. Онъ отогналъ отъ себя полудремоту, безпокойство и отчаяніе, и въ установленное время, съ новымъ самоотверженіемъ, отправился въ свою должностную пещеру.

Совѣтникъ фон-дер-Позе недолго заставилъ ждать себя. Вообще, онъ былъ человѣкъ весьма-хорошій, но онъ былъ рѣшительно помѣшанъ на томъ, чтобъ дѣлать *отвѣтственными* чиновниковъ, ему подчиненныхъ. Онъ дѣлалъ отвѣтственными всѣхъ: секретаря, счетчика, сверхштатнаго чиновника по гражданской части, журналиста; у всякаго, кто только попадался ему подъ-руку, онъ требовалъ отчета въ извѣстныхъ дѣлахъ, дѣлалъ его отвѣтственнымъ.

Кромѣ этого, онъ имѣлъ еще другую привычку, именно: онъ вѣчно искалъ чего-то: то недоставало какого-нибудь документа, то докладной записки, то такого пера, какое ему было нужно, то бумаги, то того, то этого; или онъ требовалъ дѣло, подобное которому уже было — вотъ такого-то года, такого-то дня, о! онъ вѣрно помнитъ это—и, употребляя въ дѣло такой аргументъ, перелистывалъ всевозможные акты, списки и журналы; или онъ желалъ имѣть извѣстныя данныя

Digitized by Google

извѣстныхъ распоряженій, видѣть извѣстные нумера и цифры, разсмотрѣть и сосчитать то и другое.

Вслѣдствіе того, онъ наибольшую часть своей жизни проводилъ въ должности. Стоило только войти въ комнаты, гдѣ сидѣли младшіе чиновники, въ одной изъ нихъ непремѣнно можно было увидѣть курчавую голову совѣтника, его поднятые кверху брови, его озабоченную чѣмъ-то физіономію.

Сегодня онъ формально ворвался въ регистратуру и бросился прямо на регистратора.

— Гдѣ акты, касающіеся ѣздоваго Писта? воскликнулъ онъ, приставивъ къ груди чиновника указательный палецъ правой руки, подобно пистолету.—Отчего не представлены они мнѣ еще вчера, какъ я этого требовалъ? извольте дать отчетъ въ этомъ!

— Я не могу найти акты! возразилъ Герхардъ съ выраженіемъ искренняго сожалѣнія.

— Это не оправданіе! воскликнулъ совѣтникъ, ударивъ ладонью по столу.—Вы у меня отвѣтите за ущербъ, который можетъ быть причиненъ службѣ вслѣдствіе этого. Кромѣ того, гдѣ находится поступившее ужь дня три назадъ, предписаніе министерства о томъ же предметѣ, то-есть, о ѣздовомъ? При исправномъ дѣлопроизводствѣ его слѣдовало бы представить мнѣ давно, съ присовокупленіемъ главныхъ актовъ о ѣздовыхъ вообще.

— Предписаніе?... предписаніе?... развѣ ваше высокоблагородіе еще не получили его? робко спросилъ регистраторъ.

Онъ сталъ перелистывать свои списки и произнесъ потомъ:

— Конечно, да! противъ нумера этого предписанія еще нѣтъ отмѣтки... оно было у меня еще вчера въ рукахъ...

И онъ принялся рыться въ бумагахъ на столѣ.

— Но его болѣе нѣтъ здѣсь; оно, должно-быть, какъ-нибудь завалилось между другими бумагами...

— Да, завалилось, завалилось! повторялъ иронически совѣтникъ фонъ-дер-Позе: — все, что не находится, все это завалилось. Это старая отговорка. Я теперь прямо отправлюсь къ господину президенту. Надобно положить конецъ подобному порядку.

Съ этими словами онъ быстро удалился. Въ сѣняхъ попался ему товарищъ по службѣ Лакъ и интимно, но съ выразительнымъ взглядомъ попросилъ его зайти съ нимъ въ отдѣльную комнату.

— Позвольте сказать вамъ по секрету одно слово, сказалъ, понижая голосъ, товарищъ Лакъ, тщательно осмотрѣвъ все кругомъ и вполнѣ убѣдившись, что никого не было вблизи:—позвольте сказать вамъ по

Digitized by Google

секрету одно слово. Я слышалъ весь вашъ разговоръ. Не дѣйствуйте слишкомъ-быстро, не обожгите себѣ пальцевъ.

— Вотъ еще! воскликнулъ фон-дер-Позе, все еще разгнѣванный. —Безпорядка на службѣ терпѣть нельзя; въ этомъ отношеніи я неумолимъ; я вмѣнилъ себѣ это въ священнѣйшую обязанность.

— Любезнѣйшій товарищъ! шопотомъ говорилъ совѣтникъ Лакъ: — повѣрьте моимъ словамъ. Я состою на службѣ десять или одиннадцать лѣтъ долѣе васъ; я служу сорокъ-первый годъ, а вы двадцать-девятый или тридцатый. Опытность—самое главное въ администраціи—вы въ этомъ согласитесь со мною; опытность главнѣе всего. Такимъ образомъ я иногда вижу, слышу и чувствую болѣе другихъ... не обожгите пальцевъ — вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

— Но, Боже мой! замѣтилъ собесѣдникъ: — онъ не можетъ найти мнѣ акты; онъ затерялъ предписаніе... и знаете ли вы, что онъ сказалъ? Онъ сказалъ мнѣ: «Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, а я долженъ переносить подобныя вещи! вотъ что сказалъ онъ мнѣ — а? вѣдь это совершенно противно обязанности чиновника...

— Это ничего, ничего! тихо произнесъ товарищъ Лакъ съ плутовскимъ выраженіемъ лица, сильно прищуривая небольшіе сѣрые глаза.— Пусть—понимаете ли вы? былъ слугою или чѣмъ-то въ этомъ родѣ у тайнаго совѣтника, или у кого-то въ этомъ родѣ... Я предчувствую уже это, на, на, на!... Не обожгите себѣ пальцевъ—вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать!

Съ этими словами товарищъ по службѣ, Лакъ, тихо и незамѣтно, на сколько позволяла то его дородность, проскользнулъ изъ комнаты и оставилъ совѣтника фон-дер-Позе въ грустномъ раздумьи.

Въ должностной сферѣ существуетъ нѣчто въ родѣ тока, который возбуждаетъ чутьё. Подобно тому, какъ дичь слышитъ собаку и охотника, которые подстерегаютъ ее, намѣреваясь убить: такъ истинный чиновникъ чутьёмъ слышитъ, если въ чемъ-нибудь ему угрожаетъ опасность. Это сознаніе образуется не вслѣдствіе прямаго предостереженія или правильнаго сообщенія—нѣтъ, оно просто навѣяно воздухомъ. Это сознаніе необъятное, неосязаемое, а, несмотря на то, оно можетъ достигнуть извѣстной степени опредѣлительности, такъ-что, въ человѣкѣ посвященномъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ угрожающей ему опасности. Его внутреннее чувство, духовная сила, которая въ теченіе лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, возбуждается и развивается особеннымъ образомъ, сначала заставляетъ его предчувствовать, а потомъ и дѣйствительно находить опасность. Это вѣтеръ, который можно было

Digitized by Google

бы назвать внутреннимъ вѣтромъ, въ противоположность внѣшнему, поражающему кожу, вѣтеръ, для ощущенія котораго необходимы особенные осязательные органы и который своимъ дуновеніемъ не произведетъ никакого дѣйствія на профана, или новичка.

Дичь, заслышавъ чутьемъ опасность, избираетъ другой путь, перемѣняетъ направленіе или даже обманываетъ охотника и наводитъ его на ложный слѣдъ. Не-уже-ли же человѣкъ, чиновникъ, вѣнецъ созданія, долженъ бѣжать прямо подъ выстрѣлъ охотника, отвергая прирожденное ему чувство самосохраненія? Кто поставитъ ему въ вину то, что онъ старается выбраться изъ бѣды цѣлымъ и невредимымъ и искусно ввести свое дорогое я въ безопасное мѣсто?...

Совѣтникъ фон-дер-Позе впалъ въ глубокое раздумье. Снова грызла его сердце одна изъ тѣхъ заботъ, которыя заставили его состариться преждевременно. Его курчавая голова качалась то туда, то сюда, подобно тому, какъ колышется слегка покрытый снѣгомъ кустарникъ, которымъ играетъ осенній вѣтеръ. Видъ его напоминалъ пустыню зимою. Кто поможетъ ему выйти изъ этой дилеммы? кто внесетъ свѣтъ въ его мысли?...

Совѣтникъ фон-дер-Позе былъ человѣкъ правдивый и честный во всѣхъ отношеніяхъ. Его зрѣніе, его обоняніе, его чувство не распространялись далѣе сѣней мѣста служенія, а у него дома, далѣе кухни. Онъ ѣлъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, былъ хорошій отецъ семейства, нѣжный, даже болѣе чѣмъ нѣжный, терпѣливый супругъ. Вообще, внѣ должности онъ былъ человѣколюбивъ и благодушенъ, но на службѣ онъ становился истиннымъ тигромъ. Онъ только-что былъ растроганъ нуждою бѣднаго и далъ ему щедрую милостыню, онъ только-что принялъ самое нѣжное участіе въ несчастіи дальнаго знакомаго... но вотъ онъ вошелъ въ свое служебное мѣсто и грудь его обратилась въ камень и желѣзо; онъ вдругъ сталъ жестокъ, безпощаденъ и свирѣпъ. Какъ на театрѣ очаровательная, покрытая роскошною растительностью страна въ одну секунду измѣняется въ суровую пустыню, такъ и у совѣтника фон-дер-Позе между жизнью внѣ службы и жизнью на службѣ не было никакой средины, никакой послѣдовательности.

Въ-особенности онъ гордился тѣмъ, что въ занятіяхъ по должности обладалъ качествомъ, которымъ дѣйствительно отличался: онъ только и бредилъ порядкомъ, но любилъ порядокъ не столько въ своихъ собственныхъ занятіяхъ, сколько въ занятіяхъ другихъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ былъ полицейскимъ элементомъ въ присутственномъ мѣстѣ; его дѣятельность преимущественно заключалась въ томъ, что называется: «смотрѣть за службою чиновниковъ». Какимъ образомъ онъ замѣчалъ



Digitized by Google

все—это осталось тайною даже до сегодня. Конечно, многое необходимо приписать чутью, но чутью не первостепеннаго рода.

Несмотря на то, что упомянутое качество дѣйствительно украшало совѣтника, онъ, однакожь, не обладалъ тѣмъ чутьемъ высшаго рода, о которомъ мы говорили. Въ прежніе годы онъ употреблялъ всевозможныя усилія для-того, чтобъ изучить эту темную науку, но она не далась ему; въ этомъ отношеніи въ немъ находился какой-то недостатокъ, пустое мѣсто, чрезъ которое положенія науки выходили вонъ. Тѣмъ не менѣе объясненія его товарища по службѣ, Лака, породили въ немъ безпокойство. Если его товарищъ Лакъ говорилъ объ опасности, то это было вѣрно: въ этомъ отношеніи никто не могъ сравниться съ Лакомъ. Сколько разъ оправдывалось то, что́ онъ предсказывалъ, и не спасъ ли онъ однажды даже своего друга фон-дер-Позе, который находился уже на самомъ краю пропасти?

Странно только, какое отношеніе можетъ имѣть въ настоящемъ случаѣ прежняя служба ѣздоваго у значительнаго лица къ регистратору Герхарду и его упущеніямъ по должности? Сколько ни думай объ этомъ, этотъ пунктъ не дѣлается яснымъ. Все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ перевести ѣздоваго Писта на другое мѣсто, для-того, чтобъ мѣсто, занимаемое имъ до-этихъ-поръ, можно было передать лейб-егерю, котораго очень рекомендуетъ на этотъ постъ его превосходительство господинъ генералъ. Это дѣло не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій. Если при переводахъ съ одного мѣста на другое обращать вниманіе на представленія подчиненныхъ, то тутъ далеко не уйдешь. Да и кто же знаетъ, можетъ-быть, у регистратора какая-нибудь стачка съ ѣздовымъ. При всемъ томъ нельзя же не обратить вниманія на предостереженіе товарища Лака, и совѣтникъ фон-дер-Позе рѣшился наконецъ подумать еще объ этомъ дѣлѣ и посмотрѣть что́ будетъ далѣе. «Дѣло это» думалъ онъ про-себя, «можетъ остаться въ этомъ положеніи до послѣзавтра: оно не опоздаетъ и служба ничего не потеряетъ отъ этого, а завтра воскресенье—день отдыха для регистратора...»

Воскресенье, праздникъ! привѣтствую тебя! Что́ за невыразимо-сладостное ощущеніе овладѣваетъ чиновникомъ, когда онъ въ субботу вечеромъ ложится спать: завтра праздникъ, день отдыха. Можно, наконецъ, выспаться; ненужно рано идти на работу; въ этотъ день ненужно не только трогать бумагъ, но даже и смотрѣть на нихъ; дѣла всѣ выбрасываются изъ головы, можно быть человѣкомъ.

Съ такимъ счастливымъ предчувствіемъ заснулъ и нашъ пріятель, и спалъ сладко и крѣпко сномъ человѣка, котораго не безпокоятъ угры-

Digitized by Google

занія совѣсти. Когда солнце освѣтило лучами его комнату, онъ весело вскочилъ, одѣлся, взялъ шляпу и палку и вышелъ изъ дома.

Онъ торопился выйти изъ города. Вскорѣ онъ оставилъ за собою сѣрый городъ съ его крѣпостными валами и башнями, и передъ нимъ широко раскинулась улыбающаяся поляна.

«О, воскресенье! о, день отдыха! привѣтствую тебя! привѣтствую тебя!» такъ отзывалось въ его душѣ, когда онъ раннимъ утромъ шелъ по полямъ: «открой мнѣ нѣжно свои объятія, дай мнѣ успокоиться на твоей груди!»

Какъ было все тихо! какъ свѣжо, какъ ясно! душа его глубоко-глубоко погрузилась въ эту торжественную тишину. И несмотря на то, что мало такихъ часовъ, какъ эти, изъ-за нихъ однихъ, право, стоитъ жить.

Пройдя порядочное разстояніе, онъ подошелъ къ шинку, находившемуся на краю лѣса. Онъ велѣлъ подать себѣ кружку молока и кусокъ хлѣба и заказалъ къ обѣду пирогъ. Прислуга, находившаяся въ шинкѣ, знала его: не въ первый разъ заходилъ онъ сюда. Такимъ-образомъ они знали также, какъ онъ любилъ, чтобъ было приготовлено; и право, обѣдъ, который они приготовили ему, показался ему княжескимъ.

Онъ бродилъ по лѣсу, отдыхалъ подъ тѣнистымъ деревомъ и любовался его высокою, тихо-шелестящею вершиною, садился у ручейка и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на игру журчавшаго потока.

Отрадно было у него на душѣ. Его не преслѣдовали здѣсь ни пыль, лежавшая на актахъ, ни гнѣвныя движенія совѣтника фон-дер-Позе, ни выговоръ господина президента: всѣ они остались позади его, тамъ, гдѣ башня почти исчезаетъ въ туманѣ на горизонтѣ, всѣ они, притѣснители, требующіе актовъ. Здѣсь онъ свободенъ; здѣсь дышетъ онъ спокойно, не испытываетъ никакихъ служебныхъ бѣдствій.

Освѣженный и ободренный отправился онъ въ обратный путь. Жаль только, что такой день такъ коротокъ, а будни такъ длинны, такъ длинны! Чѣмъ болѣе приближался онъ къ городу, тѣмъ медленнѣе шелъ онъ, тѣмъ задумчивѣе становился. Онъ чувствовалъ то же, что чувствуетъ осужденный, котораго опять ведутъ въ темницу, откуда ему удалось уйти на короткое время. Его охватила душная, пыльная и воскресная городская атмосфера, а тамъ... это, кажется, казначей подъ руку съ супругою: онъ также возвращается въ городъ... онъ замѣтилъ регистратора, остановился; казначейша посылаетъ ему издалека величественный поклонъ, а казначей идетъ ему на встрѣчу со словами:

— Любезнѣйшій господинъ Герхардъ, я заходилъ къ вамъ сегодня нѣсколько разъ и хотѣлъ пригласить васъ къ чаю къ намъ. Если вы

Digitized by Google

располагаете собою, то зайдите къ намъ хоть не надолго, у насъ никого не будетъ.

— Я немного усталъ, возразилъ регистраторъ.

— О, это ничего не значитъ! воскликнулъ казначей, перебивая его и дружески и съ нѣкоторымъ покровительственнымъ видомъ пожалъ ему руку. — Пожалуйста, безъ церемоній! Мы выпьемъ стаканъ вина и поболтаемъ часокъ-другой.

Съ этими словами казначей удалился, снова взялъ жену подъ-руку и отправился далѣе.

Что тутъ было дѣлать? но вѣдь отъ этого можно сойти съ ума. Только-что успѣешь войти въ проклятый городъ, какъ ужь и началась снова служба.

Но, дѣлать было нечего, Герхардъ долженъ былъ послѣдовать приглашенію. Когда онъ вошелъ въ комнату, казначей встрѣтилъ его чрезвычайно-ласково; казначейша была такъ благосклонна, что почти-дружески протянула ему руку.

— Ну, присядьте-ка къ намъ и поставьте вашу шляпу!

Онъ поставилъ шляпу и присѣлъ къ нимъ. Густхенъ, милая дѣвица, находилась также въ комнатѣ. Она вязала подушку на диванъ и только иногда робко подымала взоръ, устремляя его на нѣкоторое время на регистратора, и потомъ снова обращала его на работу или на колѣни. Противъ нея сидѣла мать въ большомъ чепцѣ съ розовыми лентами. Носъ почтенной женщины сегодня казался краснѣе обыкновеннаго, и она часто обращала нѣжные взоры то на Густхенъ, то на регистратора. Рядомъ съ сестрою сидѣла Амалія и вязала шерстяной чулокъ для отца; лицо ея выражало скуку и равнодушіе; оно, казалось, говорило:

«Что мнѣ за дѣло до твоихъ радостей?»

— Краснаго или бѣлаго? спросилъ казначей: — что́ вы пьете?

— Ахъ, помилуйте! мнѣ совершенно все-равно! отвѣчалъ Герхардъ.

— Пожалуйста, безъ церемоній, старый другъ! краснаго или бѣлаго? добродушно спросилъ казначей.

— Увѣряю васъ, мнѣ все-равно.

— Любезнѣйшій господинъ регистраторъ, благосклонно произнесла хозяйка дома: — и то и другое дома: вамъ сто́итъ только сказать.

— Я, право, не могу рѣшить...

— Какой вздоръ! воскликнулъ казначей, перебивая его. — Вы должны же любить или то, или другое.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ!..

Digitized by Google

— Вотъ это странно! я никогда еще не слышалъ ничего подобнаго, замѣтилъ казначей. — Обыкновенно случается, что или бѣлое любятъ больше краснаго, или красное больше бѣлаго. Моя жена, напримѣръ, и я, мы любимъ красное, Густхенъ же, напротивъ, любитъ бѣлое.

— Да́, сказалъ Герхардъ тономъ, въ которомъ проглядывалъ юморъ: — въ такомъ случаѣ мы должны избрать цвѣтъ фрейлейнъ Густхенъ.

Мать многозначительно посмотрѣла на своего супруга, который тихо наклонилъ голову, какъ-бы желая выразить тѣмъ: теперь примѣчай, теперь будетъ.

Густхенъ видимо покраснѣла. Мать порылась въ корзинкѣ съ ключами, и когда она нашла ключъ отъ подвала, то Густхенъ была послана за бѣлымъ виномъ.

— Какая она у насъ прекрасная хозяйка! замѣтила нѣжная мать, когда Густхенъ вышла изъ комнаты: — мы такъ воспитали ее, чтобъ она могла составить счастье каждаго. Она премилая дѣвушка, почтительная дочь; намъ будетъ очень-трудно разстаться съ нею въ свое время, но вѣдь это непремѣнно случится, у кого есть дѣти...

При этихъ словахъ почтенная дама вздохнула.

— Только-что успѣешь воспитать ихъ, какъ они женятся или выйдутъ замужъ и разстанутся съ своимъ родителями. Но кто же захочетъ мѣшать ихъ счастью?

Она снова вздохнула и пристально разсматривала регистратора.

— Слышали вы, какъ она поетъ? спросилъ заботливый отецъ.

— Да́, намедни! замѣтилъ Герхардъ.

— Не правда ли, продолжалъ казначей: — прекрасный голосъ, въ особенности верхнія ноты, совершенно-металическаго тона?

— Это, по моему мнѣнію, не такъ важно въ хозяйкѣ, замѣтила казначейша басомъ, прерывая мужа: — не это составляетъ счастіе мужей. Правда, вы, господинъ регистраторъ, какъ я слышала, также большой музыкантъ...

— О! я только немного играю на альтѣ, сказалъ Герхардъ.

— Какъ жаль, что для альта и фортепьяно нѣтъ собственно дуэтовъ! а то вы могли бы поиграть съ Густхенъ, замѣтилъ казначей.— Двое вмѣстѣ—это всегда бываетъ очень-хорошо. Неподалеку отсюда живетъ молодой купецъ, который очень-хорошо играетъ на віолончели; я очень желалъ, чтобъ онъ пришелъ когда-нибудь поиграть съ Густхенъ, но онъ почему-то нейдетъ. Я надѣюсь, однакожь, что на-дняхъ упрошу одного изъ нашихъ референдаріевъ, прекраснаго пьяниста, чтобъ онъ пришелъ поиграть съ Густхенъ въ четыре руки. Я дамъ вамъ знать, когда онъ придетъ, и вы приходите послушать.

Digitized by Google

Густхенъ вошла въ комнату съ виномъ. Милая дѣвушка запыхалась отъ быстраго бѣга. Затѣмъ осторожно откупорили бутылку и вскорѣ члены почтеннаго семейства, чокнувшись, пили за здоровье пріятнаго гостя...

— Допейте же стаканъ, любезный Герхардъ! воскликнулъ радушный хозяинъ: — а ты, Густхенъ, ты спой намъ что-нибудь... знаешь ли что? мою любимую арію изъ «Волшебной Флейты», арію ночной королевы: въ ней еще есть такія высокія ноты... Могу васъ увѣрить, она поетъ эту арію отлично.

Праведное небо! несчастный Герхардъ, слушая эти душу-раздирающіе звуки, испытывалъ страданія человѣка, котораго колятъ копьями. Ужасныя рулады Густхенъ врѣзывались въ его музыкальное сердце подобно острымъ ударамъ копья, и, въ отчаяніи, онъ залпомъ опорожнилъ полный стаканъ вина, чтобъ заглушить свои мученія.

— Не правда ли, прекрасно? сказалъ отецъ, когда она кончила.

— Чудно! воскликнулъ Герхардъ съ воодушевленіемъ; снова наполняя стаканъ: — тысяча разъ да! Эта арія потрясла всю мою нервную систему!

Благопріятная минута, казалось, наступила. Амалія была выслана изъ комнаты еще прежде и, по тайному знаку, вдругъ исчезли и родители.

Герхардъ осмотрѣлся кругомъ съ нѣсколько-озабоченнымъ видомъ; ему ужь прежде было несовсѣмъ-то ловко.

— Куда они вышли? спросилъ онъ. — Развѣ случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего! шопотомъ произнесла Густхенъ.

— Ну, это прекрасно! возразилъ онъ: — а я думалъ, что-нибудь случилось.

— Нѣтъ, дѣйствительно ничего не случилось, повторила Густхенъ убѣждающимъ тономъ: — напротивъ...

— Еслибъ что-нибудь и случилось, замѣтилъ Герхардъ, перебивая ее: — то я не хотѣлъ бы быть въ тягость...

— Да еслибъ что-нибудь случилось, то я не сидѣла бы здѣсь такъ спокойно, наивно произнесла милая дѣвушка.

Онъ посмотрѣлъ на нее сбоку. Она обратила на него нѣжный взоръ и затѣмъ вздохнула.

— Вы нездоровы? спросилъ онъ.

— О, нѣтъ! возразила она, устремивъ на него взоръ, полный нѣги: — здорова, совершенно-здорова.

Digitized by Google

— Ну, это прекрасно! а я думалъ, что вы вдругъ почувствовали себя нездоровою.

— Нѣтъ, я вовсе не чувствую себя нездоровою, произнесла Густхенъ убѣдительнымъ тономъ: — напротивъ...

— Еслибъ вы почувствовали себя нездоровою, сказалъ Герхардъ, перебивая ее: — то я не сталъ бы долѣе быть вамъ въ тягость.

— Ахъ! еслибъ я чувствовала себя несовсѣмъ-здоровой, то я не могла бы оставаться здѣсь такъ спокойно, возразила она.

— Да! замѣтилъ Герхардъ, помолчавъ нѣсколько времени: — ваши почтенные родители, кажется, не возвратятся сюда... да и теперь ужь очень-поздно. Я долженъ отправиться домой.

— Ахъ, подождите еще немного! въ волненіи и вполголоса произнесла Густхенъ и взяла его за руку.

О, какія мученія переносила, между-тѣмъ, казначейша, смотрѣвшая въ замочную скважину изъ сосѣдней комнаты... мученія матери, которая должна будетъ черезъ нѣсколько минутъ передать избранному свое дорогое дитя! Въ нихъ заключается глубокая тайна природы, физіологическая проблема.

И чего она только не испытала, какъ мать, съ своими дочерьми и для своихъ дочерей! Она снова переживала съ ними свои собственные несчастные годы юности, въ которые такъ чувствовалась охота выйти замужъ; она мечтала съ ними, она вмѣстѣ съ ними чувствовала себя отринутою; она надѣялась, она опасалась, она молилась съ ними о мужѣ... ахъ! объ одномъ только мужѣ. На свѣтѣ столько мильйоновъ мужчинъ; она претендовала только на двухъ: одного для Густхенъ и одного для Мальхенъ. Столько тысячъ находятъ смерть въ кровопролитныхъ войнахъ! какъ жаль ихъ! какъ они годились бы въ мужья! и какъ тотъ и другой были бы счастливы въ объятіяхъ Густхенъ или Мальхенъ! И еще тысячи другихъ смерть скашиваетъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ... для чего же? О, пути рока неисповѣдимы!

На колѣняхъ передъ замочною скважиною лежала казначейша, удерживая дыханіе и пожирая глазами каждое движеніе обоихъ лицъ, находившихся въ другой комнатѣ.

— Вотъ онъ подходитъ къ ней, бормотала она подавленнымъ голосомъ, обращаясь къ своему супругу, въ волненіи ходившему взадъ и впередъ: — вотъ онъ снова отходитъ.

— А что ты видишь теперь? спросилъ казначей послѣ безпокойнаго молчанія.

— Ничего! Они говорятъ другъ съ другомъ... о своей будущности, я думаю. Но онъ еще не обнимаетъ ее... все еще не обнимаетъ!..

Digitized by Google

они сидятъ вмѣстѣ, какъ прежде... это идетъ страшно-медленно... это должно идти гораздо-скорѣе. А! вотъ онъ встаетъ... вотъ онъ беретъ ее за руку... ну, ну, впередъ!.. они все еще находятся въ томъ же положеніи... Праведное Небо! онъ взялся за шляпу... онъ... уходитъ!

Родители спѣшатъ къ дочери. Густхенъ, громко рыдая, бросается отцу на шею; мать, воздѣвъ руки къ небу, грозно восклицаетъ:

— Мщеніе!

Въ Густхенъ она сама была задѣта за живое; ни одно отвергнутое любящее существо не было въ-состояніи чувствовать такое бѣшенство, какое овладѣло казначейшею. Это-то и доказывало тайную связь между матерью и дочерью, связь, которую не разъяснила наука.

— Онъ болванъ, болванъ! ворчалъ раздосадованный отецъ. — Онъ глупецъ, попираетъ ногами свое счастье... ну, хорошо же, хорошо... узнаетъ же онъ это!

— Мщеніе, мщеніе! безпрестанно жужжала приведенная въ негодованіе мать самымъ низкимъ голосомъ. — Негодяй! онъ долженъ бы радоваться тому, что можетъ породниться съ такимъ почтеннымъ семействомъ, а онъ... да́, это ужь, просто... не-уже-ли онъ думаетъ, что можетъ шутить съ нами, дерзкій! Не-уже-ли онъ думаетъ, что съ насъ довольно и того, что онъ ухаживаетъ за нами? Да и ты, Густхенъ, ты вела себя вовсе не такъ, ка́къ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, можешь повѣрить моей опытности, ты никогда въ жизни не выйдешь замужъ, если ты доживешь даже до ста лѣтъ. Съ мужчинами должно вести себя холодно, всегда свысока... посмотри: вотъ такъ!

Она гордо выпятила грудь, замахала носовымъ платкомъ и съ невыразимымъ презрѣніемъ повернулась спиною къ Амаліи, которая также присутствовала при этой сценѣ. Затѣмъ она обратилась къ своему супругу и твердо произнесла:

— Ты знаешь, ка́къ ты долженъ поступить теперь?

Между-тѣмъ регистраторъ пришелъ къ себѣ домой. Вся сегодняшняя исторія казалась ему чрезвычайно-странною; онъ не могъ понять въ ней рѣшительно ничего. Ему, пришло, правда, случайно въ голову, что на него смотрѣли какъ на жениха, но онъ вовсе не думалъ серьёзно останавливаться на этой мысли, чему въ-особенности препятствовала наводящая ужасъ арія изъ волшебной флейты, которая все еще занимала въ его душѣ главное мѣсто и не позволяла ему успокоиться.

Чтобъ разсѣять непріятныя впечатлѣнія вечера, онъ взялъ свою любимую скрипку, къ которой обыкновенно прибѣгалъ въ подобныхъ случаяхъ. Небольшой ключикъ быстро повернулся, регистраторъ открылъ

Digitized by Google

футляръ: вотъ лежала она, его старая, его единственная, всегда-вѣрная подруга.

Ка́къ хорошо сложена она! что́ за высокая грудь! съ какимъ вкусомъ украшенъ цвѣтами и перламутромъ ея грифъ! Когда всѣ оставляли его, она его не оставляла, она неизмѣнно раздѣляла съ нимъ опасности жизни, страданія, которыя онъ перенесъ; она утѣшала и ободряла его, когда онъ приходилъ въ отчаяніе. Она прильнула къ его душѣ, охватила всѣ его чувства и желанія. Все, рѣшительно все въ мірѣ можетъ онъ повѣрить ей. Она разрѣшаетъ сомнѣнія, возникающія въ его душѣ, она успокоиваетъ его бурныя чувства, она разсѣваетъ его отчаяніе. О! она его другъ, его сестра, его возлюбленная; ея груди ввѣряетъ онъ свое горе и свою радость, въ ней онъ всегда находилъ сочувствіе, котораго искалъ.

Они были связаны другъ съ другомъ неразрывными узами; тихая скрытая симпатія образовала изъ нихъ то́, чѣмъ они теперь были; и когда смерть отзоветъ его, то и изъ ея струнъ исчезнетъ таинственный духъ и неразрушимая печать безмолвія скуетъ ея уста.

«Приди же ко мнѣ» сказалъ онъ, набожно вынимая изъ кельи свою скрипку, «и освободи меня и сегодня отъ неудовольствія. Ты улыбаешься? Хорошо же, увидимъ, правда ли, что тебѣ не стоитъ большаго труда разсѣять меня... Я долженъ предварить тебя, что я сильно разстроенъ; меня жестоко оскорбили; я сталъ, просто, фальшивою квинтой и октавой».

Окна его комнаты были открыты и вскорѣ теплый воздухъ лунной ночи огласился тихими звуками. Одинокій прохожій и любовная чета, гулявшіе по улицѣ, остановились и стали прислушиваться. Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ тамъ-и-сямъ показались головы, которыя, позволяя ночному зефиру играть ихъ волосами, внимательно слушали чудные звуки.

— Это играетъ старый регистраторъ, который живетъ тамъ, наверху, подъ крышей, сказалъ одинъ изъ проходившихъ. — Онъ часто играетъ по вечерамъ.

— А пріятно слушать, замѣтилъ его спутникъ.

— Да вѣдь онъ только фантазируетъ, возразилъ первый, и они пошли своей дорогой.

— Какое странное впечатлѣніе производятъ эти звуки, если слышишь ихъ издалека, шопотомъ произнесла молодая дѣвушка, шедшая съ своимъ возлюбленнымъ подъ-руку.

— Постой! вполголоса воскликнулъ онъ, останавливаясь: — да́, это адажіо Бетховена, которое играющій самъ переложилъ на скрипку. Дѣйствительно, это пріятно послушать... постоимъ еще немного. Вотъ! онъ

Digitized by Google

переходитъ въ другой темпъ; онъ фантазируетъ на тему: Присядемъ здѣсь на скамейкѣ и послушаемъ его...

Около полуночи только, когда ночной сторожъ съ башни протрубилъ урочный часъ на всѣ четыре стороны свѣта, замолкли звуки, вылетавшіе сверху изъ комнаты, на чердакѣ. Регистраторъ нѣсколько спустилъ струны и отправилъ своего друга на покой.

«Да, еслибъ тебя не было у меня» сказалъ онъ, нѣжно и заботливо укладывая віолу: «о, еслибъ тебя не было у меня!..»

И, еще разъ обративъ на нее взоръ, полный тихой любви, онъ заперъ ея жилище...

Наступилъ понедѣльникъ. Акты, касающіеся ѣздоваго, не отъискались еще; предписанія недоставало также. Въ то время, когда регистраторъ шелъ по корридору, онъ увидѣлъ издали казначея, выходившаго изъ комнаты президента. Ему показалось также, когда онъ случайно посмотрѣлъ въ окно, что ѣздовой Пистъ бродилъ около присутственнаго зданія. Совѣтникъ фон-дер-Позе, занятый какимъ-то должностнымъ дѣломъ, не явился на службу. Такимъ образомъ день прошелъ, не случилось ничего замѣчательнаго, не было никакого повода къ неудовольствію.

Но какъ душно, какъ тягостно въ комнатахъ! Сонливое послѣобѣденное время простираетъ свою власть надъ всѣми, налагаетъ оковы на весь міръ. Тихо и безмолвно сидятъ у своихъ столовъ чиновники присутственнаго мѣста, погруженные въ разрѣшеніе задачъ своей службы. Никто изъ нихъ почти не движется, никто не говоритъ ни съ кѣмъ, никто не заботится о своемъ сосѣдѣ. Изрѣдка лишь напоминаютъ о присутствіи живыхъ существъ глубокій вздохъ, легкій шорохъ шаговъ ищущаго какія-нибудь дѣла, или шумъ, произведенный чиновникомъ, который съ озабоченнымъ видомъ третъ рукою лобъ. Всѣ они безмолвны, неподвижны, безучастны, и только пыль составляетъ связь между ними.

Пыль, этотъ необходимый элементъ всѣхъ пространствъ, въ которыхъ помѣщаются дѣла и присутственныя мѣста, пыль связуетъ собою здѣсь разобщенное, пыль окружаетъ неразрывными узами безмолвнаго взаимнаго пониманія все то, что посвятило себя службѣ.

Должностную пыль нельзя смѣшивать ни съ пылью большой дороги, которая крупными зернами летитъ въ лицо путешественника, ни съ пушистою пылью уютной жилой комнаты, которую каждое утро сметаетъ служанка, ни съ полевою пылью, которою шаловливо играетъ вѣтеръ, ни съ пылью песчанаго морскаго берега, которую сноситъ ураганъ и кружитъ въ воздухѣ. Нѣтъ! должностная пыль—изготовлен-

Digitized by Google

ная; пыль образованная, тонкая и легкая и непобѣдимая; она не влетаетъ съ улицы въ окна и двери, но самое присутствіе—мѣсто ея рожденія; она нѣкоторымъ образомъ производится сама-собою; въ-отношеніи другихъ, она не знаетъ никакой пощады; никакого сожалѣнія; она проникаетъ всюду, насмѣхаясь надъ щеткою и пыльною тряпкою; это могучее связующее средство ложится всюду на людей и на вещи; и даже кусты бузины и геранія, душистыхъ и цвѣтущихъ растеній; которые поставилъ на свой столъ регистраторъ, какъ-то безсознательно-чувствовавшій страстную жажду жизни и цвѣта, даже и эти кусты покрыты легкою пылью.

Пыль, эта въ-особенности же любитъ акты; съ ними она съ незапамятныхъ временъ заключила какое-то внутреннее соглашеніе; она не только покоится на ихъ переплетахъ, но и забирается въ ихъ внутренность, въ ихъ содержаніе, и пожелтѣвшіе листы, которые ревностно пересматриваетъ труженикъ, которые приводятъ въ восторгъ испытателя, цвѣтомъ своимъ обязаны этой пыли.

Пусть она покоится; не трогайте ее тамъ, гдѣ она покойно лежитъ! Вѣдь она непокорная; и если вы станете рыться въ ящикахъ, то она подымется легкимъ облакомъ, будетъ рѣзвиться въ солнечномъ лучѣ, проникающемъ сквозь дурно-занавѣшенное окно, будетъ смѣшиваться съ воздухомъ, которымъ вы дышете, и спустя столько-то лѣтъ вашъ мутный взоръ, ваша впалая щека скажутъ вамъ, какой врагъ омрачилъ зрѣніе вашихъ глазъ, какой злой духъ болѣзненно стѣснилъ вашу грудь...

Наступилъ вечеръ, пробило семь часовъ и чиновники присутственнаго мѣста вдругъ оживились, какъ-бы отъ прикосновенія волшебнаго жезла. Вечеръ—волшебникъ, добрая фея въ этомъ царствѣ терзаемыхъ духовъ. Лишь только жезлъ его коснулся этого міра сна, лишь только затихъ послѣдній ударъ колокольчика, возвѣстившій седьмой часъ, какъ въ сонныхъ проникла живая, бодрая жизнь. Они стали двигаться; они встали; они начали громко разговаривать; они нюхали табакъ; они смѣялись; они острили; они даже закурили сигары.

Потомъ они взяли шляпы и палки, вычистили щеткою, заведенною на общій счетъ, пыль съ сюртуковъ и весело вышли изъ комнатъ.

Съ какою-то особенною смѣлостью были отворены двери, и толпы служителей закона вышли на улицу, молодые впереди, за ними старые и среднихъ лѣтъ. Не разъ ударялись двери о замокъ съ такою силою, что даже трещало зданіе, и въ корридорахъ и на лѣстницахъ снова и снова раздавались быстрые, нерѣдко бойкіе шаги уходившихъ. Затѣмъ стало тихо, и пусто, и голо. Прошло только нѣсколько минутъ и все присутственное зданіе, казалось, вымерло; его можно было сравнить

Digitized by Google

съ обширною могилою, съ заколдованнымъ за́мкомъ: ни звука, ни движенія, ни вздоха подъ этими сводами.

Внизу, при главномъ входѣ, стоялъ старый сѣдой привратникъ и, въ раздумьи, смотрѣлъ въ даль. Онъ караулилъ при входѣ, чтобъ никто изъ живыхъ не нарушилъ покоя мертвыхъ, не разрушилъ чаръ волшебника. Онъ медленно ходилъ взадъ и впередъ, потомъ сѣлъ въ нишу и опустилъ голову на грудь... Выстрѣлъ раздробилъ ему плечо при Ватерлоо... и во снѣ возникли передъ нимъ прежнія битвы. Онъ снова былъ при Іенѣ, при Лейпцигѣ и при Ватерлоо. Гвардія шла на приступъ, раздавались пушечные выстрѣлы, слышался дикій громъ битвы, земля стонала: то были кровавые великіе дни!

Такъ мечталъ старикъ; а въ то время, какъ онъ мечталъ—чу! что́ за шумъ? что́ за движеніе въ за́мкѣ? Не геніи ли искусства правленія празднуютъ какое-нибудь радостное торжество въ этомъ священномъ храмѣ?.. Сколько забытаго привели эти геніи въ порядокъ! многое они взяли изъ рукъ профановъ и подчинили себѣ... сколько незначительныхъ людей они возвысили и одарили почестями и орденами!.. Послѣ этого вѣдь могутъ же они когда-нибудь и предаться веселью, небезпокоимые никѣмъ взлетѣть къ потолку комнатъ, выглянуть изъ дымовыхъ трубъ, притягивать и отталкивать другъ друга, вкушать нектаръ и рѣзвиться!.. А можетъ-быть, души убитыхъ, оскорбленныхъ начинаютъ свой танецъ мести? Сколько крови сердца пролили неумолимыя постановленія! сколько разрушили счастья! сколько сковали мыслей и дѣятельныхъ силъ! сколько дорогихъ жертвъ пота и труда было принесено на этомъ мѣстѣ року, никогда-незнавшему состраданія! Сколько благороднаго мужества и добродѣтели, которыя составляютъ украшеніе мужей, уже поглотило здѣсь пламя службы! сколько потратило добрыхъ жизненныхъ силъ!..

Однакожь, это не заколдованный за́мокъ, не могильный склепъ, а посвященное живымъ существамъ присутственное зданіе, и старикъ, караулившій внизу, непадшій въ ватерлооской битвѣ воинъ, а только инвалидъ, находившійся здѣсь на отдыхѣ.

Отчего же происходитъ этотъ подозрительный, странный, непріятный шопотъ? Онъ слышится въ томъ мрачномъ углу корридора и идетъ отъ живыхъ людей. Посмотри: вонъ тамъ стоятъ двое; лица ихъ выражаютъ ненависть, ихъ движенія обличаютъ зависть и досаду.

— Что жь онъ тебѣ сдѣлалъ? спрашивалъ одинъ голосъ, принадлежавшій помощнику столоначальника Фуксу.

— Что́ онъ мнѣ сдѣлалъ? возразилъ другой помощникъ, Кнепель.— —Глупый вопросъ: что́ онъ мнѣ сдѣлалъ?.. онъ мнѣ мѣшаетъ.

Digitized by Google

— Мнѣ также! воскликнулъ первый: — мнѣ онъ также мѣшаетъ.

— Какимъ образомъ?

— Я его терпѣть не могу, я ненавижу его; онъ пристаетъ къ дочери казначея, а на ней хочу *я* жениться. Да́, *я* хочу жениться на ней, и пусть она десятью годами старше меня, что́ мнѣ въ томъ? Если она сдѣлается моею, то моя будущность обезпечена совершенно.

— Это разумная точка зрѣнія, сказалъ Кнепель: — я знаю все и потому довѣряю тебѣ мою тайну. Мы помогаемъ другъ другу; потому-что я сдѣлаюсь регистраторомъ и буду получать его жалованье, если мы свергнемъ его. Итакъ, уничтожимъ его!

— Уничтожимъ его! повторилъ другой.

— Уничтожимъ его! раздалось подъ пустынными сводами корридора.

— Но какимъ образомъ? въ раздумьи спросилъ Фуксъ.

— Это чрезвычайно-легко, возразилъ ассистентъ Кнепель.—Я перепутаю у него всѣ дѣла, тогда онъ разбитъ совершенно, тогда онъ не найдетъ ничего и, кромѣ-того... потомъ, посмотри-ка!

При этихъ словахъ онъ спряталъ руку въ боковой карманъ сюртука и досталъ оттуда бумагу.

— Посмотри-ка: вотъ министерское предписаніе о ѣздовомъ, предписаніе, которое *онъ* затерялъ. Я взялъ его и еще сегодня вечеромъ сожгу. Пистъ человѣкъ хорошій, можетъ также когда-нибудь оказать услугу... я знаю его... а до регистратора мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Пусть онъ заботится о себѣ какъ знаетъ; у меня жена и дѣти, а у него нѣтъ ихъ, онъ одинокій. Мы голодаемъ... я свергну его. Четыреста талеровъ въ годъ — вотъ все, что́ мнѣ нужно. Каждому своя рубашка къ тѣлу ближе, а за четыреста талеровъ можно что-нибудь и рискнуть.

— Хорошо, я готовъ помогать тебѣ въ этомъ! воскликнулъ другой, перебивая своего собесѣдника.

— Прекрасно! шопотомъ произнесъ Кнепель, стиснувъ зубы.—Въ такомъ случаѣ, дѣйствуй!

— Да́! Но какимъ образомъ?

— Не-уже-ли же мнѣ учить тебя? Когда ты станешь подносить совѣтнику фон-дер-Позе, или кому-нибудь изъ нихъ, бумаги къ подписанію, то ты случайно и скажи что́-нибудь дурное о регистраторѣ. Не-уже-ли же ты забылъ, какъ онъ иногда выражается о рабствѣ и свободѣ и подобныхъ предметахъ?

— Но вѣдь это еще не преступленіе, замѣтилъ другой. — Послушай, Кнепель, за это я не берусь.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ ты смѣло можешь выбросить Густхенъ изъ своей головы... потому-что онъ выхватитъ ее у тебя изъ-подъ носу— въ этомъ ты можешь быть вполнѣ увѣренъ, возразилъ собесѣдникъ.

— Однакожь, чортъ возьми! не могу же я, просто, клеветать на него!

— Не можешь, если не хочешь жениться на Густхенъ, презрительно замѣтилъ Кнепель.

Влюбленный молчалъ и предавался раздумью.

— Баба! воскликнулъ Кнепель убѣдительнымъ тономъ. — Теперь я знаю довольно: ты трусъ, ты ни на что не можешь рѣшиться для...

Въ эту минуту на лѣстницѣ показался сторожъ, отправлявшійся запирать комнаты присутствія. Бренча своею связкою ключей, онъ тяжелою походкою двинулся по корридору, и заговорщики исчезли на цыпочкахъ, тихо, незамѣченные.

Въ это время регистраторъ стоялъ у окна своей небольшой комнаты и смотрѣлъ на сѣрое небо. Шелъ проливной дождь и нечего было думать объ обыкновенной вечерней прогулкѣ.

«Да! въ такомъ случаѣ надобно еще поработать немного» пробормоталъ онъ про-себя: «больше ничего не остается дѣлать...»

Съ этими словами онъ вынулъ листъ разлинованной бумаги, образецъ какого-нибудь увѣдомленія или списка, непонятнаго для разсудка, непосвященнаго, придвинулъ къ окну столъ, на которомъ находились всѣ матеріалы для письма, и принялся наполнять клѣтки чуднаго листа различными цифрами, знаками и примѣчаніями.

Написавъ строчки двѣ, онъ подперъ рукою голову и черезъ листъ снова посмотрѣлъ въ окно. Не видно было ни малѣйшаго клочка отрадной синевы; грустныя ровныя сѣраго цвѣта облака покрывали кругомъ все небо и дождь все продолжалъ идти.

«Что за мучительную жизнь я веду! сказалъ про-себя регистраторъ, снова принимаясь за письмо. «Кому на свѣтѣ принесетъ какую-либо пользу этотъ списокъ, который я приготовляю? кто, за исключеніемъ нашего должностнаго мѣста, спроситъ о томъ, стоятъ ли тутъ эти цифры или нѣтъ? Я выравниваю этотъ сухой скучный людъ въ строй, какъ солдатъ, глаза направо, а врага и нѣтъ, котораго имъ слѣдовало бы побѣдить, а еще менѣе друга, который былъ бы искренно къ нимъ привязанъ. Еслибъ можно было быть дѣйствительно-полезнымъ своимъ ближнимъ, помогать имъ или радовать ихъ, это было бы, я думаю, истиннымъ блаженствомъ. Если я хорошенько раздумаю, то только привычка удерживаетъ меня при этой работѣ, которую можно сравнить лишь съ работою невольниковъ. Развѣ работа, которою я за-

Digitized by Google

нять, не самаго грубаго рода, и видѣлъ ли я когда-либо ея плоды? да и вообще приноситъ ли она плоды — не знаю.»

Онъ сложилъ работу и съ досадою всталъ съ своего мѣста. Щеглёнокъ въ клѣткѣ съ любопытствомъ вскочилъ на самую верхнюю перекладину и повертывалъ къ господину свою пеструю головку. Герхардъ подошелъ къ нему и сказалъ:

«Птичка моя! ты также находишься въ плѣну, но ты моя радость, и я заботусь о тебѣ, а до меня кому есть дѣло. Кто заботится обо мнѣ? Пропой мнѣ что-нибудь, моя птичка: мнѣ грустно!»

И щеглёнокъ выпустилъ изъ клюва конопляное сѣмечко, которое онъ только-что взялъ, и запѣлъ изо всѣхъ силъ; онъ пѣлъ такъ беззаботно, такъ громко, что отъ его пѣнія становилось весело на душѣ. Вдругъ ярко-красный лучъ проникъ въ окно: то былъ лучъ вечерняго солнца, которое одержало побѣду въ битвѣ въ природѣ. Дождь изсякалъ и облака быстро разсѣвались по сторонамъ, а солнце въ полномъ великолѣпіи стояло на ясномъ небосклонѣ, при закатѣ щедро надѣляя міръ свѣтомъ и надеждою.

Такъ мрачный день заключился яснымъ вечеромъ, и мирно наступила тихая ночь съ ея вѣчными звѣздами...

На другой день товарищъ по службѣ Лакъ снова взялъ подъ-руку спѣшившаго совѣтника фон-дер-Позе и шепотомъ сказалъ ему:

— Товарищъ, не спѣшите такъ и оставьте Писта въ покоѣ. Послушайтесь моего совѣта!

— Сегодня вы ошиблись, мой почтеннѣйшій, возразилъ фон-дер-Позе: — о перемѣщеніи получено уже приказаніе высшаго начальства; я только забылъ сказать вамъ это намедни.

— Право? улыбаясь, произнесъ старый чиновникъ.—Я также читалъ министерское предписаніе, я еще помню его вполнѣ; въ немъ сказано было: такому-то присутственному мѣсту предоставляется дать Писту другое назначеніе. Какимъ же образомъ можно, при нѣкоторомъ размышленіи, найти въ этихъ словахъ приказаніе или только согласіе на перемѣщеніе Писта? Товарищъ, извините меня, но вы въ этихъ вещахъ почти не знаете и азбуки. *Предоставляется*, въ настоящемъ случаѣ это значитъ: присутственное мѣсто можетъ перевести Писта, если оно хочетъ; но это будетъ несовсѣмъ-то пріятно, потому-что Пистъ имѣетъ хорошую протекцію; и если присутственное мѣсто всетаки переведетъ его, то этотъ поступокъ не пройдетъ даромъ—въ этомъ оно можетъ-быть увѣрено. Вѣдь это ясно, какъ день, любезный товарищъ, поразмыслите-ка объ этомъ.

Digitized by Google

И съ этими словами онъ ускользнулъ отъ своего собесѣдника.

Совѣтнику фон-деръ-Позе приходилось бороться съ весьма-непріятнымъ чувствомъ. Несмотря на то, онъ рѣшился дѣйствовать энергически; иначе что́ могъ бы думать господинъ президентъ, съ которымъ онъ ужь переговорилъ обо всемъ дѣлѣ? Регистраторъ непремѣнно долженъ былъ подвергнуться служебной отвѣтственности.

Вотъ почему совѣтникъ фон-дер-Позе удалился въ свою должностную комнату, позвонилъ и, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, приказалъ позвать регистратора.

Когда послѣднему передано было приказаніе, онъ подумалъ: «А, уже? Развѣ дѣло дошло ужь до того? Ну, дѣлать нéчего! отбрось страхъ, сердце, и вооружись твердостью! Если ужь не можетъ быть иначе, то пусть будетъ что́ будетъ; но они не услышатъ отъ меня просьбы о милости; моя совѣсть спокойна и я не стану унижаться». Онъ всталъ съ своего мѣста и твердыми шагами пошелъ къ допросу. Подошедши къ комнатѣ, онъ на минуту еще остановился передъ дверью и перевелъ духъ. Затѣмъ онъ постучался и вошелъ.

Совѣтникъ фон-дер-Позе величественнымъ движеніемъ руки указалъ на стулъ и важно произнесъ:

— Садитесь!.. такъ!.. Вы должны дать отчетъ по нижеслѣдующимъ пунктамъ:

Вопервыхъ, въ исчезновеніи актовъ и предписанія;

Вовторыхъ, мы узнали изъ совершенно-вѣрнаго источника, что ваша жизнь внѣ службы въ нравственномъ отношеніи неприлична...

— Что́ вы хотите этимъ сказать, господинъ совѣтникъ? съ удивленіемъ спросилъ Герхардъ.

— Позвольте мнѣ кончить, любезнѣйшій! Вы, конечно, знаете, какъ надобно понимать мои слова; вы знаете, что мы не можемъ допустить, чтобъ наши чиновники вторгались въ почтенныя фамиліи и разрушали семейное счастіе.

Втретьихъ, ваше политическое направленіе не таково, какое требуется службою. Все хорошо такъ, ка́къ оно есть и ка́къ оно устроено. Подчиненные не должны имѣть личныя мнѣнія о заведенномъ порядкѣ; они должны заботиться единственно лишь о службѣ.

Вчетвертыхъ: несмотря на то, что вы должны посвящать себя совершенно службѣ, какъ дѣлаю и я, васъ встрѣчали гуляющимъ въ должностное время; кромѣ-того, вы много играете на скрипкѣ... какъ?.. не на скрипкѣ?.. ну, на чемъ же?.. на альтѣ? Что это альтъ? ну, да это все-равно, это неприлично и не приноситъ никакой пользы...

Digitized by Google

— Извините, замѣтилъ Герхардъ, перебивая совѣтника, въ сильномъ волненіи: — о другомъ я не говорю ни слова; но что касается моей віолы, господинъ совѣтникъ... кто нападаетъ на мою віолу, тотъ нападаетъ на мою жизнь, и я, видитъ Богъ! не допущу до этого.

Совѣтникъ фон-дер-Позе вытаращилъ глаза, значительно поднялъ брови и, въ недоумѣніи, смотря на регистратора, сказалъ:

— Я имѣю въ виду только васъ, а не какихъ-нибудь постороннихъ лицъ. Если особа, о которой, кажется, *вы* говорите, принадлежитъ къ вашей роднѣ или, пожалуй, къ числу тѣхъ, на которыхъ я уже намекнулъ во второмъ пунктѣ, въ такомъ случаѣ...

— Вы не такъ понимаете меня! возразилъ Герхардъ, перебивая его. — Я вовсе не говорю о моей родственницѣ, я говорю только о моей віолѣ: она для меня дороже всего на свѣтѣ; она составляетъ для меня все, и я никогда, никогда не разстанусь съ нею.

— А!.. Такъ! тихо замѣтилъ совѣтникъ. — Віола! Гм.! гм! вѣроятно, особа, находящаяся при театрѣ?

Затѣмъ онъ громко присовокупилъ:

— Развѣ она у васъ въ квартирѣ?

— Конечно, а то гдѣ же ей быть?

— Послушайте, господинъ регистраторъ, я, однакожь, долженъ вамъ сказать, что это чрезвычайно-дерзкій поступокъ съ вашей стороны. А жильцы дома, въ которомъ вы живете, и ваши родные знаютъ объ этомъ?

— Какъ же имъ не знать этого? воскликнулъ Герхардъ: — я занимаюсь открыто, я никогда не дѣлалъ изъ этого тайны.

— И не-уже-ли никто изъ жильцовъ не изъявлялъ на это досады? не-уже-ли никто изъ нихъ не считалъ этого неприличнымъ?

— Этого ужь я не знаю, возразилъ Герхардъ:—вѣроятно, имъ это несовсѣмъ-то пріятно, и очень можетъ быть, что это иногда безпокоило ихъ.

«Непозволительная связь! бормоталъ про-себя совѣтникъ. «Этого нельзя допустить!»

— Непозволительно? воскликнулъ Герхардъ, перебивая его.—Какъ же можетъ быть непозволительно то, что составляетъ мою радость, за чѣмъ я отдыхаю, что меня успокоиваетъ... вѣдь у меня ничего нѣтъ другаго на свѣтѣ. Господинъ совѣтникъ! извините, вамъ чужды подобныя чувства; я вполнѣ вамъ вѣрю, что вы не понимаете моей страсти, и потому я не стану болѣе оправдываться. Но я также не позволю, чтобъ мнѣ дѣлали за это выговоры, потому-что, сколько мнѣ кажется, рѣчь идетъ только о частномъ дѣлѣ, которое...



Digitized by Google

— Да́, частное дѣло, частное дѣло! воскликнулъ совѣтникъ, прерывая его.—Я только удивляюсь тому, что вы такъ смѣло компрометируете себя передо мною. Во всякомъ случаѣ, ваше дѣло приняло отъ этого открытія столь серьёзный оборотъ, что я въ настоящую минуту долженъ пріостановить вашъ допросъ и обратиться къ королевскому полицейскому управленію съ просьбою: произвесть болѣе-точныя разъисканія. Вы можете идти теперь.

Съ этими словами онъ частью презрительно, частью съ негодованіемъ указалъ рукою на дверь. Герхардъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и, покачавъ головою, вышелъ изъ комнаты.

Въ регистратурѣ царствовало особенное тоскливое ожиданіе, какое-то странное волненіе.

— Ужь онъ теперь пропащій человѣкъ! шопотомъ произнесъ счетчикъ на ухо своему помощнику, сбоку взглянувъ на регистратора.

— Дѣло-то приняло непріятный оборотъ, вполголоса замѣтилъ журналистъ:—фон-дер-Позе жестоко отдѣлалъ его.

— Да, да́, ужь напали же они на него! Впрочемъ, вѣдь въ немъ не Богъ-знаетъ сколько и толку, пробормоталъ какой-то помощникъ столоначальника съ важнымъ видомъ. — Онъ, собственно говоря, никогда не дѣлалъ такъ, какъ слѣдуетъ.

«Кто-то займетъ его мѣсто?» подумалъ про-себя другой чиновникъ, но онъ не сказалъ этого вслухъ, а только раздумывалъ про-себя; открывающаяся вакація есть и всегда останется однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ мірѣ чиновническомъ. Сосѣдъ его, какъ-бы по тихому соглашенію съ нимъ, проходилъ тѣ же пути мысли и разсуждалъ про-себя:

«Посмотрите, это мѣсто схватитъ непремѣнно Кнепель, собака!.. сломить бы ему себѣ шею!..

Съ регистраторомъ не заговорилъ никто. Всѣ холодно и принужденно, даже съ неуваженіемъ, обращались съ нимъ, съ своимъ товарищемъ по службѣ, который всегда былъ любезенъ съ ними и столько лѣтъ раздѣлялъ съ ними работу, труды и страданія; звѣзда его начинала угасать. Длинный секретарь, въ синихъ очкахъ, бросилъ бумагу, въ которой онъ болѣе не имѣлъ надобности, небрежно на столъ регистратора, такъ-что едва не опрокинулъ чернильницу, и даже сторожъ не поклонился регистратору, подавая ему вновь-поступившія бумаги.

Около полудня сцена измѣнилась. Въ комнату регистратора вошелъ ассессоръ и потребовалъ какую-то бумагу; затѣмъ вошелъ совѣтникъ



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

B'D OCT 1 01

29.50

10

Digitized by Google

Digitized by Google